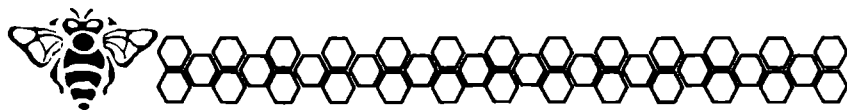

РУССКИЙ ЯЗЫК
КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ
(1985–1995)

STUDIA PHILOLOGICA

Институт русского языка
Российской академии наук

РУССКИЙ ЯЗЫК
КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ

(1985 — 1995)

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

Коллективная монография

Авторы: В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова,
Е. А. Земская, Н. Е. Ильина, М. В. Китайгородская, Е. В. Какорина,
Л. П. Крысин, Н. Н. Розанова

Ответственный редактор:
доктор филологических наук Е. А. Земская

Рецензенты:
доктор филологических наук Т. М. Николаева
кандидат филологических наук Н. А. Николина

Р 89 **Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – 2-е изд. –**
М.: «Языки русской культуры», 2000. – 480 с.
ISBN 5-7859-0124-2

Написанная коллективом ведущих специалистов в области русистики, книга посвящена изучению активных процессов, происходящих в русском языке на рубеже 80—90-х годов XX столетия.

Первая часть исследования охватывает семантические изменения в лексике и лексической сочетаемости, в грамматике и словообразовании, в области ударения.

Во второй части описываются современные тенденции и характерные явления в устной и письменной коммуникации: анализируются типичные городские коммуникативные ситуации — митинги, диалоги на улице, в магазине, на транспорте и др., — стилистические особенности прессы, публичных выступлений.

Книга рассчитана на специалистов в области современного русского языка, преподавателей языковедческих дисциплин в вузах, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также на всех, кто интересуется развитием и состоянием нашего языка.

ББК 81.2Р

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Е. А. Земская

Исходные положения исследования	9
Мы не нормализаторы	14
Новояз, new speak, powstowa... Что дальше?	19
Задачи работы	25
Примечания	27
Литература	29

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

О. П. Ермакова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ 32

Деактуализация значений, отражающих советские реалии	33
Деидеологизация лексики	36
Политизация некоторых групп лексики	39
Деполитизация некоторых политических терминов	42
Активизация одной семантической модели, выражающей оценку личности как общественного явления	43
Метафоризация как средство выражения оценки общественно-политической ситуации	45
Разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой	60
Примечания	63
Литература	65

ГЛАВА II

Е. В. Какорина

ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И СОЧЕТАЕМОСТИ (на материале языка газет) 67

Особенности употребления лексики пассивного фонда языка	67
Использование историзмов и архаизмов	67
Использование высокой книжной лексики	70
Использование конфессиональной лексики	71
Особенности употребления жаргонной лексики	79
Деспециализация терминов	84
Примечания	87
Литература	88

ГЛАВА III

Е. А. Земская

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА . . 90

Ключевые слова как базовые основы словопроизводства	92
Имена лиц собственные — базовые основы словопроизводства	99
Производство нарицательных имен лиц	103
Активность наименований процессов (существительные с суфф. -изаций-)	107
Рост именной префиксации	110
Наименования предметов	118

Аббревиация как средство экспрессии	120
Суффиксальное производство имен прилагательных	124
Производство глаголов	126
Окказионализмы. Игры со словом	128
Выводы	138
Примечания	139
Литература	140

ГЛАВА IV

Л. П. Крысин

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ	142
Условия активизации употребления иноязычной лексики	142
Причины иноязычного заимствования	146
Особенности функционирования иноязычной лексики в современной русской речи	155
Примечания	159
Литература	161

ГЛАВА V

М. В. Китайгородская

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

(Состав. Устройство. Функционирование) 162

Социальные факторы языковых изменений в сфере современной экономической терминологии	162
Современная экономическая терминология. Состав. Источники формирования	167
Способы номинации, актуальные в сфере экономической терминологии	176
Системная организация экономической лексики	201
Сферы функционирования экономической лексики	213
Примечания	232
Литература	235

ГЛАВА VI

М. Я. Гловинская

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГРАММАТИКЕ

(на материале инноваций и массовых языковых ошибок) 237

Вводные замечания	237
Тенденция к ослаблению падежных функций	239
Замена падежного управления предложным Семантическая дифференцированность, достигаемая с помощью предлога	243
Обобщение функции предлога, нивелировка его лексического значения	247
Замена косвенного падежа существительного сочетанием <i>как</i> + им. пад.	262
Замена косвенного падежа существительного конструкцией с зависимым инфинитивом	264
Неправильный выбор падежа	267
Именительный вместо косвенного	267
Родительный — предложный	267
Творительный вместо сочетаний <i>в качестве</i> + род. и <i>как</i> + вин.	272
Неправильный выбор флексии	273
Нарушения в согласовании	273
Распатывание синтаксических правил, семантически не мотивированных	275

Правило кореферентности субъекта-подлежащего и субъекта синтаксического оборота	276
Запретные деепричастные обороты	277
Запретные инфинитивные обороты	289
Запретные субъектные наречные и предложно-именные обстоятельственные обороты	290
Запретный союзный присоединительный оборот	291
Правила выбора возвратных и личных притяжательных местоимений	292
Запретное <i>свой</i> вместо личного притяжательного местоимения	293
Запретное <i>свой</i> вместо нуля	297
Запретные личные притяжательные местоимения вместо <i>свой</i>	298
Возвратное местоимение <i>себя</i>	298
Заключительные замечания	300
Примечания	301
Литература	302

ГЛАВА VII

В. Л. Воронцова

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ УДАРЕНИЯ	305
Вводные замечания	305
Тенденции изменения глагольного ударения	308
Тенденции изменения именного ударения (ударение в словоформах имен существительных)	313
Процессы, связанные с активизацией употребления слов	316
Процессы, связанные с освоением заимствований	319
Примечания	324
Литература	324

ГЛАВА VIII

Н. Е. Ильина

РОСТ АНАЛИТИЗМА В МОРФОЛОГИИ	326
Вводные замечания	326
Изменения в функционировании имен	327
Употребление существительных на <i>-ин(о), -ов(о)</i>	330
Употребление словоформ <i>саму — самоё</i>	334
Функционирование глаголов	336
Глаголы I непродуктивного класса	336
Глаголы вторичной имперфективации с суффиксом <i>-ива-</i>	339
Примечания	343
Литература	343

ЧАСТЬ II

ГЛАВА IX

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (на материале языка Москвы)	345
Приметы времени в современной городской топонимике	345
Персонификация как мотив городских номинаций	347
Устная реклама, зазывы, объявления	348
Стереотипы, микродиалоги	349
Многожанровые сферы городской коммуникации	356
Приложение. Тексты	359

Примечания	381
Литература	383

ГЛАВА X

Л. П. Крысин

ЭФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ	384
Предварительные замечания	384
Определение понятия "эвфемизм"	387
Темы и сферы эвфемизации	389
Эвфемизмы в социальных сферах деятельности человека	391
Цели эвфемизации речи	391
Сферы социальной жизни, в которых используются эвфемизмы	398
Языковые способы и средства эвфемизации	400
Социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов	403
Эвфемизмы в тексте	405
Примечания	406
Литература	408

ГЛАВА XI

Е. В. Какорина

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ОБЛИК ОПОЗИЦИОННОЙ ПРЕССЫ	409
Коммуникативно-речевые особенности текстов	412
Семантико-стилистические особенности текстов оппозиционной прессы	417
Именованье и переименование	417
Ключевые слова	418
Особенности процесса переименования и состав ключевых терминов	420
Особенности процесса референции	420
Актуализаторы значения	420
Состав словаря	421
Примечания	425
Литература	425

ГЛАВА XII

Е. И. Голанова

УСТНЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ДИАЛОГ: ЖАНР ИНТЕРВЬЮ	427
Вводные замечания	427
Структурно-композиционная характеристика современного публичного диалога	429
Коммуникативные типы интервью	431
Публичный диалог и "кодекс взаимоотношений" коммуникантов	436
Проблема нормы и современная публичная речь	437
Лингвостилистические особенности жанра современного интервью	440
Приложение	442
Примечания	449
Литература	451
Принятые сокращения	453
Словуказатель	455
Contents	474
Summary	478

ВВЕДЕНИЕ

Е. А. Земская

Исходные положения исследования

1. Эта книга продолжает традиции социолингвистического изучения русского языка, осуществленного большим коллективом авторов под руководством М. В. Панова в 4-томном исследовании «Русский язык и советское общество» [М., «Наука», 1968; далее: РЯСО].

Основной теоретический постулат РЯСО был сформулирован так: «В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе — того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они — постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту» [РЯСО, 1, 24]. В этом исследовании выделено пять антиномий: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языковой системы; антиномия кода и текста; антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; антиномия двух функций языка: чисто информационной и экспрессивной [РЯСО, 1, 24—34].

В качестве основных внешних, социальных факторов развития языка в названной монографии были выделены такие: «изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и т. д., и т. п.» [РЯСО, 1, 34—35].

РЯСО было построено как исследование отдельных уровней языка: лексика; словообразование; морфология; синтаксис; фонетика. Такое поуровневое описание, отличаясь полнотой и фундаментальностью, оставяло за пределами исследования изменения в условиях функционирования языка, изменения коммуникативно-прагматического характера. Между тем период перестройки, распад СССР, крушение тоталитарной системы внесли большие изменения как раз в условия функционирования языка. Поэтому, исследуя язык 90-х годов, мы могли использовать РЯСО прежде всего как исходную точку, видя в ней базу

данных, характеризующих предшествующий этап развития языка, т. е. материал для сравнения. Мы не могли ограничиться рассмотрением изменений, характерных для различных уровней языка. Поуровневое описание было необходимо дополнить анализом коммуникативно-прагматического характера, который, естественно, связан с изучением иной проблематики и иных объектов.

2. Сказанное определило выбор изучаемого материала. Это — язык периодической печати (прежде всего — газет); устная публичная речь — радио, телевидение, митинги, собрания; живая повседневная речь — литературная разговорная и городское просторечие (неофициальные разговоры дома и на работе, на улице, в магазине, на рынке, в городском транспорте и т. д.).

Мы не ставили перед собой задачу изучения языка художественной литературы, научного и официально-делового стилей. Самую значительную часть наших материалов составляет язык средств массовой информации, ибо в нем наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка. Средства массовой информации высоко популярны, они оказывают влияние на повседневную речь и отражают ее особенности.

В конце 80-х — начале 90-х годов газеты читали больше, чем любые другие виды письменности. Телевидение смотрел и слушал весь народ. Данные опроса ВЦИОМ, проведенного в конце 1993 г., позволяют оценить уровень влияния различных средств массовой информации на аудиторию страны. «Доминирующую позицию занимает ТВ. 82% респондентов заявили, что именно телевидение является для них основным источником информации о событиях в стране. На втором месте радио (24%), на третьем — газеты (17%)» (Сер., 1994, № 19). Телевидение покоряет людей не только наличием зрительного и слухового ряда; оно покоряет и показом новостей, и показом старого, оживляющего иллюзии о «прекрасной советской жизни», и показом вневременных «мыльных опер», привлекающих изображением общечеловеческих радостей и печалей.

В статье «Сказки о потерянном времени» Ю. Богомолов так раскрывает феномен популярности старых советских фильмов и современных «мыльных опер»: «Объединяет “оперы” не художественное качество, а функция. Объединяет ориентированность на надъиторическо-го асоциального человека, каковым и был в сущности советский человек, каким в массе пока и остался.

Утопические миры Марианны или Изауры (сериалы “Богатые тоже плачут” и “Рабыня Изаура”), где все люди, кроме злодеев, братья, сродни коммунистическим утопиям и социалистическим реалиям.

Телевизор — самая замечательная машина времени из тех, что нам известны. Она подвижна и стремительна. Легко преодолевает границу между условным и безусловным» (Изв., 18.03.94).

Именно эти качества телевизора объясняют его влияние. Телесериал «Рабыня Изаура» ввел в лексикон нашего современника экзотическое словечко *фазенда* ('дача', 'загородный дом').

В часы демонстрации телесериала «Богатые тоже плачут» жизнь замирала, люди бросали все дела. Имя героини фильма Марианна получили многие новорожденные.

В 1993—1994 гг. появились «*простомарийцы*» и «*сантабарбарцы*» (зрители сериалов «Просто Мария» и «Санта-Барбара»). «Известия» пишут: «В тот момент, когда у просто Марии отшибло память, на телеэкране со своими воспоминаниями появилась Валентина Леонтьева <...> Авторы программы скромно назвали свое детище “Просто... теть Валя”». (Изв. 18.03.94).

В начале 90-х годов резко возросла популярность телерекламы. Хлесткие, иногда остроумные и афористичные, но чаще вульгарные, а порой безграмотные тексты, дополняемые популистскими зрительными образами, одних раздражают, а другим нравятся. Рекламные тексты и имена персонажей входят в речь наших современников, в язык газет¹ (напр., выражение *сладкая парочка* — из рекламы танцующих шоколадных батончиков). Н. Иванова назвала свою статью «*Сладкая парочка*» (Знамя, 1994, № 5), чем вызвала отповедь критика ЛГ за дурной вкус и приторную сладость (03.08.94).

Выражение *сладкая парочка* полюбилось журналистам. Его употребляют и по отношению к любовным парам, и по отношению к сладостям иного рода. Так, «АиФ» пишет: «Если судить по вниманию прессы, то “*Сладкая парочка*” Сташевский — Ветлицкая ни в чем не уступает другой звездной паре — Пугачевой и Киркорову» (1994, № 35). А газета «Сегодня» под заголовком «“*Сладкая парочка*” — Россия и Турция» помещает статью о сотрудничестве этих стран в производстве сахара (17.08.94.).

3. Какие же особенности характеризуют функционирование современного русского языка?

Многие явления, характерные для функционирования русского языка нашего времени, первым (насколько это нам известно) отметил еще в начале эпохи перестройки — в декабре 1985 г. — М. В. Панов [см.: Панов 1988]. Хотя он и писал о языке периодики, выявленные им тенденции характерны для разных сфер языка.

Назову основные явления, отмеченные М. В. Пановым: диалогичность; усиление личностного начала; стилистический динамизм; явле-

ния «переименования» (в широком смысле); сочетание резко контрастных стилистических элементов не только в пределах текста, но и в пределах словосочетания (словосочетания строятся как семантические и стилистические контрасты, что «сдвигает, изменяет значение слова. Оно становится метафорическим, метонимическим, сужает или расширяет свое значение») [Панов 1988, 23].

Знаменателен общий вывод, к которому приходит автор, сравнивая предшествующие десятилетия с новым временем: «В 30—60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма — это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма — это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [Панов 1988, 27].

Опираясь на суждения М. В. Панова, дополним данную им характеристику языка нашего времени указанием на некоторые иные явления и тенденции.

— События второй половины 80-х — начала 90-х годов по своему воздействию на общество и язык подобны революции.

— Резко расширяется состав участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в газеты и журналы.

— Резко ослабляется, даже можно сказать рушится, цензура и автоцензура. Люди начинают говорить и писать свободно, причем не только дома, на улице, в очереди, но и по радио, телевидению, на собраниях и митингах, в газетах и журналах.

— Возрастает личностное начало в речи. Безликая и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретного адресата. Возрастает диалогичность общения, как устного, так и письменного. Это видно особенно отчетливо на примере жанра интервью. Если раньше интервьюер был безликим человеком, роль которого сводилась к задаванию более или менее стандартных вопросов (*Каковы у вас удои молока? Сколько собрали центнеров пшеницы с одного гектара?* и т. п.), то теперь в интервью участвуют два равноправных собеседника. Интервьюер может не соглашаться со своим гостем, спорить с ним, задавать ему «колкие» вопросы. Это — беседа «на равных». Вот как рядовой журналист беседует с видным политическим деятелем Е. Гайдаром (Экстра М, 11.04.94). Приведу для примера два вопроса и два ответа:

И. Вы отдаете жене все, что зарабатываете? Г. Да. И. Собственностью за рубежом располагаете? Г. Вы знаете, мы с Машей (женой) все пытаемся найти ту виллу, за которую мы якобы продали родину.

Согласитесь, что такого рода вопросы ранее было не принято задавать государственным деятелям. Об особенностях современного жанра интервью см. особую главу в этой книге.

— Расширяется сфера с п о н т а н н о г о общения не только личного, но и устного публичного. Люди уже не произносят и не читают заранее написанные речи. Они говорят. Заговорили главы государства (первым говорящим, а не читающим главой страны был М. С. Горбачев [см. Капанадзе 1992]), заговорили депутаты ВС СССР, а потом и депутаты ВС России, депутаты Государственной Думы.

— Меняются важные параметры протекания устных форм массовой коммуникации: создается возможность непосредственного обращения говорящего к слушающим и обратной связи слушающих с говорящими.

— Меняются ситуации и жанры общения и в области публичной, и в области личной коммуникации. Жесткие рамки официального публичного общения ослабляются. Рождается много новых жанров устной публичной речи в сфере массовой коммуникации (разнообразные беседы, дискуссии, круглые столы, появляются новые виды интервью и т. п.). Сухой официальный диктор радио и ТВ сменился ведущим, который размышляет, шутит, высказывает свое мнение.

Сказанное приводит к изменению основных признаков устной публичной коммуникации. На смену официального подготовленного, лишённого непосредственности общения, приходит общение неподготовленное, характеризующееся признаком публичность, но официальность которого ослаблена. Следовательно, резкая граница, которая проходила между неофициальным личным общением и общением официальным публичным, и о которой мы писали в серии книг [РРР—73, РРР—81 и др.], размывается. В публичном общении (речь радио, ТВ, митингов, собраний) возрастает степень неподготовленности и ослабляется официальность. Нельзя сказать, что такое общение ведется теперь на разговорном языке, но число разговорных, жаргонных, просторечных и иных сниженных элементов в нем резко увеличивается.

— Появляется много нового и в сфере личного общения между незнакомыми людьми (см. в этой книге раздел М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой). Меняются отношения между говорящими субъектами. Наблюдаются две противоположенные тенденции: появление чувства открытости друг к другу, чувства «общей судьбы», порождающее товарищескую солидарность / усиление отношений враждебности, агрессивности, конкуренции.

— Резко возрастает психологическое неприятие бюрократического языка прошлого (новояза).

— Появляется стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности, новые виды обращений к незнакомым.

— Наряду с рождением наименований новых явлений, отмечается возрождение наименований тех явлений, которые возвращаются из прошлого, запрещенных или отвергнутых в эпоху тоталитаризма.

Перечисленные выше социо- и психолингвистические факторы оказывают значительное влияние на особенности языка современной эпохи, на речевое поведение нашего современника. Раскованность, раскрепощенность говорящего действует на все механизмы языка — на словоупотребление и словообразование, на синтаксис, интонационное и фонетическое построение речи. Неузвальное словообразование, сниженная лексика широко используются не только в неофициальном общении и художественной речи, они получают небывалый доступ в периодическую печать, в устную публичную речь. Активизируются механизмы свободного построения дискурса. Меняется синтаксическое построение речи, особенно резко в сфере управления и некоторых видов согласования. Неподготовленность публичной речи ведет нередко к расшатыванию старых норм, способствует проявлению тенденций развития, заложенных в системе языка (см. в этой книге главы VI и VIII).

Меняется интонация устной публичной речи. Напомню для примера такую телепередачу, как «Автомиг», в которой ведущая надевает маску неофициальности, даже интимности («Здравствуйте, я Лена Шмелева»). Специфическим образом интонационно оформляется теле-, радио- и метрореклама. Возрождаются существовавшие в прошлом зазывы уличных торговцев [см. Китайгородская, Розанова 1994]. Таковы лишь некоторые из происходящих изменений.

Мы не нормализаторы

Состояние современной русской речи, изменения, происходящие в языке, обращают на себя внимание и «обычных» говорящих, и лиц, связанных с языком профессионально: журналистов, литераторов, лингвистов. В периодической печати, в научной литературе появляются статьи, авторы которых по-разному оценивают грубые ошибки в речи наших современников, саркастически называют современное состояние языка «праздником вербальной свободы» (см. И. Волгин. Печать бездарности. Пуризм и вопросы языкознания. ЛГ, 25.08.93). Другие более спокойно оценивают современный язык и призывают внимательно разобраться в том, что в нем нового, что необычного. Вл. Новиков предлагает создать особую науку «русофонию» (по образцу *франкофо-*

нии): «Русофония — веселая наука..., не претендующая на нормативность и императивность. Она ничего не диктует, а только размышляет, почему мы так говорим и пишем, так думаем и живем» (Вл. Новиков. Ошибка века. Листая словари. Сег., 04.06.93.).

Естественно, что пишут о современном языке и лингвисты. Так, Ю. Н. Караулов в статье «Великий... могучий... многострадальный...» размышляет о состоянии современного русского языка, о том, есть ли основания говорить, что русский язык гибнет [Караулов 1989, 14—15]. Он справедливо полагает, что русскому языку, имеющему многовековую историю, обладающему необозримыми ресурсами в пространстве и времени, никакая “гибель” угрожать не может. Обеспокоенность общественности имеет «три источника — средства массовой информации, язык художественной литературы, наша публичная речь» (там же). Для нашей темы особенно важен третий из этих источников, потому что период перестройки и гласности резко сменил состав лиц, говорящих публично, и сам характер публичной коммуникации (см. об этом ниже). Ю. Н. Караулов пишет: «До эпохи гласности мы в основном вели тихие диалоги, а речи с трибун звучали ритуально, как *громкая читка письменного текста* [курсив мой — Е. З.]. Язык таких речей получил у зарубежных русистов даже свое название *langue de bois* — «деревянный» или «дубовый язык» (там же, с. 15). И далее ученый так характеризует происшедшие изменения: «Как говорят, например, наши депутаты, которых слушает вся страна и русскоязычная заграница? В основной своей массе, на фоне того, что приходилось слышать 10 и 20 лет назад, говорят они неплохо. Но берусь утверждать, что все же “без ошибки” ни одних депутатских “уст” на съезде не найдешь. Где-нибудь обязательно проскочит или неверное ударение, или просторечная форма, или неуклюжее сочетание. Должен сразу сказать, что в спонтанной, неподготовленной речи это неизбежно и, более того, опытный оратор может сознательно допустить шероховатость или сделать оговорку, но все же число речевых ошибок не должно переходить в качество и влиять на восприятие содержания речи и оценку личности говорящего» [Караулов 1989, 15].

Близкую проблематику рассматривает через три года Л. А. Капанадзе [Капанадзе 1992]. Указывая на некоторые ошибки в устной речи М. С. Горбачева, она обращает прежде всего внимание на то, что он говорит публично, свободно излагает свои мысли, а не читает по бумажке. И это не может не быть оценено как явление положительное.

Я думаю, что размышления Ю. Н. Караулова и Л. А. Капанадзе справедливы. Естественно, что при чтении (или произнесении) готового,

заранее написанного текста ошибок в публичных выступлениях может совсем не быть или быть мало. В живой спонтанной произносимой речи редкий человек (даже если он опытный оратор) не допускает оговорок, самоперебивов, перестроек синтаксических конструкций. А в нашей стране в эпоху гласности публично заговорили многие люди, не имеющие опыта ораторского искусства. И, конечно, в их речи много шероховатостей и даже ошибок — нарушений норм литературного языка. Однако это не гибель русского языка, а недостаток языкового воспитания. И тревога за состояние русского языка объясняется не тем, что в эпоху посттоталитаризма люди стали говорить «хуже», чем раньше, а тем, что раздвинулись рамки публичной речи и мы услышали, как реально говорит «обычный» человек, не имеющий навыков публичной речи. Многие из прежних ораторов стали делать ошибки, потому что из «человека читающего» они превратились в «человека говорящего». См., напр., статью Ю. Богомолова «Разговорчики в прямом эфире» (Изв., 16.09.94).

Сатирически изображает выступление «человека читающего» известная песня-стихотворение А. Галича, в которой мужчина-рабочий, читая данный ему написанный заранее текст, произносит с трибуны «как мать говорю, как женщина», но никто даже не замечает нелепой ошибки. Сейчас — в свободных дискуссиях, на митингах, собраниях чтение по бумажке стало невозможно.

Заботы о судьбах русского языка, сетования по поводу тех изменений, которые в нем наблюдаются, высказываются очень многими. Этой теме посвящаются теле- и радиопередачи, статьи в газетах и журналах. Не раз звучало мнение о том, сколь велика роль русского языка в спасении русского общества, русской культуры и искусства (для примера назову интервью с Ю. Паничем — см. «Сегодня», 02.07.94).

В 1991 г. появилась книга, содержащая доклад Ю. Н. Караулова «О состоянии русского языка современности» и материалы организованной автором почтовой дискуссии, в которой приняло участие 18 ученых [см. Караулов 1991]. Представленные в этой книге мнения интересны для нас и очень показательны. Их рассмотрение позволяет сделать такой вывод: говорить о гибели, смерти, порче и т. п. русского языка нет оснований. Те, кто так говорит, не учитывают различие между языком и языковой способностью. Это мнение высказывают многие лингвисты, наиболее развернуто В. Г. Гак: «Чтобы оценить состояние русского языка, может быть, является целесообразным различать два аспекта, плохо дифференцирующиеся в русской лингвистической терминологии: структура языка (*langue*) и умение пользоваться им,

языковая способность (langage). Что касается структуры языка, то тут русскому языку ничто не угрожает. <...> Отмечается некоторое расшатывание нормы. Но это свойственно всем современным языкам, тем более “большим” языкам, на которых говорит все более этнически пестрое население, к тому же, в силу известной демократизации жизни, отношение к нарушениям нормы также изменилось. Французские лингвисты говорят даже о “плюринорме”, а ведь французский язык всегда был одним из самых «нормализованных» языков Европы» [Караулов 1991, 39—40].

Таким образом, оценивая состояние языка, необходимо разграничивать три феномена: 1) система языка, 2) языковая способность (умение говорить; Ю. Н. Караулов употребляет термин «ассоциативно-вербальная сеть»), 3) тексты на данном языке.

О. Б. Сиротинина пишет: «По-моему, ни об упадке, ни об оскудении, обеднении, тем более вырождении его [русского языка] говорить нельзя. Вмешательство, и очень серьезное, необходимо в речевую культуру общества (специальные курсы для депутатов, штрафы для ошибающихся работников радио и телевидения, квалификационные собеседования для учителей и т. д.)» [Караулов 1991, 53].

Л. П. Крысин, размышляя о связи между состоянием языка и культуры, приходит к такому выводу: «Мне кажется, главное — плохая “языковая компетенция” большинства наших русских современников. <...> Прежде всего иной должна стать повседневная устная речь тех, кто обучает, — учителей, преподавателей (не такой серой, не такой шаблонной), а этого не достичь не только без коренной перестройки вузовского преподавания, но и без глубоких изменений в духовной культурной жизни общества в целом и отдельного человека» [Караулов 1991, 51].

Соглашаясь с мнениями О. Б. Сиротининой и Л. П. Крысина, приведу еще одно высказывание В. Г. Гака по поводу сравнения языка с шахматами: «...несомненно, многие носители языка имеют суженное представление о возможностях игры. Совершается много ошибок в игре. Французский лингвист А. Рей сказал по этому поводу: «Вообразим, что раньше в данную игру играл 1% населения, а теперь — 40%. Можно ли сказать, что игра переживает кризис, если теперь средний игрок играет хуже, чем те, кто входил в первоначальное небольшое количество?» Мне кажется, что это рассуждение применимо к использованию речи в публичных ее функциях, к письменной речи» [Караулов 1991, 40—41].

Закончим этот раздел высказыванием Е. Н. Шириева, который так оценивает состояние современного русского языка: «Я думаю, что

никакого упадка, оскудения и вырождения русского языка не происходит. Происходит другое: *падает или выявляется уже падшая культура владения языком* [выделено мной. — Е. З.]. Наряду с чрезвычайно недоброкачественными текстами во всех функциональных разновидностях, и в письменной, и в устной реализации, существуют и множатся, особенно в публицистике, образцовые тексты. Именно в наше время много ярче и оригинальней проявляет себя индивидуальность языковой личности, что для языка — *первостепенно*» [Караулов 1991, 64].

Суммируя все приведенные выше мнения, можно сделать такой вывод: та «порча» языка, о которой так много пишут, затрагивает не систему языка, а языковую способность (умение говорить) и, следовательно, порождаемые тексты. Новые условия функционирования языка, появление большого числа неподготовленных устных и письменных публичных выступлений способствуют общему впечатлению о росте количества ошибок, неверных словоупотреблений и т. п.

Современный русский язык живет интенсивно, все механизмы его действуют сверхактивно. Понять и изучить процессы, идущие в современном языке, важная задача. Мы не ставим перед собой нормализаторских задач. Этим целям посвящены другие работы [см., например, такие книги, как: *Культура парламентской речи 1994*]. Наша цель — охарактеризовать современное состояние русского языка, увидеть то новое, что отличает этот этап его развития, попытаться установить связи между внутренними закономерностями развития языка и теми импульсами, которые идут от реальной жизни, от современного периода существования общества.

Очевидно, что разные факты, отмечаемые в современной речи, по-разному соотносятся с понятием «норма литературного языка». Так, производные слова, не зафиксированные словарями и грамматиками, часто могут оцениваться как средство выразительности. Например, И. Волгин в названной выше статье, защищающей пуристическое отношение к языку, выступая против ошибок, создает слово «*быдловизация*» (помещая его в кавычки). Тем самым он признает право пишущего на словотворчество. Как особенно грубые нарушения воспринимаются явления ударения и управления, не соответствующие нормам литературного языка. Однако и в них можно увидеть некие важные закономерности, ростки нового.

Новояз, new speak, nowotowa...

Что дальше?

1. Происшедшее во второй половине 80-х — начале 90-х годов крушение тоталитарных и полутоталитарных режимов в странах Восточной Европы повлекло за собой глубинные изменения в общественном сознании и в языках. Резкое различие между официальным языком тоталитарного общества и языком эпохи посттоталитаризма ощущают все. Возникает естественный вопрос, как назвать одним словом официальный язык тоталитарного общества. Убедительный ответ на этот вопрос дает М. Гловиньски в книге «Nowotowa po polsku» [Głowiński 1991].

Книга М. Гловиньского — это собрание статей, опубликованных в 1972—1988 гг. Автор одним из первых предпринял изучение указанной проблематики. Он выделяет общие черты, свойственные языку тоталитарных обществ, именно поэтому его исследование имеет значение не только для польского языка, но и для языков всех стран, переживших период тоталитаризма.

М. Гловиньски в статье «Nowotowa» (1978) пишет: «Как назвать этот язык? Языком пропаганды — исходя из цели, которой он служит? Партийным или официальным — с точки зрения его отнесенности к соответствующим организациям? Коммунистическим — исходя из идеологических взглядов?»

Недостаток этих определений заключается в том, что каждое из них обращает внимание только на одну сторону явления. Так как я ищущу название нейтральное, беру термин Г. Оруэлла nowotowa (new speak), указывающий прежде всего на новизну этого языка в сравнении с языком классическим. Эта черта не может вызывать сомнения и не преувеличивает наличие его других особенностей» [Głowiński 1991, 7].

Соглашаясь с мнением М. Гловиньского, я также буду использовать эквивалентный русский термин н о в о я з. Этот термин был употреблен при переводе антиутопии Оруэлла «1984 год» [Orwell 1949].

Публикация этого произведения на русском языке способствовала и осознанию того, в чем состояла сущность официального языка эпохи тоталитаризма, и распространению самого слова *новояз*. При переводе цитат из работ польских и других ученых я тоже буду применять термин *новояз*.

2. Что представляет собой новояз — стиль языка, речь или особый язык? Сошлюсь еще раз на мнение М. Гловиньского, который считает новояз квазиязыком. Он так аргументирует свою точку зрения: «Хотя

powotowa имеет черты функционального стиля (отбор элементов, из которых складывается стиль: репертуар форм, определенная фразеология, отчетливое предпочтение в выборе лексики) и родилась в политической публицистике, она атакует и другие сферы языка, стремится подчинить их себе, становится образцом более широкого общения и претендует на универсальность» [Głowiński 1991, 9—10].

Я считаю, что термин *квазиязык* верно отражает основные черты новояза, подчеркивая его «ненастоящность» («как бы» — *квази-*) и претензии на универсальность (язык).

Отметим, что слово *новояз* употребляется и вне связи с антиутопией Оруэлла и не всегда используется для наименования официального языка эпохи тоталитаризма. Так могут называть любые языковые новшества, отличающиеся уродливостью. Ср. такое утверждение: Слово «памперс» в магазине обихода стало уже нарицательным. Как например, слаксы, лосины и прочий «новояз» («Тверская, 13», 28.05—03.06.93).

З. Выше было показано, что для нашего времени характерна плохая «языковая компетенция» значительной части общества. Но важно и другое: влияние тоталитарного режима и рожденного им новояза на различные сферы функционирования русского языка. Это обстоятельство (не употребляя термина *новояз*) отмечали многие участники почтовой лингвистической дискуссии.

В. П. Григорьев пишет: «70 лет наблюдается стремление свергнуть язык в крепостное состояние. <...> “Дубовость” языка — непреложное языковое следствие политики, при которой “оппонентов не держали”, а язык старались обратить в “идеологическую собственность” (вспомним иезуитство Сталина, “освободившего” язык от оков “надстройки”). “Мастер и Маргарита” или Хлебников сколько лет дожидались своего часа?» [Караулов 1991, 44].

Ю. Д. Апресян, считая, что падение речевой культуры вызвано рядом факторов, первым среди них называет такой: «семьдесят лет идеологического насилия над культурой. <...> Кургузая гласность, так и не ставшая свободой слова, дала преимущество “образованщине” — веряшливому газетному репортажу, дремучим парламентариям, государственным органчикам всех рангов. Вынужденные в условиях гласности говорить спонтанно и абсолютно не способные говорить спонтанно из-за недостатка мыслей и слов, они плодят языковые химеры, которые через радио, телевидение и газеты врываются в каждый дом» [Караулов 1991, 38].

Близкие мысли излагает В. Е. Гольдин: «Думаю, что в форме критики состояния русской речи выступает сейчас прежде всего *критика*

общества [выделено мной. — Е. З.], ставящего перед говорящими такие цели, что они подчас легче достигаются речью формальной и скудной, чем живой и богатой <...>.

Чувство “оскудения” речи, по-видимому, вызывается, во-первых, тем, что зона официального общения с присущими ему сильными ограничениями, налагаемыми на выбор языковых средств, оказалась по известным причинам непомерно большой и угрожала поглотить всю область применения литературной речи. В опасности оказалось стилевое богатство русской речи, сокращались возможности проявления в речи личностного начала. <...> Во-вторых, во многих случаях официального общения демонстрация лояльности стала подавлять другие функции речи, повышая ценность уродливых и бессмысленных образований, лишь бы они служили символом “п р а в о в е р н о с т и” [выделено мной. — Е. З.]. Происходило “функциональное оскудение” официальной речи» [Караулов 1991, 42].

Итак, идеологическое насилие над обществом, породившее новую (langue de bois) — одна из важнейших причин оскудения речи.

4. Многочисленные исследования свидетельствуют, что в языковых процессах, происходящих в разных странах Восточной Европы, наблюдается много общего. Показательны в этом отношении материалы нескольких международных симпозиумов: по лексикологии — Гейдельберг, 1991 [Aufbau... 1993]; по проблемам языкового стандарта и субстандарта — Берлин, 1993 [Sprachlicher... 1994]; по изучению больших городов — Лодзь, 1994 [Wielkie miasto..., в печати]; по связям языка и культуры — Киев, 1994 [Язык и культура 1994].

Языки стран Восточной Европы периода тоталитаризма изучают ученые разных стран. Назову некоторые из этих исследований: [Seriot 1986; Weiss 1986; Głowiński 1991; Puzyrina 1992; Купина 1995].

Изменения в языках стран Восточной Европы, вызванные изменением социально-политической обстановки в этих странах, привлекают не менее пристальное внимание ученых, чем язык тоталитарного времени. Не ставя перед собой задачу дать исчерпывающую литературу вопроса, назову, кроме указанных выше, еще некоторые работы, посвященные данной проблематике: [Земцов 1989; Опыт ... 1989; Лаптева 1990; Фаевна 1990; Les medias... 1990; Земская 1991; Баранов, Караулов 1991; Какорина 1992; Китайгородская, Розанова 1993; Шмелева 1993; Китайгородская, Розанова 1994].

Рассматриваемая проблематика нашла отражение и в докладах XI Международного съезда славистов (Братислава, 1993): Moskovich W., Mossman E. *Changing Patterns in Russian Political Discours*. 1985 — Present; Ферм Л. Особенности языка газет в период перестройки.

Особое направление составляют работы, в которых показано существование в период тоталитаризма двух языков — официального языка и языка неофициального, направленного на осмеяние, демаскирование пустых, выхолощенных формул новояза [см., например: Zaslavsky, Fabris 1982; Вежбицка 1993].

5. Встает вопрос: как влияет крушение тоталитарной системы, изменения в государственном устройстве, в политике и экономике, на русский язык? Продолжает ли существовать новояз или он уступил место иным формам языкового общения? Зарождается ли новая система средств выразительности, новые типы речевой деятельности, новые виды номинаций?

Наблюдения показывают, что новояз не сразу сходит со сцены. Многие люди еще не смогли порвать его путы и начать говорить и писать свежим языком. Рефлексы новояза, особенно из сферы фразеологии, расхожих формул, лозунгов, призывов, цитат не сходят со страниц газет, с экранов телевизора. Широко употребительны они — часто в ироническом ключе — и в устной речи наших современников. Редкий разговор обходится без иронических отзвучков новояза. Вот несколько примеров из множества возможных:

(1994 г., разговор двух немолодых женщин-филологов об их общей знакомой, чуждой им по духу) А. Она мне человек чужой // Б. Я это называю «два мира — две системы»;

(1990 г.: разговор врача 50 л. с пациенткой 60 л.) В. Ну как желудок? Нормально работает? П. Не жалуюсь. В. *Продовольственную программу выполняет?*

Пародирование, вышучивание, травестирование официальной фразеологии, лозунгов, призывов, всем известных цитат, названий марксистско-ленинских статей и книг — одно из самых частых средств выразительности в современной публицистике [см. об этом подробнее: Земская. В печати]. Текст сугубо официальный, идеологически нагруженный, известный всем деформируется вставкой элементов иных тематических пластов, иной идеологической ориентации и приобретает пародийное звучание².

Особую роль в развенчании официальной политической речи играл и играет жаргон и та его разновидность, которую называют словом *стеб*³. А. Агеев пишет: «Что такое стеб, все более или менее знают; грубо, приблизительно говоря, это специфический язык, на котором общалась интеллигентская и молодежная тусовка в 70—80 годы. Андрей Вознесенский тогда писал:

«Когда спекулянты рыночные /прицениваются к Чюрленису,/ поэты уходят в рыцари /черного ерничества».

<...> ерничество и стеб были тогда противопоставлены официальному политико-патетическому жаргону, а заодно и всему “великому русскому языку”, позволившему себя редуцировать до партийного “новояза”. Это была своеобразная культурная самооборона, весьма, впрочем, глухая и не всегда ясно осознаваемая “носителями языка”» (ЛГ, 03.08.94). Следует заметить, что ерничество и прочие виды иронизации над партийным языком в 90-е годы используются еще более широко, чем в 70—80-е годы. А. Агеев недоумевает над причинами процветания ерничества в наши дни: «Удивительно, однако, вот что. На наших глазах сменилась эпоха, ушел в прошлое контекст, в котором стеб только и мог естественно существовать и “функционировать”. Вдруг некому и нечему стало противостоять, ибо партийная риторика стала частным делом отставных специалистов по “научному коммунизму”. Да и единомышленники, носители языка как-то незаметно лишились культурного общего пространства. Стеб по всем расчетам должен был тихо почить в бозе. Но не тут-то было!

Последние три-четыре года стали временем настоящего триумфа стеба. Стебают нынче все! Вслед за удалым “Московским комсомольцем” застебали “Независимая”, респектабельная “Сегодня”, гордый “Коммерсант”. В журнале “Столица” перебивают друг друга два мастера простотаки виртуозного стеба — Денис Горелов и Алексей Ерохин» (ЛГ, 03.08.94).

Феномен ерничества (предпочитаем это русское слово жаргонному стеб) на основе новояза свойственен, по всей видимости, всем языкам посттоталитарных обществ. Приведем определение стеба, данное социологами Л. Гудковым и Б. Дубиним: «Стеб — род интеллектуального ерничества, состоящий в снижении символов через демонстративное использование их в пародийном контексте...» (Знамя, 1994, № 11, 166). «В прессе почти безраздельно господствует “стеб”», — пишут те же авторы (там же).

Языковую ситуацию, характерную для постсоветской России начала 90-х годов, интересно сопоставить с ситуацией, наблюдаемой в других странах Восточной Европы, например, в Польше. Вот как оценивает положение М. Гловиньски (высказывание 1980 г.). Подчеркивая, что влияния новояза трудно избежать, поскольку он охватывает все стороны жизни, автор указывает на наличие «обороны» со стороны говорящих, выделяет защитную реакцию, видя ее в молодежном жаргоне, гротеске, пародиях на новояз [Głowiński 1991, 22]. Он пишет: «Хотел бы обратить внимание на роль новояза в современной польской языковой ситуации. Кажется несомненным, что очень трудно уберечься от его влияния, потому что он “прилепляется” к говорящему со всех сторон. <...> Новояз атакует всю языковую практику, протискивается

всюду. Даже тогда, когда вызывает отпор, когда является предметом критической рефлексии. А в последнее время он все чаще становится таковым» [Głowiński 1991, 29]. Автор выделяет три разновидности новояза: 1) убеждающе-пропагандистская, 2) бюрократическая, 3) кичево-народная (*kiczowo-ludyczna*) (там же, 28). Последняя свидетельствует о влиянии новояза на те области языковой практики, которые далеки от политики, хотя могут быть одной из форм пропагандистской деятельности. Элементы этой разновидности проявляются в языке газет.

Можно добавить, что русское ерничество, соответствующее тому, что М. Гловиньски называет языковым кичем, также особенно широко распространено в языке массовых уличных шествий и сборищ, в телекламе, молодежном и интеллигентском жаргоне и языке газет.

Закончим этот раздел сопоставлением взглядов двух лингвистов — русского и австрийского, опубликованных в одном и том же 1991 г. Знаменательно, что явления, которые исследуют эти ученые, тенденции, которые они выявляют, очень близки. Это несомненно свидетельствует о том, что описываемые ими факты действительно характерны для нашей эпохи. Выводы сформулированы по-разному, однако по сути своей они близки. Г. Н. Складаревская, оценивая состояние современного русского языка как лексикограф, приходит к такому выводу: «Приведенные языковые факты производят впечатление лингвистического хаоса: непропорциональное разрастание отдельных микросистем, ломка устойчивых языковых моделей, словообразовательная избыточность, неумеренные лексические перемещения от периферии к центру и т. п. При поверхностном взгляде эти явления могут быть расценены как свидетельство порчи, болезни языка. Однако, как нам представляется, наблюдаемые процессы уместно было бы сравнить с внешними проявлениями болезни <...>, которые воспринимаются как сама болезнь, но в действительности являются реализацией приспособительных, защитных сил организма. Не так ли и кризисные состояния языка, совпадающие с кризисными состояниями в обществе, свидетельствуют об активности адаптационных механизмов языковой системы, об ее способности к саморегулированию» [Складаревская 1991, 262—263].

Р. Ратмайр, анализируя большой фактический материал периодической печати эпохи перестройки, сопоставляет его с языком периода застоя (*ньюспик*) и выявляет три основные «вербальные стратегии» эпохи перестройки — возобновления, перекогнотирования и образования неологизмов. Ее вывод таков: «Основные черты *ньюспик* нельзя обнаружить в текстах перестройки. Тем не менее, нельзя сказать, что перестройка принесла *революцию* [выделено автором. — Е. З.] языка,

но были обнаружены симптомы настоящей перестройки: материал неизменного в своих основных структурах русского языка строится во многих отношениях по-новому. В настоящий момент трудно сказать, куда идет развитие, но можно утверждать, что язык перестройки не вариант ньюспик, и не новый ньюспик, а настоящий публицистический стиль русского литературного языка как публицистический стиль немецкого или французского языка» [Rathmaug 1991, 232].

Процесс освобождения от новояза, формирования нового еще только начинается. Этот процесс далек от завершения. Именно это состояние мы наблюдаем в русском языке начала 90-х годов.

Задачи работы

Какое место занимает наша монография в ряду названных выше работ? Значительную их часть составляют словари, материалы к словарям и труды, посвященные проблемам лексикологии и лексической семантики.

Как было сказано выше, цель нашей книги состоит не только в этом. Мы поставили перед собой задачу охарактеризовать сложный современный период в жизни русского языка, попытаться проанализировать те перемены в условиях личной и публичной коммуникации, в наборе и употреблении единиц разных уровней, которые составляют специфические особенности современного функционирования русского языка.

Мы изучаем все три компонента, которые имеют в виду, когда говорят о языке: тексты, языковая компетенция говорящих, система языка. Очевидно, что наш основной материал — тексты, притом тексты двух главных форм существования языка — язык прессы и живой разговорный язык [ср. Караулов 1991, 10]. Анализируя тексты, мы исследуем языковые способности говорящих (*langage*). Обобщая наблюдения за этими двумя объектами, мы стремились выявить те изменения в системе, которые свойственны языку нашего времени. Несомненно, что в избранный нами короткий промежуток времени в системе могут происходить лишь очень незначительные изменения — микроизменения.

Изучая тексты, мы исследуем не только их состав и структуру, но и условия их функционирования, сферы применения.

В. Е. Гольдин справедливо замечает: «Сейчас заметно меняются критерии оценки качества речи: структурная правильность отступает (вероятно, временно) на второй план, освобождая место признакам **ф у н к ц и о н а л ь н ы м** [выделено мною. — Е. З.]. Думаю, что «функционализация» речи — проявление здоровых жизненных сил.

Естественно, они формируют свою зону критики “состояние русского языка”» [Караулов 1991, 42].

Мы исследуем язык в коммуникативно-прагматическом аспекте; ср. более раннюю работу [Русский язык в его функционировании 1993], в которой участвовали многие из авторов этой книги. Именно поэтому мы изучаем не только такие явления, как активные процессы в сфере лексической семантики и словообразования, пополнение языка новыми иноязычными заимствованиями, функционирование экономической терминологии, изменения в области морфологии и синтаксиса и др. Мы существенно расширили репертуар изучаемых объектов и проблематику исследования, включив в нее такие малоизученные явления, как процессы эвфемизации в официальном и неофициальном общении, язык улицы, новое в ряде жанров устной публичной и непубличной речи.

Наше исследование имеет не нормализаторский, а исследовательский и отчасти социолингвистический характер. Однако его социолингвистическая направленность отличается от направленности таких трудов, как [РЯСО 1968] или [Русский язык... 1974].

Мы не ставили перед собой цель выявить различия в речи, характеризующие разные слои общества. Мы стремились установить связи между процессами, происходящими в языке и в обществе.

Мы отдаем себе отчет в том, сколь велика и сложна тема «Русский язык конца XX столетия». Надеемся, однако, что наше исследование уже самим отбором фактов, их интерпретацией, постановкой некоторых проблем даст материал для размышлений лингвистам и нелингвистам, всем желающим понять, что же именно происходит в современном русском языке. Читатель иного рода — не наш современник и не житель России — найдет в этой книге исторические свидетельства эпохи.

Наша монография состоит из двух частей. Им предпослано Введение. Часть первая включает главы, в которых рассматриваются активные процессы, протекающие в отдельных уровнях языка — лексике, словообразовании и морфологии, синтаксисе, ударении.

Вторая часть посвящена проблематике коммуникативно-прагматического характера: основные особенности современной городской коммуникации; протекание процессов эвфемизации в разных сферах языка; особенности, отличающие устный публичный диалог нашего времени, в первую очередь жанр интервью. Уже из этого перечисления видно, что для исследования избирались явления, ранее совсем не изучен-

ные или недостаточно изученные по отношению к русскому языку нашего времени.

Основная работа над этой монографией была закончена в марте 1995 г. После этого в книгу были внесены лишь отдельные изменения и дополнения.

Е. А. Земская

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воздействие рекламных клипов на язык газеты, на устную речь наших современников можно показать на примере рекламы АО МММ, страсти вокруг которой, разыгравшиеся в июле 1994 г., сделали эту рекламу особенно популярной. Персонажи рекламных роликов МММ — Леся Голубков, Марина Сергеевна и др. — попадают в фокус внимания как журналистов, так и обычных лиц. Многие воспринимают их не как телевизионные маски, но как живых людей. Для держателей акций АО МММ (а их 10 миллионов) эти персонажи — добрые знакомые, свои люди.

Создатели рекламы МММ — хорошие психологи. Они верно выбирают персонажей и сюжеты, учитывают, что среди партнеров МММ много страстных поклонников сериала «Просто Мария». Вот показательный пример — разговор двух пожилых женщин. Одна из них — держатель акций МММ — удивляется: «Какие МММ деньги на рекламу тратит! Леся Голубков и Марина Сергеевна в Мексику летали, встречались с Просто Марией! Иван Голубков танцевал с ней!» (1994).

14 держателей акций МММ в письме в НГ «Почему мы верим “МММ” и не верим чиновникам» пишут: «На Варшавке в очереди за акциями можно встретить живых прототипов Лени Голубкова, Марины Сергеевны и прочих эм-эм-змовских персонажей. <...> “Известия” нас сравнивают с наркоманами, с избирателями Жириновского, величают “партией халявы”, “друзьями Лени Голубкова”, “финансовыми спекулянтами” ... А потом удивляются, почему Леся Голубков не за демократов голосует, а черт знает за кого» (НГ, 02.08.94).

Встречается, конечно, и нередко, иная оценка этих персонажей. (Научный работник 46 лет — своей знакомой) Как может нравиться этот Леся Голубков? Это же Шариков! (Интеллигентный мужчина 40 лет) Поразительно, что этот прибранный Леся Голубков пользуется успехом!

А вот мнение журналистов: «...заметим, что эти ролики — великолепное психологическое оружие, созданное виртуозами кинодела. Спившиеся братья Голубковы, безнадежно расплывшаяся Рита и Марина Сергеевна с идиотской улыбочкой на лице исправно приводили за акциями толпы россиян» (НГ, 15.09.94); [о рекламе на ТВ] «Первый раз смеешься. Второй раз смотришь как на нелепую чушь для дурачков. Однако в третий раз я лично воспринял этот маразм как оскорбление, как издевательство над русским народом. Нас показывают идиотами, призывают этому умиляться, а затем нести деньги всяким мавроди. Это небезобидно» (Изв., 20.09.94).

Популярность текстов рекламы МММ и самих ее персонажей велика. Можно спросить: а какое отношение это имеет к языку? Ответ такой: цитаты из реклам-

ных текстов проникают в язык газет и в устную речь наших современников; имена рекламных персонажей входят во фразеологические сочетания, рождают перифразы, сравнения; имя *Мавроди* употребляется как нарицательное (пишется с маленькой буквы; создаются сочетания: всякие *мавроди...*; образовано слово *мавродизация* и т. п.). Некоторые примеры. Газета «Сегодня» использует реплики из разговора братьев Голубковых для заголовков, помещенных на одной странице, так, что они образуют диалогическое единство: *«Мы не халаящики» / «Мы партнеры»*.

Имя *Леня Голубков* служит построению перифраз, новообразований, входит как новый член в устойчивые сочетания, иронически преобразуя их. Главу МММ С. Мавроди именуют *прародителем Лени Голубкова* (Изв., 05.08.94), *папой Лени Голубкова* (Изв., 06.08.94).

Частое мелькание на экранах телевизора Лени Голубкова называют «*синдром Лени Голубкова*»: От идеи постоянного ведущего Максимов счел необходимым отказаться — во избежание «*синдрома Лени Голубкова*» (АиФ, 94, № 35).

Еженедельник «Совершенство секретно» (1994, № 7) озаглавливает статью «*Леня Голубков как зеркало русской революции*».

Карикатура на I стр. газеты «Известия» подписана: «Тема сочинения: *Леня Голубков — герой нашего времени*» (26.08.94).

Известный журналист О. Лацис озаглавливает свою статью, содержащую анализ экономических особенностей АО МММ, фразой из рекламы «*что это за история*», а кончает перифразой рекламного текста: «*А Леня-то оказался-таки халаящиком, у брата Ивана, который вкалывает, надежнее дело будет. Не плачь, Иван, не надо плакать*» (Изв., 06.08.94). Отметим, что О. Лацис употребляет фамильярную форму *Леня*, применимую только к близким знакомым. Производит ошеломляющее впечатление сравнение Лени Голубкова с Александром Македонским, которого Л. Коренев в статье «Искандер — светоч эллинизма» именуется на русский манер Александром Филипповичем Македонским (Сег., 20.07.94).

Однако вершиной популярности С. Мавроди и его сыночка можно считать статью в рубрике «Афера года» под заголовком «*Плюс мавродизация всей страны*», помещенную в газете «Известия» в последний день 1994 г. Журналист пишет: «... самый знаменитый в России коллекционер бабочек [С. Мавроди] не только взял у соотечественников взаймы несколько триллионов на неопределенный срок, но и в свою очередь кое-что им подарил. На свет появился герой нашего времени, чей портрет украшает эту заметку. Что ж, у каждой эпохи свои символы — кто-то выбирает Павку Корчагина, кто — Павла Морозова, а кто-то — *Леню Голубкова*».

Словечко *мавродизация* приобретает популярность. В заметке А. Тарасова «Скандал с АО «AAA»» читаем: «Это не сумасшедший дом, это один из закономерных итогов «*мавродизации*» страны. Догоним и перегоним Египет по количеству «пирамид»» (Изв., 17.01.95).

От фамилии Мавроди произведены еще два слова: *мавродиевцы* (сторонники С. Мавроди) и «*мавродики*» (так в народе именуют билеты АО МММ, см. МК, 25.12.94).

Индивидуальные производные от имен героев МММ рождаются постоянно. Вот одно из них, имеющее явно каламбурный характер: *Лёнищина* (ср. *ленищина*). Под заголовком «Пополнение *ленищины*» газета «Известия» сообщает о выходе книги «Как я стал Лёней Голубковым» (авторы В. Пермяков и А. Поляков) (Изв., 10.01.95).

Можно думать, что популярные герои рекламы продолжают свой вклад в окказиональное словообразование.

² Покажем это на примере построения газетных заголовков.

Вот несколько типических примеров: Настоящие большевики любят Россию издали: *Товарищ Фалин как зеркало номенклатурной эмиграции* (Изв., 13.08.94); *"Русский Рэмбо" как зеркало русской революции* (МК., 17.12.93); *Влюбленные всех полов, соединяйтесь!* (Сег., 16.02.94); *Прапорщики всех стран, объединяйтесь!* В шведской армии обнаружены "неуставные взаимоотношения" (Сег., 27.05.94); *Союз евразийский субъектов свободных* (Коммерсант, 91, № 48); СР СССР: *мы наш, мы новый путч устроим* (Коммерсант, 1991, № 35); *Мунк и теперь живее всех живых* (Сег., 04.03.94); *Как далеки они от народа:* простым китайцам доступны только дикие пляжи и дачи опальных вождей (Изв., 04.08.94).

Иронизация может создаваться не изменением широко известного официального выражения, но помещением его в чуждый ему сниженный, пародийно ориентированный контекст. В разделе *Ваучер* газета «Сегодня» помещает статью под заголовком *Этапы большого пути* (05.03.94). Газета «Коммерсант» выстраивает такой ряд заголовков: Начался первый фестиваль эротического кино. Секс-революция в кинотеатре «Москва»: *вставай, страна озгормная* (1991, № 46).

Преобразование поэтических цитат, названий художественных произведений и других подобных текстов внепартийной (точнее: апартийной) ориентации также часто создает эффект пародирования, иронизации. Псевдобные прецедентные тексты деформируются вставкой в них различных примет нашей эпохи — имен современных политических деятелей, названий важных событий, типических действий и т. п. Контраст вечного и злободневного создает особую выразительность, используется как средство шутки, издевательства, насмешки, грустной иронии: *Как не поссорились Борис Николаевич с Ричардом Милхаузовичем* (Изв., 16.03.94; статья о невстрече Б. Н. Ельцина с Ричардом Никсоном); Российский парламент утвердил налоги на имущество. *О, сколько нам налогов чудных готовит просвещенья дух* (Коммерсант, 1991, № 48); *Чернобыль, который всегда с тобой* (Сег., 29.04.94; статья о вечности угрозы атомного взрыва). Телепередача о жизни панков была названа *«Ночь. Улица. Фонарь. Тусовка»* (Изв., 18.02.94).

Аналогичному преобразованию подвергаются и народные пословицы и поговорки: «Мосвнешинформ»: *Инвестиции по осени считают* (Коммерсант, 1991, № 33).

³ Жаргонизм *стеб*, вероятно, восходит к глаголу *стебать*, который Словарь Ушакова характеризует так: «*стебать* (обл.) — хлестать, стегать, бить плеткой, кнутом».

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Вежбицка А. Антигосударственный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // ВЯ, 1993, № 4.

Гак В. Г. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.

Гольдин В. Е. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М. 1991.

Григорьев В. П. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.

Ермакова О. П. Семантические процессы, характерные для русской лексики 80-х — 90-х годов в связи с процессами общественно-политическими // Aufbau..., 1993.

Земская Е. А. Язык современных газет и перестройка // Zielsprache Russisch, 1991, № 1.

Земская Е. А. Активные процессы пополнения словарного состава русского языка 80-х — 90-х годов XX в. // Aufbau..., 1993.

Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества (в печати):

Земцов И. / Zemsov I. Реальность и грани перестройки. Справочник. London, 1989.

Какорина Е. В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (Трансформация семантико-стилистической сочетаемости). Канд. дисс., М., 1992.

Капанадзе Л. А. Грамматика гласности. Устная речь Михаила Горбачева. НГ, 26.03.1992.

Караулов Ю. Н. Великий... могучий... многострадальный... // Неделя, 1989, № 40, с. 14—15.

Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи // ВЯ, 1993, № 1.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речевые одежды Москвы // Русская речь, 1994, №№ 2—4.

Крысин Л. П. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.

Культура парламентской речи. М., Наука, 1994.

Купина Н. А. Тоталитарный язык. Екатеринбург—Пермь, 1995.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Сегед / Szeged, 1990.

Николаева Т. М. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Опыт словаря нового мышления. Под общей редакцией Ю. Афанасьева и М. Ферро. Прогресс-Пайо. М., 1989.

Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.

РРР—73: Русская разговорная речь. М., 1973.

РРР—81: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.

Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

РЯСО, 1: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Сироткина О. Б. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.

Скляревская Г. Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа... // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики, I. М., 1991.

Скляревская Г. Н. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.

Фаевна М. Новые явления и тенденции в русском языке (лингвострановедческий анализ) // ATSEL. Newsletter, 1991, Febr., p. 8—10.

Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.

Ширяев Е. Н. О состоянии русского языка // В кн.: Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.

Шмелёва Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium, 1993, № 1, Киев.

Язык и культура. Киев, 1994.

Aufbau, Entwicklund und Struktur des Wortschatzes in den europäischen Sprachen. Panzer B. (Hrsg.) Peter Lang, 1993.

Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1991.

Les medias en URSS à l'heure de Glasnost // Revue des études slaves, v. 62, Paris, 1990.

Nowomowa. Materiały z sesji naukowej poświęconej problemom współczesnego języka polskiego odbytej na Uniwersytecie Jagellońskim w dniach 16 i 17 stycznia 1981. London, 1985, Polonia.

Orwell G. Nineteen eighty-four. London, 1949.

Puzynina J. Język wartości. Warszawa, 1992.

Rathmayr R. Von Коммерсаут bis джаст-ин-тайм: Wiederbelegungen, Unwebildungen im Wortschatz der Perestrojka // Slavistische Beiträge. Band 274. Slavistische Linguistik 1990, München, Otto Sagner Verlag, 1991.

Seriot P. Analyse du discours politique soviétique // Cultures et Sociétés de l'Est, 2. Paris, 1986.

Sprachlicher Standard und Substandard in Südosteuropa und Osteuropa. // Osteuropa-Institut an Freien Universität Berlin, Band 25. Berlin, 1994.

Vocabulaire de la Perestrojka. Préface de M. Tatu. Ed. Universitaires. Paris, 1990.

Weiss D. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985, München, 1986.

Wielkie miasto: czynniki integrujące i dezintegrujące. Konferencja naukowa. Łódź, 17—19 maja 1994. Łódź, в печати.

Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства — к проблеме развития русского языка в советский период // Revue des études slaves 1982, v.54, № 13.

Часть I

ГЛАВА I

О. П. Ермакова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ

Бурно происходящие социально-политические процессы последних лет обусловили изменения в разных сферах русского литературного языка. Язык переживает почти революционные потрясения, которые, естественно, больше всего затронули лексику. Новые формы общественных отношений нашли отражение в словообразовательных неологизмах, в освоении большого количества заимствованных слов, в стилистическом транспонировании, в процессах деархаизации, в разнообразных семантических изменениях разных групп лексики русского языка. Материалом нашего исследования была преимущественно публицистика. Используются данные нескольких многотиражных газет и журналов. Лишь в отдельных случаях привлекались записи разговорной речи (и просторечия), если в этих сферах языка наблюдаются отмеченные на материале публицистики тенденции.

Разумеется, особенности русского языка 90-х годов не могут быть отождествлены с особенностями языка публицистики, но именно в этой сфере наиболее ярко проявляются семантические процессы, обусловленные процессами общественно-политическими. Не случайно многие современные исследователи, обратившиеся к разноаспектному изучению языка перестройки [Weiss 1986, Rathmayr 1991, Скляревская 1991, Fetm 1993, Moskovich 1993, Ермакова 1993, Jordanova 1993], анализируют в первую очередь (или исключительно) газетный материал. Заметим, что все изменения в семантике слов, связанные с идеологической переориентацией, касаются употребления разных групп лексики в официальной печати. Хорошо известно, что и до перестройки в России всегда существовала антикоммунистическая идеология, которая находила отражение в языке «самиздата», в зарубежных публикациях наших диссидентов, в «кухонных» разговорах интеллигенции, в языке советской тюрьмы. В этом втором, неофициальном языке советской страны слова употреблялись в их истинном значении без идеологических смысловых приращений.

Но антикоммунистическая идеология в настоящее время, обретя официальный статус и, соответственно, возможность выражения в печати, имеет противостояние. И опять наблюдается сосуществование двух «языков». Поэтому в прессе антидемократического направления многие слова из сферы политики и идеологии могут сохранять свое прежнее советское звучание, а слова, называющие перестроечные концепты, употребляются только пейоративно.

Хочу подчеркнуть, что сейчас чаще можно говорить о процессах, о движении в семантике и не всегда о явных результатах. В настоящее время в русском языке изменения происходят почти так же стремительно, как и в политике. Много смешалось, перегруппировалось, размылось, но еще не вполне определилось. Возможно, что некоторые (или многие) наблюдаемые сейчас явления в области значений слов окажутся недолговечными, не закрепятся в качестве нормы, но и в этом случае зафиксировать их на определенном этапе развития языка интересно и важно, поскольку каждый этап в развитии языка заслуживает внимания и изучения.

Основные семантические изменения в лексике, так или иначе обусловленные изменениями в общественно-политической жизни, можно определить так:

1. Деактуализация значений, отражающих советские реалии.
2. Деидеологизация лексики.
3. Политизация некоторых групп лексики.
4. Деполитизация некоторых политических терминов.
5. Активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления.
6. Метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации.
7. Разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой.

Деактуализация значений, отражающих советские реалии

Изменения социально-политического устройства общества вызвали деактуализацию многих значений слов, отражавших чисто советские реалии. Приведу лишь отдельные слова, значения которых перестали быть актуальными и уходят в разряд семантических архаизмов.

В связи с концом однопартийности в нашей стране слово *партия* утратило компонент «коммунистическая». Это слово употреблялось без семантического приращения только по отношению к зарубежной

действительности. Ср., например, прежние контексты: Он *член партии* (теперь обязательно — какой); Он *вступил в партию* и т. п. Соответственно изменилась семантическая структура слов *партийный*, *беспартийный*. У слова *беспартийный* актуализируется значение «не состоящий ни в одной из политических партий» и деактуализируется — «не состоящий в партии коммунистов». Разговорное слово *первичка* также освободилось от семантического приращения и стало называть первичную организацию любой партии, ср.: *Создана первичка национал-патриотов* (НГ, 12.03.92). Слово *треугольник* утратило значение «комиссия из главного администратора учреждения, секретаря партийной организации и председателя профсоюзной организации»: *Характеристика должна быть подписана треугольником*. Реже в этом значении употреблялось слово *тройка*¹. Сейчас оно уже встречается в переносном значении (с явным пейоративным компонентом). Ср.: И тогда Е. Яковлев затевает кампанию ликвидации ЦТ. Им и особо приближенными к нему назначаются «тройки», которые составляют списки угодных и негодных (День, 1992, № 49 (77)). Еще примеры: *выездной (невыездной)* — «о человеке, которому разрешается (не разрешается) выезд за границу». Ср.: Он был негласно приговорен к иной судьбе — объявлен *невыездным* за то, что во время войны его отец был в плену (Ог., 1991, № 33); Ашкенази был, что называется, *выездным* (С. Довлатов, Не только Бродский); Но достигнув вершины славы, Жан Татлян по-прежнему оставался *невыездным* (КП, 01.10.93); *Невыездные* профессора стали *выездными* (КП, 05.06.93); На Западе уникальный хирург стал бы миллиардером. Но причастность Филькштейна к целому ряду «дворцовых тайн» сделала его *невыездным* (Ог., 1993, №№ 14—15); Не дергайте Рубцову — будете *невыездная* навсегда; ...я взяла две по ноль семьдесят пять... вроде сувенира, как мне советовали наши *выездные* (А. Галин, Группа).

Аналогично *невыездному* по отношению к произведениям художественной литературы и публицистики употреблялось до 1986 года слово *непроходной* («такой, который не проходит по условиям цензуры»); ср.: Я отнес роман... в журнал «Молодая гвардия» — отказали. Тогда я ринулся в «Юность» — сказали, что *непроходной* (КП, 04.05.90). *Интернационалист* (воин-интернационалист) — «солдат, офицер, сражающийся на чужой территории как бы для выполнения интернационального долга». Сейчас это употребление вытеснено словом *афганец* («тот, кто воевал в Афганистане»). С 1995 г. так начали употреблять слово *чеченец*.

Призывы — «обращения, в краткой форме выражающие руководящую идею, политическое требование; лозунг» (как особый жанр): *Первомайские призывы ЦК*.

Соревноваться — «участвовать в социалистическом соревновании».

Характеристика — «официальный документ, содержащий отзыв, заключение о чьей-либо трудовой и общественной деятельности». *Характеристика с места работы*².

Установка — «принципы, директива, руководящее указание» (в Сл. Ушакова отмечено как новое). Центр дал новые *установки* для составления плана. Ср.: Я боюсь совершенно дискредитированного слова «*установка*», но все же хочу спросить, получили вы что-то подобное от президента... (НГ, 03.03.92).

Очевидно, уходит из употребления глагол *сигнализировать* в значении «доносить». Обычно он употреблялся без адресата или с локальным неопределенным дескриптором — *куда следует*. Реально это значило — в обком или горком, в партком, в органы безопасности. В словарях это значение толковалось как «предупредить», «сообщить о чем-либо нежелательном, что совершилось или может совершиться» (МАС). Соответственно употреблялось и слово *сигнал*: *К нам поступил сигнал*. Ср.: Если еще будут *сигналы* о твоём поведении, поставлю вопрос на бюро (С. Антонов, Новый сотрудник).

В слове *ответственный* «погашено» фразеологически связанное значение, реализовавшееся в сочетаниях — *ответственная работа* (иногда *должность*), *ответственный пост* — «относящийся к высокому уровню руководства» (партийного или правительственного).

В разговорной речи и просторечии мы можем наблюдать прямое воздействие экономики на жизнь слов. За последние 6—7 лет стали исчезать из употребления советизмы, связанные с особенностями советской жизни и торговли. В магазинах появились продукты — и перестают употребляться в просторечии некоторые глаголы со специфически советскими значениями, в частности, глагол *давать* (в формах *дают, давали, будут давать*) в значении «продавать в магазине то, что является дефицитом». Например: *Вчера в нашем магазине мясо давали. Через дорогу масло дают, и народу немного.*

— Вы не видели, там капусту привезли?

— Нет, там за апельсинами очередь, а капусты нет.

— Так она плохая еще, ее брать смысла нет.

— На Ленинградском *давали* молодую, вполне хорошую (В. Сорокин, Очередь).

Перестали встречаться и глаголы *выбросить, выкинуть* (*выбрасывать, выкидывать*) со значением «пустить в продажу». *Мясо на складе залежалось, так его в магазины выбросили. Очередь была большая. У нас в гастрономе иногда колбасу выкидывают, к празднику бывает*

(формы только множественного числа у прошедшего совершенного вида или у настоящего несовершенного).

Но еще продолжают употребляться глаголы *достать* и *стоять* в значениях, порожденных отсутствием необходимых вещей: так, пытаются (кто может) достать лекарства и т. д. Ср. замечание по поводу слова *достать*: Мнимые ценности породили большой «как бы русский» язык, где глагол «достать» означает «приобрести», а не «дотянуться» (ЛГ, 06.03.91). Ср. также: *Я вчера целый час за колбасой стояла* (разговорное семантическое стяжение выражения *стоять в очереди за чем-то*, породившее употребление *стоять за...*). Начало «стояния» обозначается глаголом *встать*: *Иду с работы, смотрю огурцы хорошие и недорогие. Я встала.*

Разумеется, этим не исчерпывается список слов, некоторые значения которых, наряду с лексическими архаизмами типа *субботник*, *воскресник* составляют группу архаизмов-советизмов.

Деидеологизация лексики

В связи с происходящей в стране идеологической переориентацией наблюдается преобразование смысловой структуры слов, так или иначе отражавших прежнюю, «доперестроечную» идеологическую ориентацию. Процесс деидеологизации лексики проявляется в освобождении значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений, в частности, в снятии пейоративной окраски, которая была обусловлена восприятием денотата сквозь призму коммунистической идеологии, или, напротив, в появлении неодобрительной или иронической окраски в связи с идеологическими коннотациями. Так, деидеологизируется семантика слова *советолог*. В доперестроечный период оно употреблялось со значением «так называемый специалист по Советскому Союзу, ставивший целью дискредитацию советского строя». В толковых словарях этого слова вообще не было, хотя в прессе оно употреблялось с яркой пейоративной окраской³. Ср.: Известно, что и сегодня в идеологической борьбе против советского образа жизни наши противники широко пользуются демагогией о правах личности и ее свободе, якобы попираемых социалистическим строем. Но что предлагают нам *господа советологи*? (Москва, 1976, № 2); «*Советологи*», как их здесь называют, ...давали советы американским политическим лидерам <...> Оказывается, все *советологи* советуют американским бизнесменам... нести капитализм в сердце коммунизма (Москва, 1976, № 2); Стремясь дискредитировать нашу литературу, *советологи* сосредоточивают основные удары на ее герое, в котором особенно полно выражен жизне-

утверждающий характер коммунистической идеологии (НМ, 1976, № 7); *Хитрые авгуры от советологии* плодят ложь в невиданных размерах (НМ, 1981, № 9); А. Беляев выходит на поединок сразу с тремя *вооруженными до зубов советологами* (НМ, 1981, № 9). Ср. современный контекст: Разрешите спросить вас как *советолога*: не ожидаете ли вы, что процесс дезинтеграции... не остановится на «достигнутом»? (АиФ, 1992 № 4); Стивен Коен, *известный американский советолог*,... в одной из своих книг бросил такую реплику... (Театр, 1990, № 2).

В официальной печати без идеологического приращения стали употребляться слова *бизнес*, *бизнесмен*, *конкуренция*, *миллионер*, *коммерсант*, *диссидент*, *собственник*, *частник*, *предприниматель*, *буржуа* и многие другие. Ср.: ...у «Пролога» есть еще сверхзадача — сформировать слой *собственников*, *опору стабилизации* (НМ, 1993, № 3); И это, кстати, одна из сильнейших позиций, где госпредприятия всегда будут проигрывать *частнику* (НМ, 1993, № 12); Только в первый день *частники* — *первое поколение нижегородских буржуа* — закупили самосвалов, бензовозов и бортовых машин на 17 миллионов рублей (НМ, 1993, № 3); Кстати, у судостроителей «Оки»... 85% прибыли съедает жилье. Каким же *буржуям* нужны такие самоседы (НМ, 1993, № 3); Так что терпят наши *буржуи* наравне с госсектором, только без анестезии дотации (НМ, 1993, № 12).

Некоторые из этих слов, в частности, слово *диссидент*, поменяли (в официальной печати) пейоративную окраску на явно положительную. Ср.: *Мы должны благодарно склонить головы перед миллионами замученных в лагерях диссидентов, гражданское мужество которых приблизило наступление объективно неизбежного периода перестройки* (Рос. газета, 24.01.91).

В то же время однозначно этот процесс определить нельзя. Расслоение в нашем обществе очень велико. В связи с различным отношением к денотатам в прессе разного толка и особенно в бытовой речи перечисленные слова могут содержать отрицательный оценочный компонент. Так, слово *миллионер* у некоторой части населения может звучать как бранное — «человек, наживающий деньги нечестным трудом», почти как *жулик*.

Освобождение слова от идеологических компонентов, превращение его из советизма в обычное слово приводит в определенных случаях к дефразеологизации слов производных, в них актуализируется значение, представляющее собой чистую реализацию словообразовательной модели. В числе прочих такие изменения происходят в словах *выдвиженец* и *ликвидатор*. Так, в слове *выдвиженец* деактуализируется

значение «передовой работник (рабочий, колхозник, строитель), выдвинутый на ответственную работу» [МАС, 1982].

Это значение в антикоммунистических кругах еще до перестройки включало компонент негативной оценки. Ср., например: Каким-то чудом он почти с рождения был антисоветчиком и конформистом. Своих родителей называл «выдвиженцы»... оба [отец и мать. — О. Е.] в партии с тридцать шестого года. Оба — *выдвиженцы*, слуги режима (С. Довлатов, Компромисс).

В последнее десятилетие в слове *выдвиженец* начинает актуализироваться значение, представляющее собой чистую реализацию словообразовательной структуры: «тот, кого куда-то кто-то выдвинул» («предложил в качестве кандидата к избранию»). Так, во время первых выборов народных депутатов в период перестройки довольно активно было употребление: «Он *чей-то выдвиженец*». Ср. также о прошлом: *Они* [Ягода и его люди. — О. Е.] никогда не были *выдвиженцами* Сталина, а были *выдвиженцами* Троцкого... (М. Гв., 1992, № 9).

Слово *ликвидатор* в XIX веке употреблялось со значением «тот, кто что-то ликвидирует», но в советское время, в связи с использованием его в работах Ленина для заклеивания политических противников в РСДРП, это значение не было актуальным. Актуализация нефразеологичного исконного значения наблюдается в современных употреблениях — *ликвидаторы последствий Чернобыля*. В то же время в прокоммунистической прессе встречаются случаи актуализации устаревшего ленинского употребления. Ср.: Вообще-то сюжет с *ликвидацией*, а теперь и судом над партией напоминает не такую уж и давнюю охоту... Вот так-то, золотые мои *ликвидаторы*, за которых пали на полях сражений миллионы коммунистов... (М. Гв., 1993, № 7).

Так как наряду с официальной идеологией в определенных кругах всегда существовала и другая, то это не могло не отразиться на языке. Об этом свидетельствуют употребления таких слов, как *авангард* (ироническое обозначение членов КПСС) (разг.), *аппаратчик* со значением «работник партийного аппарата» (пейоративно), *функционер* (отмечено в Сл. Уш. с пометой — нов. загр. — «лицо, выполняющее какие-нибудь определенные функции в общественной организации, аппарате»; в более поздних словарях его нет), *номенклатура*, *ответ. работник* и др. Ср.: Он так весомо говорит, с такой значительностью, физиономия типичного функционера, сразу видно — обкомовец. Она, может быть, даже и интересная женщина, но на ней печать функционерки; Шаблинский давно уже работал в партийной газете. Положение функционера не слишком его тяготило. В нем даже сохранилось какое-то обаяние (С. Довлатов, Компромисс).

Пейоративная окраска у слова *функционер* наблюдается и в употреблении на страницах газет и журналов национал-патриотического направления. Ср.: Так в поисках врагов проходят дни и годы *тогдашних революционных и теперешних, перестроечных функционеров* (М. Гв., 1992, № 11—12); ...Те же самые *функционеры мирового сионизма*, которые пустили кровь России в 1917 году, теперь выступают в качестве лекарей (там же); В настоящее время ничто не изменилось в издательствах и журналах, правда, руководители первыми кричат, что они за перестройку. Но *аппаратчики всегда первыми кричали*: «Даешь БАМ!», «Даешь целину!», «Расстрелять Петрова-Иванова-Сидорова» — это в тридцатых годах. Так было всегда (КО, 04.05.90). Слово *гегемон* использовалось как ироническое обозначение рабочего класса. Последнее не было связано с пренебрежением интеллигенции к рабочим, но выражало иронию по отношению к тенденции противопоставления интеллигенции и рабочих (*гегемон* — так определил Ленин роль рабочего класса в революции). Появилось даже слово *негегемон* («интеллигент»). На это обращает внимание Г. Н. Складаревская. Ср. ее пример: Такой под настроение может и дать с легкостью по морде — просто для удовольствия. Тем более — явному *негегемону*, тщедушному интеллигенту [см. Складаревская 1991, 255].

Приобрело ироническую окраску слово *передовик* (еще раньше это произошло с его синонимом *маяк* — *маяк производства*) и одно из значений слова *вахта* — «исполненная энтузиазма работа в ознаменование чего-либо». Ср. частые еще недавно контексты: *Рабочие турбинного завода встали на вахту в честь 70-й годовщины Октября*.

Само содержание слова *передовик* не содержит в себе ничего достойного иронии и не отражает ничего специфически советского («тот, кто опережает других в работе, добивается наилучших результатов»), но оно обросло социалистическими коннотациями — «план», «показатели», «проценты» (часто липовые) и т. п.

П о л и т и з а ц и я н е к о т о р ы х г р у п п л е к с и к и

Одни и те же изменения в общественной жизни нередко могут вызвать разнонаправленные процессы в языке.

Последние десятилетия в русском языке под воздействием заметно возросшей политизации общества происходит политизация некоторых групп лексики. В сферу политических контекстов втягиваются слова, изначально не имевшие отношения к политике — *разрядка, застой, перестройка, плюрализм, демонтаж, диалог, раунд* и др.⁴. Ср: *период застоя, брежневский застой, время разрядки международной напряженности, демонтаж административно-командной системы, демон-*

*таж тоталитарных структур, московский раунд конференции по Ближнему Востоку, третий раунд переговоров и т. п. Слово **демонтаж** (а также **демонтажировать**, **демонтажирование**) приобрело в таких контекстах значение «разрушение», «ликвидация», «устранение». Ср.: Метафорой состояния общественного мнения стало исполненное затаенной иронии, кочующее по страницам печатных изданий словечко «**демонтаж**». **Демонтируется политическая и экономическая система, демонтируется идеология** (Зн., 1990, № 9); А вот теперь после того как уцелевшие литературные шестидесятники заслуженно взошли на всесоюзный Олимп вместо находившихся там монстров соцреализма и буквально через несколько минут этот Олимп покинули ввиду его **демонтажа** вместе с Союзом... (НГ, 23.05.92); Идея верховенства законов РСФСР над законами СССР по сути означала **демонтажирование** и русской истории и Российского государства (КП, 14.01.92); Третий (президент), требуя освобождения «законом избранного», освободив, тотчас его **политически демонтировал** (КП, 14.01.92); Интересные советы дает Президенту Социалистического государства его бывший советник: **демонтажировать социализм и перейти к капитализму** (Сов. Рос., 31.01.91).*

В настоящее время переговоры, судебные процессы, встречи делегаций измеряются **раундами**: **В Вашингтоне начинается новый раунд переговоров между делегациями Палестины и Израиля...** (КП, 25.08.92); Хотя **очередной раунд** процесса века по бывшей даче Брежнева окончился вничью, на скамейку штрафников все же нашли кандидата — Михаила Горбачева (КП, 05.06.93); Мы вчера провели **очередной раунд** нашей работы (ТВ, 02.10.92); Первые два **раунда** судебных заседаний не оставляют сомнений, что посредник будет разоблачен (КП, 07.07.93). В этих контекстах слово **раунд** употребляется со значением «этап», «фаза», но не лишено ассоциативных связей с боем боксеров.

Из военной сферы перенесено в сферу политики и уже снова выходит в другие сферы слово **заложник**, в котором возрождается и расширяется употребление пушкинского времени — **заложник чего** — «находящийся в зависимости от чего-то» (предположительно — в 80—90-е годы XX века, но, возможно, и гораздо раньше. Толковые словари это употребление не отмечают. Оно зафиксировано только в «Словаре языка Пушкина»). Ср.: При собственной нищете и государственной слабости, вузы становятся **заложниками беспредела** (КП, 02.03.93); Хасбулатов, подписавший документ, по сути стал **заложником сменившейся ситуации** (КП, 06.03.93); Конечно же **не хочется быть заложником страха**. Допускаешь, успокаивая себя и близких, что это всего лишь провокация, но все же... (КП, 04.05.90); Многие стали **заложни-**

ками идеи, которая упорно не желает становиться реальностью (КП, 15.03.94); Вот Пушкин, будучи человеком высочайшей книжной культуры и, более того, человеком света, то есть невольником чести, заложником приличий, он в печать ничего предосудительного не предлагал (Стол., 1993, № 14); Спорт оказался заложником у всеильной идеологии (КП, 02.08.94).

В качестве одного семантического этюда рассмотрим употребление слова *диалог* в политических контекстах 90-х годов. В НС-83 оно отмечено с новым значением «неофициальные переговоры». В настоящее время, сохраняя значение «переговоры» (необязательно неофициальные), в контексте отношений между странами, республиками, партиями, властью и оппозицией слово *диалог* становится антонимом слова *конфронтация*. *Диалог* — «мирное урегулирование конфликтов» (переговоры могут быть и не на фоне конфликтов). Ср.: *Как развивается диалог с оппозицией?; Мы стремимся к диалогу; Используются не все аргументы в политическом диалоге; Пора переходить от конфронтации к диалогу* и т. п.

Кроме того, слово *диалог* отмечено нами в значениях:

1. «Дискуссия», ср.: Именно поэтому ... я и счел необходимым предложить начать *серьезный диалог* о том, что именно мы видим по-разному в нас самих и в подаренном нам мире (НГ, 05.03.92); Не указывает ли такая *манера диалога* на то, что диакону Андрею Кураеву либерализм неприятен из-за слова «свобода» в названии? (НГ, 03.04.92);

2. «Договоренность»: У нас уже есть *диалог с руководством завода*, но пока все остается по-прежнему (КП, 05.06.92);

3. «Общение»: По мере развития нашего *диалога с внешним миром* демонстрация мод будет все более развиваться (ТВ, 29.06.92).

Не в политических контекстах встречается это слово со значением «спор», «борьба»: Это был *безмолвный диалог двух соперников* (ТВ, 1992; о марафоне во время летней Олимпиады).

В деловых кругах это слово употребляется со значением «сотрудничество»: С этой фирмой у нас *диалога не получилось*. Расширение сферы использования слова *диалог* приводит к размытости семантики, о чем свидетельствует, например, употребление его в одном из интервью с Горбачевым: Я у него [Крючкова] видел большой запас эрудиции, *диалога* (ТВ, 22.08.91).

В наименьшей степени о размытости первоначального значения слова *диалог* свидетельствует современное употребление (пока не отмечено в печати) — *двусторонний диалог*, ср.: Назарбаев считает, что только политическим путем, только в *двустороннем диалоге* можно решить проблему Карабаха (ТВ, Новости, 24.02.93).

Деполитизация некоторых политических терминов

Не менее заметно выражен процесс политизации общества в деполитизации лексики. При этом нередко бывает, что лексика, недавно вошедшая в политические контексты, уже используется в разговорной речи в контекстах, далеких от политики. Так, слово *консенсус* употребляется со значением «согласие» (в семье, в коллективе, в очереди и т. п.). *Плюрализм* может обозначать множественность мнений по любому вопросу, *конфронтация* — «раздоры», «ссоры» и т. п., *диктатура* употребляется со значением «насилие, подавление чужой воли», *гласность* — «откровенность», *хунта* — «банда», *раскулачивание* — «грабеж». Ср.: *У нас с мужем по этому вопросу консенсус*; *У них в доме диктатура жены*; *У нас всюду теперь конфронтация*; *Евтушенко и его хунта*. Слово *приватизация* стало употребляться в шутку со значением «незаконное присвоение», «ограбление». Ср.: Муж Елены Петровны... *сторожит квартиру — нельзя оставить, иначе мигом «приватизируют»* (КП, 03.08.93); *...двое воспитанников не выдержали искушение: «приватизировали» непосредственно из экспедиции знак об окончании корпуса — Мальтийский крест из белой эмали* (НМ, 1993, № 12); *Похоже, окончательно решили «приватизировать» память людскую* (День, 1—07.03.92).

Интересно, что в 60-х годах слово, обозначавшее в свое время социальное явление с противоположной приватизации направленностью — *раскулачить* — употреблялось в значении «растачить», «разворовать». Ср.: *Автобусы, как нынче принято изъясняться, «раскулачены» на запчасти...* (Пр., 18.07.68) [Костомаров 1971, 137]. Со значением «отнять», «присвоить» слово *раскулачить* употребляется и в наше время. Ср.: За несколько дней до этого они [омоновцы. — О. Е.] повязали сбытчиков «наркоты» с братской Украины, но отпустили тех с богом, не позабыв «раскулачить» (КП, 25.05.94).

Таким образом, буквально на наших глазах слова из разных сфер языка вошли в состав политических терминов и опустились на уровень бытовой речи, изменив при этом свою смысловую структуру.

Активизация одной семантической модели, выражающей оценку личности как общественного явления

Различие политических оценок событий и их участников отчетливо выражается в семантическом процессе превращения некоторых собственных имен в нарицательные в форме множественного числа.

Известно, что эта семантическая модель работала уже в XVIII веке (...может собственных *Платонов*... Российская земля рождать — Ломоносов). В XIX веке по этой модели чаще всего употреблялись в качестве нарицательных имена известных ученых, поэтов, художников, исторических деятелей и литературных героев. Ср. у Пушкина: Мы все глядим в *Наполеоны* (Евгений Онегин); Таким образом, набралось у нас несколько своих *Пиндаров, Аристов и Байронов* («Бал» Баратынского); Улыбка, взоры, нежный тон красноречивей, чем *Вольтеры*, нам проповедуют закон и *Аристипов* и *Глицеры* («Послание Лиде» Пушкина).

В критике и публицистике в то же время стали активно использоваться в оценочно-нарицательном смысле и имена современных авторов общественных деятелей. Такое употребление очень характерно для статей Герцена, Добролюбова, Чернышевского и других. Так, у Герцена встречаем: *Катковы, Муравьевы, Долгорукие, Тимашовы, Клейнмихели, Мухановы, Утятины, Игнатьевы* и т. д. Ср.: *Печорины, Гагарины, Голицыны бежали в католицизм...* (Герцен, Россия и Польша); *Теперь Баратынских, Подолинских, Языковых, Туманских, Ознобишиных сменили гг. Брамбеусы, Булгарины, Гречи, Калашниковы* по пословице: на безлюдьи и Фома дворянин (Белинский, Литературные мечтания).

Довольно активно используется эта модель и в публицистике начала XX века. Ср.: Все эти бесчисленные сюсюкающие *Измайловы...*, питающиеся объедками, падающими со столов реализма — *разгула Андреевых, Блоков, Сологубов, Волошиных* и им подобных, — утверждают, ...что мы «*декаденты*» (Маяковский, Поэчина общественному вкусу).

В современной прессе наблюдается заметная активизация этой модели для выражения оценки (в подавляющем большинстве случаев отрицательной) личности и группы лиц как общественного явления. Так употребляются имена одиозных политических деятелей прошлого и имена наших современников. Мы постоянно встречаем в газетах: *Вышинские, Ждановы, Берии, Ворошиловы, Ежовы, Сусловы, Кагановичи, Кузьмичи, Павловы, Крючковы, Петрушенки, Алкснисы, Лигачевы,*

Полозковы, Ниноандреевы. Ср.: А что касается нас, юмористов, то на наш век материала, который нам в изобилии «подбрасывают» всякие *лигачевы, полозковы и жириновские*, хватит сполна (АиФ, 1991, № 38); *До муссолини, лениных, сталиных, троцких, свердловых, ворошиловых, тухачевских, гитлеров* — еще не близко. Но может статься, что и рукой подать (НГ, 22.02.92); Если я понимаю, что благосостояние страны, народа зависит прежде всего от себестоимости единицы валового национального продукта, то *стародубцевы, стерлиговы, анпиловы, макашovy, бабурины* и иже с ними должны это понимать гораздо лучше (АиФ, 1992, № 37).

Без явной пейоративности, но с легкой иронией говорится об отечественных бизнесменах: Наши будущие отечественные *Морганы, Ротшильды и Форды* (КП, 08.02.92).

В прессе иного направления, естественно, обобщенно-пейоративно употребляются *Собчаки, Поповы, Ельцины и Горбачевы*. Ср.: Для этой дамы, смеющейся истории, все *горбачевы, ельцины, поповы, яковлевы, лигачевы* — всего лишь раскрашенные и не совсем удачно выполненные марионетки (День, 1992, № 1 (29)); А пузырятся все больше *жириновские и якунины*, которые вполне стоят друг друга (День, 1992, № 10 (35)); Опять, как бывало в нашей истории прежде, русскую национальную мысль обвиняют в черносотенстве и юдофобстве — на сей раз *шатровы, дементьевы, черниченки* (День, 1992, № 5 (33)); Терпит город наш удары, что наносят нам *гайдары*. Вот и наша улица скоро *забурбулится* (Сов. Рос., 23.05.92).

В прессе, отражающей позиции национал-патриотов, с явно пейоративной окраской употребляются фамилии не только политиков-евреев (или тех, кого авторы статей считают евреями), но и деятелей искусства. В таких случаях модель используется для собирательного обозначения «сионисты». Ср.: А театры? Там тоже правят *товстоноговы* да *марки захаровы, шатровы* да *гельманы* (М. Гв., 1992, № 10). В некоторых случаях для собирательного наименования евреев используются библейские имена, в противопоставление типичным русским: И через труппы они, *моисеи*, действительно пришли к победе. И каяться нужно потомкам *моисеев*, а не *иванов* (М. Гв., 1992, № 10).

Использование собственных имен для собирательного названия лиц по национальности было и раньше свойственно просторечию (не только русскому). Ср.: *Абрам* — «еврей», *фриц* — «немец» (немцы в войну соответственно русских солдат называли *иванами*). Один герой Лескова говорит, что татары, у которых он был в плену, всех взрослых русских мужчин называют *иванами*, мальчиков — *кольками*, женщин — *наташами*: «Теперь, — говорят, — тебе, Иван, самому трудно быть...

Бери, — говорят, брат, себе *Наташу*, мы тебе хорошую *Наташу* дадим, какую хочешь выбирай» (Лесков, Очарованный странник).

Крайне редко встречается употребление имен по этой модели с положительной окраской. Ср.: Нет слов, чтобы выразить свое возмущение, таких загадок народ не придумывал и про врагов своих. А тут представитель народа, который защищали *Космодемьянские, Матросовы, Маресьевы* от истребления, сочиняет такое (КП, 16.01.93). Активизация этой модели наблюдается не только в политических контекстах. Соответственно, в сферу ее действия вовлекаются не только имена политических деятелей. Оценка при этом также бывает различной. Ср.: ...убивали одного из выдающихся меценатов из когорты нынешних *морозовых, третьяковых, мамонтовых*, жертвующих заработанные деньги на культуру (КП, 22.06.94); Здесь не принято драться кулаками, *Брюсы Ли* и *Ван-даммы* тут не котируются (КП, 29.06.94).

Явно иронически используются в обобщенном значении имена современных колдунов и экстрасенсов. Ср.: Регулярные гастроли *Тарасовых, Кашпировских, Марий-Стефаний* вдохновили местных знахарей, колдунов, магов, экстрасенсов и биокорректоров — их теперь хоть пруд пруди в Воронеже (КП, 16.12.92).

Метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации

Язык перестроечной прессы повышенно метафоричен. Как известно, метафора — это не только прием изображения, это способ мышления, способ восприятия мира. Метафора социальна. Метафоры показывают, как картина мира отражается в общественном сознании и какова она, эта картина. И именно этот аспект изучения метафоры периода перестройки может показать влияние общественно-политических изменений на семантические процессы, поскольку совершенно очевидно, что сама по себе метафоризация как семантический процесс отнюдь не зависит от социально-политического устройства общества, от идеологии и т. п.

Уже неоднократно отмечалось, что исследование метафоры, характерной для языка определенного временного среза (прежде всего для языка прессы), дает богатый материал «для изучения менталитета соответствующих ораторов и журналистов, а через них и всего общества в данный период времени» [Гак 1993, 136].

Милитаристский характер нашей страны в течение многих лет и сопровождавшая его повсюду идея классового бояры отражались в особом наборе метафор в публицистике доперестроечного периода, начи-

ная с 20-х годов. Ср., например, у Маяковского: *...стратегия и тактика борьбы на фронте коммунистической культуры* (Беседа с сотрудником газеты «Большевик»); Наименее защищенным участком идеологического фронта пролетариата является участок искусства (Соглашение Московской Ассоциации пролетарских писателей и группы ЛЕФ). Ср. также в более поздний период: *рубежи идейной борьбы; мировоззренческая вооруженность, битва за урожай, идеологический десант, педагогический десант* и т. д. Некоторые примеры: *...пороховой заряд* назревавшего общественного возмущения (НМ, 1971, № 10); *диверсионная работа* разного рода «голосов»... (НМ, 1981, № 9); *Бои ведутся практически на всех участках идеологического фронта, причем в них используются все виды оружия* (НМ, 1981, № 9); *...события... бурно разворачиваются на плацдарме души* (НМ, 1978, № 11); Возможно, что отдаленные эпохи, где композиторы чувствуют себя свободнее, станут для них очередной ступенью для нового *штурма современной темы* (Сов. муз., 1982, № 1); *...учебно-творческий полигон* для студентов (Сов. муз., 1982, № 1); *...музыкальная критика обязана ощутить себя идеологически мобилизованной* и стать мощной силой, противостоящей *идеологическим провокациям, клевете, диверсиям*, организуемым *нашими классовыми врагами на всех уровнях* (Сов. муз., 1981, № 1); *«Снарядом здоровья»* назвали очиститель воды... (Изв., 21.11.67).

О «метафорической экспансии» многих первоначально военных терминов пишет Д. Н. Шмелев. Ср. его примеры: *гвардия, фронт, вооруженность, перевооруженность, разоружиться, мобилизовать плацдарм, торпедировать, рейд, боеспособный, штаб, наступление, форсировать, маневрировать, обойма, смотр, разведка, атака* и др. [РЯСО, 1, 106].

В качестве «отзвуков прошлых битв» в языке современной прессы используются старые «воинственные» метафоры. Одна из них — слово *обойма* в значении «совокупность», «набор», «список» (лиц). Оно встречалось с таким значением в доперестроечный период и чрезвычайно активизировалось в 90-е годы. Ср.: *Иные же фамилии явно попали сюда только потому, что им не нашлось места в других «обоймах»* (НМ, 1972, № 3); Там в газетах, журналах будет *печататься своя «обойма»*, остальных засудят за клевету... (Зн., 1990, № 7); Конечно, с творческой точки зрения *она совершенно из другой обоймы* (КП, 26.11.92); На протяжении четырех десятилетий он *входил в обойму западноевропейских писателей первого ряда* (НГ, 17.04.92); Владимир Макаин *никогда не считался прозаиком первого ряда, хотя пишет давно и отнюдь не хуже многих, прочно вошедших в престижные обоймы кандидатов во всевозможные лауреаты* (Рос. вести, 1993, № 15).

Это не единственное остаточное отражение прежнего милитаризма страны. Время от времени появляются разного рода «десанты» — экономические и др. Так, один из депутатов предложил «высадить экономический десант» — проверить ход реформы (ТВ, 26.02.92).

На страницах журнала «Молодая гвардия» до сих пор нередко встречаем выражения *идеологические диверсии, идеологические диверсанты* и т. п.

В публицистике 80-х—90-х годов целое море метафор. В метафорические контексты с политическим содержанием вовлекаются разнообразие тематические группы лексики. Это и *архитекторы перестройки*, и *острова тоталитаризма*, и *пирамида тоталитарной системы*, и *аграрный паровоз*, и *бастион коммунизма*, и *идеологический бульдозер*, и *бациллы национализма*, и *окопы партократии*, и *развалины идеологии* и т. д.

Я остановлюсь на некоторых главных тематических группах лексики, широко используемых в настоящее время в публицистике в качестве политической метафоры.

Одна тематическая группа, очевидно, активизировалась под влиянием слова *перестройка* в применении к жизни общества. Есть предположение, что сам этот термин (тоже метафорический) возник на основе марксистского метафорического представления общества в виде здания. Об этом, ссылаясь на книгу Althusser Z. Lire le Capital (Paris, 1968), Н. Д. Арутюнова пишет: «Со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение (Aufbau). Эта метафора позволяет выделять в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы. Об обществе говорят в терминах строительства, воздвижения и разрушения, а коренные изменения в социуме интерпретируются как его перестройка» [Арутюнова 1990, 14—15].

В то же время Н. Д. Арутюнова совершенно справедливо отмечает, что ассоциация общества со зданием, домом присутствует не только в социологии и экономике, но и в обыденном сознании⁵.

По моим наблюдениям, представление общества в виде здания, строения совсем не обязательно связано с Марксом. Еще до Маркса в русской литературе встречаются сочетания *здание литературы, здание просвещения, цивилизации, общественное здание* и т. п.⁶ В сущности выражение Пушкина *обломки самовластья* (Россия вспрянет ото сна, И на обломках самовластья Напишут наши имена — «К Чаадаеву») — очевидно, тоже порождено ассоциациями государственного устройства со зданием, строением. Вряд ли под влиянием Маркса уподобляют зданию государство и общество и такие публицисты, как Герцен и

Белинский. Ср.: ...Робеспьер и его товарищи, *разрушая все общественное здание*, никогда не касались до собственности (Герцен, К концу года); ...мы не можем быть консерваторами, потому что нам нечего хранить: *здание смешанного стиля, без архитектуры, без гармонии*, без корней и принципов, разнородное и полное противоречий... (Герцен, Пролёгомена); Комары, *мошки хотят поправлять и переделывать громадное здание, сооруженное исполином* (Петром I)! (Белинский, Тарантас). Ср. также употребление этой метафоры в советской печати 70-х годов: *Среди причин, швырнувших волну студенческого бунта о здание буржуазного общества*, социологи называют сексуальную неудовлетворенность... (НМ, 1971, № 10).

Итак, метафора «общество — здание, сооружение» не является новой для русской публицистики, но ее активизация, очевидно, все-таки связана с коннотациями, рожденными перестройкой, хотя само это слово первоначально и не было ключевым в данном метафорическом поле. Сюда вовлекаются кроме слов *здание, дом, строение* (а также *храм, казармы, тюрьма, дурдом*), названия частей дома, здания: *стены, крыши, блоки, коридоры, квартиры, этажи, лестница, ниши, двери, заборы* и т. д. Кроме того, метафорически представляется целая жизнь здания — от строительства до разрушения, поэтому в метафорическое поле включаются *развалины, руины, обломки* и т. п. Ср.: *Здание обновленного Союза, казармы застоя, дом окнами на войну, этажи тоталитаризма, коридоры власти* (первоначально, очевидно, от одноименного романа Ч. Сноу; есть такое название рассказа и у С. Довлатова), *кабинеты власти, национальные квартиры, лестницы национальной вражды, храм свободы, подвалы экономики, руины системы, развалины идеологии* и т. д. Все это находит отражение в соответствующих глаголах и прилагательных, что создает развернутый метафорический контекст. Приведу лишь некоторые примеры:

Он [Горбачев] *пытался отремонтировать здание устаревшей политики* (КП, 05.06.91); Не сумев разобраться на ходу в планах *рухнувшего здания, политики* в крайнем для себя случае, *уворачиваясь от падающих балок, прибежали всегда к крупномасштабным аттракционам* (КП, 03.05.91); *Это был бы первый крепкий кирпичик в здание обновленного Союза* (Ог., 1991, № 8); *Нельзя растаскивать ядерные вооруженные силы по национальным квартирам* (НГ, 05.01.91); Они... *изолируют себя в коридорах и кабинетах власти* (Волга, 1990, № 11); Все надо начинать снова *на руинах системы* (МН, 11.12.91); ...сила, на которую *опирается консервативная надстройка* (ЛГ, 20.02.90); ...а там все... — от детей Арбата *до архитекторов перестройки* (МГ, 02.02.92); Он способен *устоять среди идеологических развалин*

(Ог., 1990, № 52); Он оказался в самых дальних подвалах советской культуры и только теперь извлекается на свет (Ог., 1990, № 50).

Значения, которые возникают в этих метафорических употреблениях, семантически варьируются, но, рождаясь в политических контекстах, не выражают никаких политических смыслов. Это значения: *дом* — «общество» или «единство, сообщество»; *этажи* — «уровни»; *лестница* — «иерархия» и т. п. Аналогичны в этом отношении слова, отчасти примыкающие к полю «строение, сооружение»: *пирамиды, бастионы, башни* и т. п.

Восприятие перестройки как движения обусловило появление метафорического поля, дороги и пространства. Широко используется в разных метафорических контекстах само слово *пространство* (экономическое, политическое, демократическое, информационное и т. д.). Ср.: За последние годы стало расхожим выражение «единое пространство»: сначала *политическое*, потом *экономическое* и вот теперь *информационное* (ТВ, 17.03.92); Рядом с ним — *земля, остров, обрыв, пропасть, рывины, ухабы, обочина, периферия, бугор (за бугром, из-за бугра* — сменили прежнее «за океаном» — «в Америке» или вообще «за рубежом»). Ср.: Один из писателей Арзамаса-16, где я недавно побывал, сказал, что у них сохранились *островки социализма*. Задача коммунистов — вместе с народом — превратить наше государство в *материк социализма* (АиФ, 07.02.93); Кстати, многие из далеких «бывших», к их чести, вели себя адекватно *на обоих склонах «бугра»* [имеются в виду правители бывшего Советского Союза — Хрущев и др. в отличие от сегодняшних, которые за границей высказываются более откровенно о ситуации в России и о властителях, чем в России] (КП, 04.02.93); Пока наша огромная страна конвульсирует *в грязи политического бездорожья* (ЛГ, 13.02.91); *Демократия не всегда была конечным пунктом маршрута* (НМ, 1991, № 3); Придется пережить очередной *марш-бросок по очередным ухабам нашей экономики, политики и всего прочего* (МК, 12.01.91); ...эти методы дают прекрасные результаты «за бугром» (НМ, 1990, № 5).

Наиболее ярко тема дороги — движения выражается в метафоризации названий средств передвижения. Ср.: *поезд России, поезд федерации, корабль реформ, локомотив рыночных преобразований, забастовочная машина, аграрный паровоз* и т. д. Тема движения порождает и метафоры-глаголы — *экономическая реформа буксует, корабль зашел в тупиковую гавань* и т. п.

Некоторые примеры. *Поезд федерации уже ушел; Забастовочная машина очень скоро должна была остановиться; ...отечественный фермер пытается сделать аграрный паровоз, который может увезти*

нас навсегда от пустых магазинов. Но государство не хочет класть для него рельсы. (Ог., 1991, № 21); *Пока что корабль рыночных преобразований зашел в тупиковую гавань* (Изв., 02.10.91); *Наивно и полагать, что все изменится, стоит только вернуться на старые социалистические рельсы, как того требуют небольшие некоммунисты. Поезд пошел, и врать стоп-краны не менее опасно, чем на ходу переводить стрелки* (ЖП, 15.01.92); *...несущийся по России поезд приватизации* (ТВ, 23.03.94); *...становится ясным, насколько небезопасно сейчас раскачивать лодку Российской государственности* (ТВ, 24.03.94); *Стоимость зерна двинулась к мировой, она, как машинист, повела паровоз инфляции, подтягивая за собой все продукты к уровню мировых цен* (М. Гв., 1993, № 3); [Горбачев] *...стелил соломку... И, думается, все же не сам выпрыгнул из таратайки-тройки, которую в свое время для него запрягли* (М. Гв., 1992, №№ 11—12); *...«бронепоезд» ВС, на бортах которого начертан лозунг «Вся власть Советам!», усиленный тягловым локомотивом Конституционного суда... на всех парах движется навстречу «бронепоезду» власти исполнительной... «Бронепоезда» законодательной и исполнительной власти ходят не только по широкой российской колее. С рельсов сословного тоталитарного феодализма на рельсы парламентарного капитализма переходили и другие нации и их правители* (Стол., 1993, № 15).

Тема дороги, пути, движения, цели постоянно использовалась и все годы, предшествовавшие перестройке: мы все время шли к коммунизму (хотя скорее надо было плыть, так как этому соответствовал образ партии-рулевого). Но к коммунизму не плыли. Конкретизация характера движения и его атрибутов в доперестроечных политических контекстах была чревата последствиями. Зато в современной прессе это движение к коммунизму обрело законченный издевательский образ: *Но «наш рулевой», вечно озабоченный «сплоченностью своих рядов» и «постоянной заботой о благе трудящихся», вел корабль непонятным, непредсказуемым курсом, пока не зарулил в тупиковую гавань, где грустно качаются на воде ржавые, списанные, обреченные на металлолом суда* (Ог., 1991, № 21); *Если «административные рычаги» не действуют, то просто удивительно, с какой точностью мы плыли на маяк. Даром, что пропороли днище экономического корабля...* (МН, 13.01.91).

Осмысление жизни как движения по дороге, в том числе и на разных транспортных средствах, было свойственно и раньше русской художественной литературе и публицистике. У Пушкина встречается *телега жизни*, еще раньше метафорически жизнь осмысливалась как путешествие по морю житейскому. У публицистов XIX века, в частнос-

ти, у Герцена, можно отметить контексты, почти совпадающие с современными. Ср.: *Прогресс человечества тогда был известен как высочайший маршрут... этап в этап, на станциях готовили лошадей* (Герцен, Концы и начала); *...мы несемся в одном поезде с странными товарищами и не можем ни выйти на полдороге, ни остановиться, ни направить путь...* (Герцен, Концы и начала).

В современной публицистике эта метафора заметно политизировалась, поле ее разрастается за счет включения названий разных транспортных средств — тут есть и *телега*, и *сани*, и *лодка*, и *паровоз*, и *плот*, и *корабль*. Иногда они причудливо сочетаются, могут даже встретиться на одном дорожном пространстве или оказаться в несвойственной им среде передвижения, например, *лодка на ухабах*. Их денотативные различия не существенны для выражения политических оценок — важна цель движения, достижение этой цели, отсутствие аварий по дороге и т. д. Чаше политические оценки заключают в себе глаголы и их атрибуты: *буксует, ползет, летит, застрял, плывет (успешно, медленно и т. п.), сходит с рельсов, заносит в крутой вираж* и т. п. Оценочный характер носят и пространственные метафоры, они характеризуют ситуацию движения, в основном неблагоприятную: *бездорожье, на распутье, в тупике, у края пропасти, у обрыва, в трясине* и т. д. *Если бы Ельцин смог хоть на вершок вытянуть при этом российскую телегу из жидкого навоза, в котором она застряла, ...тогда дело реформ свершилось* (Стол., 1993, № 14 (124); *Неужели в нашем «баунти-марсовом» предпринимательстве действительно что-то закрипело, и экономическая телега повернула в сторону производства? Может, и выберемся теперь из оврага? Только бы палки в колеса не вставляли* (АиФ, 1994, № 18).

Переносные значения приведенных глаголов и пространственных словоформ в основном уже зафиксированы словарями. Что касается двучленных метафор типа *поезд федерации, корабль реформ*, то они остаются на уровне сравнения, не порождая новых значений у слов *поезд, корабль* и т. п. Так, высказывание *Поезд федерации ушел* имеет смысл: «Время федерации прошло, его не вернуть назад, как ушедший поезд». *Двойной тягой они [депутаты СССР] попытаются вновь вытянуть на дорогу паровоз коммунизма* (НГ, 12.03.92).

Еще одно актуализированное в настоящее время метафорическое поле — это тема болезни общества. Истоки этих метафор в публицистике восходят к идее уподобления общества живому организму со всеми его особенностями. Возможно, эти метафоры обусловлены влиянием философии Ф. Бэкона и Т. Гоббса, труды которых усиленно изучались в XIX веке многими русскими писателями и публицистами. В то же

время не исключена возможность метафорического употребления слова *болезнь* в применении к обществу вне зависимости от определенной философской концепции⁷.

И это метафорическое поле не родилось в годы перестройки. О болезни русского общества часто писали в XIX веке Герцен, Белинский, Салтыков-Щедрин и др. Так, у Герцена встречаем: *История болезни общества, агония июльской монархии, нравственная холера, куриная слепота школьного доктринаризма, лекарство болезням народа, хирургия, ампутация* (в применении к общественным явлениям), *тиф папства* (уже не о России, как и некоторые другие метафоры) и т. д.

Множество метафор Н. Бердяева представляет общество как организм. Вот некоторые примеры.

Новые образования будущего более ценны, чем *охранение одряхлевших исторических организмов; Унижение народа наносит рану прежде всего его духу, а не его телу*; Самое ведь важное и существенное — люди, живые души, *клетки общественной ткани...*; Вот почему необходимо устремить свою волю к *существенной свободе, к переРождению клеток общества* (Судьба России).

Ср. также в газетах 60-х годов: *стальные артерии страны* (Изв., 07.08.66); *молочные артерии* (Изв., 29.12.67).

В доперестроечный период в советской прессе тоже появлялись метафоры этого типа, но «болезни» усматривались только в капиталистическом обществе, и лексика болезни не составляла при этом целого семантического поля. Ср.: *умелый наркоз левой фразы* (НМ, 1971, № 12); *Поиск следов капиталистической проказы...* (НМ, 1971, № 10); *...Проказа буржуазной цивилизации* (НМ, 1971, № 10).

Еще раньше встречаем у Луначарского *микробы мещанства, гнойные язвы старого порядка* и т. п.: Тут перед вами интеллигент, который знанием своим воспользовался, чтобы бросить яркий луч *в ад старого порядка и осветить перед всеми его гнойные язвы* (Луначарский, А. Н. Радищев); ...каждый отдельный представитель положительного класса весьма часто *оказывается зараженным дурными болезнями мещанства, так что его надо лечить...* партийная ограда не оказывается непроходимой для *микробов мещанства* (Луначарский, Самгин).

О болезнях общества писал В. Соловьев: *Против социально-экономической болезни Запада, как против рака, всякие операции будут только паллиативами* (В. С. Соловьев. Три силы).

О больном советском обществе говорил В. Высоккий:

Вы огорчаться не должны, —
Врач стал еще любезней,

Ведь вся история страны —
История болезни.

(В. Высоцкий, История болезни)

В газетах 60-х годов встречались *болезни индустрии, экономики, отрасли, завода* и т. д. [Костомаров 1971, 234].

Особенностью метафор этого типа в период перестройки является то, что ни в какое другое время эти метафоры не создавали такое целостное семантическое поле, перенесенное в поле политики. Здесь есть все: *болезнь, виды болезней, симптомы заболеваний, источники болезней, виды лечений, лекарства, исход болезни* и т. д. Вот перечень некоторых метафор.

Болезнь общества, малокровие нравственной природы, атрофия власти, паралич власти (экономики, агросистемы, информационный и т. д.), аллергия на контакты с прессой, высокая температура общества, бациллы феодальной морали, злокачественная опухоль национализма, оздоровление финансов (экономики и т. д.), реанимация центра (экономики, политической системы и т. д.), шоко-терапия, долларова инъекция и т. д. (последние две метафоры заимствованы из западной прессы и уже успели стать штампами). Использование выразительной *шоко-терапии* и т. п. свидетельствует не только о том, что метафоры и штампы распространяются через границы, но и о некотором единстве в способах осмысления общественных процессов.

Включение в поле политики едва ли не всей тематической группы лексики из поля болезни создает целостную картину отражения в общественном сознании жизни современного общества. Приведу лишь некоторые из многочисленных контекстов:

Болезнь суверенизации оказалась заразной (КП, 17.10.91); ...узнаем, какие *рецепты излечения нашего больного общества* предлагают ему... (МН, 21.04.91); В любом социальном слое... вы найдете *бациллы той самой феодальной морали* (КП, 17.04.91); Неужели *церковь у нас поражена вирусом большевизма* (КП, 04.06.91); *Вирус импичмента* (КП, 31.03.93); Впереди маячит *паралич экономики* (МН, 21.04.91); *Импотенция власти* (ЛГ, 16.10.91); Казалось, что разрешение повышать оптовые цены ликвидирует тот *тромб, который закупорил процесс заключения хозяйственных договоров...* (Ог., 1991, № 14); *Дети климкса системы* (НМ, 1991, № 3); *Агония социализма затянулась...* (МН, 29.09.91); ...думается, что именно нынешние события показали — *иммунитет не потерян и есть надежда на выздоровление* (НГ, 18.01.92); Его приход к власти означал бы курс на *реанимацию командной системы* (КП, 06.06.91); *Большая, издерганная страна нуждается не в шоко-, а в психотерапии* (МН, 29.09.91); ...такой привив-

ки от коммунизма, как в нашей стране, не было нигде и никогда... (Ог., 90, № 42); *Свободные цены... много, менее горького лекарства не осталось*. Вопрос лишь в одном — не станет ли лекарство *цианистым калием*? (ЛГ, 23.10.92); И СНГ, и Россия заражены *вирусом распада* (ТВ, 29.03.92); Мощные демократические традиции, толерантность к инакомыслящим и «инаковыглядающим», казалось, служили надежной *вакциной против распада* (НГ, 03.03.92); ...это *попытки реанимировать старую экономическую программу* (НГ, 03.03.92); Это ... слепое ориентирование на Запад... неизбежно приведет к *раковой опухоли на теле нашего общественного организма* (НГ, 03.03.92); Несмотря на то, что он на пенсии, В. Ивашко нередко проводит *«зондаж» относительно будущей работы на Украине* (АиФ, 1992, № 10); ...оно [ТВ] так и не может остановиться, преподнося «народонаселению» все новые *порции политической шокоотерапии*. Не везде это нравится. Некоторые *дозы «голубого лекарства»* явно велики для ряда республик и регионов (АиФ, 1992, № 10); Останкинская башня — идеологический *шприц* — вливание наркотиков — подкожно, внутримышечно и внутривенно (ТВ, 10.03.92); Так что будем считать последнюю русскую революцию клиническим случаем, чуть было не приведшим страну к летальному исходу (АиФ, 27.07.93); *Все началось с коллапса производства* (КП, 21.03.93); ...центральные пункты этой программы... нашли воплощение в *керенщине и бериевщине, хрущевщине и брежневщине, горбачевщине и ельцинщине*. И, конечно же, в текущем *антиимперском коллапсе* (М. Гв., 1992, № 11—12); *Вирус демократии*, занесенный к нам с Запада, уже сам на издыхании (М. Гв., 1993, № 9); А между тем *метастазы Великого Турана* проникают во все щели нашего обветшалого российского дома (М. Гв., 1993, № 9); А на комсомол у студента *стойкая аллергия еще с эпохи застоя* (АиФ, 1994 № 16); Считаю, что такая *аллергия на некоторых депутатов*, которая проявляется у наших председательствующих, — это ошибочная, ложная реакция (Театр, 1990, № 7).

Как и в предыдущих группах метафор, слова из семантического поля болезни внутри политического контекста развивают значения, не связанные с политикой. Так, у слова *склероз* развивается значение «отсутствие памяти на что-то», «забвение чего-то» (*склероз гражданской совести*), *аллергия* приобретает значение «неприятие», «отталкивание от чего-то», *малокровие* — «бессилие», «слабость», *реанимация* — «возрождение», «восстановление» (чего-то уже безнадежного) и т. д. Некоторые переносные употребления слов этой группы отмечены в словарях (*болезнь, лекарство, агония, паралич* и др.).

Слово *реанимация* и его производящее *реанимировать* стали модными и в разных контекстах употребляются со значениями «восстановить», «восстановление» уже без специфически «болезненных» коннотаций. Ср.: ...*сессия оправдала реанимацию политической цензуры, введенной в дни путча* (ЖП, 01.10.91); так появилась новая команда, для которой было *реанимировано название «Лига блюза»* (ЖП, 04.08.93).

Все три рассмотренных типа политических метафор периода перестройки имеют общие структурные черты — это в основном двучленные метафоры: *корабль реформ, здание экономики, вирус большевизма*. Все они в политических контекстах выражают оценку современной общественной ситуации. Но в первых двух типах оценка не заложена в семантике составляющих без участия контекста. Ни названия здания и его частей, ни названия транспортных средств сами по себе не обладают оценочными коннотациями (исключение составляют слова типа *казармы, колымага* и некоторые другие); третий тип существенно отличается тем, что уже ключевое слово *болезнь* в применении к обществу оценочно и каждое слово из этого семантического ряда носит оценочный характер за счет пресуппозиции: даже слово *выздоровление* содержит в составе семантических компонентов пресуппозицию — *болезнь*.

Это и «самая политическая» метафора; в ней прекрасно уживаются разные политические позиции пишущих: стоит только изменить вторую часть конструкции, и оценка легко меняет направление. Ср., например, *бациллы национализма, вирус большевизма и приступ антисталинской паранойи*.

Весь рассмотренный набор метафор достаточно хорошо показывает, как отражаются в общественном сознании разные фрагменты картины мира, состояние общества и происходящие в нем процессы. Характерно, что весь «арсенал» метафор используется прежде всего для изображения негативных сторон политики, экономики, социальной обстановки в целом для «разоблачения», точнее — образного обругивания политического противника. Заметим, что это не специфическая особенность политической метафоры. Отмечая, что почти 80% языковой метафоры носит пейоративный характер, Г. Н. Скляревская справедливо, на наш взгляд, утверждает, что «это явление имеет не только языковую природу, но и психологическую, и социальную, и его еще предстоит исследовать с позиции аксиологии» [Скляревская, 1991, 11]. Иную картину из всех сфер языка представляет в этом отношении только язык художественной литературы, и прежде всего — лирической поэзии.

Интересно, что и 150 лет назад общественно-политические ситуации в России осмысливались в тех же семантических категориях, что и в годы перестройки. Совпадения метафорических моделей у публицистов XIX века и нашего времени, очевидно, не свидетельствуют о заимствовании. Возможно, мы имеем дело с большей устойчивостью, консервативностью способов мышления у публицистов разных эпох, чем это принято представлять.

Необычный метафорический «бум»⁸ в публицистике в какой-то степени объясняется раскрепощенностью языка современной прессы: появилась возможность сравнивать все со всем. С другой стороны, существует мнение, что обилие метафор свидетельствует об отсутствии строгости, точности выражения мысли. Ср.: «В различных отраслях знания: в эстетике, политике, социологии, этике, психологии, теории языка и т. д. — наши основные трудности связаны с выяснением того, как мы используем метафору и как наши по видимости устойчивые слова изменяют свои значения» [Ричардс 1990, 46]. Еще более резко об этом писал Салтыков-Щедрин: «Мы охотно прибегаем к образам (забывая, что это доказывает только нашу непривычку мыслить), до того охотно, что даже не даем себе труда проверить, имеют ли эти образы какое-нибудь отношение к данной мысли» (Письма о провинции).

Возможно, что это не лишено оснований и по отношению к нашему смутному времени.

Особое место в политических контекстах занимают некоторые лексические модели генитивных метафор, характерные преимущественно для языка поэзии XIX и XX века (в художественной прозе и в литературно-критических статьях они встречались гораздо реже). Остановимся на одной лексической модели двучленной генитивной метафоры, первая часть которой — название животного (возможно, мифического), а вторая — отвлеченное существительное (в поэзии — обычно название чувства, состояния, свойства и т. п.). Ср.: *змея воспоминаний* (Пушкин), *медведь ревности* (Маяковский). По поводу этой метафоры В. П. Григорьев пишет: «Зоологическая “эмблематика” в ее отношении к СрМтф [метафоры сравнений. — О. Е.] — все еще почти не исследованное явление, а по сравнению с предметными сопоставлениями в СрМтф — относительно редкое» [Григорьев 1979, 232]. Структурно эта модель входит в ряд двучленных поэтических метафор типа *золото волос*, своеобразно только ее лексическое наполнение. Этот тип метафоры в XIX веке встречался у многих поэтов (изредка в прозе и литературной критике). Вот отдельные примеры: *гидра зависти и злословия* (Карамзин), *змея воспоминаний* (Пушкин), *ехидна вражды и клеветы*, *змея зависти* (Батюшков), *змеи коварства* (Лермонтов), *гидра ханже-*

ста (Белинский) и др. Метафоры *змея тоски*, *змея клеветы* в поэзии XX века (в частности, у Д. Ратгауза и у Н. Минского) оцениваются В. Брюсовым как поэтические штампы [Брюсов 1912, 184]. Но именно стихотворение В. Брюсова (перевод из Метерлинка), в котором были *собаки секретного желанья* и *олени лживых снов*, вызвало знаменитую пародию В. Соловьева с *гиеной подозренья*, *совой благоразумия* и другими изощренными метафорами этого типа [Соловьев 1895, 850].

В то же время, несмотря на пародию В. Соловьева, в которой расширение «зоомира» в этом типе метафоры остроумно высмеивалось (а может быть, и благодаря этой пародии), в поэзии и отчасти в прозе XX века в поле этой метафоры «ворвались» разные живые существа⁹. Это и *медведь ревности*, *еж противоречий*, *вобла воображения* (Маяковский), и *бык воспоминаний* (Л. Мартынов) и др. Контексты при этом совсем не обязательно шутливо-пародийные (ср., например, *курица славы* Маяковского и *бык воспоминаний* Л. Мартынова). Встречается эта лексическая модель метафоры и в прозе XX века. Приведем лишь некоторые примеры.

Я вижу, вы не понимаете меня, гонениям подвергается коммунист, ужаленный *змеей ревности*. И жалостливый коммунист тоже подвергается гонениям. Лютик жалости, *ящерица тщеславия*, *змея ревности* — эта флора и фауна должна быть изгнана из сердца нового человека (Ю. Олеша, Зависть); Дикий и точный *конь страха* вынес и выбросил меня из здания школы (Ф. Искандер, Мой кумир); Изъездил всю планету корреспондент, *старая гиена пера* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Возвращение); ...У него солдафонский комплекс. Ему ведь нельзя нигде в форме показываться, *глисты тщеславия* жрут немилосердно (Братья Вайнеры, Петля и камень в зеленой траве); Как ни старался он [Ленин], пользуясь бубновым тузом, отпихнуться от прочитанных или «перелистованных» сочинений «философской сволочи» — все-таки кое-что от них в его мозг скакнуло: *блохи раздумья!* (Н. Валентинов, Встречи с Лениным); Так бы и строчил никому не нужные термины, гнал бы за *журавлем славы*... (С. Антонов, Васька); Когда *райская птица удачи* заглядывает в окна писателя, он, по-видимому, не должен думать о том, что вот оно случайно явилось признание его усилий (М. Гв., 1992, № 10); ...в этих повадках старомодного жиголо трепетала неубитая страсть, билась слепая жажда обладания, ...когда в мужчине просыпается *зверь преследования*... (Ог., 1993, № 19).

В политические контексты метафоры этого типа вводят писатели, журналисты, литературными критиками, для которых эта модель остается живой и представляет собой незакрытую структуру. Так появляются на страницах публицистики *дракон тоталитаризма*,

гидра шовинизма, фурия русофобии и др. Вот некоторые примеры: *Дракону тоталитаризма* неловко живется с отрубленной головой, и он вместо башки коммунистической примеряет новые (НГ, 06.06.92); Что же мы, неужто всерьез собираемся «раздавить *гадину коммунизма*» (читай: *нищеты, смерти и скорби*) — если плодим своими проклятьями новое мщение (КП, 08.10.93); Очередная *башка стоголовой коммунистической гидры* раздавлена (КП, 19.10.93); И тогда Ельцин — подобно вещему Олегу — примет смерть от коня своего: из пустой черепной коробки прошлого выползет *змея тоталитарного режима* (День, 1—7.03.92); Но, как только *змея съездовских дискуссий* делала крутой изгиб, одно из кресел балкона вдруг начинало являть собой некий генератор (Ог., 1993, № 14—15); ...народу предлагают проголосовать за никому не ведомую «президентскую республику» и одобрить право каждого владеть, пользоваться и распоряжаться землей. Не есть ли это дичинная попытка обмануть народ, продать ему в привлекательной упаковке *дохлую кошку вашей реформы* (М. Гв., 1993, № 7); ...прорастает *удав преступности* (А. Солженицын. Выступление перед москвичами 21 июля 1994 г., ТВ, Новости).

Заметим, однако, что эта лексическая модель уже вводилась в политический контекст начала XX века. Это — *гидра революции* и *гидра контрреволюции*. Оба выражения отмечены в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова как свойственные языку газет, первое сопровождается пометой («в устах монархистов»). В более поздних толковых словарях эти метафоры при слове *гидра* не фиксируются. Возможно, именно *гидра революции* и вызвала к жизни *дракона тоталитаризма*.

Кроме зоонимов в составе генитивной метафоры встречаются и названия разных чудовищ, в том числе и с человеческим обликом, а также чертей. Ср.: *Медуза-Горгона журнальных драк, фурия русофобии, черт гиперинфляции, князь лжи* и др. В последнем случае смысл метафоры двойной — это и ложь в образе сатаны и сам Сатана, поскольку метафора мотивирована выражением *князь тьмы*. *Черт гиперинфляции* явно ассоциируется с *ангелом утешения, демоном нетерпения, демоном бумагомарания, духом отрицания* (Пушкин). Несколько примеров:

Пожалуй, поучительней всего исторический опыт Франции. Здесь правящая элита проявила чудеса изворотливости и политического искусства, не раз проводя корабль французской государственности между *Сциллой военной диктатуры* и *Харибдой народной анархии*... (Стол., 1993, № 15); Вождедеют же к ней, мифической *Медузе-Горгоне журнальных драк*, те, кто как-то отбилсЯ от привычных литературных жанров (Знамя, 1990, № 7); Значит, не так страшен *черт гиперинфля-*

ции, как его малюют, раз у народа все еще есть такие деньги (НМ, 1993, № 3); *Джин вседозволенности и гласности*, как и в революционные годы, обладал, однако, одной особенностью (М. Гв., 1992, № 11—12); Предстоит небывалая борьба, потому что *Князь лжи* на сей раз выступает под прикрытием близких для сердца каждого секулярного человека — ...лозунгов: свободы и прав личности (НМ, 1993, № 3).

Как показывают примеры, в политических контекстах генитивная метафора на основе сравнения денотата второго компонента модели с денотатом первого выражает резко отрицательную оценку того политического явления, которое названо генитивом. Нейтральных метафорических обозначений мы не встретили¹⁰.

В связи с этим надо заметить, что в составе двучленной метафоры совсем не всегда возникают отношения прямого сравнения денотата второго члена с первым [Баранов 1991, 189].

Этого не наблюдается в модели, в известной мере омонимичной *медведю ревности*: *Мастодонты системы, акулы капитализма, быки буржуазии* и т. д.

В сочетаниях *мастодонты системы, мастодонты партийного фундаментализма* нет сравнения системы с мастодонтами. Мастодонтами метафорически обозначаются люди, в данном случае коммунисты. Но это одновременно заключает в себе оценку системы как допотопной, безнадежно устаревшей: У кого, кроме *мастодонтов партийного фундаментализма*, повернется язык порочить умную иронию или трезвую скептическую недоверчивость, даже непочтительность, выраженную хладнокровно и корректно? (ЛГ, 17.06.1991).

Аналогичные отношения компонентов находим в метафоре *акулы социализма*, которые появились в демократической прессе на смену *акулам капитализма*. У Сталина Р. И. Розиной отмечена метафора *цепные собаки капитализма* [Розина 1991, 45]¹¹. В газетах иного направления по-прежнему есть *акулы бизнеса, акулы рынка*: На их глубинное родство — коммунистического прошлого и капиталистического настоящего — ... указывает легкость той метаморфозы, с какой *партийные боссы* ныне становятся *акулами рынка* (День, 1—7.03.1992). В любой прессе встречаются *акулы наркомафии*. Недавно появились *волки войны, демократии* и т. д.

Вводятся в политический контекст и другие лексические модели двучленных метафор, прежде не имевшие ничего общего с политикой и бывшие достоянием только художественной речи. Ср.: Неукротимая жажда свободы не ведает норм, не опьянится вином конституций, не утолится крошном реформ (М. Кудимова, Арысь-Поле)¹².

Из метонимических моделей, прежде свойственных, как правило, языку художественной литературы, начала проявлять активность одна — наименование совокупности лиц по характерной для них одежде, головному убору, прическе и т. д. (...И вы, *мундиры голубые*, — у Лермонтова; ...*везет этим шиньянам* — у Чехова)¹³.

В XIX веке метонимическое употребление названий одежды или ее атрибутов (*султаны*) в форме множественного числа нередко использовались для обозначения различных социальных групп. Ср.: *Бегут армяки, полушубки, чепцы... треугольные шляпы и султаны, шинели всех родов* (Гоголь, Театральный разъезд); *Копшатся, как раки в решетке, сотни тулупов, бекеш, меховых картузов, цилиндров* (Чехов, В Москве на Трубной площади).

В современной прессе широко употребляются названия головных уборов прежде всего для обозначения различных воинских подразделений: *черные береты* — «бойцы ОМОНа», *красовые береты* — «спецназ», *голубые береты* — «солдаты ООН» и некоторые другие:

Противостояние перешло в новую фазу: печатники в ответ на действия «*черных беретов*» были обстреляны в тот момент, когда расчищали завалы на дороге в Южной части Магадишо (КП, 29.06.93); Отличительной чертой «ангелов» [американская добровольная организация по борьбе с преступностью. — О. Е.] являются *красные береты* и огромные ковбойские бутсы... Пока что московская милиция не выражает особых восторгов по поводу планов «*красных беретов*»... (КП, 09.06.94); На фене [жаргоне] «*красная шапочка*» — «солдат внутренних войск» (КП, 13.08.93).

Разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой

Активные политические процессы в жизни советского общества, появление на политической арене многочисленных партий и группировок, близких и резко различных, размыли критерии четкого разграничения позиций внутри политических объединений. Отсутствие четкости и стабильности в содержании некоторых политических терминов привели к декорреляции привычных синонимических и антонимических связей в лексике, относящейся к сфере политики. С этой точки зрения представляются интересными современные семантические соотношения слов: *коммунист—демократ, коммунист—большевик, демократ—патриот, левый—правый*.

Долгое время такие слова, как *коммунист*, *большевик*, *ленинец* представляли собой синонимы по денотату. Так их определяли словари. Однако в последние несколько лет наметилась тенденция противопоставлять слова *коммунист* и *большевик*, *коммунизм* и *большевизм*: коммунизм — идеология, большевизм — линия поведения в политике, агрессивное крыло коммунизма и, главное, неонацизм, который может маскироваться в антикоммунизм. Ср.: ...как бы не убедиться, что большевизм «цветет и пахнет» под вывеской самого яростного антикоммунизма. Кстати, очевидно — чем яростнее антикоммунизм, тем больше в нем большевизма. Да, вопрос «ты за большевиков или за коммунистов» совсем не праздный. Коммунизм уходит. С большевизмом предстоит еще очень долгое прощание (ЛГ, 91). В свое время Шульгин, член Государственной Думы, в книге «Дни» смеялся над тем, как участвовавший в революции народ был «осведомлен» о том, за что, за какую идеологию он проливает кровь. На вопрос: «Вы коммунисты?» — солдат революции отвечает: «Нет, что ты! Мы эту сволочь, коммунистов, сами бьем. Мы большевики». Ср.: И вот уже не по невежеству говорящих, а по развитию событий намечается это разграничение. Но последовательность не в употреблении *большевик* — *большевизм* и *коммунист* — *коммунизм* не наблюдается, зато явно определилась оппозиция политических терминов *коммунист* — *демократ*, *социализм* — *демократия*. Разумеется, это противопоставление существовало и раньше, в «подпольной» печати, или в «самиздате». После многолетних утверждений, что социализм-то и несет обществу демократию, мы встречаем в печати высказывание: «Что ж, всему свое место... И социализму — свое, и демократии с прогрессом» (ЛГ, 10.05.91).

Кроме противопоставления *демократ* — *коммунист*, наметилась оппозиция *демократ* — *патриот*. Слово *патриот* в настоящее время нередко употребляется вместо и в значении «национал-патриот». В демократической прессе такое употребление слова *патриот*, естественно, имеет пейоративную окраску и применяется как синоним слова *националист*. Вот некоторые примеры того, что современное общественное сознание относит слова *националист* и *патриот* к одному семантическому полюю.

— В фильме вы, поднимая *патриотическую тему*, обрекаете себя на заведомую критику. — Меня нечего обвинять в *национализме*. Я — азербайджанец, но слово «мама» впервые сказал русской женщине (КП, 28.09.91 — разговор с кинопрокатчиком Таги-заде); Достается от «*патриота*» Сорокина и нашей газете. Ему так хочется, чтобы «ЛГ» дула с ним в одну дуду, а она, поди ж ты, чурается идеи создания в республиках комитетов национального спасения... (ЛГ, 21.06.91); Не сама ли

рука тянется заключить столь популярные ныне слова как «демократ» и «патриот» в кавычки? Только ли взаимная неприязнь демократов и патриотов тому виной? (НГ, 03.03.92).

Разумеется, это употребление слова *патриот* не подменяет его прежнего высокого значения (но для его реализации нужны добавки — *подлинный, настоящий* и т. д.).

Процесс декорреляции политических терминов выражается на примере слов *левый—правый* и соотносительных с ними производных — *справа—слева, направо—налево, праветь—леветь* и др. Совершенно ясно, что содержание этих понятий определяется точкой отсчета, тем, «откуда» устанавливается направление. В то же время существует и довольно устойчивое представление: *левый* — «радикальный», *правый* — «консервативный» или даже «реакционный». Соответственно, с точки зрения одной части нашего общества, левые — это демократы, правые — противники демократических преобразований. Естественно, такое употребление встречается прежде всего в демократической прессе. Но в связи с размытостью в настоящее время содержания понятий демократ и антидемократ возможно любое манипулирование и словами *левый* — *правый*. Так, в некоторых выступлениях наблюдалась попытка истолковать позицию демократов в нашей стране как правую, поскольку они отвергают социалистическую идею, выступают за капитализацию общества. «Не ясно ли, что в их лице мы имеем дело с типичной оппозицией правого толка», — сказал в одном из своих выступлений М. С. Горбачев. В связи с этим газеты стали острить: «В связи с последним Указом президента о переименовании левых в правых и наоборот, напоминаем, что: вместо «встать с левой ноги» следует употреблять выражение «встать с правой ноги», вместо «правоохранительные органы» следует поминать добром «левоохранительные органы», а вместо слов «Борис, ты не прав» следует шутить «Борис, ты не Лев» (КП, 05.01.90).

Интересно, что в современной прессе коммунисты в нашей стране оцениваются как правые силы, в других государствах коммунистические партии по-прежнему именуется левыми. Ср.: Одной из немногих *левых* партий Латинской Америки, никак не отреагировавших на изменения в СССР, *остается компартия Кубы* (КП, 15.06.90). Бывшие диссиденты в нашей стране могли быть только левыми, но, уезжая в страны с иным общественным строем, по отношению к этому строю оказывались правыми. Об этом пишет С. Довлатов: А с Чарли мне всегда было легко... К тому же Чарли был «розовым», *левым*. А мы, российские беженцы, — *правые* все, как один. *Правее* нас, как гово-

рится, только стенка... Я спрашивал его: — Вот ты ненавидишь капитализм. Почему же ты богатый? (С. Довлатов, Ремесло).

Национал-патриоты, которые ругают и демократов, и коммунистов, называют себя правыми. *Правое дело — правое* (М. Гв., 1992, № 9); ...«Левых» и «правых» патриотов не бывает. Потому как мы правы. Ибо дело наше правое (М. Гв., 1992, № 9).

Таким образом, в связи с отсутствием четкой денотативной соотнесенности политических терминов *левый*, *правый* их семантика носит не вполне определенный, размытый характер. Понятно замечание диктора телевидения: Новое правительство (одной из европейских стран), видимо, сделает *поворот вправо — по европейской шкале*. Ср. еще высказывания по этому поводу: Понятия «правизны» и «левизны», пересекая государственную границу, меняются, как в конгрдансе, местами и ролями, так что действительно трудно не улыбнуться: «Правая, левая где сторона?» — отметив, как тесно смыкаются идеи сегодняшних советских «леваков», «радикалов» и «авангардистов» с идеями «западных» консерваторов (Зн., 1990, № 1; С. Чуприн. Ситуация, с. 218). Ср.: Однако, говоря «левое» и «правое», нужно видеть, что и «левизна» одних и «правизна» других лежала по левую, революционную сторону от культурной традиции (это, конечно, не лишне помнить, когда наше общество стало сегодня похоже на ту гоголевскую девочку, что путала право и лево, и сторонников рынка и частной собственности именует левыми, а приверженцев «социалистического выбора» — правыми) (НМ, 1992, № 3).

Мы отметили лишь некоторые семантические процессы в лексике русского языка 90-х годов, обусловленные процессами общественно-политическими.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 30-е годы слово *тройка*, по данным словарей, имело значение (также ставшее семантическим архаизмом): «комиссия из трех человек, назначаемая для какой-нибудь специальной работы» (Сл. Уш.). Практически эта «специальная» работа заключалась в вынесении приговора без суда и следствия, ср.: Как будто зов из-под земли: «Если не будете вы о нас читать — значит, мы приговорены самым страшным, хуже всех *троек*», приговором — мы приговорены к полному забвению» (Зн., 1990, № 12); Трибуналы состояли из политкомиссара полка и двух представителей партийной ячейки, причем вынесенные этими *тройками* приговоры обжалованию не подлежали (НГ, 23.04.92); В одной из них [стран] расстрельно судили *тройки*, и люди гнили в лагерях (КП, 11.11.92); Сегодня, конечно, не 1937 год, и судебные «тройки» канули в Лету (КП, 01.05.92).

² В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1934—1940) это значение еще не отмечено. В новых изданиях толковых словарей оно, очевидно, будет отмечено как семантический архаизм — советизм.

³ О словах, не попавших в толковые словари по идеологическим соображениям, — *лишеницы, невозвращенцы, невыездные, спецпереселенцы, спецпайки, спецбольницы* и др., пишет Эрик Хан-Пира. Он также отмечает отсутствие в словарях развившихся в советское время значений слова *номенклатура* [Хан-Пира 1990, 239; о словах с корнем *спец* — см. Крысин 1990, 64—69].

⁴ Слово *разрядка* вошло в сферы политики еще в доперестроечный период. Слова *застой* и *перестройка* употреблялись по отношению к общественной жизни в XIX веке. Ср.: «*В обществе застой совершенный*» (Тургенев, *Новь*); «*При этой ломке и перестройке всех убеждений являлась естественная потребность отдыха и одиночества*» (Герцен, *Былое и думы*).

О перестройке в экономике, в сельском хозяйстве, в общественной жизни писали в официальной печати уже в 30-х годах XX века. Ср., например, употребление этого слова Сталиным: «*Характерная особенность этого наступления состоит в том, что оно уже дало нам ряд решающих успехов в основных областях социалистической перестройки и реконструкции нашего народного хозяйства* (Год великого перелома). Цитируется по [Розина 1991, 42].

Первоначально слово *перестройка* и М. Горбачевым использовалось для обозначения изменения общественного сознания.

⁵ Иллюстрируя свою мысль, Н. Д. Арутюнова приводит слова Б. Пастернака, сказанные им А. С. Эфрон: «*Как все-таки ужасно прожить целую жизнь и вдруг узаннеть, что в моем доме нет крыши, которая бы защитила тебя от злой стихии*» — и ответ дочери Цветаевой: «*Крыша прохудилась, но разве не важнее, что фундамент нашего дома крепкий и добротный*» [Арутюнова 1990, 15].

⁶ Отмечено также, что *строительство* и *жилище* являются частыми источниками метафор в разных языках [Гак 1993, 138].

⁷ Известно, что в художественной литературе разных народов, в т. ч. русской, с болезнью ассоциировалась любовь, нередко мода (как общественный недуг). Ср. у Пушкина: Несите прочь медикамент: *Болезнь любви неизлечима; Припрыжки, каблучки, усы* Все те же: их не изменила *Лихая мода, наш тиран, Недуг новейших россиян* (Евгений Онегин).

⁸ Такое обилие метафор, какое мы встречаем в прессе последних лет, наблюдается, пожалуй, еще только у Герцена, за что его упрекали некоторые исследователи. Ср.: «*Герцен-писатель был лаконичен, но не точен. Он думал в метафорах и употреблял метафорами в качестве кодов*» [Rothe 1984, 171].

⁹ Справедливо пишет В. П. Григорьев: «*Знаменитая пародия Вл. Соловьева..., казалось бы, надолго, если не навсегда, сделала сочетания типа *ослы терпения* и *слоны раздумья* невозможными в высокой поэзии... Удар был нанесен сильный*». Однако, отмечает В. П. Григорьев, этого не произошло, иллюстрируя это положение примерами из Маяковского, Олеси, Цветаевой и анализируя стихотворение Л. Мартынова «*Бык воспоминаний*», полностью построенное на развернутой «зоологической метафоре» [см. Григорьев 1979, 228—232].

¹⁰ Генитивная метафора, несмотря на ее оценочный характер, не является чисто предикатной, хотя и встречается в позиции сказуемого. Например: Подобно

тебе, псу, изрыгающему пламя, государство есть *пес лицемерия* (Ницше. Так говорил Заратустра. Пер. С. П. Нани).

В этом примере помимо имплицитной предикации внутри генитивной конструкции («лицемерие подобно псу») имеется и эксплицитная предикация. Возможно, однако, что здесь метафора совсем иного типа: имплицитная метафора отсутствует, а эксплицитная метафора толкуется так: «государство — пес, служащий лицемерию».

¹¹ Ср. также метафору в листовках, распространявшихся в 1993 г. «Белым братством»: Это [церкви] мертвые дома, это тараканы гнезда, в которых *черные тараканы* «*православия*» кусают друг друга и эпидемизируют народ.

¹² Ср. более естественную для этой лексической модели среду в тексте Л. Толстого: ...едва он обнял этот тонкий, подвижный, трепещущий стан и она зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко от него, *вино ее прелести* ударило ему в голову (Л. Толстой, Война и мир).

¹³ Употребление типа *голубая пижама промолчала, рыжие панталоны вздохнули* по-прежнему остается достоянием художественной речи. Разговорные номинации типа *в синем пальто* (*Здесь в синем пальто не проходила*), по нашим наблюдениям, никогда не реализуются в конструкции *синее пальто* (*белая шуба, рваный халат*) *здесь стояло* (*сказало, ушло* и т. п.).

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры, М., 1990.
- Баранов А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Брюсов В.* Далекие и близкие. М., «Скорпион», 1912.
- Вежбицка А.* Аянтоталитарный язык в Польше: Механизмы языковой самообороны // ВЯ, 1993, № 4.
- Гак В. Г.* Рецензия: Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) // ВЯ, 1993, № 3.
- Григорьев В. П.* Поэтика слова. М., 1979.
- Ермакова О. П.* Семантические процессы, характерные для русской лексики 80-х—90-х годов в связи с процессами общественно-политическими // Aufbau, Entwicklung und Struktur des Wortschatzes in den europäischen Sprachen Baldur Panzer (Hrsg), Verlag. Peter Lang. Frankfurt am Main, 1993.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Творчество Владимира Высоцкого в веркале устной речи // ВЯ, 1993, № 1.
- Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М., 1971.
- Крысин Л. П.* Из истории употребления слов *особый* и *специальный* (социолингвистический анализ). // Русистика (Берлин), 1990, № 2.
- Новые слова и словари новых слов. Л., 1983.

- Поливанов Е. Д.* Революция и литературные языки Союза ССР. // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Ричардс А.* Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.
- Розина Р. И.* Корифей пропаганды, или риторика Сталина // Наука убеждать — риторика, 1991, № 8.
- РЯСО, 1:* Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. Под ред. М. В. Панова. М., 1968.
- Скляревская Г. Н.* Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991.
- Скляревская Г. Н.* Структура личности сквозь призму языковой метафоры. Русистика (Берлин), 1991, 2.
- Словарь синонимов русского языка.* Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1971, т. 1.
- Словарь языка Пушкина.* В 4-х тт. М., 1956—1961.
- Соловьев В.* Еще о символистах // Вестник Европы, 1896, т. V, кв. 10.
- Ульман С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике, вып. V. М., 1970.
- Ферм Л.* Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.
- Хан-Пура Э.* Языковой факт и идеологическое сито // Знамя, 1990, № 9.
- Jordanova L.* Die demokratische Wende in der Gesellschaft und ihre Widerspiegelung in der bulgarischen Sprache (1981—1991) // Aufbau, Entwicklung und Struktur des Wortschatzes in den europäischen Sprachen. Baldur Panzer (Hrsg.). Peter Lang Verlag. Frankfurt am Main, 1993.
- Rathmayr R.* Von Kommersant bis джаст-ин-тайм: Wiederbelebungen, Umwertungen und Neubildungen im Wortschatz der Perestroika//Slavistische Beitrage, Band 274. Slavistische Linguistik 1990. Verlag Otto Sagner. München, 1991.
- Rothe H.* Herzen's thinking. Alexander Herzen and European Culture. Proceedings of an International Symposium, 6—12th Sept. 1982. Ed. by M. Partridge. 1984. (Резюме на русском языке: «Цитаты Герцена: внутренняя форма его мышления»).
- Weiss D.* Was ist neu am «Newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion// Slavistische Linguistik 1985, München, 1986.

ГЛАВА II

Е. В. Какорина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И СОЧЕТАЕМОСТИ

(на материале языка газет)

Отвечая на вопрос о том, из чего же складывается новизна языка современности, исследователи выделяют следующие факторы языкового развития. Отмечается тенденция к усилению функциональной мобильности языковых единиц. «Этот процесс разворачивается как по вертикали (от социолектов к общему просторечию и к литературному языку), так и по горизонтали (от периферийных участков языковой системы к ее центру или общему ядру). В этом процессе средства массовой коммуникации, в том числе пресса, играют заметную роль» [Швейцер 1993, 54].

В современном газетном узусе доминирует установка на заимствования из периферийных сфер системы языка, из его пассивного фонда. Активно протекает ассимиляция «иностилевых» и иноязычных лексических средств. Языковые средства, характерные для отдельных социальных групп, превращаются «из элементов внутригрупповой в элементы межгрупповой (межнациональной) коммуникации» [Там же, 49].

Данные процессы сопровождаются трансформациями в лексической семантике и сочетаемости, изменениями стилистического статуса слова в языке. На примере анализа конкретных слов рассмотрим некоторые из названных выше процессов.

Особенности употребления лексики пассивного фонда языка

Использование историзмов и архаизмов

В настоящее время можно наблюдать актуализацию одних лексических ресурсов и деактуализацию других.

Возвращению в узус лексики, бывшей неупотребительной, способствует установка социума на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории. При этом лексические историзмы, выступающие в функции

номинаций новых реалий современной жизни, — *дума, губернатор, губерния, земство, гимназия, лицей, гувернер* и т. п. в основном используются для заполнения возникающих референциальных лакун.

Определенное значение имеет такой социокультурный и концептуальный фактор, как переосмысление исторического пути развития России и ситуация выбора дальнейшего пути развития страны. Отсутствие четкой социальной ориентации заставляет обращаться к прецедентам в истории, вводит в публицистический узус «историческую тему». Снятие идеологически обусловленных отрицательных оценок дореволюционной российской действительности также способствует привлечению в узус лексических ресурсов, подвергшихся архаизации.

В современном употреблении устаревшей лексики сочетается два различных процесса:

1) активизация ее использования (при этом устаревшее слово выступает в качестве стилистического средства), пример:

Почему я должен выходить на *барщину*? ...Получается, это частный рабовладельческий строй. Где мой труд и почему мне дают 5—10% от моего труда? (С. Федоров, ТВ, 23.11.94, 22 ч. 40 мин.);

2) актуализация значения слова (при этом слово перестает быть историзмом и используется в целях нейтральной номинации), пример:

Выборы в городскую *думу* прошли успешно (из газет).

Начальный этап актуализации слова связан обычно с яркой стилистической маркированностью языкового средства, которая постепенно исчезает:

После 77-летнего перерыва в Москве в ближайшее время вновь появятся *городовые*. По распоряжению начальника ГУВД Владимира Панкратова в декабре в столице начнут работу первые 29 стационарных постов милиции. <...> Поводом к этому послужила успешная работа *городовых* в Нижнем Новгороде (Московский комсомолец, 29.11.94, 1).

Понятие «устаревшие слова» объединяет неоднородные с точки зрения происхождения, причин устаревания, степени архаизации, характера использования лексические ресурсы.

Новые социальные условия и новый лингвистический контекст их функционирования сделали не вполне актуальными существовавшие ранее квалификации историзмов. Так, среди лексических историзмов различали три основные группы:

1) историзмы — названия специфических явлений дореволюционной России (*юнкер, урядник, градоначальник*);

2) лексика, которая продолжала употребляться для обозначения соответствующих явлений зарубежной жизни (*помещик, рента*);

3) лексика, переосмысленная применительно к новым реалиям советской действительности (*знатный, династия, мещанство*) [РЯСО 1968, 100—102].

К первой группе историзмов следует, очевидно, отнести и названия специфических явлений общественной жизни послереволюционной России (*нэпман, продразверстка, лишенец*) [Шмелев 1977, 159]. В настоящее время наметилась новая лексическая группа потенциальных историзмов, обозначающих явления недавнего советского прошлого (*политбюро, социалистический лагерь, стройотряд*).

Наиболее активны в современном узусе как раз историзмы «дореволуционные», ср.:

Забавы ради неподалеку от Дома Советов РСФСР они принялись собирать подписи прохожих под воззванием, требованием возвести Б. Н. Ельцина на царский престол и причислить к лику святых. К удивлению самих шутников, за двадцать минут бумагу подписали двенадцать человек, и лишь один вспомнил, что дело происходит 1 апреля <...>

В претендентах на российский императорский трон сейчас, как известно, недостатка нет. Словно черти из табакерки, выпрыгивают из политического небытия в зарубежных даях личности вроде «Великого князя Украины», хоть завтра готовые сменить профессию парижского таксиста на должность царя в Москве (Советская Россия, 06.05.91, 1).

Разнонаправленность процессов номинации: заимствование из пассивного фонда языка и новое иноязычное заимствование — может приводить к возникновению синонимичных номинаций, конкурирующих между собой. Ср.: *спонсор, меценат, толстосум; мэр, градоначальник, городничий, городской голова*.

Иноязычные заимствования адаптируются в языке значительно быстрее, образуя разряд нейтральных, безоценочных номинаций. Этому способствует интернациональный характер данной лексики, удобство ее использования в сфере делового общения в условиях активных межгосударственных контактов.

В то же время существуют факторы, способствующие возвращению в современный язык исконно русских названий. Возникающее в узусе стилистическое сталкивание синонимичных наименований используется оппозиционной прессой, отражающей культурную ориентацию и языковой вкус большей части общества, как средство выражения *социстилевой* (и политической) *конфронтации*.

Концептуальная установка оппозиционной прессы на сохранение, защиту национальной русской культуры от негативного иностранного влияния приписывает всем современным иноязычным (англоязычным)

заимствованиям негативную, пейоративную окраску. Показательно, что в ходе попытки государственного переворота в октябре 1993 года восставшие выражали политическое противостояние как противопоставление языковое (стилистическое): «...чтобы никогда на *русской* земле не было ни *мэров*, ни *лэров*, ни *херов*...» (из призыва полковника А. Макашова к захвату мэрии 03.10.93).

Как уже отмечалось, в соответствии с устойчивой публицистической традицией устаревшая лексика широко используется не в денотативной, а в экспрессивной функции. Ср. экспрессивные соответствия новой номинации «президент»: *царь Борис*, *царь Бориска*, *Борис кровавый*, *мученик*. Государственные чиновники высшего уровня сегодня именуется *сановниками*, митинги и забастовки — *смутой* и *всенародными вече*, официальная переписка — *челобитными*. Ср.:

Депутатство строчит *челобитные*, дерет глотки, топает ногами (Завтра 1994, № 20, 1).

Особенно характерно использование историзмов и архаизмов оппозиционной прессой, газетами национальной, патриотической ориентации:

Наше объединение — это своеобразное народное ополчение, партизанский отряд. Здесь и солдат с пищалью, и мужик с рогатиной. Для общего дела полезны и стрелки, и ушкуйники (об объединении художников; Завтра 1994, № 31, 8);

Вечером 27 марта прошлого года миллионы людей по всей России <...> изумленно замерли у своих телеэкранов, глядя на беспрецедентное *позорище* в царских палатах древнего московского Кремля. <...> Тысячеголовый зал, пораженный небывалым *зрелищем*, сперва безмолвствовал (Завтра 1994, № 11, 6).

Массовое привлечение в узус данных лексических ресурсов создает основу для стилистического сталкивания: *партийные князья* и *воеводы*, *советское дворянство*, *руководящий чин*. Ср. *столоничальник*, *функционер*, *аппаратчик* — активные контекстные синонимы.

Таким образом, лексика пассивного фонда является одной из составляющих нового лексикона носителей языка, формирующегося на рубеже 90-х годов.

Использование высокой книжной лексики

Вовлечение в газетный узус и языковой обиход носителей литературного языка высокой (в широком смысле слова: книжной, традиционно-поэтической и т. д.) лексики имеет ряд особенностей. Прежде всего, она используется на новом стилистическом фоне. Притоку данной лек-

стики противостоит более мощный, господствующий в языке современной газеты поток просторечной языковой среды, образующий подчеркнуто сниженный стилистический фон языка газеты.

Использование высокой книжной лексики на сниженном стилистическом фоне часто сопровождается «концептуальной» и «стилистической» мотивировкой носителей языка:

Наш постоянный читатель Михаил Журавлев из города Пушкино решил высказаться о самом главном — в каком государстве мы будем жить? <...> ему кажется, что слово «федерация» иноземное и придает обозначению «государство» казенный, маложизненный оттенок, снижает русский народ.

Что же предлагает Журавлев? Именовать наше государство — Российская держава. Слово «держава» является не простым, а превосходящим слово «государство», поскольку придает ему оттенок силы, славы, могущества, величия. Этот старый славянский термин способен возбудить в человеке возвышенные чувства и эмоции (Подмосковные известия, 16.11.93).

Большое влияние на употребление слова «держава» оказал прецедентный текст: «За державу обидно!» — цитата из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Попадая в газетный язык, слово «держава» отчасти теряет свой высокий стилистический статус. Нейтральные и сниженные контексты рождают новую сочетаемость, дериваты и синонимию: *угробить державу, слабо развитая сверхдержава, хилая держава, талонная держава, державка; державники* (синоним: государственники). Таким образом, в ряду синонимов *империя — сверхдержава — держава — государство — страна* слово «держава» стремится занять место нейтрального члена ряда.

Использование конфессиональной лексики

Одним из активных источников новых для газеты слов служит табуированная ранее тематическая сфера «религия». Можно отметить следующие особенности в употреблении конфессиональной лексики. В 60-е годы авторы социолого-лингвистического исследования констатировали «окончательную секуляризацию» большей части таких слов, как *догма, реликвия, мощи, исповедь* и т. п. Фразеологически связанные значения, которые ранее наблюдались у этих слов, «перестав быть таковыми, стали их основными значениями» [РЯСО 1968, 102]. Многие слова этой тематической группы освоены литературной и публицистической традицией, подверглись различным семантическим транс-

формациям, перешли в разряд беллетризов, вошли в публицистические клише: *храм науки, алтарь победы, иконостас орденов¹, политическое евангелие, апостолы мировой революции.*

В настоящее время изменение роли церкви как социального института в жизни общества и новый концептуальный, культурный фон (своеобразная мода на религиозные верования) создают новые условия для использования данных слов. В их употреблении сочетаются:

- актуализация первичного значения;
- актуализация переносного значения;
- оживление стертых метафорических моделей;
- создание новых метафорических образов.

Ср. прямое использование: Русский Национальный Собор *просит благословения* у Владыки Иоанна (Русский Собор 1993, № 6, с. 1) и переносное: Президент *просил парламент благословения* на мораторий, т. е. волевым порядком запретить все митинги и забастовки (Комсомольская правда, 17.04.91). Ср. также новое языковое наполнение привычных метафор: *молиться* рынку, *исповедь* на заданную тему (название рубрики в газете), коммунистические *пастыри, старцы* из Политбюро, *пастыри и паства* (о депутатах и избирателях), *духовный отец* перестройки (о М. Горбачеве).

Конфессиональная лексика становится активным источником новых образных средств:

Смертный грех на белой простыне

От чего зависит успех фильма? От того, чтят ли его авторы зрителя, или нет. Публика для киношников — вроде священника, а служителей культа надо уважать. Ведь они совершают богослужение перед главным кинематографическим алтарем — перед кассой.

Зритель может отпустить любые грехи. Кроме, конечно, смертных — за них ждет неотвратимая расплата. Нет, не адский пламень, а наоборот. Холод пустых кинозалов и пыльные кассеты на полках видеопроката.

(Московский комсомолец, 15.07.95, 4).

«Комки» — нарядные, как маленькие *часовни* с многоцветными *лампадами* заморских водок, ликеров, банок пива, за которыми чуть виднеются лица торговцев, служек новой религии Гавриила Попова (А. Проханов, «Иероним Босх на Тверском бульваре» — День 1993, № 27, 2);

Так неопиты новой религии спешат *поклониться грозным и прекрасным богам, припадают к алтарю, где жрецы и нарядные слуги причащают их «гамбургером» и «бигмаком»* (там же).

Современные контексты свидетельствуют об устойчивости метафорического соответствия *Христос, бог, богочеловек; антихрист, бес // политический лидер, вождь*. О соответствии понятийных полей «культовая деятельность» — «политическая деятельность» см. [Баранов, Караулов 1991, 110—113]. Ср. клише «культ личности» из узуса 60-х годов и современные словоупотребления, связанные с созданием развернутых метафор на основе конфессиональных терминов:

Первое, что бросается в глаза, — это, собственно, и не заповеди вовсе, хотя претензия — налицо. Правила октябрят выдают сразу конечный результат. Создается иллюзия чудотворства: стоит тебе надеть амулет с изображением младенца-богочеловека — и ты становишься прилежным, смелым, честным! [там же, 113].

Среди слов данной лексической группы, освоенных газетной традицией, наиболее интересна судьба слова «милосердие». В 1987 году оно было введено в публицистическую речь писателем Д. А. Граниным, на протяжении 1989—1994 гг. употреблялось как частотное «ключевое» слово, при этом его семантическая проекция в газетном языке была осуществлена со сдвигом в значении².

Вопрос о том, какое из существующих толкований значения слова следует в данном случае принять за нормативное (и в то же время актуальное для массового читателя — основного адресата газеты), оказывается довольно сложным. Слово было изъято из узуса советской эпохи, и сфера его функционирования была в основном ограничена письменными текстами духовной и художественной литературы дореволюционного периода. Ср.: «*Милосердие* уничтожалось не случайно. Во времена раскулачивания, в тяжкие годы массовых репрессий никому не позволяли оказывать помощь семьям пострадавших <...> Людей заставляли высказывать одобрение смертным приговорам. Даже сочувствие невинно арестованным запрещалось. Чувства, подобные *милосердию*, расценивались как подозрительные, а то и преступные. Из года в год чувство это осуждали, вытраивали: оно-де аполитичное, не классовое, в эпоху борьбы мешает, разоружает <...> Его сделали запретным и для искусства» [Гранин 1989, 65].

Возвращаясь к вопросу о выборе толкования значения слова «милосердие», можно отметить, что современные толковые академические словари дают слишком узкое и конкретное определение: «готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в ней нуждается» [Ушаков 1935—1940]. Согласно проведенному нами лингвистическому опросу, современному языковому сознанию в большей мере соответствует описание значения, представленное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, а также значение, зафиксирован-

ное в современных словарях синонимов. Ряд близких по значению слов таков: «сострадательность, сердобольность, благодать, отзывчивость, чуткость, участливость, сердечность, душевность» [Александрова 1968, 329, 511—512].

Приблизительно тот же семантический круг очерчен В. И. Далем: «милосердие ... сердоболье, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердность»;

«милосердовать, соболезнавать, сострадать, жалеть или желать помочь»;

«милостивый ... добрый, сострадательный, милосердый, мягкосердый, снисходительный, благосклонный, ласковый ...».

Этот круг значений, наиболее близких к изначальному семантическому наполнению слова «милосердие», мы и предлагаем принять в качестве нормы.

Освоение этого слова, включение его в публицистическую речь облегчалось совершенно прозрачной внутренней формой: «милость сердца». Значение слова максимально мотивировано. Казалось бы, оно должно быть предельно ясным для носителей языка, и нет объективных причин, условий для его трансформации или деформации. Однако в реальном словоупотреблении приходится учитывать такие варианты речевого поведения, как автоматизм речевого восприятия, и такие доминирующие в массовой коммуникации семантические факторы, как опрощение смыслов, сведение их к нерасчлененному знаку-символу; другие, ситуативно обусловленные признаки конкретного речевого общения.

В результате можно констатировать, что при вхождении слова «милосердие» в публицистическую речь произошла значительная трансформация его значения. Приведем примеры типичных контекстов из газет 90-х годов:

Происходящая в стране *Неделя милосердия* подтвердила значимость этой *всесоюзной акции*. На расчетный счет *фонда милосердия* и здоровья уже поступил почти 1 миллион рублей;

30 августа в 17 часов на Воздвиженке, 14, в помещении Российского агентства международного и культурного сотрудничества <...> состоится *благотворительный шоу-аукцион*. Все средства от аукциона будут направлены на лечение и помощь молодым людям — инвалидам детства <...>

Эту *акцию милосердия* впервые проводит Московское городское отделение Фонда мира («*Милосердие стоит немалых денег*», Московский комсомолец, 16.08.95).

Вряд ли можно говорить о полном или частичном исчезновении слова из лексикона носителей языка, однако факты подобного использования слова являются достаточно яркой иллюстрацией темы «язык вообще есть только тогда, когда он употребляется» [Винокур 1959, 221]. Прерванность живого употребления на несколько десятилетий, отмирание семантических связей с другими словами (в результате пассивного владения словом) привели к сужению значения, его подмене, изменению стилистического статуса слова в языке. То значение, которое воссоздается, «складывается» в процессе новых газетных словоупотреблений, вступает в противоречие с ядром первоначального значения — «участие чувством, сердцем в действии, названном милосердным».

Вопрос о том, каким образом трансформируется семантическая структура слова, тесно связан с вопросом о том, какие контексты слово притягивает, в какие лексико-тематические и лексико-семантические поля и другого рода парадигматические отношения включается. Важно также, внутри какого культурного концепта слово (стоящее за ним понятие) существует. С момента включения в газетную речь слово «милосердие» функционировало в двух тематических кругах, концептуальных сферах: *медицина* и *благотворительность*. Затем и это минимальное разнообразие было устранено. Слово стало употребляться в однотипных, узких контекстах, связанных с благотворительностью.

Стереотипные контексты постепенно выделили фиксированные модели сочетаемости слова: *акция милосердия*, *груз милосердия* («гуманитарная помощь»). В газетном узусе возникли клише — стереотипные номинации, которые воспроизводят готовую речевую формулу в определенной речевой ситуации. Фактор «темы» выступает в данном случае не только как экстралингвистический, но и как лингвосемиотический, в том числе стилистический фактор [Винокур 1993, 77]. Показательно, что именно невариативность синтагматических связей приводит к своеобразной редукции значения, изменению семантики в сторону ее упрощения. Напротив, разнообразное лексическое окружение слова в тексте, несущее многообразные линейные и парадигматические связи, играет роль «питательной среды», необходимой слову для его полноценного существования в языке.

Обычно в газетной речи работает следующий механизм деформации значений, связанной со стереотипизацией:

- 1) немотивированное сужение значения → «снятие» значения;
- 2) обобщение значения → универсализация значения → «снятие» значения.

В данном случае путь к изменению значения слова лежал через резкое его сужение, специализацию: *милосердие* → *благотвори-*

тельность (как конкретные действия) и был определен фактом прикрепленности слова к одному лексико-тематическому полю. Проанализируем подробнее варианты лексических сочетаний³, зафиксированные в контекстах указанного типа:

акция милосердия
 служба милосердия
 организованное милосердие
 общественное милосердие
 государственное милосердие
 всенародное милосердие
 деятельное милосердие

неделя милосердия
 год милосердия
 эпоха милосердия
 эра милосердия

хроника милосердия
 тест на милосердие
 упражнение в милосердии
 урок милосердия
 практика милосердия
 дефицит милосердия
 призыв к милосердию
 декрет о милосердии

клеймо милосердия
 маска милосердия

личное милосердие
 официальное милосердие

По нашему мнению, большинство из приведенных выше лексических сочетаний — пример семантико-стилистической деформации. Нарушены законы семантического согласования слов, точнее, возможность объединения лексем возникает только благодаря семантическому сдвигу в значении опорного слова «милосердие». Разнообразие таких аномальных сочетаний, а также высокая частотность их употребления в газетной речи конца 80-х — начала 90-х годов свидетельствуют об устойчивости сдвига в значении.

Выделим наиболее интересные в стилистическом отношении словосочетания: *личное милосердие* и *официальное милосердие*. Сочетания выбраны из газетных текстов разных изданий, в первом примере речь

идет о поступке конкретного лица, во втором — описываются действия государственного учреждения.

Подробную семантико-стилистическую характеристику сочетаний в данном случае целесообразно начать с грамматического уровня, чтобы отделить сдвиг в лексической семантике от грамматических явлений. Мы не можем однозначно интерпретировать грамматическую семантику словосочетаний, так как невозможно однозначно оценить характер синтаксических отношений как определительные или субъектные. Это обусловлено тем, что неясна грамматическая семантика прилагательных *личный* и *официальный*. Здесь обыграна подвижная граница относительного («исходящий от лица», «исходящий от социального института») и качественного (принадлежность лицу/социальному институту сопровождается оценкой) значения. Значение предметного отношения совмещается со значением качественной характеристики этого отношения. Безусловно, на первый план выдвигается качественное значение определений: *личное милосердие* связано с положительной оценкой, а *официальное* оценено отрицательно. Ср., например, появившиеся в современном узусе наряду с нейтральным *официальное сообщение* сочетания *холодный/казенный официоз*, *официальная ложь*, *официальная медицина*, *официальный поэт*, окрашенные ярко отрицательно; противопоставление *человеческое, а не официальное*. Ср. также *личное мужество*, *личный героизм* — сочетания, в которых выделительное значение прилагательного часто связано с положительной коннотацией.

Оба из рассматриваемых лексических сочетаний строятся на использовании закрепившегося сдвига в значении слова «милосердие». Первое сочетание тавтологично: дублируется сема «отнесенность к конкретному лицу», которая присутствует наряду с качественным значением в прилагательном «личный» и является фоновой семой опорного слова «милосердие». Второе сочетание оксюморонно: соединяются слова, противопоставленные по этому же признаку (действие, нормативно исходящее от конкретного лица, приписывается социальному институту).

Этот семантический сдвиг — от личности в сторону социальной структуры — зафиксирован практически во всех анализируемых сочетаниях (эксплицитно он выражен в сочетаниях *государственное милосердие*, *общественное милосердие* и других). Так же явно его демонстрирует и сочетание *акция милосердия*, которое можно рассматривать как пример семантико-стилистической аномалии, так как в нем не учитываются отрицательные коннотации слова «акция» (из ряда *акция протеста*, *злостная акция* и т. п.). Кроме того, *акция* предполагает совместные, организованные, публичные действия, а *милосердие*

связано прежде всего с личной сферой человека (понятие личной сферы предложено Ю. Д. Апресяном⁴). Устойчивой конкретизацией значения словосочетания *акция милосердия* в современных газетных текстах является значение 'денежные/вещевые пожертвования', т. е. собственно 'милостыня'. Ср.:

Милостыня, а не *милосердие* — Ваша позиция! Кому Вы предлагаете миску бесплатной похлебки и недоношенные штаны с барского седалища по дешевке? Лично мне, инвалиду без обеих ног, не нужно такое *милосердие* (из письма-обращения к Д. А. Гранину «Мы — не "падшие"» — Литературная газета, 16.08.89, II).

Анализ многочисленных контекстов показывает, что значение слова «милосердие» сузилось настолько, что оно стало высоким, но уже обесцвеченным синонимом (квазисинонимом) слова «благотворительность».

Сравните характерный квазисинонимический ряд:

Только богатство народа может возродить такие проявления духа, как жертвенность в пользу церкви и бедных, *милосердие*, мещанство, подвижничество, благородство вообще (Воля России, 1991 № 5).

Православная традиция называет милосердием одну из важнейших христианских добродетелей, исполняемых посредством дел милости «телесных» и «духовных». «Дела милости телесной следующие: питать алчущих, напоить жаждущего, одеть нагого или имеющего недостаток в приличной и необходимой одежде, посетить находящегося в темнице, посещать больных, странника принять в дом и успокоить, погребать умерших в убожестве. Духовные дела милости суть следующие: увещанием обратить грешника от заблуждения пути его <...> неведущего научить истине и добру, подать ближнему добрый и благовременный совет <...> молиться за него Богу, утешить печального, не воздавать за зло <...> от сердца прощать обиды и отклонять грешника от греха» [Библейская энциклопедия 1990, 473—474].

Трансформация значения — сверхсужение, сведение всего объема значения к одному семантическому варианту — осознается частью носителей языка как противоречие языковой норме. Появляются протесты читателей по поводу неправильного, немотивированного употребления слова. Интересен комментарий церкви. Архиепископ Калининградский и Смоленский Кирилл отмечает неправомерное уравнивание в языке денежной помощи и милосердия, призывает всмотреться в само слово и увидеть его значение. Это значение складывается как «милость» — желание добра, милости и «сердце» — участие чувством, сердцем. Определение, данное архиепископом Кириллом: «милосердие» — это отношение к другому человеку как к своему ближнему, способность и желание в своем внутреннем пространстве уступить ему часть собст-

венного «я» (ТВ, «Воскресная нравственная проповедь», 1 программа, 04.02.1990, 21 ч. 40 м.).

Какова же возможная перспектива усвоения/отторжения этого узального семантического сдвига системой языка? Есть основания предполагать, что достаточно непродуктивная (хотя и функционально объяснимая) семантическая подмена, приведшая к дублированию уже существовавшей номинации, будет постепенно устранена. В течение 1992—1994 годов наметилась тенденция к снижению количества словоупотреблений в описанном нами значении. Можно наблюдать возвращение слова «милосердие» в прежние тематические области, в сферу конфессиональную. Связь слова с концептом «благотворительность» еще существует, но ослабляется. Решающим фактором в устранении этого сдвига может стать яркая мотивированность значения (прозрачность внутренней формы), которая заставляет носителей языка чувствовать несоответствие подлинного значения слова современным словоупотреблениям; ср. газетную статью «Зачем эротика милосердию?», в названии которой автор ставит под сомнение совместимость милосердия-благотворительности с далекими/контрастирующими областями человеческой деятельности:

У первого Всесоюзного конкурса художественного эротического фото основная задача — пропаганда духовности. Заработанные средства пойдут на нужды проекта «Храм милосердия», на помощь детям-инвалидам (Комсомольская правда, 16.10.90).

Отметим, что адекватные контексту номинации *благотворительность* и *спонсорство* в отличие от *милосердия* со сферой «эротика» и под. вполне совместимы.

Таким образом, выступающее в публицистической речи в функции престижного, «высокого», стилистически маркированного языкового средства слово «милосердие» встраивается в семантически неадекватные контексты. При этом происходит корректировка семантического сдвига и вытеснение слова из газетного узуса.

Особенности употребления жаргонной лексики

Особенностью взаимодействия литературный язык — просторечие — жаргон на рубеже 90-х годов можно считать интензивность этого взаимодействия, а также выдвигание новых центров экспансии — *низовой городской культуры*⁵, *молодежной контркультуры*, *уголовной субкультуры*.

Показательно, что описание современного литературного языка в плане культуры речи исследователи стремятся проводить более дифференцированно, чем это было принято ранее. Так, в речевой культуре образованных горожан — носителей литературного языка — выделяется по крайней мере четыре типа речевых культур: элитарная, «средне-литературная», литературно-разговорная, фамильярно-разговорная [Гольдин, Сиротинина 1993, 9—19]. Этими же авторами ставится вопрос о взаимодействии и контрастировании данной речевой культуры с другими внутринациональными речевыми культурами: просторечной, народно-речевой и профессионально-ограниченной [там же].

Некоторые исследователи склонны констатировать новый виток вульгаризации литературного языка⁶, и для этого имеются все основания. Просторечные и жаргонные элементы свободно включаются в современные газетные тексты, становятся привычными средствами публичного общения. Ср.:

Пока в читинских газетах (да и не только в них) слова “коммунист” и “демократ” остаются вольным переводом слова “козел”... Челябинские “эсдеки” (социал-демократы) подали в суд на секретаря обкома КПСС В. Липского, который на одном из митингов употребил выражение “свиное рыло” («О характере наших дискуссий». — Комсомольская правда, 17.04.91, 1).

Помню, подсчитывал какой-то премудрый “демократ”, сколько университетов приходится на 1000 человек населения в СССР и США, и выходило, что у нас намного меньше. И ругал тоталитарных коммунистов и застойных аппаратчиков за то, что держат они народ в темноте и невежестве. Послушаешь такого — ведь хорошо поет, *собака*, убедительно поет, как говорил поэт Некрасов. Кстати, в те времена “демократы” любили “канать под интеллигента”, матюгами на страницах своих изданий еще не пользовались («Страной управляют двоечники». — Советская Россия, 11.09.93, 1).

Так как видали мы с вами, достопочтенные господа тинэйджеры, за прошедший сезон уж столько *рэйвов* и *пати* — удивить вас чем-то сверхновеньким и супернеобычным, как говорится, было бы просто *без мазы*, и точка. <...> Короче, учинили, как вам известно, <...> первый московский фестиваль “Рэп-Мьюзик-94” (Московский комсомолец, 22.11.94, 4).

Одной из примет публицистических текстов определенного периода является характер переносных употреблений специальной научной, специальной профессиональной, военной лексики, лексики, относящейся к спорту, и т. д. [Шмелев 1977, 93]. Если в 60-е — 80-е годы в языке публицистики преобладают «военная», «спортивная» и «техническая»

метафоры и отмечается влияние соответствующих профессиональных языков, то основными центрами современного «влияния» можно назвать социальные жаргоны (молодежный сленг и уголовное аргю).

В рамках нашего исследования мы ограничимся описанием отдельных языковых фактов, свидетельствующих о результатах взаимовлияния литературный язык — жаргон.

Приведем примеры жаргонизмов, широко употребительных в газетном языке:

- совок* 1. Бывший СССР.
2. Советский человек. <Сокращен. от «советский» и аллюзия к общепотр. «совок»> [СМА 1994, 439].

Толкование «Словаря московского аргю» не включает указания на презрительно-ироничную оценку, являющуюся существенным компонентом значения, ср. его экспликацию: «сборище “совков” — недочеловеков с безнадежно изуродованным сознанием, дурной наследственностью и извращенными понятиями, которые правильнее называть предрассудками или продуктами мрачных пучин искалеченного подсознания» (Оппозиция, 1993, № 1)⁷.

- тусовка* Сборище, гулянка, уличные посиделки молодежи; скопление людей, драка, инцидент; рок-шоу [СМА 1994, 483].

Слово «тусовка» фиксируется «Толковым словарем русского языка» 1992 года издания [Ожегов, Шведова 1992], но не сопровождается толкованием. Динамика газетных словоупотреблений отражает варьирование и модификацию жаргонного значения: *коммунистическая/неофашистская/несанкционированная тусовка* («минивг»), *элитная/музыкальная/литературная/религиозная тусовка* («форма общения, мероприятие, концерт»). В значении «концерт», «светское мероприятие» слово обычно сопровождается положительной оценкой: *клевая/крутая/классная/грандиозная тусовка*.

В процессе освоения слова в его семантической структуре акцентируются различные компоненты: официальность/неофициальность общения; массовость скопления людей (митинг, футбольный матч); открытость/ограниченность круга общающихся людей (*великосветская тусовка*); бесцельность общения, «ничего неделание». Например, деловое общение может намеренно называться *тусовкой*:

На сей раз общей темой *тусовки* мэров станут проблемы развития не только руководимых ими столиц, но и пригородов («Мэрская тусовка». — Московский комсомолец, 17.05.94, 1).

Она удивительно гармоничная и пластичная и любит свою профессию. А я хочу работать не с *тусовщиками*, а с любимыми, влюбленными в нашу профессию. Как только я вижу, что появляется элемент *тусни*, а девочка или мальчик становится дешевкой или паразитом, я тут же с ними прощаюсь (Московский комсомолец, 14.05.94, 3).

У слова «тусовка» можно выделить следующие значения: 1. Круг людей одного менталитета, объединенных для неформального общения; 2. Форма неофициального, полуофициального, дружеского общения; 3. Светское мероприятие, событие светской жизни: кинофестиваль, презентация и т. п.; 4. Митинг, демонстрация. Примеры из газет:

1. «Так распадаются многие *тусовки*, теряются друзья»; 2. «Былые *тусовки* перекечевали из скверов и подвалов в так называемые «стильные клубы»»; 3. «Мне вообще нравится этот фестиваль, такая прелестная, как сегодня говорят, *тусовка*, общение»; 4. «верховодившие на *тусовке* вожди «Трудовой России»».

фанат Поклонник, любитель чего-либо.

Специально натренированные аквалангисты умели так ловко цеплять рыбу на крючок, что Н. Хрущев до самой смерти так ничего и не узнал. Однажды они обеспечили ему победу в соревнованиях по рыбной ловле, которые тот затеял в присутствии дипкорпуса, известных артистов и журналистов. Эти же аквалангисты использовались в «обеспечении» успехов иностранных *фанатов удочки* (Аргументы и факты, 1994, № 41, 16).

Степень адаптированности жаргонных слов в газетном языке неодинакова, как неодинакова и степень трансформации жаргонного значения. Интересно проследить отдельные этапы такой трансформации на примере отдельного слова.

В начале 90-х годов в газетный язык вошло слово «беспредел»^а, заимствованное из уголовного арго, где оно имело значения: 1. Насилие, убийство, обычно связанное с нарушением каких-либо норм, законов, «кодекса чести», принятых в данной среде; 2. Бунт на (в) зоне. В настоящее время «газетное» (а в перспективе — общелитературное) значение этого слова претерпело определенные преобразования. Варьирование значения идет в двух направлениях: в направлении большей конкретности (сужение значения) и в направлении большей абстрактности (актуализация внутренней формы слова).

В первом случае возможны значения: «избиения, (национальные) погромы, жестокие действия, связанные с физическим насилием». Ср. синонимы и ближайший устойчивый лексический фон слова:

кровь, беспредел

дедовщина, беспредел начальства, межнациональные стычки
 люмпенский беспредел ('драки')
 армейский беспредел
 казарменный беспредел (беспредел в солдатских казармах)
 беспредел милиции

Ср. «беспредельщик» — 'наемный убийца'.

Во втором случае очерчен другой семантический круг. На определенную степень обобщенности значения указывает такой тип словосочетаний, где субъектом действия, оценивающегося как «беспредел», может выступать только обобщенное (историческое) лицо:

радикальный беспредел Нечаевых
 щелоковский беспредел
 беспредел сталинско-бериевской охранки

Данный тип словоупотреблений отражает варьирование значения в сторону большей абстрактности и новой тематической прикрепленности. На этой ступени своего развития значение оказывается одновременно связанным с концептом «насилие» и концептом «власть» (как отрицательное ее воплощение, произвол).

Это значение только частично равно значению внутренней формы: 'отсутствие предела, меры в чем-либо, что оценивается говорящим отрицательно'. Важно, что преимущественная сфера устойчивой конкретизации значения — деятельность социальных институтов. Связь значения с концептом власти укрепляется:

административный, коммерческий, правовой беспредел
 беспредел власти
 беспредел местных властей
 беспредел бесхозяйственности
 беспредел ложной демократии
 беспредел «дикого» постсоветского капитализма
 августовский беспредел (одновременно 'попытка захвата власти' и 'формы физического, вооруженного насилия')

Ср. также более широкий контекст:

Вспомните одно из самых распространенных в современном русском языке слов — «коррупция». А рядом с ним — «взятка» и блевотный глагол «отстегнуть» (даже «подмазать» звучало лучше). А еще дальше — «рэкет», «наехать», «кинуть» и т. п.

Да, в русском языке блатным словам всегда находилось место. Но никогда им не было так раздольно, как сегодня. По той простой причине, что они отражают-выражают сущность реально существующих в

обществе социальных, экономических и властных отношений. Известно и название *всей совокупности этих отношений. Беспредел. Или произвол* [выделено нами — Е. К.] (Оппозиция, 1993, № 3, 6).

Один из вновь возникших в системе языка лексико-семантических вариантов слова «беспредел» включился в ряд синонимичных номинаций *беззаконие, произвол, беспредел* в качестве стилистически маркированного, наиболее удаленного от доминанты элемента, что позволяет создавать эффект градации (т.к. беспредел — ‘Magn’ от беззаконие⁹). Важный компонент слова «беспредел» связан с отнесенностью характеристики «властных отношений» к обществу в целом, в отличие от «произвола» конкретного лица: «У нас в стране последние годы творится *беспредел*» (последнее предложение представляет собой наиболее частотную, стереотипизированную реакцию на слово-стимул «беспредел», опрос проводился среди московских студентов-журналистов).

Максимально абстрактное значение внутренней формы слова способствует тому, что оно распространяется и на другие тематические области. При этом устойчивая отрицательная коннотация, связанная с интеллектуальной оценкой, может исчезать, а стилистическая коннотация (ощущение чужеродности слова) сохраняет экспрессивную функцию. Ср. *Секс-беспредел* (название эротической газеты); *стилистический беспредел* (из речи лингвиста), *идейный беспредел* (из газет).

Подытожим выделенные нами значения слова «беспредел»:

1. Нарушение моральных, правовых, экономических законов, осознанное как система жизненных принципов и возведенное в устойчивую модель поведения какой-либо социальной группы.
2. Нарушение конкретных договоренностей, норм и запретов общественного поведения, часто сознательное и/или демонстративное.
3. Произвол, беззаконие.
4. Формы физической агрессии, насилие, убийство.

В целом язык 90-х несет в себе следы «разгерметизации» (термин В. С. Елистратова) уголовного аргю в результате усиления роли данной социальной группы в жизни общества.

Д е с п е ц и а л и з а ц и я т е р м и н о в

Деспециализация терминов в языке газеты носит активный характер. Преимущественные области заимствования — экономическая (*дикий рынок, рублевое покрытие, экономическое/информационное/правовое пространство*), политическая (*консенсус, стагнация общественной жизни/души*), «компьютерная» (*банк данных*) терминология.

Рассмотрим пример заимствования из профессионального языка, процесс освоения близкого к термину слова «экология».

Как и всякое другое заимствование, оно подвергается в публицистической речи определенным модификациям — сужению/расширению смыслового объема, семантическим сдвигам и стилистическим изменениям. Обнаружить эти изменения поможет фиксация вариантов лексической сочетаемости слова.

Начнем с анализа явной аномалии: *экология природы* ('охрана природы'). Это сочетание — свидетельство неясного понимания адресантом значения слова «экология», что может быть результатом

— стереотипизированного использования иноязычного («иностилевого») слова в приблизительном, неточном значении: *главный приоритет, другая альтернатива, коррумпированная мафия;*

— сдвига в значении.

Многообразие лексических сочетаний данного слова может быть распределено по двум основным тематическим сферам. Из семантического поля, условно определяемого нами как 'взаимоотношения человека и среды его обитания'¹⁰, в процессе значительного его варьирования и расширения постепенно выделяется другое, связанное с более абстрактной семантикой. Это обобщение значения происходит на основе компонента 'требующий охраны, защиты'. Примеры:

конкретная семантика

(преобладает денотативный компонент)

экологическая катастрофа

экологическая экспертиза

экологическая обстановка

экологический преступник

экологическая бомба

(преобладает сигнификативный компонент)

промышленная экология

экологизация производства

экологические знания

экологическая гласность

экологическая культура

абстрактная семантика

(переносное значение)

экология жизни

экология души

экология человеческой личности

экология духа
 экология музыки
 экология языка
 экологический подход (о взаимоотношениях учителя и ученика: 'подход к ребенку, требующий бережного отношения к его личности').

С развитием переносного значения 'меры по сохранению, охране чего-, кого-либо' становится возможным появление аномалий, возникающих в результате наложения различных семантических полей: *экология природы = защита природы*.

Необходимо отметить, что границы конкретного значения слова «экология» тоже раздвигаются, семантическая структура усложняется, переоформляется. Большое значение в наблюдениях за подобного рода изменениями имеют фиксация устойчивого лексического фона (клишированных сочетаний) и учет парадигматических связей слова. Накопление таких наблюдений позволяет легко обозреть динамику обновления, развития значения. В данном случае можно видеть, что общее семантическое целое членится на отдельные поля. Вот часть одного из них:

экологическая обстановка/ситуация
 экологическое преступление
 экологическая экспертиза

Парадигма, связанная с понятием «состояние окружающей среды» (ср. *экологическая ситуация*), имеет тенденцию выделить интегральный семантический признак 'угроза, опасность, неблагополучие', например, в таких сочетаниях:

экологическая катастрофа
 экологические беженцы
 экологическая реабилитация
 экологическая бомба (об атомной электростанции)
 экологический мертвец (о земле, которую невозможно использовать)

В значении, близком к терминологическому, в клише «*экологически чистые продукты*», «*экологически чистое производство*» акцентируется сема 'безопасный', ср. антонимические сочетания «продукты, содержание вредные вещества», «вредное производство».

Другие основания объединения, другой набор ассоциаций у ряда:

экологическая культура/бескультурие
 экологические значения/грамотность

экологическое мышление
экологическая гласность
экологическая общественность
экологический фронт
экологическое возрождение

Семантическая тема данной группы слов — ‘ориентированный на решение экологических проблем’.

Таким образом, наметившиеся варианты значения слова «экология» («экологический») таковы: 1. ‘связанный с состоянием окружающей среды’ — *экологическая безопасность, экологически чистый; экологический мертвец*; 2. ‘ориентированный на решение экологических проблем’ — *экологическое общество, экологическая культура*; 3. (перен.) ‘защита, сохранение чего-либо’ — *экология языка, экология души*.

Переносное значение может развиваться и на основе лексико-семантического варианта «экологически чистый», но такое словоупотребление в настоящее время носит факультативный характер:

Необходимо построение нового общества, которое впитает в себя лучший опыт социализма и других общественных формаций, передовую мысль человечества, духовно-экологический аспект (духовную *чистоту*) и ноосферно-экологический аспект (физическую и технологическую *чистоту*)» (Аль-Кодс, 1994, № 25, 7).

Освоение газетным языком слова «экология» шло по пути преломления семантических компонентов в многообразных контекстах. Результатом явилось существенное преобразование семантической структуры слова, расширение смыслового объема понятия, накопление новых сем, развитие переносного значения. Произошла деспециализация, популяризация этого близкого к термину слова.

На примере слов «милосердие», «беспредел», «экология» и других мы проследили, как именно протекает активный процесс освоения газетным языком иностилевой лексики, слов из пассивного фонда и периферийных сфер языка. Анализ парадигматических связей и лексической сочетаемости слов позволил зафиксировать различные этапы семантических изменений. Аномалии в области синтагматики играли роль структур, в явном виде представляющих семантические и стилистические трансформации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., например: Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его *иконостаом* [Чехов 1970, 276].

² См.: Гранин Д. А. О милосердии. Литературная газета, 18.03.87. Определенную роль сыграло само название крупной благотворительной организации «Российский фонд милосердия и здоровья», созданной в эти годы. О слове «милосердие» см. также [Жданова, Ревзина 1991].

³ Мы рассматриваем словосочетание как основную ступень актуализации семантики слова, как языковую структуру, в которой про я в л я ю т с я малейшие семантические и стилистические сдвиги. Ср. подобную постановку вопроса Д. Н. Шмелевым [Шмелев 1977, 222—225].

⁴ «В эту сферу входит сам человек и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально — некоторые люди, плоды труда человека, окружающие его предметы, природа, поскольку он образует с ней одно целое, дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты, боги, поскольку он пользуется их покровительством. Личная сфера человека подвижна — она может включить большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации. Не исключено, что в минуту, когда ближнему грозит опасность, личная сфера человека расширяется настолько, что ближний, пусть даже незнакомый, временно в нее входит» [Апресян 1986, 96].

⁵ культура малоквалифицированных рабочих, люмпенизированных слоев общества.

⁶ Например, В. С. Елистратов предлагает различать в истории русского литературного языка четыре витка варваризации: «пушкинско-карамзинскую», «разночинскую», варваризацию, связанную с Октябрьской революцией и постсоветской эпохой, и современную варваризацию [Елистратов 1994, 635—637].

⁷ Слову «совок» посвящено специальное исследование Ю. Л. Воронникова «Совок как зеркало» [Воронников 1992]. О словах «совок», «тусовка» и их производных см. также главу III этой книги и статью Е. А. Земской, И. Розиной [Земская, Розина 1994].

⁸ О слове *беспредел* см. статью В. Г. Костомарова [Костомаров 1995].

⁹ По терминологии, принятой в рамках лингвистической модели «СМЫСЛ—ТЕКСТ» [Мельчук 1974].

¹⁰ В данном типе словоупотреблений значение слова оказывается наиболее близким к терминологическому: экология — 1). Наука об отношениях растительных и животных организмов друг к другу и к окружающей их среде; 2). Состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и к окружающей среде [Ожегов, Шведова 1992, 940].

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
 Апресян Ю. Д. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира // *Teoria tekstu. Zbiór studiów*. Wrocław. Warszawa. Kraków, 1986.
 Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. М., 1991.
 Библийская энциклопедия. М., 1990.
 Винокур Г. О. О задачах истории языка // *Избранные работы по русскому языку*. М., 1959.

- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Воротников Ю. Л.* Сокв как зеркало // *Russistik*, 1992, № 2.
- Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // *Вопросы стилистики. Межвузовский сб-к научных трудов. Вып. 25. Проблемы культуры речи.* Саратов, 1993.
- Гранин Д. А.* О милосердии // *Точка опоры: Статьи. Беседы. Портреты.* М., 1989.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. 4-е испр. и доп. изд. Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб., 1912.
- Елистратов В. С.* Арго и культура // *Словарь московского арго.* М., 1994.
- Жданова Л. А., Резина О. Г.* «Культурное слово» милосердие // *Логический анализ языка. Культурные концепты.* М., 1991.
- Земская Е. А., Розина И.* О словаре современного русского жаргона. // *Russistik*, 1994, № 1—2.
- Костромаров В. Г.* Слово *беспредел* и активизация иных бессуффиксных существительных // *Филологический сборник (к столетию со дня рождения В. В. Виноградова).* М., 1995.
- Куликова Г. С., Милехина Т. А.* Как говорят бизнесмены // *Вопросы стилистики. Межвузовский сб-к научных трудов. Вып. 25. Проблемы культуры речи.* Саратов, 1993.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл—Текст». М., 1974.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- РЯСО 1: Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка.* М., 1968.
- СМА: Елистратов В. С.* Словарь московского арго. М., 1994.
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. М., 1935—1940.
- Чехов А. П.* Скучная история // *Собр. соч.* В 8 тт. М., 1970, т. 4.
- Швейцер А. Д.* Контрастивная стилистика. М., 1993.
- Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1977.

ГЛАВА III

Е. А. Земская

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА

Как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической.

(В. В. Виноградов, 1947)

Специфика современной эпохи в жизни русского общества — свобода от ограничений разного рода, разрушение советских стереотипов мышления, отказ от установлений тоталитарного режима — не может не отразиться в языке. Главное, что отличает современный русский язык — это раскованность, раскрепощенность, пришедшая на смену безликости и стандарту. Иногда эта раскрепощенность порождает язык выразительный, меткий, но порой она приводит к разнузданности, грубости и вульгарности.

Тема «язык и действительность», и уже — «язык и современность» — обычно исследуется на материале лексики. Я обращаюсь к иной, хотя близкой области — словообразованию, ибо эта сфера, используя морфемный инвентарь языка, выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований.

В одном разделе невозможно описать хоть с какой-то степенью полноты все активные процессы современного словообразования [см. подробнее: Земская 1992]. Для анализа были избраны те участки системы словообразования, в которых обнаруживается воздействие современности на язык, отражаются важные явления и процессы жизни современного общества. Исследовалась активность определенных базовых основ, словообразовательных значений, типов, способов и средств словообразования. Особое внимание было обращено на использование в словообразовательном процессе в качестве базовых (производящих) основ наиболее частотных, социально значимых, так называемых ключевых слов нашего времени. Материалом для наблюдений послужил язык современной периодической печати, радио и телевидения, записи живой разговорной речи (РР).

Широкое использование именно таких данных объясняется той ролью, которую газета (прежде всего) и телевидение, но также и другие средства массовой информации играют во второй половине 80-х — начале 90-х годов в жизни общества. Язык газет резко изменился. Он стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, даже грубых, пронизанных элементами жаргона и просторечия.

Для языка изучаемого времени характерен функциональный динамизм — использование единиц, находящихся на периферии литературного языка (литературный разговорный язык) и даже за его пределами (просторечие, жаргоны) в тех областях коммуникации, которые ранее составляли принадлежность кодифицированного литературного языка.

Газета и — шире — периодическая печать содержат материалы двух видов: 1) отражающие узуальные факты, которые свойственны разным сферам языка; 2) явления индивидуально-авторские, претендующие на художественность, реализующие языковую игру. И те, и другие составляют предмет нашего внимания.

Рассмотрению подвергалось не только производство новых слов, но и употребление таких слов, о которых нельзя с полной определенностью сказать, возникли ли они на русской почве или пришли в русский язык как заимствования, членимость которых хорошо осознается (типа *тетчеризм*, *рейганизм*).

Рассмотрению подвергаются также те слова, которые, не являясь новообразованиями конца 80 — начала 90-х годов, из слов узкой сферы применения стали словами широкого функционирования; они мелькают на страницах неспециальных изданий, звучат с экранов ТВ (типа *оборонка* — оборонная промышленность, *ценовой* — профессионализм, ставший широко употребительным; узкоспециальное *лобби*, активно употребительное и создающее новое словообразовательное гнездо).

Словообразовательные новшества иного рода (появление новых деривационных аффиксов, явления чередования и под.) интересуют нас в меньшей степени, ибо они не столь ярко характеризуют язык 90-х годов XX в., не столь связаны с жизнью современного общества. Примечательно, что среди новообразований — производных слов много таких, которые как бы рисуют картину современной жизни. Именно этим обстоятельством объясняется композиция этой главы. Автор выделяет разделы, ориентируясь не только на словообразовательный аспект (словообразование существительных, прилагательных, глаголов), но и на аспект номинативный (ключевые слова эпохи, имена собственные как

базовые основы; в этом случае рассматривается производство не одной, а разных частей речи).

Ключевые слова как базовые основы словопроизводства

Понятие «ключевые слова», широко применяемое в литературоведении, завоевывает права гражданства в лингвистике. Сошлюсь на две недавние работы: [Караулов 1992] и [Шмелева 1993]. Ю. Н. Караулов своеобразно использует это понятие при анализе текста художественного произведения, принимая во внимание такие признаки слов, как частотность, семантика, значимость в построении сюжета [Караулов 1992, 155—159]. Т. В. Шмелева, анализируя современный язык, вводит понятие «ключевые слова текущего момента» (КТСМ).

Внимание к ключевым словам определенного времени важно при изучении активных процессов словообразования, ибо они широко используются как базовые основы, рождая новые группы однокоренных слов (словообразовательные парадигмы и гнезда). Активность ключевых слов влияет не только на их словообразовательный потенциал, но и на их связи с другими (синонимическими) словами, актуализируя те или иные отношения между словами в лексической системе языка. Эти явления без применения термина «ключевое слово» рассматривались мной в докладе, прочитанном на конференции по лексикологии в Гейдельбурге в октябре 1991 г. [см. Земская 1993].

Ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания. К ключевым словам нашей эпохи относятся и высокочастотные имена собственные (об активности которых говорится ниже), и имена нарицательные. Последние подразделяются на два вида:

1) слова, получающие высокую частотность и словообразовательную активность на короткий период времени (месяц, несколько недель), действующие подобно взрыву или вспышке. Они обнаруживаются в период общественных катаклизмов или социально значимых событий (напр., *референдум, постреферендумный* и др.);

2) слова активные, высокочастотные длительное время (год и больше); они более показательны для эпохи, так как называют явления, характеризующие ее более глубоко.

Рассмотрим те и другие:

1) События 19—21 августа 1991 г. сыграли огромную роль в жизни России и всего бывшего СССР.

Материалы показывают, сколь быстро явления действительности, политические события находят непосредственное отражение в языке [см. Крысин 1992], в том числе в словообразовании.

Слово *путч*, давно известное русскому языку, но мало употребительное прежде, приобрело особую активность. Оно породило целую серию производных: *путчисты*, *антипутчисты*, *допутчевый*, *постпутчевый*, *послепутчевый*, *антипутчевый*, *путчистски*, *путчизм*.

Столь же активна и аббревиатура *ГКЧП*. Она порождает прежде всего имена лиц: *гэкачеписты*, а потом и просто *чеписты*.

Вот броский заголовок: *Чекисты и чеписты* (НГ, 04.09.91), от *ЧК* и *ЧП*. Интересно с чисто словообразовательной точки зрения, что эти слова образуются с суффиксом *-ист*. Здесь, несомненно, действует структурно-семантическая аналогия: *путчисты-чекисты-чеписты*, хотя по нормам современного словообразования должно было быть производное на *-овец* или *-ник* (*-шник*): типа *МИИТ* — *миитовец*, *ГАИ* — *гаишник*, *МГУ* — *эмгушник*, тогда как в 20-е годы от аббревиатур рождались производные на *-ист* (*чекист*, *чекист* и под.).

Однако производителей *путча* называли не только так. Появились и такие имена, как *чрезвычайщики* (от *чрезвычайное положение*) и *переворотчики* (от *переворот*): И эти *переворотчики* управляли страной в течение трех дней (ТВ — из речи нар. депутата СССР, 26.08.91). От *ГКЧП* создано *чрезвычайка*. Неуклюжая аббревиатура *ГКЧП* обрастает различными саркастическими, уничижительными производными. Таково произведенное скрещением с именем одного из инициаторов *путча* — *Пуго*, фамилия которого порождает выразительные ассоциации с глаголом *пугать*: *ГКЧПуга* (пишется через *а*).

Активизировалось и другое, ранее применявшееся лишь к зарубежной действительности слово *хунта* — откуда *хунтари* и «*охунтение*», соотносимое с обценным словом: Народ дошел до полного «*охунтения*» (Ю. Мориц).

Активно использовались фамилии бесславных главарей *путча*, особенно Янаева. Родилось производное *янайцы*, в котором отчетливо ощущается каламбурная связь с *данайцами*. Создано слово *янаевгейт* (по аналогии с *уотергейт*, *Ирангейт* и под.) — в связи со скандальной историей выборов Янаева в вице-президенты. Вот броский газетный заголовок: «*Янаевгейта*» больше нет. В избрании Янаева вице-президентом не виноват никто, кроме съезда (НГ, 03.09.91).

Во время октябрьского мятежа 1993 г. активизировались слова *Белый дом*, *мятеж* и фамилии *Хасбулатов*, *Руцкой*, *Баркашов*, *Анплов* и некоторые другие:

Различие между Баркашовым и Макашовым, ежели таковое имеется, установит суд. Различие между *баркашовцами-макашовцами* и людьми, доведенными до отчаяния вопиющей социальной несправедливостью, обязано установить общество, претендующее на демократизм (Изв., 04.12.93); Как стало известно из достоверного источника, за *баркашовцами* закреплены боевые позиции вблизи одного из сербских селений (Изв., 14.10.93).

Номинация *Белый дом* была активна и во время путча 1991 г., и во время мятежа 1993 г. Однако ее общественное звучание было резко отличным. В 1991 г. сочетание *Белый дом* — высокий символ свободы и демократии. Оно не порождало производных, не подлежало сокращению в аббревиатуру. В 1993 г. Белый дом стал убежищем мятежников. Сразу же родились сокращения *БД* и уничижительное каламбурное *Бидэ* (о котором см. ниже), а также прилагательное *белодомовский*. Например: эти деньги были получены кооперативом «Ратай» в качестве платы за охрану ряда объектов, а также за *белодомовское* сидение и 21 сентября (МК, 21.10.93). Уничижительное звучание фразы усиливает ироническое слово *сидение*. Этот пример ярко иллюстрирует неоднократно отмечавшееся стилистически-концептуальное различие между сочетаниями с косвенными падежами существительного и сочетаниями с производным прилагательным. Ср. *белодомовское сидение* и *сидение в Белом доме*. Косвенный падеж существительного передает значение чистого отношения, он стилистически нейтрален; прилагательное стилистически снижено, оно, кроме значения отношения, несет качественный оттенок 'присущий чему/кому', 'свойственный чему/кому'. Имеет сниженное звучание прилагательное *верховносветский*: В итоге может сложиться особая, параллельная «*верховносветская*» система управления (Изв., 19.11.92). Ср. нейтральное: *система управления Верховного Совета*.

События августа 1991 дают словообразовательные рефлексии и позже, особенно в период октябрьского мятежа 1993 г.: Активно *путчистски* действовал в основном секретарь Маляров: был прямым организатором столкновения на Новом Арбате 3 октября (МК, 12.10.93); *Послепутчевая* интеллигентская рефлексия (НГ, 20.04.93).

2) Для начала 90-х годов ключевыми являются многие слова, относящиеся к сфере экономики и политики (*рынок, приватизация, парламент, лобби, ваучер, инфляция*), некоторые имена собственные (*Ельцин, Гайдар*), а также многие жаргонизмы (*совок, тусовка, крутой, божж, разборка* и др.). Эти слова широко употребительны в языке средств массовой информации, в устной речи разных слоев населения.

Рассмотрим некоторые из этих слов.

Рынок. Сравним слова *рынок* и *базар*, близкие по своим основным значениям — ‘место торговли’ (1). У этих слов есть и другие значения: *базар* — крики, шум (разг. фам.); *рынок* — 2. шумный спор, галдеж, пререкания (простор. пренебр.); 3. сфера товарного обращения, товарооборота (экон.). В связи с изменениями в экономике в наше время у слова *рынок* актуализируется экономическое значение, при этом первое значение сохраняет свою употребительность. Таким образом, слово *рынок* как бы раздваивается. Ср. газетные заголовки: *Рынок* накануне *рынка* (статья о московском рынке; ЛГ, 13.06.90; очевидно, что во втором словоупотреблении имеются в виду ‘рыночные отношения’); *Школа* и *рынок* (Пр., 14.08.90).

Экономическому понятию приходится защищаться от *рынка-1* и *базара*. Журналисты намеренно сталкивают эти два слова: *Рынок* — это вам *не базар*. Несмотря на то, что оба торговых термина имеют одно значение, эти понятия разные. В самом деле, стремясь ввести элементы рыночных отношений, можно ли говорить, что нам очень не хватает базарных отношений (ЛГ, 12.03.90). Ср. также: Большинство в стране заранее не любит *рынок* <...> Потому что пока... он похож на *базар* (Пр., 11.09.90); Не надо пугать *рынком*. *Рыночная экономика* — это нормальная человеческая экономика (ТВ, Пятое колесо, 10.09.90); Но это отнюдь *не рынок*. Просто обе стороны на колесах преступают Закон. Большинство таксирующих частников вообще вне закона <...> Все это *не рынок*, а *базар* краденого. *Рынок* — это честное соревнование государственных машин <...> и частного водителя <...> (ЛГ, 05.09.90).

Таким образом, изменения в социально-экономических явлениях действительности влияют на характер оппозиции слов *рынок* и *базар*.

Словообразовательный потенциал слова *рынок* резко возрастает. Оно порождает слова *псевдорынок*, *недорынок*, *квазирынок*; *рыночник* (‘сторонник рыночной экономики’, а не ‘тот, кто торгует на рынке’), *антирыночник*, *псевдорыночник*; *рыночный*, *квазирыночный*, *антирыночный*, *псевдорыночный*). Из коллекции Т. В. Шмелевой можно добавить: *безрыночный*, *ультрарыночный*, наречие *рыночно* [Шмелева 1993, 35]. Иллюстрации: При *антирыночнике* Рыжкове предпринимателю было легче. Наша задача — спасти *рыночные* реформы от наших «*рыночников*», — заявил на прощание Николай Петраков (Сег., 27.11.93); В составе кабинета пока остаются *министры-рыночники*, прошедшие хорошую школу в период слома старой и становления новой экономики в России (Изв., 20.01.94); Ну, а с так называемыми *радикалами-рыночниками* Черномырдин разделался уже после октября — 93... (Изв.,

14.04.94); *Полурынок или недорынок* нас не спасет (РР, 1992); ...они обрели второе дыхание, возродившись на *псевдорыночной* основе (Сег., 29.06.93).

Лобби. Существительное *лобби* (от англ. lobby — коридор, кулуры) в начале 90-х гг. приобретает широкую употребительность, перестав быть словом узкоспециальным, применявшимся лишь по отношению к западной действительности [ср. Ферм 1994, 168]. Это слово включается в толковые словари русского языка. Словарь О-III дает такое определение: «Группа представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику». Теперь это слово можно встретить почти в каждой газете, звучит оно и в телепередачах. Говорят и пишут об *аграрном, военном лобби*. Создается целое словарное гнездо: *лобби* — *лоббист, лоббировать, пролоббировать, лоббирование, лоббизм*.¹

Вот несколько примеров из газет: Суть подготовленного законопроекта в том, чтобы отрезать естественные монополии от пуповины министерств, которые их сегодня *лоббируют* <...> единственным компромиссом с *лоббистами* стало закрепление в законопроекте «продолгования для отдельных министерств» права регулировать «естественные монополии до 1996 г.» <...> независимый контрольный орган будет формироваться из тех же людей, «которые до сих пор занимались *лоббированием* монополистов через министерства» (Сег., 20.07.94); Эти ассигнования, как говорится, были *пролоббированы* заранее (Изв., 94); И Жириновский совершенно бесплатно *пролоббировал* и *лоббирует* ваши позиции? (Сег., 10.06.94).

В разные периоды истории русского литературного языка употребительность жаргонизмов была различна. С начала эпохи перестройки и до настоящего времени наблюдается очень значительная роль жаргона. Жаргон проникает во все сферы русского литературного языка — язык газет, радио, телевидения, литературная разговорная речь, язык художественной литературы. Наиболее влиятельны уголовный и различные виды молодежных жаргонов. В. С. Елистратов характеризует наше время как особый (и очень сильный) «виток варваризации», называя этим термином активизацию жаргона (он употребляет термин *арго*) [см.: Елистратов 1994, 637]. О многообразии молодежных субкультур, находящихся выражение и в различных молодежных жаргонах, пишет [Ресзак 1992]; см. также главу II в этой книге.

В настоящем разделе я остановлюсь на нескольких наиболее употребительных жаргонных словах, которые являются высокочастотными и могут быть отнесены к единицам так называемого «общего жаргона» (или: гипержаргона).

Крутой. Это прилагательное порождает обширное гнездо производных: *круто, крутизна, крученость, крутня, крутняк, подкрученный, круче, покруче, наикрутейший.*

Прилагательное *крутой* многозначно.

Происходя от литературного слова *крутой* (ср. *крутой нрав, характер*), оно подвергается влиянию английских сленгизмов *tough* (жесткий; о человеке — грубый) и *cool* (перен.) — дерзкий, беззастенчивый. Основные значения слова *крутой* таковы: (о его семантике см. подробнее [Земская, Розина 1994]):

1. О человеке: дерзкий, жесткий; высший образец, стандарт, с точки зрения лиц, принадлежащих к определенным социальным кругам.
2. Достигший предела в чем-л.
3. Характеризуемый крайней степенью проявления; экстраординарный.
4. Лучший (обычно в сочетании с *самый*).

Несколько иллюстраций употребления прилагательного *крутой* и родственных слов:

Каждый может бить по мячу, но не каждый в состоянии быть *крутым*, то есть быть жестким, прессинговать, идти ва-банк (Сег., 01.10.94); <...> входит в десятки *самых крутых* американских звезд (СС, 1994, № 7); Егор Летов <...> первый и *крутейший* панк (Сег., 02.07.94); «*крутые*» высказывания (МН, 16.05.93); Зарубежные детективы его раздражают. Наша жизнь, считает он, гораздо *круче* (Сег., 08.04.94); Кайф искусства *круче* алкогольного (згл. Сег., 25.05.94); Рецепт «*крутого*» детектива прост: побольше действия, погонь, перестрелок, похищений, схваток один на один — и все (ВМ, 17.06.93); <...> сняться ТАК — для нее самое увлекательное приключение, вроде как признак исключительности, особой *крутизны* (МК, 17.07.94); Их [закон] «*крученость*» перешла в общество (Изв., 23.09.94); Молодые люди бывают повышенной *крутизны*, но попадают и *подкрученные*, т. е. не очень *крутые* (МК, 92, № 10).

Тусовка. Жаргонизм *тусовка* в начале 90-х годов приобрел широкую, все увеличивающуюся употребительность.

Глагол *тусоваться*, от которого произведено существительное *тусовка*, менее употребителен. Эти слова, вероятно, связаны с картежным термином *тасовать* (карты): мешать карты в колоде, беспорядочно их перемешая.

Словом *тусовка* обозначают:

1. Сборище людей, объединенных по возрасту, профессии, политическим взглядам или каким-либо иным признакам; нередко это сборище сопровождается беспорядочным перемещением участников.

2. Формальное или неформальное объединение людей, объединенных по каким-либо признакам.

Все словообразовательное гнездо функционирует в языке средств массовой информации: *тусоваться, тусовка, тусовочка, тусня, тусовщик, тусовщица, кинотусовка, рок-тусовка, диптусовка* и под. Некоторые примеры: На всех киношных *тусовках* ты появляешься один (АиФ, 1992, № 19); ... на писательские *тусовки* — ни ногой (НГ, 31.04.92); Съезд славистов — это большая лингвистическая *тусовка* (РР, 1993); Впрочем, *тусовочка* получилась хилой (МК, 12.09.93); Юные баркашовцы сейчас совершенно открыто *тусуются* у станции метро «Площадь революции» (НГ, 14.10.93); <...> телохранители, с которыми он не растает даже на *кинотусовках* (АиФ, 1993, № 16); У него *рок-тусовка* (ТВ, 93); вынуждены долгими часами скучать на утомительных раутах и прочих *диптусовках* (Изв., 01.10.94); <...> подумаем лучше о своей жизни, куда менее праведной и духовной, чем у экзотических обитателей *панктусовок* (Изв., 18.02.94); А вообще, как сказал Иосиф Кобзон, Лайза — «настоящая *тусовщица*». В перерыве между русскими *тусовками* она, однако, успела выступить с двумя концертами (Сег., 08.06.94).

Бомж. Жаргонизм, аббревиатура — ‘без определенного места жительства’. Широко употребителен в разных сферах речи (газеты, радио, ТВ, речь официальная, разговорная, просторечие). Передает уничижительную окраску. Обросло гнездом производных: *бомжиха, бомжатина, бомжевать, бомжатник* — ‘жилище для бомжей’; иногда так именуют вокзал. Уничижительность увеличивается благодаря сопоставлению со словами типа *телятник*. Примеры: Сейчас обитатели здесь [в пансионате ветеранов войны] самые обыкновенные: от отставных офицеров до *бомжа* (Изв., 14.09.94); За продуктами [на площадь] приходят пенсионеры, малоимущие москвичи и даже *бомжи* (Изв., 02.09.94); 32-летний неоднократно судимый *бомж* был задержан (Сег., 15.10.94); Небольшое увеселительное представление планирует провести в Новый год для бродяг и попрошаек руководство приемника-распределителя ГУВД. Чтобы несчастные обитатели «*бомжатника*» не особенно скучали, к ним пригласят артистов (МК, 31.12.93. Ср. данное выше в цитате официальное название этого помещения); [об убийствах одиноких владельцев квартир] Более гуманные выкидывают такого человека на улицу, предоставляя ему *бомжевать* до конца дней своих (Изв., 17.11.94).

Имена лиц собственные — базовые основы словопроизводства

Усиление личностного начала — как характерная черта языка нашего времени [см. Панов 1988, 27] — находит специфическое выражение в сфере словопроизводства. В качестве базовых основ в словопроизводство активно вовлекаются собственные имена лиц наших современников. В этом обнаруживается тесная связь языка с современной действительностью. Имена лиц порождают целые серии производных разнообразной семантики и структуры. Шире всего используются фамилии (имена — реже) политических и общественных деятелей, в начале 90-х годов это прежде всего Ельцин, немного ранее Горбачев. Естественно, что наиболее употребительны наименования сторонников и противников этих лиц: *ельцинист*; реже: *ельцинец*; *горбачевец*; *антиельцинист*, *антигорбачевец*.

Наименования *ельцинец*, *ельцинист*, *горбачевец* часто используются в репликах-самохарактеристиках. Вот записи разговорной речи 1991 г.: Я *горбачевец* /но не враг Ельцина//: Я *ельцинист* /это не значит/ что я против Горбачева//.

Возникает естественный вопрос: почему в этих производных используются разные суффиксы? По всей вероятности, это объясняется тем, что к русским фамилиям на *-ов* заимствованный суффикс *-ист* не присоединяется. Фамилии на *-ин* ведут себя иначе. Сегмент *-ин* — фонетически «более интернационален», чем *-ов*. Поэтому фамилии на *-ин* легко присоединяют суффикс *-ист* (ср. *пушкинист*), но допускают и *-ец*. Ср. *ленинец* и *сталинист*, включающие не только разные суффиксы, но и передающие разные значения.

Высоко активны прилагательные на *-ский* типа *ельцинский*, *горбачевский*.

Самой своей структурой выражают отношение к лицу производные, включающие приставки *про-* и *анти-*: *проельцинский*, *антигорбачевский*, *антиельцинский*.

Вовлекаются в словообразование и имена других лиц. От имени президента Грузии Звиада Гамсахурдиа родились слова *звиадисты* и *гамсахурдисты*. Газеты пишут об *анпиловцах*, *жириновцах*, *руцкистах*, *баркашовцах*, *зюгановцах*.

Подобные слова редко звучат нейтрально. Они получают положительную или отрицательную окраску в зависимости от политической ориентации субъекта речи. В. В. Виноградов пишет: «В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для

понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры. <...> Одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп» [Виноградов 1947, 13]. Так, слово *хасбулатовец* (от фамилии председателя Верховного Совета России Р. Хасбулатова) может иметь резкую отрицательную оценку: (насмешливо) Он же *хасбулатовец!* Разве ему можно верить? (РР, 1993); Лукавят *хасбулатовцы* (НГ, 29.06.93).

Возникают производные и с суффиксом *-изм*: *горбачевизм*. В газете «Alma mater» (Тарту, апр. 90, № 2) читаем под заголовком *Горбачевизм*: В серии «Библиотека Лооминга» <...> вышла на эстонском языке книга живущего в Мюнхене русского философа Александра Зиновьева «*Горбачевизм*». Отмечено также *гайдаризм*: экономический *гайдаризм* (МН, 16.05.93); *ельцинизм*.

Сам факт использования в языке имен экономистов — свидетельство особой значимости экономики в наше время. Несколько примеров: *Гайдаровцев* шлют на Север (згл.Изв., 31.03.93); Пикантность ситуации заключается в том, что пролагать экономический курс обновленного кабинета министров — кабинета, покинутого по известным причинам Гайдаром, — приглашен один из самых ярких «*гайдаровцев*» (Изв., 22.02.94); Возглавляет его [Экономический Центр] с первых дней и до сих пор человек из обоймы первых «*гайдаровцев*» — Санкт-Петербургский экономист Сергей Васильев (Изв., 09.02.94). И далее автор продолжает: Таким образом, 26 апреля 1993 года «человек Гайдара» стал советником Черномырдина (там же); Премьер — молодой: «*гайдаровского*» возраста человек (о Финляндии, Изв., 15.01.94); Вместо ленинских премий теперь будут *гайдаровские* (згл., Изв., 28.06.94). Нередко вспоминают о *гайдаровских* реформах (Изв., 10.09.93). Ср. окказиональные: «*окологайдаровские*» интеллектуалы (НГ, 22.06.93). По модели «*по-* + фамилия лица + суффикс — (*овск*) и» произведены наречия *по-гайдаровски*, *по-черномырдински*.

Специфичны для нашего времени произведенные телескопическим способом (*имя лица* + формант *-номика*, сегмент слова *экономика*) наименования экономической политики того или иного деятеля: типа *рейганомика*, *клинтономика* (от фамилий президентов США), ср. заголовки: «Билл Клинтон покончил с *рейганомикой*» (Изв., 10.08.93). Родилось подобное наименование и от фамилии Гайдара: *гайдарономика*. Отметим, что в имеющихся у нас материалах это слово дается в кавычках (знак новизны, неузуальности) и содержит отрицательные коннотации («*экономика по западному образцу*», «*экономика утопическая, вредная для народа*»). Например: утопические схемы *гайдарономики*

(НГ, 23.10.93); маячащая перспектива взрыва в результате явного провала «гайдарономики» (НГ, 23.10.93).

Имена зарубежных деятелей вовлекаются не столь активно в русское словообразование, как имена отечественные. Отмечены, однако, слова *тетчеризм*, *рейганизм*.

Характерна для нашего времени высокая активность отвлеченных существительных на *-щина*, дающих резкую отрицательную оценку свойствам или действиям того лица, которое служит базовой основой. Нейтральное *сталинизм* вытесняется словом *сталинщина*; вслед за ним появилось и *ленинщина*. Социальные причины вызывают активизацию оценочного форманта *-щина*: *брежневщина*, *рашидовщина*, *алиевщина* и т. п. Некоторые иллюстрации: ... среди них немало активных в прошлом пропагандистов политики партии в незабвенные времена *сталинщины-брежневщины*. (Пр., 23.09.93). Заголовок в газете: Поп-рок-удар по *хасбулатовщине* (МК, 20.04.93.). Противники гайдаровских реформ используют оценочное слово *гайдаровщина*: Гонка цен и зарплаты, гиперинфляция формируют у трудящихся современный облик периода «гайдаровщины»... (Пр., 23.12.93).

По этой модели создаются производные от имен современных писателей (*кабаковщина*) и литературных героев (*шариковщина* — от фамилии Шариков, персонаж повести М. Булгакова «Собачье сердце»).

Меньшую активность обнаруживают существительные на *-ство*. От фамилии лидера ЛДПР Жириновского — *жириновство*: Кем является господин Жириновский? Обратимся опять к ближайшим предтечам *жириновства* — коммунизму, или, точнее, коммуно-фашизму ... (Сег., 01.02.94).

Имена лиц собственные порождают (хотя и менее активно) производные и иной семантики. Это собирательные существительные типа *пушкиниана*: Плоско увидели продолжение «*сталинианы*», хотя это было началом «*горбачевяны*» и «*ельцинианы*», а точнее, исследованием вечной проблемы «власть как театр» (НГ, 21.02.92).

Рождение слова *николаиана* — своеобразное свидетельство большого интереса современной России к трагической судьбе Николая Второго и его семьи. В газете «Известия» читаем: У нас ведь как: либо Николай Кровавый, либо Николай Святой. Сейчас на смену *лениниане* приходит своего рода «*николаина*»... (Изв., 17.07.93).

Характерна для наших времен игра с именами собственными — производство разнообразных окказионализмов: иронич. *ельцинолюб*, *ельцинолюбие*, *ельцинофобия*; заголовок: *Горболюбие и борисоборчество* в современной Италии (от Борис — имя Ельцина, НГ, 29.06.93); «*ельциноголовые*» интеллигенты ... (НГ, 22.06.93).

Противники Ельцина называют его сторонников *ельциноидами*. Так, Е. Гайдар в очерке «Красная осень 93-го» вспоминает: «В машине слушали победные реляции оппозиции: побеждаем, точнее уже победители, никаких компромиссов, никаких нулевых вариантов, пришел последний час *ельциноидов...*» (Изв., 29.09.94).

Ю. Мориц создала ироническую модификацию фамилии Ельцин, превращая его в китайского мудреца: «отвечал мудрый *Ельцин*» (НГ, 12.09.91). Разнообразные преобразования фамилий бытуют на митингах: *Эльцин* (среди «патриотов» и сторонников общества «Память»), *Горби*, *Горбач*, *Горбушка*; *Позорькин* (от фамилии председателя Конституционного суда *Зорькина*; Изв., 06.04.94); *горбиненавистник* (МК, 12.09.93); *Жирик* (от Жириновский): *Жирик* — вперед! (Изв., 25.04.95).

Слово *горбимания* включено в словари английского языка.

Каламбурно обыгрывает фамилию «главного экономиста» страны Лобова газета «Сегодня» (14.09.93), используя в качестве подзаголовка к критической статье о деятельности Лобова медицинский термин *лоботомия* (рассечение лба); ср. *чубаучер* (от фамилии *Чубайс* + [в]ау чер).

Своеобразный вид игры со словом — сведение слова (чаще всего это фамилия известного политического деятеля) к начальной букве, если эта буква служит в языке знаком непристойного слова. Так, Жириновского обозначают *Ж.*, Хасбулатова — *Х.* Газета «Известия» пишет: Во всеуслышание на разных сходках, митингах, в газетах, парламенте оскорбляли, смешивали с грязью, а телевидение тиражировало эту мерзость по всей стране. А президент молчал и поневоле способствовал укреплению реакции, а в конечном итоге появлению фактора «*Ж*» (Изв., 15.01.94).

Игры могут быть и другого рода — изменению подвергается и имя, и фамилия лица, так что, однако, прочтение подлинного имени осуществляется весьма легко. Например, писателя *Эдуарда Лимонова* превратили в *Педуарда Апельсина*. Комизм создается не только игрой цитрусовых (лимон — апельсин), но и намеком на некоторые широко известные свойства носителя имени, которые передает деформация имени. Типический пример: ... Я не раз говорил своему приятелю В.Б., ведущему обозревателю оппозиционной прессы: Ладно, согласен, *Педуард Апельсин* — наш единомышленник ... (НГ, 08.07.93).

Подробнее о разнообразных преобразованиях имен собственных с целью их уничижительной негативной оценки см. ниже в главе Е. В. Кавориной, в ч. 2 этой книги.

От имен современных деятелей могут создаваться и предметные наименования. Дешевую водку, продаваемую во время правления Андропова, называли *андроповкой*. Разнообразные денежные выплаты также могут именоваться по имени хозяина-распорядителя. Из репортажа о больнице: Да и кто, скажите, пойдет за пятьдесят тысяч <...> судна таскать ...? Спасибо, правительство Москвы добавляет «*лужковские*» — по двадцать тысяч на ставку (Изв., 14.09.94; по имени мэра Москвы Ю. М. Лужкова).

Вот еще один из новейших примеров: Весьма печальные последствия для москвичей имел новый рекламный трюк <...> В последние несколько дней многие граждане стали находить в своих почтовых ящиках поздравительные открытки от Сергея Мавроди. А кроме них — 20 билетов АО «МММ» (в народе именуемых «*мавродиками*»), за которые будто бы можно получить деньги в пунктах приема ценных бумаг (МК, 25.12.94).

Производство нарицательных имен лиц

Герой современного словообразования — человек. Значительную часть новообразований составляют имена лиц нарицательные. Наиболее активны такие разряды наименований, порождаемые по требованию социальной действительности (чаще всего используются суффиксы *-ник* и *-щик*):

1) *Сторонник* чего-либо или кого-либо. В современную, резко поляризованную эпоху эта группа очень активна: *товарник, рыночник, государственный, державник*. Словом *бесплатник* именуют сторонников бесплатной приватизации.

При наличии однокоренных слов отрицательную оценку обычно выражают номинации с суфф. *-щик*: *суверенищик* — сторонник суверенности республик; ср. *перестроечник* (нейтр.) и *антиперестройщик, кооператор* и *кооператорщик, кооперативщик*.

Некоторые иллюстрации: *Государственники* требуют съезда (згл. НГ, 14.02.92); ... «*державники*» намерены требовать на съезде безоговорочной отставки «правительства национального унижения и нищеты» (НГ, 02.04.92); ... лица наших российских *суверенищиков* как-то сникли (Изв., 01.10.91); Ведь, как вы их назвали, «*бесплатники*» выдвигают всем понятный и всем приятный лозунг: отдать собственность безвозмездно (Изв., 26.02.92).

2) Принадлежность коллективу или сообществу людей, объединяемых по какому-либо признаку:

аппаратчик, номенклатурищик, капээсэсник (ср. член КПСС, коммунист), *профсоюзник, ЛДПРовец, СНГэшник, деморосы, выборысы*² (от «Выбор России»). Примеры: *Профсоюзники* провели маевку в рекордно короткие сроки [згл.]. Лозунги *профсоюзников* были весьма мирными (Сег., 04.05.94); ... все стипендии этого фонда уже были розданы на годы вперед детям бывших советских *номенклатурищиков* (Изв., 06.04.94); За бюджет <...> голосовали коммунисты, аграрии, скудные остатки *ЛДПРовцев* ... (Сег., 09.06.94); ... предстал перед *СНГЭшниками* во всей своей боевой красе (МК, 17.12.93); Недаром среди *деморосов* стало много ветеранов борьбы с коммунизмом (Сег., 09.06.94); «*демо-выбороссы*» проводят консультации (Сег., 15.12.95).

Наименования лиц этой группы создаются и от двусловных сочетаний: *Белый дом — белодомовцы*. Интересно, что этим словом не называли защитников Белого дома во время путча 1991, но именуют лиц, укрывшихся в Белом доме во время октябрьского мятежа 1993 г.: Этот прорыв — еще один неясный пункт в истории октябрьской драмы. Громкие реляции *белодомовцев* ..., обвинения милиции в трусости, подозрения относительно особо хитрой провокации властей — все эти версии остались недоказанными и неопровергнутыми (Изв., 20.09.94).

В особую тематическую группу выделяются слова *бюджетник, платник/бесплатник* и *льготник*.

Слово *бюджетник* приобрело особую активность. Оно обозначает людей, получающих содержание из бюджета — это учителя, медики, научные работники, студенты, пенсионеры и мн. другие. Среди студентов различают «*бюджетников*» и «*платников*». Вот пример: ... все основные занятия «*платники*» посещают вместе с «*бюджетниками*» (Сег., 16.07.93).

Отметим, что словом *бесплатник* обозначают как сторонников чего-л. (см. пункт 1), так и лиц, принадлежащих какому-либо сообществу: это дети, получающие в школе бесплатные завтраки; студенты, учащиеся бесплатно (в том же значении используется и слово *бюджетник*). Ср. также: Пока еще работают старые постановления, утверждающие списки «*льготников*», имеющих право на бесплатные лекарства, препараты, которые являются жизненной необходимостью, а также распространяются бесплатно (Сег., 27.04.94).

Ср. новообразования, возникшие в русской речи за рубежом; в качестве производящих используются иноязычные основы. Одно из таких производных — «*вэлферщик*»: ... кого здесь называют «*вэлферщиками*» — людьми, которые пользуются государственным вспомоществованием — «*вэлфером*» (НГ, 24.03.93). Аналогично образовано *фудстэмщик* — от *фудстэм* (продуктовый талон).

Сообщества людей именуют и по объединяющему их действию: *подписанты/неподписанты* (слово возникло ранее, применялось по отношению к лицам, подписавшим какой-либо документ, оцениваемый как противоправительственный; теперь получило более широкое распространение), *невозвращенцы*. Газета «Сегодня» помещает рядом две статьи с подзаголовками: *Подписанты. Неподписанты*. Речь идет о членах Государственной Думы, которые подписали или не подписали «Договор об общественном согласии»: Республиканцы осудили *неподписантов* за незнание логики (30.04.94); ... активизировались контакты с представительной властью и с *подписантами* Договора о согласии (Изв., 17.09.94); *Невозвращенцев* стало меньше (згл. Сег., 09.06.94).

3) Наименования по профессии типа *оборонщик, компьютерщик, радиийщик, эвээмщик, эвээкашник* (ВПК — военно-промышленный комплекс) и мн. др.

Иллюстрации: По словам г-на Трубникова, нижегородским *оборонщиком* государство уже задолжало более 30 млрд. руб. (Сег., 09.06.94); Я бы в «*компьютерщики*» пошел (згл. Сег., 30.04.94); Профессионалов-*радийщиков* на «Европе» практически нет (Изв., 27.05.94).

Среди таких производных много универбатов, используемых для сокращения длинных официальных номинаций. Ср. *работники оборонной промышленности* и «*оборонщики*». Так, людей, работающих в «силовых структурах», именуют «*силовики*», в различных отраслях производства — «*отраслевики*», помещая обычно подобные слова в кавычки: Силовые структуры — это его [Батурина] сфера влияния. <...> Отношения с «*силовиками*» — разные. (Изв., 08.06.94); ... «*Отраслевикам*» ближе схема Минэкономики <...> (Сег., 22.04.94).

К числу новообразований относится, вероятно, и слово *дубляжник*, которым называют актеров, осуществляющих дубляж зарубежных фильмов. АиФ публикует целую статью «*Дубляжники*», в которой рассказывается о лицах этой профессии (94, № 35).

Рождаются и слова, называющие профессии неофициальные, негосударственные, чаще всего по объекту или месту деятельности. К таким наименованиям принадлежат, например, слова *помоечник* ('тот, кто собирает что-то в помойках'), *бутылочник* ('тот, кто собирает пустые бутылки, чтобы продать их'):

Стало много *помоечников* в Москве (РР, 94); «*Бутылочник*» родом из Красногорска [згл.] Наш рассказ пойдет о *бутылочниках* — тех, кто добывает хлеб свой насущный, собирая пустую посуду на улицах и свалках. <...> профессионалы-*бутылочники* друг друга знают: не дай бог на территорию залезет чужак — припелеца избивают ... (Сег., 21.01.94).

4) Слова-характеристики, слова-оценки. Наиболее индивидуально по способу образования и выразительно по семантике резко уничижительное слово *совок* (см. подробнее: [Воротников 1992; Земская, Розина 1994]). Это слово — одно из наиболее показательных для нашей эпохи. Исследователи выделяют у слова *совок* различные коннотации, усиливающие его выразительность. *Совком* называют: а) советского человека, б) бывший СССР, в) все типично советское. Это слово произведено нетрадиционным способом: *сов-* (сокращение от *советский*) + суффикс *-ок* + каламбурное сближение со словом низкой предметной сферы (*совок* для собирания мусора). Ср. слово *комок*: *ком* (мерческий магазин) + *-ок*. Вот несколько типических примеров: Великая миграция «*совков*» началась еще с целины ... (НГ, 03.06.93); Эндурцы — это не грузины, не русские, не евреи, это просто такой образ человеческих предрассудков, образ *совка* с точки зрения чегемца (Ф. Искандер; АиФ, 93 № 11); Мама, я хочу в *совок!* (Сег., 16.10.93); низко образованный простодушный и наивно-хитроватый *совок* (Сег., 07.04.93); ... и в спектакле речь пойдет о том, что под этой зловещей цифрой [37 год] сформировалась «новая историческая общность» — в просторечии ее представителя небрежно называют «*совок*», т. е. «человек советского производства». <...> Петрушевская предлагает театру рассмотреть этот вопрос [отъезда-эмиграции] на уровне «*совков*», людей малой культуры, интеллигентов в первом поколении. <...> В смутном кризисном времени театр и автор не уступают тому, что им дорого, что вечно, какие бы перемены ни происходили. Среди «*совков*» они замечают тех, кого можно назвать Человеком, кто выстоит в нелепых, угрожающих, стремительно меняющихся обстоятельствах ... (Изв., 29.11.90).

В газете АиФ под заголовком «Не отпускает *совковое* болото» (1993, № 20) читаем: Исчезла телефонная номенклатура, а у *совков* прямо инфаркт: могильная тишина кабинетов их пугает, потому что реальность заставляет мозгами шевелить, а они неспособны! <...> *Совки* боятся думающего рабочего.

Назову еще лишь несколько слов-характеристик различной структуры:

своеобразный словообразовательный эвфемизм: *несун* — по смыслу соотносится не с *нести* — *носить*, а с *унести* — *уносить* 'тот, кто уносит с работы что-то', т. е. ворует;

редкий тип ономаσιологической структуры (калька с английского *back-bencher*) — наименование по месту нахождения, приобретшее качественно-квалифицирующее значение: *заднескамеечник* — о депутатах, сидящих на задних скамьях парламента и не принимающих участия в работе (КП, 17.09.93);

с элементом каламбура: *прихватизатор* (ср. *приватизация* и *прихватить*) и «*памятник*» (член общества «Память», ср. *памятник-монумент*):

<...> главарь-верзила поднес кулак к носу намеченной жертвы <...> И получил пощечину — от тоненького семнадцатилетнего мальчика с княжеской фамилией (в самом деле потомка именитого княжеского рода). И тогда все <...> загородили собой и мужественного княжича, и понурых потомков Авраама. «*Памятники*» отступили, выкрывая оскорбительные угрозы (ст. «Самозванные «патриоты» воюют против России», Изв., 06.11.93).

Особняком стоит слово «*оползневик*», имеющее индивидуальный характер и своеобразную ономаσιологическую структуру: 'человек, дом которого расположен на оползне': «*Оползневикам*» дают квартиры в первую очередь (Изв., 21.10.94).

Наименования лиц занимают в современном словообразовании столь активное место, что провести границу между новообразованиями, действующими в пределах типа, расширяющими границы типа и нарушителями этих границ бывает трудно. Видимо, к числу слов, действующих в пределах словообразовательных типов, следует отнести такие слова, как *совзсовцы* (от АО «СОВЭС»; Сег., 30.04.93), *омеговцы* (от названия общества «Омега»; Сег., 30.04.94), «*утровец*» (от названия телепередачи «Утро»; Изв., 04.12.93), «*движенцы*» (от «народное движение», Изв., 22.12.93), *космодромщик* (НГ, 12.05.93); «*переговорник*» (Сег., 24.03.94: Виктор Черномырдин впервые, пожалуй, за время своего премьерства, подтвердил репутацию умелого «*переговорника*», т. е. человека, умеющего вести переговоры); «*сырьевики*» (Сег., 20.01.94).

Активность наименований процессов (существительные на -изация)

Новые социально значимые процессы действительности активно именуются существительными на -изация, имеющими значение 'наделение тем или свойствами того, что обозначает базовая основа': *компьютеризация*, *витринизация* магазинов, *паспортизация* (т. е. выдача паспортов) сельского населения (НГ, 26.09.91); проблема *информатизации* (НГ, 26.09.91); *арендизация*; *векселизация*, *электронизация* народного хозяйства; *люмпенизация* населения. Каждое новое общественно важное событие порождает отвлеченное имя на -изация: «*социализация*» общества, *суверенизация* республик, *регионализация*, *автономизация*, *фермеризация*, *долларизация* экономики; *криминализация* власти, *департизация*, «*капитализация*» России, опасность *фашиза-*

ции России (ЛГ, 03.08.94), *бартеризация* (Изв., 18.09.93); едва лишь появились *ваучеры* (приватизационные чеки), как возникло слово *ваучеризация*. Не успели в Армении ввести новую денежную единицу *драм*, как российские журналисты заговорили о *драмизации* страны, используя каламбурное столкновение с узуальными существительными *драматизм* и *драматизация* (от *драма*): Спасет ли Армению «*драмизация*» [введение драмов] от *драматизма* (ТВ-Новости, 22.11.93).

Некоторые иллюстрации из газет: Можно ли как-то бороться с *долларизацией* нашей экономики? (АиФ, 1993, № 10); А ведь одно серьезное потрясение в Москве — и *регионализация* может стать реальностью (НГ, 31.07.93); <...> единство России может не выдержать второго за последние несколько лет испытания *бартеризацией* и товарным дефицитом ... (Изв., 18.09.93); Мне довелось быть свидетелем правового беспредела, замешанного на набившей уже оскомину *суверенизации* (Изв., 14.01.92); <...> реформы денег, обесценивание вкладов, *ваучеризация*. Но простите — ведь все это уголовное воровство (НГ, 31.09.93); Минфин отстаивает свою идею *векселизации* долгов ... (Сег., 22.04.94).

Создаются и индивидуальные новообразования: *дебилизация*; *сатанизация* роли Москвы в отношении к спутникам Восточного блока (Сег., 28.05.93); интернациональный, ныне уже идущий процесс «*глобализации*» массовой культуры (Изв., 07.07.93); *гайдаризация* экономики (РР, 1993); Русский август плюс «*аферизация*» всей страны (згл. НГ, 01.09.94); Плюс *бандитизация* всей страны (згл. Изв., 25.06.94); *чернобылизация* (ЛГ, 15.01.95).

Некоторые из новообразований имеют шуточный характер: *кока-колонизация* (НГ, 30.09.93); *велосипедизация* (Изв., 03.09.94).

Особую активную группу составляют производные от названий стран, реже — народов, регионов: «*Янкизация*» Македонии, «*албанизация*» экономики, «*эстонизация*», «*германизация*» Европы, «*американизация*» кино.

Выделим слово *украинизация*, которое, сохраняя свое первоначальное значение «внедрение украинской культуры и языка» (Сл. Уш.), по нашим данным, в 1994 г. приобретает второе значение — «развитие экономики по типу Украины» (в этом случае обычно дается в кавычках). Ср.: «Люди боятся, что экономика пойдет по украинскому сценарию», — сказал г-н Гайдар (Сег., 22.01.94) и: «Россия на пороге «*украинизации*»» (згл. Сег., 22.01.94); Скорее всего их [кредиторов России] выводы будут близки к формулировке «*украинизация*» Российской экономики (Изв., 21.01.94); ... по убеждению экс-министра финансов [Б. Федорова] «*украинизация*» у нас на пороге (Сег., 22.01.94).

Слова на *-изация* обычно включают иноязычные базовые основы. Доказательство высокой продуктивности этого типа — рождение слов этой структуры от русских основ. Таково слово *деленинизация*. Назовем также слова *рублевизация, зарплатизация*: *Зарплатизация* доходов, т. е. превращение доходов в зарплату, проедание ее (Изв., 26.02.92); ... естественно, ни одна из сторон не говорит о политической подоплеке «*рублевизации*» Белоруссии (Сег., 11.03.94); *рублевизация* экономики стран СНГ (Радио, 10.03.94).

От русских основ возникают и индивидуализмы — «*третьемиризация*»: Однако есть и гораздо более осязаемые, вполне материальные симптомы этого процесса «*третьемиризации*» страны (НГ, 12.09.91).

Многие имена на *-изация* даются в кавычках, что свидетельствует об их новизне.

Подчеркнем процессуальный характер семантики этих существительных. Отметим, что обычно однокоренные глаголы, от которых могли бы быть произведены соответствующие существительные, отсутствуют. Не отмечены слова *ваучеризировать, департизировать, фермеризировать* и др. Ср. старые соотношения: *милитаризировать* — *милитаризация*. Встретился всего лишь один случай употребления глагола, соотносительного с рассмотренными новообразованиями на *-изация*: «*долларизировать*». Показательно соотношение глагола с существительным в тексте. Существительное помещено как узуальное слово без кавычек в маленьком заголовке: *Долларизация*. Глагол дается в тексте с пояснением и в извиняющихся кавычках: Ну тогда населению, видимо, ничего не остается, кроме как «*долларизировать*» свои сбережения. Вкладывать их в доллары ... (ЧС, 26.05.93).

Активизация существительных на *-изация* и *-фикация* была отмечена в 60-е годы нашего века. По мнению М. В. Панова, эти типы слов «принципиально важны для современной русской словообразовательной системы. Несомненно, новые существительные с суффикса *-фикация* и *-изация* обозначают процесс (представленный предметно, т. е. субстантивированный). Как правило, существительные, обозначающие процесс, — это отглагольные существительные (в синхронном понимании этого термина); следовательно, и новые слова с указанными суффиксами надо считать отглагольными. Но их своеобразие в том, что они **п р о и з в о д я т с я** [выделено автором. — Е. З.] не от глаголов; более того — многие из них вообще не соотносительны с глаголом. Благодаря появлению указанных образований, под влиянием «социального заказа» на них впервые в русском языке появилась **г р у п п а** [выделено автором — Е. З.], особый класс процессуальных существительных, не

соотносительных с глаголами. Эта черта в русском языке обладает резкой и неожиданной новизной» [РЯСО, 2, 104].

Социальная действительность требует прежде всего новых номинаций для происходящего, вот почему именные основы, совмещающие значение процессуальности с номинативностью, побеждают глаголы.

Рост именной префиксации

Рост именной префиксации — характерная особенность современного словообразования⁸. Возрастает активность не только тех приставок, которые были высокопродуктивны ранее, таких, как *анти-*, *супер-* и *сверх-*. Более показательна для современности активизация приставкой иной семантики, малопродуктивных в прошлом:

1) Характеристика событий современности требует обозначения временных соотношений между событиями, процессами, явлениями. Обнаруживают продуктивность синонимичные приставки *пост-* и *после-*, обозначающие признаки или явления, характерные для времени, наступающего после чего-то (часто это какое-то важное общественное событие, наименование целой эпохи).

Приставка *после-* порождает только производные прилагательные на основе сочетаний с существительными: *после референдума* — *послереферендумный*. Приставка *пост-* также производит преимущественно прилагательные (*постперестроечный*, *посттоталитарный*, *посткоммунистический*, *постсоциалистический*, *постсоветский*, *постреферендный* и *постреферендумный*).

Значительно реже *пост-* сочетается с существительными, лишь в тех случаях, когда базовое слово имеет событийное или процессуальное значение (*постперестройка*, *постсталинизм* — из выступления М. С. Горбачева на заседании ВС 1991, *посттоталитаризм*).

Приведем иллюстрации: отсутствие прямой злободневности, конкретных *постперестроечных* примет ... (Сег., 08.06.94); Ожидается также издание ряда специальных указов, знаменующих наступление «постваучерной эпохи» (НГ, 01.07.94); Начато создание первой *постсоветской* границы (згл. Сег., 03.06.94); На перепутье. Одиночество в *постколлективистском* обществе (згл. ВМ, 01.11.93); *Постимперское* смягчение воли вопиет против нормативности ... (Сег., 25.11.93); Есть мнение [Егора Зайцева], что чикагский стиль 20-х годов весьма удобен в *постсоциалистическое* время ... (МК, 17.12.93); В этот диапазон не попадает разве что «металл» или *постсоветский* народно-тюремный «кабак» (Изв., 27.05.94); ... ясно одно. Рано мы похоронили «совок».

Он живет и даже побеждает в *постсоветском* неправовом пространстве (Сег., 09.07.94).

Интересно отметить, что слова *посттоталитарный*, *постсоциалистический*, *постсоветский*, *посткоммунистический* употребляются для обозначения одного и того же исторического периода времени.

Обозначая один и тот же период времени, эти слова именуют его по-разному: после отмены советской власти, после распада СССР, после отказа от построения коммунизма, после отказа от социалистического пути, после крушения тоталитарной системы.

Приставка *после-* используется значительно реже, чем *пост-*: *послепутчевый*, *послереферендумный*, *послеавгустовский* (имеется в виду время путча — август 1991 г.), *послеприватизационная* поддержка предприятий (Изв., 03.06.93); *послеваучерный* этап приватизации (Сег., 09.06.94), *послеинфляционные* остатки (Сег., 09.09.94).

Приставки *пост-* и *после-* могут присоединяться к одним и тем же основам (см. примеры выше). Однако между ними существуют семантико-стилистические различия. Префикс *пост-* создает слова книжные, нередко термины, они дают более обобщенную характеристику, обозначают значительные временные периоды (тоталитаризм, коммунизм и т. п.), тогда как прилагательные с *после-* могут обозначать чисто временные отношения и относиться к менее значительным событиям, более коротким отрезкам времени.

Типично такое противопоставление: *послепутчевый* и *посттоталитарный*. Кроме того, *пост-* тяготеет к соединению с иноязычными основами, тогда как *после-* присоединяется и к русским, и к иноязычным основам. Так, в одной статье находим: *послечековая*, но *постваучерная* приватизация (Сег., 20.07.94).

Наши материалы показывают меньшую активность временной приставки *до-*, обозначающей, что событие относится ко времени, предшествующему чему-либо. Таково, например, прилагательное *доперестроечный* (относящийся ко времени до перестройки): Экспозиция напомнила мне один старый *доперестроечный* рассказ (Сег., 07.05.93); Число вице-премьеров <...> возрастет выше *дореформенного* (Сег., 27.01.94).

2) Другая активная группа — приставки со значением уничтожения результатов чего-либо, противодействия, отрицания: *де-*, *раз-*, *контр-*, *анти-*. Актуальность приставок этой семантики во время разрушения устоев старого, отрицания основ эпохи тоталитаризма легко объяснима.

В этой группе, как и ранее, обнаруживает активность приставка *анти-*, о которой много писали. Она используется и со значением а) отрицания, и со значением б) противодействия. Вот лишь некоторые примеры:

а) *антиденьги, антирынок, антипарламент, антигерой, антикумир*. Несколько иллюстраций:

Постмодернизм, возникший как *антиидеология* в искусстве, начинает давать о себе знать как новая жизненная идеология (Сег., 01.02.94); Назвать своих кумиров и *антикумиров* попросил американский еженедельник «Пипл» (Сег., 05.03.94); Как дупло — зуб, разъедает пустота новые — полые — небоскребы. <...> Бесценный *антидом*, встроенный в многометровую оправу небоскреба — триумф мотовства над расчетом (Сег., 09.02.94); На месте Гоголя-урода, того, что в конце Пречистенского бульвара, долгое время стоял *антиурод* — Гоголь работы Николая Андреева. *Антиурод* был грустен, лиричен ... (Сег., 28.09.94).

Значение отрицания передают, как правило, производные существительные.

б) Значение противодействия выражают и существительные, и прилагательные (чаще):

антигорбачевцы, антиельцины, антируцкисты: Профессионалы *антитеррора* нужны прежде всего государству (згл. 30.03.94); *Антикоммунисты* провели *контрдемонстрацию* (згл. Сег., 04.05.94).

Антиконституционный, античубайсовский костерок (НГ, 28.08.93); *антигорбачевский* путч (Сег., 09.06.93); *антиперестроечные* и *антиельцинские* статьи (НГ, 08.07.93); *антигайдаровский* и *антирыночный* характер [высказываний] (Изв., 22.02.94); *антипремьерская* коалиция (Изв., 14.04.94); *антитарифный* поход московского мэра (Сег., 30.03.94); уральский *антиваучерный* протест (Сег., 07.06.94); *антирисковые* фонды (Изв., 1993, № 35).

Однако для конца 80-х — начала 90-х годов особенно характерна заимствованная приставка *де-*. Она порождает наименования процессов уничтожения того, что составляло сущность прошлого: *деполитизация, десоциализация, декоммунизация, десоветизация, дебюрократизация, демонополизация, деконфликтизация, деколонизация, детоталитаризация, деидеологизация, деиерархизация, деколлективизация, декоммунизация, децивилизация, депрофессионализация*.

Как правило, приставка *де-* сочетается с именами на *-изация*. Реже возможно ее сочетание и со словами иной структуры: *дерегулирование, деконструкция*.

Слова с приставкой *де-* именуют новейшие явления в жизни нашего общества: закон о *департизации* Ельцина, *деленинизация, десталинизация* — борьба с культом Ленина, Сталина, *деполитизация* армии, *демонетизация* хозяйства. Подобные производные возникают на русской почве, и нет оснований считать их интернационализмами. Одно из новейших образований с приставкой *де-*: *дедолларизация*. В газете

«Известия» (28.01.95) дважды встретилось это слово (речь шла о необходимости повысить значимость рубля в российской экономике и уменьшить роль доллара).

Несколько иллюстраций: [о встрече Хрущева с королевой Англии] Для него это было бы, по меньшей мере, символом примирения с Западом, тем более, что он начал кампанию *десталинизации* (Сег., 19.02.94); ... процесс *деидеологизации* и *детоталитаризации* гуманитарных наук <...> способствует *деиерархизации* сознания означенного читателя (Сег., 09.06.94); *Деполитизация* вооруженных сил: до какого уровня? (НГ, 12.09.91); Буквально на днях ряд эстонских партий призвал сформировать официальную политику по *деколонизации* Эстонии (НГ, 25.06.93).

Интересна структура многих из этих слов. Раньше слова с приставкой *де-* непременно соотносились с именами на *-изация*: *милитаризация* — *демилитаризация*. Теперь положение изменилось. Слов «левинизация» или «партизация» нет. Слова *деленинизация*, *десталинизация*, *департизация* образуются непосредственно от существительных *партия*, *Ленин*, *Сталин* префиксально-суффиксальным способом.

Приставка *де-* столь активна, что порождает индивидуальные производные от русских основ. Вот броский газетный заголовок: «Даешь *дегадюкизацию* всей страны!» (КП, 06.08.91).

Синонимична префиксу *де-*, но менее употребительна русская приставка *раз-*: *разгосударствление*, *разбюрокрачивание*, *расконспирация*, *расконсервирование*. Чаще всего *раз-* присоединяется к словам на *-ние*; ср. *дебюрократизация* и *разбюрокрачивание*. Отдельные слова с *раз-* могут проявлять большую активность в какой-либо недолгий отрезок времени (напр., слово *разгосударствление* в начале эпохи перестройки). Существительное *раскрестьянивание*, встречающееся у Ленина, возрождается в употреблении в 90-е годы в значении 'распад класса крестьян' (ср. слово той же структуры, но иной семантики *раскулачивание*).

Приставка *контр-* также обнаруживает продуктивность, но меньше, чем *де-* и *анти-*. Она производит существительные⁴ процессуальной семантики, обозначающие нечто, направленное против того, что называет базовая основа: *контрреформа*, *контрконцепция*, *контраргументы*; *контрмитинг*, *контрдемонстрация*, *контрвыступление*, *контрлозунги*, *контрмарш*.

Приведем примеры: Состоялась демонстрация оппозиционных групп и *контрдемонстрация* сторонников президента Гамсахурдия (Радио Свобода, 16.09.91); Возможна *контрмера* — постанова на референдуме трех и более проектов ... (АиФ, 93 № 23); ... в организме Диего во

время *контрэкспертизы* найден целый «коктейль» эфедриносодержащих препаратов (Сег., 02.07.94); За полчаса до *контрреформ* (НГ, 22.06.93).

3) Социальными факторами обусловлена активизация префикса *про-*, образующего слова со значением 'в пользу, в интересах кого или чего'. Ранее этот префикс обнаруживал ограниченную продуктивность, сочетаясь с прилагательными, произведенными от названий стран или режимов (*проамериканский, профашистский*). Производные ранее обычно выражали негативную оценку. В наши дни префикс *про-* используется шире, чем раньше: *проинфляционная* политика, *проправительственная* партия. Он сочетается также с прилагательными, производными от имен лиц: *проельцинский* блок, *пропрезидентское* большинство.

Приставка *про-* присоединяется и к прилагательным, которым в прошлом была свойственна официально положительная оценка (*прокоммунистические* группировки). Ср.: *прореформаторские* группировки. Несколько иллюстраций из газет: В Германии оживилось *просоветское* лобби (Изв., 06.04.94); Предвыборные объединения не спешат выказывать *прорумынские* или *пророссийские* настроения (згл. Сег., 12.02.94); *прозападная* ориентация российской внешней политики (Сег., 26.03.94); Оппозиция называет новое правительство Молдавии *промосковским* (згл. Изв., 07.04.94). Ср. даже наречие: Да, в представлении *просемидесятически* настроенных интеллектуалов это режиссер наиболее близкий Антониони (Сег., 07.09.95).

Можно сказать, что на наших глазах происходит деидеологизация производных с приставкой *про-*. До эпохи перестройки слова с *про-* содержали компонент 'негативная идеологическая оценка'. Ср. *произраильский, пронатовский, проимпериалистический* и др. Негативная оценка в семантике подобных слов совпадала с оценкой официальной, господствующей в обществе, поэтому при толковании таких слов в словарях не было необходимости указывать, с чьих позиций дается эта оценка. В тех редчайших случаях, когда приставка *про-* выступала в словах имеующих нечто, положительно оцениваемое официально, толкование получало идеологическую «добавку». Вот какое толкование слова *прокоммунистический* дает НС-70: «В терминологии а н т и к о м м у н и з м а [выделено нами. — Е. З.] — сторонник коммунистов, коммунистических партий, сочувствующий идеям коммунизма». Слова типа *прорыночный, проправительственный* могут быть употреблены сторонниками разных партий, они лишены идеологической оценки. Так, Е. Гайдар говорит о *прорыночных силах*

(Сег., 17.01.96), «Известия» пишут о *прореформистской коалиции* (16.12.95), не выражая при этом какой-либо оценки.

4) Актуальна для эпохи перемен и разрушения старого семантика неистинности, ложности, «ненастоящести». Ее выражает ряд формантов. Это прежде всего приставки *псевдо-* (греч. — лживый, мнимый) и *квази-* (лат. — якобы, как будто), которые в ряде случаев сближаются по семантике, так как обозначают нечто ненастоящее⁶. Однако это ненастоящесть разная. В семантике этих приставок имеются существенные различия: *псевдо-* содержит компонент 'обман, лживость', тогда как *квази-* указывает на ненастоящесть иначе; этот префикс содержит компонент 'недоведение до необходимого предела', 'почти'.

Между *псевдо-* и *квази-* имеются еще следующие различия: слова с *псевдо-* содержат субъективную оценку лица, тогда как слова с *квази-* характеризуют состояние именуемого объекта. Именно поэтому, вероятно, многие лингвистические термины включают приставку *квази-* (*квазисинонимы*, *квазиморфы*).

Приставка *псевдо-* гораздо более активна, чем *квази-*. Она сочетается и с существительными, и с прилагательными.

Псевдо-: *псевдоконституция*, *псевдодемократ*, *псевдодемократия*, *псевдопарламент*, *псевдоденьги*, *псевдорынок*, *псевдокультура*, *псевдозаговор* (ТВ, март 94), *псевдоинформационность*, *псевдожизнь*; *псевдоавиакомпания*, *псевдогерой*; *псевдоисторический*, *псевдодемократический*. Типические примеры:

Имена существительные: Ставка на *псевдоцентристов* — подготовка к смене правительства (згл. Изв., 27.09.94); ... как писал Н. Бердяев, много у нас было и есть всякого «псевдо»: *псевдонародности*, *псевдобуржуазии*, *псевдореволюции*, *псевдосоциализма*, а теперь еще и *псевдодемократии*, *псевдопатриотизма* с убогими фашистскими реквизитами (Изв., 06.10.94); Мы очень плохо жили при советском *псевдосоциализме* и совсем не умеем при советском же (откуда взяться другому?) *псевдокапитализме* (ЛГ, 03.08.94); Перестройка, приход к власти Б. Н. Ельцина, августовская *псевдореволюция* — *псевдопутч*, распад СССР, референдум 25.04.93 — все это были лишь вехи предыдущего этапа (НГ, 11.06.93).

Имена прилагательные: Это *псевдорусский* патриотизм, а точнее антирусский (ТВ, «Итоги», 12.09.93); <...> выдал за представительные органы власти *псевдодемократическую* структуру ... (Сег., 29.06.93); Любимый прием: *псевдоисторическое* погружение ... (НГ, 31.07.93).

Приставка *квази-* обнаруживает меньшую активность. Она сочетается преимущественно с именами существительными: *квазиденьги* (РР, 1991), *квазиреформа*, *квазиавторитет*, *квазирынок*. Например: Укра-

инские купоны — это *квазиденьги* (РР, 1991); Лидеры зарегистрированных в срочном порядке *квазипартий* получили не только количественную фору ... (Сег., 27.01.94).

Имена прилагательные с *квази-* менее продуктивны. Вот немногие примеры: «*квазибожественная*» власть над процессами в мире (Сег., 05.02.94); *квазиисторическая* литература (РР, 1994).

Нередки случаи, когда производные с *псевдо-* и *квази-* сближаются по значению. Так, в одной и той же статье находим слова *квазикоалиция* и *псевдокоалиция*, различие между которыми, на наш взгляд, отсутствует: Создав *квазикоалицию*, премьер сделал то, чего так пытались избежать демократическое крыло <...> Новая *псевдокоалиция* будет сформирована, но жить ей недолго (Сег., 27.01.94).

Русская приставка *лже-* наименее продуктивна в этой группе: Академик Валентин Янин о сенсациях и *лжесенсациях* археологических раскопок в Новгороде (згл. Изв., 03.08.94); ... *лжепредприниматель* успел нагреть российских партнеров ... (Изв., 14.09.94); Есть и *лжеакадемизм*. Стихи, записованные Эребами и Персефонами (А. Вознесенский; Изв., 04.08.94), <...> было создано 700 *лжефирм* ... (Сег., 28.01.93); Шедевр пулерекого искусства — билет *лже-«Супершанс»* без номера (згл. Изв., 05.02.94).

Меньшая активность слов с *лже-* может быть связана с ее слишком резкой, «лобовой» внутренней формой; ср. *псевдокоалиция*, *квазикоалиция* и *лжекоалиция*; *псевдоакадемизм*, *квазиакадемизм* и *лжеакадемизм*.

б) Актуальное для нашего времени значение имеют форманты *недо-* и *полу-*. Плохая работа, недоведение дела до конца, полумеры и полурешения способствуют активности названных формантов.

Недо-: *недопарламент* (НГ, 2310.93), *недопосев*, *недопогрузка*, *недочеловек*, *недотеатр*; ср. глаголы: *недоосвоить*, *недорассчитать*, *недовыполнить*, *недовысказать*;

Полу-: *полумеханизация*, *полуприватизация*.

Займствованные приставки *квази-* и *псевдо-* (реже) могут сближаться с русской приставкой *недо-*: *Недопереворот* [згл.]. Пока путчисты сидят в «Матросской тишине», их дело живет и побеждает (Изв., 30.10.92); ср. *квазилпереворот*. Ср. в одном контексте производные с *недо-* и *псевдо-*: Нерасчлененные комнатами этажи небоскребов начинаются сотами *subicles* — такими *недокабинетами* без дверей и с недостающими до потолка перегородками. Такой *псевдоофис* — иллюзорный протез судебной приватности ... (Сег., 22.02.94). На мой взгляд, в этом случае было бы более уместно слово *квазиофис*.

6) Активен, как и в предшествующие десятилетия [см.: РЯСО, 2], разряд префиксально-суффиксальных прилагательных, обозначающих 'лишенный чего-либо, какого-либо признака'. Многочисленность подобных слов связана с появлением новых технологий, новых средств, а также новых явлений в политике и в экономике.

без- ...-ный, реже: без- ... -овый и др.: безвирусное растениеводство, «бесконтактное» общение, бесшлюзовый канал, безвизовая поездка, бестарное пиво, безлицензионная деятельность.

Примеры: [иск] <...> к различным фирмам, занимающимся *безлицензионным*, а значит, не гарантирующим сохранность вкладов, сбором денег у населения (Изв., 25.06.94); ОМОН переходит к *«бесконтактным»* действиям (згл. Сег., 29.04.94); «Инката» намерена участвовать в первых *«безрасовых»* выборах (згл. Сег., 03.03.94).

7) Обнаруживают активность также производные слова со значением 'происходящий между чем- или кем-либо', выражаемым приставками *меж-* и *транс-*: *межнациональный, межреспубликанский, межрайонный, межфракционные* переговоры (Изв., 28.12.93); *транспартийный, транснациональный*. Ср. заголовок в газете: *Транспартийная транснациональная партия ненасилия* (АиФ, 93, № 16).

8) К числу наиболее активных относятся производные с приставками *супер-* и *сверх-*, обозначающие высокую степень проявления признака, выражаемого базовой основой. Активность подобных слов объясняется разными причинами. Основные — две: а) свойственная современному языку тенденция к выражению повышенной экспрессии, эмоциональности; б) обозначение явлений, связанных с научно-техническим процессом (ср. Бурцева 1987, 15). Вот примеры.

а) Имена прилагательные: *супердорогие* билеты, *супердешевый* рубль, *суперосторожный* дипломат, *суперфантастическая* прическа; *сверхнадежная* дверь, *сверхценная* идея, *сверхпозитивное* впечатление, *сверхмилитаризованная* экономика, *сверхактивная* жизнь.

Имена существительные: *супербандюга, суперполицейский, суперпрофессионал, супершпион, суперпианист, суперфилософ, суперреформатор; суперцена; Жириновский — суперпровокактор и суперискуситель* (Сег., 01.12.94); *Суперскандалы для супервыборов* (Сег., 19.02.94); *Суперсредство* против беременности (Сег., 22.09.93).

Иногда, для усиления экспрессивности, приставки объединяются в сложный комплекс *сверхсупер-*: *сверхсуперфестиваль* (Сег., 07.09.94). Ср. также: *сверхпрофессиональная* защита, *сверхкорректный* прокурор, *суперлояльный* судья (НГ, 01.09.94).

б) Второе значение выражают прежде всего имена существительные с *супер-*: *супер-ЭВМ, супермазы, супертуннель; Супердвигатель*

для супер-«Боинга» (згл. Изв., 18.12.93); Супердорога из Москвы в Петербург (згл. 18.11.93); в области спорта: суперлига, суперсборная, суперкубок, суперматч.

9) Среди префиксальных производных можно выделить имена лиц с приставкой *со-*, обозначающей совместность: *сопредседатель*, *соруководитель*, *соорганизатор* и др. под. Характеризует негативные стороны нашей жизни слово *содоносчик*. К числу новообразований, отражающих новые стороны богатой современной жизни, можно отнести слово *сокруизник* — ‘спутник в круизах’; ср. более старое шутливое *сопляжник*.

Наименования предметов

В сфере обозначений предметов (в широком смысле, т. е. не лиц) лидируют универбаты на *-ка* — наиболее активное средство компрессии в словообразовании. Они используются для свертывания двусловных наименований (имя прилагательное + существительное) в одно слово (тип: *пятиэтажный дом* — *пятиэтажка*). Универбаты — принадлежность разговорного языка, но в начале 90-х годов они широко употребительны и в языке периодики, и в устной публичной речи. В этом факте обнаруживается общая особенность языка нашего времени: перемещение явлений периферийных, маргинальных в центр системы, что свидетельствует о высокой динамичности системы в функциональном аспекте.

Универбаты, использующие в качестве базовой основы одно и то же прилагательное, соотносясь с разными словосочетаниями, именуют разные денотаты. Так, *персоналка* — это персональное дело (в эпоху тоталитаризма), персональный автомобиль, более новое: персональный компьютер.

Подчас бывает трудно угадать, что именует универбат. Например, слово *зеленка* широко известно как бытовое название лекарства. И вот встречаем *зеленка* в неподходящем контексте. Оказывается, так называли зеленую зону во время войны в Афганистане: Вы же бывали в «зеленке»: зеленая зона и дорога через нее. Идет колонна. Из «зеленки» тебя поливают огнем ... (Из афганского блокнота. Пр., 28.10.88).

В наше время подобные сокращенные наименования применяют и по отношению ко многим важным для государства и профессиональной деятельности человека явлениям: *оборонка* (оборонная промышленность), *пищевка* (пищевая промышленность), *отечка* (отечественная продукция).

Слово *оборонка*, функционировавшее ранее только в разговорной речи, широко употребительно в устной публичной речи и в языке газет: Десятилетиями взращивали Ленинград как суперцех отечественной «оборонки» (Изв., 20.11.92). Это слово часто включают в заголовки: «Оборонка» ищет выход (ВМ, 28.12.92); «Оборонка» пока выжидает (НГ, 16.05.92).

Любопытно, что если в прессе 1992 г. универбат *оборонка* давался в кавычках, то в 1993 г. кавычек может и не быть: Промышленники США решили порыться в завалах российской *оборонки* (Сег., 01.06.93). В том же значении, но значительно реже, употребляется и универбат *военка*: <...> завод «Искра», еще недавно работавший на «военку», начал выпускать пуговицы и пряжки (Изв., 14.09.94).

Универбаты на *-ка* быстро возникают и легко уходят из языка. Так, летом 1990 г. возникло слово *визитка* (визитная карточка покупателя), которое в 1993 г. уже воспринимается как архаизм. Универбаты пронизывают все сферы жизни. Они широко распространены среди лиц разных профессий.

Актуально для нашего времени существительное *наличка* — наличные деньги (наряду с которым употребляются усечения *нал* и *безнал*): <...> коллектив, не получавший *наличку* несколько месяцев подряд, готов был объявить забастовку ... (Изв., 17.02.93); У меня нет *нала* / только *безнал* (РР, 1993).

Машины называют по месту производства «японками», по модели — «шестерками», «девятками». Ср. также: *валютка* (валютный магазин), *рукопашка* (рукопашная борьба), «*неучтенка*» (неучтенные деньги), «*наружка*» (наружная охрана). Примеры из газет 1993—94 гг.: Ни из Кремля, ни из *высотки* [высотного здания] на Смоленской площади так и не было дано никаких вразумительных объяснений ... (Изв., 28.09.94); Цвет дюв белый, вот только со снегом *напряженка* (Сег., 02.09.94); Состав <...> устремился к переезду через *Волоколамку* (Сег., 03.09.94); Первый ее [схемы действий] пункт — восстановление одного <...> бесхозного строения, относящегося к «*Морозовке*» [детская Морозовская больница] (Изв., 25.03.93); Дышать сложными, душноватыми ветрами *Средиземки* [Средиземного моря] (Сег., 07.09.94).

Универбаты служат не только средством компрессии речи, но и средством экспрессии. Так, Учредительное собрание пренебрежительное именуется *учредиловка* (по типу *забеголовка*, *тошниловка*).

Менее многочисленен иной тип универбатов — производные на *-ушка*: *духовой пистолет* — *духовушка*: Это был подарок Смоктуновскому от нью-йоркского знакомого, который, вручая «*духовушку*», говорил:

«Какие с ним проблемы могут быть? Я его в игрушечном магазине покупал» (Изв., 09.01.92).

А б б р е в и а ц и я к а к с р е д с т в о э к с п р е с с и и

Среди способов словообразования аббревиация занимает специфическое место. В языке она выполняет компрессивную функцию, т. е. служит для создания более кратких, чем соотносительное словосочетание, номинаций (о функциях словообразования см.: [Земская 1992, 8—12]). Основные сферы действия аббревиации — речь деловая, научная, публицистическая.

Аббревиатуры принято считать «скучными словами», малопонятными или даже совсем непонятными обычным людям. Между тем не все аббревиатуры таковы. В 60-е годы наметилась новая тенденция в производстве звуковых и буквенных аббревиатур. Отмечая эту тенденцию, М. В. Панов указывал, что аббревиатура должна быть благозвучной, многосонорной; желательно, чтобы она напоминала обычное слово, вплоть до полвой омонимии [РЯСО, 2, 97].

Маскировка аббревиатур под обычное слово свойственна и нашему времени. Вот некоторые современные названия: *БАРС* — Банк развития собственности, *ГраД* — партия «Гражданское Достоинство», *ШАРМ* — шоу армянских мужчин.

Выступающие на выборах в декабре 1993 г. партии и блоки широко используют в своих названиях прием маскировки под обычное слово. Так, Конструктивно-экологическое движение России именовало себя словом *КЕДР*. Однако при этом нарушалась точность расшифровки. Фонетическое несоответствие названия *КЕДР* его расшифровке вызвало негативную реакцию многих журналистов. Газета «Сегодня» лаконично замечала: вернее было бы: *КЭДР* (27.11.93). С. Мостовщиков саркастически обыгрывает это э, рождая возможную аббревиатуру *ДЭРЕВО*: «Реформы нужны еще и собакам, кошкам, атмосфере, морковке, капусте и другим зеленым насаждениям. Все это и многое другое обещает сделать Конструктивно-экологическое движение «*КЕДР*», выходявшее в эфир вместе с президиумом на сцене и целым залом избирателей. Вообще название этой политической организации — находка. Можно, конечно, было придумать что-нибудь похлестче. Типа Демократическая экологическо-реформистская естественная всеобщая организация «*ДЭРЕВО*». Но «*КЕДР*» — тоже хорошо. По крайней мере актер Михаил Кононов сказал, что ему очень нравится, что кедр — такой зеленый и изображен на эмблеме на таком голубом фоне» (Изв., 02.12.93).

Игровое применение аббревиатурной расшифровки находим и в названии *ЯБЛОКО* — блок Явлинский, Болдырев, Лукин; иногда пишут и *ЯБЛоко*. Встречается и нецензурная аббревиатура, порождаемая перестановкой фамилий лидеров: *БЛЯ*. Эта аббревиатура была использована телеведущим А. Карауловым в передаче «Момент истины» (27.12.93).

В современном языке аббревиация нередко используется не только как средство официальной номинации, но и как средство экспрессии, художественной выразительности. Рассмотрим несколько явлений:

1) Сближение аббревиатуры с обычным словом создает каламбур, приносит в аббревиатуру дополнительные коннотации, которые были бы ей не свойственны при отсутствии связи с данным словом.

В конце 70-х — в 90-е годы возрастает число аббревиатур, у которых сопоставление с обычным словом имеет шутливый характер, служит средством насмешки, иронии. Так, легкую шутку можно видеть в современной аббревиатуре *МИФ* — Московский инвестиционный фонд (учитывая, что инвестиционный фонд должен быть явлением сугубо реальным, а не относиться к области мифологии, но вместе с тем мифы бывают овеяны тайной и могут содержать что-то притягательное).

Возникает аббревиатуры и иного рода: буквенное сокращение использует в качестве образца конкретное слово (часто — слово сниженной семантики), а само название букв прочитывается не обычным способом (по требованию русского алфавита), но под диктовку слова-образца. Так, сочетание *Белый дом* (название здания Верховного Совета РФ, ставшего оплотом мятежа в октябре 1993 г.) породило две аббревиатуры: одну — нейтральную *БД*, а другую — издевательски-каламбурную *БиДе*, в которой первая буква аббревиатуры прочитывается нестандартно (*би* вместо *бе*). Ср. два примера из одного и того же номера газеты «Московский комсомолец»: По утверждению командира Зеленцова, их миссия 3—5 октября была сугубо мирной: в «Останкино» комсомольский отряд вытаскивал из-под огня раненых штурмовиков, в *БД* «осуществлял организационное обеспечение X съезда, аудио- и видеозапись, пронос в *БД* еды, лекарств»; У лидера ЛДПР хватило ума не засветиться среди защитников *БиДе*... (12.10.93).

Каламбурная экспрессия формально и семантически преобразует слово *БиДе*.

Путем использования каламбурного столкновения с обычным словом созданы шутливые названия литературных изданий. Наименование *Совраска* (газ. «Советская Россия») звучит уничижительно: Главный редактор «*Совраски*» Валентин Чикин только что назвал закрытие этого программного листка чудовищной ошибкой (Изв., 08.10.93).

2) Вовлекаются в репертуар экспрессивных средств современного языка и аббревиатуры другого строения — состоящие из начальных сегментов слов, образующих соотносительное словосочетание (тип *колхоз*). В языке прошлого подобные слова были сугубо серьезными, официальными. В последние годы наметилась тенденция использовать этот тип аббревиации для порождения сниженных номинаций, несущих заряд насмешки, уничижительности. Очень резко это явление обнаруживается в слове *нардеп*. Ср. уважительное еще в недавнее время *народный депутат* и презрительное *нардеп*. Вот несколько примеров из газет 1993 г.: «Русофобия: легенды и факты». Это тема прошедших в пятницу слушаний в Доме Советов, организованных *нардепами* из парламентского блока «Российское единство» (МК, 19.09.93); Не так давно Михаил Семенович начал снимать видеофильмы. О всех «прелестях» профессии судебного-медицинского эксперта. Чтобы показать *нардепам* из областного Совета, что же за служба такая, судебно-медицинская, и какой бывает каторжный труд в каторжных условиях (НГ, 13.01.93).

Дм. Шушарин, полемизируя с А. Сиявским, защищающим абстрактные понятия «конституция» и «парламент», пишет: «И самое главное — народ вовсе не таков, как Верховный Совет («парламент» в терминологии Сиявского). За две недели стояния *нардепы* в разное время собирали не более 10 тысяч демонстрантов» (Сег., 16.10.93).

Таким образом эксплицитно противопоставляются понятия *парламент* — *Верховный Совет*, за которыми стоит имплицитное противопоставление *парламентарии* (члены парламента) — *нардепы*.

Другой пример, в котором дано противопоставление *нардепы* — *президент*: *С нардепов-то* спросу никакого. А вот пойдет президент на серьезную дискредитацию России в глазах международного общественного мнения ...? (Сег., 06.08.93).

Используются для выражения оценки именуемого также и другие начальные сегменты первого члена словосочетания, формирующего полную номинацию. Чаще всего это сокращение сугубо официальных слов типа *гос* (государственный), *соц* (социалистический), *проф* (профсоюзный). Создаваемые таким образом наименования нередко звучат резко сниженно, уничижительно: Получая взамен шанс занять место старых *госидеологов*, мы вновь начинаем строить Вавилонскую башню (МН, 16.05.93); заголовок: *Госчиновникам* запретили ездить за границу за чужой счет (Сег., 06.07.93); Однако вероятность возврата этих денег в виде *госпривилений* невелика (Сег., 16.07.93); <...> никому доселе особо не нужные *соцпартии* Роя Медведева или бабуриновский Российский союз (МК, 21.10.93); Он [лидер ЛДПР] в последнее время бывал на

берегах Енисея не раз, а часто ли Край посещали *демидеры*? (Изв., 18.12.93).

Отрицательная оценка возрастает, если официальное сокращение приклеивается к необычному распространителю. В. Селюнин создает уничижительное наименование *профбонзы*: Провалившись на референдуме, *профбонзы* вышли на демонстрацию под лозунгами «Да — президенту!», «Да — реформам!» (Изв., 08.10.93).

3) В последнее время активизировалось употребление в периодической печати производных от буквенных и звуковых сугубо официальных аббревиатур. Многие из подобных производных также характеризуются сниженной экспрессией. Таковы, например, произведенные от аббревиатур ЦБ (Центральный банк), СНГ, ФНПР (Федерация независимых профсоюзов России), ФНС (Фронт национального спасения) прилагательные и имена лиц. Некоторые иллюстрации: Вот Московский Промстройбанк выдал 42 млрд. руб. кредитов и почти половина из них — *цэбэшные* <...> Понятно психологическое состояние старой *цэбэшной* гвардии: для нее мы — самозванцы, нувориши (Сег., 29.06.93); Главный фруктовый павильон сплошь уставлен наклонными лотками с плодами явно не *эсэнговского*, а заморского происхождения (Изв., 29.08.93); В связи с приближением выборов ФНПР вынуждена искать менее одиозных партнеров. Скорее всего, притягательной для *фэнэпэровской* верхушки окажется Социалистическая партия труда ... (Изв., 21.10.93); Однако этот путь к новой жизни преградили старые силы — разные «*фэнэсовцы*» ... (ВМ, 21.10.93); <...> ОГПУшный архивариус <...> приобрел и материалы «Буддиста» (Изв., 22.10.93).

Интересно производное *эсэнговье* (по типу *Приднестровье*): Затем началась эпопея с Маляровым, которого сотоварищи разыскивали по всему *эсэнговью* (МК, 21.10.93); ср. в ином написании: Дети *СНГовии* (НГ, 08.12.94).

Подобные производные уже своей длиной, неуклюжестью и непривычным написанием передают отрицательную сниженную оценку. Ср. с вышеприведенными словами нейтральные сочетания с род. падежом: *фэнэпэровская верхушка* и *верхушка ФНПР*, *фэнэсовцы* и *члены ФНС*, *цэбэшные кредиты* и *кредиты ЦБ*; *эсэнговье* и *пространство СНГ*.

4) Игровая расшифровка общепринятых аббревиатур — прием, который используется в разговорном языке, жаргонах, а также в различных профессиональных языках. Столкновение значения обычной аббревиатуры со значением аббревиатуры-омонима создает комический эффект, порождает каламбур, шутку. Так, широко распространенная аббревиатура *ЧП* (чрезвычайное происшествие) используется среди

медиков со значением «частная практика», среди журналистов — со значением «четвертая полоса» (полоса в газете, на которой помещается юмористический материал).

Аббревиатура *НЭП* (новая экономическая политика) имеет шуточный омоним *НЭП* (наведение элементарного порядка); ср. *СПб* (Санкт-Петербург) и *СПБ* (скорая бытовая помощь).

Т. В. Зайковская отмечает, что в молодежном жаргоне нередко встречаются шуточные омонимы к обычным аббревиатурам. Ср.: *ОРЗ* (острое респираторное заболевание) и *ОРЗ* (очень рано завязал), *СС* (название партии) и *СС* (студенческая столовая), *МАДИ* (Московский автодорожный институт) и *МАДИ* (московский алкогольно-дегустационный институт). В молодежном жаргоне могут разворачиваться как буквенные аббревиатуры, так и общепринятые сокращения — части слова. Ср.: *отл.* (отлично) и *отл* (обманул товарища лектора), *хор.* (хорошо) и *хор* (хотел обмануть, раздумал, или: разоблачили), см. (Зайковская 1993, 95); см. также [Елистратов 1994].

Суффиксальное производство имен прилагательных

В производстве имен прилагательных связь язык — современность обнаруживается не столь непосредственно. Прилагательные образуются не так активно, как существительные. И это вполне естественно. Мир предметов все время пополняется новыми обозначениями, тогда как мир признаков не растет быстро. Набор качеств признаков пополняется незначительно.

В 90-е годы продолжается отмечавшаяся ранее тенденция к активному производству о т н о с и т е л ь н ы х прилагательных (ОП), служащих для выражения отношений разного рода. Производство имен прилагательных дает четкую картину противопоставления рядов качественных и относительных имен по степени активности. В то время, как рождаются десятки суффиксальных ОП от всех новых наименований, в том числе терминологических, суффиксальное производство качественных прилагательных дает единицы. Активность ОП объясняется их широким использованием в составе номинаций, нередко имеющих терминологический характер — типа *бартерная сделка*, *институт маркетинговых исследований*, *компьютерное обеспечение*, *щитовая реклама* (см. подробнее: [Земская 1992]).

Именно за счет ОП новообразования прилагательных занимают второе место по численности (после существительных). Основную часть новых прилагательных составляют отсубстантивные суффиксальные

производные. Как правило, каждое новое существительное тут же порождает ОП: *ваучер — ваучерный, приватизация — приватизационный, котировка — котировочный, рейтинг — рейтинговый, имидж — имиджевый*. Прилагательное может создаваться и с временным отрывом от существительного, т. е. возникает тогда, когда данное существительное становится особенно общественно значимым (таковы, напр., *референдумный, нуворишский*).

В сфере производства относительных прилагательных обнаруживают активность те же наиболее продуктивные суффиксы (-л-, -ов- и -ск-, с интерфиксами и без них); которые были наиболее действенны и в предшествующие периоды развития русского языка. С помощью этих суффиксов образуются основные разряды ОП.

Особо отметим активность разряда прилагательных на *-овский*, имеющих в качестве базовой основы аббревиатуру — буквенную, звуковую или сложносокращенное слово: *СНГовский, омоновский, спецназовский, цумовский, совдеповский, взпэковский* и под.

В тех случаях, когда от той или иной субстантивной основы имеется узуальное прилагательное с качественным значением (типа *цена — ценный* 'имеющий большую цену', 'дорогой'; *власть — властный* 'имеющий власть', чаще: 'склонный повелевать', напр., *властный человек*), возникает напряжение в системе: значение отношения требует выражения, тогда как ОП занято узуальным словом с качественным значением. Существуют два пути разрешения этого конфликта:

- а) производство относительного прилагательного с суфф. *-ов-*;
- б) употребление относительного прилагательного, омонимичного качественному.

Для актуальных для нашего времени существительных, важных для сферы экономики и политики, *цена* и *власть* постоянно требуют выражения отношения. Эти слова хорошо демонстрируют разные пути разрешения охарактеризованного выше конфликта. Отношение к слову *власть* выражает ОП *властный*, омонимичное род. падежу существительного. Ср. *властные структуры, властные механизмы и структуры власти, механизмы власти*. Прилагательное *властный* используется и в сочетаниях, не имеющих четкой соотносительности с конструкциями, включающими род. падеж или другие косвенные падежи существительного. Ср.: Отсутствие четкого порядка выработки и принятия решений приводит к небывалому сосредоточению *властных возможностей* в руках административно-вспомогательных структур ... (МН, 29.09.91); *властные полномочия* (там же).

Прилагательного «*властевой*» в языке нет. По-видимому, от основ на *-ость* образуются преимущественно прилагательные с суфф. *-н-*. Во

всяком случае словарь Бильфельдта дает лишь два производных с суффикса -ов-: *гостевой, костевой* [Biclfeldt 1958].

Слово *цена* порождает ОП *ценовой*: *ценовой механизм, ценовая политика, ценовые реформы, т. е. механизм цен, политика цен, реформа цен*. Однако, по-видимому, оно еще не приобрело полностью права гражданства, о чем свидетельствует следующий пример. В одной и той же газетной статье находим заголовок с род. п.: «*Всплеска*» *цен* в России может и не быть». В тексте же дано прилагательное: До конца года не ожидается больших *ценовых всплесков* (АиФ, 93, № 23). Очевидно, что позиция в заголовке требует слова более принятого нормой. Ср. также: <...> *либерализация цен* <...> обернулась *ценовым шоком* (Изв., 08.12.93).

Общее относительное значение прилагательных получает конкретизацию в составе словосочетания. Наиболее социально значимы в наше время такие подвиды относительного значения [ср. Бурцева 1987, 19]: отношение назначения ('предназначенный для ...'); отношение к материалу ('сделанный из ...'). Активность этих значений связана с появлением новых механизмов, приборов, появлением новых материалов.

Выражение новых качественных значений осуществляется в наше время не средствами аффиксации, но развитием качественных значений у относительных прилагательных. Например: *нуворишское* самодовольствие (Изв., 04.12.93); *нуворишское* высокомерие ('свойственное нуворишу'), *нардеповская* самоуверенность ('свойственная нардепам') — из записей РР (1993 г.). Ср. сочетание с *самый*, свидетельствующее о качественности нового прилагательного *рейтинговый*: После ухода «Итогов» наши программы — *самые рейтинговые* политические программы в «Останкино» ... (НГ, 23.10.93).

Производство глаголов

Производство глаголов значительно менее активно, чем производство имен, что отмечалось уже по отношению к языку предшествующего времени [см., например: Земская 1992]. [Бояркина 1987, 8] пишет: «Глагольные неологизмы составляют всего 9% от всего количества неологизмов, составляющих Баяк русских неологизмов [Котелова 1983]».

В сфере глагола появление новообразований установить труднее, чем в сфере имен существительных. В первую очередь это касается такого активного способа, как внутриглагольная префиксация (обозначение временных, локальных и количественных модификаций действия). Однако время появления некоторых префиксальных глаголов можно установить достаточно точно, особенно если они связаны с опре-

деленными явлениями действительности. Так, в начале перестройки был рожден глагол *захлопать* 'хлопая, заглушить речь, не дать говорить' — *захлопать* оратора; ср. *затопать*. Глагол *захлопать* возник в начале деятельности ВС СССР. Живет этот глагол и в 90-е годы: На открытии Конституционного совещания спикера «*захлопали*» (АиФ, 93, № 23).

В области номинативного словообразования активно суффиксальное производство книжных глаголов на *-ировать*, *-изировать*, реже на *-овать*, производимых от иноязычных именных основ (типа *ксерокопировать*, *спонсировать*, *компьютеризировать*). Глаголы на *-изировать* уступают в продуктивности соотносительным именам на *-изация* и часто возникают позже, чем имена (см. об этом выше). К таким же наблюдениям приходит [Бояркина 1993].

Менее активны глаголы на *-ить*, имеющие разговорный характер. Они часто образуются от названий инструментов, орудий: *ксерить*, *факсить*. Например: Тебе много надо *ксерить*?; Ты эту статью *ксерить* собираешься? С приставкой *от-*: Мне ничего не стоит вам 100 страниц *отксерить* (РР, 1993); ср. с суфф. *-ану-*: *Факсані* это письмо (РР, 1995).

Высокоактивна префиксация глаголов. Она используется и для производства глаголов от именных основ, и как средство внутриглагольного словообразования. Так, к широкоупотребительным глаголам нашего времени относится глагол *обналичить* ('перевести безналичные средства в наличные', 'снабдить наличными деньгами'). Этот глагол употребляется в профессиональной речи и в РР. Рекламные объявления пестрят лаконичными предложениями: *Обналичу*; *Обналичим*.

Префиксация как средство внутриглагольного словообразования используется в ряде целей.

Активная префиксация и н о я з ы ч н ы х глаголов способствует их включению в систему русского языка, служит грамматическим средством выражения значения сов. вида; чаще всего с этой целью используется префикс *с-*, реже — *от-*, *про-* и др.:

спакетировать, *срежиссировать*, *спрогнозировать*, *скоординировать*, *отрекламировать*, *отреставрировать*, *отрефлектировать*, *отксерить*; *протестировать*, *пролоббировать*, *пробойкотировать*, *пробуксовать*, *профинансировать*, *прокомментировать*.

Несколько примеров: <...> не побоюсь *спрогнозировать*, в июне существенно возрастет количество приватизируемых предприятий (ЧС, 26.05.93); Ряд эпизодов *срежиссирован* и сыгран превосходно ... (Изв., 03.07.93); Отношение это — глубоко *отрефлектировано* (НГ, 11.06.93); Через пять лет мы смогли увидеть неточно *отрекламированный* фильм «Очки в золотой оправе» (Изв., 10.04.93); Центральный банк *профи-*

нансировал крупные бюджетные расходы ... (Изв., 11.10.94); Пласти-
нка, которую единодушно *пробойкотировали* радиостанции ... (Изв.,
20.09.94); Сергей Дубинин так *прокомментировал* переход доллара через
четырёхтысячную отметку ... (ТВ, 94); <...> *протимулировал* он спе-
кулянтов (Сег., 14.10.94); Специалист-американец и врач из США *про-*
инструктируют российских коллег ... (Изв., 25.03.93).

Особо отметим актуальность такого значения, выражаемого при-
ставкой *пере-*, как 'произвести действие заново, изменить его': *пере-*
структурировать, *перепрофилировать*, *перерегулировать*; *перепрограм-*
мировать. Вот примеры: Новый хозяин *перепрофилировал* предпри-
ятие под загон для овец ... (Сег., 29.06.93); Это он *перепрограммировал*?
(РР, 1995).

Окказионализмы.

Игры со словом

Характеризуя активное словообразование наших дней, нельзя не за-
тронуть область неузального словообразования. Его активность вели-
ка во всех сферах современного языка (кроме деловой речи): газеты,
радио и ТВ, РР, художественная литература. Важная особенность пост-
тоталитарной эпохи — раскрепощённость языка газет. Если неузаль-
ное словообразование было характерно ранее преимущественно для язы-
ка художественной литературы и разговорной речи, то в языке газет
доперестроечного периода оно не было столь широко распространён-
ным явлением. В наше время газеты пестрят окказионализмами.

Конец XX в. иногда даже называют веком окказионализмов. Чело-
век играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стре-
мясь победить соперника в остроумии, острословии, оригинальности
формы выражения. Как пишет И. Хойзинга, «во все времена и всюду,
в том числе в формах высокоразвитой культуры, игровой инстинкт
может вновь проявиться в полную силу, вовлекая как отдельную лич-
ность, так и массы ...» [Хойзинга 1992, 62].

Уже в предшествующих разделах мы рассматривали некоторые
явления неузального словообразования, особенно часто в тех случаях,
когда в пределах какого-либо высокопродуктивного типа рождаются
слова индивидуальные, непринятые узусом (см., например, разделы о
существительных на *-изация*, о словах с префиксом *де-* и др.)

Это объяснялось тем, что в подобных случаях установить границу
между узальными и неузальными единицами трудно или даже
невозможно: крайности сходятся (см. подробнее [Земская 1992,
187—190]).

С определенной точки зрения, можно противопоставить два вида использования невузального словообразования: введение в текст отдельных невузальных слов (или невузального слова и его «родителя», его образец) и включение в текст целых серий (каскадов, кустов) невузальных слов.

Рассмотрим эти два приема отдельно.

Каскады невузальных слов

Мы избрали для наименования этого приема слово *каскад*, так как внутренняя форма этого существительного содержит семантические компоненты 'обилие' и 'водопад' или 'лавины чего-то сыплющегося или льющегося'.

Как прием художественной выразительности включение в текст каскада невузальных слов чаще всего служит целям создания комического эффекта.

Избрание того или иного конкретного материала определяет, какая именно разновидность комического создается в тексте — ирония, гротеск или легкая шутка.

Каскад невузальных слов сможет формироваться из единиц:

- а) относящихся к одному словообразовательному типу;
- б) относящихся к одному способу словообразования — аббревиации;
- в) имеющих одну и ту же базовую основу.

Каждое из этих невузальных слов уже необычностью своей формы обращает на себя особое внимание. Если же необычная форма выражает необычное для словаря данного языка содержание, эффект усиливается (ведь известно, что среди невузальных слов есть и единицы, несущие новые значения, и единицы, передающие уже имеющиеся в языке словарные значения, у которых нова лишь форма). По образному выражению П. Флоренского, серии окказиональных слов служат «системой угловых зеркал, многократно и разнообразно отражающих» [Флоренский 1990, 180] смысл — один общий или же несколько близких или сопоставляемых смыслов.

Порождение каскада невузальных слов нередко используется для изображения явлений, важность которых для жизни общества в настоящее время особенно значительна. Приведем некоторые примеры соответственно данному выше подразделению на группы а), б) и в).

а) Тема национальных отношений особенно социально значима в наше время. Повышение чувства национального самосознания активизирует в качестве базовых основ названия национальностей.

Целый каскад саркастических индивидуализмов порождает А. Игнатьенко, осмеивая идею национального превосходства, выдвигаемую многими псевдопатриотами: Заниматься «казахизацией», «узбекизацией», «киргизизацией», «туркменизацией», «грузинизацией», «азербайджанизацией» всей общественной жизни, конечно, можно. Если только рассматривать это занятие как единственную задачу национально-государственного <...> возрождения и игнорировать все остальные задачи (НГ, 23.06.94).

Ту же тему раскрывает В. Разбойников, порождая индивидуальные производные на *-ость* (типа *русскость* — слово, хотя и встречающееся в употреблении, но вызывающее сомнение в том, соответствует ли оно нормам русского литературного языка). Журналист пишет: «Я систематически просматриваю прессу, назвавшую себя патриотической. И в ней почти в унисон подается: «Русские оболганы, оплеваны». В итоге: «Больше *русскости*». Пардон, а чем те же чуваши хуже? Почему они не могут претендовать на большую «оплеванность»? И претендуют. Местные публицисты уже пустили в оборот призыв: «Больше *чувашкости*». Нет сомнения, что больше *удмурткости* потребуют соседи. А уж марийским национальностям сам Бог велел бросить такой вызов. Правда, у мордвы могут возникнуть чисто лингвистические трудности» (Изв., 30.08.94).

Ряд отвлеченных существительных с общим суффиксом *-ство* и близких по семантике рисует беды нашей жизни, связанные с бездомностью, неустроенностью людей: Что за Конституция, которая делает нормой жизни *беженство, бродяжничество, божжество, терроризм?* (Сег., 07.05.93).

Каскады неузуальных слов аналогичной структуры вызывают сильный комический эффект. Вот, например, какой список запретов, порождаемых бюрократией, публикует газета «Московский комсомолец», используя модель «глагол с нулевым суффиксом + род. п. существительного». Журналист играет с этой моделью. Среди глаголов есть и реальные (*отлов, выгул*), и фантастически смешные (*выпендр, выклянч*), и каламбуры *выкидыш мусора*, и перевертыши разных типов *выкус накуси и накось выкуси; выводок гусей и выродок людей; выкур кур и выгры кенгурей; выкукол бабочек и выхухол выхухолей*.

Вот этот текст:

«Внимание:

разжиг костров

выгул собак

отлов рыбы и отстрел дичи

выпас и выгон скота,

а также
 выполз змей
 выжереб коней и
 выкобыл лошадей,
 вымет икры
 выкукол бабочек и
 выхухол выхухолей
 выкур кур и выпрыг кенгурей
 обгад ромашек, обдир ягод ...
 выслеж зайца,
 выпуг тетерева,
 выдох вдох
 вынос тела
 вы нас за нос — мы вас по уху
 выхлоп газов
 выкидыш мусора
 выводок гусей
 выродок людей
 выплав стали
 выплыв сели
 выпендр фраеров
 выстрел Аврор,
 выклянч денег
 вымуштр солдат
 вытрус половиков
 выпал из окон
 выпор детей,
 выдрем в гамаках
 вытрем губ и выпуч глаз
 вычих насморка
 вытреп и разбрех государственных тайн,
 выкус накоси и
 накось выкуси
 откат, отел и атас,

а главное, загляд и залаз в дупла с выкуром оттуда пчел, и распро-
бом меда

ЗАПРЕЩЕН И ПРЕКРАЩЕН

в связи с отказом их от высоса нектара после выщипа
цветов и выдерга травы, а также в связи с полным
вымером (МК, 08.05.93).

Приведем еще одну иллюстрацию каскада одномодельных слов. Беря за образец членимое, но непроизводное слово *терминатор*, журналист по его образу создает слова *летаторы* и *стреляторы*: В этом кино есть все — терминаторы, *стреляторы* и *летаторы* (Изв., 29.05.93).

б) В период выборов в Верховный Совет России возникло огромное количество аббревиатур — названий предвыборных блоков и партий. Нарочитое нагромождение аббревиатур, в том числе индивидуальных, созданных для данного текста, может использоваться как прием комизма. Ср. заголовок, состоящий из одних аббревиатур (узуальных и окказиональных): ТВ: ДПР, КПР, ЛДПР, ПД «Же Рэ», ОПД «Дэ и Мэ» и т. д. и т. п. (Изв., 02.12.93). Автор (С. Мостовщиков) раскрывает некоторые свои сокращения в тексте: ПД «Же Рэ» — политическое движение Женщины России, ОПД «Дэ и Мэ» — Общефедеральное политическое движение «Достоинство и Милосердие». Уничижительность эффекта усиливается нарочито безграмотным прочтением букв *Рэ* (вместо *эр*) и *Мэ* (вместо *эм*).

в) Третий вид каскадирования — порождение слова от одной и той же базовой основы. Естественно, что чаще всего используются слова такой семантики, которая является социально значимой.

В наше время постоянно возникают дебаты о том, превратится ли Россия в страну третьего мира. Рождаются слова «*третьемирзация*», «*третьемирство*», прилагательное «*третьемирный*». Например: «Первый» и третий миры скованы нерасторжимой цепью, но Россия была и осталась «вторым миром». В стадильно-хозяйственном плане далекая от «центра», она имеет мало сходного и с типичными *третьемирными* странами ... (Сег., 09.04.94); Среди всех нынешних искушений России самыми опасными я полагаю «*третьемирство*», «собрание земель» и «реинтеграцию союзных пространств» (Сег., 09.04.94).

Нанизывание однокоренных слов может использоваться как шутка. Ср. подзаголовок в газете «Сегодня» (три однокоренных слова — одно из них незуальное — имя лица): *Наивно о наиве и наивщиках* (Сег., 03.03.94).

Использование отдельных незуальных слов в тексте

Незуальное словообразование порождает в тексте эффект выразительности не только своей массовостью. Высокой выразительностью могут обладать и отдельные окказионализмы. Они могут иметь опору здесь же в тексте (или предтексте) либо в словарном составе данного языка. Окказионализмы нередко создаются для того, чтобы показать подлинную сущность того или иного явления. Журналист называет

страну, в которой мы живем, *Абсурдистаном* (ср. узуальные названия государств: Узбекистан, Таджикистан и под.). Вот газетный заголовок: Мы обитаем в *Абсурдистане*. Как мыслим, так и живем (НГ, 24.10.92). Комментарии излишни.

Слово *страхгейт*, созданное по типу *уотергейт*, *Ирангейт* и под. (о словах на *-гейт*: см. [Земская 1992, 52]), называет важный феномен нашей жизни: «*Страхгейт*» — наука манипулирования массовым сознанием (НГ, 30.06.92).

Окказионализмы именуют явления разной степени значимости. Ср. с этой точки зрения название государства *Абсурдистан* и наименование сахарной аферы — *сахариада* (по типу *дьяволиада*, *Иванькиада* и под.): «Жизнь — не сахар. *Сахариада* продолжается» — так озаглавлена заметка о протесте жертв сахарной аферы, имевшем место на Театральной площади в Москве (Изв., 02.06.94).

Формант *-иада* порождает и слова другой семантики. В статье «*Гимназиада*: двойной успех россиянок» читаем: *Олимпиада*, *Универсиада*, теперь вот *Гимназиада*, организованная Международной федерацией школьного спорта (Сег., 27.05.94).

Слово это интересно и само по себе, а также тем, что оно лишний раз свидетельствует о возвращении имени *гимназия* в жизнь наших детей.

Показателем для определенных умонастроений окказионализм *Россиенок* — дитя России (по типу *орленок*, *тигренок*). Режиссер Р. Виктук в беседе с председателем Конституционного суда России Н. Витруком, рисуя сегодняшнюю общественную ситуацию, сказал: И вот эта Россия на чистом пространстве будет ждать того юного жениха, который возьмет эту невесту и вырастит новое дитя — *Россиенка* (АиФ, 1993, № 23).

В эпоху тоталитаризма существовали слова, именующие запрещенную литературу, издаваемую в СССР — *самиздат* и за границей — *тамиздат*. По образцу этих слов в наше время журналист строит ироническое *здесьиздат* — для называния плодов «свободы непечатного слова»: Захмелевший «*здесьиздат*» врывается в вагон в объмку с полумной рекламой (Изв., 03.09.94).

Тема проникновения нуворишей за границу получает такое освещение: Еще один дом России. На *Вашингтонщине* (згл. Коммерсант, 1991, № 35; комический эффект создается присоединением сугубо русского аффикса, действующего в словах типа *тамбовщина*, *рязанщина*, к иноязычной основе).

Не редки окказионализмы, именующие отвлеченные понятия. Их структурное и семантическое разнообразие велико, чаще всего они

формируются суффиксами *-ние, -ство, -ость, -изм, -щина*. Вот несколько примеров:

Наше общество постепенно скатывается в пропасть индифферентности, происходит его «*оносороживание*» (Изв., 13.09.94); Торопит неповторимый Владимир Вольфович [Жириновский] <...> Но ведь нет уже у тех политиков былой наивной веры во всеислие команд. Про себя отлично знают цену «*тороповизму*» (Изв., 15.01.94); То что мы видим последние пять лет, это КИЧ, «*фольклорщина*» на забаву за границе (Сег., 05.12.94); отравы *надсхватничества* (Сег., 01.02.94); Их экстремизм [аристократические подполья] принимает зоологические формы уклонения то ли в *кротовищность*, то ли в *насекомость* (И. Шевелев; НГ, 13.04.94; более соответствовало бы нормам словообразования: *кротовость*, ср. прилаг. *кротовый*; от слов же типа *насекомое* существительные на *-ость* по нормам языка не образуются).

Добавим для полноты картины производные от фамилий. Вспоминая о путче 1991 г., А. Васянский пипшет: «Если бы Крючков не испугался большой крови (за что я его уважаю), его “Альфа” и прочие омеги взяли бы Белый дом, и мы бы имели, неважно, 100 дней или 10 лет “*крючковизма*” или “*лукьяно-язовианства*”» (Изв., 01.12.93).

Неузуальные сложные слова разнообразны. Среди них есть и слова с широкоупотребительными частями типа *-любие, -мания, -вед*. Неузуальность заключена в первом компоненте, вернее, в самом факте соединения обычного с необычным: *компьютеромания; китаемания, буддомания; человеко- и италолубие; -бриковед: маяковско- и лилябриковед; дурновкусье* (ср. *безвкусие*). Не менее значителен и другой разряд сложных слов, в которых первая часть — сокращенная, высокочастотная, а вторая — не узуальна: *агроГулаг, оргтуманы, оргпуты*.

В сферу неузуального словообразования входят также нарицательные имена лиц. Несколько примеров: *неодержавники* (Сег., 21.03.94), *мучители — озвучители* (Сег., 12.04.94); *флагоносец* (НГ, 12.05.93). Очень выразительно слово *бровеносец*, именующее Брежнева: ... он добился аудиенции у Генерального секретаря и среди прочих бумаг подсунул на подпись уже не владеющему ситуацией «*бровеносцу*» и распоряжение о строительстве (МК, 14.12.94; ср. узуальный фон: *броненосец, знаменосец*, усиливающий эффект комизма).

Обращает внимание тот факт, что основную часть неузуальной лексики составляют имена существительные. Глаголы сильно отстают от них и занимают второе место. Окказиональных прилагательных — очень немного.

Глаголы

Среди глагольных неузвалов преобладают префиксальные, в том числе причастные образования, например: Хрущева все больше понимают в Америке и все сильнее *заанекдочивают* у себя на Родине (Изв., 04.02.94), ... природа человека *окультурена* весьма прихотливо (НГ, 17.09.94); Режиссер Рагнар Лит вчитывает в *ококтowanego* Женё изрядную толику Стринберга ... [от фамилии французского писателя Ж. Кокто] (Сег., 12.04.94); в жанре занудных и *зарепетированных* дискуссий (Сег., 93 № 10).

Изредка рождаются окказиональные глаголы. Приведем два примера.

Героить (от *герой*). Слово вызывает комический эффект необычностью своей формы (ср. узвальное *геройствовать*): Герой всегда открыт ветрам и воронью. Героев не секут. Скажи ему, что война давно кончилась и не пора ли штык в землю, — «Россия!», закричит в ответ герой — и побежит *героить* дальше ... (Сег., 23.04.94).

Иронический контекст усиливает выразительность окказионализма.

От имени собственного: *боббитнуть*. Скандал в семье Боббитов (США), связанный с нанесением увечья мужу, описанный на страницах газет многих стран, в том числе и русских, породил название этого опасного действия. Газета «Вашингтон пост» в шутку предложила новый термин для Вебстеровского словаря: *Боббитнуть*. Глагол. Безусловно хуже, чем наставить рога (Сег., 26.01.94).

Прилагательные

Они могут рождаться от данного в предтексте двусловного имени: В опустевшем зале остались лишь надрвавшиеся по завязку музыканты из «Н о г у с в е л о» <...>, впрочем солист *свелоногих* Макс Покровский успел-таки побывать в «воронке» за пьяную перебранку с властями (МК, 28.01.94).

Прилагательные могут быть необычны своей основой.

А. Вознесенский, вычленив из слова сюрреализм фрагмент *сюр*, озаглавливает им целую статью, много раз употребляет свободно и образует прилагательное *сюрный*: *Сюрный* и страшный круговорот. Вечное возвращение (Сег., 09.09.94).

Каламбурное словообразование

В отдельный раздел выделим те явления неузвального словообразования, в осмыслении которых особую роль играет каламбур. Такого

рода слова могут создавать и эффект острого политического осмеяния, и легкую шутку.

В последние годы безобидное притяжательное местоимение «*наши*» приобрело политическое звучание. Слово *наши* пустил в оборот журналист Невзоров, придав ему значение «национал-патриоты», противники правительства, «непримиримая оппозиция». Однако скоро оно стало употребляться в устах противников «непримиримой оппозиции» для обозначения псевдопатриотов, «памятников», неонацистов. Отсюда *нашисты*, *нашизм*, *нашистский*, сближаемые фонетически и семантически с *нацисты*, *нацизм*, *нацистский*. Вот типические примеры. В статье ЛГ, озаглавленной «Обыкновенный *нашизм*» (ср. прямую параллель с названием кинофильма «Обыкновенный фашизм»), читаем: Еще накануне, в пятницу, Невзоров с телеэкрана призвал «*нашистов*» на сходку — организовать народноосвободительное движение, «ненаших» просили не беспокоиться. «*Наших*» набралось тысячи две <...> Над толпой гремел вдохновенный голос «*нашиста*» № 1. «Каждый истинный гражданин России в душе мечтает о ГКЧП ...» — вещал Александр Глебович [Невзоров] (ЛГ, 04.12.91); Сформировался «Север» еще в марте 1993 года и не без участия «*нашистского*» журналиста Невзорова (Изв., 25.03.93).

В ряд с терминами *соцреализмом* и *сюрреализмом* включен окказионализм *сер-реализм* (ср. *серый*): На искусство навешали много всяких «измов». Наверное, они все имеют право на существование. И соцреализм, и сюрреализм. Только «*сер-реализм*» ни на что права не имеет (ЛГ, 19.09.87).

Выразителем глагол *рерихнуться*, созданный наложением слов (Рерих + рехнуться) и объединением смыслов: «свихнуться, помешаться, рехнуться на Рерихе». Отсюда и производное *рерихнутый* (Сег., 19.11.94).

Подвергая каламбурному разложению слово *единомыслие* (одинаковый образ мыслей), В. Туровский трактует его так: *Единомыслие* — это когда одна мысль на всех (згл. Изв., 17.07.93).

Диссидентов, посаженных в лагеря за просмотр фильмов вроде «Эмануэли», не реабилитировали, «почему их и называли в народе *досидентами*» (Изв., 31.01.94).

Внешняя форма газеты позволяет играть со словом с помощью графики и орфографии. Используется разное написание слов для столкновения их различного осмысления. Ср. заголовок: *НЕДОРАЗУМЕНИЕ* или *недо-разумение?* (Сег., 25.11.93). В заголовке газеты «Вечерняя Москва» обыгрывается узуальное и буквально-этимологическое прочтение слова *безмятежный*: *БезМЯТЕЖный город*. Автор пишет: «Все мы, „понюхавши пороку“, теперь по-новому толкуем слово „безмятеж-

ный". Это не значит спокойный, радостный, счастливый. Это значит просто *без мятеха*».

Экономико-политические связи современной России с «дальним зарубежьем» активизировали пласт иноязычных слов, сохраняющих оригинальное написание, что создает возможности каламбура и иных игр со словами.⁶

Приведем несколько иллюстраций, показывающих разнообразие функций и приемов использования этого вида каламбурного словообразования.

В статье «Немцы против немцев. Берлинской стены нет уже три года, но жители Германии не могут сломать ее внутри себя» используется немецкое ост- (*Ost* — восток), порождающее слова *остальгия* (тоска по старому, по восточной Германии, ср. *ностальгия*), *остиваль* (ср. фестиваль) (ЖП, 09.02.94).

Игры с иноязычными словами особенно любит газета «Сегодня». Остроумный шуточный заголовок создает Е. Павлинская: Чем шире рот, тем *чешире* кот (Сег., 30.03.94); ср. *чеширский кот*, от имени которого произведена форма сравн. степени *чешире*.

В статье под заголовком *Сексуальто-мортале* (Сег., 30.03.94) Р. Арбитман высмеивает роман Л. Корсунского «Опасный секс», написанный в жанре эротической фантастики (ср. сальто-мортале).

Газета «Сегодня» критикует фирму NAKOSY INC в статье под таким заголовком: *NAKOSY — ВЫКУСИ?* (27.11.93).

Галерея современного искусства «Московское искусство» именуется словом «*М'АРС*», скрепящая начало русского слова с латинским *ars* (искусство), изображенным русскими буквами (НГ, 11.11.93).

Примеры было бы легко продолжить. Ср. также: Митингующие требуют к ответу «*тель-авидение*», грузовик таранит дверь (Изв., 25.03.93).

Из иронических заметок И. Шевелева: «Воспользовался случаем для исследовательского посещения русской бани. Называлась она «Сандуны». Не знаю этимологии, которой это вызвано. По особому рода посетителям с их откровенной мужской дружбой я бы лучше назвал ее на прусский манер «*Потс-дам*». И звучнее, и иностранные слова в Москве больше любят» (НГ, 13.04.94).

Цель этого раздела была показать типическую для языка современных газет свободу и раскованность в построении слова, в обращении со словом. Способы и приемы, специфические для порождения окказионализмов, мы здесь не рассматривали, так как они довольно

подробно изучены [см., например: *Земская* 1992, 190—193; Янко-Триницкая, 1975; Улуханов 1995, 91—92].

В этом разделе мы стремились охарактеризовать невузальное словопроизводство в номинативном аспекте (показать, что именуют с его помощью, какие явления отражают), рассмотреть наиболее типические виды окказионализмов и их функции в тексте.

Выводы

1. В современном словопроизводстве обнаруживаются те же черты, которые характерны для современного языка в целом: рост личностного начала, высокая роль оценочных и количественных значений, активное перемещение в центральные сферы коммуникации явлений окраинных, периферийных: сниженной лексики разного рода — разговорной, просторечной, жаргонной (особенно активны уголовный и молодежный жаргоны).

2. Свобода от ограничений разного рода, разрушение советских стереотипов мышления способствуют раскрепощенности языка, активизации индивидуального словообразования. Типичнейшая черта современного языка — расцвет невузального словообразования, распространяющегося не только в языке художественной литературы и разговорной речи (что было свойственно прошлым эпохам), но и в языке газет, любых средств массовой информации, устной публичной речи.

Окказионализмы выполняют в речи и экспрессивную, и номинативную функции.

3. Особую активность в качестве базовых основ словопроизводства обнаруживают так называемые ключевые слова эпохи, т. е. те слова, которые находятся в фокусе социального внимания. В их число входят и имена собственные наших современников, и имена нарицательные.

4. Процессы реальной действительности, требуя новых наименований, активизируют определенные звенья словообразовательной системы языка.

5. Наиболее социально ориентировано отсубстантивное производство существительных.

Для наименования социально значимых процессов также используются существительные, в первую очередь, с формантом *-изациj-*.

6. Современное словообразование имеет ярко выраженный антропоцентрический характер: значительное место среди новообразований занимают имена лиц; в качестве базовых основ также активно используются имена лиц.

7. Именная префиксация обнаруживает высокую продуктивность. Активизируются те префиксы, которые передают социально и культурологически значимую семантику: временные отношения (*пост-, после-*), отношения уничтожения, отрицания, противодействия (*де-, анти-, контр-, раз-*), отношения поддержки (*про-*), отношения неистинности, ложности (*псевдо-, квази-, лже-*), отношения интенсификации, высокой степени чего-либо (*супер-, сверх-*) и нек. др.

8. Аббревиация, возникнув как порождение официально-деловой (канцелярской) и научной сферы речи, вовлекается в фонд экспрессивных средств языка. Подобное функционирование свойственно языку газет и массовой коммуникации, а также живой разговорной речи, жаргонам. При этом ярко обнаруживается связь словообразования с лексикой. Сближение или даже полное совпадение с обычным словом придает аббревиатуре дополнительные коннотации, порождает каламбур, служит средством шутки или иронии, сарказма.

9. Прилагательные составляют второй по численности разряд новообразований. Среди них наиболее активны отсубстантивные относительные прилагательные, употребительные в составе двусловных номинаций. Употребление адъективных новообразований как средства экспрессии менее характерно для современного языка.

10. Глаголы занимают третье место по количеству новообразований. Среди глаголов имеются единицы, используемые и как средства номинации, и как средства экспрессии, и как средства стилистической маркировки речи. В сфере словопроизводства глагола наиболее активна префиксация.

Активность словообразования нашего времени отмечалась исследователями. Можно ли, однако, считать, что обилие новообразований, в том числе окказиональных, свидетельство порчи и даже гибели языка? На мой взгляд, так говорить нет оснований. Русский язык в наши дни живет такой же интенсивной жизнью, как и русское общество. Все механизмы его действуют сверхактивно. Какие из новообразований нашего времени уйдут в небытие, а какие сохранятся, напоминая последующим поколениям об эпохе перестройки и гласности, о событиях 19—21 августа 1991 г. и октября 1993 г., о времени посттоталитаризма, покажет лишь будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мнение Л. Ферм о том, что существительное *лоббизм* более употребительно, чем *лобби* [Ферм 1994, 168], наши материалы не подтверждают.

² Эти слова не имеют общепринятой орфографии, их пишут и с одним, и с двумя *s*: *выборосы* и *выбороссы*. Последнее написание, на наш взгляд, предпочтительнее.

³ Глубокое культурологическое обоснование активности именных префиксов в наше время дано в работе [Зенкин 1995].

⁴ В наших материалах встретилось лишь одно прилагательное с приставкой *контр*: ... визит уже выглядел скорее *контрпродуктивным*, чем полезным (С. Кондрашов; Изв., 09.09.94). По нормам русского языка, в этом случае скорее следовало бы употребить приставку *не*-. Однако *контр*- несет некоторый важный для контекста семантический компонент ('противодействие'), тогда как *не*- передает лишь отрицание.

⁵ Интересный анализ функционирования существительных с приставками *псевдо*-, *квази*-, *лже*- в 60-е годы XX в., подкрепленный экспериментальными данными, содержится в исследовании [Голанова 1975].

⁶ О функциях в языке газет нетранслитерированных выражений см. [Руккб 1995].

ЛИТЕРАТУРА

Бояркина В. Д. Новая глагольная лексика в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. СПб., 1993.

Бурцева Т. Н. Новая адъективная лексика современного русского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1987.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Воротников Ю. Л. Совок — как зеркало // *Russistik*, Berlin, 1992, № 2.

Голанова Е. И. Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке (на материале имен существительных с префиксами *квази*-, *лже*-, *псевдо*-) // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Елистратов В. С. Словарь московского арга. М., «Русские словари», 1994.

Зайковская Т. В. Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона. Канд. дисс. М., 1993.

Жемская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Жемская Е. А. Активные процессы пополнения словарного состава русского языка 80-х — 90-х годов XX века // *Aufbau, Entwicklung und Struktur des Wortschatzes in den europäischen Sprachen*. Baldur Panzer (Hrsg.). Peter Lang Verlag, Frankfurt am Main, 1993.

Жемская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона // *Русистика (Russistik)*, Берлин, 1994, № 1—2.

Зенкин С. Культурология префиксов // Новое литературное обозрение, 1995, № 16.

Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи // ВЯ, 1993, № 7.

Котелова Н. З. Банк русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983.

Крысин Л. П. Путч, бунт и др. // Русская речь, 1992, № 2.

О-Ш: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.

РЯСО, 2: Русский язык и советское общество. Словообразование современно-го русского литературного языка. Под ред. М. В.Панова. М., 1968.

Улуханов И. С. О некоторых принципах описания словообразовательной системы // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995.

Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.

Флоренский П. У водоразделов мысли, т. 2. М., 1990.

Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium, 1993, № 1, Киев.

Юдина А. Д. Окказиональные наименования лиц (на материале периодики 60-х—80-х годов). Автореф. канд. дисс. Л., 1989.

Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975.

Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

Яруллина-Тодорова Т. Роль деривационных средств русского языка в построении дискурса / Болгарская русистика, 1993, № 4.

Bielfeldt H.H. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart, Berlin, 1958.

Руукко R. Нетранслитерированные иноязычные выражения в современном русском газетном тексте // Studia Slavica Finslandensia, tomus XII. Helsinki, 1995.

ГЛАВА IV

Л. П. Крысин

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Один из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи — процесс активизации употребления иноязычных слов. Надо говорить именно об активизации употребления этих слов, а не только о новых заимствованиях, поскольку наряду с появлением заимствований-неологизмов наблюдается расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим областям.

В этом разделе мы рассмотрим (1) условия, благоприятствующие вхождению иноязычного лексического элемента (нового для русского языка в целом или бывшего до сих пор в специальном употреблении) в общий оборот; (2) причины, по которым то или иное слово либо сохраняется в языке-реципиенте, либо, после некоторого периода активности, уходит на периферию языкового употребления; (3) особенности функционирования иноязычной лексики в современной письменной (преимущественно — газетно-публицистической) и устно-разговорной речи.

Традиционные для исследований, посвященных иноязычной лексике, аспекты, касающиеся источников заимствованных слов, их этимологии, здесь специально не выделяются, поскольку, во-первых, речь идет преимущественно о «свежих» заимствованиях и поэтому их этимологизация не представляет больших трудностей, и, во-вторых, подавляющее большинство иноязычных слов заимствуется сейчас из английского языка, и вопрос о вероятности какого-либо другого языка — источника заимствования в большей части случаев не возникает.

Условия активизации употребления иноязычной лексики

Традиционно главным условием заимствования иноязычных слов считается наличие контакта языка-реципиента с языком-источником и,

как следствие этого, двуязычие говорящих [см.: Weinreich 1963; Sulan 1963, Сорокин 1965; Крысин 1968 и др.].

Однако двуязычие — эту предпосылку, это условие заимствования — не следует понимать только как результат территориального контакта двух соседних (или живущих вперемешку друг с другом) народов, в особенности если иметь в виду современные процессы заимствования, когда основным путем перехода слов из одного языка в другие является путь письменный (через разного рода тексты). Такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод и комментирование иностранной прессы, научной и публицистической литературы, участие в интернациональных конференциях, конгрессах, симпозиумах, общение в процессе разработки совместных межнациональных технических и научных проектов и т. п., создают благоприятную почву для заимствования иноязычной лексики и терминологии.

Но это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, чтобы общество, обслуживаемое языком, осуществляющим заимствование, было расположено к принятию иноязычных средств коммуникации. Если этого условия нет, то иноязычное слово — потенциальное заимствование — может какое-то (иногда весьма длительное) время оставаться уделом узкого круга лиц (например, дипломатов, ученых, переводчиков и др.). Более того: общество, в лице наиболее влиятельных его слоев, в силу тех или иных социальных, политических, идеологических и т. п. причин, может отнестись резко отрицательно к актам заимствования и путем сознательных, целенаправленных усилий попытаться освободить речевую практику от тех или иных иноязычных слов. Так, в конце 40-х годов, в связи с борьбой «против низкопоклонства перед Западом» не только не принимались новые лексические заимствования, но и изгонялись из употребления многие уже укоренившиеся в русском языке иноязычные слова. Иноязычное в данном случае ассоциировалось с идеологически чуждым, непатриотичным, даже враждебным [см. об этом: Крысин 1968, 138—141].

Начиная с 60-х годов отношение к иноязычным словам стало более терпимым. В конце же 80-х — начале 90-х гг. возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

Осознание своей страны как части всего цивилизованного мира; преобладание интегративных, объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и

советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в областях культуры, спорта, торговли, моды и др. — все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х — 90-х годов, несомненно, послужили важным стимулом, облегчившим активизацию употребления иноязычной лексики.

Особенно наглядно это можно проиллюстрировать сменой названий в структурах власти: верховный совет стал устойчиво — а не в качестве журналистской перифразы — именоваться *парламентом*, совет министров — *кабинетом министров*, его председатель — *премьер-министром* (или просто *премьером*), а заместители — *вице-преьерами*; в городах появились *мэры*, *префекты*, *супрефекты*, советы уступили место *администрациям*, главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые регулярно выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, дают *эксклюзивные интервью* и т. д. (Г. Н. Складаревская называет это явление «перенесением номинаций из чуждой лингвистической среды на русскую почву» — см.: [Складаревская 1991, 258]).

Распад Советского союза означал, в частности, и разрушение большей части преград, стоявших на пути к общению с западным миром: активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм, в том числе и так называемые *шоп-туры*, то есть поездки за границу за товаром; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных — русско-иностранных — предприятий. Очевидным образом это означает интенсификацию коммуникативных контактов носителей русского языка с носителями иных языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным, а чаще — созданным на базе английского языка идиолектам, принятым в той или иной социальной среде: ср., например, профессиональные «языки» специалистов по вычислительной технике, коммерсантов, спортсменов, специалистов в области моды, музыкантов, политиков, журналистов, деятелей кино, театра и др. (перечисление дано по убыванию степени насыщенности соответствующего «языка» иноязычными заимствованиями)¹. Чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, в более или менее длительные международные свя-

зи, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям.

Так, специалисты в области компьютерной техники и работающие на ЭВМ используют для профессиональных коммуникативных нужд почти исключительно английскую терминологию: *компьютер, дисплей, файл, интерфейс, бит, байт, плоттер, дигитайзер, винчестер, принтер* и др. Многие из этих терминов широко используются и за пределами профессиональной среды, в неспециальных текстах.

В области спорта, где традиционно был высок процент английских по происхождению терминов, появились многочисленные названия новых видов спорта, также по большей части английские: *виндсерфинг, скейтборд, фристайл, бобслей, ски-стрим* (спуск на лыжах с очень крутых, скалистых и местами не заснеженных гор), *армрестлинг* («борьба на руках») и др., да и в старых системах наименований англицизмы пробивают все новые бреши: добавочное время — в футболе, хоккее — теперь все чаще называется *овертайм*, повторная игра после ничьей — *плей-офф*; даже традиционное *боец* заменяется *файтером* — потому что это слово пришло вместе с другими, составляющими терминологию нового вида спортивного единоборства — *кикбоксинга*; ср.: Само собой, наши *файтеры* (так называют иначе *кикбоксеров*) постарались не ударить лицом в грязь перед именитым заокеанским гостем...; Мэтр сказав, что не ожидал увидеть настолько хорошо подготовленных российских *файтеров* (Сегодня, 21.12.93).

Многочисленные финансовые и коммерческие термины: *бартер, брокер, ваучер, дилер, дистрибьютер, инвестор, клиринг* (система взаимных расчетов между банками), *лизинг* (сдача в долгосрочную аренду), *маркетинг, монетаризм, фьючерсные кредиты* и т. п. — заимствуются и входят в употребление также благодаря некоторым из отмеченных выше условий: ориентации на западную экономическую и банковскую системы и приобщению русских финансистов и коммерсантов к интернациональной терминологии. А ввиду острой общественной актуальности обозначаемых этими терминами явлений и сами термины выходят за пределы профессионального словоупотребления и широко используются в печати, на радио и телевидении.

Активное освоение иноязычной лексики и терминологии характерно и для остальных из перечисленных выше сфер: ср., например, слова и термины типа *имидж, консенсус, саммит* (встреча в верхах), *электорат* (совокупность избирателей), *спонсор* (первоначально — лицо или организация, финансирующее творческую деятельность артистов), *андеграунд* (нетрадиционное, «подпольное» искусство), *римейк* (новая версия известного фильма), *триллер* (остросюжетный фильм, остросю-

жетная книга, рассчитанные на то, чтобы захватить, взволновать зрителя, читателя, — от англ. to thrill 'сильно волновать, возбуждать'), *видео, шоу* и многочисленные их производные: *видеоклип, видеотехника, видеокассета, видеоман, шоу-бизнес, шоумен, ток-шоу* и мн. др.; *топ-модель* (от англ. top — 'наивысший, самый главный') — лучшая модель (о манекенщицах), *бутик* (франц. boutique 'лавка, небольшой магазин') — магазин модной одежды, *хит* (англ. hit 'успех, удача; гвоздь программы') — модное, наиболее популярное музыкальное произведение (ср. ранее заимствованное *шлягер* 'модная песенка'), *гран-при, дискотека, диск-жокей, кантри и кантри-мьюзик* — фольклорный стиль в американской музыке, а также популярный стиль современной молодежной музыки (англ. county букв. 'сельский, деревенский'), названия модных танцев типа *брейк, степ, ламбада, липси* и т. п. (примеры употребления некоторых из этих слов будут приведены ниже).

Причины иноязычного заимствования

Представив в разделе «Условия» своего рода экспозицию новой — во всяком случае, для литературного языка — иноязычной лексики, рассмотрим теперь причины и факторы, способствующие вхождению слова в употребление и последующему укоренению его в языке (или же, напротив, вытеснению его на периферию речевого употребления).

Общие причины заимствования иноязычной лексики достаточно хорошо известны. Это:

— потребность в наименовании (новой вещи, нового явления и т. п.); ср. слова типа *кино, радио, такси, магнитофон, транзистор, компьютер* и мн. др.;

— необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия; ср., например, пары слов типа *уют — комфорт, страх — паника, обслуживание — сервис, сообщение — информация* и под.;

— необходимость специализации понятий — в той или иной сфере, для тех или иных целей; ср., например, пары типа *предупредительный — превентивный, вывоз — экспорт, преобразователь — трансформатор* и под., эвфемистические, вуалирующие замены — например, в области анатомии, физиологии, медицины (*педикулез* вместо *вшивость, канцер* вместо *рак, гениталии* вместо *половые органы, анус* вместо *задний проход* и т. п. — подробнее об этом см. в разделе «Эвфемизмы»);

— тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего: если объект на-

именования представляет собой одно целое (или, по крайней мере, он как целое мыслится носителями языка), то говорящие стремятся обозначить его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить описательное наименование однословным; так появились в русском языке слова типа *снайпер* (по-русски: меткий стрелок), *стайер* (бегун на длинные дистанции), *спринтер* (бегун на короткие дистанции); *сейф* (несгораемый шкаф), *сервант* (шкаф для посуды) и мн.др.;

— наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду и т. п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и укрепление в узусе новых заимствований, относящихся к той же сфере и взятых из того же источника, облегчается; наглядный пример — система обозначений, обращающаяся в вычислительной технике: эта сфера обрастает все новыми иноязычными (английскими по происхождению) номинациями, в том числе и мало оправданными с точки зрения коммуникативных потребностей (ср., например, замену слова *пользователь* термином *юзер* (англ. *user*) — в профессиональном языке программистов);

— социально-психологические причины и факторы заимствования: восприятие — всем коллективом говорящих или его частью — иноязычного слова как более престижного (по сравнению с исконным), «ученого», «красиво звучащего» и т. п. Вообще, по-видимому, можно говорить о некоей отмеченности, выделенности иноязычного слова не только в языке (ср. признаки иноязычности типа начальной буквы «а», несклоняемости существительных и т. п.), но и в сознании говорящих: во-первых, иноязычное слово связано с книжностью — книжной культурой, книжным стилем языка, книжной стилистической окраской; во-вторых, вследствие иноязычности, «непрозрачности» формы смысл его для многих говорящих нередко оказывается как бы зашифрованным, непонятным; в то же время (в-третьих) эта непонятность служит символом недоступной учености, почему и речь, содержащая иноязычные слова, часто расценивается как социально престижная².

Другим, также социально-психологическим по своей природе, фактором заимствования и активного вхождения иноязычного слова в речевой оборот является коммуникативная актуальность обозначаемого им понятия. При этом на разных этапах развития одного и того же социума такая актуальность может быть различной: ср. с этой точки зрения марксистскую терминологию типа *материализм*, *коммунизм*, *революция*, *диктатура* и т. п., которая в течение ряда десятилетий была в поле социального внимания (во всяком случае, официального),

а теперь потеряла свою актуальность; с другой стороны, слова, до недавнего времени подозрительные или просто враждебные по своей идеологической сущности, типа *плюрализм*⁸, *приватизация*, *антикоммунизм* и т. п., стали коммуникативно актуальными и употребительными в нейтральных и даже положительных контекстах.

Перечисленные причины и факторы воздействуют (в разной степени) и на процесс освоения русским литературным языком новой иноязычной лексики в конце 80-х — начале 90-х годов⁴.

Это можно показать на ряде примеров.

1) Потребность в наименовании новой вещи, нового понятия: *автобан* (нем. Autobahn) ‘широкая магистраль с высококачественным дорожным покрытием для скоростного движения автомобилей’; слово применяется пока преимущественно по отношению к зарубежной действительности, поскольку в России таких магистралей нет или очень мало;

блейзер (англ. blazer) ‘особого покроя приталенный пиджак’; ср. также названия других модных видов одежды: *леггинсы* (англ. leggings < leggy ‘длинноногий’ < leg ‘нога (от бедра до ступни)’ — ‘облегающие ногу тонкие женские рейтузы’, *слаксы* (англ. slacks ‘широкие брюки’) — вид мужских молодежных брюк, *бюстье* (франц. bustier — ‘бюстгальтер без бретелек’) и др.;

гамбургер (англ. hamburger — от названия одного из американских городов — Гамбург, где впервые начали делать подобные бутерброды) — ‘мягкая, часто теплая булочка, разрезанная надвое, с бифштексом и луком (или другими овощами) в середине’ (ср. с ранее заимствованными *бутерброд* и *сендвич*);

грант (англ. grant ‘дар; дотация, субсидия’; grants ‘стипендия’) — ‘денежное пособие, выдаваемое специальными фондами и предназначенное для материального обеспечения научных исследований’ (ср. с ранее заимствованными *пенсия*, *стипендия*, *дотация*, *субсидия*; *субвенция*);

дайджест (англ. digest ‘краткое изложение’) — ‘особый вид журнала, содержащий в сокращении наиболее интересные материалы из других изданий’ (ср. другие иноязычные наименования, содержащие в своих значениях компонент ‘краткое изложение’: *абстракт*, *аннотация*, *конспект*, *реферат*, *резюме*, *тезисы*);

дартс (англ. dart ‘метание дротика’) — ‘спортивная игра, состоящая в метании стрелок-дротиков в размеченную мишень’;

дианетика (англ. dianetics — от греч. dianēō ‘преодолеваю’) — разработанная американским ученым Л. Роном Хаббардом наука о душевном здоровье;

зомби (из языков острова Гаити) — ‘лишенный души, умерший, но затем воскресший человек, слепо подчиняющийся воле других’;

скэйтборд (англ. skate-board от to skate ‘кататься, скользить’ и board ‘доска’) — ‘небольшая продолговатая доска на четырех роликах для спортивного катания и развлечения, а также соответствующий вид спорта’;

скоч, скотч (от англ. scotch ‘надрез’) — ‘прозрачная клейкая лента для упаковки в виде небольшого рулона, от которого отрезается необходимая часть’ (ср. *лейкопластырь*);

транссексуал (< лат. trāns ‘через’ + sexuālis ‘связанный с полом’) — ‘человек, изменивший (путем хирургической операции) свой пол на противоположный’;

телефакс, сокращенно *факс* (англ. telefax от tele(phone) + fax(imile) ‘факсимиле, факсимильный’) — ‘особый — факсимильный — тип телефонной связи, а также аппарат с печатающим устройством, обеспечивающий такую связь’ (ср. *телефон, телеграф*);

хоспис (англ. hospice ‘приют; богадельня’) — ‘больница для безнадежных больных, где создаются условия для того, чтобы человек перед смертью испытал как можно меньше страданий’;

эвтаназия (греч. euthanasia < eu ‘хорошо, хороший’ и thanatos ‘смерть’) — ‘облегчение агонии, умирания тому, кто обречен, кого нельзя вылечить’.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие из приведенных примеров могут быть интерпретированы в связи с иными причинами и факторами, обуславливающими иноязычное заимствование, — например, как отражающие тенденцию к дифференциации или специализации понятий (*автобан, блейзер, гамбургер, грант* и др.). Это объясняется тем, что указанные выше причины и факторы, способствующие освоению слова языком, действуют, как правило, комплексно, во взаимодействии друг с другом; однако при этом какой-либо один фактор является определяющим, ведущим — и это дает основание для выделения разных групп иноязычных слов (с точки зрения причин их заимствования).

2) Необходимость в разграничении понятий или в их специализации; заимствования, появление которых обусловлено этими факторами, особенно многочисленны в специальных терминологиях (но не только в них). Ср. следующие примеры:

визажист (от франц. visage ‘лицо’) — ‘дизайнер или художник по макияжу, мастер косметического и живописного украшения лица’ (ср. с ранее заимствованными *дизайнер*, которое в своем значении не содержит указания на какой-то определенный объект деятельности

человека, обозначаемого этим словом, и *гример*, которое в своем значении содержит указание на иной объект: 'лицо актера' и иную цель: не для украшения, а для создания определенного внешнего облика);

гешефт (нем. Geschäft 'дело') — 'выгодное дельце, махинация'; ср. со словом *бизнес*, в значении которого негативный оценочный компонент отсутствует;

гран-при (франц. grand prix 'главный приз') — 'высшая награда на фестивале, конкурсе и т. п.'; необходимость в этом наименовании появилась в связи с тем, что помимо традиционных премий, различавшихся порядковым номером (первая, вторая, третья), с недавних пор стал учреждаться высший, главный приз (ср. похожую ситуацию с сортами: помимо первого, второго и третьего сорта существует сорт *экстра*, стоящий на вершине сортовой иерархии);

имидж (англ. image 'образ') — целенаправленно создаваемый образ кого-н., призванный выражать определенные свойства субъекта и тем самым оказывать психологическое, эмоциональное воздействие на зрителей, собеседников, слушателей' (ср. *имидж актера, политика, телевизионного ведущего* и т. п.) — это значение явно более специфично, чем значение слов *образ, облик*;

инсталляция (англ. installation, франц. installation 'установка, оборудование') — слово, появившееся для обозначения нового типа произведений изобразительного искусства, и тем самым оно должно было бы попасть в первую группу иноязычной лексики; однако главной причиной его появления в языке послужила необходимость отличить этого рода произведения, с одной стороны, от плоскостных (картин, офортов, эстампов и т. п.), а с другой — от объемных, но имеющих принципиально иной характер (скульптур), поскольку инсталляция предполагает использование в качестве материала разного рода бытовых предметов, деталей машин, приборов и т. п.;

киллер (англ. killer < to kill 'убивать') — слово, как будто бы в точности дублирующее семантику русского *убийца*, однако в русском языке *киллер* обозначает профессионального убийцу, убийцу-в а м н и к а, ср.: Прессу захлестнула волна публикаций о *заказных убийствах и киллерах* (Российская газета, 02.03.94);

плейер (англ. player — от to play 'играть') также кажется полным синонимом русскому *проигрыватель*, однако эта синонимия — лишь «этимологическая»; в действительности это разные устройства: *проигрыватель* — аппарат для воспроизведения музыки и речи, записанных на пластинках, а *плейер* — разновидность компактного магнитофона с наушниками (в молодежном жаргоне это устройство имеет довольно выразительное обозначение — *дебильник*);

ремейк, в ином — фонетическом — написании *римейк* (англ. гемеке 'переделка') — 'новая кинематографическая интерпретация сюжета, мотивов уже снятого раньше и бывшего в прокате фильма', ср.: «Палач из Касабланки» — *ремейк* знаменитой «Касабланки» Майкла Картиса... (Сегодня, 21.12.93); Василий Шукшин был бы приятно удивлен, что его фабула так понравилась героям «Пути Карлито»... Конечно, это не *римейк* «Калины красной», и Карлито далеко не шукшинский герой, но и здесь схожие мотивы (Вечерний клуб, 1994, № 41—42); русский перевод *переделка* был бы в данном случае неточен.

Для того, что обозначается сейчас немецким по происхождению словом *полтергейст* (нем. Poltergeist 'грохочущий дух'), издавна существует исконно русское наименование *домовой*. Но это не синонимы: *полтергейст* более специфично по смыслу, так как обозначает не всякого домового, а лишь такого, который проявляет себя шумом, стуком, перемещением предметов и т. п.

Появившееся в середине 80-х годов слово *спонсор* влилось в ряд иноязычных по происхождению наименований, имеющих сходное (но не тождественное) значение: *меценат* — *импресарио* — *антрепренер* — *продюсер*. *Спонсором* первоначально обозначали лицо или организацию, которые оказывают финансовую поддержку творческой деятельности артистов, музыкантов, художников; затем объект спонсорской деятельности стал пониматься более широко (ср. *спонсор соревнований, телевизионной программы, конференции, издания книг* и т. п.), но компонент 'оказывает финансовую поддержку' сохранился. В других словах указанного ряда этот компонент не представлен в явном виде (как часть толкования): *меценат* в словарях толкуется как 'богатый покровитель наук и искусств; вообще тот, кто покровительствует какому-н. делу, начинанию', *импресарио* — 'предприниматель или агент — устроитель концертов, зрелищ', *антрепренер* — 'частный театральный предприниматель'⁵, — или же представлен иначе: *продюсер* — 'доверенное лицо кинокомпании, осуществляющее идейно-художественный и организационно-финансовый контроль за постановкой фильма'⁶ (ср. компоненты 'организационно-финансовый контроль' и 'финансовая поддержка').

В последнее время этот ряд пополнился еще одним словом — *промоутер*, которое, правда, употребляется (пока?) главным образом в профессиональной среде деятелей кино, кинокритиков и др. *Промоутер* (англ. promoter букв. 'тот, кто способствует чему-л.') — 'лицо, помогающее, способствующее созданию, организации промышленного или финансового предприятия путем подыскивания вкладчиков денежных средств'⁷.

Как видим, слова, образующие указанный квазисинонимический ряд, имеют достаточно легко выявляемые семантические различия.

3) Тенденция к установлению соответствия между нерасчлененностью объекта⁸ и одноэлементностью, однолексемностью его наименования, то есть, иначе говоря, тенденция к замене словосочетаний однословными наименованиями.

В этом случае происходит как бы заполнение пустой ячейки, которой соответствует определенный смысл, но означающее — в виде отдельного слова — отсутствует (вместо этого употребляется описательный оборот).

Например, слово *йти* заменяет словосочетание *снежный человек* (объект, который мыслится, конечно, как нечто единое). Спортивный термин *овертайм* (который в английском языке образован из сочетания двух слов: *over* 'сверх' и *time* 'время; тайм') заменяет оборот *добавочное время*, который имеет терминологический смысл: он обозначает определенный отрезок времени, предоставляемого командам для выявления победителя (заметим, что *овертайм* к тому же как бы дополняет собой пары обозначений со словом *тайм*: *первый тайм* — *второй тайм* — *овертайм*).

Слово *саммит* обозначает встречу в верхах, то есть на высшем правительственном уровне; *таблоидом* (англ. *tabloid*) журналисты иногда называют бульварную газету; вошедшее в спортивный обиход слово *армрестлинг* (от англ. *arm* 'рука' и *wrestling* 'борьба') обозначает вид единоборства, который издавна известен и в России: это «борьба на руках», когда садящиеся друг против друга соперники ставят согнутые в локте руки на стол, сцепляются пальцами и стараются прижать руку соперника к поверхности стола; *армрестлинг* — однословное наименование такой борьбы как вида спорта, до заимствования англицизма существовало лишь описательное ее обозначение.

Трудное для русской морфологии слово *ноу-хау* (англ. *know-how* букв. 'знать, как') обозначает *новые, передовые технологии* производства чего-либо; словом *хайджекер* (англ. *hijacker*) обозначают *угонщика самолета*; словом *электорат* — *совокупность избирателей* (данного кандидата или данного округа)⁹ и т. д.

4) Наличие в языке сложившихся систем терминов, более или менее однородных по источнику их происхождения. Классический пример — уже упоминавшаяся терминология вычислительной техники, которая сложилась на базе английского языка; она легко пополняется новыми терминами английского происхождения. То же следует сказать о спортивной терминологии (примеры см. выше), а также о лексике некодифицированных подсистем языка — таких, как жаргоны нарко-

манов, проституток, хиппи, музыкантов-лабухов, «челноков» и др.: здесь преобладают англицизмы или кальки с английского (см. материал, свидетельствующий об этом, в словарях [Грачев, Гуров 1989, Елистратов 1994, Рожанский 1992, Файн, Лурье 1991]).

Вообще влияние лексики английского языка (главным образом в его американском варианте) на русский язык наших дней является преобладающим, в сравнении с влиянием других языков.

5) Социально-психологические причины.

5.1. П р е с т и ж н о с т ь и н о я з ы ч н о г о с л о в а по сравнению с исконным или ранее заимствованным и обрусевшим. Как кажется, этот фактор оказал определенное влияние на активизацию употребления таких слов, как *презентация* (вместо *представление*), хотя здесь имеется и некая семантическая причина; *презентация* — это торжественное представление чего-либо (фильма, книги и т. п.); *эксклюзивный* (вместо *исключительный*), которое, правда, легче укладывается в некоторые контексты, чем его русский синоним: ср. *эксклюзивное интервью* при сомнительности *'исключительное интервью*, — и это обстоятельство, по-видимому, влияет на живучесть иноязычного слова; *консалтинг* — в контекстах типа «Фирма осуществляет консалтинг» — вместо более обычного, русифицированного, хотя и образованного от той же иноязычной основы слова *консультирование*, и нек. др.

Большая социальная престижность иноязычного слова, по сравнению с исконным, вызывает иногда явление, которое может быть названо *п о в ы ш е н и е в р а н г е*: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному и т. д.

Так, французское слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин'; будучи заимствовано русским языком, оно приобретает значение 'магазин модной одежды'; примерно то же происходит с английским *shop*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами (обыкновенный продмаг *шопом* никто не назовет); *слаксы* — это не просто 'широкие брюки' (как в английском), а 'м о д н ы е широкие брюки особого покроя'. Английское *hospice* 'приют, богадельня' превращается в *хоспис* — дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфортных условий, облегчающих процесс умирания. Итальянское *putana* 'шлюха, потаскуха' дает в русском *путану* — 'в а л ю т н у ю проститутку' и т. д.

5.2. Коммуникативная актуальность понятия и соответствующего ему слова. Очевидно, что если понятие затрагивает жизненно важные интересы многих людей, то и обозначающее его слово становится употребительным. Эта закономерность верна в отношении любых слов, но применительно к иноязычным словам она проявляется особенно рельефно, поскольку здесь добавляется еще фактор социальной престижности иноязычного наименования.

Иноязычные слова, обозначающие коммуникативно важные понятия, попадают в зону социального внимания: в определенные периоды — обычно довольно короткие — их частотность в речи становится необычайно высока, они легко образуют производные, а главное — делаются объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний, каламбуров, структурных переделок и т. п.

В этом можно убедиться на примере слов *приватизация*, *демократы*, *ваучер* и нек. др. В начале 90-х годов эти слова чрезвычайно популярны, употребительны в самых разных жанрах (хотя, например, *приватизация* и *ваучер* в совсем недавнем прошлом — специальные коммерческие термины). Они дают множество производных и употребляются «в связке» с однокоренными словами: *ваучерный*, *ваучеризация*, *приватизировать*, *приватизированный*, *приватизатор*, *деприватизация*; их намеренно искаженная форма используется для снижения социальной ценности обозначаемых ими объектов или просто для иронии, шутки: *дерьмократы*, *демокрады*, *дубинки-демократизаторы*; *прихватизация*, *прихватизаторы*; *полная ваучеризация всей страны* (по прежнему образцу: *полная индустриализация*, *полная коллективизация всей страны*), *Ваучера* на хуторе близ Диканьки; Такая порода собак: *ваучер*; у тебя — пинчер, а у меня — ваучер (последние два примера — из передачи «Тема» — телевидение, 22 сент. 1992).

Вместе с другими коммуникативно актуальными словами *демократы*, *приватизация* и *ваучер* составили своего рода обойму слов (разных по семантике), являющуюся приметой времени: *реформы*, *реформировать*, *референдум*, *монетаризм*, *суверенитет*, *конверсия*, *экология*, *криминогенный*, *наркомания*, *наркобизнес*, *мафия*, *рэкет*, *рэкетеры* и др.

Со временем, однако, общественная актуальность понятия может утрачиваться и, соответственно, угасает коммуникативная активность обозначающего это понятие слова — как это случилось, например, с пресловутым *консенсусом*, словом, которое буквально не сходило со страниц газет и с уст политиков в самом конце 80-х годов и в процессе этого широкого употребления потеряло свою терминологическую оп-

ределенность (примеры семантических модификаций этого и других «модных» слов см. в работе [Скляревская 1991, 259]).

Особенности функционирования иноязычной лексики в современной русской речи

Для употребления иноязычных слов на страницах печати, в устной публичной речи характерны две противоположные тенденции: с одной стороны, новое заимствование или термин, до этого известный главным образом специалистам, употребляются без каких бы то ни было «переводов» на русский язык, комментариев, оговорок и т. п., как бы в расчете на достаточную осведомленность и квалификацию читательской (слушательской) аудитории, а с другой, такие же слова и даже давно функционирующие в русском языке заимствования могут становиться объектом комментариев и авторских рассуждений.

Пример первого рода — вхождение в широкий оборот ряда коммерческих и финансовых терминов: *бартер, брокер, инвестиция, клиринг, дилер, дистрибьютер*¹⁰, *монетаризм* и др., политических, дипломатических, медицинских и т. п. терминов: *импичмент, уотергейт, ирангейт, лобби, инаугурация, денонсация* (договора), *спичрайтер* (автор речей какого-нибудь высокопоставленного лица), *акупунктура, дианетика, апитерапия* (лечение пчелиным ядом), *фобии* (страхи), *хилеры* (филиппинские лекари), *экстракорпоральное оплодотворение* (выращивание человеческого плода в пробирке) и т. п.

Пожалуй, никогда прежде так широко не вливалась в общий речевой оборот иноязычная лексика, обозначающая реалии, которые до недавних пор считались принадлежностью иного, «буржуазного» мира, — теперь же эта лексика наполняется своим, «отечественным» содержанием: ср. такие слова, как *казино, крупье, кабаре, мафия, мафиози, проституция, проститутка, наркомания, порнография, порнобизнес* (плюс образования, созданные на русской языковой почве: *порнуха, порнушник, порнятина* и т. п.). Слово *гастарбайтер*, еще совсем недавно казавшееся несомненной принадлежностью «их» действительности, уже входит в нашу речь как обозначение понятия, свойственного российской реальности; ср.: ... граждане пока предлагаемыми им суммами довольны: 300 тыс. российских рублей — это, как ни крути, несколько миллионов карбованцев. Как говорят жители Украины, за эти деньги шахтеры неделями из-под земли не вылезают. «Гастарбайтеры» с Украины, как их уже «любовно» прозвали в Москве, пред-

почитают российские рубли менять на доллары и отвозить их на родину... Российские работодатели (как те, что оформили свои отношения с гражданами Украины официально, так и те, кто этого не сделал) пока *гастарбайтерами* довольны. Один из руководителей подразделения Московской железной дороги так и сказал: «Буду брать на работу только хохлов. Они не пьют, на работу ходят как часы, морду от работы не воротят» (Сегодня, 29.03.94).

Толерантное отношение к иноязычным лексическим элементам выражается в еще одном явлении, характерном, как кажется, именно для 90-х годов: иноязычные слова и обороты становятся названиями газетных заголовков, постоянных (идущих из номера в номер) рубрик; иногда даже сохраняется иноязычное написание этих элементов. Ср., например, такие названия рубрик и заголовки в московских газетах («Сегодня», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Московские новости», «Вечерняя Москва», «Вечерний клуб» и нек. др.): *Бомонд*, *Ноу-хау*, *Брифинг*, *Эпицентр*, *Форс-мажор*, *Шоу*, *Презентации*, *Тинейджер*, *Хит-парад*, *Криминал*, *Резонанс*, *Триллер*, *Монитор*, *Эксклюзив*, *Хеппенинг*, *Киднеппинг*, *Видеодайжест*, *Видеовью* (по аналогии с *интервью*), *Extra!* (о сенсационных криминальных случаях), *Underground* (о неформальном искусстве), названия телепередач Центрального, Российского и Московского телевидения: *Бомонд*, *Пресс-экспресс*, *Пресс-клуб*, *Ретро-шлягер*, *Бизнес-кард*, *Экспресс-камера*, *Экспокьюрер*, *Fashion News* (новости моды) и др.

Вторую тенденцию можно проиллюстрировать разного рода авторскими комментариями к употребляемой иноязычной лексике, которые, в силу их метатекстового характера, можно рассматривать как своеобразное нарушение автоматизма речи: говорящий останавливает свое внимание на форме высказывания, на способе выражения, что для большинства «нормальных» речевых актов весьма необычно (если исключить некоторые виды речевого общения лингвистов, у которых автоматизм речи нарушен по чисто профессиональным причинам).

В период вхождения иноязычного элемента в речевой оборот довольно обычны случаи перевода слова или термина на русский язык, его разъяснения:

Каждый в Латвии сегодня знает значение слова «*апатрид*». Это человек, не имеющий и гражданства (Российская газета, 03.03.94); «Рыбацкие новости» сообщают, что в моду входит *целибат*, то есть половое воздержание мужчин (Подмосковные известия, 17.03.94); В переводе с языка «бухгалтерского» *акцент* означает подтверждение предприятия-потребителя о получении им заказанной продукции.

Акцептовано — значит принято, принято — значит оплачено (Советская Россия, 21.02.88); Что такое иератизм? На этот вопрос многим ответить затруднительно. А *иератизм* — это ... знакопоток. Так раскрывает значение этого слова художник Михаил Шварцман, который назвал свою выставку, открывшуюся в Третьяковской галерее на Крымском валу, «Иературы» (там же); Профессиональный *киллер*. По-русски — убийца (Семь дней, 1993, № 30); Это слово стало обиходным для народов десятков стран мира. Дословно «зомби» означает «живой мертвец». Понятие это пришло с острова Гаити, где существовал да, пожалуй, и поныне существует целый культ «зомби» (Советская Россия, 17.02.88); Теперь что касается боевиков, или, как их называют [в Армении], — *фидайнов* (защитников народа)... (Аргументы и факты, 1990, № 31).

Иногда такой перевод осуществляется с помощью другого иноязычного слова, чуждость которого говорящими уже не ощущается. Ср. характерный пример: *Спонсоры*, или, по-русски говоря, *меценаты*, видят свою задачу в том, чтобы... (телекомментатор, 16.03.93).

Нередки также комментарии пишущего (говорящего) по поводу употребительности того или иного иноязычного слова, источников его происхождения, его статуса в русском языке и т. п. Например:

В последние годы, во времена величайших парадоксов и *катаклизмов* — одно из любимых ныне обиходных словечек — порой уже черное выглядит белым, безнравственное нравственным и наоборот (В. Астафьев, С карабином против прогресса. — Известия, 01.05.91); Но он [писатель В. П. Некрасов] должен был сказать о бое капитана Абросимова и об этой, как теперь выражаются, *альтернативе* (В. Кардин. Явление капитана Абросимова. — Независимая газета, 02.02.91); Одно из самых модных словечек нашего времени — «*ретро*» (Российская газета, 02.02.94); Профессора Стивена Хэнка, апостола «разгосударствления», бывшего экономическим советником у генерала Пиночета, а затем у президента Рейгана, принято считать и автором термина «приватизация». Но сам эксперт по части изживания государственного сектора в экономике полагает, что *приватизация* — слово французское... (Куранты, 1991, № 86); ... термин «приватизация», появившийся, как утверждают, в 1972 году на страницах французского еженедельника «Нувель обсерватор», никогда не был в таком ходу, как сейчас (там же).

Одним из свидетельств широкой употребительности и успешного вхождения в русский язык иноязычных слов, в том числе и специальных терминов, являются случаи переносного, метафорического использования их в необычных контекстах. Такого рода употребление иноязычной лексики характерно прежде всего для языка газеты. Ср. словосочетания типа: *телевизионный марафон, реанимация российской экономики, ангажированная пресса, политический бомонд, стагнация души, рейтинг вранья* (обычно слово *рейтинг* употребляется только применительно к лицу: *рейтинг шахматиста, рейтинг политика*), *пакет программ*¹¹, а затем и еще более широко: *пакеты предложений, пакеты дипломатических инициатив* и т. п.

Приведенные примеры могут создать впечатление перенасыщенности современной русской речи иноязычными словами. На первый взгляд это действительно так. Недаром носители языка нередко остро реагируют на появление в употреблении незнакомых им слов и терминов, протестуя против «засилья иностранщины» (что, кстати, было во все эпохи значительных социальных преобразований, начиная с времен Петра Первого и кончая нашими днями).

На самом деле надо говорить об известной *распределенности* иноязычных слов — по функциональным стилям и речевым жанрам. В наибольшей степени ими насыщены газетные и журнальные тексты, в особенности те, что касаются экономики, политики, спорта, искусства, моды (но, например, в статьях, посвященных бытовым проблемам, новые заимствования довольно редки). В устной публичной речи — например, в радио- и телеинтервью, выступлении в парламенте — употребление иноязычных слов-неологизмов (или недавних специальных терминов) чаще, чем в письменных текстах, сопровождается оговорками типа: *так называемый монетаризм, как теперь принято выражаться, презентация* и т. п., поскольку, ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает эту связь с ним более остро и непосредственно, нежели автор газетной или журнальной статьи.

Обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов, и это понятно: будучи по большей части словами книжными, заимствования и употребляются главным образом в жанрах книжной речи¹².

Поскольку иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, на котором перекрещиваются самые различные социальные оценки как самого процесса заимствования, так и конкретных заимствованных слов, — заслуживают внимания и изучения с социолингвистической точки зрения различия в отношении к

иноязычным словам, особенно новым. Здесь имеют значение такие характеристики говорящих, как возраст, уровень образования, род профессиональных занятий. Наблюдения показывают, что имеется некоторая зависимость между разными значениями этих характеристик, с одной стороны, и оценками иноязычной лексики с другой: 1) с возрастом уменьшается терпимое отношение к заимствованиям: чем старше носитель языка, тем менее вероятна его толерантность в этом отношении (и, напротив, возрастает вероятность резко отрицательной оценки иноязычных инноваций); 2) с повышением уровня образования речевая адаптация новых заимствований происходит легче; 3) представители гуманитарных профессий в целом более терпимы к иноязычной лексике, чем люди, профессионально не связанные с языком, с культурой, однако здесь возможно и более сложное отношение к заимствованиям: профессионал может не замечать иноязычности терминов, обслуживающих его собственную специальность, и негативно реагировать на иноязычную терминологию в других сферах деятельности и общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В разные эпохи роль проводников новой иноязычной лексики в общем употреблении могут играть разные социальные группы говорящих. Так, в XVIII в. первенство в этом отношении принадлежало дипломатам, и «язык дипломатии в этот период по степени насыщенности иноязычными заимствованиями не имел себе равных» [Биржакова и др. 1972, 296]; к концу XVIII — началу XIX вв. возрастает роль разговорного языка ученых, писателей, журналистов как особой среды, «перерабатывающей» заимствования; в конце XIX — начале XX вв. в процессе распространения новых заимствований несомненная заслуга принадлежит таким социальным группам, как политические и общественные деятели, члены политических кружков, профессиональные революционеры (представители этих групп нередко являлись и переводчиками на русский язык западных философских и экономических сочинений).

В XX в. на первое место в иерархии сфер, проводящих в язык новые заимствования, выходит пресса, а с середины столетия — еще и радио и телевидение. Соответственно, такие социальные группы носителей языка, как журналисты-международники, радио- и телекомментаторы и репортеры, переводчики-синхронисты своей речевой практикой способствуют проникновению в общий оборот новых иноязычных слов (см. об этом [Крысин 1993, 141—145]).

² Впрочем, можно говорить о некоторой двойственности отношения носителей языка к иноязычным словам: в чужой речи они нередко раздражают, а в своей собственной кажутся уместными и нужными или же могут употребляться без ясного осознания того факта, что это — «иностранизна».

³ В «Словаре иностранных слов» 1964 года издания *плурализм* толкуется как «ложное идеалистическое учение, утверждающее, будто в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых духовных существностей». В «Современ-

ном словаре иностранных слов» (1992 г.) в этом слове выделено три значения: из первого (только что процитированного) толкования убраны оценочные компоненты ('ложное идеалистическое', 'будто'); 2) один из фундаментальных принципов устройства правового общества, утверждающий необходимость многообразия субъектов экономической, политической и культурной жизни общества; 3) множественность, многообразие чего-л., напр. мнений, взглядов, форм собственности.

⁴ Выделяя роль периодической печати в популяризации новых иноязычных слов, А. Д. Швейцер справедливо считает эту роль универсальной для многих современных обществ и языков. Сопоставляя употребление иноязычной лексики в американской и в советской прессе, он пишет: «... в характере заимствований, в их источниках и в их функциональном использовании проявляются различия... Так, если в англо-американской прессе подавляющее большинство заимствований связано с реалиями зарубежных стран, а их употребление часто мотивируется передачей местного колорита, то значительная часть заимствований в советской прессе отражает новые реалии и новые понятия и заполняет денотативные и сигнификативные лакуны» [Швейцер 1993, 64].

Однако, как показывают наблюдения (некоторые их результаты приводятся в этом разделе), русский язык современности заимствует не только наименования новых реалий и новых понятий, но и другие типы иноязычных номинаций.

⁵ Толкования даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1992).

⁶ Толкование дано по «Современному словарю иностранных слов» (М., 1992).

⁷ См.: Краткий словарь современных понятий и терминов. Сост. Н. Т. Бунимович и др. М., 1993.

⁸ Нерасчлененность объекта может пониматься как буквально (например, как материальная целостность предмета), так и в более широком смысле: можно говорить о целостности отрезков времени, целостности понятий, представлений и т. п.

⁹ Заметим, что появление этого слова обусловлено и социально: в современной России иная, по сравнению с СССР, система выборов — с несколькими кандидатами на одно депутатское место, с конкуренцией между ними, с различиями в статусе разных избирательных округов и т. п.; ничего этого не было в прежней избирательной системе — и было неактуально говорить о каком-либо электорате.

¹⁰ Как известно, на начальных этапах освоения иноязычных слов может наблюдаться вариативность их формы. Это отражается в написании и произношении заимствований: ср. *дистрибутор* — *дистрибьютор* — *дистрибьютер*; *сканер* — *сканер*; *леггинсы* — *леггенсы* — *легинсы* — *легенсы*; *киднэппинг* — *киднэппинг* — *киднэппинг* и т. д. (подробнее см. об этом в работе [Тимофеева 1992]).

¹¹ Калька с английского оборота *package programs*. Авторы одного из последних (1991 г.) изданий словаря «Brewer's Dictionary of 20th-Century Phrase and Fable» считают этот оборот новым и для английского языка.

¹² Иное дело — кальки. Они могут употребляться и в обиходной речи, и их «иностранный происхождение» никому не ведомо: их облик ничуть не напоминает иноязычные слова, а внутренняя немотивированность значения может беспокоить разве что лингвистов.

Таково, например, жаргонное, но все более широко употребляющееся и в литературном языке слово *крутой* — в контекстах типа *крутой парень*, *крутые ребята*. Это — семантическая калька с английского прилагательного *tough*, которое среди многочисленных своих значений имеет и такие: 'грубый, крутой', 'гангстерский; преступный, хулиганский', сленговое 'замечательный, классный' (см. БАРС, т. 3, 537).

По другой версии, *крутой* — калька с английского прилагательного *cool*, которое в буквальном смысле значит 'прохладный, свежий', а в переносных — 'хладнокровный'; 'дерзкий, нахальный' (см. об этом Brewer's Dictionary, 119).

Обе версии представлены в словарной статье КРУТОЙ, помещенной в [Земская, Розина 1994].

ЛИТЕРАТУРА

Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

Грacheв М. А., Гуров А. И. Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989.

Елистратов В. С. Словарь московского арго (материалы 1980—1994 гг.). М., 1994.

Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // Русистика (Берлин). 1994, № 1—2.

Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

Крысин Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. Под ред. В. К. Журавлева. М., 1993.

Новый большой англо-русский словарь. В 3-х тт. Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1992—1994.

Рожанский Ф. И. Сленг хиппи. Санкт-Петербург — Париж, 1992.

Скляревская Г. Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е годы XIX века. М., 1965.

Тимофеева Г. Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект). Автореферат дисс. доктора наук. Санкт-Петербург, 1992.

Файн А., Лурье В. Все в кайф! Lena Production. 1991.

Швейцер А. Д. Контрастная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М., 1993.

Brewer's Dictionary of 20th-Century Phrase & Fable. London, 1991.

Sulan B. Zu einigen Fragen des Bilinguismus // Slavica. Debrecen. 1963. Bd. 3.

Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. 2-nd ed. The Hague, Mouton, 1963.

ГЛАВА V

М. В. Китайгородская

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ (Состав. Устройство. Функционирование)

Самое интересное, что происходит в стране,
лежит в треугольнике «экономика —
политика — человек».

(Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина
«Социология экономической жизни»)

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатееет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

(А. С. Пушкин «Евгений Онегин»)

Социальные факторы языковых изменений в сфере современной экономической терминологии

Общая характеристика происходящих социально-экономических перемен. Два типа экономических структур — рынок и редистрибуция. Проблемы смены модели управления экономикой. Утрата традиционных для советской экономики ценностей и норм. Новые субъекты экономических отношений и формирование «рыночных» моделей экономического поведения. Языковые аналоги двух типов экономических культур: редистрибуция (монолог) — рынок (диалог).

Происходящие на наших глазах радикальные преобразования затрагивают, наряду с политикой, прежде всего область экономики. Время, в

которое мы живем, — это время утраты старых экономических догм, время новых профессий, время формирования новой экономической культуры. Магическое слово «рынок», прозвучавшее на первых съездах народных депутатов, символизировало этот поворот в экономическом развитии.¹ За ним последовала целая лавина новых «экономических» слов — хронологических маркеров происходящих перемен.² Экономическая терминология смела границы традиционного узкопрофессионального употребления. Она щедро выплеснулась на книжные лотки в виде многочисленных актуальных изданий по менеджменту и маркетингу, лизингу и консалтингу, бухучету и аудиту и мн. др., зазвучала в устной речи на радио и телевидении. В условиях инфляции «курс доллара» стал не менее актуальной информацией, чем сводка погоды. Большинство ключевых экономических терминов оказались «на слуху» у значительной части общества. Они стали материалом для языковой шутки, обыгрывались на эстраде, осваивались в непринужденной бытовой речи, не становясь при этом для многих более понятными в своей экономической сути.

Обращенность активно формирующейся экономической терминосистемы к нашей сегодняшней реальности требует некоторых общих предварительных замечаний лингвистического характера, касающихся сути происходящих экономических перемен, поскольку междисциплинарный характер исследуемого объекта определенным образом диктует возможности собственно лингвистической его интерпретации.

Сегодняшние дни это не только время становления новой модели экономики, очередной попытки России встать на путь европейского развития. Это и время осмысления и типологического описания уходящей экономической реальности — обществ однотипной экономической структуры, т. е. описание явлений, получивших названия административно-командная система, государственный социализм, казарменный коммунизм, а также, в зависимости от конкретной страны — сталинизм, полпотовщина, маоизм и т. п.³ Концептуализация эмпирических описаний сопровождается поисками плодотворных методологических приемов, позволяющих выявлять общесоциологические закономерности и исторические инварианты. В этом плане представляется интересной попытка Е. Н. Старикова [Стариков 1991] применить теорию редистрибуции, разработанную в рамках экономической этнографии К. Поляньи [Поляньи 1977] при исследовании архаичных и древних социумов, к феномену казарменного коммунизма. Теория редистрибуции оказывается полезной для поисков языковых аналогов социальных изменений. Основываясь на указанных работах, изложим кратко основные положения этой теории.

Исходным в концепции редистрибуции является выделение двух принципиально различных типов обмена продуктами деятельности:

— эквивалентный обмен, основанный на законе стоимости, т. е. товарно-денежный тип, или «рынок». Рынок — это экономическая структура «горизонтального» типа.

— неэквивалентный обмен, основанный на изъятии внеэкономическими, властно-политическими методами прибавочного и части необходимого продукта и последующего его перераспределения, т. е. редистрибуции. Редистрибуция — это экономическая структура «вертикального» типа. (В рамках концепции К. Маркса это явление фигурирует под термином «азиатский способ производства», имеющим не региональное, а экономическое содержание.)

Рынок и редистрибуция лежат в основе разных моделей общественного развития — европейской и азиатской. Общества с рыночной и редистрибутивной экономикой во многом автономичны, характеризуются различными политическими и ментальными структурами, разной ролью и функциями государства.

Для рыночной модели характера классическая частная собственность, т. е. когда все три отношения собственности — пользование, владение и распоряжение — проецируются на одного собственника. Европейской парадигме общественного развития присуще наличие независимых от государства субъектов собственности и возникающих на этой основе экономических классов, которые и формируют гражданское общество. Государство при этом является одним из элементов политической надстройки.

Отличительной особенностью экономических структур восточного типа является отсутствие полных субъектов собственности, т. е. названные выше три отношения собственности оказываются распределенными между несколькими носителями, находящимися в иерархической подчиненности друг другу. В рамках восточной парадигмы происходит концентрация распределительных функций в руках государства, слияние властно-политических отношений с отношениями собственности. Редистрибуция делит все общество на две функциональные группы: рядовые производители, создающие прибавочный продукт, и распределители, взимающие этот продукт.⁴ (Ср. шутовое отражение подобной социальной дифференциации в одном из монологов М. Жванецкого: Что охраняешь — то имеешь. Ничего не охраняешь — ничего не имеешь.) Верховным собственником оказывается государство. Государственная собственность, основанная на редистрибуции, является одной из архаичных форм собственности, вырастающей прямо из об-

щинной и появляющейся задолго до частной собственности. Это докапиталистическая форма собственности. Она не тождественна общественной — посткапиталистической форме собственности, которая находится в руках гражданского общества.

Окончательный слом системы товарно-денежных отношений, замена европейской модели на азиатскую, рынка редиистрибуцией произошел в России в год «великого перелома» (1929 год). Это был возврат в общественном развитии, сопровождавшийся архаизацией производственных отношений⁵ и деградацией основной производительной силы — человека, появлением неполноправной рабочей силы: зеки, затем дисбат, стройбат, лимитчики и мн. др. Экономическая культура постепенно утратила необходимые для любой экономики стереотипы поведения (купля-продажа товаров на свободном рынке, коммерсанство, арендные отношения и мн. др.). Сложилась новая механизмы группового экономического поведения (соцсоревнование, почины и уравнивка), система ценностей и требований к работникам. В обществах с редиистрибутивной экономикой, как показывает исторический опыт (ср., например, эпоху Петра I), возможен резкий прирост вещественных факторов, за которым однако неизбежно следует застой, обусловленный в первую очередь деградацией основной производительной силы — человека.

Сущность происходящих объективно неизбежных перемен в сегодняшнем российском обществе сводится к замене «вертикальной» редиистрибутивной экономической системы на «горизонтальную» рыночную.⁶

Порожденные товарно-денежными отношениями свободно устанавливаемые горизонтальные связи товаровладельцев определяют суть экономической структуры рыночного типа, когда каждый человек является субъектом собственности и, следовательно, субъектом права. Таким образом, рыночная экономика является предельно субъектно-ориентированной.

В редиистрибутивных структурах горизонтальные связи равенства заменяются вертикально-пирамидальными связями подчинения. Система работает от импульсов, идущих сверху в виде приказов, распоряжений и призывов (ср. соответствующие этому фразеологизмы — *спустить план, дать команду* и под.). Снизу идут рапорты, отчеты, а трудовые почины имеют обычно инициированный сверху характер. То есть, в отличие от рынка редиистрибутивная экономика оказывается объектно-ориентированной. (Различия между редиистрибуцией и рынком

Е. Н. Стариков выражает краткой формулой: «рынок = равенство субъектов; редистрибуция = иерархия объектов».)

Переход от политизированной директивной экономики к рынку сопровождается болезненным процессом утраты традиционных для советской экономики ценностей и норм. В условиях рынка каждый человек вынужден стать «экономистом поневоле», т. е. научиться считать, анализировать, прогнозировать, искать пути выживания в нестабильной ситуации. Новые ценности, новые критерии успеха, расчетная психология как неизбежный элемент «рыночного поведения» формируют новые стереотипы экономического поведения⁷ и их оценку в массовом сознании. Ср., например, посреднические услуги, оцениваемые раньше исключительно как спекулянтство: «Новое для советской действительности понятие *посредник* вошло в лексику делового общения. Кто-то воспринял его настороженно — нечто вроде перекупщика или спекулянта» (Малый бизнес. Приложение к газете «Менеджер». № 3(6), май, 1991). Показательными являются объявления о найме на работу (газета «Из рук в руки»), которые содержат перечень личностных характеристик, предъявляемых к возможным кандидатам: *Активных и энергичных* людей приглашает на работу международная компания <...>; *Активных и коммуникабельных* <...>; *Активных и деловых* <...>; *Активных и инициативных* <...>; *Амбициозных* людей <...>; Для *энергичных и трудолюбивых* людей — работа в инофирме <...>; *Уверенных и надежных* людей <...>; *Молодых активных* людей <...>; Если вы *талантливы* и не смогли реализовать себя <...>; Для *интересной, но нелегкой работы* приглашаются <...>; Для *нуждающихся активных* людей любого региона работа <...>; Работа не для всех! *Обязательно наличие интеллекта* <...>; ТОО приглашает на работу секретаря-диспетчера на телефоне. *Женщина до 30 лет, обаятельная, с приятным голосом, с доброй душой* <...> и мн. др.

Формирование рыночной экономики предполагает возрождение утраченных стереотипов экономического поведения: купля-продажа товаров на свободном рынке, коммерсанство, дача взаем под проценты, арендные отношения, торговое посредничество и др. Так, ситуация купли-продажи предполагает определение цены на товар, торг, что определяется термином «уторговывание цены». Ср., например, многочисленные примеры, отражающие эту ситуацию в российской жизни досоветского периода, которые содержатся в книге бытописателя Евг. Иванова «Меткое московское слово». В частности он свидетельствует: «Один из самых состоятельных людей Москвы коллекционер Бахрушин любил крепко, по-купечески поторговаться» (далее следует описание этой

«процедуры» с характерным набором поведенческих стереотипов) [Иванов 1985, 113]. В советское время свободный торг был возможен лишь на колхозном рынке, «черном» рынке, да еще в достаточно ограниченном кругу экономических ситуаций (например, сдача внаем жилых помещений, в частности дач). Ср. новый стереотип, появившийся в объявлениях о продаже — *торг уместен, торг возможен*, напр.: ВАЗ-2103 1979 года выпуска в нормальном состоянии, капитальный ремонт в 1993 году, продаю за 1500 долл. Торг уместен.; Дом 60 кв.м. Савел. напр., ст. Лобня, продаю, 25 тыс. долл. Торг возможен.

Языковым аналогом происходящих социально-экономических перемен является замена монолога (редистрибуция) на диалог (рынок). Этот переход, в частности, наглядно объективируется в актуализации ситуаций и соответствующих им жанров делового общения. На смену монологическим по своей сути ситуациям с иерархически организованной ролевой структурой (совещания, заседания, конференции и др.) пришел в качестве ведущего диалогический жанр — «переговоры». Ср. показательное название статьи, посвященной проблемам управления: «От приказа — к сотрудничеству» (ЭиЖ, № 11, март 1996).

Становление рыночной экономики как субъектно ориентированной означает усиление личностного начала. Тенденция к усилению личностного начала, к диалогизации в настоящее время захватывает всю сферу социального общения и вторгается в язык, определяя изменения в современной языковой ситуации в целом и конкретных речевых сферах, в том числе в языке экономики.⁸

Современная экономическая терминология.

Состав. Источники формирования

Источники материала. Принципы отбора словника. Прагматика терминов «плановой» и «рыночной» экономики. Деидеологизация, «реабилитация» понятий и слов «рыночной» экономики, утрата ими стилистической окрашенности. Постоянный фонд экономической терминологии. Возвращение слов, функционировавших в языке экономики «досоветского» периода. Новые «международные» заимствования.

Формирующаяся на наших глазах терминология «рыночной» экономики, естественно, возникает не на пустом месте. Она входит в достаточно сложное взаимодействие с экономической лексикой советского периода. Значительная часть слов «плановой» экономики уходит в

прошлое, становится историзмами (напр., *план, плановость, перевыполнить, соцсоревнование, передовик, новатор, вахта, пятилетка, планерка, перекличка* и мн. др.). Другая часть претерпевает разнообразные переосмысления, семантические и стилистические сдвиги. Множество образовавшихся лакун заполняется возвращающимися из прошлого понятиями и словами, а также новыми заимствованиями.

Процесс массовой номинации носит ярко выраженный социальный характер. Появляются и исчезают из широкого употребления (в связи с утратой актуальности самих явлений) «модные» слова — *кооператор, бартер, ваучер* и др., напр.: «Подзабытый за месяц приватизационный чек опять поминается все чаще, но в одном смысле: где мой ваучер? Возможно он еще крутится на бирже, хотя объемы продаж стали мизерными — от единичных ваучеров до нескольких десятков штук, и стоит 19—20 тысяч рублей» (Кур., 30.08.94). Складываются традиции употребления новых терминов, типичные контексты, т. е. идет процесс формирования собственно системных отношений в данной терминосфере.

Круг терминов, анализируемых в работе, устанавливался в опоре на источники разного характера. Это прежде всего современные издания словарно-справочного характера по лексике рыночной экономики, специальная научная литература и учебные пособия, издания юридического характера, где исследуемая лексика функционирует в строгом соответствии с современным законодательством, а также широкий круг источников, отражающих «стихию» функционирования столь актуального лексического пласта в разных сферах и типах речи (газеты, журналы, радио и ТВ, устная речь, язык современного города, художественная литература). «Жизнь» экономической лексики на уровне текста отражена в разделе «Сферы функционирования экономической лексики».

В задачи работы входит описание современной наиболее употребительной базовой «рыночной» терминологии (в том объеме конкретного материала, который представляется целесообразным в лингвистической работе. Узкоспециальные термины конкретных областей экономических знаний — напр., бухгалтерские расчеты, таможня, фондовый рынок и др. — не рассматриваются).

В качестве объекта исследования были выбраны не просто отдельные слова, недавно ворвавшиеся в наш язык и прежде всего обращающие на себя внимание. Цель работы — исследовать собственно системные отношения в данной терминосфере, представить экономическую лексику в упорядоченном виде, прежде всего через разные типы эконо-

мических отношений и ситуаций, имеющих определенный набор актантов. Обычно весь набор актантов той или иной экономической ситуации не получает специального толкования в словарях и справочниках (часто по причине прозрачности их внутренней формы, напр.: перевозки — *грузоотправитель* и *грузополучатель*, дарение — *даритель* и *одаряемый*, найм — *наниматель* и *наймодатель* и др.). В подобных случаях необходимые актанты и актантные значения (а также соответствующие им возможные вербальные эквиваленты) извлекаются из текстов и толкований терминов того же тематического блока.

Толкования терминов приводятся в тех случаях, когда это представляется необходимым. Сами толкования даются в опоре на научные, юридические и учебные тексты, издания словарно-справочного характера (прежде всего: Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. М., 1995 — далее ГК, ч. I; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. М., 1996 — ГК, ч. II; Маркетинг. Толковый терминологический словарь-справочник. М., 1991 — МТТС; Посobie для международного предпринимателя. Краснодар, 1990 — ПМП; Лексика делового человека. М., 1991 — ЛДЧ). Дело в том, что базового словаря, который бы в полном объеме охватывал современную экономическую терминологию и адекватно отражал бы реальную речевую практику, пока нет. Имеющиеся издания можно рассматривать как материалы к подобному словарю. Новая экономическая реальность и отражающая ее терминосфера находятся в процессе становления. Показательны в этом плане критические поправки, которые высказали банкиры-практики по поводу законопроекта о вексельном обращении: «Серьезные замечания практиков были предъявлены уже к самому первому разделу законопроекта, содержащему толкования вексельных терминов. <...> В словаре законопроекта отсутствует толкование термина «тратта», широко используемого в отечественном вексельном обращении <...>. Более четкие формулировки участники добровольной рабочей группы дали определениям «аваль», «акцепт», «индоссамент», «индоссант», «индоссат», «регресс» (Фин. изв., 21.11.95).

С учетом лингвистических задач работы во многих случаях толкование дается в сокращенном и несколько адаптированном виде за счет отсеечения экономической информации энциклопедического характера. В ряде случаев на базе нескольких имеющихся толкований одного термина, а также с учетом контекстов его употребления, дается толкование «контаминационного» характера. Основная цель приводимых толкований — сделать по возможности «понятым» экономическое содержание термина в рамках лингвистической работы. Эта же цель во многом определяла и принципы отбора иллюстративного материала.

Экономическая терминология занимает особое место в кругу разных терминосфер (ср., например, научно-техническая терминология, терминология естественных наук). Это объясняется объективными причинами. Дело в том, что в редистрибутивной, плановой экономике акценты неизбежно смещаются из сферы производства в сферу распределения, из базиса в надстройку. А это означает политизацию, идеологизацию экономических отношений, следствием чего становится идеологизация терминологии плановой экономики (что противоречит самой природе термина). Это находило отражение в «двойных толкованиях» части экономических терминов. Такая терминология функционировала в соответствии с оппозициями *свой/чужой*, *хорошо/плохо* и была пронизана неприятием «класса эксплуататоров», например:

Прибыль (МАС) <...> // Экон. Доход от предприятий в капиталистическом обществе, источником которого является прибавочная стоимость, представляющий собственность капиталистов. // **Экон.** Доход от предприятий в социалистическом обществе, источником которого является стоимость прибавочного продукта, представляющий общественную собственность и идущий на обеспечение роста производства и жизненного уровня всех членов общества.

Ср. толкование слова *бизнес*, в котором отражается один из ментальных стереотипов административно-командной системы — превосходство общегосударственных интересов над личными:

Бизнес (МАС) Разг. Деловое предприятие, ловкая афера и т. п. как источник личного обогащения, наживы.

Идеологизированный характер целого ряда экономических терминов отражают многочисленные контексты, например: Мы ведь и сегодня о рыночной экономике понятия не имеем, не существовало такой на памяти нынешних поколений, даже и речи не было, а если и была, то исключительно обличительная (Изв., 9.08.90); Как ни клеймили рыночников и радикалов, а слово «рынок» все-таки сказали (там же); Немаловажно, как отмечают эксперты, что при этом дается возможность использовать наемный труд, который до сих пор официальная теория связывала с эксплуатацией человека человеком (Ъ, 1—8.04.91); Когда-то банковская система СССР определялась как «аппарат общественного счетоводства» и как единственно правильно организованная противостоявшая капиталистической, критикуемой за то, что «посредством банковских кредитов превращает в капитал не только свободные денежные средства промышленных капиталистов, но и мелкие сбережения трудящихся, тем самым расширяя базу капиталистичес-

кого накопления и содействуя углублению экономических кризисов перепроизводства» (Кур., 16.09.94).

В ряде случаев семантическая структура слова, принадлежность его как к общеупотребительной, так и терминологической сфере были источником уловок, спекулятивных подмен в спорах «экономических оппонентов» (особенно повезло слову *рынок*): **Рынок** (МАС) 1. Место розничной торговли съестными припасами и другими товарами под открытым небом или в крытых торговых рядах; базар. 2. Экон. Сфера товарного обращения, товарооборота. Ср.: Слово «рынок» приобрело отрицательный смысл. Это что-то ругательное, то что нам подсунул капитализм. Нечто вроде барахолки в Малаховке (ТВ. Встреча с Н. Шмелевым, 13.06.88).

Ценностные конфликты, порожденные перестройкой, являются одним из самых существенных факторов изменений в семантической структуре целого ряда слов. Лексика экономической сферы нередко фиксировала оценку социальных качеств человека⁹, напр.:

Предприниматель (МАС) 1. Капиталист — владелец промышленного, торгового и т. п. предприятия. 2. *Неодобр.* Делец, ловкий организатор выгодных предприятий.

Предпринимательство (МАС) Деятельность предпринимателя. // *Неодобр.* Склонность к устройству выгодных предприятий, к аферам.

Бизнесмен (МАС) Делец, предприниматель.

Закрепленность в языковом сознании прежде всего оценочных значений подобных слов подтверждают многочисленные примеры, ср.:

С легкой руки газеты «Коммерсантъ» нашу партию («Партия свободного труда» — М. К.) стали называть партией предпринимателей. Это, действительно, партия предпринимателей, но не в том узком и негативном смысле слова, к которому нас приучили. Она объединяет не только собственно предпринимателей, но и людей свободных профессий — адвокатов, актеров и других (Радио России, 17.04.91); Повидимому, у части милицейского генералитета прочно укоренился стереотип советских времен: частник — значит враг. И ничего тут доказывать не надо (Кур., 9.09.94); Смутное время состоит из мути и времени. Иногда сквозь ракетирско-фарцовочную мусть прорезается герой времени — бизнесмен страны, в которой три четверти века это слово было ругательным. <...> Возможно, это не лучший человеческий тип — советский бизнесмен (=«теневик»). Возможно, что и всякий бизнесмен не идеал. Но сейчас они мне нравятся больше, чем в подполье. Хотя бы выгляды прилично (Александр Кабаков. Фактор риска// МН, 10.03.91).

Сейчас подобные слова, «вслед за реабилитацией понятий (а нередко и реальных людей, бывших «экономических преступников» — пред-

принимателей, так называемых «цеховиков»), постепенно освобождаются от отрицательных компонентов. В общем употреблении актуализируется их чисто номинативное, экономическое значение (ср. также *коммерсант, сделка* — 'договор, контракт, соглашение'; биржевой термин *спекулятивная сделка*).

Современная экономическая терминология с точки зрения источников формирования распадается на целый ряд групп.

Можно выделить значительный пласт лексических единиц, которые представляют собой некоторый постоянный фонд экономической терминологии (независимо от типа экономики). Данные слова выражают базовые общеэкономические понятия и категории, например: *производство, потребление, производственные отношения, производительные силы, капитал, базис, надстройка, спрос, предложение, товар, товароборот, стоимость, цена, деньги, прибавочный продукт, бюджет, национальный доход, экспорт, импорт* и др.

Часть экономических терминов, нейтральных по своей семантической структуре, употреблялась в советское время в качестве атрибутов или реалий капиталистической экономики: *безработица, инфляция, индексация, картель, концерн, биржа, банкир* и мн. др.

Инфляция (СИНС) Чрезмерное увеличение находящейся в обращении массы бумажных денег по сравнению с реальным предложением товаров; общее длительное повышение цен в капиталистических странах, ведущее к обесценению денег, вызываемое различными причинами (ростом военных расходов государства, политикой монополий и т. п.). Инфляция снижает уровень жизни трудящихся, обостряет экономические и социальные противоречия капиталистического общества.

Банкир (МАС) Крупный акционер или владелец банка в капиталистических странах.

Теперь подобные слова расширили референтную соотнесенность. Они стали «нашими» словами, ср.: *Инфляция* пока особенно не снижается, делая абсурдным хранение денег в «чулке» (Кур., 19.01.95.); Всем тем, кто вот уже который год грозит нам *обвальной безработицей* во многие миллионы человек, сообщаем, что в России безработных насчитывается (по августовским данным Госкомстата) 1 миллион 581 тысяча 100 (Кур., 21.09.94).

Слово *банкир*, с появлением коммерческих банков, постепенно приобретает значение, указанное в словаре (т. е. обозначает собственника денежных средств), но может употребляться для обозначения лиц по профессиональной принадлежности и занимаемой должности — руко-

водителей банков (ср. устойчивая номинация в средствах массовой информации главы Центробанка — *главный банкир страны*): (об обмене крупных денежных купюр) Если же за границей наших рублей значительно больше (а наши *советские банкиры* считают, что меньше), то они в других купюрах, без аналогичного обмена которых страну не спасти (Изв., 13.11.91); Оценивая новый порядок регулирования деятельности кредитных организаций <...> *банкиры* отмечают как положительные, так и отрицательные стороны (ЭиЖ, № 11, март 1996).

Значительный пласт экономической лексики, фиксирующий новые явления, представляют собой слова «возвращаемые», слова, нейтрально функционировавшие в русском языке «досоветского» периода по отношению к русским реалиям. Массовым сознанием, вследствие распада связи времен, они могут восприниматься как новые.

Ср., например, терминологические словосочетания, встретившиеся в книге П. А. Бурышкина «Москва купеческая» [Бурышкин 1990], которые звучат так современно: *акционерные общества, семейные предприятия, паевые товарищества, фирма, торговые фирмы, товарный голод, оздоровление рынка, кризис неплатежей, процедура банкротства, биржа, промышленные и биржевые группировки, биржевые сделки, биржевые маклеры* и мн. др. Ср. также: *Наша фирма* была чисто торговой [там же, с. 257]; Уже в то время он [крупнейший русский промышленник С. Г. Лианозов. — М. К.] имел крупную позицию в русской нефтяной промышленности: он был председателем русско-английской *нефтяной корпорации* и единственным, *чьи акции котировались на парижской бирже* [там же, с. 268].

В книге П. А. Бурышкина можно найти и «портреты» участников рынка — конкретных лиц и типажей определенных профессий, в частности *биржевого маклера*.

Маклер (МАС) Профессиональный посредник при заключении торговых и биржевых сделок в капиталистических странах и дореволюционной России.

В советское время слово *маклер* употреблялось по отношению к одной из нелегальных фигур «теневого» рынка — посреднику при проведении квартирных обменов. В современном языке биржевых посредников обычно называют *брокерами*. Ср. характерное название одной из газетных статей — *Новая профессия брокер* (АиФ, 15.05.91).

Такой предстает деятельность Московской биржи и фигура маклера в описании П. А. Бурышкина: *Всю деятельность Биржевого комитета можно разделить на три различные категории: во-первых, биржевая, в полном смысле слова, деятельность — котировка и сделки через посредство биржевых маклеров; во-вторых, выполнение обязанностей,*

законом возложенных на биржевые комитеты — надзор за биржевыми артелями и дела о несостоятельности; в-третьих, — общие вопросы хозяйственной жизни и представительство. Первая область деятельности, специфически биржевая, выполнялась можно сказать автоматически. <...> Биржевой комитет выбирал маклеров, заверял маклерские книги и вел надзор за тем, что в них записывалось, но проверки были редки: знали людей и считали, что это не нужно. <...> Маклер — фигура вне времени и пространства. Везде и всегда тип маклера, более или менее, один: приятный собеседник, балагур, хороший застольный компаньон, и вообще человек, общение с которым доставляет удовольствие. Были в Москве фигуры легендарные. <...> Существовали и полуофициальные [маклеры. — М. К.], которых звали «зайцами» [там же, с. 243—244].

На примере Макарьевской ярмарки П. А. Бурышкин дает предельно ясное, четкое описание действия «рыночного механизма»: Когда-то в ней [на Макарьевской ярмарке. — М. К.] происходил важный процесс, процесс экономического, всего народного хозяйства России, — переход товаров, потребляемых на огромной русской территории, как и на европейской и азиатской, от производителей или из первых рук, во вторые коммерческие руки, и в третьи, имеющие дело непосредственно с потребителем. На ней грандиозные пространства России, Европейской и Азиатской, запасались большей частью предметов своего потребления и оттуда они распределялись по всем местам торговым и промышленным. Поэтому в период своего наибольшего расцвета — шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия — Макарьевский торг являлся главным ежегодным регулятором между спросом и предложением, между производством и потреблением, всех, без изъятия, товаров [там же, с. 258—259].

Многие экономические реалии «досоветского» периода возвращаются в сегодняшнюю жизнь под новыми именами, ср. напр.: «Кредитные союзы — это финансовый институт, находящийся в полной собственности вкладчиков. В начале века в России кредитные союзы были широко известны под именем ссудо-сберегательных товариществ» (Изн., 23.11.94).

И, наконец, многочисленную группу, которая на сегодняшний день представляет собой открытый ряд, составляют **иноязычные заимствования** (преимущественно из английского языка, американизмы). Они отражают прежде всего тенденцию к интернационализации экономической терминологии, что существенно стимулируется наличием прямых и непосредственных контактов с иностранными партнерами.

Назовем наиболее употребительные слова, которые вышли за границы узкопрофессионального употребления. Они встречаются на страницах газет, журналов, звучат на радио и ТВ, присутствуют в разных видах рекламы: *менеджмент, маркетинг, консалтинг, дилинг, инжиниринг, холдинг, лизинг, клиринг, селинг, демпинг, франчайзинг, трансферт, оф-шор, аудит, реституция, дилер, дистрибьютор, риэлтор, спонсор, чартер, фьючерс, лот, дивиденды, эмиссия, ипотека, ноу-хау, тендер, депозитарий* и др. Приведем ряд примеров. Толкования и контексты других слов см. ниже, прежде всего, с. 197—199.

Долги, неплатежи, остановки производства, угроза массовой безработицы, банкротств... Вал этот, кажется захлестывает российскую экономику. А так ли уж неизбежны эти «болезни рыночного роста»? Может, есть какая прививочка? Сделал укол, перетерпел первую боль — и обезопасил себя от печального исхода. Оказывается да, есть. Называется эта вакцина мудреным иностранным словом «менеджмент». Благодаря ей «лежачий» завод встает на ноги, получает весомую прибыль, но лишь там, где есть достойные *менеджеры*. Такие, что умело капитал запрягают в хомут. Управленческий (Кур., 31.08.94); Если кратко, то *аудит* представляет собой независимую экспертизу финансовой отчетности коммерческих предприятий уполномоченными на то лицами (*аудиторами*) с целью подтверждения ее достоверности для государственных налоговых органов и собственников. Кроме того — это оказание практической помощи руководству и экономическим службам предприятия в ведении дел и управлении его финансами, постановке бухгалтерского учета, предоставлении различных юридических консультаций (ЭиЖ, № 4, январь 1992); Вот и вошло в нашу жизнь не слишком благозвучное слово «*реституция*». И по ТВ оно звучит, и в печати. Споры идут, дискуссии. «Куранты» опубликовали ряд материалов об этой наисложнейшей проблеме. Проблема одновременно этической и материальной. *Реституция* — возврат собственности ее прежним владельцам и их потомкам (Кур., 29.07.94); Вопрос о признании недействительными договоры кредита суд также рассмотрел без участия стороны по договорам — ИЧП [индивидуальное частное предприятие. — М. К.] «Маркас». При этом не было учтено, что в силу статьи 48 ГК РСФСР последствием недействительности сделки является *двусторонняя реституция* (по недействительной сделке каждая из сторон обязана возвратить другой стороне все полученное в сделке (Кур., 21.12.94); Конкурентоспособность предприятия может быть существенно повышена с помощью «*конкурирующего инжиниринга*», предполагающего реорганизацию процесса разработки новых изделий (Менеджер, 16.03.91); Важнейшая задача в области структурной политики — довести пакеты

акций, которыми владеют *холдинги*, до контрольных (ЭиЖ, № 11; март 1996); (из рекламы) Холдинг-центр. Официальный *дилер* фирмы «Tefal»; Снижение инфляции и оживление производства в ряде отраслей побуждает банки вновь вернуться к *лизингу* как к очень эффективной поддержке подопечных предприятий. По сути, это *инвестирование* в них через различные формы аренды оборудования, станков, механизмов, электронной и вычислительной техники, приборов, коммуникационных, строительных, транспортных средств и т. д. (Фин. изв., 28.11.95); (реклама) Деньги делают деньги. Валютный *Дилинговый* Центр Евросервис предлагает: круглосуточные операции по купле-продаже валют на международном рынке *Forex*. Обучаем *валютных дилеров* (Фин. изв., 28.11.95); Крупные *риэлторы* сегодня предпочитают возводить не один дом под конкретного заказчика, а коттеджные поселки (Фин. изв., 13.10.94); (реклама) Впервые в России компания «Ле Монти» начинает продажу фирменных обувных магазинов «*под ключ*» // Ле Монти *Франчайзинг* (Фин. изв., 24.11.94); (реклама) Своя фирма за рубежом // Регистрация *офшоров* // Готовые компании по льготным расценкам (Фин. изв., 24.11.94); В отличие от защитных мер *антидемпинговые* пошлины всегда носят адресный характер и применяются в отношении конкретного источника *демпинга* (ЭиЖ, № 11, март 1996); Ни в одном вузе не готовят специалистов по *консалтингу* компьютерного бизнеса. <...> А ведь развивать *консалтинг* необходимо, если мы не хотим повторения известных «*прелестей*» первого этапа компьютеризации (ЭиЖ, № 11, март 1996); По определению Вероники Моисеевой, генерального директора агентства «Имиджленд Public Relations», Россия вступила в эпоху цивилизованного *спонсорства* [ЭиЖ, № 11, март 1996]; Механизм *трансфертов* оказался не приспособленным к решению проблем межбюджетных отношений и их оптимизации, поскольку он в значительной мере оторван от финансовых потребностей регионов (Фин. газ., № 12, март 1996).

Способы номинации, актуальные в сфере экономической терминологии

Актуальные номинативные зоны. Структурно-грамматические особенности экономической терминологии. Расчлененные/нерасчлененные наименования. Терминологическое словобразование. Продуктивные словообразовательные модели. Специализация и дифференциация словообразовательных моделей. Специфика словообразовательных парадигм и гнезд в экономической терминологии. Словосложение. Аналитические способы наименования: словосочетания, аббре-

виация. Заимствования. Вариативность в сфере терминологии. Термин и его жаргонные эквиваленты.

Номинативные зоны

Понятийная область, стоящая за той или иной терминосферой, имеет свои специфические особенности, свои номинативные доминанты, обусловленные самой природой обозначаемого объекта. Широта охватываемых экономической терминологией понятий находит отражение в семантической структуре, многозначности самого слова *экономика*: **Экономика** (О.) 1. Совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил, господствующий способ производства в обществе. 2. Организация, структура и состояние хозяйственной жизни или какой-нибудь отрасли хозяйственной деятельности. 3. Научная дисциплина, изучающая какую-нибудь отрасль производственной, хозяйственной деятельности (экономика труда, экономика управления). Уже из приведенных толкований видно, что терминология сферы экономики должна быть неоднородна и может включать наряду с базовыми абстрактными в своей сути терминами (производственные отношения, способ производства, производительные силы, средства производства и др.) обозначения достаточно конкретных областей экономических знаний.

Состав и организация экономической терминологии определяются описываемым типом экономической структуры и соответствующей модели управления экономикой (плановая экономика/рыночная экономика). Следовательно, базовым понятием является понятие «рынка». В этом случае под *рынком* понимается одна из экономических категорий товарного хозяйства, которая представляет собой сферу товарного обмена, регулируемого механизмами спроса, предложения и цены. Спрос отражает объем и структуру общественных потребностей и ограничен покупательной способностью населения. Предложение представляет собой совокупность товаров, поступающих на рынок с целью обмена. Рынок характеризуется определенной системой конкретных экономических отношений между двумя сторонами — в широком смысле между продавцом и покупателем [Герчикова 1990, 33]. Рыночные отношения реализуются в наборе типичных экономических ситуаций, предполагающих определенный состав участников.

Укажем на наиболее важные участки тематического пространства, связываемого с понятием «рынок» (сегменты рынка), которые актуализируются в современной экономической терминологии.

Прежде всего, это дифференциация самого рынка, т. е. классификация рынков, что фиксируется соответствующими терминами и терминологическими словосочетаниями. В экономических работах [см. напр. Герчикова 1990, 33—34] в основу классификации рынков обычно кладутся следующие характеристики: 1. объект товарного обмена, 2. границы охвата товарного обмена, 3. экономические отношения между участниками обмена. Названные параметры могут совмещаться.

1. Наиболее разветвленной, дифференцированной и иерархически организованной оказывается классификация по первому параметру (что естественным образом объясняется многообразием самого предмета товарного обмена). На первой ступени классификации выделяются рынки товаров и услуг, рынок капитала, рынок рабочей силы и рынок ценных бумаг, напр.:

Нельзя успешно провести приватизацию без решения проблемы *рынка жилья и труда* (Кур., 7.10.94); Вчера первый заместитель председателя Госкомимущества А. Иваненко на встрече с журналистами сказал, что именно скандальная ситуация с «МММ» сдвинула с мертвой точки законотворческую деятельность, связанную с регулированием *рынка ценных бумаг* (Кур., 17.08.94); От полутора до двух раз в этом году снизится оборот рекламного бизнеса в России. <...> такое падение оборота вызвано уходом с *рекламного рынка* отечественного рекламодателя и, в первую очередь, финансовых «пирамид», доминировавших на нем в прошлом году (Фин. изв., 21.11.95); (заголовок) *На рынке путешествий* — без перемен (Изв.-эксп., 13.03.96).

Названные рынки далее подразделяются в соответствии с «вертикальными» связями — «род-вид». Не ставя перед собой задачи дать исчерпывающий список конкретных рынков (что для товарного рынка является, по-видимому, и практически трудно осуществимым), приведем типичные терминологические обозначения (словосочетания). Товарные рынки, которые охватывают рынок группы товаров или какого-либо конкретного товара: *рынок обуви, рынок автомобилей, рынок зерна, книжный рынок, рынок сырьевых товаров, рынок агропродукции, рынок энергоносителей, рынок драгоценных металлов, рынок недвижимости* (который далее подразделяется на *рынок нежилых и жилых помещений=квартирный рынок*) и мн. др. Напр.:

Подводные рифы *квартирного рынка* подстерегают всякого, кто не дает себе труда разобраться в юридической тонкости купли-продажи-дарения и прочих сделках со всякой недвижимостью (Кур., 17.09.94); Прошло время, когда отечественные производители были монополистами на *рынке канцелярских принадлежностей* (Изв., 16.11.94); (заголовок) Австралийцы теряют *китайский рынок шерсти*

(Фин. изв., 27.12.94); Круг клиентов рынка престижного жилья довольно узок — не более 4 процентов населения (Фин. изв., 13.10.94).

Рынок ценных бумаг (иначе фондовый рынок) далее делится на отдельные виды в зависимости от конкретной «ценной бумаги» — приватизационные чеки, акции (приватизированных предприятий, тех или иных акционерных обществ и т. д.), облигации (государственные краткосрочные облигации — ГКО и т. д.) и нек. др. Напр.: (реклама) Промышленно-строительный банк. Официальный дилер ЦБ РФ на рынке ГКО (Фин. изв., 27.12.94).

2. По границам охвата сферы обмена выделяются рынки: *мировые, региональные, страновые (рынки конкретных стран), внутренний/внешний* (относительно национальных границ), напр.: (заголовок) Американский капитал решительно вступает на российский рынок (Фин. изв., 20.10.94).

3. По характеру взаимоотношений между продавцом и покупателем различают рынки *свободные, замкнутые и регулируемые*. На свободных рынках не существует ограничений для заключения коммерческих сделок между контрагентами. В торговле различными товарами доля свободных рынков неодинакова. Так, на мировом нефтяном рынке она составляет около 70%, на рынке сахара — 30% [Герчикова 1990, 34]. Под замкнутыми (закрытыми) рынками обычно имеют в виду внутрикorporационные поставки транс-национальных корпораций, составляющие в целом около половины международного товарооборота. К регулируемым относят рынки, подпадающие под действие международных товарных соглашений, направленных на их стабилизацию (рынки олова, каучука, кофе и т. д.).

Совмещение выделенных характеристик может давать следующие виды рынков, например: *рынок обуви Италии, рынок автомобилей западно-европейских стран, мировой рынок зерна, внутренний рынок России* и т. д., напр.:

Россия восстанавливается как хлебная держава и практически ушла от позорного состояния просительницы хлеба на *мировом рынке зерна* (Фин. изв., 27.12.94); На *европейском банковском рынке* обострилась борьба за привлечение капиталов между двумя ведущими финансовыми центрами старого света — Швейцарией и Люксембургом (Фин. изв., 27.12.94); Классический пример освоения *компьютерного рынка Нижнего Новгорода* продемонстрировали на прошлой неделе московская дистрибьютерская компания «Арус», открывшая здесь свой филиал, и американская корпорация «Хьюлетт-Паккард», для которой *местный рынок* является одним из самых перспективных (Фин. изв., 19.03.96);

(заголовок) Оборонка начинает борьбу за отечественный рынок мед-техники (Фин. изв., 15.03.96); (заголовок) Алмазная монополия до-вольна мировым алмазным рынком (Ъ., 12.03.96).

Кроме того, по методам и объектам товарного обмена выделяются *посреднические рынки*, на которых сделки купли-продажи совершаются через торгово-посреднические фирмы. Данный тип рынка имеет специальные названия: *биржи* (товарные, фондовые, валютные), *аукционы*, *торги*. Заключение сделок на таких рынках предполагает использование составительского способа определения уровня цены, т. е. сделка заключается с покупателем, предложившим наиболее выгодные условия контракта, напр.:

Я боялся слова «биржа», потому что не знал, что это такое. А что же это такое? *Биржа* — это всего лишь место, где покупается и продается товар, проходят *торги* <...> Покупатели и продавцы в *торгах* не участвуют <...> Право совершать сделки на покупку и продажу товара имеют только брокеры (брокерские конторы) (АиФ, № 31.1991); Активность ЦБР [Центральный Банк России. — М. К.] в ходе *вчерашних торгов* была очень высока (Кур., 14.09.94); Суть его предложений [Г. Явлинского. — М. К.] в том, что основой приватизации должны стать *инвестиционные торги*. До 10 процентов от прибыли с *аукциона* пойдут в городской бюджет, остальное — в качестве инвестиций — в само предприятие (Кур., 21.09.94); Первые «массовые» *залоговые торги*, состоявшиеся в минувшую пятницу, хотя и с оговорками, можно назвать успешными (Фин. изв., 21.11.95).

Следующую, можно сказать, центральную зону в номинативном пространстве экономики занимают «экономические предикаты», которые фиксируют основные процессы в сфере экономики (*расти, увеличиваться, повышаться, уменьшаться, понижаться, падать, колебаться* и т. п.), а также разные типы экономических отношений. Это, прежде всего, следующие глаголы (и соответствующие им «имена действия»): *производить* (*производство*), *потреблять* (*потребление*), *покупать* — *продавать* (*купля-продажа*), *менять* (*мена*), *торговать* (*торговля*), *поставлять* (*поставка*), *перевозить* (*перевозка*), *дарить* (*дарение*), *спонсировать* (*спонсирование, спонсорство*), *хранить* (*хранение*), *арендовать* (*аренда*), *нанимать* (*найм*), *кредитовать* (*кредитование, кредит*), *ссужать* (*ссуда*), *занимать* (*заем*), *осуществлять эмиссию* (*эмиссия*), *инвестировать* (*инвестирование*), *страховать* (*страхование*), *лицензировать* (*лицензирование*), *оценивать* (*оценка, оценочная деятельность*) и нек. др., напр.:

На вчерашних торгах ММВБ курс доллара США резко снизился — до 2994 рублей, что на 742 рубля ниже предыдущего показателя <...> Такое *обвальное падение* курса доллара многие специалисты считают закономерным (Кур., 14.10.94); Посетите банк «Столичный». Вчера он возобновил операции с золотыми монетами. <...> Сейчас здесь можно *купить-продать* золотые монеты и медали США, Мексики, Перу, ЮАР (Кур., 2.09.94); Сотни тысяч москвичей уже получили полисы обязательного медицинского *страхования* (ОМС) (Кур., 7.09.94); Вопросам *инвестирования* проектов, направленных на переработку бытовых отходов в московском регионе, был посвящен семинар, который проходил в подмосковном городе Одинцово (Фин. изв., 15.03.96); Между банком, страховой компанией-страховщиком и заемщиком-страхователем заключен договор *страхования* ответственности за непогашение кредита <...> В договоре *страхования* предусмотрено: страховым случаем является непогашение страхователем банку основной суммы кредита или его части по окончании срока *кредитования* (ЭиЖ, № 11, март 1996); Установление льготного налогообложения для участников *инвестиционного процесса* компенсируется поступлениями от налоговых платежей, которые местный бюджет получит в будущем (ЭиЖ, № 11, март 1996); (реклама Битца Банк.) *Кредитуем* под залог ценных бумаг (Фин. изв., 15.03.96); *Лицензирование* экспорта и импорта как инструмент государственного регулирования внешнеторговой деятельности имеет свои особенности (ЭиЖ, № 11, март 1996); *Спонсорство* определяется как один из видов предпринимательской деятельности, которая направлена на благо как самого спонсора, так и получателя его помощи (ЭиЖ, № 11, март 1996); Арендные отношения в лесопользовании развиваются низкими темпами. Местные администрации медленно решают вопросы, связанные с предоставлением лесов в *аренду* лесопромышленным предприятиям (ЭиЖ, № 11, март 1996); Основная задача Научно-методического совета состоит в анализе, отборе и совершенствовании методов *оценки* собственности (недвижимости, машин и оборудования, интеллектуальной собственности, инвестиционных проектов) (ЭиЖ, № 11, март 1996); Рекламное объявление: Юридическая фирма «Литератрон» — *Лицензирование* в кратчайшие сроки (Кур., 2.08.94).

Любая область экономической деятельности, тот или иной тип экономических отношений (купля-продажа, договорные отношения, расчетно-кредитные отношения, страхование, перевозки и др.) предполагают прежде всего наличие *субъектов (контрагентов)* этой деятельности. Поэтому данный участок семантического пространства оказывается

детально «проработанным» в исследуемой терминосфере. Имена «лиц и организаций» распадаются на ряд тематических групп, среди которых можно выделить прежде всего следующие.

1. Имена участников (стороны) тех или иных экономических отношений (референтом могут быть как физические, так и юридические лица¹⁰), например : *продавец — покупатель, кредитор — должник, заимодавец — заемщик, наниматель — наймодатель, арендатор — арендодатель, грузоотправитель — грузополучатель, страховщик — страхователь* и мн. др.

2. Названия новых типов экономических субъектов («государственные и коммерческие структуры»), которые могут выступать в роли участников тех или иных экономических отношений (продавца, покупателя, кредитора, арендатора и т. п.).

Фирма (МТТС) < англ. firm; нем. Firma f. Хозяйственное, промышленное или торговое предприятие, пользующееся правами юридического лица.

В экономике существует достаточно сложная классификация фирм в зависимости от целого ряда параметров, что закрепляется в соответствующих номинативных единицах — словах и словосочетаниях. Назовем наиболее актуальные из них.

По характеру собственности: частные, государственные.

Фирмы, образующие определенные типы монополистических объединений (в зависимости от целей объединения, характера хозяйственных отношений между их участниками, степени их самостоятельности) делятся на: *картели, синдикаты, тресты, концерны, консорциумы, промышленные холдинги, финансовые группы*. Основными формами в современных условиях являются концерны, холдинги и промышленно-финансовые группы.

Концерн (ЛДЧ) Объединение предприятий различных отраслей промышленности, торговых фирм, банков, транспортных и финансовых компаний. При этом К. покупает какую-то часть пакета акций этих самостоятельных предприятий и таким образом устанавливает над ними финансовый контроль. Реальная власть принадлежит головной фирме.

Напр.: Концерн «Газпром», Концерн «Сахар», Концерн «Бумага», Концерн «Белый ветер», Концерн «Русская Недвижимость». (Из газетной рекламы) В настоящее время *концерн БИНИТЕК* инвестирует средства в производство оборудования для нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности (Кур., 16.09.94); Образовавшие кон-

цери заводы охватывают практически весь цикл производства истребителей семейства МИГ и другой авиатехники <...> Кроме того, в объединение вошли двигателестроительные предприятия из Москвы и Санкт-Петербурга, а также «ряд банковских структур» (Фин. изв., 15.03.96); *Нефтяной концерн «Несте»* (Финляндия) намерен продать крупные пакеты своих акций с целью привлечения стратегических инвесторов (ЭиЖ, № 11, март 1996).

Холдинг-Компания (МТТС) < англ. holding company; нем. Holdinggesellschaft f. Акционерное общество, владеющее контрольным пакетом акций юридически самостоятельных банков и небанковских фирм с целью осуществления контроля над их операциями.

Напр.: Методы управления успешным предприятием с числом сотрудников до 10 человек и *холдингом*, состоящим из нескольких фирм с общим персоналом в 200 и более человек, известно, существенно разнятся друг от друга (ЭиЖ, № 11, март 1996).

Финансово-промышленная группа (финпромгруппа, ФПГ) — одна из ведущих в современном мире форм интеграции промышленного, финансового, торгового, страхового, интеллектуального и иного капитала. (Существует многообразие типов ФПГ. В России формирование ФПГ происходило «явочным порядком», еще до принятия закона о ФПГ в ноябре 1995 г.).

Напр.: Математическая модель становления и функционирования *финансово-промышленной группы* (ФПГ) разработана учеными новосибирского Академгородка. Работа выполнена в связи с начавшимся формированием в России подобных центров рыночной экономики (Фин. изв., 20.10.94).

По принадлежности капитала: национальные, иностранные, смешанные — транснациональные (ср. СП — совместное предприятие).

По виду хозяйственной деятельности: промышленные, торговые (торговые дома), транспортные, страховые, инжиниринговые, туристские, арендные, рекламные и нек. др.

Напр.: торговые фирмы — *Торговый дом «Olbi», Торговый дом Фрэш;* посреднические торговые фирмы — *Эксклюзивный дистрибьютор продукции Nintendo* (игровая система) фирма Dendy; фирмы, занимающиеся операциями с недвижимостью (*риэлтерские фирмы* = агентства недвижимости — АН) — Агентство недвижимости «Купон», АН «Доверие», «Домиан», «Вавилон», «Райд», «Царьград», «Гостиный двор», «Гарант», «Первая Ипотечная Компания»; туристические — Туристическое агентство «Открытая Россия» предлагает фешенебельные отели класса четыре звезды в Анталии. Стоимость одного тура для взрослых на две недели — 380 дол. США (Кур., 10.08.94).

По правовому положению в зависимости от характера объединения (лиц или капиталов) и от степени ответственности участников объединения по обязательствам (всем своим имуществом или только вкладом участников): акционерное общество, полное товарищество, товарищество на вере, общество с ограниченной ответственностью. Наибольшее распространение в сегодняшней жизни получили акционерные общества (открытого и закрытого типа) и общества (товарищества) с ограниченной ответственностью (ср. распространенную шутку — *товарищество с неограниченной безответственностью*).

Акционерное общество. Акционерным обществом признается общество, уставный капитал которого разделен на определенное число акций; участники акционерного общества (акционеры) не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им акций (ГК, ч. I, с. 57). **Акционер (ЛДЧ)** Член акционерного общества, вступивший в него посредством приобретения одной или нескольких акций.

Принятые аббревиатуры для данного типа экономических субъектов — АО (А/О), АООТ (акционерное общество открытого типа) и АОЗТ (акционерное общество закрытого типа), например: АО МММ, А/О «Акцент», А/О «Вектор», АО «Концерн «Гермес», АО «Дока-хлеб», АО «Эверест», АОЗТ «Эмаль-ПБА», АО «Консорциум Универсалстрой» и мн. др. (В данной работе мы, естественно, отвлекаемся от вопроса о том, что многие из называемых «участников рынка» уже прекратили свое существование.)

Общество с ограниченной ответственностью. «Общество (товарищество) с ограниченной ответственностью — это форма объединения капиталов. Участники общества несут ответственность по обязательствам общества только своим вкладом и не несут ответственности своим имуществом. Капитал общества с ограниченной ответственностью подразделяется на доли участия — пай <...> Пай дает право его владельцу на участие в общих собраниях пайщиков, на получение дивидендов и части имущества компании при ее ликвидации [Герчикова 1990, 16].

Банки (ПМП) Учреждения, накапливающие денежные средства, предоставляющие займы, ссуды, осуществляющие денежные расчеты, учет векселей, выпуск ценных бумаг и т. д.

Банки (разные по форме собственности) подразделяются в зависимости от характера выполняемых операций: *коммерческие* (привлечение, размещение средств и выполнение посреднических поручений клиентов. Можно заметить, что в реальной речевой практике закрепилось иное противопоставление государственный/коммерческий банк — в

зависимости от формы собственности); *ипотечные* (кредитование под залог недвижимости); *банк-дилер* (банки, ведущие операции с ценными бумагами); *эмиссионные банки* («банк банков», агент правительства по обслуживанию госбюджета, наделен монопольным правом выпуска банкнот — эмиссии, регулирования валютного курса, хранения официальных золото-валютных резервов), ср.:

Банки, как и люди, имеют нередко свою специализацию. Одни сосредоточены на операциях с ценными бумагами. Другие — на кредитовании внешнеторгового оборота, третьи проявляют повышенную активность на межбанковском рынке кредитов. Есть специализации по чисто кассовым операциям: такие банки снабжают другие банки наличной валютой, рублями или, наоборот, инкассируют рублевые средства. Кто-то специализируется в области платежных средств, перерабатывает огромные объемы чеков различных видов, пластиковых карт и т. п. <...> Но есть банки, ориентированные в первую очередь на обслуживание частных лиц и мелких компаний — ритейловые, то есть банки для клиентов (Кур., 3.03.95); Столичный банк сбережений может выступать в качестве *банка-гаранта* по международным сделкам (ЭиЖ, № 11, март 1996).

В данной работе мы не касаемся номенклатурных номинаций конкретных экономических единиц, в том числе названий банков, фирм и т. п., типа Мост-банк, Инкомбанк, Мосдепозитбанк, Тверьуниверсалбанк, Банк Менатеп, Банк Национальный кредит, Банк «Чара» и мн. др.

3. Названия лиц по социальному статусу (роду профессиональной деятельности) и названия «экономических профессий»:

предприниматель, бизнесмен, деловой человек, коммерсант («словное» понятие «новые русские»); *коммерческий директор, менеджер* (на месте старых *управленец, хозяйственный руководитель*)¹¹, *аудитор, секретарь (диспетчер) на телефоне, валютный кассир* и др.; посредники: *брокер, дилер, маклер, дистрибьютор, риэлтер, страховой агент, торговый агент* и др. Ср. объявления о найме на работу (газета бесплатных объявлений «Из рук в руки», 1.12.94): менеджер по сбыту <...>, менеджер по закупке-продаже <...>, менеджер для заключения договоров на поставку <...>, менеджер по работе с агентами и сбыту продукции <...>, менеджер по связям с прессой <...>, менеджер по туризму <...> и др.; агент по всем видам деятельности <...>, агент по всем направлениям <...>, агент по недвижимости <...> (риэлтер. Орфография этого слова не устоялась — риэлтор/риэлтер. Варианты могут соседствовать на одной полосе газеты: Московская ассоциация риэлтеров — Московская ассоциация риэлторов), агент-маклер по недвижимости, агент по аренде квартир <...>, агент по сбыту <...>,

агент по продаже <...>, агент рекламный <...>, агент коммерческий <...>, распространитель рекламы <...>, распространитель косметики <...>. (Сходный род занятий в рекламных объявлениях может обозначаться словами *реализатор, распространитель, дистрибьютор, дилер*.)

Последняя тематическая группа (имена лиц) представляет большой социологический интерес. Дело в том, что радикальные экономические перемены имеют социальные последствия и затрагивают основную производительную силу — человека. Они вызывают существенные перемены в социальной дифференциации общества. В плановой реди-стрибутивной экономике социальная дифференциация определялась отношением к участию в процессе перераспределения. Наряду с системой официально признанных статусов сложилась система стихийно пробивающегося рынка и соответствующий ей набор фигур «теневого экономики» (*теневик, цеховик* и др.). Сегодняшние дни — это время изменения, а нередко и перевертывания и переоценки социальных статусов¹². Это и время срастания равных по рангу официальных и теневых статусов (отсюда коррумпированность власти). Чрезвычайно интересным является процесс формирования новых социальных общностей, вопросы их идентификации и самоидентификации. Процесс формирования сословия «новых русских» носит явно выраженный семиотический характер (в частности, об этом говорят складывающиеся новые формы престижного потребления: проведение досуга, марки автомашины, одежда, прически и нек. др.). Деловых людей, работников охраны в камуфляже, которые стали непременным атрибутом любого офиса, легко узнать в толпе. Ср.: Вот притормозит у какого-то пока государственного офиса его [бизнесмена. — *М. К.*] «девятка» или «вольво», и, свободно ступая дорогими туфлями по прибордюрной жиже, разбрасывая широким шагом длинные полы строгого темного пальто, он проходит, как пишут последние рыцари коммунизма — «теневик» (МН, 10.03.91). Можно заметить, что названные марки машины в настоящее время заметно уступили свое место «мерсам» — «Мерседесу-600».

Особо актуальная и специфическая для данной терминологической сферы зона — **деньги (валюта), денежные знаки, ценные бумаги**.

Деньги как экономическая категория (особый вид товара, служащий всеобщим эквивалентом) имеет целый ряд конкретных «материальных воплощений». В зависимости от типа денежной системы выделяется золотая, серебряная, бумажная валюта (в настоящее время для

большинства стран характерна бумажная валюта и ее материальное воплощение в денежных купюрах и металлических монетах), напр.:

Четыре тонны фальшивых 50-тысячных *купюр* могли обрушиться на российский денежный рынок (Кур., 27.10.94); Центробанк полагает, что введение в обращение *новых долларовых купюр* не вызовет особых изменений в режиме работы обменных пунктов (ЭиЖ, № 11, март 1996); Пожалуй самый лучший способ разрешения вопроса для держателей наличных долларов — это размещение их на валютные вклады, с тем чтобы через определенное время вкладчики могли получить *банкноты нового образца* с процентами (ЭиЖ, № 11, март 1996).

Денежная единица (валюта) делится на *национальную/инострannую, конвертируемую/неконвертируемую/частично (ограниченно) конвертируемую* (например, валюта стран бывшего Союза, она же *мягкая, замкнутая валюта*), напр.:

Конечно, ввозить в Россию лучше *свободно конвертируемую валюту*. На сегодняшний день к таким валютам относятся: доллары США, английские фунты стерлингов, голландские гульденy, швейцарские франки, шведские кроны, итальянские лиры <...> Что касается так называемых *замкнутых валют*, то в обменных пунктах мы встречаем только валюты стран ближнего зарубежья, польские злотые и индийские рупии (Изв.-эксп., 13.03.96).

Номенклатурные знаки денежных единиц: *рубль, доллар, фунт, марка, шиллинг, тенге, лат, манат* и т. д.

Своего рода национальные «эрац-деньги»: (офиц. обозначения) *купоны* (Украина), *зайчики* (Белоруссия); (устн. неофиц.) *суворики, суворовцы* (с изображением Суворова — Молдавия), напр.:

Не так давно власти Приднестровья, дабы оградить себя от наплыва советских денег, а именно такие продолжали хождение в республике, стали наклеивать на червонцы и трешки марки с портретом Суворова. Так родилась местная своеобразная валюта — *суворики*. Однако теперь в Москве были напечатаны собственные оригинальные приднестровские *купоны* с портретом все того же генералиссимуса (Кур., 11.08.94).

Ценные бумаги или *фонды* (англ. foonds). Ценные бумаги (МТТС) <англ. securities; нем. Wertpapiere. Документы, содержащие имущественные права, дающие право на получение определенной части дохода.

Виды ценных бумаг: *акция, облигация, вексель, чек, приватизационные ценные бумаги* и нек. др. [ГК, ч. I, с. 84—85].

Рынок ценных бумаг в России еще только складывается, ср. шуточные газетные заголовки: В России одна ценная бумага — доллар в чулке? (Кур., 9.07.94); «Куколка, но еще не бабочка» — так выглядит

рынок ценных бумаг глазами профессионалов (ЭиЖ, № 11, март 1996). Закон о ценных бумагах принят недавно и, как показывает реальная практика, нуждается в уточнениях. В недавнем прошлом это давало основания для споров о том, являются ли те или иные конкретные акции, векселя действительно ценными бумагами или всего лишь своего рода «лотерейными билетами». Ср. акции МММ (разг. эквивалент *мавродики* — от С. Мавроди, *голубовки* — от Лены Голубков), *немцовки* — акции, выпущенные в Нижегородской области (от фамилии Немцов — нижегородский губернатор).

(Из рекламного объявления) Предлагаются *акции* фабрики «Красный Октябрь». Скоро и вы сможете стать акционером российской фабрики с вековыми традициями. <...> Цена *акций* после размещения может изменяться в соответствии с рыночной конъюнктурой (Изв., 24.11.94); По оценкам дилеров, крупнейшими операторами на рынке ГКО [государственные краткосрочные облигации. — М. К.] сегодня являются такие банки, как Внешторгбанк, Инкомбанк, Сбербанк РФ (Фин. изв., 20.10.94); В течение последних трех месяцев *акции предприятий энергетики* постоянно пользуются спросом на внебиржевом фондовом рынке. Поэтому ведущие российские брокерские фирмы на протяжении последнего времени включают в список *котируемых ценных бумаг* акции крупных предприятий энергетического комплекса (Фин. изв., 27.12.94).; О выпуске *муниципальных бескупонных краткосрочных облигаций (МКО)*, которым отводится роль одного из инструментов работы с городскими долгами, заявил на своей пресс-конференции первый заместитель председателя Комитета экономики и финансов мэрии Санкт-Петербурга Анатолий Зелинский (Фин. изв., 20.10.94); Французская ассоциация *держателей царских облигаций* настойчиво требует, чтобы Париж увязал предоставление новых кредитов России с обязательством заплатить по старым *векселям* (Фин. изв., 19.03.96); Активно в текущем году будет развиваться рынок *векселей*. При этом *банковские векселя* будут потеснены *векселями промышленных предприятий и местных органов власти*. Продолжается формирование системы *вексельных домов* и *учетно-вексельных контор* (ЭиЖ, № 11, март 1996).

Способы номинации

Язык экономики, как и язык любой другой терминологической сферы, не располагает какими-то особыми приемами образования терминов. Он использует те же способы номинации, что и общелитературный язык. Дело в отборе, предпочтительности и удельном весе того или иного способа номинации.

При заполнении актуального номинативного пространства в сфере экономической терминологии отчетливо прослеживаются хорошо известные тенденции выбора мотивированных или полностью немотивированных наименований, ср.: «При массовой номинации характерно стремление к введению или обозначений с «предельной» (в соответствии с возможностями языка) мотивированностью, или же, напротив, таких обозначений, которые с точки зрения существующих в языке отношений оказываются полностью немотивированными» [Способы номинации в современном русском языке 1982, 34]. В соответствии с этими «полюсами» в экономической терминологии продуктивными оказываются прежде всего составные наименования и разные типы сложных слов с прозрачной внутренней формой, с одной стороны, и заимствования, с другой. Предпочтение подобных способов номинации отвечает потребностям точной квалификации элементов терминологического пространства и определяющей тенденции любой терминологии — тенденции к регулярности. Охарактеризуем кратко действие разных способов номинации в экономической терминологии.

Семантическая деривация

В отличие от ряда других терминологических сфер (ср. научно-техническая терминология, терминология наук, в большей степени обращенных к материальному предметному миру — ботаника, география и др.) доля семантических дериватов в экономической терминологии незначительна.

Ряд терминов представляет собой «заимствования» из литературного языка в результате изменения объема значения слова:

расширение значения: *товар, продукт, продавец, покупатель* и нек. др.

сужение значения (один из эффективных способов терминообразования вообще, ср. слова *линия, элемент, процесс, частица* и мн. др.): *операция, оборот, договор, расчет, баланс, счет, дефицит, претензия* (требование, предъявляемое страховщику при наступлении страхового случая) и др. На базе общенаучных терминов (*масса, единица* и др.) возникают терминологические словосочетания — *денежная масса, товарная масса, денежная единица, сегмент рынка* и др.

Ряд терминов, по-видимому, можно трактовать как слова, объединенные «общей идеей», но функционирующие на грани омонимии, ср.: *Авария* (average) (ПМП) <...> ущерб и убытки, причиненные судну, грузу и фрахту в ходе морской перевозки. В данном случае отмечается определенная семантическая связь: действие — результат действия.

Но перевозка при этом не обязательно должна быть сопряжена с реальной аварией, катастрофой.

Случаи обозначений, базирующиеся на метафоре, немногочисленны. (Отчасти по этой причине ниже представлены термины разной структуры — слова и словосочетания.) Нужно отметить, что в большинстве случаев это калькируемая метафора, поэтому многие приводимые примеры могут быть отнесены и к заимствованиям: (антропонимическая метафора при обозначении разного типа взаимосвязанных между собой фирм) *общество-мать, дочерние компании, внучатые компании; пирамида* (способ аккумуляции денежных средств, ср. актуализацию употребления этого слова в связи со скандалами вокруг акционерных обществ и банков, в частности МММ), *атака* (ценовая политика, применяемая компанией, желающей занять лидирующее место на рынке), *снятие сливок* (ценовая политика, используемая при введении нового товара на рынок, когда покупатели платят любые деньги, чтобы его иметь), *замораживать* (кредиты), *успокаивающая цена* (типа 9.99), *эластичная цена* (быстро реагирующая на изменения спроса и предложения), *горячие деньги* («hot money» — перемещение больших масс спекулятивных краткосрочных капиталов между странами в поиске надежного и прибыльного размещения), *короткие деньги* (краткосрочные кредиты), *галолирующая инфляция, валютный коридор* и нек. др. Ср. также ряд номинативных метафор, связанных с биржей: спекулянтов (в экономическом смысле слова), которые играют на повышении цен, называют «быки», а спекулянтов, которые играют на понижении, — «медведи». Место для проведения биржевой торговли — «кольцо» («ring»), «яма» («pit»).

Примеры: Если отвлечься от деталей, то суть обвинений в адрес «МММ» сводится к тому, что «МММ» — это финансовая афера, по терминологии властей *финансовая пирамида*, а потому вообще не имеет права на существование (Кур., 9.09.94); (разъяснение принципа пирамиды) *Мать-одиночка по имени А., безусловно заслуживающая сочувствия и помощи, не желает понимать, что ее доход — это деньги ветерана Б., а доход Б. — это деньги участника ВОВ В., доковылявшего до пункта продажи акций еще через пару недель. Сколько может работать такая «система»? Несколько месяцев. Что и случилось. Принцип этот и называется «пирамида»* (Кур., 17.08.94); Фактически крупнейшие западные банки через свои *дочерние компании* получили доступ к российскому финансовому рынку (Изв.-эксп., 27.12.94); <...> курс доллара не может определяться исключительно соотношением спроса и предложения на биржевых торгах, поэтому вопрос о будущем

валютного коридора увязан с общей экономической политикой правительства (Фин. изв., 28.11.95).

Составные наименования

Составные наименования чрезвычайно продуктивны в сфере экономической терминологии. Со структурной точки зрения это преимущественно словосочетания существительного с определяющим прилагательным, а также существительного с существительным чаще всего в объектном значении: *юридическое лицо, твердая валюта, таможенная пошлина, товарный знак, денежная масса, свободная экономическая зона, приграничная торговля, кредитная карточка, дисконтная карточка* (дающая право на скидки при покупке), *процентная ставка, торговый обычай* или *обычай делового оборота* («Обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе» — ГК, ч. I, с. 6), *страховой полис, страховой случай, товарная биржа, фондовая биржа, валютный курс, коммерческая тайна, текущий счет; сертификат качества, владелец товара, держатель акций, участник сделки, нормы естественной убыли, условия поставки, устроитель торгов, стороны договора, держатель векселя, акцепт векселя* и мн. др.

На основе составных наименований возникают парадигмы, построенные на отношении род-вид, например (ср. также приведенные выше обозначения видов рынка):

Акции	—	простые акции привилегированные акции именные акции предъявительские акции
Капитал	—	заемный капитал ссудный капитал уставный капитал акционерный капитал основной капитал оборотный капитал резервный капитал и нек. др.
Заем	—	внутренний заем

		внешний заем
		государственный заем
		банковский заем
		фирменный заем
		долгосрочный заем
		среднесрочный заем
		краткосрочный заем
Агент	—	промышленный агент
		торговый агент
		страховой агент
		рекламный агент
Биржа	—	товарная биржа
		товарно-сырьевая биржа
		фондовая биржа
		валютная биржа
		межбанковская валютная биржа
Вексель	—	простой вексель
		переводной вексель

К составным наименованиям нерасчлененного типа можно отнести достаточно большую группу существительных. В основе продуктивности данного способа терминообразования лежит тенденция к специализации, уточнению значения. Второй компонент обычно является атрибутом к препозитивному родовому имени: *страна-кредитор*, *страна-должник*, *фирма-производитель*, *акт-извещение*, *клиент-арендатор*, *вкладчик-акционер*, *тара-оборудование*. Ср. также словосложение на основе сочинительных связей — *купля-продажа*. Значительную часть составных существительных составляют заимствования, которые обнаруживают черты регулярности типа *тайм-чартер* (time charter) ('договор о найме судна на срок'), *тайм-шит* (time sheet) ('ведомость учета стояночного времени судна при погрузке и выгрузке').

На основе подобных наименований также возможно возникновение лексических парадигм:

Банк	—	банк-ипотека
		банк-дилер
		банк-эмитент
		банк-корреспондент (банк, выполняющий на основе договора поручения другого банка)
		банк-гарант

банк-акцептант (банк, принявший на себя обязательства уплатить по представленному счету, векселю)

Среди других типов сложных слов в качестве наиболее продуктивных можно выделить следующие:

существительные, образовавшиеся в результате словосложения: *капиталовложения, налогообложение, кредитоспособность, платежеспособность, товароборот, нефтедоллары* и др., а также агентивные существительные типа *товаровладелец, векселедержатель, чекодержатель, грузоотправитель, грузополучатель*;

существительные как результат словосложения в сочетании с суффиксацией (структурно аналогичные вышеприведенным): *чекодатель, наймодатель, рекламодаватель, арендодатель, векселенадписатель, заимодавец* и нек. др.

Как видно из приведенных примеров, для сложных и суффиксально-сложных агентивных существительных характерны прежде всего опорные компоненты с глагольной основой и суф. -тель: *отправитель, получатель, держатель, датель*.

Аффиксальная деривация

В зоне аффиксальной деривации также можно выделить свои словообразовательные доминанты.

СУФФИКСАЦИЯ

Это прежде всего агентивные отглагольные имена существительные с суффиксом -тель: *покупатель, получатель, держатель, предьявитель, доверитель, поручитель, распорядитель, наниматель, страхователь, потребитель* и нек. др.

Важно заметить, что разные стороны экономических ситуаций обычно обозначаются словами, имеющими несовпадающую производящую базу: *грузополучатель — грузоотправитель, арендатор — арендодатель* и т. п. Однако такая ролевая дифференциация в ряде случаев может выражаться и только с помощью суффиксов, ср.: *страховщик* (тот, кто страхует) — *страхователь* (тот, кого страхуют — контрагент). Аналогично: *фрахтовщик — фрахтователь*. (В общем употреблении подобные слова могли бы функционировать в качестве синонимов.) Кроме того заполнение позиций субъекта и контрагента возможно, с одной стороны, аффиксальным существительным, с другой — словосочетанием: *производитель рекламы — рекламодаватель*.

Процессуальные существительные с суф. -аци(я), -изаци(я): *либерализация* (цен), *капитализация* (процентов по вкладам, т. е. начис-

ление процента на процент), *приватизация, ваучеризация, долларизация* и др.

От имен существительных актуальным является образование адъективов, прежде всего с суффиксами -ск-, -н-, -ов- (адъективы обычно используются в составе терминологических словосочетаний): *покупатель — покупательский* (покупательский спрос), *потребитель — потребительский* (потребительская корзина), *брокер — брокерский* (брокерская контора), *аудитор — аудиторский* (аудиторская служба, фирма), *дилер — дилерский* (дилерская сеть), *дистрибьютор — дистрибьюторский* (дистрибьюторское соглашение), *ипотека — ипотечный* (ипотечный банк), *акциз — акцизный* (налог), *маркетинг — маркетинговый* (маркетинговое исследование), *консалтинг — консалтинговый* (консалтинговая фирма, консалтинговые услуги), *диллинг — дилинговый* (дилинговый центр), *лизинг — лизинговый* (лизинговый договор), *демпинг — демпинговый* и мн. др.

ПРЕФИКСАЦИЯ

В сфере именного словообразования в качестве наиболее продуктивных выступают префиксы не-, недо-, пере-, пред-, со-, суб-, под-, ре-: *неплатеж, непроплата, неоплата, неакцепт, недоставка, нерезидент, перестрахование, перепродавец, предоплата, сострахование, совладение, совладелец, субаренда, субпоставщик, субкомиссия, субсчет, субагентский, поднайм, поднаиматель, резкспорт, реимпорт, ремаркетинг, реприватизация.*

В сфере глагольного словообразования можно привести ряд примеров «профессиональных» префиксальных глаголов: *проплатить (проплата), запродать (запродажа).*

Префиксация в сочетании с суффиксацией: *демонетизация* (золота) — 'отказ от золота как средства обращения и платежа'. Этот пример может, по-видимому, быть отнесен к калькам (*demonetization of gold*).

Заменительная префиксация: *девальвация — ревальвация, инфляция — дефляция* ('изъятие из обращения части избыточных денег путем увеличения налогов, продажи государственных ценных бумаг и т. п. как средство борьбы с инфляцией'). Ср. также слово из того же парадигматического ряда, созданное способом контаминации: *стагфляция = стагнация + инфляция.*

Депрефиксация: *безвозмездный — возмездный* (договоры, услуги и т. п.). «Договор, по которому сторона должна получить плату или встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным» [ГК, ч. I. 1995, с. 199].

Словообразовательные парадигмы и гнезда

Производные слова экономической сферы имеют достаточно богатые «словообразовательные связи». Активные словообразовательные процессы идут в сфере новых слов.

На базе новых заимствований возникают словообразовательные пары (ср. *маркетинг* — *маркетинговый*, *лизинг* — *лизинговый*, *консалтинг* — *консалтинговый* и др. — образование прилагательных от сущ. на -инг носит регулярный характер; *офшор* — *офшорный*: *офшорная компания*, *офшорная зона* — ‘зона экономического благоприятствования’; *чартер* — *чартерный* и мн. др.), цепи (ср. *аудит* — *аудитор* — *аудиторский*) и гнезда, напр.:

Инвестировать	----	инвестирование	
	----	инвестиция	---- инвестиционный
	----	инвестор	
Приватизировать	----	приватизация	---- реприватизация
			---- деприватизация
			---- приватизационный
	----	приватизатор	
	----	приватизированный	
Спонсировать	----	спонсор	---- спонсорство
	----	спонсорский	
	----	спонсируемый (субстантиват)	
Дилинг	----	дилер	---- дилерский
	----	дилинговый	

(Хронологически слово *дилер* стало употребительным раньше, чем слово *дилинг*.)

Актуализация употребления старых слов может формировать новые словообразовательные парадигмы (ср. *рынок* — *рыночный*, «*рыночник*» — ‘сторонник «рынка»’).

Типичными, «регулярными» для экономической терминологии гнездами являются отглагольные с замещением позиций именами действия, актантными существительными и адъективами (в вершине гнезда — экономический предикат; в состав гнезда включены причастия, входящие в терминологические словосочетания), напр.:

Арендовать	----	аренда	----	арендатор
			----	арендодатель
			----	арендный
			----	субаренда

	----	(арендованный)	
	----	(арендуемый)	
Нанимать	----	наем	----

	----	наемщик	
	----	наниматель	----
Занимать	----	заем	----

	----	заемщик	
Страховать	----	страхование	----

	----	страховщик	
	----	страхователь	
	----	перестраховать	----

	----	страховой	----
	----	(страхуемый)	----
Лицензировать	----	лицензирование	
	----	лицензия	----

	----	(лицензирующий)	
Комиссия	----	комиссионер	
	----	комитент	
	----	комиссионный	

Аббревиация

Данный способ номинации проявляет высокую продуктивность в экономической терминологии, особенно в сфере номенклатурных знаков (обозначений субъектов рынка — фирм, бирж, компаний; разного вида ценных бумаг и нек. др.).

Приведем наиболее употребительные аббревиатуры: АО (акционерное общество), АООТ (акционерное общество открытого типа), АОЗТ (акционерное общество закрытого типа), ТОО (товарищество с ограниченной ответственностью), СП, МП, ИЧП (индивидуальное частное предприятие), НПО (научно-производственное объединение), ТНК (транснациональная корпорация), ЕТТ (единый транзитный тариф), МТТ

(международный транзитный тариф), НДС (налог на добавочную стоимость), ЧИФ (чековый инвестиционный фонд — аббревиатура актуализировалась в период чековой приватизации), НПФ (негосударственные пенсионные фонды), ФПП (финансово-промышленная группа), СКВ, ОКВ (ограниченно конвертируемая валюта) и мн. др.

Номенклатурные знаки: МВФ (Международный валютный фонд), ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), ЦБ (Центральный банк), ЦБР (Центральный банк России), ММВБ (Московская межбанковская валютная биржа), РТСБ (Российская товарно-сырьевая биржа), ГКО (государственные краткосрочные облигации), ОГСЗ (облигации государственного сберегательного займа) и мн. др.

Выделяется группа аббревиатур-заимствований, отражающих разные аспекты в ситуации международных перевозок. Это международные коммерческие термины, в частности: СИФ (стоимость, страхование, фрахт, англ. cost, insurance, Freight), ФОб (свободно на борту судна, free on board), ФАС (свободно вдоль борта судна, free alongside ship).

Заимствования

Доля заимствований в экономической терминологии очень значительна. Это объясняется во многом самим характером экономической деятельности. Многие экономические ситуации имеют реальный международный характер (ср. внешняя торговля, таможня, перевозка и нек. др.). Кроме того нужно учитывать, что во многих языках «рыночная» терминология представляет собой сложившиеся терминосистемы, «предлагающие» узусальные обозначения, которым не всегда можно найти удобный однословный эквивалент.

Сфера заимствований включает имена экономических субъектов (лиц и «действителей»), экономические предикаты и их номинализации, видовые обозначения тех или иных экономических ситуаций (напр., конкретные виды аренды) и родовых экономических категорий (типа налог, цена). Среди заимствований можно выделить старые и новые. Заимствования могут быть разных структурных типов (однословные, составные, сложные).

Приведем ряд примеров:

Акцепт (СИНС) [*лат. acceptus принятый*] (**МТТС**) < *англ. acceptance; нем. Akzept n.* Согласие на оплату или гарантирование оплаты денежных, расчетных, товарных документов или товара; согласие заключить договор на предложенных условиях.

Акцептант (СИНС) [*лат. acceptans (acceptantis) принимающий*] (**МТТС**) < *англ. acceptor; нем. Akzeptant m.* Лицо, принявшее на себя обязательство уплатить по представленному счету, векселю.

Оферта (СИНС) [*< лат. offertus предложенный*] — формальное предложение определенному лицу заключить сделку с указанием всех необходимых для ее заключения условий.

Оферент (СИНС) — лицо, выступающее с офертой.

Тендер (англ. tender) (ПМП) Предложение на поставку товара, оказание услуг, строительство объекта при проведении торгов.

Ипотека (СИНС) [*< гр. hypothēkē залог, заклад*] *<...>* залог недвижимого имущества (земли, строений и др.) для получения ссуды.

Акциз (СИНС) [*фр. accise < лат. accidere обрезать*] — вид косвенного налога на товары массового потребления (напр., на сахар, чай, табачные изделия); включается в цену соответствующего товара или плату за услуги.

Акция (СИНС) [*фр. action*] — ценная бумага, выпускаемая акционерным обществом и дающая право ее владельцу на получение определенного дохода (дивиденда) из прибыли акционерного общества.

Полис (СИНС) [*фр. police < ит. polizza расписка, квитанция*] — свидетельство, выдаваемое страховым обществом лицу или учреждению, застраховавшему в нем что-либо, и содержащее условия заключенного договора о страховании.

Аviso (СИНС) [*ит. avviso*] — банковское извещение, посылаемое одним контрагентом другому, об изменениях в состоянии взаимных расчетов или переводе денег, посылке товаров.

Аудитор (СИНС) [*< лат. auditor слушатель*] (МТТС) Лицо, проверяющее состояние финансово-хозяйственной деятельности акционерных компаний и имеющее специальное разрешение (полномочие) от государственных органов. *<...>* В функции аудитора входят не только контроль, но и консультации.

Брокер (СИНС) [*англ. broker*] — посредник при заключении сделок, специализирующийся по определенным видам товаров или услуг.

Маклер (СИНС) [*нем. Makler*] — посредник при заключении сделок на фондовых, товарных и валютных биржах.

Дилер (МТТС) *< англ. dealer; нем. Jobber m, Dealer m.* Лицо (фирма), осуществляющее биржевое или торговое посредничество за свой счет и от своего имени. Обладает местом на бирже, производит котировку любых бумаг.

Дистрибьютор (МТТС) *< англ. distributor; нем. Distributor m.* Фирма, осуществляющая сбыт на основе оптовых закупок у крупных промышленных фирм-производителей готовой продукции.

Клиринг (СИНС) [*англ. clearing*] — система безналичных расчетов путем зачета взаимных требований и обязательств.

Трансферт (СИНС) [фр. *transfert* < лат. *transfere* переносить, переводить] (МТТС) 1. Перенос сделки с одного счета на другой. 2. Перевод денег из одного финансового учреждения в другое или из страны в страну. 3. Перевод именных бумаг с одного владельца на другого.

Образования на -инг составляют достаточно многочисленную группу среди заимствований — *маркетинг*, *холдинг*, *консалтинг* ('консультирование по широкому кругу вопросов экономической деятельности'), *инжиниринг* ('сфера деятельности по проработке вопросов создания объектов промышленности, инфраструктуры, прежде всего в форме предоставления на коммерческой основе различных инженерных услуг'), *лизинг* ('долгосрочная аренда оборудования, машин, сооружений производственного назначения'), *хайринг* ('среднесрочная аренда машин и оборудования без передачи права собственности на товар арендатору'), *демпинг* ('вывоз товаров из страны за границу по ценам, более низким, чем цены внутри этой страны или на мировом рынке, в целях устранения конкурентов и захвата внешних рынков'), *факторинг* ('продажа права на взыскания долгов').

У некоторых многозначных экономических терминов в общем употреблении может актуализироваться одно из значений, напр.:

Презентация (МТТС) 1. Предъявление переводного векселя лицу, обязанному совершить платеж. 2. Представление фирмы, предприятия, товара с целью ознакомления или рекламы.

Примеры некоторых составных наименований: *тайм-чартер*, *тайм-шэр*, *тайм-шит*, *соло-вексель* (простой вексель), *шоп-тур*; ср. приводившиеся выше обозначения типов банков — *банк-ипотека*, *банк-эмитент*, *банк-дилер*, *банк-гарант*, *банк-акцептант*, а также лексика из сферы расчетных отношений — *дебет-нота*, *кредит-нота*, *кросс-чеки*, *жиро-чеки*.

Некоторые старые заимствования могут актуализироваться в составе сложных слов: *бизнес-трест*, *бизнес-центр*, *бизнес-образование*, *бизнес-план*, *бизнес-круиз*, *бизнес-тур*, *бизнес-шоу*, *бизнес-клуб*, *бизнес-элита*, *бизнес-кроссворд* (слово *бизнес* приобретает черты аналитического прилагательного).

Терминологические эквиваленты

Не останавливаясь специально на причинах существования и оценке дублетов и терминологических эквивалентов, укажем основные их разновидности:

сделка — операция
расходы — затраты

девальвация — обесценивание
 оферент — предлагатель
 гарант — поручитель
 инвестор — вкладчик
 коммерция — торговля
 контракт — договор — соглашение
 реестр — кадастр — лист
 тратта — переводной вексель
 дивиденды — проценты по вкладам
 оферта — предложение заключить сделку
 негативный спрос — отрицательный спрос
 страховой полис — страховое свидетельство
 банк-эмитент — эмиссионный банк
 банк-ипотека — ипотечный банк
 товарная номенклатура — номенклатура товаров
 потребительская цена — цена потребителя
 договорные условия — условия договора (контракта)
 денонсирование — денонсация
 инвестор — инвеститор
 оф-шор — офшор
 риэлтер — риэлтор
 дистрибьютор — дистрибьютер (редко)
 оферта — офферта
 АО — А/О
 валютная котировка — котировка

Ср. также разговорные эквиваленты как результат стяжения: страховка — страховое возмещение, страховые платежи, страховое свидетельство (полис).

Жаргонные эквиваленты терминов

Социальные условия, вовлеченность самых широких слоев населения в стихию рынка способствуют формированию жаргонных эквивалентов целого ряда экономических понятий, терминов и проникновению их в сферу общеупотребительной лексики. Своеобразным транслятором жаргонной терминологии являются в наши дни средства массовой информации, прежде всего газеты.

Назовем наиболее употребительные жаргонизмы: *крутить* ('пускать в оборот'), *навар* ('прибыль'), *накрутка* ('включение в платеж-

ный документ, в цену товара невыполненной работы'. Ср. приписка), *наехать, наезд* ('рәкет'), *в улет* ('моментально' — *товар уходит в улет*), *вложиться* (стяжение — 'вложить деньги в банк или какое-либо дело'), *подсесть* ('оказаться в затруднительном положении' — *банк, фирма подсели*; ср. *батарейки, аккумулятор подсели*), *провалиться* ('обанкротиться'; ср. «обвал» рубля — 'стремительное падение курса'), *лежачий* (город, завод и т. п. — 'находящийся в крайне тяжелом экономическом положении', 'не работающий'; ср. *лежачий больной*), «*челноки*», напр.:

Готовятся меры по усилению фискального давления на «*челноков*» — физических лиц-импортеров. Нормы беспошлинного ввоза товаров на территорию России частными лицами, вероятно, будут снижены с 2 до 1 тыс. долларов (ЭиЖ, № 11, март 1996); Известно, что дивиденды выплатили своим акционерам очень небольшое число ЧИФов — в основном те, что «*крутили*» ваучеры на биржевых торгах (Кур., 30.08.94); Важен факт: господствующее в столице пресловутое «право аренды» дает чиновничеству простор выбора арендатора не по принципу удобства для москвичей, а по *навару* в городскую казну (Кур., 24.08.94).

Жаргонизмы, связанные с расчетными и торговыми отношениями (нередко это профессионализмы, вышедшие в широкое употребление, ср. в рекламном объявлении — *обналичим рубли, проплата валютных контрактов*): *нал, безнал, черный нал, белый нал, опт, мелкий опт, розница, самовывоз, с колес* (товар уходит «с колес», минуя склад), *чейндж* (пункты обмена валюты). Ср. также слова, обозначающие денежные единицы — *деревянный* (рубль), *зеленый, баксы* (доллар). Шутливая номинация *лимон* реально вытеснила в сфере непринужденного общения слово *миллион*, напр.:

Этим решением часть предпринимателей из сферы официального денежного оборота выталкивается в «*черный нал*» (Кур., 4.08.94); Фирма «Транс Коммодитиз» дорожит своей репутацией, мы законопослушны и ведем только «*белый*» бизнес (ЭиЖ, № 11, март 1996); Вполне понятно, что не сразу, но очень скоро цены побегут вслед за «*зеленым*» (Кур., 11.10.94); (заголовок) Нагрели на 50 «*лимонов*» (Кур., 12.08.94).

Системная организация экономической лексики

Типы экономических отношений и соответствующие им тематические группы лексики. Конкретные формы экономических ситуаций и

набор их участников. Состав валентностей экономических предикатов и разные способы их реализации.

Экономика — это прежде всего сфера материального производства и сфера отношений, в которые «втягиваются» участники тех или иных экономических ситуаций. Экономическая лексика в соответствии с этим может быть объединена в тематические группы, отражающие разные типы экономических отношений (отношения производства/потребления, договорные отношения, торговые отношения, таможня, расчетно-кредитные отношения, научно-технические услуги, авторское право и нек. др.).

Каждому из типов экономических отношений соответствует определенный набор конкретных экономических ситуаций (например, договорные отношения — купля-продажа, аренда, наем жилого помещения, страхование, подряд, комиссия, перевозка, поручение и нек. др.), которые регламентируются гражданским законодательством.

Особенностью экономических ситуаций является четкая разработанность актантной структуры. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что экономические отношения, соответствующие рыночной модели экономики, принципиально «диалогичны» по своей природе и предполагают всегда две стороны, партнеров, т. е. для них типична реализация валентностей субъекта и контрагента¹³. Недаром в экономической литературе две стороны договорных отношений именуется равноправно — «контрагенты», ср.: «Контрагентами в международной торговле называются стороны, находящиеся в договорных отношениях по купле-продаже товаров или оказанию различного рода услуг» [Герчикова 1990, 13].

Предикаты, обозначающие разнообразные экономические ситуации, являются, как правило, многоместными. Актантные существительные, соответствующие тому или иному предикату, наряду с валентностями субъекта и контрагента обычно реализуют валентности объекта (чаще не одного), срока, а также посредника и получателя. Описание экономической терминологии через модель управления соответствующего той или иной ситуации предиката позволяет рассматривать ее как определенным образом организованную терминосистему¹⁴. Ср. модель управления глагола *арендовать* [Апресян 1974, 134]:

1—A-Sub.	2—C-Obj-1.	3—B-Contrag.	4.—D-Obj-2.	5.—T-Period
S-им. обязат.	S-вин.	у S-род.	за S-вин.	1. на S-вин. 2. сроком на S-вин.

Для терминологии (по сравнению с общеупотребительной лексикой аналогичных тематических групп) характерна более детальная проработанность тех или иных актантных значений, их внутренняя дифференциация и формы реализации семантических валентностей. Рассмотрим ряд типичных экономических ситуаций (при их описании опираемся на трактовку, представленную в Гражданском Кодексе Российской Федерации [ГК, ч. I. 1995, ч. II. 1996]).

В основе различий многих экономических ситуаций лежит характер изменения имущественных прав — прав собственности в результате реализации тех или иных экономических отношений. В одних случаях право собственности переходит от одного участника к другому в полном объеме (т. е. право владения, пользования и распоряжения). В подобных ситуациях обычно отсутствует представление о сроке (купля-продажа, дарение, пожертвование). В других случаях три отношения собственности могут «распределяться» между «действующими лицами» (аренда, кредит, хранение и нек. др.)

Купля-продажа

«По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену)» [ГК, ч. II, с. 7].

Итак, для ситуации купли-продажи необходимыми являются следующие участники:

продавец	—	субъект
покупатель	—	контрагент
товар	—	первый объект
плата (цена)	—	второй объект

Конкретное заполнение позиции первого объекта представляет по сути открытый ряд, который может группироваться по типам товаров (см. об этом выше — рынки товаров и услуг) в соответствии с соотношением «род-вид». Товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи.¹⁵

Для ситуации купли-продажи возможно заполнение валентности места (которая не является семантической, т. е. обязательной для предиката купли-продажи). Это конкретные виды рынка, где совершаются сделки купли-продажи: *биржа* (и ее типы), *аукцион*, *торги*, *ярмарки*.

Кроме того ситуация купли-продажи предполагает возможность появления фигуры посредника (валентность, производная от валентности субъекта), который выступает в роли продавца или покупателя:

биржевые маклеры, брокеры, дилеры, риэлтеры, торговые агенты, коммиссионеры и нек. др.

Комиссия

Одним из типов договорных отношений посреднического характера, когда одна сторона действует по поручению другой стороны, является комиссия.

«По договору комиссии одна сторона (коммиссионер) обязуется по поручению другой стороны (комитента) за вознаграждение совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента» [ГК, ч. II, с. 259].

Следовательно, модель управления будет включать следующих участников:

коммиссионер	—	субъект
комитент	—	контрагент
товар		
(предмет комиссии)	—	первый объект
коммиссионное вознаграждение,		
коммиссионные (плата)	—	второй объект

Действие от своего имени объединяет коммиссионера с другими коммерческими посредниками — брокерами, дилерами и т. п. и, наоборот, отличает от других посредников, действующих в том числе и в сфере предпринимательской деятельности, но от имени другого лица. Это договорные отношения поручения и представительства, ср.:

«По договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия. Права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя» [ГК, ч. II, с. 252].

«Сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого» [ГК, ч. I, с. 101]. В качестве представителя, полномочия которого явствуют из обстановки, могут выступать, напр., *продавцы, кассиры* в розничной торговле.

Мена

«Ближайшим родственником» ситуации купли-продажи является ситуация мены. К договору мены обычно применяются правила купли-продажи.

«По договору мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар в обмен на другой» [ГК, ч. II, с. 66]. Действия двух сторон договора являются тождественными. Следовательно, в ситуации мены, в отличие от ситуации купли-продажи, принимают участие не субъект и контрагент, а два субъекта. Объекты мены товар-1 и товар-2 предполагаются равноценными, поэтому объектная валентность — плата (цена товара) в ситуации мены не реализуется. Следовательно, ситуация мены предполагает следующие актанты:

одна сторона	—	субъект
вторая сторона	—	субъект
товар-1	—	первый объект
товар-2	—	второй объект

По схеме мены построены бартерные сделки (бартер), а также столь актуальные сейчас в условиях «кризиса неплатежей» системы взаимозачетов, клиринговых операций.

Бартерная сделка (МТТС) англ. barter; нем. Bartergeschäft n. Товарообменная операция с передачей права собственности на товары без платежа деньгами (натуральный обмен).

Дарение

Дарение отличается от купли-продажи тем, что вторая сторона (одаряемый) приобретает права собственности безвозмездно, т. е. в ситуации дарения отсутствует представление о втором объекте — плата (цена).

«По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемый) вещь в собственность <...>» [ГК, ч. II, с. 68]. Таким образом, ситуацию дарения определяют следующие участники:

даритель	—	субъект
одаряемый	—	получатель
дар	—	объект

Частным случаем дарения является пожертвование, которое характеризуется представлением о цели совершаемого действия, т. е. пожертвованное имущество может быть использовано только в соответствии с указанным жертвователем назначением (ср. *жертвовать на что*). Адресатом пожертвований могут быть различные субъекты гражданского права — граждане, учебные и воспитательные учреждения, музеи и т. п.

Пожертвование идентично меценатству. Безвозмездный характер помощи отличает меценатство от спонсорства. Спонсорство — это один

из видов предпринимательской деятельности, направленной на благо как самого спонсора, так и получателя его помощи. Чаще всего спонсор и спонсируемый выступают в качестве *рекламодателя* и *рекламораспространителя*, а спонсорский вклад — это *плата* за рекламу.

Хранение

В ситуации хранения лишь одно из отношений собственности — **владение** «делегуруется» субъекту действия. Право пользования и распоряжения вещью остается за контрагентом. Ср.: «Хранитель не вправе без согласия поклажедателя пользоваться переданной на хранение вещью, а равно предоставлять возможность пользования ею третьим лицам, за исключением случая, когда пользование хранимой вещью необходимо для обеспечения ее сохранности и не противоречит договору хранения» [ГК, ч. II, с. 212].

«По договору хранения одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности» [ГК, ч. II, с. 209]. Следовательно, ситуация хранения предполагает следующих участников:

хранитель	—	субъект
поклажедатель	—	контрагент
вещь	—	первый объект
вознаграждение за хранение (плата)	—	второй объект
день, месяц, год и т. п.	—	срок

Для ситуации хранения возможно заполнение валежности места — это имена конкретных «хранилищ». В последнее время наряду с привычными видами хранения (хранение на товарном складе, в камерах хранения транспортных организаций, ломбарде и нек. др.) на рынке услуг активно внедряются новые специальные виды хранения — хранение ценностей в банке, хранение ценностей в индивидуальном банковском сейфе.

Аренда

В отличие от договора купли-продажи, при котором право собственности в полном объеме переходит от продавца к покупателю, аренда сохраняет за арендодателем право собственности. В ситуации аренды к субъекту аренды — арендатору на определенный срок переходят права на два из отношений собственности — **владение** и **пользование**.

«По договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество

за плату во временное владение и пользование или во временное пользование» [ГК, ч. II, с. 82].

Круг объектов аренды широк. Объектом аренды может быть не только недвижимость [ср. Апресян 1974, 120]. В аренду могут быть переданы земельные участки, предприятия, здания, оборудование (конторское, полиграфическое, средства вычислительной техники и обработки информации и т. п.), подъемно-транспортное и дорожно-строительное оборудование, транспортные средства (самолеты, вертолеты, суда), а также товары потребительского назначения (автомобили, холодильники, видеотехника и т. п.). Аренду жилого помещения (наем жилого помещения) Государственное законодательство трактует отдельно от других типов аренды — см. ниже. Итак, ситуация аренды предполагает следующих участников:

арендатор	—	субъект
арендодатель	—	контрагент
объект аренды	—	первый объект
плата	—	второй объект
день, год и т. д.	—	срок аренды

В зависимости от конкретизации валентности первого объекта и срока выделяются разные виды аренды.

Прокат. По договору проката арендодатель предоставляет арендатору *движимое* имущество во временное владение и пользование для *потребительских целей*.

Лизинг (МТТС) < англ. leasing. Долгосрочная аренда оборудования, машин, сооружений производственного назначения. Валентности субъекта и контрагента замещаются словами *лизингополучатель* и *лизингодатель*.

Хайринг (МТТС) < англ. hiring. Среднесрочная аренда машин и оборудования без передачи права собственности на товар арендатору.

Рентинг (МТТС) < англ. renting. Краткосрочная аренда машин и оборудования без права их последующего приобретения арендатором.

Финансовый лизинг. Особый вид аренды. «По договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование для предпринимательских целей» [ГК, ч. II, с. 107—108].

Предметом договора финансовой аренды не могут быть земельные участки и другие природные объекты. В условиях финансового лизин-

га арендатор имеет права и обязанности покупателя, кроме обязанности оплатить приобретенное имущество.

Ситуация аренды может «перерасти» в ситуацию купли-продажи, если законом или договором аренды предусмотрен выкуп арендованного имущества по истечении срока аренды или до него при условии внесения арендатором выкупной цены. Ср. одну из форм современной торговли: (рекламное объявление) Промавтолизинг. Автомашины Ока, Таврия, Москвич в рассрочку. Ср. также: Премьер московского правительства Ю. Лужков принял решение о внедрении в предпринимательстве системы лизинга. Малые предприятия смогут теперь получать в аренду оборудование, приобретенное за счет средств правительства Москвы. Юридически разрешена передача в собственность оборудования, находящегося по лизингу у бизнесмена, при условии выплаты всей суммы, определенной лизинговым договором <...> Срок действия лизинга — от одного года до восьми лет (Кур., 21.12.94).

Наем жилого помещения

«По договору найма жилого помещения одна сторона — собственник жилого помещения или управомоченное им лицо (наймодатель) — обязуется предоставить другой стороне (нанимателю) жилое помещение за плату во владение и пользование для проживания в нем» [ГК, ч. II, с. 109—110].

В ситуации найма жилого помещения актуализируется следующий набор участников:

наниматель	—	субъект
наймодатель	—	контрагент
жилое помещение (квартира, жилой дом или их часть)	—	первый объект
квартирная плата	—	второй объект
год, пять лет и т. п., пожизненное владение	—	срок

Валентность срока при найме государственного или общественного жилищного фонда обычно определяется правом пожизненного владения (нанимателя или членов его семьи, к которым это право переходит в случае его смерти или выбытия).

Позиция субъекта может заполняться словом *квартиросъемщик*.

Безвозмездное пользование

Устранение из ситуации аренды (аренды движимого имущества) представления о плате дает ситуацию безвозмездного пользования. «По договору безвозмездного пользования (договору ссуды) [ср. приводимое ниже понятие ссуды как кредита. — М. К.] одна сторона (ссудодатель) обязуется передать или передает вещь в безвозмездное временное пользование другой стороне (ссудополучателю), а последняя обязуется вернуть ту же вещь в том состоянии, в каком она ее получила, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором» [ГК, ч. II, с. 118].

Ситуации безвозмездного пользования соответствует следующий набор актантов:

ссудополучатель	—	субъект
ссудодатель	—	контрагент
вещь	—	объект
месяц, год и т. п.	—	срок

Кредит

Сфера расчетно-кредитных отношений является одной из важнейших областей экономической деятельности, обеспечивающей нормальное функционирование экономики в целом. Она включает в себя достаточно разветвленную систему разных видов расчетов и кредитов, которым соответствует «подробная» терминология. Так, выделяются тематические подгруппы, включающие в себя обозначения разных видов расчетов (наличные/безналичные) и конкретные формы их реализации (напр., *авизо, денежный перевод, инкассо* и мн. др.), а также названия платежных документов (*деvisы, вексель, чек, кредитная карточка* и др.). Одной из «базовых» экономических ситуаций этой сферы являются кредитные отношения.

«По кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее» [ГК, ч. II, с. 176]. Следовательно, ситуация кредитования предполагает следующих участников:

кредитор	—	субъект
заемщик (должник)	—	контрагент

денежная сумма		
(кредит)	—	первый объект
проценты (плата)	—	второй объект
месяц, год и т. п.	—	срок

Конкретная реализация названных актантов позволяет выделить разные виды кредитов. Напр., если кредитором выступает банк — *банковский кредит*. В зависимости от реализации валентности срока обычно выделяются следующие виды кредитов: *краткосрочный, среднесрочный, долгосрочный*. В зависимости от конкретной денежной формы кредита — *рублевый, валютный кредит*. Заполнение позиции второго объекта (проценты) дает такие обозначения, как *льготный кредит* и т. д.

Заем

Ситуация займа близка к ситуации кредита (к отношениям по кредитному договору в Гражданском законодательстве применяются те же правила, что и по договору займа). Однако она выстраивается с позиций контрагента (должника) — ср. предикаты *занимать, одалживать* ('брать займы'). Кроме того, в ситуации займа иная реализация валентности первого объекта — *деньги и другие вещи*.

«По договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодатцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества» [ГК, ч. II, с. 171].

заемщик	—	субъект
займодавец	—	контрагент
денежная сумма		
и вещи (займ)	—	первый объект
проценты (плата)	—	второй объект
месяц, год и т. п.		— срок

Если заемщиком в договоре займа выступает государство, то заем является *государственным*.

Ссуда

Та же ситуация займа (но с позиции займодавца) описывается предикатом *ссудать*.

Ссуда (МТТС) Передача материальных ценностей или денег одними участниками договора займа другим на условиях возврата и, как правило, с уплатой процента.

ссудодатель	—	субъект
ссудополучатель	—	контрагент
ссуда	—	первый объект
проценты (плата)	—	второй объект
месяц, год и т. п.	—	срок

Банковский вклад

Ситуация банковского вклада может быть рассмотрена сквозь призму кредитных отношений. Тогда ее участники займут следующие позиции:

вкладчик	—	субъект (выступает в роли кредитора)
банк	—	контрагент (выступает в роли заемщика-должника)
вклад	—	первый объект (денежная сумма, кредит)
проценты (плата)	—	второй объект
месяц, год и т. п.	—	срок

В зависимости от разных характеристик выделяются *вклады валютные, рублевые; срочные* и др.

Страхование

Экономическая сущность страхования состоит в создании за счет взносов страхового фонда для возмещения возможного ущерба. Предметом страхования может быть жизнь, здоровье (личное страхование); имущество (движимое и недвижимое) и разнообразные имущественные интересы — риск ответственности по обязательствам, риск предпринимательской деятельности и др. В реальной ситуации предмет страхования приобретает разнообразные формы материального воплощения.

Ситуация страхования достаточно сложна по своей актантной структуре.

«По договору **имущественного** страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы

(страховой суммы)» [ГК, ч. II, с. 229]. Названным актантам могут быть приписаны следующие роли:

страховщик	—	субъект
страхователь	—	контрагент
предмет страхования	—	первый объект
страховая премия	—	второй объект (сумма, выплачиваемая страхователем страховщику при заключении договора)
страховое возмещение	—	третий объект (сумма, выплачиваемая страховщиком страхователю при наступлении страхового случая)
страховая сумма	—	четвертый объект (определенная договором стоимость предмета страхования)
страховой случай	—	условие (условие выполнения договора страхования)
год и т. п.	—	срок

Рассмотрение экономической терминологии в контексте конкретных экономических ситуаций позволяет обнаружить системные отношения в данной лексической сфере, проявление тенденции к регулярности. Такое описание дает возможность наглядно представить лексические ряды, отражающие типовые названия участников ситуации. Так, позиции субъекта и контрагента в разных ситуациях заполняются следующими словами:

купля-продажа	продавец	—	покупатель
комиссия	комиссионер	—	комитент
поручение	поручитель	—	поверенный
дарение	даритель	—	одаряемый
хранение	хранитель	—	поклажедатель
аренда	арендатор	—	арендодатель
лизинг	лизингополучатель	—	лизингодатель
наем	наниматель	—	наймодатель
безвозмездное пользование	ссудополучатель	—	ссудодатель
кредит	кредитор	—	заемщик
заем	заемщик	—	займодавец
ссуда	ссудодатель	—	ссудополучатель

банковский вклад	вкладчик (кредитор)	—	банк (заемщик)
страхование	страховщик	—	страхователь
перевозки	грузоотправитель	—	грузополучатель
фрахт	фрахтовщик	—	фрахтователь

С ф е р ы ф у н к ц и о н и р о в а н и я э к о н о м и ч е с к о й л е к с и к и

Сферы функционирования экономической лексики. Параметры, определяющие основные «разновидности экономической речи». Тексты разной функциональной принадлежности. Комментарий.

В наши дни экономическая терминология вышла далеко за границы «естественной среды обитания» — сферы профессионального общения. Ее употребление актуализируется в широком спектре коммуникативных ситуаций и соответствующих им типах и жанрах речи. Конституирующим фактором, объединяющим все «разновидности экономической речи», является фактор темы, т. е. это экономикка во всех ее ипостасях. Тема, фрагмент действительности, стоящей за текстом, и определяет присутствие в нем экономической терминологии. Прочие параметры могут варьироваться: форма речи (письменная/устная); тип общения (личное/публичное, непосредственное/опосредованное, официальное/неофициальное); характер заполнения позиций говорящий/адресат (в зависимости от реализуемой в акте коммуникации социальной роли, от количественных показателей — один/много и качественного наполнения этих показателей); коммуникативные интенции партнеров, во многом определяющие характер речевого жанра (жанры чисто информативного, аналитического, полемического, побудительного характера и др.). Многообразные сочетания названных параметров могут давать разные типы текстов, в которых представлена экономическая терминология.

Естественно, центральной зоной функционирования экономической лексики является специальная речь (в письменной/устной форме). В этом случае партнеры коммуникации выступают как носители одной социальной роли (это речь профессионалов для профессионалов). Замещение позиции адресата «неспециалистами» дает разные типы научно-популярной речи. Разговор на экономические темы в бытовом повседневном общении — типичная примета времени [Китайгородская, Розанова 1994]. В подобных случаях партнеры коммуникации — неспециалисты, «экономисты поневоле», в активный словарный запас

которых попадают экономические термины (*ваучер, приватизация, крупные купюры, курс доллара* и т. п.). Неперсонифицированный массовый адресат характерен для средств массовой коммуникации (письменной — газеты, журналы; устной — радио, ТВ). При этом одни издания (передачи) рассчитаны на специалистов, другие на широкого читателя (зрителя, слушателя). Массового адресата имеют и некоторые жанры городской речи — вывески, объявления (купля-продажа, найм, обмен, услуги и др.), устная уличная реклама и нек. др. Особой зоной функционирования экономической лексики является литература — мемуарная и художественная.

В работе в качестве материала, отражающего «жизнь» экономической терминологии в разных типах речи, приводятся фрагменты текстов разной функциональной принадлежности (тексты строгих жанров специальной речи привлекались в качестве иллюстративного материала, поэтому в данном разделе они не используются).

Массовая коммуникация

Средства массовой информации в настоящее время служат основным «инструментом» внедрения экономической лексики и экономических знаний. Велика доля экономической тематики на ТВ. Это информационный жанр — новости на канале «Деловая Россия», образовательные программы, экономическое шоу «Деньги... Деньги? Деньги!!» Телевидение формирует и новые типы экономического поведения, напр. покупка по заказу рекламируемого товара — телемагазин, «Магазин на диване».

Телевизионная реклама активно вторгается в повседневную жизнь, расходуется в цитатах. Напомним лишь некоторые из них: «Ну очень смешные цены!», «Мы сидим, а денешки идут!», а также знаменитая реклама АО МММ: *Куплю жене сапоги!; Хорошая прибавка к пенсии!; Это больше чем стипендия. Это лучше чем стипендия!; И это только начало!; Я не халявщик — я партнер! Свообразным ретранслятором телевизионной рекламы становятся газеты. Реплики телевизионной рекламы дают названия рубрикам, напр., в «Курантах»: Мы плохого не посоветуем (реклама АО МММ). Они цитируются в заголовках (часто переиначенные): У «МММ» все больше проблем (Кур., 17.08.94) (ср. рекламный девиз — У «МММ» нет проблем!); Богатства не обещаем, убыток гарантируем (Кур., 6.10.94) (ср. Богатства не обещаем, достаток гарантируем); Я не партнер — я халявщик (Газета российского бизнесмена, 6—12.03.96) (ср. Я не халявщик, я партнер — знаменитая реплика Лени Голубкова). Ср. также: Кстати, впервые победительни-*

цей конкурса «Look of the Year» стала русская. Все-таки прав был Ляня Голубков: наши девушки лучше (Кур., 17.09.94).

Однако основной массив рекламных объявлений составляют специализированные письменные издания — журналы, газеты, рекламные приложения и т. п., напр.: «Рынок», «Товары и цены», «Услуги и цены», «Оптовик», популярная газета рекламных объявлений «без посредников» «Из рук в руки», рекламные издания по отдельным группам товаров, напр. «Стройка» и мн. др. По сравнению с телевизионной рекламой, где значительная часть рекламного пространства отводится «расхваливанию» товара и побуждению к его приобретению (с достаточно стандартным набором аргументов), реклама в названных изданиях в подавляющем большинстве случаев имеет чисто информативный характер.

Экономическая проблематика, экономическая терминология присутствует не только на страницах специальных изданий (прежде всего газет, напр., «Экономика и жизнь», «Финансовая газета», «Коммерсант daily», приложения к газете «Известия» — «Финансовые известия», «Экспертиза» и др.), но и на газетной полосе большинства популярных газет.

Употребление терминов может сопровождаться толкованиями, напр.: Вышел в свет первый советский журнал по вопросам аудита и контроллинга. <...> Термин «контроллинг» объединяет управленческий и бухгалтерский учет и анализ хозяйственной деятельности на уровне предприятия (Ъ, 25.02.91). Контексты с толкованиями характерны для популярных изданий, напр.: Московский банк Сбербанка России начинает работу с жилищными накопительными системами (минимальный взнос — 300 долларов США), процентная ставка — 5% годовых с ежеквартальной капитализацией процентов, то есть начислением процента на процент (Кур., 24.02.95).

Популяризация экономических знаний стала одной из примет современной прессы. Типичны статьи, посвященные новым типам экономических ситуаций и отношений, новым профессиям, экономической проблематике в историческом, мемуарном освещении и т. п.

В качестве иллюстрации приведем фрагменты из статьи В. Антонова «Вексельное обращение» (Биржевой вестник, 15.05.91), рассказывающей о векселе как одном из важнейших финансовых инструментов, активно внедряемом сейчас в систему расчетно-кредитных отношений, в том числе и с частными лицами. (Ср. типичное рекламное объявление: Европейский финансовый альянс. Принимает денежные

средства от населения путем размещения векселей с начислением до 1500%. Эмиссия векселей застрахована за счет компании. На каждый вексель выдается банковская гарантия (Кур., 2.08.94). Статья в доступной для широкого читателя форме вскрывает суть вексельного обращения. Степень адаптации экономического содержания к фонду знаний рядового читателя можно установить при сравнении со специальными текстами строгих жанров (см., например, проект федерального закона о вексельном обращении — опубликован в *ЭиЖ*, №№ 7—11). Так, например, круг лиц, обязанных по векселю, существенно расширяется. Это не только названные в статье В. Антонова *владелец векселя, векселедержатель*, но и *акцептант, векселедатель, индоссант, авалист*.

Приводимый текст имеет характерное для популярных жанров тематическое строение. Введение в тему — место вексельного обращения в системе расчетно-кредитных отношений. Краткая историческая справка. Толкование самого понятия векселя и описание сути вексельного обращения. Введение понятия простого и переводного векселя (когда право требовать по векселю переходит к другому лицу).

В тексте отмечены следующие экономические термины: *расчетно-кредитные отношения, банк, контрагент, сделка, кредитная реформа, кредитование, расчеты, командно-управляемая экономика, вексель, долговое обязательство, уплата, сумма денег, вексельная бумага, владелец векселя, векселедержатель, договор, продукция, услуги, поставщик, кредитор, индоссамент, передаточная надпись, платеж*.

«Расчетно-кредитные отношения могут быть организованы двумя способами: через банки либо непосредственно между контрагентами по сделкам.

После проведения кредитной реформы 1930 года кредитование и расчеты проводились только через банки. Второй способ организации расчетно-кредитных отношений не применялся, что соответствовало требованиям командно-управляемой экономики. До революции и в период спада этот способ был широко развит, важнейшей формой его реализации был вексель.

Вексель представляет собой долговое обязательство об уплате некоторой суммы денег в определенное время и в определенном месте. Такое обязательство составляется на специальной вексельной бумаге, которую владелец или векселедержатель получает в уплату по договору за продукцию или услуги. Полученный вексель может быть использован его владельцем для расчетов со своими поставщиками или кредиторами путем так называемого индоссамента или передаточной надписи на обороте векселя, означающей, что право требовать уплаты по

векселю переходит к новому лицу. Подобная операция может осуществляться неограниченное количество раз, поэтому когда наступает срок уплаты по векселю, лицо, выдавшее его, будет отвечать не перед тем, кому оно такой вексель выдало, а перед тем, у кого этот вексель окажется к моменту платежа».

Средства массовой коммуникации становятся не только популяризаторами экономических знаний. Они пытаются воздействовать на читателей, рекомендуя модели поведения в новой экономической реальности (куда вложить ваучер, кому доверить деньги и др.). Жанр рекомендаций и предостережений является одним из популярных. Ср. характерные заголовки: Если бы путевку выбирал я... Несколько рекомендаций профессионала (Изв.-эксп., 13.03.96); Ваш вклад застрахован, а деньги не вернуть. Что же необходимо знать потенциальному страхователю, которым является каждый вкладчик, при получении страхового полиса (Изв., 16.11.94); Что же делать продавцу квартиры, чтобы его не надули? (Кур., 17.09.94).

Образцом столь актуального жанра предостережения-рекомендации («как не стать жертвой мошенника») может быть текст из газеты «Из рук в руки» — 1.12.94. Текст насыщен лексикой, связанной с разными типами экономических отношений, которая стала частью общепотребительного словаря — *предложения о работе, трудоустройство, деньги, предоплата, услуги, фирма, лицензия, перевести на счет, наложенный платеж*:

«Редакция газеты «Из рук в руки» предупреждает:

За некоторыми объявлениями с предложениями о работе может стоять корыстное желание бесчестно нажиться на Вашем стремлении решить проблему с трудоустройством.

Редакция газеты «Из рук в руки» рекомендует:

— категорически отказаться от предложения (переданного вам по телефону или почтой) переслать по какому-либо адресу, перевести на какой-либо счет деньги в качестве предоплаты за какие-либо услуги, инструкции и т. п., а также принимать предложения переслать Вам всякого рода инструкции, анкеты и т. п. наложенным платежом;

— при личном контакте с представителями фирм, занимающихся трудоустройством, обязательно требуйте лицензию, подтверждающую право заниматься такого рода деятельностью».

Устная речь

Специальная речь в ее устной форме в зависимости от разнообразия коммуникативных ситуаций подразделяется на целый ряд жанров.

В работе приводятся записи речи трех известных экономистов — Н. Шмелева, Г. Явлинского и недавно ушедшего из жизни В. Селюнина. Н. Шмелев и В. Селюнин являются также писателями, публицистами, т. е. владение словом — неотъемлемый атрибут их профессии. Г. Явлинский в последние годы стал профессиональным политиком. Приводимые записи отражают нашу недавнюю историю — время, когда рыночные реформы еще не начались. Тем интересней и очевидней становится тот этап преобразований, который уже пройден. Записи относятся к разным жанрам: научно-популярная речь (В. Селюнин), публичное выступление на съезде народных депутатов СССР (Н. Шмелев), телевизионное интервью (Г. Явлинский).

В. Селюнин. (Из выступления в Институте русского языка РАН. Февраль 1991 года, вскоре после обмена крупных денежных купюр, получившего название «павловская реформа». Отвечает на вопрос об индексации.)

Комментарий

Текст имеет следующее тематическое строение (тематические границы выделены абзацами): Индексация. Ее определение. Наглядное представление термина («допустим если...»). Оценка этой экономической меры («это самый неудачный способ социальной защиты»). Аргументация оценки. Историческая справка (неизбежна ли эта мера? — на примере Германии). В данный тематический блок вклинивается ассоциативное отступление по поводу бывшего тогда премьер-министром Павлова. Будет ли индексация у нас и хорошо ли это («нам/ к сожалению не обойтись без этого»). Доходы каких социальных групп необходимо индексировать. Аргументация позиции.

Содержательная сторона текста, его четкая композиционная выстроенность, речевые приемы, облегчающие понимание экономической материи неспециалистами, говорят о В. Селюнине как о блестящем мастере научно-популярного жанра.

Текст показателен по своим лексическим характеристикам.

Предикатная лексика представлена типичными экономическими предикатами: *увеличиваться, рост, вырасти, дать больше (денег), дороже, увеличивать, зафиксировать, гарантировать (рост)*.

«Предметная» номинация, имена действия — это специальная экономическая терминология и лексика социологической сферы (обозначения разных социальных групп, «государственная» лексика):

индексация, полная индексация, индексировать, доходы, цены, (десять) процентов, инфляция, спираль инфляции, раскручивающаяся спираль инфляции, гиперинфляция, деньги, зарплата, потолок заработ-

ной платы, потребительский рынок, сфера материального производства, предприятия (казенные, кооперативные, семейные), рост (цен, стоимости жизни), развал экономики;

государство, решения государства, способ социальной защиты, конституционно, закон, административное решение, командно-административная система, конституционный запрет, закон о запрете индексации, инвалиды, пенсионеры, работающий пенсионер, государственные служащие, учитель, офицер, рабочие места.

Устный характер текста и «нестрогость» жанра определяет наличие в тексте типичных для устной речи синтаксических построений, стилистически отмеченных лексических единиц (*отпустили вожжи, сырые и убогие* и нек. др.).

Текст

Значит вот об индексации// Индексация/ это я поясню/ э-э когда денежные доходы автоматически увеличиваются решениями государства в меру роста стоимости жизни/ то есть в меру роста цен// Если цены выросли на-а десять процентов за месяц/ то и доходы государство увеличивает на десять процентов//

Значит/ это самый неудачный способ социальной защиты/ индексация// Мы здесь получаем э-э по спирали раскручивающаяся спираль инфляции// Жизнь подорожала/ мы дали больше денег// Э-э настолько же больше денег// Значит э-э деньги эти/ денег много/ значит наваливаются на-а потребительский рынок/ там все снова дорожает/ еще увеличиваем деньги/ начала крутиться эта спираль//

Есть страны где индексация запрещена конституционно/ законом запрещена/ например Германия// Ну я думаю вы поняли почему// Живы еще люди/ которые помнят э-э инфляцию/ развал экономики в Веймарской республике// И уж много людей/ которые застали э-э распад/ послевоенный распад// Вот там тоже все индексацией значит занимались// Ее пресек Гитлер/ это было в ноябре тридцать шестого года/ там было принято чисто административное решение/ вот командно-админист... административная система/ ой нехорошее сопоставление/ но-о то что вот Павлов сейчас предлагает// Они зафиксировали цену и зарплату в ноябре тридцать шестого года// И индексация соответственно не... не требовалась// После в-войны/ когда-а значит все эти начальники/ кто сам себя убил/ значит кто арестован был/ то значит отпустили вожжи/ и началась эта значит гиперинфляция/ и/ э-э продолжалась до сорок девятого года/ до того как вот план Эрхарда начал осуществляться/ в-в Германии// Вот там-то и был конституционный запрет/ закон был принят о за... запрете э-э индексации/ то есть государство не-не гарантирует//

Но нам/ к сожалению/ не обойтись без этого// Надо только вычлени-
 нить чьи доходы мы будем индексировать// Первые/ это сырые и убо-
 гие// Инвалиды/ пенсионеры/ причем не все пенсионеры// Работаю-
 щий пенсионер он может еще себя защитить// Ему полной индексации
 не положено во всяком случае// Государственные служащие/ тут при-
 дется индексировать доходы// Почему? Учитель не пойдет подрабаты-
 вать во вторую смену/ ему нужно тетрадки проверять// Офицер не
 пойдет работать после того как он э-э-э закончил служебный свой день/
 не пойдет не потому что он такой гордый/ но в военных городках там
 просто делать... не... не/ нету рабочих мест нету/ а то бы надо было
 заставить и офицера работать// Положение в стране отчаянное// Значит
 государственных служащих// Но все кто занят в сфере материального
 производства/ неважно на казенных предприятиях/ на кооперативных/
 на-а семейных и так далее/ никакой индексации/ ни копейки// Обес-
 печь/ защити себя сам// Мы/ вместо индексации/ снимаем все потол-
 ки заработной платы//Зарабатывай// Сколько д-д... зарабатывай//

Н. Шмелев. (Фрагменты выступления на Внеочередном третьем
 съезде народных депутатов СССР, посвященном вопросу об учрежде-
 нии поста президента СССР. Март 1990 г.)

Комментарий

Выступление Н. Шмелева относится к жанру публичного моноло-
 га, реализуемого в сфере политической коммуникации. Адресат речи
 (депутаты) является коллективным и гетерогенным с точки зрения
 профессиональной подготовленности для восприятия экономической
 информации и коммуникативным установкам (на контакт или конфрон-
 тацию с выступающим), ср.: «Я понимаю что крестьянские руководи-
 тели меня колхозные не поддержат...». Ср. с другой стороны — апло-
 дисменты как форма выражения согласия с выступающим. В речи
 Н. Шмелева реализуется установка на кооперативность общения с залом
 (ср. многочисленные случаи употребления инклюзивного «мы»).
 Текст имеет много «примет» (в частности, прямые обращения к залу),
 которые говорят о его диалогической природе, т. е. это «диалог в
 монологе».

Информативное содержание выступления подчинено стремлению воз-
 действовать на адресата, убедить его в своей правоте. Отсюда публицисти-
 ческий характер речи, отбор соответствующих речевых средств (экспрес-
 сивная, часто сниженная, фразеология, метафоры, оценки и т. п.):

*нам сейчас не до жиру, необходимо перестать сидеть на двух сту-
 льях, перебиваться с хлеба на квас, весь сыр-бор идет о том..., поста-
 вить на кон;*

вылезти из ямы, в которую мы попали; в экономике мы построили сумасшедший дом и продолжаем жить по законам сумасшедшего дома;

замшелые идеологические догмы, грабительский уровень цен, опять нервы, опять самоедский подход;

(закон) не успел родиться, а фактически уже парализован; пред-приятие, которое высунулось из рядов; стремление задушить, удушить все; президент нам нужен не для того, чтобы давить голодные бунты.

В тексте отчетливо реализуются побудительные коммуникативные установки говорящего (*Может быть поставить на кон/ рискнуть <...>; Пора кончать с этой искусственной поддержкой лежащих хозяйств <...>; Необходимо перестать оглядываться на каждом шагу на те замшелые идеологические догмы <...> и др.*).

В выступлении прослеживается тезисный принцип построения текста. Его тематическое развертывание идет в следующем направлении. Выступление начинается с «обязательной части» — ответа на поставленный на съезде вопрос об утверждении поста президента СССР («я хочу недвусмысленно поддержать установление президентской власти в нашей стране»). Далее следует аргументация позиции (президентская власть как политическое условие успешности экономических преобразований). Затем Н. Шмелев переходит к «своей» теме — рассмотрению экономических проблем, которые неизбежно придется решать президентской власти. Это проблемы выбора пути экономических преобразований («необходимо перестать сидеть на двух стульях»), освобождения экономики от идеологии, а также создания законодательной базы (налоговое законодательство, закон о собственности), которая бы дала простор новым формам экономической жизни. Заключительная часть перекликается с темой вступления («зачем нам нужен президент»).

Характер синтаксического построения, оговорки, повторы и некоторые другие погрешности речи обусловлены устной формой речи, условиями протекания речи (дейтнот — «Я сейчас тороплюсь...»), а также эмоциональным напряжением оратора.

Тема выступления — кризисное состояние экономики и пути его преодоления — обуславливает присутствие экономической и политической лексики:

экономика, развал экономики, кризис, формы экономической жизни, аренда, закон, доходы, налоговые нормы, ценовая реформа, финансовая реформа, двойные цены, закупочные цены, хозяйство, лежащие хозяйства, малые производственные хозяйства, товарная продукция, товарный фонд продукции, кооператив, государственный сектор,

общественная и частная собственность, акционерная собственность, эксплуатация, эксплуататор, предприятие, мелкие частные предприятия, эксплуатация, рабочая сила, наемная рабочая сила, фермеры, технические разработки, научно-технический прогресс, сфера обслуживания;

государство, президент, правительство, правительственные круги, двойственная политика, многопартийная система, договор о федерации, прямые выборы, политические гарантии, юридическая система, закон.

Текст

Товарищи! Я/ хочу недвусмысленно поддержать/ установление президентской власти в нашей стране// Это нужно нам и в долгосрочном историческом плане/ в такой многонациональной сложной стране всегда должен быть верховный арбитр/ избранный всем народом// Это особенно нужно нам и исходя из того/ я надеюсь/ краткосрочного кризиса/ в котором мы сейчас находимся//

<...> все больше и больше мы ощущаем вакуум/ решимости/ вакуум политической воли/ и вакуум власти/ в наиболее болезненной сфере/ в экономике/ где процесс развала экономики/ развала под воздействием ошибок совершенных уже в новое время/ мы пока не можем ни остановить/ ни даже по-моему/ заметно при-тормозить// Вот на-а тех экономических проблемах/ которые неизбежно придется как мне кажется решать президентской власти/ я и хотел бы остановиться//

Я глубоко убежден что-о/ сегодня для нас/ проблемой номер один является наше ухудшающееся экономическое положение// Мы должны/ сказать/ всю правду как бы она горька ни была// В экономике мы построили сумасшедший дом/ и мы продолжаем жить/ по законам сумасшедшего дома// И пока мы не вернемся к нормальному/ человеческому здравому смыслу/ нормальным человеческим законам/ экономической жизни/ мы из этого кризиса в котором мы находимся не/ не/ не выйдем//

<...> Что мне кажется сейчас наиболее всего необходимо? Необходимо наконец определиться// Необходимо наконец перестать сидеть на двух стульях// Необходимо перестать оглядываться на каждом шагу на те/ замшелые идеологические догмы которые нас держат/ и/ вернуться к тому что/ все что/ эффективно экономически/ все полезно/ все должно быть// Потому что нам сейчас/ не до жира/ не до идеологических так сказать споров// Лишь бы вылезти из этой/ из этой ямы/ в которую мы попали// Нам прежде всего необходимо дать наконец простор тем нормам/ тем новым формам экономической жизни/ которые так пытаются пробить себе дорогу/ и так/ и так это получается с тру-

дом// Я имею в виду тот самый закон об аренде/ который/ не успел родиться а фактически уже парализовав/ я имею в виду движение к акционерным формам/ я имею в виду и психологию/ многих наших правительственных кругов// Например/ очень много будет зависеть/ от того закона о налогах/ который сейчас разрабатывается и видимо скоро будет принят// Но в этом законе опять старая психология/ что/ правительство/ не/ зада.../ первой задачей правительства не обеспе... не то чтобы обеспечить максимальный рост доходов в стране/ неважно откуда он произошел/ лишь бы/ его было больше// А удушить все// И/ личность/ и предприятие которое высунулось/ из/ из рядов// Я хочу заранее предупредить// Те нормы налоговые/ которые закладываются в новый на... налог это не стимулируют (поправляется) закон/ это не стимулирующие активность и эффективную работу экономическую нормы/ а это опять/ стремление за-ду-шить// (аплодисменты)

<...> Я понимаю что крестьянские руководители меня колхозные не поддержат/ но пора кончать с этой искусственной поддержкой лежачих хозяйств за счет двойных цен// Это/ одновременно конечно/ необходимо повысить и закупочные цены// Это понятно// Грабительский уровень сейчас// Но и искусственная поддержка через цены/ когда только благодаря ей/ семьдесят процентов примерно наших хозяйств кое-как перебиваются с хлеба на квас/ наверное надо оставить их самим себе// Пусть/ либо самораспускаются/ либо отдают землю фермерам/ малым производственным хозяйствам/ не от них зависит товарный фонд продукции в стране// Тридцать процентов хозяйств дают восемьдесят процентов товарной продукции в стране// Семьдесят дают двадцать// Может быть поставить на кон/ рискнуть эти двадцать процентов/ но создать атмосферу нормальной/ творческой так сказать деятельности и в нашей деревне// Освободить ее наконец от всех остатков крепостничества//

Я хочу выразить свое несогласие и с двойственной политикой правительства в отношении кооперативов// Опять нервы/ опять идеология/ опять самоедский подход к этой проблеме// Они нам не нравятся// Какая-то часть из них воры/ но если уж на то пошло самый главный вор в нашей экономике/ это государственный сектор// <...> Кооперативы за... менее чем за три года увеличили производство с двух миллиардов до сорока миллиардов э-э рублей// И/ этот темп/ если этот темп сохранится/ если этот темп сохранится/ в этом году будет прирост почти такой же/ как дает государственный сектор производства//

Далее/ я хотел бы все-таки высказаться несколько слов/ по поводу так назы... нашего нового закона о стоимости// (поправляется) О собственности// Правительство навязало этому закону шестой пункт/ где

э-э о недопущении эксплуатации// Опять мы обманываем самих себя// Самый свирепый эксплуататор у нас/ и был и есть/ это государство// Без эксплуатации ни одна экономика жить не может// Мы возвели в абсолют конфликт/ который во всем мире/ уже постепенно снимается// Конфликт между общественной и так называемой частной собственностью// По сути дела/ вся.../ весь сыр-бор идет о том/ позволить/ мелкие частные предприятия/ с числом рабочей силы скажем/ пятьдесят/ ну/ максимум сто человек/ де... действовать в тех областях/ где они дают максимальный эффект// Это/ в области/ научно-технического прогресса/ технических разработок/ и/ в сфере обслуживания// Можно установить государственный так сказать потолок// Дошли до ста/ человек наемных рабочей силы/ пусть это будет потом акционерная/ акционерная собственность//

Точно также/ я очень тороплюсь сейчас/ но/ нам не обойтись без таких непопулярнейших исключительно трудных шагов/ как ценовая реформа/ хотим мы этого или не хотим но дело с места не сдвинется без нее/ нам необходи... не обойтись без глубокой финансовой реформы//

<...> Конечно стоит вопрос/ и я понимаю/ о гарантиях// Но в первых гарантии это процесс товарищи// И в будущем/ если у нас будет многопартийная система/ если мы решим...э-э/ новый договор о федерации/ если прямые выборы/ я думаю что достаточно будет политических гарантий// Но даже не это главное// Что бы мы ни писали на бумаге/ главная гарантия/ и единственная гарантия/ если изменится жизнь к лучшему// Если она не изменится к лучшему/ любая идеальная система юридическая все равно рухнет// Нам нужен президент не для того чтобы давить голодные бунты/ а нам нужен президент для того чтобы как-то помочь жизнь сделать лучше// Спасибо за внимание//

Г. Явлинский. (Фрагменты телевизионного интервью, которое дал Г. Явлинский Б. Курковой после заседания круглого стола по проблемам экономики. Апрель 1991г.)

Комментарий

Жанр интервью предполагает интерактивное взаимодействие партнеров в форме «вопрос — ответ», ориентированное на двойного адресата (непосредственного собеседника и массового зрителя).

Тематическое развитие текста подчинено логике мысли. В первом фрагменте это ответ на вопрос — как вы оцениваете антикризисную программу правительства. Следует четко аргументированный ответ, опирающийся на понятие кризиса и характеризующих его составляющих. Оценка программы естественным образом вытекает из этих рас-

суждений. Вопрос, который послужил стимулом для ответа во втором фрагменте, сформулирован достаточно неопределенно: К. Вот скажите пожалуйста/ как вы относитесь к тому что он [акад. Шаталин. — М. К.] сказал/ что мы зубами вообще не вгрызались в тех кто/ дробил нашу программу («500 дней»)? И что теперь/ мы будем стоять как говорится за новую/ программу/ насмерть// Вот/ как вы собираетесь стоять на смерть? Явлинский переводит этот вопрос в плоскость рассуждений о стратегии и тактике осуществления экономических реформ и четко определяет свою позицию.

Для Г. Явлинского характерно ясное, подчеркнуто логичное построение речи с четко проработанной системой условных, причинно-следственных связей, вербализуемых союзами: <...> если это программа антикризисная/ то первое что мы должны увидеть/ и должны понять/ что такое кризис/ какие его составные части//; Раз я вижу теперь задачу/ значит я должен делать шаг в этом направлении//; <...> оказалось нет/ следовательно <...> и др.

Речевое поведение Г. Явлинского отличается непринужденностью, быстротой интерактивной реакции (что особенно проявилось в последние годы в его политической деятельности). Его речи свойственны метатекстовые отступления, говорящие о внимании к слову, готовности и умении пошутить, вступить в языковую игру:

Я именно употребляю слово *катастрофа* хотя я не люблю сильные слова; И теперь я уже спокойно могу говорить это слово (инфляция) не-е э-э нуждаясь в специальных объяснениях потому что любой может выйти на улицу и увидеть что такое когда растут цены и ничего нет на прилавках//; <...> я не... не считаю что обязательно все надо делать насмерть/ я вообще-то считаю что чем больше людей не умирает тем лучше/ вот/ э-э и поэтому вот эта терминология/«бороться»/ «на-смерть»/ «отдать все силы» / и все другое/ вот она у меня вызывает улыбку/ потому что мне всегда кажется/ ну отдам я все силы/ дальше что будет? (К. смеется) Потом-то что?

Образное словоупотребление, помогающее наглядно представить предмет своих профессиональных интересов, является отличительной особенностью языковой личности Г. Явлинского:

Я. <...> А дальше принцип велосипеда// К. Двигаться вперед// Я. Двигаться/ и все время двигаться// Все время/ в экономике/ помогать политике/ политике помогать экономике/ тогда он едет// Иначе падает//; Вот это и есть инфляция// Это очень опасно/ вообще в мире ее называют социальным раком// Потому что он имеет такие метастазы/ эта болезнь/ которые распространяются на все// На общественную жизнь/ на политическую жизнь/ и так далее и так далее// Вот/ это

очень опасно//. Можно заметить, что медицинская сфера — одна из изблюбленных зон в ассоциативном пространстве: Мы получили прививку в Тбилиси/ мы получили прививку в Вильнюсе/ нас постоянно прививают то в Средней Азии/ то в Северной Осетии/ К. Ну почему/ 28 марта [дата первого ввода в Москву танков. — М. К.] нас и в Москве пытались привить// Я. Вот э-э/ да/ шприц заготовили значит большой// Вот (со смехом) мы даже подошли к этому шприцу вот/ показали как мы будем прививаться если что//

Тема интервью определяет лексические характеристики текста. В нем представлена следующая специальная лексика:

экономическая — экономика, экономическая программа, антикризисная программа, экономические реформы, кризис, бюджет, казна, спад производства, производство продукции, безработица, инфляция, цены, деньги, банкротство, внешний платежный баланс, долги, внешний долг;

политическая — общественная жизнь, политическая жизнь, политическое устройство, страна, политическая конструкция страны, механизм реализации, общество, конфликт, переговоры, история, память одного поколения, договор, безоговорочная капитуляция.

Текст

К. В ближайшее время будет представлена программа/ и даже когда мы с вами выйдем уже в эфир она/ собственно будет и обсуждена// Программа которую вы читали// Программа президента/ выхода из кризиса// Как Вы ее оцениваете?

Я. Ну/ я думаю что это/ она называется «Программа действий кабинета министров СССР э-э по преодолению кризиса»// Вот/ как-то так// Вообще если говорить серьезно/ у меня есть такое впечатление/ что нам показали что-то не то/ что будет на самом деле что-то другое// Мне трудно воспринимать программу в которой нет/ ни одной цифры// Вернее там так// Там есть цифры/ значит одна цифра обозначает 1991 год/ потом есть цифра обозначающая второй квартал/ потом третий// А больше никаких цифр в Программе вообще нет//

К. Вы человек который кажется э-э стереотипами такими не заслонен// Это ведь раньше цифры были/ но они ничего не значат//

Я. Это верно// Это верно/ но все-таки в экономической программе/ когда ее называют антикризисной/ нужно/ хотя бы в анализе/ не обязательно говорить что мы достигнем э-э там того-то того-то в какой-то период / но мы обязательно должны оценить ситуацию/ сделать некоторый прогноз хотя бы на короткий промежуток времени// И-и показать людям за что мы берем ответственность// За какие так сказать шаги/ в какой мере/ мы собираемся это преодолевать или действовать

и так далее// Вот/ поэтому мне кажется что наверно/ э-э у кабинета есть что-то еще// Потому что не может быть чтобы это было все// Но/ дело вообще говоря не в этом//

Дело в том что/ если эта программа антикризисная/ то первое что мы должны увидеть/ и должны понять/ что такое кризис/ какие его составные части// Э-э как минимум мы должны определить/ чисто с профессиональной точки зрения/ положение дел в следующих основных моментах//

Первое/ катастрофа с бюджетом// Я именно употребляю слово *катастрофа* хотя я не люблю сильные слова потому что я действительно не знаю как это назвать// Значит/ э-э председатель Госбанка СССР/ министр финансов СССР/ председатель Госкомцен СССР написали и подписали такую бумагу о том что казна пуста// И раздали ее депутатам// Это всем известно/ да? В России тоже поняли/ о чем мы с вами говорили несколько месяцев назад/ что вся эта история с бюджетом была м-м как бы ее помягче назвать/ вобщем было не то что надо// Короче и там с бюджетом не получилось/ и с бюджетом не получилось нигде// Значит надо что-то с ним делать// Вот начинаем рассуждать об этом//

Вторая проблема это спад// Все-таки мы ожидаем спад 12 процентов в первом квартале/ это много//

К. Спад производства//

Я. Спад производства/ да// Это много/ это значит уже двенадцать процентов/ на двенадцать процентов уменьшилось производство продукции// Раз у нас такой спад/ значит нам/ грозит/ безработица// Значит она уже проявляется в чем-то/ она вот вам третья проблема/ это безработица//

Четвертая проблема это инфляция// И теперь я уже спокойно могу говорить это слово не-е э-э нуждаясь в специальных объяснениях потому что любой может выйти на улицу и увидеть что такое когда растут цены и ничего нет на прилавках// Это значит что его деньги просто не нужны// Вот это и есть инфляция// Это очень опасно/ вообще в мире ее называют социальным раком// Потому что он имеет такие метастазы/ эта болезнь/ которые распространяются на все// На общественную жизнь/ на политическую жизнь/ и так далее и так далее// Вот/ это очень опасно//

Ну и наконец// Страна/ близка к банкротству во внешнеэкономических делах/ вот э-э это внешний э-э баланс/ платежный/ значит мы в долгах/ мы не знаем как их платить// Ну/ вот скажем/ бюджет/ спад/ безработица/ инфляция/ внешний долг// Вот/ признаки кризиса// Вот признаки э-э которые если их соединить все вместе/ они же действуют дополняя друг друга/ тем самым усиливая/ вот это и есть то

состояние в которое мы попали// Имеется в виду что программа должна ответить на эти вопросы//<...>

К. Шаталин когда вы получали премию/ вот последнюю/

Я. Всего одну//

К. за программу «500 дней»/ ну пусть одну/ но все-таки была премия// Не знаю насколько она престижна/ но

Я. Она очень приятна//

К. Хорошая/ да/ премия//

Я. Приятно/ да//

К. И телефон подарили вам/ тоже/ да//

Я. Телефон/ особенно было приятно тем у кого нет телефона дома//

К. (смеется) Понятно//

Я. Дома у него есть теперь телефон/ аппарат в смысле/ но номера по-прежнему нет//

К. Вот скажите пожалуйста/ как вы относитесь к тому что он сказал/ что мы зубами вообще не вгрызались в тех кто/ дробил нашу программу? И что теперь/ мы будем стоять как говорится за новую/ программу/ насмерть// Вот/ как вы собираетесь стоять насмерть?

Я. Я лично собираюсь ст... вообще-то я не... не считаю что обязательно все надо делать насмерть/ я вообще-то считаю что чем больше людей не умирает тем лучше/ вот/ э-э и поэтому вот эта терминология/ «бороться»/ «насмерть»/ «отдать все силы» / и все другое/ вот она у меня вызывает улыбку/ потому что мне всегда кажется/ ну отдам я все силы/ дальше что будет? (К. смеется) Потом-то что? Как быть? Вот/ э-э это значит/ что действительно/ была такая мысль// Что/ политическое устройство/ политическая конструкция страны/ позволит начать серьезные экономические реформы// Оказалось нет// Следовательно/ в смысле Шаталина для меня «стоять насмерть» это значит/ не сказать что все/ все пропало/ в таких условиях экономикой заниматься незачем/ все// А это значит/ что ну/ раз я вижу теперь задачу/ в том чтобы к этой программе снабдить ее механизмом реализации в политическом смысле/ значит я должен делать шаги в этом направлении// И мобилизовать своих коллег/ своих товарищей/ на то чтобы мы подумали и предложили э-э обществу или кому/ как пройти этот период/ как избежать э-э конфликта вот того который никому не... невозможно будет пережить//

Ну/ вот я сегодня говорил// Все войны кончаются переговорами// Нельзя ли как-то вот сразу перейти к переговорам? Ведь мы же получили прививку// Мы получили прививку в Тбилиси/ мы получили

прививку в Вильнюсе/ нас постоянно прививают то в Средней Азии/ то в Северной Осетии/

К. Ну почему/ 28 марта нас и в Москве пытались привить//

Я. Вот э-э/ да/ шприц заготовили значит большой// Вот (со смехом) мы даже подошли к этому шприцу вот/ показали как мы будем прививаться если что// Ну хватит// Ну хватит// Ну у нас такая короткая история// Мы так недавно прошли э-э все/ даже я не могу словами передать// В конце двадцатых/ в тридцатых/ в сороковых/ в пятидесятых// Ну/ ну совсем же недавно/ это же память одного поколения// Давайте попробуем/ один раз// Зная/ что в конце всякой войны/ договор// Я уже говорил сегодня// Даже/ даже при безоговорочной капитуляции все равно дело кончается переговорами// Ну давайте/ договоримся что/ сразу мы это дело перейдем/ и сразу перейдем к переговорам// Ну вот// А дальше принцип велосипеда//

К. Двигаться вперед//

Я. Двигаться/ и все время двигаться// Все время/ в экономике/ помогать политике/ политике помогать экономике/ тогда он едет// Иначе падает//

Мемуарная литература

Мемуарная литература позволяет взглянуть на события сегодняшнего дня сквозь призму дней минувших и увидеть среди нового много хорошо забытого старого.

Чрезвычайно интересный материал по развитию предпринимательского дела в России в конце XIX — начале XX века в России содержит книга П. А. Бурыйшккина «Москва купеческая» [Бурыйшкин 1990]. В ней широко представлена экономическая терминология, активно употребляющаяся и в современной речи. Так, в приводимом фрагменте это следующие слова: *торгово-промышленная деятельность, торговля, мелкая промышленность, выучка, стаж, низшие формы торговли, «в разнос и в развоз», мелкая розница, уровень потребностей, ассортимент товаров, товар, потребитель, продать, достать, снабжать, снабжение*. Тема, отражаемая в приводимом тексте [Бурыйшкин 1990, 89—90], — о необходимых условиях начала предпринимательской деятельности в России — актуальна и в наши дни. К числу таких условий, говоря современным языком, относится знание рынка (проведение маркетингового исследования) и наличие инициативы.

«Уместно сказать, прежде всего, о той подготовке, которую требовала жизнь для начала торгово-промышленной деятельности в России,

а может быть, даже установить, нужна ли была на русской земле вообще, для занятия торговлей и мелкой промышленностью, какая-нибудь выучка или какой-нибудь стаж. Если обратиться к низшим формам торговли, — тому, что называлось «в развоз и в разнос», и даже к мелкой рознице в деревне, то без большой погрешности можно утверждать, что для нее в сущности никакой подготовки не требовалось. При том низком, с европейской точки зрения, уровне потребностей, который был у большинства русского крестьянского населения, ассортимент товаров, которым нужно было снабжать деревню, был невелик и несложен; его нужно было знать, и лишь знание его являлось для торговца самым важным. Получение такого знания приобреталось опытом и наблюдением за окружающей жизнью. Благодаря большому разнообразию русского населения с точки зрения этнографической, отдельные национальности сильно различались по своим вкусам и привычкам. Но кто знал вкус своего потребителя, тот мог уже действовать, так как в деревне было труднее продать, чем для деревни достать.

Поэтому почти любой крестьянин данного села мог начать у себя на месте торговлю, так он знал хорошо уклад жизни своих односельчан, то есть, проще говоря, свой собственный. А так как в каждой деревне оказывались крестьяне мало привязанные к земле по своим склонностям, смотревшие на свою сельскохозяйственную работу, как на тяжкую обузу, то им всегда, при наличии некоторой инициативы, представлялся естественный выход в торговлю. Они ездили в ближайший город за товаром и начинали у себя на месте снабжение им своей деревни и ее окрестностей. Таким образом, до последнего времени, не город шел со своим товаром в деревню, а деревня шла за ним в город сама».

Другим ценным источником этнографического и социологического материала является книга Евг. Иванова «Меткое московское слово» [Иванов 1989]. В ней широко отразилась городская профессиональная речь, в том числе в ряде экономических ситуаций, прежде всего купли-продажи. Здесь можно найти описание и примеры реализации на уровне текста разных речевых стратегий продавца и покупателя.

Книга содержит много метких психологических наблюдений, не потерявших актуальности и в наши дни. По записям можно установить определенную «таксономию» покупателей — покупатель глазами продавца, напр.: Покупатель «давай ход!» Цену спросит и бегом...; Есть еще покупатель, на которого смотреть нельзя. Он подойдет, а вы в сторону отвернитесь, будто знать его не хотите... Он от обиды и купит; Любителя сразу узнаешь: с виду чужак чужаком — пальто рваное, шля-

па маслом залита, а калоши текут. Денег нет, а нос на все полки пересует; Любитель есть такой на книгу злой, что, если денег нет, украсть ее может!

Приведем также описание некоторых приемов и способов воздействия на покупателя, цель которых — заставить совершить покупку: Путальник, «боец» — уличный продавец книги, в системе продажи которого особое приставание к прохожим; Продавать в подторжку — допускать при уличной покупке какой-либо книги своего, фиктивного, заинтересованного в вознаграждении, приобретателя, который поднимал бы на нее цену и вызывал этим азарт и соревнование настоящего коллекционера (прием, широко используемый современными «наперсточниками», уличными карточными шулерами и т. п.); способ, получивший название «братъ на конфуз»:

«А потом букинисты знали и способ, как быстро учинить за “барахло” расчет со своим клиентом. И способ верный! Встретит кредитор своего покупателя в компании знакомых или просто при посторонних лицах, развязно подойдет к нему и начнет громко, с обидой в голосе, говорить:

— Эй, должник, должник! Что же деньги не платите, должок есть за вами. Долго, долго не несете и сами пропали. Пора, пора! Нехорошо так делать, очень нехорошо!

Не ожидающий подобного выступления растеряется, сконфузится и поскорее поспешит отдать имевшиеся при себе, часто последние деньги».

Художественная литература

Способы и цели включения экономических терминов в ткань художественного произведения (ситуативные включения, включения, обусловленные определенным стилистическим заданием, включения терминов в образно-переносном употреблении, случайные вкрапления и др.) заслуживают специального, более подробного рассмотрения. Можно заметить при этом, что в основе многих сюжетов и сюжетных линий лежат собственно экономические отношения (ср. классический пример «Мертвые души» Гоголя; отражение ситуации найма в «Сказке о попе и о работнике его Балде» и др.).

В рамках данной работы приведем небольшой фрагмент из «Похождений Чичикова» М. Булгакова. Выбор (естественно, помимо художественных достоинств) обусловлен прежде всего тем, что описываемая ситуация легко проецируется на события дня сегодняшнего.

Во фрагменте представлена следующая экономическая лексика: *трест, ссуда, пайщик, кооператив, недвижимость, продать, взять подряд, деньги, арендуемое предприятие, товары, запасы, миллиарды.*

<...>Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характер. Уму непостижимо что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой из дожлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все разрешено», пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против Университета. Взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь, и, войдя в контакт с бывшим городничим, разметал какой-то забор, поставил вежи, чтобы было похоже на планировку, а насчет денег, отпущенных на электрификацию, написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина. Словом произвел чудеса.

<...> Крикнули инструктора Бобчинского:

— Катись на Тверской бульвар в арендуемое им предприятие и во двор, где его товары, может, там что откроется!

Возвращается Бобчинский. Глаза круглые.

— Чрезвычайное происшествие!

— Ну!!

— Никакого предприятия там нету. Это он адрес памятника Пушкину указал. И запасы не его, а «Ара».

Тут все взвыли:

— Святители угодники! Вот так гусь! А мы ему миллиарды!! Выходит, теперича ловить его надо!

И стали ловить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: В годы перестройки слово «рынок» стало паролем, лозунгом, идеей, которая овладела демократическими массами. Из утилитарного термина повседневности и абстрактного понятия экономической науки «рынок» превратился в фундаментальную категорию, ставшую в один ряд с такими общечеловеческими ценностями, как «свобода» и «демократия». <...> Впервые громко, не на кухне или профессиональной тусовке апология рынка прозвучала в майском за 1987 год номере журнала «Новый мир» в статье под названием «Где пышнее пироги» (Кур., 28.09.94).

² Одним из таких слов-«пионеров» было, безусловно, слово «кооператор» (кооператив, кооперация). Ср.: «Рынок разбудил кооператор. <...> А начиналось»

то все совсем недавно. И начиналось с закона, о котором многие и думать-то забыли — с Закона о кооперации, принятом аж в 1988 году. Это потом появились АО и ТОО, коммерческие банки и свобода торговли. Это потом началась приватизация и долларизация, а россияне узнали о дивидендах и депозитах. Сначала была кооперация» (Кур., 6.01.95).

² Ср. из выступления А. Некрича на «Радио России» 21.06.9: «Была создана система, которая теперь так элегантно именуется как административно-командная или командно-административная, а на самом деле сталинизм-ленинизм».

⁴ О редистрибутивном характере советской экономики и механизме «жизнедеятельности» сословия распределителей см. в открытом письме одного из представителей этого сословия А. Нуйкину: «Перераспределение — это и есть способ получения доли богатства, характеризующий класс “захребетников”. <...> Только не надо предполагать, что возможность перераспределения общественного продукта целиком находится в руках бюрократии. <...> Дело в том, что монополизировав функцию перераспределения полностью, мы, бюрократы, были бы немедленно сметены волной справедливого гнева угнетенных. Во избежание подобного мы последовательно расширяем и совершенствуем классовую опору, предоставляя возможность участия в перераспределении самым различным слоям, группам, и просто отдельным личностям. <...> И мы же эти группы контролируем: не даем зарываться, производя периодические профилактические посадки, меняем их состав, облагаем данью» [Нуйкин 1990, 28—29].

³ Типологически аналогичное явление наблюдается в истории русской культуры. О возможности регенерации архаических форм, существовании в новых исторических структурах, ориентированных на решительный отрыв от прошлого, механизмов, воспроизводящих заново культуру прошлого, см. в работах Ю. М. Лотмана и В. А. Успенского, в частности в ст. «Роль дуальных модулей в динамике русской культуры» [Успенский 1994].

⁶ В данном случае мы абстрагируемся от того, что в реальной сегодняшней жизни складывающийся рынок несет в себе многие черты редистрибутивной системы, т. е. это рынок «азиатского типа». Подтверждают это следующие его характеристики: непроизводительный, торгово-ростовщический характер, ставка на спекулятивную сверхприбыль, зависимость от редистрибутивных структур, т. е. от коррумпированной власти и нек. др.. Ср.: «Наверное любой согласится, что нарождающийся у нас капитализм в лучшем случае можно назвать диким» (Кур., 25.02.95); «Новая жизнь бесполова, некрасива, и элегантный рынок все никак не прломнится в наш быт, а вместо него все прет и прет азиатский базар, нищие и воры, “не обманешь — не продашь”... И мы никак не хотим примириться с тем, что младенец-рынок, только что родившийся да еще и нездоровый, с дурной наследственностью, пачкает пеленки, орет дурным голосом и никак не становится на ноги» (А. Кабаков. Любимый город может спать спокойно// МН, 17.02.91).

⁷ Ср. отражение одной из выработанных поведенческих реакций на экономическую и политическую ситуацию (военные события в Чечне): «<...> Логика рассуждений проста: во время войны нормальной стабильной экономики быть не может, а военные действия, оцениваемые уже в несколько триллионов рублей, продолжаются, на восстановление хозяйства Чечни пойдет не меньше, если не больше. Значит опять государство включит печатный станок, разгоняя инфляцию».

А от этой напасти сегодня россиянин знает одно средство — переводить все свои сбережения из рублевых в долларové» (Кур., 19.01.95).

⁸ О тенденциях, определяющих изменения в языковой ситуации и, конкретно, в современной городской коммуникации, см.: [Китайгородская, Розанова 1994, Берлин; Китайгородская, Розанова 1994], а также главу IX в данной монографии.

⁹ Закрепили подобных оценок, по-видимому, способствовало то, что они не противоречили традициям русской промышленной жизни. Ср. свидетельство П. А. Бурышкина: «<...> самое отношение “предпринимателя” к своему делу было несколько иным, чем теперь на Западе или в Америке. На свою деятельность смотрели не только и не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбой. <...> Нужно сказать вообще, что в России не было того “культа” богатых людей, который наблюдается в западных странах. <...> Даже в купеческих группировках и на бирже богатство не играло решающей роли <...> да кроме того, всегда интересовались происхождением богатств» [Бурышкин 1990, 100].

¹⁰ Физические лица (граждане) и юридические лица являются участниками регулируемых гражданским законодательством отношений — прежде всего отношений собственности, договорных и иных отношений, в том числе в сфере предпринимательской деятельности. Ср. определение понятия юридического лица в Гражданском кодексе: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имуществовые и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс или смету» [ГК, ч. I, с. 21].

¹¹ (Из рекламы на радио московской школы менеджеров при МГК ВЛКСМ, май 1991 г.): «В связи с большим интересом к менеджменту со стороны советских управленцев создана база знаний современного менеджмента».

¹² Ср.: «Неважными бизнесменами и коммерсантами оказались работники горкомов и райкомов КПСС Пермской области» (МН, 3.03.91).

¹³ «Термин “контрагент” как обозначение возможной роли участника (актанта) ситуации введен Ч. Филмором <...>, однако без ясного описания. Мы будем называть контрагентом активного участника такой ситуации, в которой принимает участие еще и активный субъект, причем действия этих двух участников не совпадают: предикат описывает полностью только деятельность субъекта, но не деятельность контрагента. Так, в ситуации займа субъект занимает деньги, а контрагент их одалживает <...> Указанным свойством контрагент отличается от возможного у симметричных предикатов второго субъекта, форма участия которого в ситуации совпадает с формой участия в ней первого субъекта; ср. *Иван спорит с Петром*» [Апресян 1974, 127].

¹⁴ Ср.: «А. арендует С. значит, в первом приближении, что за какое-то вознаграждение D лицо А приобретает у другого лица В право на эксплуатацию недвижимой собственности С в течение времени Т. Следовательно, существенными для ситуации аренды являются следующие “участники”, или семантические актаны: субъект аренды (тот, кто арендует), первый объект аренды (то, что арендуют), контрагент (тот, у кого арендуют), второй объект (то, за что арендуют — плата) и

срок (то, на сколько арендуют). Эти акты достаточны и необходимы, т. е. полностью определяют именно ситуацию аренды, любые изменения в их составе или числе привели бы к ее трансформации в какую-то другую ситуацию. Например, устранение представления о сроке, при сохранении всех других элементов, трансформирует аренду в родственные, но не тождественные ей ситуации купли-продажи, устранение представления о первом объекте дает, с необходимыми изменениями, ситуацию займа; если исключены срок и второй объект, то получается ситуация передачи и т. п.» [Апресян 1974, 120].

¹⁵ В Гражданском Кодексе вещи подразделяются на движимые и недвижимые. Они являются объектами гражданских прав. Ср.: «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага» [ГК, ч. I, с. 79—80].

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
Бурышкин П. А. Москва купеческая. М., 1990.
Бюрократия и общество. М., 1991.
Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
Герчикова И. Н. Маркетинг и международное коммерческое дело. М., 1990.
Голанова Е. И. Устная публичная речь. Жанр публичной лекции// Русский язык в его функционировании. М., 1993.
Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. М., 1995.
Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. М., 1996.
Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
Заславская Т. И., Рыжкина Р. В. Социология экономической жизни. М., 1990.
Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
Иванов Евг. Меткое московское слово. М., 1989.
Исследования по русской терминологии. М., 1971.
Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Основные тенденции современной городской коммуникации (язык Москвы)// Sprachlicher Standard und Substandard in Südosteuropa und Osteuropa. Berlin, 1994.
Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речевые одежды Москвы// Русская речь, 1994, №№ 2, 3.
Комлев Н. Г. Иностранное слово в деловой речи. М., 1992.
Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
Лексика делового человека. М., 1991.
Маркетинг. Толково-терминологический словарь-справочник. М., 1991.
Нуйкин А. Мы и они. М., 1990.
Окунева А. П. Биржа, брокер, дивиденд...// Русский язык в СССР. М., 1991, № 9.

Подчасова С. В. Брокеры, дилеры и другие посредники// Русская речь, 1994, № 6.

Поланьи К. *Polanyi K. The Livelihood of Man.* N.Y. — San Francisco — L., 1977.

Пособие для международного предпринимателя. Краснодар, 1990.

Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. М., 1959.

Русский язык и советское общество. Лексика. Словообразование. М., 1968.

Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Стариков Е. Н. От классового общества к сословному? (редистрибутивная экономика и социальная структура)// Бюрократия и общество. М., 1991.

Успенский Б. А. Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.

ГЛАВА VI

М. Я. Гловинская

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГРАММАТИКЕ (на материале инноваций и массовых языковых ошибок)

Вводные замечания

Языковая ситуация второй половины 80-х — начала 90-х годов во многом напоминает послереволюционную эпоху. Сходными являются социолингвистические обстоятельства, возникшие благодаря новым формам общественной и политической жизни. Мы имеем в виду приобщение к публичной речи новых социальных слоев, не владеющих в полной мере нормами литературного языка, и возникновение спонтанного политического дискурса. К этому добавилось исчезновение жесткой цензуры и редактуры. Эти условия повлекли за собой ослабление твердых языковых норм в двух направлениях.

1) Активизировалось влияние норм определенных типов речи друг на друга. Так, официально-деловая речь подверглась значительному воздействию норм бытовой разговорной речи и жаргонов. И наоборот, вследствие возросшей политизированности населения усилилось проникновение клише и других элементов официально-деловой речи в разговорную, домашнюю речь.

2) Появилось огромное количество нарушений языковых правил, возникли массовые языковые ошибки.

Последнее обстоятельство вызывает тревогу у гуманитарной общественности, и ИРЯЗ АН СССР даже провел в 1991 г. конференцию о состоянии русского языка современности, а также организовал почтовую дискуссию на эту тему, опросив около 20 лингвистов [Караулов 1991]. Впрочем, большинство отвечающих на предложенные вопросы считает, что языку ничего не угрожает, что можно говорить лишь о падении речевой культуры. В ответах предлагаются различные интерпретации причин этого падения.

Как и в послереволюционную эпоху, нынешняя языковая ситуация активизировала воздействие внешних факторов на внутренние факторы развития языка [ср. РЯСО, 1, 34 и сл.]. Мы имеем в виду, что такие периоды способствуют тому, чтобы стихийное, неуправляемое

начало в языке брало верх над нормативным, консервативным, контролируемым началом. Естественно, что в такой ситуации актуальные языковые тенденции проступают отчетливее, как бы вырываются наружу.

Мы поставили задачу уловить в хаотичном на первый взгляд нагромождении новых языковых явлений, аномалий и просто ошибок проявление внутренних тенденций развития языковой системы. Под тенденцией развития мы подразумеваем накопление однотипных фактов в каждом последующем синхронном срезе по сравнению с предыдущим.

Следует отличать подобные тенденции от универсальных языковых процессов, действующих всегда во всех языках, на фоне которых и проявляются актуальные тенденции данного языка. Мы имеем в виду аналогию и контаминацию; десемантизацию существующих единиц и противоположный процесс — их семантическую дифференциацию; стремление к краткости, компрессии, эллиптичности речи и, напротив, к ее эксплицитности. Результаты действия этих различных механизмов, если они имеют однонаправленный характер, и свидетельствуют о наличии какой-то определенной языковой тенденции.

Материал для изучения мы черпали главным образом из газет, радио- и телеречи, реже разговорной речи конца 80-х — начала 90-х гг., ориентируясь на неправильности почти исключительно у носителей литературного языка. Особую ценность для нас представляли примеры из произведений художественной, публицистической и научной литературы. В таких случаях текст подвергается специальной шлифовке автора и последующему редактированию, и, если после такой обработки остаются языковые неправильности, то этот факт особенно показателен. Мы старались приводить подобные примеры, даже если они выходили за пределы данных временных рамок, как свидетельство более раннего проявления изучаемого процесса, как свидетельство его неслучайности в языке 90-х. Иногда мы пользовались примерами из других научных работ, специально это оговаривая¹.

Материал, который мы собирали сами, паспортизован более подробно: точная дата, указание издания, жанра передачи, во многих случаях указано, кому принадлежит высказывание. Что касается примеров, заимствованных из других научных работ, то мы были вынуждены ограничиваться той характеристикой, которая содержится в этих работах.

Итак, рассмотрим некоторые тенденции языка 80—90-х гг. В качестве эталона, на фоне которого устанавливается наличие активной тенденции, берется языковое сознание (но не языковая практика!)

носителей кодифицированного литературного языка данного периода или, другими словами, их представление о литературной норме. Что же касается языковой практики таких носителей, то именно она и служила источником нашего материала. При этом высказывания с произвольными ошибками в речи образованных людей, говорящих на хорошем литературном языке, если им приходилось самим оценивать подобные высказывания при специальном опросе, неизменно воспринимались и характеризовались ими как отклоняющиеся от нормы².

Тенденция к ослаблению падежных функций

Целый ряд разрозненных на первый взгляд фактов свидетельствует о наличии тенденции к ослаблению падежных функций в современном русском языке. Некоторые факты такого рода рассматривались в монографии РЯСО, 3 как показатели роста аналитизма. В настоящей работе мы сосредоточим внимание на новых фактах, а из известных явлений — лишь на тех, которые продолжают развиваться.

В наибольшей мере подвергается разрушению словоизменение числительных. Ошибки в сложных числительных типа *Робот совершает порядка одна тысяча восемьсот* (вместо *одной тысячи восьмисот*) операций в секунду отмечаются на протяжении десятилетий. В 90-е годы нам пришлось услышать в телепередачах уже неправильные формы простых числительных, например, *четырьмя, двумя*, произнесенные дикторами после некоторых колебаний. Очевидно, что парадигма склонения числительных исчезает буквально на глазах. В данном разделе, однако, мы сосредоточим свое внимание на существительных.

Предметом нашего внимания в этом разделе будет рост аналитических способов передачи падежных значений, использование неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам, неправильный выбор падежа. Мы рассмотрим следующие явления:

1) Замена падежного управления существительных и глаголов предложным (*стратегия об уничтожении* вместо *стратегия уничтожения, анализировать об этом* вместо *анализировать это*).

2) Замена косвенного падежа существительных конструкцией как + ИМ (*мы привыкли к войне как нечто само собой разумеющееся* вместо *как к чему-то само собой разумеющемуся*).

3) Замена косвенного падежа существительных конструкцией с зависимым инфинитивом (*он сторонник влиять на то, что пишет пресса* вместо *сторонник оказания влияния*).

4) Неправильный выбор падежа (*Один из первых прибыл директор* вместо *одним из первых*; *реальными кандидатами можно рассматри-*

вать вместо в качестве реальных кандидатов; о некоторых своих наблюдений вместо наблюдениях).

5) Нарушения в согласовании прилагательных и причастий с существительными.

Замена падежного управления предложным

Экспансия предложных структур началась уже давно. Так, вытеснение беспредложных сочетаний с родительным, дательным и творительным падежами сочетаниями с предлогами шло на протяжении XIX века [Белошапкина 1964, Филиппова 1964].

В нашем веке этот процесс продолжает активно развиваться. Падежи заменяются предлогами и при существительных, и при глаголах, и при прилагательных. Многочисленные примеры подобных замен, а также одновременного существования обеих конструкций приводятся в [Грамматика-60; Шведова 1964, 1966; Прокопович 1966; Золотова 1966, 1974; РЯСО, 3, 240—266]. При одновременном существовании падежной и предложной конструкций часто имеет место их семантическая дифференциация.

Дадим сводку сосуществующих падежных и предложных конструкций по разным падежам (без разграничения словосочетаний по опорным словам). Мы учитываем только случаи, когда обе конкурирующие формы выступают в одной синтаксической позиции (например, *пункт проката / по прокату*). Тем самым за пределами рассмотрения оказываются случаи типа *теревить бороду деда / деда за бороду, глаза Маши голубые / глаза у Маши голубые* и под., так как в подобных парах беспредложная и предложная формы зависят одна от имени, а другая от глагола. Семантические и другие различия некоторых из таких конструкций рассматривались в [Апресян 1974, 1983; Крейдлин 1980; Крейдлин, Рахилина 1983; Iordanskaja and Mel'čuk 1995].

Семантику предлогов или предложно-именных групп (в случаях, когда значение предлога трудно отделить от значения существительного) в таких конструкциях приблизительно можно описать следующим образом:

РОДИТ. П.

В — значение объекта-места (вместо объектного у падежной конструкции): *изменение распорядка дня / в распорядке дня*.

В — значение аспекта: *церемонность обращения / в обращении; ясная взгляды / во взглядах; опыт работы / в работе*.

ДЛЯ — значение предзнаменения: *школа дураков / для дураков*.

ЗА — значение срока: *итог полугодия / за полугодие*.

К — значение объекта: *уважение прав человека / к правам человека.*

МЕЖДУ — указывает на субъектов симметричного отношения или действия: *спор друзей / между друзьями; вражда соседей / между соседями; связь города и деревни / между городом и деревней.*

НА — локальное значение (в профессиональной речи) вместо объектного у падежного сочетания: *операция почки / на почке.*

НА — значение цели: *курс реформ / курс на реформы.*

НА — значение объекта (в специальных типах речи): *толкование евангелия / на евангелии (церк.); характеристика Иванова / на Иванова (бюрокр.).*

НА — значение аспекта: *анализ влажности почвы / на влажность; мастер выдумки / на выдумки.*

НАД — значение объекта: *наблюдение речи детей / над речью детей.*

ОТ — значение субъекта действия, адресованного кому-то: *жалобы пассажиров / от пассажиров, письмо друга / от друга.*

ПО — значение сферы деятельности: *группа подготовки / по подготовке документов; кампания организации / по организации выборов.*

ПО — значение объекта: *обсуждение кандидатуры / по кандидатуре.*

ПО — значение темы или содержания: *план выпуска / по выпуску изделий широкого потребления; урок алгебры / по алгебре (ср. [Иондин 1990 и 1991]).*

С — посессивное значение (вместо определительного у падежного сочетания): *Человек доброй души / с доброй душой.*

С — значение объекта (содержимого): *бутылка керосина / с керосином; банка меда / с медом.*

С — значение предмета сообщения: *случай исчезновения / с исчезновением сорока рублей; неудача спектакля / со спектаклем.*

У — значение субъекта (посессора): *голова куклы / у куклы. Я говорю о голове у куклы.*

ДАТ. П.

В — значение субъекта-места (вместо субъектного значения у падежного сочетания): *известный городу / в городе шулер.*

ДЛЯ — бенефактивное значение: *Я купил вам / для вас хлеб; Я принес вам / для вас подарок.*

ДЛЯ — со значением субъекта статальной ситуации (свойства, чувства и пр.): *Ему / для него свойственно делать широкие жесты. Вам / для вас необязательно приходить так рано. Вам / для вас необходимо соблюдать диету. Нам / для нас обидно, что мы не были приглашены на конференцию. А вам / для вас это странно? Мне / для*

меня это всегда было удивительно. Ему / для него вредно пить вино. Это необходимый студентам / для студентов учебник. Это интересный <приятный, чуждый> мне / для меня человек. Ему / для него не составляло <представляло> труда сходить за молоком в деревню на другой стороне озера.

ДЛЯ — значение объекта: Будет помощница матери / для матери; Старший сын — опора родителям / для родителей.

У — значение посессора (живого существа, органической частью которого является объект действия), находящегося в фокусе внимания: целовать руку бабушке / у бабушки [Iordanskaja and Mel'čuk 1995].

ВИН. П.

О — (ненормативная замена) значение содержания: описывать митинг / о митинге; анализировать это / об этом; факты утраты / факты об утрате.

С — значение ситуации: затягивать отъезд / с отъездом; закончить уборку / с уборкой; оттягивать ответ / с ответом; затянуть ремонт / с ремонтом.

ТВОР. П.

В — значение аспекта: бедное своим убранством / в своем убранстве поле; страшный своей наготой / в своей наготе; превосходить знаниями / в знаниях.

К — значение объекта: пренебрежение опасностью / к опасности.

ПЕРЕД — значение причины: восхищение одаренностью / перед одаренностью.

ПО — значение аспекта: похожий характером / по характеру, разные характерами / по характеру; известный своими открытиями / по своим открытиям; больше ростом / по росту.

Для каждого из этих предлогов можно найти границу, за которой замена им соответствующего падежа оказывается невозможной.

Иногда эта граница лексикализована (ср. нормальность *На столе лежало письмо от друга* при сомнительности *¹изучаются предложения от пассажиров* или *²изучаются замечания от учителей*). Иногда лексикализованными оказываются обе параллельные конструкции, см., например, конструкции типа *ему / для него* со значением субъекта статальной ситуации, ср. *Для него типично <характерно>*, но не **Ему типично <характерно>*; с другой стороны, употребление предложной формы невозможно, например, при глаголах восприятия в прямом и переносном значении: *Нам <*для нас> ничего не было видно. Мне <*для меня> показалась странной такая забывчивость.*

В некоторых случаях граница имеет семантический характер (см. ниже о предлогах *на* и *по*). Это — отдельный предмет для изучения, весьма важный, так как наличие семантической границы явным образом показывает на неслучайный характер замены.

Наиболее подверженным подобным заменам по-прежнему оказывается родительный падеж (это хорошо видно из приведенной сводки), что кажется естественным ввиду его наименьшей семантичности. По сравнению с другими падежами его значение достаточно абстрактно и общо.

Замена падежных сочетаний предложными связана с двумя противоположными явлениями. С одной стороны, нужное значение с помощью предлогов выражается более дифференцированно, чем посредством падежа. Ср., например, словосочетания *операция почки* и *операция на почке*. В первом случае речь может идти и о полном удалении почки, и о каких-то манипуляциях внутри нее или на ее поверхности, во втором случае — только о последнем.

С другой стороны, развивая все новые и новые значения при замене падежных сочетаний, предлог может расширять свое значение, так что оно приобретает весьма общий характер и предлог становится как бы простой прокладкой между соединяемыми существительными, просто знаком синтаксического отношения, уподобляясь в этом падежу (ср. *обсуждение кандидатуры / по кандидатуре*).

Продемонстрируем эти явления на материале различных предлогов, причем более подробно рассмотрим первое из них на материале предлога *на* (*курс на срыв переговоров*), а второе — на материале предлогов *по* (*процесс по делу КПСС*) и *о* (*конференция показала о том, что*).

Семантическая дифференцированность, достигаемая с помощью предлога

В случаях, когда предлог выражает дополнительный смысл по сравнению с падежным управлением, выбор самого предлога может мотивироваться по-разному. С одной стороны, его можно рассматривать как обычное употребление по аналогии: либо слово с близкой семантикой, либо это же слово в другом лексическом значении, либо производное от него или производящее его слово управляют таким предлогом. С другой стороны, есть основания считать, что выбирается предлог, который повторяет или эксплицирует, усиливает какой-то компонент смысла, содержащийся в значении слова, притом содержащийся иногда в неявной, имплицитной форме. Слово как бы испускает какой-то смысл,

который приобретает самостоятельное словесное выражение с помощью предлога. Возможно, впрочем, что одновременно действуют оба механизма. Приведем примеры.

Проявляет **инициативу** за дальнейшее укрепление дела мира (ТВ, Время, интервью, пример из [Лаптева 1990, 238]). *Инициатива* — это предложение сделать что-то самому вместе с другими, которое первым высказало данное лицо. Предлог *за* в явном виде выражает идею желательности данного действия для субъекта (ср. также *я — за то, чтобы; высказаться за; проголосовать за*).

Этот симбиоз между интеллигентными, структурными как бы взглядами и взглядами разрушительными, вот этот симбиоз меня пугает (ТВ, «Пятое колесо», интервью с писателем, пример из [Лаптева 1990, 240]). *Симбиоз* — это сожительство двух организмов разных видов, приносящее им взаимную пользу. Идея взаимности, содержащаяся в значении слова, в явном виде выражена предлогом *между* (ср. также *союз между*).

Назначен новый начальник над телевидением (ТВ, «Итоги», Е. Киселев, 19.03.95); Но он потребовал, чтобы его повели к главному **смотрителю** над кухней (Карлик Нос // Сказки для приятных сновидений, Нугешининвест, 1993. Переводчик не указан). Эксплицируется идея более высокого положения начальника и зрителя в иерархии, чем подчиненных (как бы освежается прямое, пространственное значение предлога); ср. также *надсмотрщик (над)*, с которым не исключена аналогия, особенно во втором случае.

Пришел сегодня искать **разрешения** от каких-то наболевших **вопросов** (ТВ, «Пятое колесо», пример из работы [Лаптева 1990, 237]). *Разрешить вопрос, проблему* значит устранить какую-то трудность и тем самым как бы удалить ее в качестве таковой из своего мира. Предлог *от* в своем прямом пространственном значении выражает идею удаления объекта от себя (*избавиться от моли*). Здесь при переносном употреблении предлога в качестве такого объекта выступают наболевшие вопросы. Ср. также слово с близкой семантикой *избавление от*, с которым, повидимому, произошла контаминация.

Жители были **разбужены** от страшного грохота (вместо *страшным грохотом*) (ТВ, 09.12.95). Творительный падеж при *разбужены* имеет значение субъекта-причины, предлог же *от* — только причины; ср. также *проснулись от грохота*.

В конгрессе уже предпринимались --- попытки видоизменить эти законы, чтобы получить возможность ответить «око за око» тем странам, что дискриминируют против Америки (Изв., 23.03.94, А. Шальнев). *Дискриминировать кого-то* значит ограничивать чьи-то права,

это действие направлено против интересов объекта, что в явном виде отражено с помощью предлога (ср. также возможное влияние английского *to discriminate against somebody*).

Следует ли **разграничивать между использованием документа и его содержанием?** (Вопрос аспиранта на Лексикографической школе, 1991), вместо правильного *разграничивать использование документа и его содержание*. Предлог *между* дублирует значение глагола, включающее представление о границе, которая разделяет два объекта. Такое дублирование в принципе узаконено языком: ср. *обойти кругом, переплыть через* и т. д. В данном случае глагол ошибочно наследует управление существительного *граница*, от которого он образован.

Показывает народам мира на необходимость (ТВ, речь международного комментатора, пример из [Лаптева 1990, 237]), ср. *указывает на*. Созерцать со стороны на это положение не только вредно, но и преступно (Радио России, 12.04.91, слова журналиста), ср. *смотреть на*. Нужно уделить внимание на обучение (вместо *обучению*) студентов (выступление доктора филологических наук на научном заседании 13.02.96). Больше уделить внимания на искусство, на театр (ТВ, «До 16-ти и старше», пример из [Лаптева 1990, 238]), ср. *обращать внимание на*. Характерно, что когда Хрущев после долголетней сталинской опалы на Югославию нашел путь к примирению, Тито отметил --- (Изв., 13.07.92), ср. *гонение на*. В этих примерах предлог делает более ярким, определенным обозначение объекта по сравнению с падежом, вводя идею направленности действия в сторону объекта³.

При компрессии текста предлог может экономно передавать идею опущенной части высказывания, например:

Федеральные войска надеются подойти к 31 марта с максимальными успехами над формированиями Дудаева (НТВ, «Итоги», 31.03.96, Е. Киселев). Опущено примерно следующее (в скобках): *успехами (в достижении военного превосходства) над формированиями*.

Рассмотрим более подробно роль предлога *на* в достижении большей семантической эксплицитности текста. В официально-деловом языке 90-х годов (особенно политическом) формы с целевым предлогом *на* вытесняют соответствующие словосочетания с родительным падежом: *тактика ослабления — тактика на ослабление, курс реформ — курс на реформы* и т. п.

Приведем примеры:

И только слепой не видит за эксцентричными поступками Руслана Хасбулатова продуманной тактики на ослабление демократических институтов, на укрепление личной власти (М. Полторанин, письменное заявление для прессы, НГ,

13.10.92). Что же касается собственно процесса <судебного>, то --- коммунистическая сторона придерживается тактики не его затягивание (НГ, 7.08.92).

Его приход к власти означал бы курс на реанимацию командной системы (КП, 06.06.94). Группа членов ЦК во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС взяла курс на подмену генеральной линии правым ревизионизмом и ликвидаторством компартии (Е. Лигачев, НГ, 6.10.92). Конгресс связывал представление такого статуса с условием, что Китай будет и далее следовать курсом на демократические реформы (Изв., 29.09.92).

Маршал А. М. Василевский, начальник Генерального штаба Красной Армии во время войны, например, считал, что политика Сталина на затягивание сроков вступления Германии в войну против СССР была правильной (Л. Спирин, докт. ист. наук, «Как началась война», Изв., 11.06.91).

Россия будет настойчиво проводить линию на уважение украинского народа (А. Козырев, речь на 6-м съезде народных депутатов России 18.04.92).

Несмотря на официальный, канцелярский характер подобных конструкций, в их основе лежит некоторая метафора: действие, обозначаемое первым существительным, представляется как (про)движение к цели, цель же вводится с помощью предлога *на*. Возможность хотя бы метафорически мыслить действие как (про)движение к цели является семантическим ограничителем круга данных конструкций.

Если даже само существительное не дает оснований мыслить действие как движение к цели (например, *война, цель*), конструкция с *на* целевым может возникнуть, если метафора движения лежит в основе лексических функций слова типа *Orq*, *Func* или *Real*⁴ (*вести войну, война идет; достигать цели, идти к цели*). При этом конструкции с предлогом *на* становятся приметой политического дискурса и начинают вытеснять не только падежные сочетания, но и конструкции с другими предлогами:

Гитлер издал ряд секретных приказов. В них он объявлял предстоящую войну расовой, расовой войной *на* уничтожение (вместо *с целью уничтожения*) славян (Е. Ржевская, ЛГ, 08.03.95).

Но после-то мы же должны быть объективными, ведь после смерти Сталина первые шаги *на* разрыв (вместо *к разрыву*) с этой идеологией сделал Никита Сергеевич Хрущев (М. Горбачев, НГ, 11.11.92).

Япония — кто опорит? — достигла целей, поставленных четыре десятилетия назад. Что дальше? Есть ли у нации цель *на* перспективу? (вместо *в перспективе*) (Н. Цветков, КП, 12.06.91). Выражение *на перспективу* встречается уже и в разговорной речи: А что *на перспективу*?

Расширяется употребление целевого *на* и вследствие компрессии текста; когда оно используется для соединения слов, которые в полном высказывании не могли бы иметь непосредственной синтаксической связи друг с другом, как, например, в следующих профессиональных употреблениях:

Речь в данном случае — о засылке китайских исследовательских судов — для проведения пробного бурения на газ и нефть на шельфе (Изв., 22.02.96). Примеры рекламных объявлений: *Бурение на воду; Скважины на воду* (Стройка, 1996, № 6).

Соответствующее полное словосочетание имеет примерно следующий вид: *бурение скважин с целью найти воду <газ, нефть и т. д.>*.

Обобщение функции предлога, нивелировка его лексического значения

Рассмотренное явление (семантическая дифференцированность, достигаемая с помощью предлога) сосуществует с прямо противоположным — нивелировкой лексического значения предлога и употреблением его в качестве как бы простой прокладки внутри падежных сочетаний, в качестве знака синтаксической связи двух слов. В таком случае значение предложного сочетания не обогащается по сравнению с падежным, и его выбор свидетельствует о предпочтении аналитической формы выражения. Это явление чрезвычайно активизировалось в языке 90-х гг. Механизм возникновения инновации или ошибки в большинстве случаев такой же, как и при дифференциации — действие аналогии в широком смысле — из нескольких близких по смыслу единиц выбирается та, которая имеет падежное управление, но снабжается она предложным управлением, свойственным другой из близких единиц. Предложное заимствуется как более сильное. Приведем примеры:

На месте РОД:

Телеграммы в категории срочная принимаются вне очереди (объявление на почте, 1992).

Мы ни в коем случае не преследуем цели для **ограничения** наших гостей (Радио Маяк, интервью, пример из [Лаптева 1990, 239]).

Каждая партия предлагает свои **рецепты на возрождение** России (ТВ, Российские университеты, 16.01.96, слова митрополита).

Это управление с объектным *на* при словах со значением продукта интеллектуального действия, информационного объекта и под. вообще свойственно профессиональному церковному языку (*толкование на Евангелие* и др.). Любопытно, что подобное управление свойственно и другому типу профессиональной речи, весьма отдаленному по своим характеристикам, а именно, бюрократическому языку (*характеристика на Иванова*) и языку инструкций:

Руководство по эксплуатации на гусеничные электромеханические игрушки с микроэлектродвигателем (1996). В этом примере сло-

восочетанием с предлогом (*на гусеничные игрушки*) управляет не слово *эксплуатации*, как было бы в падежном словосочетании *руководство по эксплуатации гусеничной игрушки*, а слово *руководство*.

На месте ДАТ:

Наиболее часто используется предлог *для*, причем необычное употребление не обязательно воспринимается как ошибочное⁶.

Давай, Надя, примем знакомую для человечества позу (Н. Михалков при награждении его фильма Никой). Хотя более привычно выгляди *знакомая человечеству поза*, предложное сочетание тоже вполне приемлемо.

Нужно определить, для кого адресованы наши издания (выступление доктора филологических наук на заседании Ученого совета, 1995). Ненормативность высказывания может быть вызвана изменением речевой стратегии говорящего, о чем свидетельствует препозиция предложной формы, ср. нормальное *для кого предназначены*.

Я очень рада за успехи (вместо *успехам*) (Радиоинтервью, пример из [Лаптева 1990, 238]), ср. нормальное с одушевленным существительным *рада за вас*.

Особую весомость / и значительность / в этом пленуме (вместо *этому пленуму*) / *придала речь* К. У. Черненко (ТВ, «Время», обозреватель, пример из [Лаптева 1990, 238]).

На месте ТВОР:

Выборы могут обернуться для российских налогоплательщиков в сотни миллионов рублей (вместо *сотнями миллионов*) (Изв., 16.10.91), (ср. *обойтись в*).

Бронированные двери, облицованные из ценных пород (вместо *ценными породами*) дерева (газ. Телохранитель, 1995, № 1). Ошибка возникла из-за опущения существительного *шпоном* (*из ценных пород дерева*). Его управление перешло к причастию, в норме управляющему творительным.

Надо объяснять людям, как распорядиться с ваучером (вместо *ваучером*) (Радио России, 28.11.92), ср. *обойтись, поступить с*. Президент поручил премьеру заняться с долгами (вместо *долгами*) по заработной плате (НТВ, «Сегодня», 30.01.96, М. Осокин).

Из предлогов чрезвычайно широкую семантику в первую очередь развивает предлог *по*⁶, в частности, при замене им родительного падежа.

Активность сочетаний *по* + дат. п. на месте родительного падежа проявилась уже в XIX веке. В работе [Белашапкина 1964, 194] выделя-

ются три группы словосочетаний в зависимости от значения главного слова: 1) название лица (*товарищ по ремеслу*); 2) названия разного рода бумаг, документов, учреждений, предприятий (*комиссия по..., экспедиция по...*); 3) название какой-то деятельности (*дела, хлопоты по дому*).

В работе [Шведова 1966] приводятся многочисленные примеры подобных сочетаний, возникших уже в наше время: *программа литературы — программа по литературе, ателье ремонта одежды — ателье по ремонту одежды* и т. д. Правда, несмотря на массовое появление новых словосочетаний, их группировка в 60-е годы в сущности не меняется (там же, 40—52):

1) лицо по профессии, деятельности: *инженер по акустике, мастер по антеннам*; 2) различного рода мероприятия: *олимпиада по математике, чемпионат по фигурному катанию*; 3) учреждения, организации: *комиссия по распределению*; 4) письменные документы: *вопросник по фонетике*; 5) обобщенные названия целенаправленных действий: *действия по разгрому врага*.

В настоящее время модель с *по* так окрепла, что речь идет не столько о замене конкретных словосочетаний, сколько о появлении новых словосочетаний с *по*, функционально эквивалентных или близких тем конструкциям, на которые распространяется его экспансия. Что касается родительного беспредложного, то можно привести следующие примеры эквивалентных ему новых словосочетаний:

пункты по выдаче приватизационных чеков, группы по сбору подписей, рабочие группы по совместной подготовке документов, Комитет Верховного Совета по правам и обращениям граждан, Комиссия по расследованию событий в Тбилиси, комиссия правительства РФ по оперативным вопросам; кампания по организации референдума, меры по предотвращению конфликта, меры по спасению шведской кроны, план по уничтожению террористов, разбирательства по делу КПСС, слушания по делу КПСС; опыт по ликвидации региональных конфликтов; редактор «Известий» по отделу советского строительства и мн. др.

Многое из того, что в 60—70-е годы оценивалось как ненормативное, воспринимается сейчас как нормальное. В. А. Ицкович в своей книге «Очерки синтаксической нормы», построенной на материале тех лет, в качестве ненормативных приводит следующие конструкции, в которых предлог *по* употреблен, как он пишет вслед за Н. Ю. Шведовой, в «предельно общем значении» [Ицкович 1982, 109]: *рекомендации по обработке почвы, план по вводу в эксплуатацию животноводческих помещений, комбайны по уборке свеклы, машины по упаковке това-*

ров (два последних примера, впрочем, касаются не замены падежного сочетания предложным, а замены предлога *для* предлогом *по*). В работе Н. Ю. Шведовой такие словосочетания не рассматриваются еще даже в качестве потенциальных, сейчас же они стали вполне привычными.

На основе анализа возникших конструкций с *по* Н. Ю. Шведова приходит к выводу, что их характеризует «общее значение касательства, направленности, позволяющее использовать их в самых разнообразных случаях выражения определительности, без каких-либо внутренних, идущих от самой конструкции ограничений» (указ. соч., с. 40). Это последнее утверждение об отсутствии ограничений нуждается, на наш взгляд, в уточнении.

Дело в том, что в замене беспредложного родительного падежа на предложное сочетание с *по* действует определенная закономерность. Замена возможна и возникает не во всех случаях. Она допускается в первую очередь в таких словосочетаниях, в которых и первое, и второе существительные обозначают целенаправленные действия или их результаты. Например, в словосочетаниях *закон земельного пользования*, *закон прав нацменьшинств* первое слово обозначает информационный объект, второе — юридический объект, и поэтому замена на предложное сочетание с *по* возможна: ср. *закон по земельному пользованию*, *закон по правам нацменьшинств*. В то же время словосочетание *закон тяготения* не может быть преобразовано в **закон по тяготению*, так как оба слова обозначают природные феномены (слово *закон* реализует здесь другое лексическое значение, нежели в первом случае). Ср. также замену словосочетания *правила перевозки грузов* предложным словосочетанием *правила по перевозке грузов* (и *правила*, и *перевозка грузов* — дело рук человека) и в то же время невозможность такой замены в случае *правило снятия двойного отрицания* на **правило по снятию двойного отрицания*, поскольку в последнем случае оба слова обозначают свойства объекта (языка). Слово *правило* означает здесь не ‘предписание’, как в первом примере, а ‘закономерность’.

Может показаться, что сформулированному правилу противоречат такие употребления, как, например:

Вспомним, как Ленин взял программу эсеров по земле (АиФ, 1996, февраль № 8).

На самом деле противоречия здесь никакого нет, мы имеем дело с эллипсисом, компрессией текста: второе существительное, называющее природный объект, скрывает обозначение целой ситуации, связанной с целенаправленной деятельностью человека. Выражению *программа по земле* соответствует словосочетание *программа изменения законов пользования землей / по пользованию землей*.

Именно вследствие этой связи предлога *по* с идеей целенаправленной деятельности предлоги *по* и *для* иногда выступают как синонимы:

В последнее время Английский банк предпринял чрезвычайные меры для поддержки (=по поддержке) падающего фунта стерлингов (Изв., 17.09.92); Необходима целая система мер для реализации (=по реализации) новых принципов взаимоотношений между субъектами федерации (С. Шахрай, интервью, НГ, 7.11.92).

Таким образом, распространение заместительных конструкций с *по* нормально происходит только в рамках названного семантического пространства. Но и внутри него употребление *по* часто лексикализировано. Так, словосочетания, обозначающие эстетические объекты, не допускают такой замены: например, *концерт симфонической музыки* не преобразуется в **концерт по симфонической музыке*.

Конечно, это правило, как и многие другие, может нарушаться в спонтанной речи. Даже в речи с телеэкрана встречаются небрежные употребления, ср., например:

Концентрация вредных веществ, в частности, по угарному газу значительно превышает норму (НТВ, «Сегодня», 25.02.96, Т. Миткова).

Но устойчивые словосочетания, клише, стереотипы с *по* пока возникают в семантическом поле целенаправленной деятельности.

Напор образований с *по* чрезвычайно велик. Экспансия *по* распространяется и на другие конструкции, см. об этом в [Шведова 1966, 43—46]. В 90-е годы, в частности, он продолжает активно вытеснять другие предлоги и при существительных, и при глаголах:

вместо предлога *в* — **Погашение задолженности по зарплате**; Ее темой <пресс-конференции> было **«Отношения правоцентристских партий и движений с «Гражданским союзом» по вопросу о возможности формирования нового правительства»** (НГ, 5.11.92). Он <Евгений Леонов> был **артист по жизни**. — Он не просто брал вилку, хлеб — ему обязательно надо было это как-то обыграть, подать смачно, вкусно, артистично (АиФ, 1996, № 4). **Внеся раскол в арабские страны по мирному процессу** (Радио Свобода, 5.05.94).

вместо предлога *за* — **долги России по газу** (Сегодня, 13.04.94); **ответственность Думы по организации общественного телевидения** (ТВ, «Итоги», 19.03.95, журналист С. Калашников).

вместо предлога *к* — **шаги по недопущению эскалации кровопролития**.

вместо предлога *на* — **Брак по картинке связан с помехами на линии** (ТВ, «Итоги», 19.03.95, Е. Киселев).

вместо предлога *о* — **дебаты по закону; договоренность по Карабаху; решение по Африке; советы по гимнастике; высказывались по кандидатуре**. См. также:

Были допущены ошибки в ходе выполнения **решений** Совета безопасности по урегулированию чеченского кризиса (Изв., 29.02.96); --- выработать **решение** по дальнейшим шагам федеральных сил (Радио России, 04.03.96).

--- руководители --- фактически еженедельно представляли Президенту личные доклады, в том числе и по Чечне (АиФ, 1996, № 5).

Опубликовано сенсационное заявление по боснийским сербам (ТВ, «Подробности», 21.04.94).

Мы прибыли в Женеву, чтобы обсудить вопросы, касающиеся переговоров по космическим и ядерным вооружениям (речь Громыко в Женеве, январь 1985).

Я не знаю, с кем он советовался по этой тактике (Радио Свобода, Лицом к лицу, С. Филатов, 04.03.96).

Теперь по моркови (Ю. М. Лужков, выступая по ТВ, 1994).

Теперь давай по твоему пальто (Из записей РР, разговор дома, мать — дочери, 1994).

По-настоящему бессодержательным предстает предлог *по* в тех случаях, когда он употребляется при компрессии текста для связи оставшихся элементов (ср. выше аналогичное употребление предлога *на*), например:

У США и Китая имеются значительные расхождения по правам человека (Радио Свобода, 26.03.96), ср. *расхождения в вопросе о правах человека*.

Новая инициатива по Чечне рассчитана не только на скептического россиянина (Изв., 05.04.96), ср. *инициатива урегулирования военного конфликта в Чечне*. Презентация XX века по Александру Блоку (Изв., 04.02.95). В этом заголовке речь идет о мероприятии, связанном с открытием памятника Александру Блоку.

В подобных случаях сокращаемый текст не обязательно соответствует одному словосочетанию, эллипсис может носить нетривиальный характер, и восстановление опущенной части без знания более широкого контекста может оказаться невозможным, как в последнем примере. Предлог в этой ситуации употребляется для связи оставшихся слов, которые в принципе синтаксически не могут быть связаны между собой. Именно в таких случаях употребление предлога *по* воспринимается как ненормативное.

Другим примером семантически опустошенного употребления предлога как бы в качестве случайной, семантически не мотивированной прокладки между словами может служить предлог *о* + ПР вместо родительного падежа при существительных (*программа о закрытии*) и винительного (изредка дательного) падежей при глаголах (*подчеркивает о необходимости*). Этот же предлог в составе словосочетания *о том* + союз используется для ненормативного ввода придаточных предложений при «ленивой» стратегии говорящего (см. ниже).

В первой половине XIX века он употреблялся при многих словах, обозначающих эмоциональные состояния: *надежда о приезде, радость*

о благополучном успехе, восхищение о том, чувство о музыке [Белопашкова 1964, 184—185]. В дальнейшем это управление было утрачено, но впоследствии снова возродилось, притом на более широком материале.

Примеры такого рода из языка середины XX века содержатся в работе [Григорьев 1961, 7]. Там же приводится более ранний пример из художественной литературы: *Проект о новом способе покорения Кавказа* (Л. Толстой, Хаджи-Мурат); *возник проект о том, чтобы от диссертанта потребовать знаний двух языков* (доклад); *принцип о происхождении человека от его животных предков* (радио).

Современная публичная речь и речь mass-media характеризуются огромным количеством подобных употреблений. Приведем примеры такого управления.

При существительных:

И главное — упорное отстаивание стратегии об уничтожении (вместо *стратегии уничтожения*) террористов любой ценой, с абсолютным равнодушием к судьбе тех, во имя кого операция и проводится (С. Ковалев, АиФ, 1996, № 4).

У нас, к сожалению, немало фактов об утратах (вместо *фактов утраты*) в храмах церковных произведений из-за недостаточной осведомленности церковной администрации (М. Красилин, Побойтесь Бога, господа! НГ, 18.04.92). В работе [Шмелев 1964, 15] зафиксирован и более ранний пример употребления данного существительного с подобным управлением: Боевой опыт советских воинов убедительно опровергает лживые утверждения битых гитлеровских генералов и многих американских и английских военных историков, фальсифицирующих факты о «сезонности» успехов Красной Армии (Пр., 05.10.62).

Примеры из устной речи с телеэкрана:

Не удалось добиться гарантий о прекращении (ТВ, «Вести», 29.11.92, В. Флярковский), вместо *гарантии прекращения*.

Сопровождается угрозами о массовом насилии и гражданской войне (ТВ, «Вести», голос диктора за кадром, 27.02.94), вместо *угрозы насилия*.

Разработана программа о полном закрытии бассейна (НТВ, «Сегодня», 02.02.96), вместо *программа закрытия*.

Не исключают версии о самоубийстве (НТВ, «Сегодня», 25.12.95, Т. Миткова), вместо *версия самоубийства*.

Мои ожидания о теплом приеме с треском провалились (ТВ, закадровый перевод американского сериала «Доктор Куин, женщина-врач», 03.01.96), вместо *ожидания теплого приема*.

Примеры ненормативного употребления предлога о вместо родительного падежа из работы [Лаптева 1990, 237 и сл.]:

это в русле общей нашей политики о создании правоохранительного государства («Время», интервью с министром Г. Бакаевым); оценка педиатров-врачей о состоянии здоровья населения загрязненных районов (на съезде народных депутатов говорит женщина-педиатр из Белоруссии); Жители Японии высоко оценивают

инициативу Советского Союза о прекращении испытаний ядерного оружия («Время», диктор); направления, пути об экономическом сотрудничестве («Время», пресс-конференция Рыжкова в Швеции); требования о необходимости разрядки (речь Громыко во Франции).

При глаголах:

Глаголы тоже дают примеры замены падежного управления предложным сочетанием *о* + ПР. Это в первую очередь касается винительного падежа, реже — других.

Первые примеры, главным образом из устной речи, были отмечены в уже упоминавшейся работе [Григорьев 1961, 5]: *К тому же он, несомненно, хотел засвидетельствовать о своем уважении к церковной службе* (Домби и сын, пер. с англ.); *Это — серьезный недостаток, о чем и указал в своем отчете заместитель директора института* (доклад); *доказывать о пользе международного языка* (письмо); *отметил о важности* (доклад); *признают о том, что* (доклад); *надо излагать об этом* (разговор). Среди примеров В. П. Григорьева можно встретить и неречевые глаголы с подобным управлением: *это показывает о том, что* (доклад); *опасаться о выдвижении* (доклад); *Я боюсь о том, что 20-го числа я не смогу быть* (разговор); *имейте в виду об этом* (разговор). В [Шведова 1966, 59] также приводятся случаи из записей устной речи лиц, хорошо владеющих литературной нормой: *рекомендовать об избрании; смотреть в кино о подготовке космонавтов; поразило только о том, что...*

В современной речи натиск на глаголы предлога *о* чрезвычайно усилился. В первую очередь предлог *о* захватывает глаголы, обозначающие речевые акты (устные и письменные), что естественно, так как в основе их семантики лежит глагол *говорить*, управляющий именно этим предлогом:

Все улики — против Евдокии Павловой. Мотивы убийств? Хотела женить на себе Оскара Пучевича. *Об этом* (вместо *это*) убедительно показала Мерзвинская (В. Лавров, Кровавая плаха-2. Лицо под вуалью. МК, 5.08.93).

Е. Примаков относит «Известия» к тем изданиям, которые публиковали материалы, «целенаправленно утверждавшие о «провале» миссии в Багдаде» (Изв., 5.03.91) вместо *утверждавшие, что миссия в Багдаде провалилась*.

Об этом (вместо *это*) отмечается в обращении (ТВ, «Вести», 25.06.92, С. Соколина).

Было подчеркнуто о необходимости (вместо *была подчеркнута необходимость*) (ТВ, «Время», 1.03.91, диктор читает).

Президент предсказал об отмене (вместо *отмену*) политической борьбы (НТВ, «Сегодня», 06.03.96).

Сразу же надо было оговаривать о валюте (вместо *вопрос о валюте*) (ТВ, «Вести», 01.11.91, доктор экономических наук Л. Пяшева отвечает на вопрос диктора).

Ну об этом (вместо *это*) мы обсудим не сегодня, не на обсуждении (доктор филологических наук на заседании отдела, 1991).

Предстоит ли советской стороне доказывать о незаконном происхождении (вместо *происхождение*) швейцарских капиталов? (Радио России, 29.09.91, вопрос журналиста А. Абакумова).

Лучше сначала сказать, кто составитель этой книги, а потом развернуть о содержании (вместо *содержание*) (Радио, Юность, 17.06.91).

Я хотела об этом (вместо *это*) описывать отдельно (кандидат филологических наук на заседании Лексикографической школы, 1990).

Приведем также пример 40-х гг, о котором нельзя, впрочем, с уверенностью утверждать, что он принадлежит носителю литературного языка: *Дальше, дорогая мамочка и отец, я опишу вам как командир о моем бойце, т. к. как Ваш сын начал письмо писать, но не успел написать* (Письмо командира родителям убитого бойца во время Великой Отечественной войны. КП, 9.05.91).

Управление о + ПР захватывает и неречевые глаголы. Так, в следующих примерах представлены глаголы ментальные, эмоциональные, со значением интеллектуальных операций и др.

Эмоциональные состояния:

Мама прислала письмо № 155. Удивляется о двух возвращенных ей посылках, сообщает о леди Каролине Кокс, которой отдала документ обо мне (А. Голдович, Хроника событий пермского лагеря № 35 за декабрь 1990 — август 1991. НГ, 5.09.91).

В данном примере замене подвергается дательный беспредложный, соответствующий валентности причины (*удивляется чему-то — что-то является причиной ее удивления*). Ср. также *уделяет внимание о заботе* [Лаптева 1990, 238], где заменяется дательный со значением объекта.

Ментальные состояния и действия:

Еще в XIX веке русский мыслитель и философ Владимир Соловьев осмыслиет об исторических судьбах христианства и иуданзма (вместо *осмыслиет судьбы*; ср. *размышляет о*) (Радио Свобода, Религия в современном мире, 16.10.93).

Затем стали подозревать о серьезном заболевании (вместо *подозревать заболевание*) (Радио России, 04.03.96).

Я имел в виду об их политической судьбе (вместо *их судьбу*) (ТВ, «Без ретуши», 22.01.92, генеральный прокурор России В. Степанков).

Интеллектуальные операции или свидетельства:

Нужно рассмотреть о соответствии (вместо *рассмотреть соответствие*) действий властей и их компетентности (ТВ, «Вести», 27.06.92, корреспондент).

Ахматова показывает об этом сходстве (вместо *это сходство*) главной героини и Каролины Собаньской (доктор филологических наук в докладе на конференции 16.10.95).

Кто стрелял, **об этом** (вместо *это*) еще следствию предстоит **выяснить** (Радио России, 16.03.91, слова военного комиссара в Риге).

Вот **об этом** (вместо *это*) как раз мы и **покажем** в следующем телесюжете (ТВ, «Добрый вечер, Москва!», 5.08.91).

Они **указывали** о двузначности этого термина (доктор филологических наук в докладе на конференции, 17.10.92).

Это, пожалуй, все, что **касается** о книге (вместо РОД. *книги*) (из выступления доктора филологических наук на заседании отдела в научном институте, 07.03.95).

Судьба-то **решалась** не просто о **вишневом саде** (вместо РОД. *вишневого сада*), судьба-то **решалась** о Ясной Поляне (вместо РОД. *Ясной Поляны*) (Радио России, 22.11.92).

Экспансия предлога о распространяется и на другие предлоги, как в субстантивных, так и в глагольных сочетаниях:

Она **переживала** о заблудшей душе бывшего танцора ансамбля песни и пляски Рогожникова (В. Перельман, Театр абсурда. Юность, 1991, № 4) вместо *переживала за...*

Глава российского государства высказал свою **точку зрения** о процессах, происходящих в стране (ТВ, «Вести», 23.01.92, голос диктора за кадром), ср. *правильное точка зрения на процессы*.

О **чем** исповедуются люди (Изв, 02.03.94), вместо *в чем исповедуются*.

При введении придаточных предложений:

Словосочетание о *том*, + союз становится универсальным способом введения придаточного предложения — при любом слове независимо от его реального управления, с любым союзом, независимо от того, допускается нормой присутствие в данном высказывании эксплетивного местоимения *то* или нет. Такой единообразный способ введения придаточного соответствует интересам говорящего, «ленивой» речевой стратегии, когда можно не принимать во внимание столько разных факторов. Приведем примеры.

Он **утверждает** о том, что выборы в Чечне будут проходить свободно (Радио Свобода, 1995) вместо *утверждает (то), что...*

На конференции **подчеркивалось** настоятельно о том, что --- (доктор филологических наук, доклад на конференции, октябрь 1995) вместо *подчеркивалось (то), что*. Необходимо **подчеркнуть** о том, что --- (Радио России, слова журналиста, 1991) вместо *(то), что*. Я ни разу не слышал, чтобы Борис Николаевич Ельцин **подчеркивал** о том, чтобы Россия вышла из Советского Союза (Радио «Свобода», интервью с полковником Алкснисом, начало 90-х годов) вместо *(то), что Россия должна выйти*.

--- что сказал Е. В. и о **чем** мы с ним **обсудили** (доктор филологических наук на заседании Ученого Совета, декабрь 1995) вместо *что мы обсудили*.

Людям **объяснили** о том, что надо работать, что цены не повышаются (Радио, 11.06.91) вместо *(то), что*.

А о том, что пора подавать в отставку, ему даже и в голову не **приходит** (Изв., 01.06.92, письмо читателя) вместо *(то), что пора подавать в отставку*.

Если мы определяли правовым способом о том, что выборам быть через два года --- (ТВ, «Итоги», слова депутата Думы, 19.03.95) вместо *определили (то), что*.

Где здесь можно проверить о том, что готово бинарное оружие (ТВ, «Подробности», доктор химических наук Л. Федоров, 23.02.94) вместо *проверить, готово ли*.

Люди боятся о том, что им не дадут зарплату (ТВ, «Герой дня», С. Шупшечик, 26.03.96) вместо *боятся того, что*.

Я с огромной болью переживал о том, что следователи уходят из прокуратуры (ТВ, «Без ретуши», 22.01.92, генеральный прокурор России В. Степанков) вместо *переживал (то), как*.

Не могли бы ли вы разъяснить о том, как вы относитесь к позиции Лондона? (Радио России, перевод вопроса Би-би-си к Б. Н. Ельцину на пресс-конференции 7.09.91) вместо *разъяснить (то), как*.

Мы видели о том, как он покорял зал (ТВ, трансляция вечера, посвященного 50-летию А. Мирована 20.10.91, из выступления артистки Веры Васильевой) вместо *видели (то), как*.

Там понимают о том, что кризис неотвратим (Радио России, 02.03.91, слова журналиста) вместо *(то), что*.

Мы как-то упустили из вида о том, что --- (Из записей РР, 1990) вместо *(то), что*.

А вообще, конечно, нужно продумать о том, чтобы в каждом районе были такие магазины (Радио России, 19.04.91) вместо *продумать то, чтобы; ср. подумать о*.

Это показывает о том, что здесь чисто эстетический взгляд (кандидат филологических наук на обсуждении, 1993) вместо *показывает (то), что*. Я покажу только о том (вместо *то*), что возникают новые номинации (кандидат филологических наук в докладе на заседании отдела, февраль 1996). Нужен был общественный резонанс, чтобы показать нам о том (вместо *то*), что они могут с нами сделать (Радио России, 03.03.95, Ю. Щекочихин).

У нас не рекламируют о том (вместо *того*), как нужно вести себя на улице (Радио России, 20.02.95, звонок слушательницы).

Я добиваюсь о том, чтобы были конкретные решения по Чечне (Из записей разговорной речи, пересказ слов Г. Явлинского из его интервью НТВ, «Итоги», 14.04.96).

У нас есть масса примеров о том (вместо *того*), что полипы проходят (ТВ, сеанс А. М. Кашпировского, пример из [Лаптева 1990, 238]).

--- расследование факта о том (вместо *того факта*), что силовые ведомства халатно отнеслись к известию о --- (Радио России, 12.01.96).

Важным стало подтверждение о том (вместо *того*), что --- (ТВ, «Вести», 21.03.95).

На чем же основаны спекуляции о том, что демократы против единой армии? (Радио России, 8.06.91, журналист, ведущий передачу) вместо *спекуляции на том*.

О том, что фестиваль состоится, ни у кого не было уверенности (ТВ, «Вести», 25.01.92) вместо *в том, что*.

Познакомьте, пожалуйста, радиослушателей о том, что произошло (Радио России, 7.09.91, журналист Васильков) вместо *с тем, что произошло*.

О том, как пойдет обсуждение доклада Президента о положении в стране и дальнейшая работа сессии, депутаты решили определяться после перерыва (Изв., 16.11.90).

Лучше было бы *определиться в вопросе о том, как...*; впрочем, управление самого глагола недостаточно сформировалось, несмотря на его широкое (хотя и не всегда уместное) употребление в политическом языке рассматриваемого периода.

О силе данного процесса свидетельствуют случаи, когда словосочетание *о том*, + союз вторгается на каноническую территорию именительного падежа, что в принципе нетипично, поскольку именительный падеж не употребляется с предлогами (за исключением спорного случая *пойти в солдаты*) и, кроме того, сам склонен к экспансии. Примеры:

Совершенно очевидным становится *о том*, что --- (ТВ, 26.12.92) вместо *то, что*.

Одна из задач для представителей нашего Института — это *о том* (вместо *то*), чтобы была техника для обработки земли (кандидат филологических наук на собрании в институте, посвященном получению дачных участков).

Предлог *о*, как и рассмотренные выше предлоги, используется при компрессии текста для связи оставшихся слов, которые не могут быть нормативно связаны друг с другом, ср.

Однако в этом можно разглядеть попытку определенных людей развязать кампанию *о моих претензиях* на пост президента (А. Собчак, АиФ, 1996, № 4).

В этом случае свернуто придаточное предложение и опущена также именная группа, присоединяющая это придаточное. Правильным был бы примерно следующий текст: *кампания дезинформации, имеющая целью создать впечатление, что у меня имеются претензии*.

Уверен, что здесь определенную роль сыграло и полное невежество о сути и принципах самого понятия — демократия (Сов. Латвия, 12.09.87).

Ошибка возникла в результате опущения формы *в вопросе*: ср. нормальное *невежество в вопросе о ...*. Впрочем, возможен и другой механизм появления ошибки: слово *невежество* могло быть ошибочно выбрано вместо близкого по смыслу существительного *незнание*, которое синтаксически может управлять словами типа *суть, принцип* и под., хотя и без предлога (ср. нормальное *незнание сути и принципов*), после чего уже и появилось неправильное управление.

Питательной средой для неправильного употребления предлога *о* служит частое опущение дополнения в речи, само по себе являющееся ошибкой (ср. знаменитое *Мы обменялись и не сочли*). В следующих трех примерах появление при глаголе предлога *о* вызвано не одним, а

несколькими актуальными процессами, один из которых состоит как раз в опущении дополнения при глаголе:

--- я написал жалобу на имя Главного военного прокурора ---, в которой изложил о недопустимом поведении Фролова (Из объяснительной записки адвоката, Столица, 1991, № 15).

У наших детей будут другие праздники. Они усмехнутся над своими родителями, зубрившими о «всемирно-историческом значении» Великого Октября и размахивавшими красными флажками на демонстрациях (газ. Согласие, 11.11.90).

Более подробно о деле Рудцкого «Известия» представят в ближайших номерах (Изв., 07.12.93).

У глагола *изложить* опущено дополнение типа *факты* (*изложить факты*), у глагола *зубрить* — дополнение, обозначающее какую-то разновидность текстов (*материалы, статьи, утверждения, положения* и под.), у глагола *представить* — дополнение типа *сведения, материалы*. Опущенные дополнения имели собственное управление. Существительное *факты* управляет в норме родительным падежом (*факты недопустимого поведения*), существительные типа *материалы, положения, сведения* — предложным сочетанием *о + ПР*. Поскольку падежное управление у существительных заменяется предложным, у существительных типа *факты* происходит замена правильного управления предложным сочетанием *факты о* (примеры подобной замены см. выше). Следующим шагом является наследование глаголом управления опущенного дополнения. *Изложить* наследует неправильное управление существительного *факты*, в результате чего возникает *изложить о недопустимом поведении*. Это сочетание возникло, таким образом, как результат следующих процессов: 1) Изменение правильного управления у существительных типа *факты + РОД* на *факты + о*; 2) опущение обязательного дополнения при глаголе *изложить*; 3) наследование глаголом *изложить* неправильного управления опущенного дополнения. Что касается сочетаний *зубрить о* и *представить о*, то они возникли как результат всего двух процессов: 1) опущения дополнения при глаголе; 2) наследования глаголом нормального управления этого дополнения (с предлогом *о*).

Некоторые случаи допускают двоякую интерпретацию. Так, сочетание *показать о* (*Вот об этом как раз мы и покажем в следующем телесюжете*) может быть объяснено как результат тех же двух процессов, что и сочетание *зубрить о* (опускается дополнение, обозначающее какой-то информационный объект типа *материалы* и управляющее предлогом *о*, и затем глагол наследует это управление), а может интерпретироваться более простым способом, как большинство приведенных примеров.

Если говорить о лингвистической интерпретации этого явления в целом, то названный процесс представляет собой замену одного способа выражения в валентности содержания и объекта другим.

Основной способ оформления валентностей содержания и объекта у русских глаголов — винительный падеж (*сказать правду, доказать незаконное происхождение капиталов; показывать ошибки, выяснять истину*). Предлогом *о* + ПР валентности содержания и объекта выражаются существенно реже (*просить о чем-то, рапортовать о чем-то; заботиться о ком-то, печься о чем-то*), в то же время предлог *о* + ПР является основным средством выражения валентности темы.

Поэтому логичнее было бы ожидать обратной аналогии — упразднения более частного способа выражения валентностей содержания и объекта (*о* + ПР) под воздействием более массового (ВИН ПАД) и одновременно высвобождения сочетания *о* + ПР исключительно для реализации валентности темы. Но у языка своя логика, и в данном случае она состоит в том, что существует и укрепляется тенденция заменять падежные сочетания предложными, что, в свою очередь, вписывается в тенденцию ослабления падежных функций, а это, в свою очередь, соответствует некоторой более общей тенденции, о чем речь ниже.

Приведенные примеры с предлогом *о* с точки зрения языковой нормы середины 90-х годов воспринимаются еще как ошибки, иногда весьма грубые. Во всяком случае, многие из лиц, употребивших подобные выражения, сами оценивают их как ненормативные при ответе на вопрос об этом². Однако это живой процесс, буквально на наших глазах острота ошибки стирается, формируются единицы с новым управлением (ср. *показывать о, убеждать о, факты о*). Иногда такие ошибки возникают вследствие изменения речевой стратегии говорящего в процессе построения высказывания. В таких случаях обычно имеет место препозиция именной группы с предлогом *о* по отношению к глаголу, например: *Я хотела об этом описывать отдельно* (ср. *писать об этом*). Не следует, однако, преувеличивать роль данной причины в появлении массовых инноваций с предлогом *о*. На общем фоне подобные случаи единичны.

В. П. Григорьев обращает внимание на то, что с точки зрения нормы предлог *о* оказывается более уместным при существительных, чем при глаголах: *указание о...*, *требование о...* нормативны (ср. *Из министерства было получено указание о порядке проведения встречи; Обсуждались требования шахтеров о выплате зарплаты за последние два месяца*), а *указывать о чем-то, требовать о чем-то* находятся

за пределами нормы. Мы считаем, что это связано с различной силой управления падежом у глагола и у существительного. Обычно дополнение в винительном падеже является у глагола обязательным, а дополнение в родительном падеже у существительного — факультативным. Управление отглагольных существительных стимулирует возникновение подобного управления у глаголов. Обратное влияние управления отглагольного существительного на глагол в принципе необычно, так как производное, как правило, наследует свойства производящего, а не наоборот. Такое возможно именно в рамках рассматриваемой тенденции: заимствование происходит с позиции силы, а силой в настоящий момент является предложное управление.

Известно, что когда происходит какое-то языковое изменение, то, наряду с явлениями, идущими в его русле и свидетельствующими о направлении процесса, возникают и противоположные — идущие вразрез с тенденцией. Есть подобные примеры (когда употребляется падежное управление вместо более привычного предложного) и в данном случае. Их немного. Ср.

У существительных:

Это — «рабочая гипотеза» для целей авантюриста с его маниакальной страстью власти и насилия (вместо *страстью к власти*) (Е. Ржевская, ЛГ, 08.03.95).

--- включая безопасность всех аспектов (вместо *во всех*) (ТВ, «Без ретуши», интервью вице-спикера Филатова 7.09.92).

Мы, специалисты сельского хозяйства (вместо *по сельскому хозяйству*), — спрашивали тогда друг друга --- (Изв., 03.03.96, письмо читателя).

Эти случаи можно рассматривать как гиперкоррекцию, связанную с расшатыванием правил употребления родительного падежа.

У глаголов:

И все же в интересах дела он умел взять себя в руки. Этому свидетельствует весь период его работы над газетой «Новый американец» (Воспоминания отца писателя С. Довлатова, НГ, 4.11.92).

В этом случае управление существительного и глагола различны (*свидетельствовать о чем и свидетельство чему*), и глагол заимствует беспредложное управление существительного.

В заключение раздела о замене падежного управления предложным суммируем некоторые наблюдения.

Замена касается в первую очередь наименее семантических падежей (родительного) и наименее семантических функций падежей. У родительного, например, заменяются валентности содержания (*факты утраты, политика создания, инициатива прекращения, пример того,*

что), объекта (опала Югославии, разрешение наболевших вопросов, оценка состояния) и атрибутивная функция (курс реформ, телеграмма категории срочная).

У некоторых лексических единиц на наших глазах возникает новое управление (показывать о, указывать о, факты о).

Формируется новое универсальное средство ввода любого придаточного предложения — *о том* + союз.

Предлог становится также универсальным средством для связи слов, оказавшихся соседями вследствие эллипсиса, компрессии текста и не связываемых между собой никакими нормативными средствами.

Замена косвенного падежа существительного сочетанием как + ИМ. ПАД.

Другим распространенным ненормативным способом замены падежного управления при некоторых глаголах стало сочетание сравнительного союза *как* + ИМ. Это сочетание зафиксировано в наших материалах на месте следующих косвенных падежей:

На месте творительного падежа:

Иногда это является как уступка (ТВ, «Итоги», 18.02.96).

Любая атака против целостности Молдовы и ее граждан будет считаться в Румынии как нападение на ее собственную территорию и граждан (Изв., 10.03.92).

Пришпин считал себя как динамическое звено между прошлым и будущим (Радио, 14.02.92, Читая Пришвина). Это было сочтено как заговор (Радио России, 26.03.94, говорят доктор исторических наук). То заявление, которое сочли как антисоветское --- (ТВ, обозреватель Ст. Кондрашов в передаче об А. Тарковском, пример из [Лаптева 1990, 265]).

Православная идеология многим сейчас кажется как единственное забавление (Радио России, 8.01.95).

Оно <помещение> числится как жилое (Из записей разговорной речи, 1993).

Они выставляли себя как американская фирма (Из записей РР, доктор филол. наук).

Дуэт Джильды и герцога, представившегося девушке как бедный студент --- (Радио, 1 21.10.92, диктор читает либретто оперы «Риголетто»).

Он назван как лучший игрок чемпионата (ТВ, «Вести», июнь 1994).

Встреча с журналистами была объявлена как круглый стол (НТВ, «Сегодня», 27.01.95).

На месте родительного падежа:

Вначале приведем более ранний пример из письменного текста.

--- на нахальный Ваш вопрос, увидимся ли мы, не может быть другого ответа, кроме как тот, что не увидимся мы только в том случае, если Вы падете под грузом Вашей глупости (Из письма И. Бабея Т. Ивановой 30.04.26. Октябрь, 1992, № 6).

Эта диссертация произвела на меня впечатление как сложившаяся работа (на обсуждении [Лаптева 1990, 265]).

Это было типа как выездная летняя школа (Из записей РР, 1994).

Распространение конструкций *типа* + примыкающая форма (именительный падеж, инфинитив и др.) в сфере устной литературной речи было отмечено еще на материале конца 70-х — начала 80-х гг. О. А. Лаптевой. См. богатый материал на эту тему в [Лаптева 1983].

На месте предложного сочетания *в качестве* + РОД:

Вначале более ранний пример: --- сейчас даже академия хочет угробить их [стихи Хлебникова. — М. Г.] изданием как образец классического стиха (В. Маяковский, XI, 165; цит. по: Фил. науки, 1976, № 3, 116).

В 1954 году Шкловский позвал меня слушать его лекции в Литинституте. Ничего более замечательного как особый вид ораторского искусства я в своей жизни не знал, кроме докладов и других устных выступлений Романа Якобсона (Вяч. Вс. Иванов, Голубой зверь).

Впоследствии, вспоминая ноябрьский путч, мифологизированный нацистами как одна из важнейших страниц в истории «движения» --- Гитлер говорил --- (МВ, 24.10.93).

Русский язык считать испытанным орудием как средство межнационального общения (на пленуме ЦК КПСС говорит писатель Б. Олейник, пример из [Лаптева 1990, 265]).

И все они работают на общественных началах как дань уважения нашему флоту (ТВ, «Музобоз», 25.12.92, ведущий диктор).

Бывшие страны СССР были признаны как независимые государства (Радио России, интервью со С. Шукшевичем, 08.12.95).

На месте дательного падежа:

В этом случае *как* сохраняется и в правильных вариантах. Вначале приведем пример из русского детектива 70—80-х гг. XIX века.

Выражение лица и манеры этой особы, когда она вошла ко мне, явно обнаруживали ее внутреннюю решимость преодолеть свое волнение предо мною и отвечать на вопросы кладнокровно как совершенно непричастная свидетельница (вместо *как совершенно непричастной свидетельнице*) совершившегося преступления (А. Шклярский, Что побудило к убийству?).

Если нужны люди, с которыми можно разговаривать как хозяин (вместо *как хозяину*) (ТВ, «Итоги», 07.01.96).

На месте предложного сочетания *к* + ДАТ:

Мы привыкли к войне как нечто само собой разумеющееся (вместо *как к чему-то само собой разумеющемуся*) (ТВ, «Время», 07.07.92, ведущая О. Мишина).

Нельзя относиться ни к церкви, ни к Богу как нечто монументальное (вместо *как к чему-то монументальному*) (Радио, запись беседы друзей, говорит человек с университетским образованием).

На месте сочетания *как* + ВИН:

Нужно оформить этот объект как военная база на территории Азербайджана (Радио Славянка, 30.04.94).

Благодаря усилиям 88-летнего Дэна в фокусе внимания съезда будет находиться экономическая стратегия, которую характеризуют как «социалистическая рыночная экономика» (Изв., 29.09.92).

В последнем примере некорректность прикрыта кавычками.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие нарушения группируются вокруг глаголов со значением мнения или каузации мнения: *представляться, считаться, считать, счесть, произвести впечатление, казаться, числиться*. Возможно, что в этих случаях имеет место контаминация с глаголом *оценивать(ся)*: *атака будет считаться как нападение, заявление сочли как антисоветское*, ср. также *Покус лошади считался как покус собаки* (ТВ, «Тема», 20.10.92, выступает зам. президента клуба по защите животных).

Некоторые случаи можно рассматривать и как эллиптические конструкции. В одних из них опускается элемент *такой же*: *произвела впечатление как сложившаяся работа* (= *такое же впечатление, какое произвела бы сложившаяся работа*); *типа как летняя выездная школа* (= *такого же типа, как летняя выездная школа*). В других случаях опускается глагольная часть сравнительных оборотов: *привыкли к войне как (если бы это было) нечто само собой разумеющееся; нельзя относиться ни к церкви, ни к Богу как (если бы это было) нечто монументальное; нужны люди, с которыми можно разговаривать как (разговаривает) хозяин; решимость --- отвечать на вопросы хладнокровно как (отвечала бы) совершенно непричастная свидетельница и т. д.*

Каковы бы ни были механизмы возникновения ненормативных употреблений такого рода, важно, что благодаря союзу *как* они более эксплицитно выражают идею сравнения, чем косвенный падеж имени и тем самым соответствуют коммуникативной потребности в семантической эксплицитности. Одновременно это укрепляет тенденцию к частичной утрате падежных функций.

Замена косвенного падежа существительного конструкцией с зависимым инфинитивом

В этом разделе речь пойдет о ненормативных (пока!) случаях типа

Поддерживаете вы или нет позицию части депутатов Верховного Совета России *ликвидировать* на предстоящем съезде пост президента РФ? (НГ, 31.10.92, социологический опрос).

Высказывается мысль, что к поспешности толкают коммерческие структуры, которые *заинтересованы использовать* строительство храма для рекламы и как толчок для дальнейшего своего развития (Изв., 29.09.92).

В «письме к съезду» --- Брандт *напутствовала* (ср. *призвал*) участников конгресса *верить* в свои силы и быть на высоте поставленных задач (Изв., 17.09.92). --- сын,

проклинаящий ее, ибо теперь перед ним, **вышколенным** (ср. *обученным*) убивать диверсантом закрыты престижные вузы --- (НГ, 30.07.94).

Это великая страна, приучающая к небу путем воспитания жить подальше от людей (НГ, 6.10.92).

Создались предпосылки поправить это положение здесь (ТВ, «Время», 11.06.92, интервью Е. Гайдара).

--- человек, который претендует стать президентом, ни много, ни мало (НТВ, «Итоги», А. Чубайс, 11.02.96).

В Грозном нет никаких проблем подорваться на своих минах, попасть под массированный обстрел родной артиллерии, получить автоматную очередь из восстанавливающего конституцию ствола (Изв., 15.05.95).

--- не потому что он сторонник влиять на то, что пишет пресса (Радио Свобода, Контакты, выступает Цветов, 6.12.92).

И мне кажется, самое интересное и самое закономерное в этом нашем разговоре — наша **беспомощность** (ср. *неспособность*) определять, в конечном итоге, кто же такой Окуджава (Столица, 1994, № 19).

В августе 91-го года мы упустили направить народ к свободному волеизъявлению (А. Солженицын, выступление в Думе, 28.10.94).

В одном из интервью --- он (Г. Явлинский) не исключил для себя занять пост премьера, если Горбачев станет президентом (АиФ, 1996, январь, № 5).

Признано применять интенсивную терапию (НТВ, «Сегодня», пресс-секретарь президента С. Медведев, 27.10.95).

Откликнулись посоревноваться более тысячи (Радио России, корреспондент из Новгорода, 02.12.95).

А ведь это не я должен обращаться в Конституционный суд, это президент России должен туда обратиться. Ведь это он претендует оценить, что я незаконно поступил (ЛГ, Н. Федоров, президент Чувашии, 22.02.95). Любый рассказ претендует каким-то образом исчерпать мир (ЛГ, 1.02.95).

Инициатива гудаутской стороны начать переговоры вызвана тем, что --- (НГ, 24.09.93). Инициатива грузинского президента собрать представителей всех стран СНГ, похоже, внушает Селезневу беспокойство (НТВ, «Сегодня», 19.03.96).

Эксперты пока воздерживаются говорить о причинах (ТВ, Новости, 20.01.94).

В налетах участвовали штурмовики Су-25 — специализированные машины, предназначенные, в принципе, для поддержания войск непосредственно на поле боя, а не бомбить города в тылу (НГ, 8.09.92).

В последнем примере допущена двойная ошибка: **неправильный зависимый инфинитив** *предназначенные бомбить* и **неправильная сочинительная конструкция для поддержания, а не бомбить**. Такие сочинительные конструкции допускаются только в разговорной речи, ср. *Купи сигарет и поесть //*. Зависимый инфинитив — явление, развивающееся уже в течение нескольких десятилетий. Для языка 60—70 гг. оно было детально обследовано в работе [Ицкович 1982]. Процесс нормализации их идет очень быстро, и круг слов, при которых допустим инфинитив, расширяется. Об этом говорит, в частности, тот факт, что некоторые примеры, интерпретируемые В. А. Ицковичем в 1982 г.

как ненормативные, сейчас воспринимаются как нормальные: *Он, конечно, не ангел, Поздняков, и выпить не возражает, но в меру; ...не слишком заботящаяся произвести впечатление; ЭЭС избегают приобретать готовые изделия латиноамериканского происхождения; Пропагандисты Пекина ... подстрекают развертывать борьбу против нового руководства; Перст Божий указывает Британии энергично заняться созданием благоприятных условий* (указ. соч., 122—123). Более того, нормализация этих конструкций происходит буквально на наших глазах. Следующие примеры, зафиксированные нами ранее в качестве языковых ошибок, к моменту выхода книги стали восприниматься как более допустимые, а некоторые информанты оценили их как полностью нормативные:

Надуманые и совершенно беспочвенные обвинения В. Мукусева в **завытересованности** (ср. *желании*) Генеральной прокуратуры РФ **скрыть** от общественности обстоятельства трагического происшествия --- являются оскорбительными --- (Изв., 16.06.94).

Лева выслушал путаную и невнятную --- речь отца, полную ослабленных **напутствий** (ср. *пожеланий*) не придавать значения и не понимать буквально (А. Битов, Пушкинский дом).

От **невыносимости** (ср. *невозможности*) **продолжать** автор скалтурит сейчас для Левушки удачу (А. Битов, Пушкинский дом).

Причины, по которым зависимый инфинитив употребляется ненормативно, различны. В. А. Ицкович обращает внимание на две причины — отсутствие соответствующего отглагольного существительного, которое могло бы быть употреблено в этом случае *Я понимал бесполезность говорить с ним (*говорения)* и сильное влияние лексической и синтаксической аналогий (**ходатайствует информировать* — ср. *просит информировать* с общей синтаксической моделью *о том, чтобы*).

Мы бы назвали еще одну причину, состоящую в опущении элементов, управляющих инфинитивом. Так, появление этих сочетаний является часто результатом опущения конструкции (*то*) + *чтобы*. Это явление, в свою очередь, чрезвычайно активизировалось в языке XX века [Иванчикова 1966, 15—16] и имеет ряд синтаксических последствий, в частности, описываемое явление. Легко увидеть, что если вставить в неправильные предложения с зависимым инфинитивом эту конструкцию, они превратятся в нормативные, ср., например, *претендует (на то, чтобы) исчерпать; воздерживаются (от того, чтобы) говорить; предпосылки (того, чтобы) поправить; инициатива (состоящая в том, чтобы) собрать представителей* и т. д. Кроме того, частое опущение при глаголе прямого дополнения, управляющего инфинитивом (ср. *Вы нарушаете*, об этом процессе см. [Чурилова 1974]), также служит одним

из постоянных источников подобных ошибок: *не исключил для себя (возможность) занять пост премьера; мы упустили (возможность) направить народ к свободному волеизъявлению; откликнулись (на призыв) посоревноваться более тысячи*. Таким образом, стремление к компрессии, эллиптичности речи расширяет сферу употребления зависимого инфинитива.

Распространение же конструкции с зависимым инфинитивом способствует выводу из употребления косвенных падежных форм существительных.

Неправильный выбор падежа

Именительный вместо косвенного

Вместо родительного:

В чем был тот секрет, который позволял Юрию Михайловичу играть более важную роль, чем гостеприимный хозяин, организатор обширного и напряженного круга наших занятий (В. Н. Топоров, *Вместо воспоминания*// Ю. М. Лотман и тартуско-московская семантическая школа, 331).

Ошибка в этом случае стала возможной из-за опущения существительного *роль (роль гостеприимного хозяина)*.

Вместо винительного:

Нужно иметь в виду и *предвыборная кампания* (выступление доктора филологических наук на научном заседании, февраль 1996).

Мы рассматриваем это не просто как *та или иная возможность* (Радио, 1-й канал, 26.02.1996).

Вместо творительного:

Один из последних прибыл Виктор Степанович Черномырдин (НТВ, 14.12.95, корреспондент из Парижа В. Кондратьев).

Это считается *одним из* успешных романов (Из записей разговорной речи, 1994).

Пусть это покажется *примитивно*, но --- (выступление доктора филологических наук на научном заседании, февраль 1990).

Здесь прямая связь между жизнью каждого человека и *то, что* происходит в экономике (Радио России, интервью писателя и экономиста Н. Шмелева, 08.12.95).

Родительный — предложный

Взаимодействие этих двух падежей в современном русском языке позволяет видеть в этом участке словоизменительной системы будущее слабое место. Мы имеем в виду ярко выраженную тенденцию к мене безударных окончаний родительного и предложного падежей множественного числа существительных: *ср. об этих случаях и в большинстве случаях*. Впервые внимание на это обратил, насколько нам известно,

Л. Л. Касаткин [Касаткин 1987, 46]⁷. О том, что это не просто оговорки, а процесс расшатывания нормы, говорит не только огромное количество подобных примеров, но и следующий яркий факт. Преподаватель вуза в публичном выступлении правильно сказала *на показательных уроках*. После этого она задумалась и исправилась: *уроков*.

Родительный вместо предложного.

Наиболее частотны такие употребления в сочетании с прилагательным:

Я прощаюсь с вами и передаю слово о спортивных событиях комментатору --- (ТВ, «Время», 27.01.90).

Вам не раз приходилось слышать о западных деятелях, которые --- (ТВ, «Сегодня в мире», ведущий И. Кудрин).

Это спекуляция на внешних трудностях (ТВ, академик Абалкин, конец 80-х г.):

О некоторых своих наблюдениях (кандидат филологических наук, научный доклад, 03.08.79).

Если говорить о наших возможностях (Редактор отдела писем «Известий», выступление на встрече с редколлегией, июнь 1988).

Здесь очень остро встает вопрос о безличных предложениях (доктор филологических наук на научном заседании, 1989).

Мы узнавали о русских и западных писателях (кандидат искусствоведения читает вслух свою статью в гостях, 1990).

--- мало заботятся о наших преподавателей (преподаватель вуза, выступление на собрании, конец 80-х г.).

Особенно часто ошибки возникают при фонетической близости флексий предложного и родительного падежей; мы имеем в виду случаи, когда безударное [ъх] меняется на [ъф]. Число таких примеров буквально безгранично:

Во всех привлекаемых для рассмотрения в синхронном плане диалектов или языков (Н. И. Толстой «Из опыта типологии славянского словарного состава», ВЯ, 1963, № 1, цит. по [Клепикова 1968]).

--- драгунский полк стоял в трех километров от города («Мертвые души», запись спектакля МХАТа, П. Луспекаев играет Ноздрева).

Это роман о провинциальных нравах (ТВ, Л. Андреев, 11.12.76).

В Новых Кузьминках мы их не видим (ТВ, «Очевидное — невероятное», ведущий П. Капица, 31.03.79).

Об этих художников почти ничего не знали (ТВ, передача о Лувре, 27.05.77). К полету на Марс готовились и в Советском Союзе, и в Соединенных Штатах (ТВ, Новости, диктор О. Мишина). --- было намечено в Соединенных Штатах (ТВ, Г. Воровик).

Речь у нас пойдет не о Руслане Имрановиче и не о прочих политических дебатах [исправился: *дебатах*] (ТВ).

В так называемых мозговых трестах (НТВ, «Итоги», Е. Киселев, 18.02.96).

--- о его необыкновенных успехов на земле обетованной (ТВ, Д. Горин читает свой рассказ).

--- в некоторых портов [портѣ] Югославии (ТВ, «Сегодня», М. Осокин).

--- в левобережных районах Молдовы (ТВ, Новости, начало 90-х г).

--- на всеобщих парламентских выборах, которые состоятся в июне (ТВ, Новости, диктор).

Процесс о трех миллионов (ТВ, «Кинопанорама», Э. Рязанов). Процесс о трех миллионах (ТВ, актер М. И. Жаров рассказывает о своей судьбе).

--- своими спектаклями, фильмами, ролями в этих фильмов (ТВ, комментатор, 09.02.94). --- снялся во многих и многих фильмов (Э. Климов на открытии кинофестиваля, 1987).

--- ничего не сказав о других продуктов (ТВ, Московская программа, диктор, 30.11.90).

Они хранились в тайных сейфов (ТВ, «Вести», ведущий).

О тех принципов, которые --- (ТВ, А. Трошкин, режиссер перед демонстрацией фильма «Михайло Ломоносов»). Совершенно на других принципов (Радио, доктор медицинских наук). Русская графика построена на двух основных принципов [исправилась: *принципах*] (студентка на экзамене).

Речь идет о разных авторов [поправилась: *авторах*] (доктор филологических наук, научный доклад на семинаре, 1984). Речь идет о немецких авторов (кандидат филологических наук, доклад на конференции, 1988).

Когда я говорил об этих восьми признаках, я все сказал (доктор филологических наук, доклад на семинаре, 1987).

Об очень многих героев этой книги я слышала. Я говорю не только о своих беспоповцев (кандидат филологических наук, научный доклад, 1979). --- в московских печатных стиховников (то же лицо, доклад 1977). Отчасти в религиозных текстов [поправилась: *текстах*] (доктор филологических наук на заседании научного семинара, 1996).

Я сам --- читал лекции на двух факультетов (ректор вуза, выступление на собрании, 1986).

Можно говорить о прямых и косвенных способов [исправилась: *способах*] (диссертантка на защите отвечает на замечания, без даты).

Прежде всего о многократных глаголов [исправилась: *о многократных глаголах*] (преподаватель вуза, доклад на кафедре, 1990).

--- в западных южнорусских говоров (доктор филологических наук написал в статье и сразу заметил ошибку).

--- в наших материалов (доктор филологических наук написал в статье, соавтор заметил ошибку).

Я свалился в двух метров от Мишки (Из записей разговорной речи, мальчик 12-ти лет рассказывает о лыжном происшествии, 1979).

Я думала о чеченских вопросов (Из записей разговорной речи, 1995).

Ввиду обилия примеров такого типа приведем остальной материал без паспортизации: на предстоящих переговорах, в первых вопросов народных депутатов, о первых депутатов, об азербайджанских хореографов, в немецких документов, о прямых выборов на партийную конференцию, в более северных районов, в некоторых вузов города

Москвы, в министерских нормативов, на младших курсов, обучение детей в начальных классов, на олимпийских объектов, на самых начальных этапов, в строго определенных случаев, в разных видов, о двух типов, в данных параграфов, остановиться на двух докладов, на основных каких-то моментов [поправилась: моментах], на составных элементов слова, в математических знаков, в этих признаков [исправилась: признаках], в южновеликорусских говоров, в тульских говоров [исправилась: говорах], о нескольких пергаменных отрывков, о пергаменных фрагментов, о нулевых синтаксических компонентов, на гласных звуков, при других глаголов, в некоторых библиотечных справочниках, в этих двух конвертов, на своих капустников, сидит на двух стульев.

Существенно реже такая ошибка возникает у изолированных существительных, вне сочетания с прилагательными.

Это закон о выборах народных депутатов (ТВ, доктор исторических наук, 07.01.89).

Вопрос о налогах отодвигается на задний план (ТВ, «Семь дней», кандидат экономических наук, 28.01.90).

Или пусто должно быть на прилавков, либо пусто в желудках (ТВ, «Взгляд», А. Нуйкин, 26.08.88).

Пожары в лесах и торфяников (ТВ, «Вести», диктор).

Об итогов выборов (ТВ, диктор читает текст). В этом случае возможна фонетическая поддержка следующего слова.

То, что говорила Л. Р., говоря о заочников [исправилась: заочниках]. На третьем и четвертом курсов ОМК (преподаватель вуза, выступление на Ученом совете).

В дальнейшем, рассказывая о результатов, я буду --- (кандидат филологических наук, научный доклад).

Изменение этих структур в герцев (кандидат филологических наук, научный доклад).

В тридцати километров от границы; в семи километров от границы (доктор филологических наук, читая вслух текст, где числительные напечатаны цифрами).

О средствах выражения актуального членения таких предложений, о принципов этого членения (доктор филологических наук читает вслух текст).

Никто не слышал о чеченцев (Из записей разговорной речи, 1995).

Следующая передача о говоров (Из записей разговорной речи, конец 80-х г).

Иногда процесс захватывает даже ударные окончания: *И тут я столько наслушалась рассказов о колдунов* (кандидат филологических наук, доклад на семинаре).

Предложный вместо родительного.

И в этом случае замены гораздо чаще в сочетаниях с прилагательными и реже у изолированных существительных.

В сочетаниях с прилагательными:

Эта мелкая бытовая деталь, о которой он читал в десятках детективных романах, убедила его, что злодейство было умышленным (Свидетели обвинения // Антология зарубежного детектива, вып. 2. М., 1989).

В просчете окажутся многие мастера ---, лишенные материальных стимулов в работе (ТВ, «Время», 30.01, диктор читает текст).

В печах Дахау были сожжены трупы главных военных преступников (ТВ, фильм «XX век. Летопись тревожного времени. Бараний марш», диктор читает за кадром, 25.11.90).

Военное руководство Соединенных Штатах объявило --- (ТВ, Ночные новости, Т. Миткова). Все зависит от позиции Соединенных Штатах (Радио, диктор).

Прошел новый тур парламентских выборах (ТВ, «Итоги», Е. Киселев). --- результат президентских выборах (Радио России).

--- и выдвигает своих кандидатах на предстоящих выборах (ТВ, Сегодня в мире).

--- сообщило о новых обстрелах населенных пунктах (ТВ, Новости).

--- открыт аэропорт Домодедово для международных рейсах (ТВ, Новости).

Речь идет о тысяче американских самолетах (ТВ, Новости).

--- За исключением лишь некоторых регионах [поправился: *регионов*] (ТВ).

Они против всех этих экспериментальных учебниках [исправилась: учебников] (доктор филологических наук на обсуждении, начало 90-х гг.).

Нейтрализация — это подавление в определенных условиях релевантных признаках (доктор филологических наук читает вслух на семинаре статью).

Его можно исследовать с помощью электроакустических приборах (кандидат филологических наук, научный доклад).

Есть омонимы нескольких видах [исправилась: *видов*] (студентка на экзамене).

--- нет каких-то словесных вариантах (Из записей разговорной речи, конец 80-х гг.).

--- на основании каких-то материалах (Из записей разговорной речи, 1984).

Приведем остальные примеры из устной публичной речи (выступления по радио, научные доклады, выступления на семинарах) без паспортизации: *Существовала масса нормативных актах, на месте этих глаголах, является одним из существенных вопросах, из этих способах, способы выражения психических состояниях в произведениях В. М. Шукшина, в ряде южнорусских говорах, у северных говорах такая особенность, для северозападных говорах, в числе тех молодых авторов, на основании каких-то материалах, пара черных болотных кролика, выделяем несколько так называемых полизвукотипах.*

У изолированных существительных:

--- более пятидесяти миллионах его сопланетников (ТВ, фильм «XX век. Хроника тревожного времени. Век мой — зверь мой», диктор читает за кадром, 1990).

На высоте ста — ста двадцати километрах (ТВ, «Очевидное — невероятное», 31.03.79).

А тираж — десять тысяч экземплярах (ТВ, «Слово», обозреватель, 28.08.90).

--- от полутора до двух тысяч стерлингах (ТВ, Новости, диктор, начало 90-х гг.).

--- в кубке кубках [пауза, не исправился и продолжил фразу] участвуют --- (ТВ, «Время», спортивный комментатор).

четыре по четыреста метрах (ТВ, интервью со спортсменкой).

Такие варианты встречались в речи мжатовца (аспирантка читает доклад на семинаре, начало 90-х гг.).

Что касается импрессионистах (кандидат искусствоведения читает вслух свою статью в гостях).

Среди рассматриваемых примеров встречаются весьма любопытные случаи, которые свидетельствуют не только о взаимодействии родительного и предложного падежей, но и выступают как робкие пока намеки на возможную грядущую замену нулевой флексии родительного падежа множественного числа окончанием —*ов* (-*ев*). Так, наиболее частотная при замене предложного падежа флексия [ъф] механически присоединяется к слову с другой парадигмой, так что возникает двойная ошибка — неправильный выбор падежа и неправильный выбор флексии для этого падежа, а именно, [ъф] вместо нулевой и тем самым более слабой флексии. Ср.:

Стригольники молятся на распутив *<родительный распутий>* (доктор филологических наук, научный доклад, конец 80-х г).

На улицев *<родительный улиц>* городов (ТВ, «Время», диктор читает текст. После первого слова сделала паузу, но не поправились). В этом случае возможна также фонетическая ориентация на следующее слово.

Тот же самый феномен обнаруживается и при замене родительного падежа предложным. Ср.:

У Вити две бабушки / и в гостях мы видели двух Витиных бабушках (Из записей разговорной речи, мальчик 10-ти лет, вторая половина 80-х гг.).

Форма *бабушках* в этом примере имплицитно неправильно образованную форму родительного *бабушков* *<вместо бабушек>*.

Творительный вместо сочетаний в качестве + РОД и как + ВИН

Реальными кандидатами можно рассматривать: Александра Лифшица --- (НТВ, «Сегодня», 18.01.96).

Именно Шаймиева Вольский рассматривает наиболее удачным претендентом на роль посредника (НТВ, «Сегодня», 01.04.96).

Должностными лицами рассматриваются депутаты Думы (НТВ, «Герой дня», председатель избиркома Г. Рябов, 21.03.96).

Одной из важнейших задач Алексашенко видит коренную перестройку системы получения банковской информации (Изв., 28.12.95).

Словари указывают первой основной формой --- (неопубликованный текст научной статьи кандидата филологических наук, 1995).

Слово --- выступает *окациональным* сказуемым (1-й вариант кандидатской диссертации аспиранта ИРЯз, 1996).

Эту акцию можно было понимать попыткой (вместо как попытку) сорвать переговоры (Радио России, январь 1996).

Об экспансии конструкции с творительным падежом при путативных, декларативных и дескриптивных связках см. в работе [Апресян 1990, 64—65]. Автор указывает на две причины ее распространения — лексически более широкая сфера действия, чем у вытесняемых конструкций (употребляется при большем числе предикатов), и тем самым большая активность, а также поддержка ее потенциальной энергии внутренним родством с активной в русском языке нормальной связочной конструкцией *быть / являться / оказываться* и т. д.

Неправильный выбор флексии

К рассмотренным случаям примыкает явление, которое можно было бы назвать межсловесным грамматическим сингармонизмом. Примеры единичны:

Это интервью, которое дал ведущий научный сотрудник Института сердечной хирургии --- корреспонденту «Общей газеты» ... <после колебания — М. Г.> *Илью* Мильштейну (Радио-1, Собеседник, 05.02.96).

Подойди в церкви к отцу *Илью* //(Из записей разговорной речи, 1995).

Падеж выбран правильно, но неправильно выбрана флексия этого падежа для данного слова. Произошло уподобление флексии одного слова флексии синтаксически связанного с ним соседнего слова, причем слабым оказалось склонение существительного мужского рода на -ья, что соответствует исторической судьбе этого склонения (в современном языке осталось только два слова этого склонения — *судья* и *Илья*). Ср. также вышеприведенные примеры на *распутьев* и *видел двух бабушках*, где помимо неправильного выбора падежа ошибочным оказывается и выбор флексии.

Нарушения в согласовании

Большое количество нарушений, связанное с согласованием причастий, можно рассматривать как свидетельство ослабления роли падежных флексий у согласовательных категорий. Пока рассогласование причастий со словами, к которым они относятся, возможно только в постпозиции: ведь существительное уже несет нужный падеж. Чаще

всего замены касаются пары родительный — творительный (вместо родительного используется творительный падеж), что является еще одним подтверждением того, что имеет место процесс перераспределения сферы влияния между падежами (ср. выше об экспансии творительного падежа в рамках глагольного управления). Приведем примеры.

Творительный вместо родительного:

В России нет ни одного ветеринарного вуза или среднего специального заведения, обучающим (вместо *обучающего*) лечению собак (ТВ, «Тема», 20.10.92, из выступления зам. президента Клуба по защите животных).

Достигнута договоренность о ряде мер, возможно, открывающими (вместо *открывающих*) путь к миру (ТВ, «Время», 28.09.92, корреспондент читает текст за кадром).

Растет спрос на экономистов широкого профиля, владеющими (вместо *владеющих*) современными методами науки (ТВ, «Тема», 10.11.92, И. Заславский, начальник департамента труда и занятости).

Напомним хронологию событий, чуть не приведшими к кавказскому кризису (НТВ, «Герой дня», 27.02.96, ведущий П. Лобков).

Выставка представлена рядом картин, представляющими (вместо *представляющих*) превосходную экспозицию (ТВ, «Время», корреспондент; пример из [Лаптева 1990, 209]).

Личность Солженицына выше и сильнее его литературного таланта, в целом подражательного, натужного, исчерпывающегося содержанием сегодняшним и способным (вместо *способного*) воспроизвести только одну личность — личность автора (Д. Самойлов, Исач, из кн. «Памятные записки». Столица, 1992, № 27, 19).

Творительный вместо дательного:

Ну а как обозначить остальное, предшествующее этому: изгнание из партии и с работы, что было у нас равнозначно гражданской казни, непрерывной блокаде без возможности зарабатывать на жизнь, камням, летающим в окно (вместо *летающим*), и мату, и подслушиванию по телефону (А. Приставкин, поздравительное письмо Л. Копелеву в связи с его 80-летием. Столица, 1992, № 16).

Довольно типичной ошибкой является путаница творительного падежа с предложным.

Творительный вместо предложного:

Они были своеобразным копированием образцов, написанных на языке, признанным <вместо *признанном*> литературным (Л. Мошинский, перевод статьи, ВЯ, 1966, № 5, с. 82).

Предложный вместо творительного:

--- исследователи --- прилагают усилия для частичной или полной социально-политической реабилитации Хайдеггера, либо считают его грех незначительным, во всяком случае никак не повлиявшим (вместо *повлиявшим*) на грандиозность хайдеггеровского вклада в мировую философию (Мотрошилова Н. В. Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991).

Замена другими падежами встречается существенно реже.

Родительный вместо дательного:

Но ненадежность фундамента в конце концов привела к его развалу, ставшего (вместо *ставшему*) такой драмой, которую не хотелось бы переживать еще раз (Изв., 03.03.96).

Родительный вместо творительного:

Многие его называли Прометеем, давшего (вместо *давшим*) огонь людям (пример из [Лаптева 1990, 209]).

Все рассмотренные явления, при всем своем несходстве, будучи вызваны к жизни разными механизмами, имея разную степень (не-)нормативности и употребительности, свидетельствуют о развитии одной и той же тенденции, состоящей в частичном ослаблении падежных функций. Действуют те аналогии и такие механизмы, результаты которых вписываются в эту тенденцию.

Рассмотренные явления отражают антиномию между узусом и системой (большая их часть есть в узусе, но еще не вошла в систему) и между семантической эксплицитностью и эллиптичностью в тексте.

Расшатывание синтаксических правил, семантически не мотивированных

В этом разделе мы рассмотрим ослабление некоторых поверхностных синтаксических правил, семантически не мотивированных.

Речь пойдет о синтаксических ограничениях, непосредственно или косвенно касающихся субъекта действия. Давно отмечалось, что синтаксическое выражение семантического субъекта в разных языках регулируется разными правилами. Так, для русского, в отличие от других языков, характерны, в частности, такие синтаксические конструкции, в которых устранено представление о субъекте либо реальный субъект представлен синтаксически как дополнение, как, например, в безличных предложениях *Здесь хорошо спится. Ему не спится* [ср. Гак 1976]. Существуют случаи принципиальной невыразимости субъекта в виде синтаксического зависимого — при активном причастии, деепричастии, инфинитиве [Апресян 1990, 66; 1992, 23—25]. Целый ряд конструкций в русском языке требует кореферентности субъекта того предиката, который формирует конструкцию, и субъекта-подлежащего того глагола, которому эта конструкция синтаксически подчинена. К таким конструкциям относятся деепричастные и некоторые другие обороты.

В данном разделе речь пойдет о двух явлениях, так или иначе связанных с понятием субъекта.

1) Кореферентность субъекта-подлежащего и (невывраженного) субъекта деепричастного и некоторых других оборотов.

2) Конкуренция возвратного (*свой*) и личного (*его, мой, твой*) местоимений.

Мы останавливаемся именно на этих участках языка, поскольку с конца 80-х гг. наряду с правильным употреблением здесь наблюдается и массовое нарушение действующих правил употребления. Так, часто встречаются случаи типа *Сотрудничая с нами, вам гарантируется успех* вместо ...*вы можете быть уверены в успехе*; *Это может дать аргументы генеральному секретарю в споре со своими противниками* вместо ...*в споре с его противниками* и т. д. Употребление запретных конструкций первого типа было известно и раньше, 80—90-е годы лишь небывало расковали этот процесс, а вытеснение притяжательным возвратным местоимением личного раньше как будто не отмечалось.

Подобные употребления все еще воспринимаются как ошибки, хотя степень неправильности, как мы увидим ниже, может быть различной. Однако массовый характер подобных нарушений, а, главное, нарастание этого процесса свидетельствуют о том, что мы имеем дело не просто с проблемой культуры речи, но с живой языковой тенденцией.

Правило кореферентности субъекта-подлежащего и субъекта синтаксического оборота

К обстоятельственным конструкциям, которые требуют кореферентности невыраженного (невывражаемого) субъекта соответствующего оборота с субъектом-подлежащим того глагола, от которого зависит оборот, относятся следующие:

— Деепричастные обороты, ср. невозможность **Придя домой, письмо было прочитано*. Деепричастные обороты такого типа запрещаются нормативными грамматиками большинства европейских языков [ср. Йокояма 1983].

— Наречные обороты с так называемыми субъектными наречиями [Апресян 1974, 273—274; 1992, 24—25]. Наречия могут быть несубъектными и характеризовать только действие (*часто, всегда*), или быть субъектными и характеризовать и действие, и его субъект (*молча, весело, шепотом, устно*). В первом случае они не подчиняются правилу кореферентности, ср. нормальность *Ящики всегда переносились рабочими*; во втором случае кореферентность обязательна, ср. невозмож-

ность *Ящички молча переносились рабочими. Субъект молчания должен быть подлежащим предложения.

— Инфинитивные, целевые и некоторые другие обороты, ср. невозможность *Совещание состоялось с целью согласовать позиции сторон. Субъект цели должен совпадать с подлежащим предложения, ср. нормальное *Стороны провели совещание с целью согласовать свои позиции.*

Запретные деепричастные обороты

Ненормативная деепричастная конструкция с некорреферентным подлежащему семантическим субъектом в современном языке реализуется чрезвычайно широко. Примеры подобного нарушения фиксируются с давних пор — и в письменных текстах (в том числе в художественной литературе), и в устной речи. Как известно, с этой конструкцией боролся еще М. Ломоносов, но полностью она никогда не исчезала, сохраняясь и на протяжении XIX века [Ковтунова 1964], и позже. Для языка 70-х годов нашего века такие нарушения досконально проанализированы в работе [Ицкович 1982]. На материале нескольких языков эти «запретные деепричастные обороты» рассматриваются в статье [Йокояма 1983].

Причина, по которой данная конструкция упорно осуждается в грамматической литературе (особенно в аспекте культуры речи), связана с нарушением однозначности высказывания при ее наличии, ср. *Приехав в город, меня встретили родные* (непонятно, кто приехал). Такое объяснение нельзя признать основательным, поскольку неоднозначность коренится в природе языка и в других случаях не служит основанием для запретов; ср., например, омонимичное словосочетание *посещение родителей* (их посещали или они посещали). Причина состоит в том, что действует правило корреферентности субъекта оборота и подлежащего, и, если оно нарушается, сами носители языка ощущают такие конструкции как ненормативные.

Само правило употребления деепричастного оборота формулируется по-разному — иногда в синтаксических терминах (относительно подлежащего), иногда в семантических (относительно субъекта). При этом синтаксические и семантические требования к правильной конструкции не сводятся воедино. Вот пример обычной грамматической формулировки: «обозначаемое деепричастиями действие указывает на действие подлежащего» [Розенталь 1968, 381]. И в то же время: «Но не следует <...> употреблять его <деепричастный оборот> в пассивной конструкции, так как субъект действия, выраженного сказуемым, и

субъект действия, обозначенного деепричастием, не совпадают, например, «Убежав из дома, мальчик был вскоре найден родителями» (там же, 382). Между тем, данная пассивная конструкция удовлетворяет основному правилу: действие «убежать» произвел референт слова *мальчик*, которое является подлежащим главного предложения.

По-видимому, нормативным ядром деепричастных оборотов являются такие конструкции, в которых выполняются одновременно и синтаксическое, и семантическое требования. Более конкретно, семантический субъект деепричастия должен совпадать с семантическим субъектом глагола главного предложения, а этот последний должен выполнять функцию подлежащего. Остальные случаи образуют переходную зону и именно поэтому по-разному оцениваются исследователями с нормативной точки зрения. Так, например, безличные предложения академическая Грамматика-60 вслед за М. Ломоносовым считает допустимыми (§ 929, 655), хотя некоторые приводимые примеры вызывают сомнения, ср.: Она сама не знала, какая в ней таилась сила, ну, а убедившись в ее действии на бале, как же ей было остановиться на ничтожном студенте (И. Тургенев). В то же время Н. Греч, а вслед за ним А. А. Шахматов и др. запрещают употребление деепричастных оборотов в безличных предложениях. Но некоторые из примеров, ошибочных с точки зрения Н. Греча, воспринимаются как совершенно нормальные, ср. *Играя в карты, можно потерять здоровье. Зная грамматику, непозволительно ошибаться* («Чтения о русском языке». СПб, 1840, 266; цит. по [Власов 1958, 35]).

И другие случаи квалифицировались по-разному. Конструкции, где «деепричастие относится к “логическому” подлежащему (*мне, нам, у меня* и под.)», считал «довольно сносными» В. И. Чернышев [Чернышев 1915, 242]. В. И. Ицкович называет даже их «неприемлемыми с точки зрения литературной нормы» [Ицкович 1982, 131]. О. Йокояма полагает, что если бы русская грамматика носила не нормативный, а дескриптивный характер, то независимые деепричастные конструкции описывались бы наряду с другими.

Этот разноречивый в оценках показывает, что перед нами живой, пульсирующий процесс легализации независимых оборотов. Как бы их ни оценивать, следует признать, что и сейчас эти конструкции встречаются не только в неподготовленной, спонтанной речи, и не только в небрежных газетных текстах, но и в художественной литературе.

Поясним понятия, которыми мы будем пользоваться при дальнейшем описании. Как ясно из сказанного выше, мы следуем давно существующему в грамматической традиции разграничению понятий «подлежащее» и «субъект». Они относятся к разным уровням описания.

Подлежащее — это единица синтаксического уровня; в роли подлежащего может выступать имя живого существа, предмета, ситуации, оно может быть выражено именем, инфинитивом, предложением и т. п. Субъект — единица семантического уровня; в роли субъекта может выступать только человек или другое живое существо. Ср. *Это обрадовало меня*: подлежащее *это* обозначает ситуацию, семантическим же субъектом состояния радости является человек, который назван формой *меня*.

В зависимости от типа предиката, к которому относится имя субъекта, выделяются разные типы субъектов: субъект действия (т. е. агенс) и субъект состояния, процесса или положения в пространстве (не являющийся активным деятелем).

К семантическому уровню относится также понятие «объект», которому на синтаксическом уровне может соответствовать как подлежащее, так и дополнение.

Нам понадобятся также представление о прямых и конверсных предикатах. В парах типа *Я имею это* и *У меня есть это*, *Я удивляюсь этому* и *Меня удивляет это*, *Всякий начинает ощущать* и *У всякого возникает ощущение* прямыми являются предикаты, при которых субъект занимает позицию подлежащего (первую валентность), а конверсными — предикаты, при которых субъект занимает позицию дополнения (не первую валентность).

Положим в основу классификации нашего материала параметр совпадение/несовпадение семантических субъектов у деепричастия и глагола, от которого оно зависит. С этой точки зрения все нарушения распадаются на три неравные группы: 1) обширная группа примеров, где имеет место совпадение субъектов деепричастия и глагола; 2) случаи, когда субъекты частично совпадают, а частично — нет (при метонимическом обозначении субъекта) и 3) единичные примеры независимых деепричастных оборотов, когда субъект деепричастия и субъект глагола различны.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ ОДИНАКОВЫ

Остановимся вначале на тех многочисленных случаях, когда семантический субъект и у деепричастия, и у глагола один и тот же.

Нарушения обычно возникают при употреблении конверсного предиката вместо прямого, ср.: *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа* вместо прямого *я потерял шляпу* или *Придя домой, письмо было вскрыто* вместо прямого *я вскрыл письмо*. Для обнаружения семантического субъекта в таких случаях предикату, реально представленному в высказывании, сопоставляется прямой предикат. Затем уже его субъект можно сравнить с субъектом деепричастия⁶.

Классификацию высказываний с субъектами, совпадающими у деепричастия и глагола, будем строить на основе следующих признаков:

1) выражен ли в главном предложении субъект или только имплицитно;

2) если выражен, то какой падежной формой и какой частью речи — существительным или местоимением.

На основании этих признаков выделяются следующие группы высказываний с совпадающими глубинными субъектами у деепричастия и глагола.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ НАЗВАН НЕПОСРЕДСТВЕННО

Субъект выражен родительным падежом:

Увидев это жилище, у меня сложилось самое плохое впечатление (ТВ, синхронный перевод французского фильма «Болтуны не смогут промолчать», 6.11.92).

Не успев влюбиться, у меня уже были возражения (кандидат филологических наук, в разговоре, 1992).

Узнав это, у меня буквально ноги подкосились (из разговорной речи, 1991).

Создавая партию, у вас есть шанс эту тенденцию нарушить (РТВ, «Подробности», комментатор А. Сванидзе, 31.03.94).

Избавившись таким образом от бездомных, увечных, престарелых, сырых и обиженных, у Вас в распоряжении останутся сильные, здоровые и работающие люди, с которыми Вы построите социализм, а может и коммунизм (газ. Новая жизнь, 1991, № 13 (47)).

Даже оказавшись по ту сторону власти, работы у них все равно хватает (ТВ, «Вести», 05.02.96).

Пока же, объяснил он [Шапошников], «слушая украинских руководителей, у всякого нормального человека возникает ощущение, что Украина вступила в СНГ, чтобы скорее похоронить Советский Союз, а в дальнейшем выскочить из Содружества» (НГ, 19.05.92).

Увидев четкую армейскую жизнь, у многих ребят изменилось отношение к армии (ТВ, «Вести», 16.04.94, говорит корреспондент).

Субъект выражен дательным падежом:

Испытывая неизменную благодарность Кредобанку и Автовазбанку за огромный вклад в жизнедеятельность Российского национального оркестра и глубоко уважая их руководителей, мне становится крайне неудобно при мысли, что подобный оборот, ни в коей мере не соответствующий тому, что я когда-либо говорил или думал, возник на страницах вашей, уважаемой мною, газеты (НГ, 10.10.92, письмо дирижера М. Плетнева).

Присматриваясь к этому, мне кажется, что речь идет по темам, а не по ремам (доктор филологических наук, выступая на обсуждении в научном институте, 1992).

Работая проводником, мне не нужна комната в клубе (синхронный перевод с английского по ТВ при демонстрации фильма «Из Африки»).

Сотрудничая с нами, вам гарантируется успех и популяризация вашего дела (Радио, 1 канал, 17.07.92, рекламное объявление).

В совершенстве владея виртуозным танцевальным языком, молодым порой недостает поэзии (Изв., 10.03.95).

Субъект выражен винительным падежом:

Вначале приведем более ранний пример.

Меня крайне удивил арест Бабеля, зная его за советского человека (Е. П. Пешкова, документ из досье Бабеля от 16.07.1954; Возвращение, М., 1991, 441). Зная, что утром президент встречался с руководителями студий «Останкино» и «Россия», всех волновал вопрос о закрытии ТВ (ТВ, «Вести», диктор за кадром, 9.03.94).

Наблюдая многочисленные аппаратные интриги, многих уже тошнит от слова «приватизация» (Л. Пияшева, Альтернативная концепция приватизации Минпрома РФ, НГ, 25.04.92).

Субъект выражен творительным падежом:

И вот сидя несколько дней в своем кабинете, без всяких икон, только сравнительно репродукции, передо мной открылась страшная картина (ТВ, «Совершенно секретно», 25.07.92, реставратор Тетерников, свободный рассказ, прекрасно владеет литературным языком).

Приведенные примеры показывают, что конструкции данного типа возникают чаще в тех случаях, когда семантический субъект выражен формой родительного ($y + \text{РОД}$) или дательного падежей и назван личным местоимением, особенно в форме 1 л. ед. ч. Последний фактор является релевантным не только для русского языка: в современном польском языке при подобных нарушениях обычно встречается именно эта форма личного местоимения и лишь спорадически — другие формы местоимений [Butler и др. 1986, 413]. Названные конструкции не только наиболее частотны, но и воспринимаются как менее неправильные. Они встречаются и в речи весьма компетентных с точки зрения владения литературным языком людей.

К названным факторам, способствующим легализации данных оборотов, можно добавить еще один — модальный контекст. Приводимые ниже примеры являются абсолютно приемлемыми с нормативной точки зрения (курсивом выделены слова с модальным значением).

Мне, будучи в дружеских отношениях и с тем и с другим, приходится быть их «секундантами» (М. Яншин, Дни молодости — «Дни Турбиных»).

Не будучи специалистом по стихосложению, мне трудно установить «технику» этого творчества (Е. Извольская, Тень на стенах. Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992).

Э. Шеварднадзе прекрасно понимал, что, находясь в одной связке с М. С. Горбачевым на посту вице-президента (он знал, что сможет реально претендовать на этот пост), ему придется разделять ответст-

венность с президентом за судьбу страны и решил, по-видимому, не рисковать («Товарищ», газета Московской ВПШ, 1.03.91, интервью с Алкснисом).

Менее нормальным выглядит пример, где действуют не все три фактора (совпадение глубинных субъектов, личное местоимение, модальный контекст) вместе, а на один меньше:

Но теперь, став другим человеком, Грунякину *нужно* было хотя бы искусственное согревание семьей и женщиной (А. Платонов, Счастливая Москва, Новый мир, 1991, № 9).

Отметим, что семантический субъект, выражаемый косвенным падежом, во всех приведенных примерах является не субъектом действия, не агенсом, а субъектом какой-то статальной ситуации — либо ситуации обладания, либо состояния или свойства (эмоционального, физического или интеллектуального), либо субъектом желания. Ср.:

Субъект обладания: *у него было* (= он имел), *у вас в распоряжении останутся* (= вы будете иметь), *вам гарантируется успех* (= вы будете иметь успех), *у меня были возражения* (= я имел возражения), *работы у них хватит* (=они будут иметь достаточно работы), *нет рыбы* (= не имеет рыбы).

Субъект эмоционального состояния: *меня удивил* (= я ощутил удивление), *меня не шокировало* (= я не ощутил ничего шокирующего), *у меня сложилось впечатление* (= я имею такое-то впечатление), *у всякого возникает ощущение* (= всякий ощущает); *всех волновал вопрос* (= все интересовались вопросом); *у многих изменилось отношение к армии* (= многие начали иметь другое отношение к армии), *мне становится неудобно* (= я ощущаю неудобство), *многих тошнит* (= многие ощущают тошноту, перен.).

Субъект свойства: *будучи зрелым человеком* (= я был зрелым человеком).

Субъект восприятия: *передо мной открылась картина* (= я увидел картину).

Субъект желания или долженствования: *мне приходилось* (= я был должен); *Ему нужно было согревание семьей* (= он нуждался в согревании семьей).

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ВЫРАЖЕН МЕТОНИМИЧЕСКИ

Метонимическим выражением субъекта является название какой-либо его части, например, части тела. В примерах, приводимых ниже, в главном предложении названа какая-либо часть того же субъекта, который мыслится при дееспричастии. Поэтому в широком смысле эти субъекты совпадают. Ср. *Видя ее, руки сами тянутся ее обнять* (руки принадлежат тому же субъекту, который видит).

Вспомним, однако, тезис А. Вежибицкой о том, что значение существительных с составляющей 'человек' расщепляется на значения 'тело', 'личность' и целостное значение 'личность и тело' [Wierzbicka 1967]. В высказываниях типа *Джон упал* имеется в виду лишь тело Джона, а *Джон добр* — не его тело, а его ego, его личность. В зависимости от значения предиката в фокусе оказывается физическая или духовная ипостась человека (т. е. не весь объект, а его часть) либо человек целиком. В том случае, если при деепричастии субъект мыслится в одной своей ипостаси, а метонимически обозначается его другая ипостась, получается, что в узком смысле субъекты не совпадают, и нарушение воспринимается как достаточно грубое. Если же ипостаси совпадают, фраза кажется более приемлемой.

Ипостаси субъекта совпадают:

Думая об этом, ум за разум заходит (Из записей РР, 1986). В обеих частях предложения имеется в виду ментальная сторона одного и того же субъекта: ум принадлежит тому же, кто думает.

Глядя на эту морду, просто кулаки сжимаются (Из записей РР, 1994). Кулаки принадлежат тому же, кто смотрит (физическая сторона субъекта).

Казалось бы, видя каждый день человеческие пороки, что может светлого остаться в душе? (ТВ, «Добрый вечер, Москва!», 22.05.92). В широком смысле субъект один и тот же, т. к. не может остаться в душе ничего светлого у того (не может больше иметь в душе ничего светлого тот), кто видит человеческие пороки. Субъекты в узком смысле также совпадают. *Видеть пороки* не значит физически воспринимать с помощью зрения, а значит сталкиваться с этим в жизни, наблюдать, интерпретировать, руководствуясь представлениями о добре и зле. Это предполагает участие духовной стороны личности, к которой относится и душа, метонимически называющая субъект в главном предложении.

По всей видимости, **насмотревшись** в Москве на тяготы и лишения жизни российских бездомных, **нервы у голландцев** окончательно сдали (Изв., 16.02.95). Субъект и в деепричастном обороте, и в главном предложении в широком смысле один и тот же — голландцы. Совпадение имеет место и в узком смысле, т. к. в обоих случаях речь идет о внутренней сфере субъекта, его интеллектуальной и эмоциональной стороне (*насмотреться на тяготы* значит не только видеть глазами, но и подвергать оценке, и быть безразличным к увиденному, *нервы* характеризуют эмоциональную, нервную организацию субъекта).

Ипостаси субъекта различаются:

На ночь, засыпая, непрременный во рту леденец (В. Цветаева, Из записок. Воспоминания о Марине Цветаевой. М., 1992). Леденец во рту имел тот, кто засыпал, но предикат *засыпает* характеризует сознание субъекта, а рот является частью тела.

Но оставалась надежда, что, увидев старых и больных родителей, сердца детей смягчатся (НТВ, Новости, 3.05.94). Смягчатся дети (сердца тех детей), которые увидят старых и больных родителей (совпадение в широком смысле). Но, поскольку *увидеть глазами* означает физическое восприятие, а *сердце* здесь называет орган чувств, то оказывается, что субъект характеризуется в двух разных ипостасях.

Особенно грубым нарушением кажется следующий пример:

Посмотрев много лет назад «Шербургские зонтики», она [Катрин Денев] сразу же вошла в наши сердца (Радио, Собеседник, 13.06.91, говорит журналист-диктор). Это высказывание может восприниматься как синтаксически правильное, но при этом выражающее нелепый смысл: «После того, как К. Денев посмотрела фильм «Шербургские зонтики», она вошла в наши сердца». Нужный же смысл выражается здесь с двойной ошибкой. Первый уровень неадекватности (с полным тождеством семантического субъекта) возник бы при выражении субъекта с помощью личного местоимения: ...она сразу же полюбилась нам. Метонимическое выражение субъекта (*наши сердца*), выделяющее лишь его эмоциональную ипостась, приводит к несовпадению с физической ипостасью субъекта деепричастия *посмотрев фильм*.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ НЕ ВЫРАЖЕН ВОООЩЕ

Возможна невыраженность различных типов субъекта: конкретный известный субъект, который имплицитруется и легко может быть восстановлен; не вполне конкретный и не вполне известный (например, расплывчато представляемая группа лиц или орган, ответственные за выполнение данного действия) и, наконец, неконкретный и неопределенный субъект — люди вообще.

Конкретный субъект:

Прочитав его <документ>, сон как рукой сняло (КП, 22.03.94).

--- пережив все это вместе со страной (которую она уже не отождествляет с государством), соблазн бегства от этих бедствий отвергается как недостойное малодушие (А. Тамарченко, «Так не зря мы вместе бедовали...». Ахматовские чтения, вып. 1. М., 1992).

В его идеальном мире — тихие зимние вечера проводятся в Кенсингтоне, выпивая шампанское с королевскими гвардейцами (МК, 31.07.94).

Приведенные высказывания с имплицуемым конкретным субъектом воспринимаются как безусловное отклонение от нормы. Менее грубым кажется нарушение в следующем примере:

Делалось это дурачась, мистификации ради (В. Цветаева, Из записок. Воспоминания о Марине Цветаевой. М, 1992).

Это связано, на наш взгляд, с тем, что деепричастный оборот выражен здесь однословно и находится в постпозиции к глаголу, сближаясь тем самым с наречием, ср. *Делалось это неслерез* (ср. также наречия типа *стоя, лежа*).

Расплывчато представляемый субъект (группа лиц или орган, в чью компетенцию входит выполнение данного действия):

Приводимые ниже примеры нуждаются в более подробных комментариях.

— У нас в начале семидесятых вышла прекрасная книга Ицхока Мераса «Ничья длится мгновение». Не успев выйти — ее изъяли из всех библиотек и со всех книжных складов (Сегодня, 7.05.94). Подразумеваемый субъект деепричастного оборота — книга — на более глубинном уровне анализа предстает как объект, ср. толкование *выйти* в этом значении в МАС'е как 'быть выпущенным, изданным'. Субъектом же является тот, кто издал (разрешил издать), затем изъял (потребовал изъять).

Имея порт в Калининграде, корабли в других городах, рыбы фактически нет (ТВ, ТСН, 11.07.92, говорит капитан флота). Тот, кто имеет порт и корабли (страна, министерство), тем не менее не имеет рыбы.

Считая одной из важнейших задач изучения устной речи выявление тех речевых жанров, которые охватывают все пространство городской устной речи, в этот том включен специальный раздел «Жанр научно-популярной лекции» (Аннотация на монографию «Русский язык в его функционировании», ИРЯз). Тот, кто включил раздел (авторы, редакторы, составители), считал изучение устной речи одной из важнейших задач.

Пребывая в совершенном убеждении, что театр существует для зрителя, что без зрителя он мертв, в 1990 году был учрежден приз «Хрустальная Турандот» (Изв., 23.03.94). Субъектом, т. е. тем, кто учреждал приз, должна быть какая-то организация, имеющая право и возможность для этого. Ненормативность этого примера усугубляется тем, что оборот *пребывая в совершенном убеждении* может характеризовать скорее конкретный субъект, чем тот расплывчатый, который подразумевается в данном тексте.

Будем помнить, какой эксперимент проводился над нашей страной, внедряя марксизм (Из речи Б. Н. Ельцина в США, июнь 1991).

Субъектом проведения эксперимента и внедрения марксизма была партия, государство и т. д.

Предоставляя квартиры, каких-то политических ограничений, естественно, не применялось (Интервью Б. Н. Ельцина, Пр., 10.06.91). Предоставлять квартиры имеют право специальные учреждения. Они же не применяли ограничений.

Эти примеры тоже воспринимаются как безусловное отклонение от нормы.

Неконкретный субъект ('любой, кто...'):

Но, глядя со стороны, эти три человеческих типа кажутся не имеющими ничего общего (Г. П. Федотов, Письма о русской культуре. Русская идея. М., 1992). Кажется тому (т. е. так думает тот), кто глядит со стороны.

Глядя из Москвы, складывается впечатление, что между властями прибалтийских стран и армейским руководством существует непреодолимая стена (Радио Свобода, После империи, комментатор Маленкович). У всякого, кто глядит из Москвы (т. е. получает информацию, находясь в Москве), может сложиться такое впечатление.

Читая и сличая с жизнью, покажется, что дух общежития и коммунальной квартиры зародился в литературе раньше, чем воплотился наяву, как раз в подобном авторском отношении к сцене (А. Битов, Пушкинский дом): Покажется любому (т. е. подумает так любой), кто читает и сличает.

Взгляд у него был особый: приходилось думать, вставной ли у него глаз, но, присмотревшись, оказывалось, что не вставной (А. Битов, Пушкинский дом). Оказывалось для всякого (т. е. видел всякий), кто присматривался.

Однако, читая старинные книги и сравнивая с сегодняшним днем, нет-нет и возникает вопрос: а так ли было необходимо, как поется в песне «Весь мир насилья мы разрушим»? (Радио, 3 канал, 22.04.91, ведущий передачи). Вопрос может возникнуть у любого из тех (т. е. может не понять любой из тех), кто читает и сравнивает.

Приведенные примеры с неконкретным, неопределенным субъектом воспринимаются как близкие к норме. Об этом свидетельствует и более высокий ранг «нарушителей» с точки зрения литературной нормы. Это естественно, поскольку выведение субъекта деепричастного оборота из фокуса внимания является предпосылкой для ослабления того синтаксического ограничения, которое базируется на понятии субъекта.

И в этом случае модальный контекст благоприятствует легализации конструкции, ср.

Чувствуя неполноценность как члена общества, *хочется*, чтобы все общество оказалось неполноценным (ТВ, «Добрый вечер, Москва!», 24.07.92, говорит доктор искусствоведения Кирилл Разлогов). Каждый, кто чувствует свою неполноценность, хочет, чтобы все общество оказалось неполноценным.

Фактором, препятствующим нормализации подобных конструкций, служит употребление в главном предложении десемантизированного глагола, у которого не может быть семантического субъекта. Рассмотрим следующий пример, который воспринимается как грубое отклонение от нормы, в отличие от остальных примеров с неконкретным субъектом:

Оценивая же само решение, мнения делятся на прямо противоположные (Радио Маяк, 13.09.92).

Десемантизированный глагол в главном предложении — *делиться*. Синтаксическим подлежащим подобных глаголов в обязательном порядке является предикатное слово, которое само имеет семантическую валентность субъекта (в данном предложении — это слово *мнения*). Субъектом главного предложения в таком случае и является субъект данного существительного (тот, кто имеет мнение). На первый взгляд не очевидно, что субъект главного предложения и деепричастного оборота здесь один и тот же. Имеется в виду, что в оценке решения мнения не совпадают, т. е. прямо противоположные мнения имеют те, кто оценивает; тем самым субъект оценки и субъект мнения — один и тот же.

СЕМАНТИЧЕСКИ СУБЪЕКТЫ РАЗНЫЕ

Примеры такого рода в буквальном смысле единичны.

Будучи уже вполне зрелым человеком, меня выманил Михалков играть Обломова (ТВ, О. Табаков в юбилейной телепередаче «Пять вечеров с Олегом Табаковым», 1996).

Комическое создается с помощью карикатуры, пародии, подражания, переодевания, разоблачения, помещения человека в комическую ситуацию (например, подставляя ему ножку) и т. д. (И. М. Суслов, Может ли компьютер смеяться. Компьютерная хроника, 1993, № 1). Создает комическое и помещает человека в комическую ситуацию автор, а подставляет ему ножку персонаж. Различие субъектов в данном примере несколько замаскировано пассивной конструкцией с не выраженным формально агенсом.

И вот в один прекрасный день, находясь уже на стажировке в Вильнюсском университете, к ней в общежитие пришел человек, «часто сопровождавший прибывающих с Запада литовцев» (Изв., 18.04.92,

Н. Лашкевич, Литовский вариант «охоты на ведьм»). На стажировке находилась «она», а в общежитие к ней пришел какой-то человек.

В Германии даже достигнув 18-летнего возраста, инвалидов не отлучают от таких центров и от коллективов, к которым они привыкли (Сегодня, 7.05.94). Достигают 18-ти лет инвалиды, а отлучают их от центров другие люди.

Конечно, президентская команда предполагала, что, запретив Верховный Совет — Хасбулатова и других, они не пойдут домой спокойно пить чай (ТВ, 3.10.93, говорит Политковский). Запрещал президент, а не пойдут домой члены Верховного Совета (Хасбулатов и др.).

Замазав этот торец, у вас все питание пойдет в эту веточку (ТВ, «Наш сад», 30.05.94, говорит садовод). Торец замазывает садовод, а в веточку идет питание.

Наконец дозвонилась с третьего раза, сожравши две монеты (из наблюдений над разговорной речью; пример из [Апресян 1990]). Дозвонилась она, монеты проглотил (сожрал) телефон-автомат. Данное нарушение связано с глубоким эллипсисом, присущим разговорной речи: опущено *автомат заработал только (сожравши две монеты)*. В этом случае деепричастный оборот относится не к присутствующему в высказывании «главному предложению», а к этой опущенной части. Две части реального высказывания — деепричастный оборот и «главное предложение» — образуют не одно простое предложение, но представляют собой две разные части, относящиеся к одному сложному предложению.

Примеры на некорреферентность с различающимися семантически субъектами у деепричастия и глагола в главном предложении немногочисленны и воспринимаются как очень грубое отклонение от нормы.

Мы вновь встречаемся с фактором, усугубляющим ненормативность рассматриваемых употреблений. Мы имеем в виду случаи, когда субъектом главного предложения является субъект не глагола (из-за его десемантизированного характера), а связанного с ним существительного, как это имеет место в следующем примере:

После этого, дав присягу и встретившись с аккредитованными в Таллине дипломатическими представителями, состоялась торжественная встреча в Домском соборе (ТВ, «Итоги», 10.10.92).

Поясним, почему в этом высказывании семантические субъекты в разных частях не совпадают. Существительное *встреча* предполагает в качестве субъекта как минимум две стороны. Здесь же речь идет только об одной стороне — тех, кто давал присягу и встречался с дипло-

матическими представителями. Тем самым нет полного совпадения субъектов.

Подытожим рассмотренные случаи.

Наиболее мощным фактором, порождающим массовые случаи нарушения правила кореферентности, является фактор совпадения семантического субъекта состояния или (реже) действия, выраженного глаголом, и субъекта действия или состояния, названного деепричастием. Этот же фактор является основополагающим в процессе нормализации подобных оборотов. Хотя они никогда не признавались нормативными, именно они из всех ненормативных оказались наиболее устойчивыми и распространенными. Это подтверждается исследованиями русского языка XVIII-го, XIX-го и XX-го веков [Ковтунова 1964, 397—407; Йокояма 1983]. Наблюдения над языком 90-х гг. показывают дальнейшее укрепление данной конструкции. При этом самыми устойчивыми и близкими к норме из рассмотренных типов являются конструкции с выраженным непосредственно семантическим субъектом, особенно если он выражается формой личного местоимения 1-го лица (ср. цит. выше [Чернышев 1915, 242]).

Запретные инфинитивные обороты

Ниже мы рассмотрим еще ряд оборотов, употребление которых регулируется тем же правилом: (не выраженный) семантический субъект оборота должен быть кореферентен подлежащему в главном предложении. Это правило иногда нарушается.

ЦЕЛЕВОЙ ОБОРОТ С ИНФИНИТИВОМ

Чтобы политически не потерять свое лицо, идет медленная, тлеющая работа (ТВ, Новости, 1.10.93, говорит С. Филатов). Правильно было бы *они ведут медленную работу*. Семантическим субъектом выражения *Идет работа* является тот, кто ее ведет. Ее ведет тот же субъект, который не хочет политически потерять лицо.

Многие документы еще утаены, **чтобы использовать их** потом в политических целях (вместо: чтобы быть потом использованными) (Радио Свобода, 17.10.92, комментатор Е. Рубин). Утаил документы тот, кто хочет их использовать в политических целях.

Как видим, в обоих примерах семантический субъект оборота и главного предложения один и тот же.

ТЕМПОРАЛЬНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫЙ ИНФИНИТИВНЫЙ ОБОРОТ

Прежде чем взять больного на кодирование, он проходит всевозможные исследования (Радио России, 26.05.94; доктор психотерапевт

Довженко). Нарушено поверхностное правило, но семантический субъект и в обороте, и в главном предложении один и тот же, хотя с первого взгляда это не очевидно. *Больной проходит всевозможные исследования* значит, что врач его исследует. При прямой расстановке актантов *больной* выступает как объект, а не как субъект: *Больного исследуют (врачи)*, т. е. исследует тот же, кто берет на кодирование.

Ведь прежде чем стать тканью, шерсть распаривают, красят и закрепляют серной кислотой (ЖП, 01.05.91). Правильно было бы: *шерсть проходит обработку*. При прямой расстановке актантов выявляется тождество субъектов инфинитивного оборота и главного предложения: *Прежде чем сделать шерсть тканью, ее распаривают*. Распаривает шерсть тот же, кто делает ее тканью.

Реже встречаются нарушения, при которых субъекты различаются:

Прежде чем заплатить деньги, психолог подробно расскажет о методе (платит пациент, рассказывает психолог). Перед тем как отпраздновать в брачную комнату, белье невесты и жениха тщательно осматривали (Международная газета, 1995, № 21, с. 15). Отправлялись жених и невеста, а их белье осматривали другие люди.

Запретные субъектные наречные и предложно-именные обстоятельственные обороты

Субъектные наречные обороты характеризуют и действие, и его субъект (см. выше, с. 276). Они эквивалентны деепричастным оборотам, и их употребление регулируется теми же правилами. Нарушение возникает при некорреспондентности субъекта оборота и подлежащего:

Без оглядки на кого-либо, действие следует у нее за первым же импульсом, удовлетворяя ближайшую потребность (В. Цветаева, Из записок. Воспоминания о Цветаевой. М., 1992). *Действие следует у нее* значит 'она действует'; субъект *без оглядки* (тот, кто не оглядывается) — тоже она, семантические субъекты совпадают.

По-детски восхитившая Хрущева, эта система умеет ценить время и самостоятельность клиентов (Сегодня, 5.04.94, А. Генис, Путешествие по Америке от Автомобиля до Яхты). В этом примере семантические субъекты оборота и главного предложения различны. Субъект оборота — Хрущев (он восхитился по-детски, а не система восхитила по-детски), субъект же главного предложения — система.

Лучшие представители интеллигенции пришли для вручения им государственных наград (НТВ, «Сегодня», 18.03.96). Субъект целевого оборота (т. е. тот, кто вручает) должен совпадать с подлежащим. Здесь это правило нарушено, правильно было бы *пришли для получения наград*.

Запретный союзный присоединительный оборот

Этот оборот близок по смыслу деепричастию *будучи*.

Как давний ваш поклонник, мне запомнилась серия ваших романов (Радио России, слова журналиста, 16.02.94). Нарушается то же самое правило кореферентности субъектов, но семантические субъекты идентичны: я — поклонник, и я запомнил.

Как видим, примеров нарушений кореферентности в подобных оборотах совсем немного, и все они воспринимаются как грубое нарушение правила. Общая тенденция та же, что у деепричастных оборотов: нарушение возникает преимущественно в том случае, когда семантический субъект в обороте и главном предложении один и тот же, а несовпадение субъектов имеет место только на поверхностном, синтаксическом уровне.

В заключение коснемся вопроса о перспективности этого процесса. Какова причина распространения подобных нарушений? В. А. Богородицкий видел причину употребительности неправильных оборотов в стремлении к краткости [Богородицкий 1939, 221]. Важно, что эта потребность в большей краткости накладывается на характерную синтаксическую особенность русского языка, о которой шла речь выше, а именно, типичность бессубъектных и конверсных (к прямым) синтаксических структур. Тем самым ситуация, когда семантический субъект не является подлежащим, воспроизводится в русском языке достаточно часто, и, следовательно, является постоянной питательной почвой для возникновения независимых оборотов.

Мощным катализатором этого процесса является совпадение семантических субъектов в главном предложении и деепричастном обороте, которое оказывается более важным, чем их синтаксическое несовпадение. Мы имеем здесь дело с давлением семантики на синтаксис.

Есть и факторы, способствующие нормализации подобных употреблений. 1) Первое место занимает тот же самый фактор (совпадение семантических субъектов). 2) Выражение семантического субъекта формой личного местоимения 1 л. 3) Выражение семантического субъекта формами родительного (*y* + РОД) и дательного падежей. 4) Неконкретный, неопределенный характер субъекта при его невыраженности. 5) Однословность деепричастного оборота, сближающая его с наречием.

Напомним фактор, препятствующий нормализации — употребление в главном предложении десемантизированного глагола (по существу являющегося лексической функцией типа *Гипс* при предикатном

существительном), который не может иметь при себе семантического субъекта (имени человека).

Правила выбора возвратных и личных притяжательных местоимений

Особенность употребления возвратных местоимений состоит в том, что их антецедентом всегда является слово, называющее субъекта того действия или состояния, которое выражено в предикате, прямо или косвенно подчиняющем данное местоимение [Пешковский 1935, 147].

Как известно, возвратные и личные местоименные прилагательные в притяжательном значении употребляются как в одной и той же позиции, так и взаимоисключаяще.

Первый случай (*Я допустил бестактность по отношению к моей/своей жене*) А. Пешковский называл свободным варьированием [Пешковский 1935, 146]. Семантические различия личного и возвратного местоимений в этом случае описывались по-разному и в разных терминах, но в сущности нащупывалось одно и то же — объект представлен как психологически более отдаленный для посессора при *свой* и как более близкий для него при личном местоимении (ср., например, [Yokoama, Klein 1976]).

О других аспектах этого противопоставления см. [Падучева 1983, 19—25; 1985, 204—209], а также [Шмелев 1988, 77]. В последней работе противопоставление *мой-свой* рассматривается как показатель фиксированности-нефиксированности референта: *Я бы не мог ударить мою жену* (имеется в виду реальная жена) и *Я бы не мог ударить свою жену* (может подразумеваться любая, кто станет женой, жена в принципе).

В другом случае свободный выбор местоимения исключен даже при выражении одного и того же смысла, и допустимым оказывается либо только возвратное, либо только личное притяжательное местоимение. Эти случаи регулируются весьма сложными поверхностными правилами, не до конца еще ясными [Пешковский 1935; Болла и др. 1968; Падучева 1983; 1985].

В рамках данной работы интерес представляют случаи, когда поверхностные правила диктуют выбор одного — личного или возвратного — местоимения. В языке 90-х наблюдается отчетливая тенденция к замене в этих случаях личного местоимения возвратным. Насколько нам известно, этот факт еще не попадал в поле зрения исследователей.

Запретное *свой* вместо личного притяжательного местоимения**УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВОЗВРАТНОГО ПРИТЯЖАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ**

Употребление возвратного притяжательного местоимения регулируется, в частности, следующими условиями.

1) Возвратное местоимение не может употребляться в именительном падеже, ср. невозможность **Петя и своя мама стояли на крыльце* [Болла и др., 1968, 322]. В случаях типа *Своя рубашка ближе к телу* реализуется другое значение *свой*, синонимичное *собственный*.

2) Возвратное местоимение и его антецедент должны находиться в составе одного и того же простого предложения [Пешковский 1935, 148].

3) Возвратное местоимение должно быть кореферентно подлежащему предложения или, другими словами, антецедент возвратного местоимения должен стоять в именительном падеже, ср. *Я люблю своего ребенка* при невозможности **В экспедиции мне не хватало своего ребенка*.

Ряд уточнений к условию кореферентности с подлежащим был сформулирован, в частности, в [Yokoyma, Klenin 1976], [Yokoyma 1978 и 1979], [Тимберлейк 1982], [Падучева 1983 и 1985].

Интересные тонкости в употреблении возвратных притяжательных местоимений в польском языке отмечаются в [Buttler и др. 1987]. Они актуальны и для русского языка. Речь идет о некоторых конструкциях, где, несмотря на кореферентность, употребление *свой* исключено, возможным является только личное местоимение. К таким относятся:

а) перформативные высказывания типа *Прошу <приказываю, советую> принести мои <не *свои!> вещи;*

б) конструкции с причастием, управляющим существительным с местоимением, например, *Молодая мать любовалась ребенком, играющим у ее <не *своих!> ног;*

в) в случае употребления отглагольного существительного, управляющего существительным с местоимением и имеющего в качестве субъекта другого агенса, нежели подлежащее. Ср. *Я ожидал вашего приезда в связи со смертью моего <не *своего> отца* и *Я готовился к выезду в связи со смертью своего отца*.

НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЯ КОРЕФЕРЕНТНОСТИ СВОЙ И ПОДЛЕЖАЩЕГО (НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЯ ПОСТАНОВКИ АНТЕЦЕДЕНТА В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ)

В 90-е годы проявляется явная тенденция к нарушению условия кореферентности и употреблению возвратного притяжательного *свой* вместо личного.

Свой вместо *мой* <наш>:

У меня сохранились хорошие отношения почти со всеми своими <вместо *моими*> бывшими товарищами (МК, 04.04.1995, слова В. Мироненко), ср. нормальное Я сохранил хорошие отношения со своими бывшими товарищами.

В заключение своего <вместо *моего*> выступления позвольте назвать (на конференции; пример из [Лаптева 1990; 75]). Здесь подразумевается antecedent в косвенном падеже (*мне*).

Во второй главе своего <вместо *нашего*> исследования нами были проанализированы --- (на защите; пример из [Лаптева 1990, 75]), ср. Во второй главе своего исследования мы проанализировали.

Эти люди укрывают нас от своих <вместо *наших*> самолетов. Свои же <вместо *наши*> самолеты нас бомбят (ТВ, «Итоги», 15.01.95). Ср. Мы прячемся от своих самолетов. Мы подвергаемся бомбардировкам своих же самолетов.

Мы решили, со своим <вместо *моим*> адвокатом --- (Радио Свобода 10.11.92, интервью Вяля Мирзоянова). Вяль Мирзоянов имеет в виду себя и своего адвоката. Поясним, почему в этом случае возникает ошибка. *Мы* означает 'я + мой адвокат'. Тем самым *свой* не полностью кореферентно с подлежащим, оно соотносится только с я. Употребление *свой* вместо *мой* в этом случае приводит к смысловой ошибке: вместо 'я и мой адвокат' выражен смысл 'мы и наш адвокат'.

А теперь нам со своим <вместо *нашим*> возрастом в Америку // (Из записей РР), ср. Куда мы со своим возрастом в Америку. Этот пример некоторые информанты оценивают как нормальный.

Свой вместо *твой* <ваш>:

Вас будут терзать мысли о своей <вместо *вашей*> внешней красоте (КП, 31.01.95), ср. Вы будете терзаться мыслями о своей красоте.

Что от вас может зависеть при организации торговли на своей <вместо *вашей*> территории? (Радио Россия, 23.02.95). Ср. Что вы можете сделать при организации торговли на своей территории?

Свой вместо *его* <их>:

Приведем вначале примеры, близкие к норме.

--- на что Россия с ее великим и весьма противоречивым прошлым (на чем Зиновьев настаивает) готова пойти, и что ей, стране со своим (вместо *с ее*) уникальным опытом, традициями и менталитетом, явно не подходит (В. Толстых, докт. философ. наук. Вы что, боитесь Зиновьева? НГ, 29.09.92), ср. Россия со своим уникальным опытом в этом не нуждается. Замена личного местоимения может быть вызвана стремлением избежать повтора, как и в ряде других примеров. *Свой* в этом примере, правда, можно интерпретировать как 'собственный', и в этом случае фраза будет совершенно корректной.

Три теории привлекли к себе внимание русских государей и были ими восприняты как обесповаание своих <вместо *их*> неограниченных прав на вмешательство в судьбы мира (Д. С. Лихачев, Беден не тот, у кого, а тот, кому мало. Дружба народов, 1988, № 6).

Он <литературный язык> --- способен выразить все богатство знаний, накопленное человечеством за многие века своей <вместо *его*> истории (Т. С. Коготкова, Письма о словах. М., 1984).

Прочитайте рассказ В. И. Сурикова о своем <вместо *его*> детстве (М. В. Панов, Р. В. Сабатков, Русский язык, 1993).

Мы --- услышим рассказ этих видных людей о своей <вместо их> жизни, профессии, нравственных и духовных приоритетах (Изв., 14.08.94), ср. Эти люди расскажут о своей жизни.

Это может дать аргументы генеральному секретарю в споре со своими <вместо его> противниками (НТВ, «Сегодня», 29.10.94, говорит ведущий). Ср. Генеральный секретарь получил аргументы для спора со своими противниками.

Благодаря своим <вместо его или нуля> знаниям и отменному здоровью ему удалось выжить (док. фильм «Акулы нападают», диктор), ср. Благодаря своим знаниям и отменному здоровью он сумел выжить.

Менее приемлемыми представляются следующие употребления *свой*:

Высший предмет и задача народного слова состоит не в том, чтобы сказать, что есть дурного у известного народа --- а в поэтическом воссоздании того, что дано ему лучшего для своего <вместо его> исторического предназначения (Ю. Лебедев, «Литература. Учебное пособие для учащихся 10 классов средней школы», ч. 1. М., 1992, с. 8), ср. Что он имеет лучшего для своего предназначения.

В каждой своей <вместо его> другой женщине ему чудился, прежде всего, ее другой мужчина (А. Битов, Пушкинский дом), ср. В каждой своей женщине он видел ее другого мужчину.

Далее Тургенев сделал на полях чернового автографа вставку — размышления Соломина о возможных последствиях своих <вместо его> сношений с народниками (Примечания к собр. соч. И. Тургенева в 12-ти томах, т. 9, с. 496).

Возникает вопрос: зачем королеве понадобилась версия о смерти своего <вместо ее> ребенка (Знание — сила, 1994, № 10).

За 10—15 тысяч лет приручения человеком у собаки по сравнению с волком — своим <вместо ее> далеким предком — изменилась лишь психика и гормональная система (В. Митин, В доме поселилось удивительное существо. — Советы ветеринарного врача, НиЖ, 1992, № 1, 143), ср. Собака имеет по сравнению с волком, своим далеким предком, другую психику.

Учитывая вес этих фигур в компартии и своем <вместо их> электорате, вряд ли речь может идти об оговорках (Изв., 21.03.96).

Валерий Сергиенко сказал, что он не знает, какие идеи заложены Госкоммуштвом в основу своего <вместо его> законопроекта (Изв., 23.03.96).

После предварительных переговоров 24 октября 1992 года «группой Пияшевой» положены на стол президенту России основные тезисы своей <вместо ее> экономической программы, альтернативной уже существующим (НГ, 27.10.92), ср. Группа Пияшевой положила на стол тезисы своей экономической программы.

--- воля Америки была заморожена ядерной угрозой и безостановочным нахрапом своего <вместо ее> могучего оппонента (В. Аксенов, МН, 24.01.93), ср. Америка была заморожена ядерной угрозой своего оппонента.

Правда, и им [банкам] может быть отказано в расширении своих <вместо их> операций (Изв., 23.03.94), ср. Банки могут получить запрет на расширение своих операций.

Я должен поздравить Екатерину Сергеевну с успешной защитой своей <вместо ее> докторской диссертации (доктор филол. наук на заседании Ученого совета 30.09.92), ср. Екатерина Сергеевна успешно защитила свою докторскую диссертацию.

Разрешите предоставить слово М. В-не для оглашения основных положений своей <вместо *ее*> диссертации (на защите; пример из [Лаптева 1990, 75]), ср. М. В-на огласит основные положения своей диссертации.

Недаром его называли на телевешевских средах «Каменный мост» за твердость и нерушимость своих <вместо *его*> убеждений (Радио России, «Неслучайные встречи или разговоры запросто», передача о Вересаеве), ср. Он имел прозвище «Каменный мост» за твердость и нерушимость своих убеждений.

Ему [Сталину] не нужны были свидетели своих <вместо *его*> ошибок (Радио России, интервью Г. Попова, 2.12.94), ср. Он не нуждался в свидетелях своих ошибок.

Ровно через 10 дней можно ожидать выступления президента Ельцина со своей <вместо *его*> предвыборной командой (НТВ, «Сегодня», 26.03.96, М. Осокин).

Как же сделать этот фонд доступным для своих <вместо *его*> акционеров (Радио России, июнь 1994), ср. Этот фонд доступен только для своих акционеров. А некоторые дети старшие бывают недовольны, когда она подходит, т. к. она им мешает играть в свои <вместо *их*> взрослые игры (Из письма, 1996).

Приведем пример, где неправильно употребленное *свой* приводит к грубой смысловой ошибке, ассоциируясь с подлежащим *я* вместо косвенного antecedента с *ней*:

Я была рядом с ней до последних дней своей <вместо *ее*> жизни (Радио России, балерина Галина Стручкова о другой балерине, 1995).

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗАПРЕТНОГО СВОЙ В ПРИЧАСТНОМ ОБОРОТЕ

Принес оттуда листки, исписанные своим <вместо *его*> крупным и ясным почерком учителя-русоведа (Изв., 08.11.94). Употребление *свой* в причастном обороте такого типа запрещено (см. выше).

Оно <Яблоко> обрело свое имя в аббревиатуре, сложившейся из начальных букв фамилий своих <вместо *его*> основателей (Изв., 23.09.95).

НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЯ ВХОЖДЕНИЯ СВОЙ И ЕГО АНТЕЦЕДЕНТА В СОСТАВ ОДНОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вытеснение возвратным местоимением *свой* личных притяжательных местоимений распространяется и на те случаи, когда местоимение и antecedent находятся в разных предложениях.

Свой вместо *твой* <*ваш*>:

Надо писать о том, что Вам близко и дорого, о том, что непосредственно Вас волнует: о своих (вместо *ваших*) друзьях и знакомых, о своей <вместо *вашей*> учебе или работе, о Ваших комсомольских делах и туристических походах (Ю. Карбачевский, Жизнь Александра Зильбера).

Свой и его antecedent *вы* находятся в разных частях сложноподчиненного предложения. Любопытно, что в этом примере перечислительная конструкция начинается с неправильного *свой* в первом члене и кончается правильным *ваш* в последнем.

Свой вместо *его* <*их*>:

Еще мальчиком встретил здесь Некрасов крестьянина, — круговор которого

ограничивался пределами *своей* <вместо *его*> жизни (Ю. Лебедев, «Литература. Учебное пособие для учащихся 10 классов средней школы», ч. 1. М., 1992, с. 160). *Свой* и *его* антецедент *крестьянина* находятся в разных частях сложноподчиненного предложения. В одном с ним предложении находится лишь анафорически отсылающее к антецеденту союзное слово *которого*.

... книга довольно неожиданная, поскольку до некоторой степени меняет представление и о самой серии, и о своем <вместо *ее*> авторе (Н. Богомолов, рецензия, ж. *De visu*, 1993, № 9, 72). *Свой* и *его* антецедент *книга* находятся в разных частях сложно-подчиненного предложения.

Люди, которые уверены, что их судьба связана с судьбой *своей* <вместо *их*> страны (ТВ, 1 канал, 17.02.93, С. Говорухин, выступление перед демонстрацией фильма «Россия, которую мы потеряли»). *Свой* и *его* антецедент *люди* находятся в разных частях сложноподчиненного предложения, анафорически указывает на антецедент в том же предложении личное притяжательное местоимение *их*.

Бесспорно, он горд ею: в *свои-то* <вместо *ее*> годы, сравнительно молодые, стать звездой и финансово обеспечить себя почти на всю оставшуюся жизнь (Изв., 6.01.95). *Свой* и *его* антецедент *она* находятся в разных частях бессоюзного сложного предложения.

Его письма к единому светилу *своей* <вместо *его*> жизни полны почти юношеских признаний — (Ю. Лебедев, «Литература. Учебное пособие для учащихся 10 классов средней школы», ч. 1. М., 1992, с. 127). В этом предложении антецедент вообще не назван, он упоминался в предыдущем контексте, здесь же он сингализируется только анафорически (притяжательным *его*). В этом примере употребление *свой* стимулируется стилистической необходимостью избежать повтора.

Ведь следствие вкладывало в слова «большие услуги» не *ее* объяснения о *своей* <вместо *ее*> работе в католическом соборе, а совсем иной смысл, подтверждающий его версию о «сборе и передаче шпионских сведений» (РМ, № 3, сентябрь 1993). Антецедент в этом предложении вообще не назван, он известен из предшествующего контекста, здесь на него анафорически указывает *ее*. Выбор неправильного *свой* вместо правильного *ее* мог стимулироваться и стилистическими соображениями, стремлением избежать повтора.

«А тем временем несчастье шлялось под окнами, как нищий на заре», — сказано в одном из бабелевских рассказов. Сказано о своем <вместо *его*> времени и о себе <вместо *нея* *самом*> (Веч. Москва, 17.03.94). Возвратное местоимение и подразумеваемый антецедент *Бабель* (на него указывает *бабелевский*) находятся в составе двух разных предложений. Ошибочно здесь употребление обоих возвратных местоимений (о местоимении *себя* см. ниже).

Приведенные факты показывают, что в первую очередь *свой* вытесняет личные местоимения третьего лица (таких примеров большинство), но что процесс захватывает уже и 1-е, и (в меньшей мере) 2-е лицо.

Запретное *свой* вместо нуля

Иногда экспансия *свой* распространяется и на позиции, где вообще притяжательное местоимение, в том числе личное, неуместно. Ср.:

Отсюда и тактика — своих грехов исполнительной власти не прощать, но и не взваливать на себя ее ответственность (Радио России, 20.01.96).

Ушел из своей жизни Миттеран (НТВ, «Итоги», 14.01.95).

Невольно возникает предположение, что вышеуказанные материалы сохранялись в тайне в качестве орудия шантажа против своего политического противника [о Ельцине] (писатель В. Максимов, Максимов обвиняет президента, НГ, 20.10.92).

Если у вас, уважаемые зрители, есть свои предложения --- (ТВ, Московский канал, Московия, 17.02.93, ведущая). Подчеркнем, что *свой* употреблено здесь именно в притяжательной функции, а не в значении 'собственный', что не нарушало бы нормы. Об этом свидетельствовало отсутствие акцентного выделения этого слова, обычное для значения 'собственный'.

Расширение сферы влияния *свой* является активным процессом, активно идет и легализация его употребления. Острота нарушений за время написания книги сглаживалась буквально на глазах.

Запретные личные притяжательные местоимения вместо *свой*

Процесс вытеснения личных притяжательных местоимений возвратными приводит к расшатыванию привычных правил. Как всегда в таких случаях, на фоне массива примеров, свидетельствующих о направлении процесса, встречается небольшое количество «противонаправленных» примеров, т. е. таких, где вместо *свой* употреблено личное местоимение.

Именно благодаря его <вместо *своей*> эффективности он <гербайф> завоевал весь мир (Радио России, выступает главный редактор газеты «Медицина для вас»).

Республика будет вести независимую политику, не прогибая ни перед кем спину и защищая ее <вместо *свои*> интересы (ТВ, «Вести» 24.03.94, председатель парламента респ. Коми, говорит по-русски так, что видно, что это родной язык).

Она должна была приехать заранее, но, учитывая ее <вместо *свою*> занятость, она попросила перенести приезд на 24 июня (Радио России, 20.05.91).

Вжугто будет находиться под домашним арестом в ее <своем> родном городе Карачи (ТВ, «Вести» 19.11.92, диктор за кадром).

Возвратное местоимение *себя*

Названная тенденция относится к *свой*, но практически не затрагивает местоименного существительного *себя*. Нам встретилось всего несколько случаев употребления возвратного местоимения вместо личного.

В двух следующих примерах нарушается условие вхождения возвратного местоимения и его антецедента в одно предложение. Оба эти употребления возникли, возможно, под влиянием штампа *О времени и о себе*.

А вам с вами? Они <«Записки графини Клейнмихель»> много скажут и о нашем времени, и о себе <вместо *о нас*> (Московские ведомости, 1992, № 22—23, редакционная врезка).

«А тем временем несчастье шлялось под окнами, как нищий на заре», — сказано в одном из бабелевских рассказов. Сказано о своем <вместо *его*> времени и о себе <вместо *нем самом*> (Веч. Москва, 17.03.94).

В следующем примере нарушено правило кореферентности местоимения и подлежащего:

Любому должнику важно доверие к себе (ТВ, «Вести» 17.03.92, диктор). Ср. нормальное **Любой должник нуждается в доверии к себе**. *К нему* было бы возможно, но еще лучше в данном случае обойтись вообще без дополнения.

В следующем примере *себя* употреблено вместо нуля:

После переговоров между собой и Борисом Ельциным <вместо *переговоров с Ельциным*>, Клинтон и Коль пришли к выводу... (ТВ, «Итоги», 12.02.95). Здесь неправильно выбранный предлог навязывает неправильное употребление местоимения, причем неправильным было бы и употребление личного местоимения.

Подведем некоторые итоги.

В случае отсутствия семантического противопоставления личных притяжательных местоимений возвратному местоимению *свой* имеет место процесс вытеснения личных местоимений возвратным. Этот процесс связан с нарушением поверхностных синтаксических ограничений, а именно, с нарушением условия кореферентности субъекта возвратного местоимения и подлежащего, условия вхождения возвратного местоимения и его антецедента в состав одного простого предложения, а также условия, запрещающего употребление *свой* в некоторых конструкциях с причастием.

В этом случае не маркированная по показателю лица единица вытесняет маркированную. Этот процесс пока практически не затронул *себя*, не маркированную еще и в отношении рода и числа.

Для других славянских языков, например, для современного польского языка, отмечается противоположная тенденция — к вытеснению возвратных местоимений анафорическими личными местоимениями, дифференцированными в отношении рода, числа и падежа и тем самым

«более точным способом отсылающими к определенному существительному» [Buttler и др. 1986, 380]. В первую очередь это касается возвратного местоимения *siebie*, однако имеются и примеры замен возвратных притяжательных местоимений личными, в то время как обратное не отмечается.

З а к л ю ч и т е л ь н ы е з а м е ч а н и я

В хаотичном на первый взгляд нагромождении языковых инноваций, аномалий, массовых ошибок мы попытались обнаружить проявление внутренних тенденций развития языковой системы. Наш материал показал, что можно говорить по крайней мере о двух достаточно общих тенденциях:

1) Ослабление падежных функций. Оно проявляется в росте аналитических способов передачи падежных значений (замена падежного управления предложным), в использовании неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам, в неправильном выборе падежа (у существительных и у согласовательных категорий) и в неправильном выборе флексии (в основном у числительных и пока в единичных, но красноречивых случаях у существительных).

Сходные процессы протекают и в других славянских языках, например, польском [Buttler и др. 1986]. В замене падежного управления предложным русский язык продвинулся дальше польского. Об этом говорит и количество используемых предлогов, и охват падежей, и более массовый характер самих инноваций. Замена падежного управления предложным и в русском, и в польском сопровождается двумя противоположными процессами — семантической дифференциацией (замена общего падежного значения более специфицированными предложными значениями) и семантическим обобщением (развитие столь широкой многозначности у предлога, что он приобретает чересчур общую функцию, сходную с падежной).

Оба эти процесса имеют общеевропейский характер. Аналогию можно усмотреть в выражении падежных значений с помощью предлогов в аналитических языках, где, с одной стороны, предлоги имеют полноценное лексическое значение (ср. фр. *à* со значением адресата), а с другой стороны — десемантизированы и являются лишь знаком синтаксической связи (английское *of*, французское *de* и то же *à* в более периферийных употреблениях).

Сама же тенденция ослабления падежных функций согласуется с более общей, универсальной для индоевропейских языков тенденцией к утрате падежных флексий, о которой писал А. Мейе: «Имеются язы-

ки — большинство славянских, латышский, литовский, армянский, где эта тенденция в настоящее время еще далека от завершения, но и здесь наблюдается ее действие» (А. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*, 1. Paris, 1936, 17. Цит. по [РЯСО, 1, 21]). Разумеется, действие этой последней А. Мейе демонстрирует на протяжении столетий, мы же имеем дело с фактами еще не устоявшимися и лежащими в русле «горячих» процессов.

2) Распатывание синтаксических правил, не мотивированных семантически. Оно проявляется в нарушении некоторых ограничений, прямо или косвенно связанных с субъектом действия. В частности, нарушается правило кореферентности субъекта-подлежащего и (невыраженного) субъекта различных оборотов — деепричастного, инфинитивного, субъектно-наречного, предложно-именного, союзно-присоединительного. Нарушаются также правила, запрещающие выбор возвратного притяжательного местоимения *свой* вместо личного в некоторых конструкциях, например, при отсутствии кореферентности субъекта *свой* и подлежащего. Постоянной питательной почвой для возникновения подобных ошибок является типичность для русского языка бес-субъектных и конверсных (к прямым) синтаксических структур.

Наблюдаемые здесь процессы в одних случаях лежат в русле обще-европейских тенденций, некоторые же из них являются специфическими для русского языка. Так, употребление запретных деепричастных и других субъектных конструкций в целом сближают русский язык с европейскими языками, т. к. в европейских языках это явление частично легализовано (ср. англ. *We were walking to the forest, the dog running in front of us*, фр. *Le père était au centre, les enfants courants autour de lui*).

Напротив, вытеснение личных притяжательных местоимений возвратным местоимением *свой*, не маркированным по лицу, увеличивает расхождение между русским и европейскими языками на этом участке грамматической системы. Показательно, что в польском языке, более тесно взаимодействующем с германскими и романскими языками, действует прямо противоположная тенденция — возвратные местоимения вытесняются личными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор сердечно благодарен Л. Н. Булатовой, которая специально для данной работы записала многочисленные примеры языковых ошибок и передала их автору.

² Это напоминает ситуацию, когда в научный оборот были введены первые записи разговорной речи. Люди не замечали, что они так говорят, и оценивали эту речь как ненормативную.

³ Активизация предлога *на* со значением направления и со значением цели была отмечена еще в 70-е годы в профессиональной речи [Золотова 1974, 155].

⁴ О лексических функциях см. [Мельчук 1974].

⁵ Большой материал с предлогом *для* вместо дательного беспредложного содержится в [Лаптева 1990, 239].

⁶ См. лексикографическое описание предлога *по* в работах [Иомдин 1990 и 1991].

⁷ Автор благодарит Л. Л. Касаткина, который любезно передал в наше распоряжение свои неиспользованные материалы по этому вопросу. Некоторые из записей не датированы.

⁸ Оригинальный способ обнаружения субъекта в главном предложении используется в [Йокояма 1983], где автор приходит к выводу, что запретные деепричастные обороты (ДО) «порождаются в результате несовпадения подлежащего главного предложения и его темы, причем именно тема оказывается идентичной с опущенным подлежащим ДО (с. 380). Тем самым, обнаружив тему-подлежащее, которая присутствует либо в главном предложении в каком-либо косвенном падеже, либо в предыдущем контексте, мы обнаруживаем субъект главного предложения и ДО. Это положение нуждается в уточнении в свете представления о темах и ремах разных порядков. Так, в примере *Имея порт, рыбы фактически нет* темой является слово *рыбы*, не только по формальным признакам, но и в связи с тем, что слово *порт* может вводить, в частности, представление о рыболовецком промысле; ремой же является слово *нет*, имплицитно содержащее указание на субъекта: *рыбы нет* = кто-то не имеет рыбы. Субъект, таким образом, входит в рему первого порядка, будучи одновременно темой второго порядка.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю. Д.* Синтаксические средства выражения посессивности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983.
- Апресян Ю. Д.* Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica. М.—Л., 1990.
- Апресян Ю. Д.* Экспериментальная, прикладная и теоретическая лингвистика: обратные связи // Wiener Slawistischer Almanach. Festschrift für V. Ju. Rozenzvejg, 1992.
- Белошапкова В. А.* Изменения в субстантивных словосочетаниях // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века (ред. В. В. Виноградов и Н. Ю. Шведова). Изменения в системе словосочетаний. М., 1964.
- Божородицкий В. А.* Из наблюдений над языком произведений Л. Н. Толстого // Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939.
- Болла К., Палл Э., Палл Ф.* Курс современного русского языка. Budapest, 1968.
- Власов А. К.* Деепричастный оборот, не отнесенный к подлежащему // РЯШ, 1958, № 2.
- Гак В. Г.* Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение. // НЗЛ, т. 16. М., 1985.

Грамматика-60. Грамматика русского языка. Том 11. Синтаксис. Часть первая. М., 1960.

Грамматика-80. Русская грамматика II. М., 1980.

Григорьев В. П. О нормализаторской деятельности и языковом «пятячке» // Вопросы культуры речи, 111, изд. АН СССР. М., 1961.

Золотова Г. А. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с союзом с // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.

Золотова Г. А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма. М., 1974.

Иванчикова Е. А. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса русского языка. М., 1966.

Иомдин Л. Л. Русский предлог по: этюд к лексикографическому портрету // Metody formalne w opisie języków słowiańskich pod red. Z. Salonięgo. Białystok, 1990.

Иомдин Л. Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика, 1991, вып. 32.

Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.

Йокояма О. В защиту запретных деепричастий. // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists (Kiev, September 1983), Vol. I Linguistics, ed. by Michael S. Flier, Slavica, Columbus, Ohio, 1983.

Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности (Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии). М., АН СССР, Институт русского языка АН СССР, 1991.

Касаткин Л. Л. Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Клепикова Г. П. Из опытов картографирования славянской лексики // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

Ковтунова И. И. Изменения в системе осложненного предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М., 1964.

Крейдлин Г. Е. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В. Сопоставительный анализ способов выражения притяжательности в русском языке // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983.

Лаптева О. А. Типа или вроде? // ВЯ, 1983, № 1.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана (разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте). Сегед, 1990.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистической модели «Смысл↔Текст». М., 1974.

Падучева Е. В. Возвратное местоимение с косвенным antecedентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика, 1983, вып. 21.

- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М., 1935.
- Прокопович Н. Н.* Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.
- Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. Изд. 2-е. М., 1968.
- Русская разговорная речь* (ред. Е. А. Земская). М., 1983.
- РЯСО, 1* — Русский язык и советское общество (ред. М. В. Панов). Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
- РЯСО, 3* — Русский язык и советское общество (ред. М. В. Панов). Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.
- Тимберлейк А.* Косвенно-объектные контролеры рефлексивизации в русском языке // НЗЛ, вып. XI. М., 1982.
- Филлипова В. М.* Изменения в глагольных словосочетаниях // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века (ред. В. В. Виноградов и Н. Ю. Шведова). Изменения в системе словосочетаний в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
- Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. 3-е изд. ПГ., 1915.
- Чурилова Н. Н.* Из наблюдений над конструкциями с отсутствующим прямым дополнением // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Шведова Н. Ю.* О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (наблюдения над языком газеты) // ВЯ, 1964, № 2.
- Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.
- Шмелев Д. Н.* О семантических изменениях в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Шмелев А. Д.* Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих предикатов // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988.
- Butler D., Kurkowska H., Satkiewich H.* Kultura języka polskiego. Zagadnienia poprawności gramatycznej. W., 1986.
- Iordanskaja L. and Mel'čuk I.* *Glaza Maši golubye vs Glaza u Maši golubye: Choosing between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts // The Language and Verse of Russia. M., 1995.
- Yokoyama O. T.* Reflexivization into Adjectival Reduced Relative Clauses in Russian // Folia Slavica, vol. 2, Numbers 1—3, ed. by Ernest A. Scatton et al., Slavica Publishers. Inc. 1978.
- Yokoyama O. T.* Studies in Russian Functional Syntax (diss), Harvard University, Cambridge, 1979.
- Yokoyama O. T., Klenin E.* The Semantics of 'Optional' Rules: Russian Personal and Reflexive Possessives. — In: Sound, sign and meaning. Ed. Matejka, Univ. of Michigan, Ann Arbor, 1976.
- Wierzbicka A.* Mind and Body — from the semantic point of view. MIT, march, 1967 (mimeogr).

ГЛАВА VII

В. Л. Воронцова

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ УДАРЕНИЯ

Вводные замечания

По оценкам языковой ситуации 80-х — 90-х годов, отражающим мнение журналистов, ученых-филологов, широких кругов образованных людей, предметом особого беспокойства является ударение. (Имеется в виду преимущественно публичная речь, речь, звучащая с экранов телевизоров, по радио.)

«Отговсюду — с телеэкранов, “от микрофонов”, с газетных полос, — с горечью отмечает И. Волгин, — на нас хлынул поток мутной, безграмотной речи». «Есть, — продолжает он, — какая-то тайная связь между ослабшей грамматикой и нашей распавшейся жизнью. Путаница в падежах и чудовищный разброд ударений сигнализируют о некоторой ущербности бытия» [Волгин 1993].

В статье Ю. Н. Караулова, опубликованной несколькими годами раньше, тоже говорится об особом неблагополучии в области соблюдения акцентных норм. Обобщая свои наблюдения над речью народных депутатов на съезде (речь идет о 1-м Съезде народных депутатов СССР) и отмечая, что «в основной своей массе, на фоне того, что приходилось слышать 10 и 20 лет назад, говорят они неплохо», что реже встречаются отклонения от общепринятого произношения, автор делает исключение для ударения, где ошибки многочисленны и разнообразны: *начать, средства, обобщены* задачи и *обобщены* результаты, это давным-давно *введено, работа проведена*, задание *завершено* в срок, большой вклад был *внесен*, такие случаи должны быть *исключены*, нужно *принять* как отклик [Караулов 1989].

Такого рода наблюдения и примерно тот же перечень наиболее частых и заметных ошибок в ударении содержится в книге В. Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи», во многих других работах, касающихся данной темы. Объяснения приводимым фактам, как правило, не дается. Преобладают эмоции.

В. Г. Костомаров параграф книги, посвященный анализируемым здесь явлениям, предваряет таким замечанием: «Достаточно трудно судить о новшествах в области произношения, в малоизменчивых

фонетике и интонации. Но все же некоторые вкусовые установки и предпочтения моды очевидны. Они связаны, прежде всего, с терпимостью к ненормативным ударениям». Называются: *возбуждить, начать, принять, приняла, углубить, сформировать, премировать, идут, занял, заняла, заключен, позвонит, внесены, переведен, передано, проведен, пережила себя, углубленный, в яслях, окупятся сторицей, договоренность, квартал, приговор, статия, ходатайство, эксперт, феномен* [Костомаров 1994, 206].

Авторы книги «Культура парламентской речи», написанной на материале парламентских выступлений начала 90-х годов, посвящают специальную главу «Трудные случаи произношения и ударения» показу того, как следует произносить те или иные слова, в которых, как авторам известно из наблюдений над речью парламентариев, возможны такого рода ошибки. В рассмотрение в том или ином аспекте включены: *ведомость, договор, должность, квартал, новость, округ, ордер, созыв, торг* и некоторые другие имена существительные; ряд прилагательных (преимущественно из-за трудностей в акцентовке кратких форм): *близкий, важный, высокий, грубый, гордый, грязный, гневный, прав*; глаголы *звонить* (колебание в ударении форм настоящего времени), *брать, взять, врать, знать, дать, жить, звать* и др., испытывающие колебания в ударении форм прошедшего времени. Отдельно рассматривается схема ударения у глаголов *начать и принять*, получивших широкое распространение с ненормативным ударением *начать, принять* именно в парламентской речи.

Глава представляет собой краткий комментарий к включенному в книгу словарю, содержащему слова, в которых возможны ошибки грамматического, произносительного характера или ошибки в словоупотреблении.

Очертив таким образом круг слов, попавших в поле зрения журналистов и филологов, дополнив его материалами собственных наблюдений над публичной речью изучаемого периода (преимущественно это телепередачи 1989—1993 гг.), обратимся к решению поставленной в данном разделе задачи — проанализировать активные процессы в области ударения, характерные для русского языка 90-х годов.

Предваряя рассмотрение материала, отметим, что выявление причин распространения разного рода ошибочных с точки зрения литературной нормы ударений, их квалификация (необходимо сказать, что большинство из отмеченных фактов не представляет каких-то принципиально новых явлений, они достаточно хорошо известны и, как правило, зарегистрированы словарями) — это только один аспект анализа. Другой его аспект составляет наблюдение над адаптацией значительно-

го числа новых слов (преимущественно заимствований) в рамках сложившейся акцентной системы. В этот круг наблюдений входят и случаи изменения ударения слов, принадлежащих к лексике пассивного запаса, при активизации их употребления.

В своем анализе материала мы опираемся на некоторые важные теоретические положения, содержащиеся в книге [РЯСО, 1], в частности, на разработанное в этом труде понятие языковых антиномий.

Процессы, происходящие в области ударения, определяются, как можно видеть, причинами, в основе которых лежит антиномия узуса и возможностей языковой системы: «Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе» [РЯСО, 1, 25].

Существенно важен и следующий отраженный в книге момент: «Указанная антиномия может рассматриваться как частный случай антиномии “говорящий — слушающий”. Если говорящему надо сказать *победу* и он уверен, что слушатель принимает эту форму как нормативную, то ничто не может помешать ему употреблять именно ее (разве только «языковая совесть», т. е. предостережение о другом, отсутствующем слушателе, который осудил бы такое употребление). Развитие языка постоянно определяется стремлением сохранить установившееся употребление языковых единиц и невозможностью его сохранить» [там же].

Экстралингвистические особенности языкового бытования 80-х — 90-х годов, о чем уже говорилось в предшествующих главах книги, в частности, общая настроенность средств массовой информации на «живое» общение, значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру [Агеенко 1990], создали весьма благоприятные условия для проявления названной антиномии. Новые возможности публичного речевого общения включили в этот круг множество людей, которые из-за недостаточных знаний литературных норм не отвергали ненормативную форму, принимали ее и, при отсутствии жесткого контроля, редактуры, обязательных в значительной степени для выступления в средствах массовой информации в условиях доперестроечного периода, факты употребления ошибочных форм, ошибочных ударений постоянно умножались. Это и определило в конце концов те вкусовые установки и предпочтения, о которых говорит в своей книге В. Г. Костомаров и которые связаны, как он справедливо отметил, с терпимостью к ненормативности.

Как уже было сказано, конкретные факты, которые предстоит проанализировать, в большинстве своем известны. Все они есть следствие действия определенных тенденций, тоже уже выявленных. Новым

является массовость распространения подобных фактов (значительно расширился при этом и объем наших наблюдений, что тоже следует учитывать). Новым является также некоторое расширение круга слов, на который распространяется действие той или иной тенденции.

Тенденции изменения глагольного ударения

В современном русском языке преобладающим типом глагольного ударения является неподвижное ударение, падающее на корневую часть основы (*рёзать, рёжу, рёжет*) или суффиксальную (*чита́ть, чита́ю, чита́ет*). Именно этот тип ударения характеризует все продуктивные группы глаголов. Некоторым группам глаголов свойственна подвижность ударения — перемещение ударения в словоизменительных формах. Подвижность наблюдается в формах настоящего (будущего простого) времени и в формах прошедшего времени. В первом случае ударение на корневой части основы характеризует все личные формы — сравнительно с суффиксальным ударением инфинитива и аффиксальным ударением 1-го лица ед. числа: *ходи́ть, хожу́ — ходи́шь, ходи́т*. Во втором случае различия касаются размещения ударения между основой (приставкой и корнем в приставочных глаголах) и окончанием в формах мужского, среднего, женского рода и формах мн. числа: *жил, жи́ло, жи́ли, жи́ла; о́жил, о́жило, о́жили, о́жила* и т. п.

И в том и в другом случае подвижность ударения характеризует непродуктивные глагольные группы, исчисляемые лексически.

В результате действия общей тенденции к закреплению неподвижного ударения происходит постепенное сокращение доли подвижного ударения. Процесс этот проходит медленно, действие его избирательно (большую роль играет традиция произношения каждого слова и каждой формы), но направление вполне определено. Прежде всего это относится к глагольным формам прош. времени, где уже с первой половины XIX в. прослеживается тенденция перемещения ударения в формах мужск. рода, сред. рода и мн. числа с приставки на корень глагола, т. е. тенденция к «выравниванию» ударения приставочных глаголов по основному. В современном языке случаев изменения ударения такого рода очень много, но разные типы глаголов ведут себя в этом отношении несколько по-разному. Значительно быстрее, например, процесс закрепления ударения на корне проходит у глаголов, производных от *братъ, вратъ, гнать, звать, врать, спать*. В глаголах, производных от *быть, вить, дать, жить, клясть, лить, пить, плыть*, а также глаголах, образованных от основ *-ча-, -ня-*, самостоятельно не употребляемых, ударение на приставке сохраняется устойчивой, хотя

производные от разных глаголов и разные приставочные образования от одного глагола обнаруживают разную степень такой устойчивости.

Так, если в современном литературном языке ударения типа *сб́рал, изб́рал, на́звал* и под. совершенно не употребительны, то в большинстве глаголов второй группы ударение на приставке в форме мужск., сред. рода и форме мн. числа является либо единственно возможной литературной нормой (*о́жил, о́жило, о́жили*, так же: *про́клял, на́чал* и др.), либо одним из вариантов нормы (*о́блil, о́тлil* и др.), либо вариантом предпочитаемым (*про́жил* при допустимом варианте *прожil*, так же: *на́жил, о́тдал, пре́дал* и др.). В этом случае много расхождений в ударении даже и однокоренных глаголов (*уни́л, разни́л*, но *при́нял, за́нял*).

Постепенно ограничивается употребление ударения на частице *-ся*, что издавна было свойственно этой группе глаголов. Такое ударение остается нормативным только у нескольких глаголов: *началс́я, приня́сся*. В большинстве случаев Орфоэпический словарь характеризует такое ударение как допустимое устаревающее: *звалс́я, назвалс́я, предалс́я* и т. д.

Для форм мн. числа и сред. рода ед. числа характерен перенос ударения на основу с аффиксального гласного: *собрáлись, дождал́лись* наряду с *собрали́сь, дождали́сь*; *создáлось* наряду с *создали́сь* и др. Нормативная оценка каждого из подобных фактов различна.

Устойчивой является противопоставленность по ударению формы женск. рода всем остальным формам. Тенденция к унификации проявляется, однако, и здесь. Об этом свидетельствуют многочисленные колебания, с одной стороны, типа *спáла, брáла, ожи́ла, добы́ла, подáла* и под., с другой — *начала́, добы́ла, подала́* и под. Все эти факты остаются целиком за пределами литературной нормы. Ненормативными же признаются и все случаи перемещения ударения на аффиксальный гласный в формах сред. рода ед. числа: *издалó, ожилó, подалó* и т. д. Такое ударение возможно только у глагола *взять* (*взялó* — допустимый вариант нормы) и *дать* (*далó* — ударение, признаваемое нормативным наряду с ударением *дало*).

Сложную картину распределения ударений в формах прош. времени большинства из рассматриваемых глаголов еще более усложняет распределение ударений в причастных формах, особенно от глаголов второй из названных групп (глаголы *жить, лить, дать* и производные, глаголы *начать, занять, принять*). Страдательные причастия прош. времени имеют здесь закономерное ударение на приставке (у большинства глаголов) в полной и краткой форме, кроме краткой формы женск. рода; в действительных причастиях прош. времени ударение падает на корневую часть основы, т. е. совпадает с ударением

инфинитива; такое же ударение у деепричастий: *прожить* — *прожитый*, *прожит*, *прожито*, *прожиты*, но *прожита*; *проживший*, *прожив*.

Процессы перемещения ударения, о которых говорилось выше по отношению к глагольным формам, имеют место и здесь. Направления перемещения те же: постановка ударения на корневой части в полных и кратких формах страдательных причастий прош. времени (*прожитый*, *прожит*, *прожито*, *прожиты*), перемещение ударения на корневую часть основы или приставку в формах женск. рода (*прожита*, *прожита*), перемещение ударения на приставку (по образцу страдательных причастий, где такое ударение закономерно) у действительных причастий прош. времени и деепричастий (*проживший*, *прожив*).

Из названных перемещений только перемещения ударения на корневую часть в формах страдательных причастий прош. времени (исключая форму женск. рода) допускаются литературной нормой (как, например, *прожитый*, *прожит*, *прожито*, *прожиты*), хотя и не во всех случаях. Все другие перемещения находятся за пределами нормы, в том числе и случаи перемещения ударения на аффиксальный гласный в формах сред. рода и формах мн. числа (*прожито*, *прожиты*).

Материалы наблюдений, относящихся к изучаемому временному периоду, представляют преимущественно названные типы изменения ударения. Чаще всего они касаются форм женск. рода глаголов и причастий: Интеллигенция не *приняла* белую диктатуру (ТВ, 24.07.90, речь драматурга М. Шатрова); парторганизация *приняла* решение (ТВ, 19.06.90, речь М. С. Горбачева); работа такая *начата* (ТВ, 02.07.90, речь М. С. Горбачева); ср. отмеченные выше *заяла*, *приняла*, *пережила* и др. Многочисленны также примеры употребления с ошибочным ударением действительных причастий прош. времени и деепричастий: *Заяв* позицию; *заявший* (ТВ, 02.07.90, речь А. Н. Яковлева); *принявших* участие (ТВ, 29.05.90, речь Н. И. Рыжкова); *принявший* (ТВ, 06.12.90, речь Р. И. Хасбулатова); *начавшийся* процесс (ТВ, 17.11.90, речь деп. Щербака) и др.

Известным новшеством в ряду подобных изменений в ударении явилась возможность перемещения ударения на префикс в самой исходной форме: *начать*, *заять*, *принять*, *пробыть*.

Ударение *начать*, поразившее своей «необычностью» многих слушателей, было связано с именем М. С. Горбачева и квалифицировалось как южнорусизм, что вообще свойственно произношению Горбачева. В его же речи прозвучали и *заять*, *принять*, *пробыть* (ТВ, 18.06.90; ТВ, 01.06.90 и др.). Вскоре, однако, обнаружилась известная массовость подобных фактов: Надо *принять* решение; Обязать республики *пробыть* (ТВ, 16.11.90, речь деп. Дроздова); *заяться* (ТВ, 23.11.90,

речь деп. Рябченко); *принять* (ТВ, 06.12.90, речь Р. И. Хасбулатова); *начать* (ТВ, 21.06.90, речь деп. Полозкова) и мн. др.

Некоторые наблюдатели склонны были видеть в этом своеобразное влияние речи лидера, сопоставляя эти факты с известным случаем произношения «наркомзём».¹

Однако наблюдаемому явлению можно дать и чисто языковое объяснение (не отрицая влияния черт южнорусского произношения на речь М. С. Горбачева, если говорить о нем конкретно).

Как легко видеть, глаголы *начать*, *занять*, *принять* (*воспринять*, *предпринять*) в ряду других глаголов отличаются своей уникальностью, которая состоит в том, что в отличие от глаголов типа *жить*, *лечь*, *пить* и производных от них, основы *-чать* и *-нять*, представленные в глаголах рассматриваемых, самостоятельно не употребляются.

Активный процесс ненормативного перемещения ударения на приставку в действительных причастиях прош. времени и деепричастиях (*начавший*, *начав*, *занявший*, *заняв*, *принявший*, *приняв*) при закономерном ударении на приставке в формах страдательных причастий прош. времени (*начатый*, *начат*, *начато*, *начаты*; *занятый*, *занят*, *занято*, *заняты*; *принятый*, *принят*, *принято*, *приняты*) и глагольных формах (*начал*, *начало*, *начали*; *занял*, *заняло*, *заняли*; *принял*, *приняло*, *приняли*) создают достаточно сильное «поле притяжения» по отношению к приставочному ударению и в форме инфинитива. Поскольку беспрефиксных глаголов в данном случае нет, нет и другого акцентного ориентира. То же самое можно сказать и о глаголе *прибыть*, связь которого с глаголом *быть* и другими производными от *быть* сильно ослаблена.

Можно предполагать, что в акцентном влиянии различных форм на ударение инфинитива существенную роль играют причастия — группа слов особо частотных в официальных сферах речи.²

Из глаголов с колебанием ударения в формах настоящего времени заслуживает рассмотрения группа глаголов с инфинитивом на *-ить*. Известно, что подвижность ударения в глагольных формах настоящего времени ограничивается. Во всяком случае, в ряде групп глаголов она оказалась утраченной [Воронцова 1979]. Однако глаголы на *-ить* занимают несколько особое положение. Подвижность ударения и в этом разряде глаголов — явление непродуктивное, если иметь в виду тот факт, что подвижное ударение свойственно лексически ограниченной группе слов, слов непродуцированных, в то время как громадное большинство глаголов этого типа (и все новообразования) распределяются между двумя типами, представляющими неподвижное ударение — ударение на основе (*вёрить*, *вёрю*, *вёрит*) или наконецное ударение (ударе-

ние на суффиксальной части в инфинитиве и окончании в личных формах): *говорить, говорю, говорит*. Тем не менее в процессе развития литературного языка группа глаголов с подвижным ударением (*ходить, хожу, ходит*) расширяется в результате лексического перераспределения между этой группой и (преимущественно) группой глаголов с окончательным ударением. Взаимодействие этих двух акцентных групп, получившее сугубо одностороннюю направленность (типичен переход глаголов в группу с подвижным ударением), наблюдалось уже в прошлом веке, оно продолжается и до настоящего времени. Каждый временной период прибавляет к составу группы слов с подвижным ударением некоторое количество лексем. Ср. современные колебания: *поселит* и *посёлит*, *мирит* и *мирит*, *помирит* и *помирит*, *повторит* и *повтóрит*, *звонит* и *звóнит*, *позвонит* и *позвóнит* и др. В некоторых глаголах подвижное ударение становится литературной нормой, в других оно остается ненормативным, что объясняется рядом причин, связанных преимущественно с особенностями употребления глаголов: в каких речевых сферах они употребляются, насколько они частотны. По имеющимся данным, представляющим публичную речь, среди глаголов, употребительных с подвижным ударением, не являющимся нормативным, лидирует глагол *включить* и *включиться*: *Включим* эту кандидатуру (ТВ, 06.04.92, речь Р. И. Хасбулатова); Список выиграет, если мы *включим* в него... (ТВ, 06.04.92, речь деп. Суркова); *Включится* в реформу (ТВ, 14.02.92, речь телеведущего И. Мишиной). Часто употребляются с подобным ударением и другие глаголы того же корня. — *отключить, заключить*: *Отключат* электричество (ТВ, 21.12.93, речь телеведущего И. Выхухолева) и др. Активны давно развившиеся колебания в ударении глаголов *углубить, облегчить, обобщить*, представляющие иной тип перемещения ударения — передвижение его на корневую часть инфинитива: *Углубить* анализ (ТВ, 02.07.90, речь М. С. Горбачева); *облегчить* (ТВ, 13.09.90, речь корреспондента) и др.

Подобные изменения в ударении распространяются и на страдательные причастия прош. времени, образованные от соответствующих глаголов. В наших материалах такие факты представлены даже шире, что вполне согласуется с приведенным выше высказыванием Ю. Н. Караулова относительно активности употребления причастий в публичной речи. Постоянны в какой-то степени: микрофон *включен* (или *отключен*), *заключен* договор и под. Особенно часты причастия с ударением на корневой части, образованные от глаголов типа *вести, нести*: *проведен* эксперимент, *проведена* работа, *внесен* вклад и др.

Все названные факты тоже достаточно хорошо известны, они не раз анализировались и оценивались в научной литературе.

Есть здесь, однако, и некое новшество, которое заставляет еще раз обратиться к названной выше антиномии «узус и возможности языковой системы». Речь идет о страдательных причастиях прош. времени от глагола *осудить* и глагола *возбудить*, которые вместо традиционного ударения на суффиксальном *ённ*- получают ударение на корневой части: *осужденный, возбужденный*. Факт этот заслуживает внимания в связи с тем, что свидетельствует о «прорыве» еще одной цепочки в традиционной «языковой обороне». Дело в том, что перемещение ударения в страдательных причастиях прош. времени на корневую часть, следующее за изменением ударения глаголов (в ряде случаев прямой соотнесенности в изменении ударения глагола и причастия нет, тенденция к такому перемещению ударения в причастиях действует и как в какой-то степени самостоятельная) обычно не касается одного разряда причастий — причастий с так называемой книжной, высокой стилистической окраской, имеющих и соответствующую «примету» книжности (*жд* или *щ* в корне): *судить* — *осуждённый, присуждённый, обсуждённый; будить* — *возбуждённый; садить* — *осаждённый; нудить*: *принуждённый; светить*: *просвещённый, освещённый; поглотить*: *поглощённый*. От подобных причастий отличаются по ударению причастия, таких «примет» не имеющие: *суженный, отсуженный, ссуженный; разбуженный, перебуженный; засаженный, пересаженный; просвеченный; проглоченный*.

Появление ударений *осужденный* и *возбужденный* говорит о зыбкости названных разграничений, об отступлении от традиционных норм под напором речевой стихии. Как показывают наблюдения, такое ударение свойственно пока узкому кругу лиц. Так говорят юристы, лица, имеющие отношение к судопроизводству, сами осужденные, т. е. это своего рода «профессионализм»: *осужденный, осуждены* (ТВ, 21.10.91, речь прокурора); Я бывший *осужденный* (ТВ, 13.02.92, речь осужденного); *Возбуждено* сотни уголовных дел (речь министра В. Баранникова).

Тенденции изменения именного ударения (ударение в словоформах имен существительных)

В области именного ударения (мы рассматриваем ударение имен существительных) обращают на себя внимание прежде всего те факты, которые относятся к парадигматическому ударению — ударению в формах склонения.

В результате проведенных в 60-х — 80-х годах исследований по акцентологии сложилась убедительная научная концепция развития русского литературного ударения [Аванесов 1974; Воронцова 1979;

Зализняк 1985; Колесов 1972; Хазагеров 1973]. В основе ее лежит положение об усилении в процессе развития литературного языка дифференцирующей функции ударения. Роль ударения как важного фонологического средства в современном русском языке есть результат определенного исторического развития акцентной системы. Что касается грамматического аспекта проблемы в его отнесенности к именному парадигматическому ударению, то здесь в качестве основной тенденции предстает тенденция «грамматикализации» ударения, т. е. развитие дифференцирующей функции ударения в кругу грамматических форм имен существительных. Речь идет об использовании ударения как средства различения отдельных грамматических форм в подпарадигмах ед. и мн. числа (*дом*, родит. ед. *дома*, именит. мн. *дома́*; *страна́*, родит. ед. *стра́ны*, именит. мн. *стра́ны*), так и для различения всей системы форм ед. и мн. числа (*дом*, *дома́*, мн. *дома́*, *домо́в*, *дома́м*; *страна́*, *стра́ны*, мн. *стра́ны*, *стра́нам*).

Развитие этой функции ведет в конечном итоге к формированию нескольких продуктивных типов в кругу имен существительных, имеющих предрасположение к изменению ударения, состав которых постоянно пополняется новыми (для данного типа) лексемами, в то время как от других типов происходит известный отток слов. В разряде имен существительных женск. рода таким продуктивным типом является тип: *игра́*, *игры́*, мн. *и́гры*, *и́грам* — с полной противопоставленностью по ударению форм ед. и мн. числа; в разряде имен существительных сред. рода — тип *вино́*, *вина́* — *вина*, *вина́м* и *мо́ре*, *мо́ря* — *моря́*, *морей́*; в разряде имен существительных мужск. рода — тип *дар*, *да́ра* — *да́ры*, *да́ров* (с ударенной флексией *-ы* в именит. мн. ч.) и *лес*, *ле́са* — *ле́са́*, *лесо́в* (с ударенной флексией *-а́*). Имена существительные женск. рода на мягкий согласный с разным размещением ударения в формах ед. и мн. числа (*ветвь*, *ветви́* — *ветви́*, *ветвей́*) ударенной флексии для именит. мн. не имеют и идут иногда по пути заимствования «чужой» флексии *-я́* (*прибы́ля*, *скорос́тя́* и др.), однако, подобные формы остаются целиком за пределами литературной нормы.

В работе [Воронцова 1991] были подробно проанализированы названные здесь процессы, предпринята попытка последовательно сопоставить ударение в кодифицированном литературном языке, разговорной речи и речи профессиональной с целью выявления особенностей реализации в каждой из названных языковых сфер активно действующих акцентных тенденций. В качестве специальной задачи ставилась и задача показать возможности использования ударения в художественно-стилистических целях. Использовался материал 70-х — 80-х годов.

Материалы изучаемого временного периода, представляющие публичную речь в гораздо большем объеме, дают возможность сделать ряд новых наблюдений и выводов относительно распространенности некоторых фактов.

В упомянутой работе уже говорилось о том, что зону особо активной конкуренции по-разному акцентированных форм представляют имена существительные мужск. рода и что акцентный тип, представленный в выше приведенных примерах акцентуацией слова *лес* (с ударенной флексией *á*, для слов с другой структурой основы *я́*), проявляется в этом разряде слов значительную продуктивность.

Расширяется он в значительной степени за счет заимствований. Именно заимствованная лексика, как лексика, лишенная устойчивых акцентных традиций, является активным проводником многих акцентных инноваций. Понятно поэтому, что разного рода терминологии, включающие заимствованную лексику, подвергающуюся языковому освоению, и представляют наиболее обширную область распространения названного акцентного типа. Профессионализмы проникают в разговорную речь, тем самым круг слов, закрепивших продуктивный тип ударения, расширяется, составляя часто конкуренцию литературной норме.

Имеющиеся материалы (здесь мы пользуемся как записями речи парламентариев, так и записями речи лиц, участвующих в разных по жанру телепередачах), свидетельствуют о достаточно широком распространении этих ударений (обращает на себя внимание прежде всего форма именит. падежа мн. числа, но надо иметь в виду, что изменение ударения касается всей подпарадигмы мн. числа): В те дни, когда *конвейера́* стоят... (ТВ, 27.03.89, речь специалиста); Начинать надо с *контейнеро́в*; перевозка *контейнеро́в*; вагоны с *контейнера́ми* (ТВ, октябрь 1989 г., передача «Где застрял дефицит», речь специалиста); В Москве есть *реакторá* (ТВ, 29.07.90, речь специалиста); Прекрасные *термосá* стеклянные (ТВ, 12.03.92, речь торгового работника); Он измерил *центра́*; Какие у вас *центра́*? (ТВ, 20.02.92, речь специалиста по оптике); Когда поступают *вызова́*, мы не знаем, чем они вызваны (ТВ, 18.05.92, речь медработника); *конструкторо́в* (ТВ, 06.11.90, речь авиаконструктора); пятьдесят пять процентов *транспорто́в* (ТВ, 13.11.90, речь военного). Подобные формы часты и в речи корреспондентов, журналистов: И горит наш сахалинский газ в *факела́х* (ТВ, 12.05.90, речь корреспондента); *Снайперá* засели на крышах (ТВ, 06.10.93, речь телеведущего И. Мишиной); Забрасывали *тросá* и веревки (20.02.92, речь телеведущего А. Невзорова). Более или менее постоянно люди разного уровня образования и разного возраста говорят: *склада́*, *складо́в*; *шприца́*, *шприцо́в*.

Получило распространение ударение *северá* при употреблении слова *север* в конкретизированном значении «местность с холодным, суровым климатом»: Завозим продукты в центр, на *северá* (ТВ, декабрь 1989 г., беседа хозяйственников); *Северá* останутся без продуктов (Радио, 20.04.92, речь депутата); У нас на *северáх* (ТВ, 26.10.90, речь Н. И. Рыжкова). Ср. форму *юга́*, пример употребления которой относится к иной речевой сфере: Жизнь красивая нравилась, *юга́* (ТВ, май 1989 г., речь осужденного).

Ряд примеров демонстрирует активность акцентной перестройки имен существительных женск. рода с основой на мягкий согласный по приведенной выше схеме (*ветвь, ветви*, мн. *ветви, ветвей*). Они относятся к разным языковым сферам: Если влага оседает на *поверхностя́х*, то ситуация будет не очень приятной (ТВ, 23.02.90, речь представителя Центра управления полетов); Если они не смогут распорядиться своими *прибыля́ми* (ТВ, ноябрь 1991 г., речь М. С. Горбачева); Она (капуста) все же лучше, чем в больших *емкостя́х* (ТВ, 30.10.90, речь Ю. М. Лужкова).

Не останавливаясь на рассмотрении многих других фактов, связанных с действием менее активных и менее определенно выраженных тенденций в области именного парадигматического ударения, перейдем к анализу другого рода явлений, о чем говорилось выше.

Процессы, связанные с активизацией употребления слов

Новые условия языкового существования обусловили процессы изменения ударения ряда слов, существовавших в качестве пассивно известной лексики. Нормы их произношения, зафиксированные словарями, устойчивы, но они в ряде случаев оказываются как бы не проверенными живой языковой практикой, отсюда возникают разного рода конфликты между рекомендуемой нормой и реальной языковой практикой.

Один из наиболее ярких примеров — произношение слова *община*. Сл. Уш. приводит это слово с двумя ударениями: *община* и *община́* по отношению к выделенным в этом слове значениям: «Самоуправляющаяся организация жителей какой-н. территориальной единицы»; «Административно-сословная, осуществляющая фактически фискальные интересы государства, земельная крестьянская организация в России». Ударение *община́* отмечено в словаре как более редкое. Между тем существуют условия для развития в этом слове именно ударения на суффиксе. Утрата словопроизводственных связей с прилагательным *общий*,

обособленное положение слова *община* в системе словообразовательно-акцентных связей, характеризующих слова с суффиксом *-щина* [Грамматика-80, §§ 306, 318], способствовали вовлечению слова *община* в русло действовавшей уже и в прошлом веке тенденции к закреплению ударения на суффиксальной части у определенного разряда производных слов.

В словарной традиции слово *община* закрепляется с двояким ударением, но Сл. Ож.-Шв. значение «При первобытно-общинном строе: форма организации, характеризующаяся коллективным владением средствами производства, совместным владением хозяйства, полным или частичным самоуправлением» связывает с произношением *община*. Для двух других значений — «Самоуправляющаяся организация жителей какой-н. территориальной единицы» и «Общество (как добровольное, постоянно действующее объединение людей для какой-н. цели), организация» по-прежнему рекомендуются два ударения.

В изучаемый временной период активизировалось употребление слова *община* в значении «Общество, организация» (заметим, что в МАС слово с этим значением имеет помету «устарелое»). Особенно частотным оно становится в публичной речи, в речи журналистов, телеведущих в связи с созданием общественно-политического объединения Конгресс русских общин. Преобладает произношение *община*, хотя и колебания многочисленны. Приведем в какой-то степени типичный пример неопределенности нормы, касающейся произношения этого слова: Ю. Гусман (в беседе с Б. Ноткиным): *Община* или *община*... Я не знаю, как правильно. Б. Ноткин: *Община* (ТВ, 22.11.94).

Рассмотрим еще несколько примеров.

Слово *торги* «аукцион» имело, казалось бы, незыблемую норму: *торги́*, *торго́в* (помет о возможном ином произношении слова в словарях нет). Переход слова *торги* в разряд активно употребляемых сразу породил колебания: *Тòрги* состоится (ТВ, 04.09.91, речь телеведущего); Прошли первые *то́рги*, на этих *торга́х* (ТВ, 16.10.91, речь телеведущего). Появление «гиперкорректной» формы *то́рги* свидетельствует о чужеродности слова в данной языковой среде, его неосвоенности. Постепенно, однако, форма *торги́* становится более употребительной, конфликта с рекомендуемой нормой произношения не намечается.

По отношению к слову *отзыв* к нашему времени на фоне действия тенденции к закреплению ударения на приставке у ряда слов такого типа (с определенным строением корня и конкретизированной семантикой) сложилось четкое разграничение: *о́тзыв* «Отклик, условный ответ; мнение о ком или чем-н.» и *отзы́в* — обозначение действия по глаголу *отозвать*, *отзывать*.

В отличие от слова *отзыв* в первом значении, достаточно широко употребительного, *отзыв*, как обозначение действия по глаголу, использовалось сравнительно редко (обычно приводимый на этот счет пример: *отзыв посла*). В рассматриваемый период слово *отзыв* приобрело значительную актуальность, в том числе в публичной речи. Оно стало очень частотным в речи парламентариев и средствах массовой информации, при этом обнаружилось стремление и в этом случае закрепить ударение на префиксальной части — *отзыв*. Приведем типичный пример, свидетельствующий о развившихся колебаниях в произношении этого слова: Забыли включить вопрос об *отзыве...* или *отзыве* народных депутатов (ТВ, 21.12.89, речь деп. Болдырева). На одном из заседаний парламента слово *отзыв* при обсуждении соответствующего вопроса звучало множество раз как с ударением *отзыв*, так и *отзыв* примерно в равном соотношении. Имеющиеся материалы не дают никаких оснований для пересмотра нормы, но могут свидетельствовать об известной зыбкости акцентно-семантических разграничений (ср. *привод* и *привод* — ударение, свойственное профессиональной речи при обозначении технического устройства, и *привод* как обозначение действия по глаголу *привести, приводить*; подобных примеров, однако, немного).

Новообразование *разгосударствление* практически сразу же вступает в полосу колебаний, что свойственно существительным с суффиксом *-ение*, в кругу которых существует два акцентных ориентира: ударение глагола (ср. *обнаружить* — *обнаружение*, *обеспечить* — *обеспечение*) и несущий на себе ударение суффикс *-ение*, свойственный преобладающему числу слов на *эние*. Это последнее обстоятельство служит причиной изменения ударения, не всегда принимаемого нормой, у целого ряда слов (ср. не рекомендуемый нормой вариант *обеспечёние*, *намерёние*, но нормативные варианты *обнаружёние*, *обморожёние* наряду с более традиционными *обнаружение*, *обморожение* и др.).

У слова *разгосударствление* акцентного абразца, связанного с глагольным ударением, фактически нет (глагол *разгосударствить* гораздо менее известен и отмечен с ударением *разгосударствить*). Естественно, что преобладающим здесь оказывается ударение *разгосударствлѐние* (ТВ, 11.06.90, речь экономиста П. Бунич; ТВ, 20.10.91, речь М. С. Горбачева и др.).

Развивает колебание в ударении и ряд слов, принадлежащих к некогда «закрытым» для широкой массы говорящих областям: астрология, религия и др. При попадании в сферу активного употребления слово из какой-либо подобной области часто вступает в противоречие с указанной лексикографической традицией нормой произношения.

Один из ярких примеров — слово *овен* “знак зодиака” с закрепленным в словарях ударением *о́вен*, *овна́*, но реально предпочитаемым вариантом *о́вен*, *о́вена*.

Слово *патриархия* дается словарями с ударением *патриа́рхия*, однако оно часто употребляется с ударением *патриарх́ия*, свидетельствующим о тенденции включения этого слова в продуктивный по типу ударения разряд слов на *-ья*, содержащий тематически разную лексику.

Обращает на себя внимание распространившееся в публичной речи произношение с ударением на флексии ряда прилагательных, принадлежащих к области специальной, деловой речи: документы *договорно́го* характера (ТВ, 10.03.93, речь деп. Рябова); повысили *зало́говую* стоимость (ТВ, 11.12.91, речь экономиста); *налоговая́* система (ТВ, 19.01.91, речь экономиста акад. Емельянова); *стоимостны́ми* рычагами (ТВ, 16.11.90, речь деп. Лисицкого); *товарно-стоимостны́е* отношения (ТВ, речь экономиста В. Герашенко); *уставны́е* документы (ТВ, 21.06.90, речь деп. Купцова).

Подобные ударения противоречат сложившейся литературной норме (например, Орфоэпический словарь дает: *догово́рный*; *договорно́й* же отмечается как вариант не рекомендуемый; *сто́имостный*, *уста́вный*), однако, они идут в русле тенденции к флективному ударению, характерному для определенных разрядов прилагательных в профессиональной речи [Воронцова, Дерябина 1986].

Отмеченные ударения могут быть квалифицированы (вопрос этот требует отдельного рассмотрения) как «профессионализмы», сейчас явно выходящие за рамки специального употребления.

Процессы, связанные с освоением заимствований

Одним из характерных для русского языка 80-х — 90-х годов явлений исследователи называют процесс активизации заимствованной лексики: расширение сферы использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим областям, и появление большого числа заимствований-неологизмов, тоже принадлежащих преимущественно к специальным областям.

В главе IV настоящей монографии «Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни» проанализированы условия, благоприятствующие вхождению иноязычного элемента в общий оборот, причины, по которым то или иное слово сохраняется в языке-реципиенте, либо, после некоторого периода активности, уходит на периферию языкового употребления; рассмотрены особенности функциониро-

вания иноязычной лексики в современной письменной и устно-разговорной речи.

Здесь ставится задача, опираясь на материалы, содержащиеся в названной главе, данные словарей, вышедших в 90-е гг. [Сл. Ож.-Шв., Сл. ударений], собственные материалы и наблюдения, проследить процесс акцентной адаптации иноязычной лексики, характерный для языка изучаемого периода.

В книге [Суперанская 1968] рассмотрены изменения, происшедшие в ударении заимствованных слов в течение 200-х лет (конец XVIII — XX вв.), проанализированы причины, вызвавшие их, определены тенденции развития ударения в различных разрядах данной категории слов.

Общие выводы, сделанные автором на основании анализа большого материала, сводятся к следующим положениям. Место ударения в заимствованных словах не всегда зависит от языка-источника. Заимствованные слова объединяются в русском языке в группы по сходству их конечных элементов, при этом этимология слов обычно имеет второстепенное значение. Колебание ударения в заимствованных словах неизбежно, оно свидетельствует о том, что заимствованные слова вступают во взаимодействие с русской лексикой и постепенно ассимилируются ею, становясь из внесистемного явления явлением системным [Суперанская 1968, 258—260].

Говоря о новых заимствованиях, относящихся к XX в., А. В. Суперанская отмечает, что они, как правило, следуют ударению языка-источника, потому что в большинстве случаев время для возникновения в них колебаний еще не настало. «Этому должен предшествовать определенный период, в течение которого слова должны “прижиться” в языке, стать известными большинству представителей языкового коллектива и “найти” себе аналогию среди слов, входящих в систему лексики данного языка» [там же, 260—261].

Прочитированное положение является в известной мере определяющим для процесса акцентной адаптации заимствованной лексики 80-х — 90-х годов.

Особенностью лексики, заимствованной в наблюдаемый период, является ее массовость, новизна, однородность по отношению к языку-источнику: подавляющее большинство слов заимствуется из английского языка (см. гл. IV монографии).

Сфера распространения заимствованных слов достаточно специфична. Прежде всего это «профессиональные языки» специалистов той или иной области (вычислительная техника, финансовая и коммерческая

деятельность, спорт), но также и области политики, искусства, моды, музыки, танцев и др.

Многие из подобных специальных слов, благодаря своей актуальности, вызванной теми или иными причинами, получают широкую известность в определенных кругах. Проводниками инноваций является периодическая печать, речь журналистов, политических обозревателей, теле- и радиоведущих.

Названный контингент людей (образованных, владеющих иностранными языками) и является основным проводником новых заимствований.

(Это не исключает и других путей распространения заимствованных слов в бытовой речи, преимущественно молодежи — предметы модной одежды, танцы и др.)

Все изложенное определяет основной принцип акцентуации новых заимствований: следование ударению языка-источника, в данном случае — английского языка. Преобладающее большинство слов не обнаруживает колебаний в ударении, что вполне понятно в свете сказанного выше.

Воспользовавшись критерием классификации заимствованных слов, предложенным А. В. Суперанской — по сходству конечных элементов (финалей), представим наш материал, распределенным по соответствующим группам.

Существительные на *-er, -or*. Группа наиболее многочисленная. По своей структуре существительные двухсложны или трехсложны, характеризуются в большинстве случаев ударением на первом слоге, что соответствует ударению их в английском: *бáрттер, блéйзер, брóккер, вáучер, гáмбургер, дíллер, мéнеджер, спóнсор, трíллер*. Ударение на втором слоге имеют *инвéстор, компьóтер*, что тоже соответствует английскому произношению.

Существительные на *-ing* двухсложные с ударением на первом слоге: *брíффинг, лízинг, ре́йтинг, сёрфинг (или сёрфинг), хóлдинг*; в словах, имеющих более двух слогов, ударение падает на слог перед финалью *-ing*: *инжинíринг*. Исключением является ударение *мáркетинг*, соответствующее английскому ['mɑ:kɪtɪŋ], которое, однако, колеблется, обнаруживая тенденцию к перемещению на следующий слог.

Существительные на *-мент*, трехсложные или четырехсложные, с ударением на первом или втором слоге в соответствии с ударением английского языка: *импíчмент, истéблшмент, мéнеджмент*.

Существительные с единично представленными финалями, не объединяемые в группы, *-айл (фрístáйл), -ей (дисплéй), -ет (мáркет)*,

-ест (*байджест*), -ит (*саммит*), -ус (*консёнсус*). Ударение совпадает с английским.

Существительные с финалью на гласный с ударением на первом слоге, соответствующим английскому: *лобби, шóу, нóу-хау*.

Существительные односложные: *байт, грант, клип, файл, факс*.

В наших примерах мы ограничиваемся словами, уже попавшими в поле зрения лексикографов, и ударение которых уже получило словарную фиксацию [Сл. Ож.-Шв., Сл. ударений]. Имеющийся материал, представленный в гл. IV монографии, книге [Костомаров 1994], других источниках, гораздо шире: *киллер, плейер, принтер, файтер; ньюс-мейкер, тинейджер, тюнер; консалтинг, мониторинг, селинг; катридж, римейк, скейтборд, фьючерс; слаксы, легинсы; скотч, топ* и др. Наблюдения показывают, что все эти слова в отношении ударения подчиняются названным закономерностям.

Большинство новых заимствований, о которых идет речь, можно отнести к числу слов малоосвоенных. Ко многим из них в книге [Костомаров 1994] применяется название «варваризмы». Однако значительное число слов уже достаточно хорошо укрепилось в языке, о чем свидетельствует тот факт, что они дают различного рода образования — от отвлеченных прилагательных (*бартер — бартерный, брокер — брокерский, лизинг — лизинговый*) до целого гнезда новых слов: *лобби — лоббировать, лоббизм, лоббист* (см. гл. III монографии).

Этап, в течение которого новые заимствования должны «прижиться» в языке и «найти» себе аналогию среди слов, входящих в лексическую систему, о чем говорилось выше, названным здесь словам еще предстоит пройти. Каких слов это коснется и как может отразиться на их ударении — покажет время.

В данный период, как уже отмечалось, заимствования почти не испытывают колебаний в ударении, что свидетельствовало бы об их подчинении закономерностям, сложившимся в русском языке. Колебание ударения в слове *маркетинг*, о чем упоминалось выше, не выходит за рамки тех закономерностей, которые свойственны словам на *-инг* в самом английском, ср. [ˈmɑːkɪtɪŋ] и [enˈdʒɪniəriŋ]. Ударение *маркётинг* принимается некоторыми нормативными справочниками. Например, в книге «Культура парламентской речи» это ударение отмечено как «разговорное».

Слово *саммит* зарегистрировано словарями с ударением на первом слоге — *саммит*, что соответствует английскому [ˈsɑːmɪt]. Смещение ударения здесь могло бы быть обусловлено влиянием финали *-ит*, несущей на себе ударение и представленной в широком круге слов.

Ударение односложных (в том числе заимствованных) имен существительных на протяжении длительного периода определялось действием ряда факторов: морфологического, семантического, морфонологического. Значительную роль при этом играл и фактор прагматический — степень освоенности слова. «У непроезженных слов везде, где он вообще действует, — пишет А. А. Зализняк, — его акцентный эффект таков: неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное — к нетривиальному» [Зализняк 1985, 23].

По отношению к изучаемому периоду следует отметить тенденцию к тривиальному ударению (т. е. неподвижному ударению на основе слова при его склонении) у большинства односложных слов. Это вполне понятно, если учесть, что значительная часть таких слов — термины, книжная лексика: *байт, грант, файл* и др.

Очень невелико число слов, которые обнаруживали бы в современных условиях тенденцию к закреплению нетривиального ударения, т. е. ударения на флексии во всех склоняемых формах или только формах множественного числа. Примером закрепления ударения на флексии во всех формах является слово *хит* «модное, популярное музыкальное произведение». Произносятся: *хитá, хитóм, хиты́* и т. д.: *Хитóм* сезона была песня...; В течение долгого времени была *хитóм* и мн. др.

В молодежной жаргонизированной речи круг подобных слов значительно шире: *джинсы́* (джинсы), *битлы́* (участники ансамбля «Битлз») и др.

Рассмотренный в данной главе материал показывает, что в области ударения в языке 80-х — 90-х годов шли активные процессы, которые касались различных разрядов слов. Однако эти процессы не представляли кардинально новых явлений, способных в какой-то степени повлиять на сложившуюся акцентную систему.

Наблюдаемые процессы обусловлены действием давно сложившихся и известных на протяжении достаточно длительного периода тенденций. Новым является более широкий охват этими тенденциями различных категорий и групп слов, активность этих тенденций.

Новые условия языкового бытования, свойственные языку изучаемого периода, приводят к большому ослаблению границ между языковыми сферами. Профессиональная речь, речь разговорная оказывают более значительное влияние на публичную речь, речь официально-деловую. Сюда в большей мере, чем прежде, проникают акцентные варианты, не свойственные строгим литературным сферам языка, в силу чего литературные нормы оказываются поколебленными в среде литературно говорящих людей.

В настоящий момент актуальной является задача сдерживать негативные с точки зрения литературной нормы процессы, защитить литературные нормы.

В этом процессе стабилизации должны сыграть свою роль лингвисты. Не менее важна роль средств массовой информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Д. Павлов в статье «Это еще не социализм...» Две последние встречи с В. М. Молотовым упоминает о таком факте, имевшем место на XVIII съезде в марте 1939 года. «Критикуя Наркомат земледелия, — пишет Д. Павлов, — Сталин назвал его «наркомзём». Слово шилом кольнуло ухо. Я воспринял это как оговорку. Но начались прения, и все выступавшие стали «наркомзем» произносить как «наркомзём», что меня удивило до крайности. Не могли же все ошибаться! В чем дело?» Ответ автор получил через много лет, беседуя с Молотовым: « — Но ведь вы, Вячеслав Михайлович, вслед за Сталиным тоже произнесли это слово, почему? — Если бы сказал правильно, Сталин расценил бы, что я его поправляю» (ЛГ, 18.04.90).

² Подтверждением этому предположению может служить наблюдение Ю. Н. Караулова о существенном увеличении числа употреблений причастий. За последние сто лет, отмечает Ю. Н. Караулов, они стали появляться в текстах в 2—3 раза чаще. Это явление автор рассматривает как одну из четырех особенностей современных текстов, знаменующих собой одну важную тенденцию, сформировавшуюся и действовавшую в последние полвека. Суть ее в том, чтобы максимально сгладить в речи личностное начало, усилить ощущение неопределенности, информационной расплывчатости, которая в нужный момент допускала бы амбивалентную, и даже поливалентную, интерпретацию содержания, различное, и даже противоположное понимание текста [Караулов 1991, 8].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке // Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Авеенко Ф. Л. Проблема правильности орфоэпических норм на радио и телевидении (на материале имен собственных) // Культура русской речи. Тезисы 1-ой Всесоюзной конференции. М., 1990.

Волгин И. Печать бедарности // ЛГ, 25.08.93.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.

Воронцова В. Л. Современное русское ударение в функционально-стилистическом аспекте // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.

Воронцова В. Л., Дерябина А. С. Ударение в профессиональной речи. Имена прилагательные // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986.

Грамматика — 80. Русская грамматика I, М., 1980.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Караулов Ю. Н. Великий... могучий... многострадальный // Неделя, 2—3.10.89.

Караулов Ю. Н. Некоторые мысли о состоянии русского языка // Русский язык в СССР, 1991, № 8.

Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Педагогика-Пресс., 1994.

Культура парламентской речи. М., 1994.

Орфоэпический словарь: Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983; изд. 5, 1989.

РЯСО, 1: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.

Сл. Ож.-Шв.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1992.

Сл. ударений: М. В. Зарва, Ф. Л. Агеенко. Словарь ударений русского языка. М., 1993.

Суперанская А. В. Ударение в заимствованных словах в современном русском языке. М., 1968.

Хаззагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.

ГЛАВА VIII

Н. Е. Ильина

РОСТ АНАЛИТИЗМА В МОРФОЛОГИИ

Вводные замечания

М. В. Панов в монографии «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.» рассматривает развитие фонетики как развитие позиционного процесса. Позиционный процесс регулирует уровень фонетической информации у звуков. Позиционный процесс «не прекращается и тогда, когда уровень нужной пониженной информации достигнут». По известной фольклорной формуле «он кончает не тогда, когда сыт, а когда — все съест» [Панов 1990, 446]. Такое понимание развития языкового процесса может быть отнесено не только к фонетике, но и к любому языковому ярусу, в том числе и к морфологии.

Морфология — глубинный языковой ярус. Она представляет собой строго организованную систему понятий, развивающуюся по своим внутренним законам.

Исследователи морфологии отмечают крайне медленные темпы ее самодвижения и выдающуюся непроницаемость для внешних воздействий [РЯСО, 3, 10].

Изменения в морфологической системе, даже и незначительные, обычно обнаруживают себя в периоды социальных потрясений. Это наблюдалось в начале — середине XX в., когда в революционную эпоху морфология испытала некоторые изменения. «Хотя каждое из них незначительно, в целом все они создают необычайную для морфологии картину текучести, изменчивости морфологических отношений» [РЯСО, 3, 10].

В той же работе обоснованы и проанализированы основные тенденции в изменчивости, развитии языковых отношений. «Одна из наиболее определенных — стремление к аналитизму. Основной признак аналитических единиц — то, что у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т. е. средствами контекста (в широком смысле слова)» (РЯСО, 3, 11).

Конец XX в. — 90-е годы — это новый период подъема общественно-политической жизни в России. Если говорить об отражении его в

современном языке, то надо будет в основном отметить, что в нем подвижны именно те незначительные изменения, которые создали картину текучести морфологии в первой половине XX в.¹ Но в разных областях применения языка они функционируют по-разному.

В конце 80-х годов — в 90-е годы с оживлением общественно-политических интересов различных слоев и групп населения возросла роль средств массовой информации, а вместе с тем и роль языка радио (Р), телевидения (ТВ), газет. Обращение к нему не лишено основания хотя бы потому, что, как показало массовое статистическое обследование групп населения (РЯСО, 3; Русский язык... 1974), работники средств массовой информации к языковым новшествам относились весьма сдержанно.

Главное в языке радио- и телевизионных передач — это отчетливая тенденция к аналитизму. Некоторые аналитические явления в 90-е годы, по сравнению с первой половиной XX в., упрочивают свои позиции, охватывая новый материал.

Изменения в функционировании имен

Так ведут себя словосочетания существительного с глаголом, например, *врач пришла, экскурсовод рассказывала* и под., в которых род существительного выражен флексией сказуемого. Такие словосочетания — явление сравнительно недавнее: оно насчитывает всего несколько десятилетий.

А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» — а это середина 20-х годов — относился к подобным словосочетаниям как к отступлению от правил грамматики: «Представления о лицах женского пола не могут повлиять на изменение грамматического рода мужских слов на твердую согласную, служащих для их обозначения. Слова *доктор, кондуктор, студент* остаются словами мужского рода, когда означают женщину, девушку; это зависит от того, что слова эти продолжают обозначать и лица мужского полу; для означения женщины, девушки язык охотно прибегает к новообразованиям (*докторша, докторица, студентка*)» [Шахматов 1941, 449—450].

На это проявление аналитизма в морфологии, заключающееся в потребности «в употреблении самостоятельного женского рода глагола» при существительных мужского рода, в 30-е годы указал А. М. Пешковский [Пешковский 1938, 192]. В последующие годы аналитические конструкции типа *врач пришла* закрепляют свои позиции, судя по социально паспортизованному материалу, введенному в научное обращение

авторами монографий (РЯСО, 3) и (Русский язык... 1974). Употребление аналитических словосочетаний в составе предложений *продавец показала мне чулки, преподаватель принесла книгу, председатель призывала к порядку* не превышало 61—63%.

Существуют также и словосочетания типа *хорошая врач, наша директор*, в которых принадлежность лица, обозначенного существительным, к женскому полу выражена окончанием прилагательного (или местоименного прилагательного). Употребление таких словосочетаний в среднем составляло 25—28%.

«Русская грамматика» рассматривает употребление сочетаний *врач пришла, хорошая врач* как обычные в современном языке, но относит их к некодифицированным сферам: «В последнее время такие существительные муж. р., как *глава (чего), коллега, староста, судья*, называющие лицо по общественному положению, роду деятельности, в неприужденной речи нередко сочетаются с определяющими словами в форме (жен. р.: *прекрасная коллега, бесценная староста*....» [Грамматика — 80, 467]. «В разговорной, неприужденной речи активно распространяются употребления типа *врач пришла, бригадир уехала в поле* (реже — сочетания *новая бригадир, прекрасная врач*)» [там же, 467—468].

Представление о языке радио, телевидения, газет связано с представлением о точности информации, которую они сообщают. С этим, в рассматриваемом случае, связано последовательное разграничение сочетаний типа *врач пришел* для обозначения лиц мужского пола и *врач пришла*, применяемых к лицам женского пола. Например: Недавно здесь *побывала корреспондент «Вечерней Москвы»* (Р, VII.94); Этой репликой *корреспондент побудила* Дмитрия Вадимовича Ольшанского ответить так... (Р, XI.93); Статью в журнал *написала корреспондент* Василенко (или написал — как?) (Р, V.93). Попутное замечание журналиста свидетельствует о том, что, нарушая формальное согласование, он испытывает сомнения, своеобразный языковой дискомфорт, но проявившаяся тенденция к употреблению аналитических сочетаний одерживает верх.

Интервьюер:

— А разрешают преподавать?

Учительница:

— *Была у нас инспектор, походила, посмотрела*... Разрешили (Р, IV.93);

О баяне я не знала, пока *не пришла преподаватель* (Р, VII.94); Автор этих строк полвека прожила в России (Р, I.94); Мне недавно

технолог фабрики «Красная заря» *говорила*... (Р, II.94); Еще надо обратиться к юристам. В одной из наших прошлых передач «Кенгуру» *участвовала юрист*... (Р, VI.94); Добавка казеина улучшает качество продукции. Об этом *сообщила директор* хлебокомбината (Р, XII.93); Все настолько существенно, что *драматург* *нашла* новые подходы (Р, XII.92); *Комиссар* по делам беженцев *выразила* соболезнование... (Р, II.94); К Людмиле Николаевне *приходила представитель* президента, *принесла* ей письмо от президента и подарок (Р, IV.94); На пресс-конференции в Анкаре *премьер-министр заявила*... (ТВ, I.93); Как сообщили корреспонденту КРИМ-ТАСС в прессслужбе Северного округа, *директор АО отсутствовала* на работе три дня, там начали беспокоиться по этому поводу («Рекламный вестник», 1994, № 29); На Центральной студии документальных фильмов закончили короткий двадцатиминутный фильм, к которому я был причастен. *Редактор искала* диктора, чтобы озвучить текст, и неожиданно *позвонила* Смоктуновскому («Известия», 1994, № 164); *Тренер пыталась «образумить»* воспитанницу, не жалела аргументов, наверняка зная, что каждое слово записывают («Известия», 1994, № 44); «Мне не хотелось бы быть в числе тех, кто невольно мостит дорогу к власти Жириновскому», — *заявила руководитель* ведомства («Известия», 1994, № 31); *Руководитель ФМС поставила* вопрос о неотложном регулировании въезда в Россию («Известия», 1993, № 217); *Председатель* госдепартамента *сказала*, что ее ведомство не будет выдавать дипломатические номерные знаки представителям тех сторон, которые задолжали с выплатой штрафов, наложенных дорожной полицией («Известия», 1993, № 233); После того как *премьер-министр* недавно *ознакомила* парламентариев с программой правительства на 1993 год, пресса чуть ли не в один голос *заговорила* о «затягивании поясов» («Известия», 1992, № 246).

Итак, в языке средств массовой информации сочетания типа *врач пришла* широко используются для обозначения лиц женского пола.

Если же в радиопередаче или на страницах газеты, журнала встретилось информационное сообщение «*Наш корреспондент взял интервью у Сергея*» («Все цены Москвы» 1994, № 8), сочетание *корреспондент взял интервью*, как правило, указывает на лицо мужского пола.

Встречаются в языке средств массовой информации и сочетания типа *хорошая врач, наша доктор*. Но встречаются они не часто, как бы сохраняя черты своего функционирования в языке, определившиеся в первой половине XX в.: материалы массового обследования свидетельствуют о том, что, например, употребление сочетания *хорошая бухгалтер* свойственно 25% всех опрошенных, а среди журналистов и писа-

телей это сочетание собрало только 13 % сторонников. Обычны примеры употребления типа: *Передачу подготовила музыкальный редактор Петрова* (Р, VII.94); *Наша диктор* вчера уже ходила в Моссовет (Р, X.92). Отсутствие у носителей языка прочной привычки, умения употреблять такие сочетания обнаруживает себя в таких высказываниях, как «я практически *единственной* пока являюсь астрономом, который предрекает мощную солнечную активность по звездам» (Р, II.93). Вообще же типичны усложненные сочетания следующего вида: Так поступает Юрий Малашенко. Вот что *рассказывала наш корреспондент «Московских новостей»* (Р, VI.94); Интересно, что *такой специалист начинала* работать с детьми детского сада (Р, VII.94); Сегодня на собрании группы театра «Современник» *побывала наш корреспондент* (ТВ, IX.92); *Наш «Скорпион»* [кошка, родившаяся под знаком скорпион. — Н. И.] фактически *была в курсе* самых секретных переговоров. Во время бесед Папы она обычно пряталась в широкий рукав его мантии, откуда внимательно наблюдала за посетителями («Кот и пес», 1992, № 11). По-видимому, неформальная связь существительного с глаголом в этих сочетаниях достаточна для указания на женский пол действующего лица. Второго — более редкого и менее освоенного — показателя не требуется.

Встречается также сочетание со словом *один*, свойственное разговорной и публицистической речи [Грамматика — 80, 468]: На фоне открытой раны, в которую погружается то скальпель, то пинцет, эта жизнерадостность докторов вселяет наблюдателю неизбывное чувство оптимизма. С этим чувством я и смотрела, как мастерски зашивают места бывших морщин на веках *одной из директоров* телевидения («Центр-плюс», 1994, № 5); Что касается самого Сергея Мавроди, то отношение большинства акционеров к главе «МММ» *одна из заместителей* председателя Союза акционеров *выразила* так: «Этого человека можно уважать хотя бы за то, что он умеет не только зарабатывать деньги, но и делиться ими» («Известия», 1994, № 198).

Таким образом, аналитические средства выражения рода — обязательная черта в языке средств массовой информации в настоящее время. Употребляются все виды аналитических сочетаний, но преобладают сочетания типа *врач пришла*.

Употребление существительных на -и(о), -ов(о)

Существительные, оканчивающиеся на морфемы -и(о), -ов(о) (географические названия *Тушино, Шереметьево* и под.), в прошедшие десяти-

тилетия интенсивно прошли путь развития в направлении несклоняемости, т. е. аналитизма.

И. П. Мучник, проведший исследование этого явления, писал, что географические названия «типа *Тушино, Воронцово, Шереметьево* существуют в системе русской топонимии очень давно, однако только в советскую эпоху они стали переходить в разряд неизменяемых существительных» и что неизменяемые формы «уже довольно широко распространены в разных жанрах современного литературного языка» (РЯСО, 3, 56).

Тогда же данные массового обследования, в которых были учтены речевые навыки говорящих пяти возрастных групп (конец XIX—начало XX вв. — 40-е годы XX в.), показали, что среди географических названий на *-ино, -ово* преобладают изменяемые формы. Отношение неизменяемых форм к изменяемым — 31% к 69%.

Путь неизменяемых форм в различные жанры кодифицированного литературного языка был замедлен: на их пути вставали справочные пособия, в которых нормативными были признаны склоняемые формы. Проникновение несклоняемых существительных в печатные тексты, по-видимому, было особенно трудным из-за усилий редакторов и корректоров, опиравшихся на нормативные издания. Не исключено, что в ответах писателей и журналистов на «Вопросник по современной русской морфологии» нашел выражение навык употреблять преимущественно склоняемые существительные: писатели и журналисты показали, что у них употребление несклоняемых форм существительных *Болшево, Щелково* не превышает 15,6% — 19,3%, *Пушкино* — 42,7%.

Освоение несклоняемых существительных на *-ин(о), -ов(о)* во второй половине XX в. сопровождалось не единообразными оценками специалистов.

Так, И. П. Мучник рассматривал утверждение в языке неизменяемых существительных типа *Болшево, Щелково* как признаки эволюции языка, — «даже такого его специфически структурного элемента, каким является система склонений» (РЯСО, 3, 56).

Факту появления несклоняемых существительных — географических названий на *-ино, -ово* — и определению их места среди косвенных падежей однокоренных имен (например, *Пушкино* и *Пушкин*) посвящена статья [Качевская 1966]. Авторы Грамматики современного русского литературного языка замечают тенденцию к пополнению группы слов нулевого склонения за счет слов-топонимов «с финалями *-ов(о), -ев(о), -ёв(о)* и *-ин(о), -ын(о)*, например: *Иваново, Бирюлево, Князево, Болдино, Люблино, Голицино* и др.» [Грамматика — 70, 377]. В «Русской грамматике», которую от «Грамматики современного русского

литературного языка» отделяет лишь десятилетие, при рассмотрении существительных нулевого склонения приведены уже более конкретные сведения, с указанием сфер их распространения: «В разговорной, профессиональной, газетной речи обнаруживают тенденцию к несклоняемости слова — наименования мест на *-ово*, *-ево* и *-ино*, *-ыно* [Грамматика — 80, 507].

В настоящее время в языке средств массовой информации преобладают несклоняемые существительные на *-ино*, *-ово*. Они употребляются в разнообразных текстах: и в официальных сообщениях, в которых нежелательно изменять исходную форму географических названий, и в сообщениях об обычной повседневной жизни общества, отдельных личностей, и в заглавиях. Например: Председатель «*Останкино*» освобожден от обязанности говорить правду (заглавие, «*Известия*», 1992, № 256); Настоящий мерседес рождается в *Голицино* (заглавие, «*Известия*», 1994, № 25); Дмитрий Холодов будет похоронен в *Кунцево* (заглавие, «*Известия*», 1994, № 203); В *Сараево* находятся специальный представитель президента России на переговорах по бывшей Югославии Виталий Чуркин и главком военно-десантных войск Евгений Подколзин («*Известия*», 1994, № 34); По словам Чуркина, одной из причин отъезда была усталость, накопившаяся за время работы спецпредставителем: «За два с лишним года я восемь раз побывал в *Сараево*, двадцать — в Белграде, двенадцать или тринадцать — в Загребе» («*Известия*», 1994, № 191); Уже осенью 1941 г. по приказу ставки начинается наступление. Замысел его заключается в том, чтобы встречными ударами (с внешней стороны кольца — силами 54-й армии Г. И. Кулика наступлением на поселки Сиявяино и Мга, а из внутреннего кольца — в направлении Московской Дубровки и *Сиявяино* — частями невиской оперативной группы) окружить и уничтожить шлиссельбургскую группировку немцев («*Известия*», 1994, № 13); После неудачи под Лугой Гитлер предпринял новый штурм на Пулковских высотах, *под Колпино* («*Известия*», 1994, № 13); Они искали партнеров по совместному предпринимательству и говорили о возможности эксплуатации Дома приемов ЦК ВЛКСМ в *Переделкино* («*Частная собственность*», 1993, № 14); ГолАЗ — это не только 3 тыс. рабочих мест в *Голицино*, но и значительное число предприятий-смежников... («*Известия*», 1994, № 25); Умолчание — популярная разновидность самой изощренной лжи. Именно поэтому журналисты и руководители «*Останкино*» не позволили себе роскошь молчать, когда надо было кричать криком («*Известия*», 1992, № 256); 22 июня ударники коммунистического труда с разрешения властей ходили по Москве с флагами и митинговали в *Останкино* и у главного входа на ВДНХ («*Известия*», 1993, № 116); Пос-

ле аварии на Ярославке, презрев авторитет церкви, репортеры «Московского комсомольца» сообщили, будто кортеж патриарха Константинопольского ехал с недозволенной скоростью, будто, выехав из Софрино в Москву, даже и высочайшее пожелание последовало: поддать газку («Известия», 1994, № 31); Мы построили новые корпуса в подмосковном Протасово, где приобрели тысячу гектаров земли («Частная собственность», 1993, № 5); Никто из братьев не отпирался. Они признались в убийстве человека в подземном переходе на Пушкинской площади и еще в нескольких убийствах — в Строгино, на Курском вокзале в Москве и в Орле («Известия», 1994, № 45); В минувшие выходные над московским аэродромом в Тушино происходило необычайное действо — группа решительных мужчин в честь известного международного праздника сбрасывала с парящего в небе самолета очаровательных женщин («Известия», 1994, № 45); Пришлось прыгать с Сергеем Инсаровым. В этот день мы с ним были единственной парой в небе над Тушино («Известия», 1994, № 45); Острики утверждают, что северный промышленный пейзаж, враждебный человеку, находится между ранним Бескудниково и поздним Освенцимом («Известия», 1994, № 191); Жертвой собственного злого умысла стал 13-летний Н., ученик седьмого класса из Южного Строгино («Центр-плюс», 1994, № 39); Сегодня утром во Внуково была совершена попытка угона самолета (ТВ, X.94); Побывайте в Бородино. Посмотрите (Р, X.92).

Склоняемые существительные на *-ино*, *-ово* в речи средств массовой информации встречаются, но по сравнению с несклоняемыми существительными занимают более скромное место, например: Жители южного Тушина, проживающие в квартале, ограниченном улицами: Сходненская, Фабрициуса, Донелайтиса, Яна Райниса, могут оформить подписку по адресу: ул. Аэродромная, д. 11, 1-й этаж («Известия», 1994, № 215); Разговор в Шереметево не закончился (Р, II.94); Патриарх всея Руси Алексей II выступил с инициативой созвать совещание глав православной, католической и мусульманской церкви в октябре этого года в Сараево. В Сараево предлагается обсудить положение в бывшей Югославии (ТВ, IX.94).

Примеры показывают, что несклоняемые существительные на *-ово*, *-ино* постепенно захватывают позиции в текстах средств массовой информации, преодолевая различия употребления в письменной и устной речи, жанровое своеобразие и стилистические нюансы.

Употребление словоформ *саму* — *самоё*

В последние десятилетия упрощалась парадигма склонения местоименного прилагательного *сама*: у винительного падежа ед. числа две флексии — *-у* и *-оё*.

В словарях, грамматиках, нормативных пособиях последних десятилетий отразилась эволюция парадигмы склонения местоименного прилагательного *сама* и несовпадение в оценках форм винительного падежа ед. числа. Так, С. И. Ожегов в третьем издании «Словаря русского языка» при слове *сама* указывает только одну форму винительного падежа ед. числа — *самоё* [СО]. В «Грамматике современного русского литературного языка» флексия *-оё* рассматривается как вариант флексии *-у*: «форму винительного падежа с флексией *-оё* имеет также прилагательное женского рода *сама* — *самоё*, наряду с *саму*» [Грамматика — 70, 394]. Составители словаря-справочника «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (ред. К. С. Горбачевич) считают форму *саму* основной, *самоё* — устаревающей [Трудн. 1973, 395]. «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р. И. Аванесова и МАС указывают в качестве первой, основной, форму *самоё* и в качестве второй — форму *саму*. А. А. Зализняк в «Грамматическом словаре русского языка» приводит обе формы — *саму* и *самоё*, — отмечая при этом, что в форме *самоё* есть грамматическая неправильность [Грамм. сл. 1977, 62]. В «Русской грамматике» обе формы охарактеризованы подробнее: «Форма *самоё*, на образование которой очевидно повлияла форма родительного и винительного падежей местоимения-существительного *она* — *её*, устаревает, однако, она еще достаточно широко употребляется в письменной речи...» [Грамматика — 80, I, 552] и далее: «Для современного языка нормальна форма *саму*...» [там же].

В современный язык массовой информации, и в устную, и в письменную его форму, уверенно прокладывает себе путь словоформа *саму*. Например, она обычна в текстах газеты «Известия»: Советы исключили *саму* возможность иного, действительно демократического пути формирования новой российской государственности («Известия», 1993, № 80); Мой прадедушка Джеймс де Ротшильд, который основал Банк Франции, рассказывал, что был не в состоянии лечь спать, если чувствовал, что не ответил на ту или иную просьбу. Я не могу допустить *саму* мысль о жизни в башне из слововой кости («Известия», 1993, № 95); *Саму* пресс-конференцию премьер провел энергично и, как заключил один из его помощников, в наступательном стиле («Известия»,

1994, № 22); Другой нюанс — чисто кадровый. И в кабинете Гайдара, и в правительстве Черномырдина экономическая часть корейского направления была закреплена за Шохиним, который неоднократно бывал в Сеуле и «вел» двусторонние дела. Случившаяся нынче осечка с его поездкой в Корею неизбежно заморозит *саму* фигуру Шохина для Сеула и подорвет к ней доверие, если Ельцин лично своего вице-преьера не реабилитирует в ближайшие дни («Известия», 1994, № 96); Но, может быть, спрашиваю, оппоненты считают порочной *саму* идею соединить решение сегодняшних градостроительных проблем с археологией? («Известия», 1994, № 99); Ожесточенные боевые действия возобновились в центральной части страны, что поставило под вопрос *саму* возможность дальнейшего процесса мирных переговоров («Известия», 1994, № 102); После трехлетнего перерыва Патрисия Каас возвращается в Россию, где начиная с 27 сентября даст четыре концерта в Москве и в Санкт-Петербурге. У нас она завершит свои многомесячные гастролы по 20 странам, которые собрали около миллиона людей. Удастся ли ей повторить в России свой триумф? — этот вопрос беспокоит *саму* певицу («Известия», 1994, № 180); Тем не менее вопрос о семейном счастье, похоже, всерьез начинает беспокоить и *саму* певицу («Известия», 1994, № 180).

Словоформа *саму* постоянна в языке радиопередач: Это было первое поклонение Ульяне. Но если бы спросили ее *саму*... (Р, I.93); Пройдут три спектакля в *саму* неделю памяти Мейерхольтда (Р, I.93); Мы думаем о влиянии экологии на состояние здоровья людей и *саму* природе (Р, IV.94); Пострадавших нет, не считая *саму* Латвию (Р, V.94); Зернышки надо вынуть, вымыть и подсушить, а *саму* тыкву разрезать на дольки и залить сиропом (Р, VII.94); Демократические преобразования должны затрагивать *саму* основу общества (Р, XI.94).

Таким образом, парадигма склонения слова *сама*, освободившись от грамматической неправильности в виде второй флексии винительного падежа *-оё*, подровнялась под общую схему местоименного склонения, т. е. имеет те же падежные флексии, что и слова *эта, та, одна, наша, вся, юя, моя, чья*:

И.	-а
Р.Д.П.	-ой
В.	-у
Т.	-ой (-ою)

Функционирование глаголов

В последние десятилетия наблюдаются некоторые изменения и в функционировании глаголов. Эти изменения касаются в основном состава глагольной основы: заметна тенденция к преодолению вариативности морфем. Особенно показательны в этом отношении корневые морфемы.

Глаголы 1 непродуктивного класса

Различные группы глаголов, различные глаголы в разной степени подвержены этому процессу. Он протекает во многих глаголах 1 непродуктивного класса [Ильина 1980, 110—120] — в тех, которые могут образовывать формы основы настоящего времени и с фонемой 3-й степени чередования на конце корня, и с фонемой 1-й ступени чередования перед суффиксом *-aj-* (например, ма<ш>ут — ма<х>ајут, вне<мл'>ут — вни<м>ајут) [Ильина 1980, 122—124; 1991, 9—10]. 1 непродуктивный класс насчитывает немногим более 80 глаголов. Большинство из них обладает способностью варьировать основу настоящего времени [Кагцевский 1927; Обнорский 1953, 8]. Однако, эта возможность реализуется в основном в разговорной речи, в просторечии, в языке художественной прозы, в языке поэзии [Ильина 1991, 13—26]. В кодифицированном литературном языке подобные формы занимают более скромное место и употребляются менее свободно: в современных исследованиях морфологии и в специальных нормативных словарях отражены точные указания относительно форм спряжения конкретных глаголов из 1 непродуктивного класса [Труд. 1973; Сл. трудн. 1985; Грамм. сл. 1977; Орфоэпич. словарь 1983], причем предпочтение обычно отдается формам с фонемой 3-й ступени чередования на конце корня. Формы на *-aj-* оцениваются как нормативные для кодифицированного литературного языка прежде всего среди неличных форм, главным образом, — среди деепричастий. В языке средств массовой информации соблюдаются нормативные указания: преобладают традиционные формы. Надо принять во внимание, что круг глаголов, обычно встречающихся в текстах газет, в выступлениях журналистов, комментаторов и др., неширок: глаголы, образующие личные формы по обоим моделям, — такие, например, как *глодать*, *хлестать*, *хлобыстать*, *стенать*, *алкать*, *кликать*, *курлыкать*, *мурлыкать*, *мяукать*, *тыкать*, *хныкать*, *колыхать*, *махать*, *плескать*, *полоскать*, *прыскать*, *рыскать*, — употребляются нечасто. Надо также учитывать, что массовое обследование кодифицированного литературного языка, проведенное в 60—70-е годы, показало слабую склонность носителей языка к употреблению форм на

-ај-: из 3718 человек лишь 445 человек (т. е. 11%) в предложении *Провожающие стоят на перроне, машут / махают вслед уходящему поезду* оставили свой выбор на форме *махают* [РЯСО, 136]; у писателей и журналистов частота употребления форм на -ај- невелика, всего 0,190 [Русский язык ... 1974, 204].

Однако, сказанное еще не означает, что формам на -ај- путь в газетные тексты, в информационные передачи на радио и телевидении прегражден абсолютно. Иногда они проникают туда несмотря на запреты нормализаторов, например: Джуна бывает порой вспыльчива, нередко глаза ее *метают* искры, но при всем этом она необыкновенно заботлива, дружески приветлива, стремится помочь любому человеку, особенно больному («Книжное обозрение», 1987, № 10). Значительно чаще глаголы 1 непродуктивного класса в языке средств массовой информации следуют требованиям строгой нормативности, проявляя постоянство в образовании личных форм по непродуктивной модели.

Таковы, например, глаголы *плескаться*, *полоскаться* (у них личные формы на -ај- находятся за пределами кодифицированного литературного языка) и глагол *рыскать* (формы на -ај- здесь допустимы при формах с фонемой 3-й ступени чередования в исходе корня): Так, было доказано, что вблизи озера Яшилькуль, волны которого *плещутся* почти на четырехсотметряных высотах, в IX и X веках стоял... промышленный город («Известия», 1984, № 227); Хорошо представляю себе этот ненавидный день: с вечера белье замачивается, на утро стирается, кипятится, *полощется*, развешивается на веревках... («Известия», 1994, № 240); Сейчас многие страны усиленно развивают свой спасательный флот. Комментируя эту тенденцию, один обанкротившийся судовладелец выразился в том смысле, что мощные спасательные буксиры напоминают ему черных воронов, которые *рышут* по морям и океанам в поисках наживы («Известия», 1984, № 53). Этой традиции следуют и те глаголы, у которых при многозначности в кодифицированном литературном языке допускается варьирование корня.

Обращает на себя внимание употребление глагола *двигаться* — точнее его форм настоящего времени.

В современных толковых словарях указана многозначность этого глагола. Например, СО: 1. Находиться в движении, направляться. 2. Трогаться с места, отправляться. 3. Продвигаться, получать повышение в служебном отношении (*разг.*); МАС: 1. Совершать движения, передвигаться. 2. *Разг.* Трогаться с места, идти, отправляться куда-либо. 3. Делать движения. Шевелиться. Здесь же приведены формы основы настоящего времени: *-аюсь*, *-аешься* и *двѣжусь*, *двѣжешься*; прич. наст. *двѣгющийся* и *двѣжущийся*. Современные словари-справочники

конкретизируют нормативные рекомендации. Так, словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» приводит формы *двигаюсь*, *двигаешься* как основные, формы *двѣжусь*, *двѣжешься* как более редкие в употреблении [Трудн., 106]. Авторы словаря трудностей русского языка высказывают мысль о том, что формы на *-aj-* и традиционные формы связаны со значением глагола, а именно: «Формы настоящего времени *двигаюсь*, *двигаешься*, *двѣгается* и *двѣжусь*, *двѣжешься*, *двѣжется* совпадают в значениях «перемещаться, передвигаться, идти вперед». <...> Различаются оттенками значений и сочетаемостью. *Поезд двигается* (приходит в движение). *Поезд движется* (находится в движении). *Дело не двигается с места*. *Земля движется вокруг Солнца*». Более решительно такое разграничение значений и форм проведено в «Орфоэпическом словаре русского языка», где представлены два самостоятельных глагола *двигаться*: *Двигаться*¹⁾: *двѣжусь*, *двѣжется* и *двигаюсь*, *двѣгается*, *пов. двѣгайся*, *прич. действ. наст. двѣжущийся* и *двигающийся*, *деепр. двѣжась* (*несвоб.*) и *двѣгаясь* «Перемещаться, находиться в движении». *Двигаться*²⁾: *-аюсь*, *-ается*, *пов. двѣгайся*, *прич. действ. наст. двѣгающийся*, *деепр. двѣгаясь* «Трогаться с места, делать движения; шевелиться».

В газетной статье можно, конечно, встретить форму на *-aj-* в обоих значениях, например: *Кругом все помертвело, не двигается* (здесь форма на *-aj-* обязательна; т. к. выражает значение «шевелиться») («Книжное обозрение» 1988, № 10); *Маленькие группы из 3—4 человек, состоящие из пулеметчиков, снайперов, двигаются по городу в том направлении, где появляются российские военные* («Известия», 1995, № 4). В этом, последнем случае, вариант на *-aj-* передает значение «перемещаться, передвигаться». Обычно же для этой цели пишущими избирается традиционная форма с фонемой 3-й ступени чередования в исходе корня, например: *После выдачи команд на посадку все ждали сообщений о ходе этого ответственного маневра и вдруг по громкой связи сообщили, что наземные станции снова начали принимать сигналы корабля. У меня душа в пятки ушла — если с посадкой все хорошо, то станции никаких сигналов не принимают, окруженный пламенем корабль уже движется в воздухе* («Известия», 1987, № 11); *Представители Пентагона сообщили, что авианосцы «Корас Си» и «Америка» движутся в сторону Ливии* («Известия», 1986, № 106); *Вместе с шофером Умаром Шовхаловым отправляемся на боевые позиции защитников республики по направлению к Назрани. Где-то впереди по этой дороге навстречу нам движется российская танковая колонна из 200—250 единиц бронетехники* («Известия», 1994, № 241); *На первых этапах мне*

важна пластика: как *движется* моя героиня (артистка Э. А. Быстрицкая — ТВ, I.86); Вон видите, к нам *движется* то красное домино (Р, XI.95); Гораздо быстрее *движется* дело через неправильственные каналы («Известия», 1995, № 14).

Среди величных форм выбор падает на традиционные (и это несмотря на то, что именно с форм причастия и деепричастия обычно начинается разрушение единообразия в традиционной парадигме): Большинство зрительных задач вызывает затруднение. Трудно отыскать глазами на полке нужный предмет, трудно удержать на нем взгляд, совершенно невозможно проследить за *движущимся* предметом («Книжное обозрение», 1986, № 4); ... всего *движущихся* лестниц на самой «Чеховской» и связанных с ней переходах предстоит установить более двух десятков («Известия», 1987, № 44).

Глаголы вторичной имперфективации с суффиксом -<ива>-

Особенно заметно преодоление вариативности корневой морфемы в глаголах вторичной имперфективации с суффиксом -<ива>- (орфографически -*ива*-, -*ыва*-). Суффикс -<ива>- в основе глагола всегда располагается непосредственно за корнем. Присоединение суффикса -<ива>- к корню постоянно сопровождается двумя морфонологическими средствами — передвижкой ударения с аффиксальных морфем на корень и чередованием фонем.

Суффикс -<ива>- представляет собой морфонологическую позицию для морфем², составляющих корневую морфему глагола. В этой морфонологической позиции находятся и конечные морфемы корня (это морфемы, в которые обобщаются согласные фонемы), и срединные морфемы (каждая из них — обобщение гласных фонем). И согласные, и гласные морфемы обнаруживают беспоследовательность в позиционной реализации фонемами. Наблюдаются отступления от закономерностей чередования согласных фонем в исходе корня — отступления, лишь увеличивающие разнообразие корневых морфем. Наблюдается также вариативность в чередовании гласных фонем, составляющих срединную морфему {о}, что в конечном итоге приводит к сокращению числа корневых морфем.

В середине корневой морфемы располагаются гласные морфемы {а}, {э}, {и}, {у}, соответственно составленные фонемами <а>, <э>, <и>, <у>, которые являются постоянной реализацией этих морфем в морфонологической позиции перед суффиксом -<ива>-. В середине корневой морфемы находится и морфема {о}, которая представляет собой

обобщение фонем <о||а>. Перед аффиксами глаголов сов. вида морфонема {о} бывает представлена только фонемой <о>. В глаголах несов. вида перед суффиксом <-ива>- морфонема {о} может быть реализована и фонемой <о>, и фонемой <а>. Сравните: стрен<о>жить — стрен<о>-живать и примор<о>зить — примор<а>живать. При одном глаголе сов. вида могут сосуществовать два глагола вторичной имперфективации с суффиксом <-ива>-, имеющие одно и то же значение, но различающиеся формально — фонемами <о> и <а> в корне (запод<о>зрить — запод<о>зривать и запод<а>зривать, облагор<о>дить — облагор<о>живать и облагор<а>живать и под.).

Каковы же те языковые причины, которые открывают для морфонема {о} возможность двойственной реализации в одной и той же морфонологической позиции — перед суффиксом <-ива>-?

Чередование <о||а> при образовании глаголов вторичной имперфективации распространено довольно широко. Эта черта неоднократно отмечалась русистами как признак видовой пары. В. Н. Сидоров писал, что при образовании глагола несов. вида от глагола сов. вида «наблюдается чередование <о||а>». Однако такое чередование не обязательно» [Аванесов, Сидоров 1945, 169]. В. В. Виноградов указывал на чередование <о||а> при образовании глаголов несов. вида с помощью суффиксов <-ива>-, <-ива>- от приставочных глаголов сов. вида как на изменение, сопровождающее суффикс [Виноградов 1972, 403]. М. В. Панов, признающий за чередованием <о||а> статус неграмматического чередования, связывает его с наличием суффикса <-ива>-, т. е. с грамматической (морфонологической) позицией [Панов 1967, 206—207].

Но и в морфонологической позиции перед суффиксом <-ива>- морфонема {о} не всегда выявляет чередование <о||а>. Дело в том, что морфонологический признак «чередование фонем» в данном случае сопряжен с другим морфонологическим признаком — с перемещением ударения с аффиксальных морфов в глаголе сов. вида на корневой морф в глаголе вторичной имперфективации.

Чередование <о||а> регулярно, если выступает вместе с перемещением ударения: обгоро́дить — обгоро́живать, наско́чить — наско́кивать, прополоска́ть — прополоска́ивать, перебо́леть — перебо́ливать, просмо́лить — просмо́ливать, остано́вить — остано́вливать, скопи́ть — скопи́ливать, обкорми́ть — обкорми́ливать, обзвони́ть — обзвони́ливать, заровня́ть — заровня́ливать, отгово́рить — отгово́ривать, приколо́тить — приколо́ливать, опроси́ть — опроси́ливать, рассу́лить — рассу́ливать, вы́мочить — вы́мочивать и мн. др.

Чередование <о||а> затруднено, если суффикс <-ива>- входит в состав основы глагола с неподвижным ударением на корне. В таких гла-

голах нарушена связь двух морфонологических признаков — чередования фонем и подвижность ударения, — сопровождающих суффикс <ива>. Вне контакта с перемещением ударения морфонема {o} не обнаруживает способности к чередованию и выступает в виде фонемы <o>. Чередование <o||a> утрачивает автоматизм и становится индивидуальным признаком каждого глагола. В зависимости от того, каким набором фонем представлена морфонема {o} (<o> или <a> и <o||a>), различаются такие группы глаголов:

глаголы, не знающие чередования <o||a>. Это глаголы растрогивать, растревоживать, обезвоживать, обеспложивать, стреноживать, обуглероживать, подытоживать, причмокивать, обескровливать, обезболить, приневоливать, обезволивать, урезонивать, узаконивать, засупонивать, разлимонивать, распатронивать, объегоривать, подзадоривать, облапошивать, всклокочивать, опорочивать, упрочивать, отсрочивать, приурочивать, обесточивать и др.;

глаголы сов. вида с неподвижным ударением на корне, при которых сосуществуют одинаковые по значению варианты несов. вида тоже с неподвижным ударением на корне; при полной идентичности значения варианты различаются между собой только фонемами <o> и <a>: заподозрить — заподозривать и заподозривать, унавозить — унавоживать и унаваживать, облагородить — облагороживать и облагораживать, обусловить — обуславливать и обуславливать, удостоить — удостоивать и удостоивать, оспорить — оспаривать и оспаривать, проспорить — проспоривать и проспаривать, задобрить — задобривать и задабривать, уполномочить — уполномочивать и уполномачивать, сосредоточить — сосредоточивать и сосредотачивать, затронуть — затрогивать и затрагивать и др.

В ряде глаголов функционирование морфонемы {o} преодолевает преграду, созданную неподвижным ударением, — и тогда в морфонологических позициях ее представляет чередование <o||a>: обволочь — обволѧкивать, успокоить — успокаивать, заготовить — заготовливать и др.

Во всех глаголах вторичной имперфективации, даже в тех, которые не знают чередования <o||a>, формы с фонемой <a> в корне оттесняют на второй план формы с фонемой <o>.

Формы с <a> перед <ива> активно утверждаются в разговорной речи. В составе кодифицированного литературного языка их область — это публицистика, язык радио и телевидения.

Формы с <o> в корне, конечно, здесь закономерны: Верховный Совет при всех трудностях, сказал далее Р. Хасбулатов, основное внимание *сосредоточивал* на разработке и осуществлении экономической

реформы («Известия», 1992, № 261); И, наконец, самое впечатляющее. Лобов подготовил проект президентского указа «О Министерстве экономики Российской Федерации». Согласно этому проекту, министерство *сосредоточивает* в своих руках всю экономическую власть («Известия», 1993, № 95); 20 марта «Союз офицеров», состоящий из уволенных в запас генералов и офицеров, собрал в Москве, в парламентском центре «Офицерское собрание Московского военного округа», которое, как заявили нам в штабе МВО, никто не *уполномочивал* выступать от имени его военнослужащих («Известия», 1993, № 53); Во-первых, у дипломатов и их министра Андрея Козырева руки, говорят, чешутся помочь — посредством переговоров найти выход из чеченского тупика, не ими созданного. Но с их участием внутреннее дело становится внешним, сепаратизм косвенно *узаконивается* в мировом обществе («Известия», 1994, № 252); Сербские экипажи, вне всякого сомнения, *проторивают* дорогу по Дунаю, показывая, как можно обойти эмбарго ООН («Известия», 1993, № 16).

Однако и глагольные формы с <a> перед -<ива>- не менее уверенно внедряются в газетный текст: Высокая надежность банка *обуславливается* разумно проводимой политикой, направленной на снижение риска в работе («Центр-плюс», 1994, № 3); Их жизни во многом сложи. <...> Маршалами стали в годы Великой Отечественной войны. Каждый по несколько раз *удостаивался* звания Героя Советского Союза («Известия», 1992, № 108); Не буду вводить читателя в сложный технический и методический антураж эксперимента. Суть его сводилась к тому, что дельфину сообщалась определенная программа, выполнив которую он *удостаивался* вознаграждения («Известия», 1993, № 95); ... эту роль никто не *оспаривал* («Известия», 1993, № 38).

В речи дикторов, журналистов, политических обозревателей, ведущих программ формы с <o> перед -<ива>- крайне редки, формы с <a> преобладают абсолютно. Ср.: Наша газета *сосредоточивает* внимание на социальных проблемах (Р, III.94); Теперь мы *сосредоточиваем* свои потенциалы (Р, I.93); Сегодня Хорватия *сосредотачивает* свои силы на новых позициях (Р, I.93); Собрание не стало *сосредотачиваться* на воспоминании, каким было это событие (Р, III.94); Вдоль дорог *сосредотачиваются* сотни мужчин, которые контролируют продвижение танков (ТВ, XII.94); Депутатский корпус не *уполномочивал* своих депутатов проводить расследование (Р, II.93); Этот режиссер в третий раз *удостаивается* награды (Р, XI.94); Ученый века. Ученый года. Такого звания человек *удостаивается* только раз... (Р, I.93); Особенно плохо это действует на иностранцев. Они *заподозряют* нас в некомпетентности (Р, I.93).

Ощутимую поддержку формам с <a> перед суффиксом -<ива>- оказывает участие в радио- и телепередачах политических и общественных деятелей, работников промышленных предприятий, ученых, работников культуры. В своих высказываниях они, по-видимому, используют навыки разговорной речи, воспринимая устную форму выступлений и устную форму разговорной речи как общий признак. В выступлениях непрофессиональных участников передач господствуют формы с <a>: Не дело *сосредотачиваться* только на административных мерах (ТВ, X.92); На этих вопросах мы *сосредотачиваем* внимание наших слушателей (Р, VII.93); Берия, он *сосредотачивает* свое внимание на армии (Р, I.93); Турмалин все *рассредотачивает*, пропуская через себя (Р, IX.92); И вот ученые... Они *не устаивают* вниманием школьное преподавание (Р, I.93); Говорят мэр... Их никто *не узаканивал* (Р, X.94); Встреча депутатов *приурочивается* к собранию актива. Это *приурочивается* и к 1-му мая (Р, IV.93); Преступные элементы — уголовно наказуемые — *приурочивают* свои действия к праздничным дням (Р, V.93); Выяснилось вдруг, что нет *обезбаливающих* средств (Р, I.93); В гостиницах людей тоже *облапашивают* на деньгах (Р, III.93); *Подытаживая* войну, я провел в воздухе больше часов, чем на земле (Р, II.94); Живопись *подытаживает* развитие искусства в каждую эпоху (Р, IX.94); Люди долго *вытаргивали* церковь (Р, XI.93); Груз пришел на станцию, его надо *растамаживать*, а таможня берет два миллиона (ТВ, XI.94); Их движение *обулавливает*, по-видимому, ионная термодиффузия (Р, II.93).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перечень этих явлений приведен в «Вопроснике по современной русской морфологии», отв. ред. И. П. Мучник (М., 1963), а подвергнут исследованию в монографиях «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис русского языка» под ред. М. В. Панова (М., 1968) и «Русский язык по данным массового обследования» под ред. Л. П. Крыгина (М., 1974).

² Морфонема — это абстрактная единица, которая объединяет в себе фонемы, взаимозаменяющие друг друга в разных морфонологических позициях и взаимосключающие друг друга в одной и той же морфонологической позиции [Ильина 1980, 59—63].

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. М., 1945.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.

Грамматика — 70: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика — 80: Русская грамматика. В 2-х тт. М., 1980.

Грамм. сл.: Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-статистического словаря вариантов. М., 1976.

Ильина Н. Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.

Ильина Н. Е. Морфонологические варианты глаголов в функционально-стилистическом аспекте // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1991.

Качевская Г. А. Нужно ли склонять географические названия типа *Роцино, Шувалово?* // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.—Л., 1966.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Панов М. В. О грамматической форме // Грамматика современного русского языка. М., 1959.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.

РЯСО, 3: Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. (ред. М. В. Панов). М., 1968.

Русский язык... 1974: Русский язык по данным массового обследования. (ред. Л. П. Крысин). М., 1974.

Сл. трудн.: Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 4-е изд. М., 1985.

СО: Ожегов С. И. Словарь русского языка. 3-е изд. Под ред. С. П. Обнорского. М., 1953.

Трудн.: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Ред. К. С. Горбачевич. Л., 1973.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941.

Karcevski S. Systemé du verbe russe. Prague, 1927.

Часть II

ГЛАВА IX

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (на материале языка Москвы)

Происходящие в последние годы радикальные политические и социально-экономические преобразования заметно повлияли на структуру и характер городской коммуникации. Существенные изменения наблюдаются в функционировании типичных жанров городской речи — стереотипов и микродиалогов. Возрождаются жанры городского фольклора (устная реклама, зазывы, острословицы и др.). Появились новые актуальные коммуникативные сферы — в частности, народные митинги. Как показывают проведенные исследования, для современного города характерно расширение сферы контактов между незнакомыми людьми [Китайгородская, Розанова 1994].

Общими тенденциями в изменении характера городской коммуникации являются следующие:

- усиление диалогизации устного городского общения;
- усиление личностного начала;
- возрождение карнавальной стилистики в жизни города.

Рассмотрим действие этих тенденций в разных сферах и жанрах современной московской городской речи. Материалом для исследования послужили магнитофонные записи устной речи, относящиеся к периоду 1990—1995 гг. (При необходимости более точная дата специально оговаривается в ремарках к примерам.)

Приметы времени

в современной городской топонимике

Известно, что коренные социальные изменения в жизни общества способствуют более яркому проявлению карнавального начала и сопровождаются переодеваниями как в прямом, так и в переносном смысле

(ср. время реформ Петра I, период революций 1905—1917 гг.). Изменения захватывают и сферу языка.¹

Наше время также характеризуется «сменой речевых одежд». Ср. например многочисленные переименования различных госучреждений: *министерство — департамент; школа — лицей, гимназия, колледж; институт — университет, академия; магазин — супермаркет, минимаркет* и т. п.

Эти же процессы переносятся и на городское пространство, что проявляется прежде всего в возвращении названий московским улицам и площадям: Остоженка, Воздвиженка, Тверская, Большая Никитская, Поварская и мн. др. В названиях кафе и магазинов возрождаются прежние разговорные модели номинаций: «У Крестьянки» (т. е. у Крестьянской заставы), «Преображенка» (Преображенская площадь), булочная «Миуссы» (Миусская площадь) и мн. др.

Следует однако заметить, что старые названия, вытесненные в советское время из сферы официальных городских номинаций, продолжали жить в устном обиходе, особенно в речи старшего поколения. Это порождало своеобразные двойные номинации типа: *Это на Кировской, бывшей Мясницкой*. С возвращением прежних названий в речи современных москвичей можно наблюдать сейчас зеркальные модели-перевертыши типа: *Это на Мясницкой, бывшая Кирова*. Ср. например характерный для речевой жизни современного города микродиалог: А. Скажите/ Новопесчаная улица/ туда/ или туда? (*жест рукой*) Б. Вперед/ и направо/ вперед/ и направо// *Новопесчаная улица// Бывшая Вальтера Ульбрихта//*

Называние различных городских объектов прежними именами московских улиц, на которых эти объекты расположены, приводит к тому, что старый (дореволюционный) и новый топонимы теперь сосуществуют в пределах одного и того же городского пространства. Ср.: кафе «Большая Дмитровка» на Пушкинской улице, ресторан «Петровская слобода» на Ленинградском проспекте, торговый ряд «Хамовники» на Комсомольском проспекте, название троллейбусной остановки «Спиридоновка» (при сохранении топонима *улица Алексея Толстого*) и т. п.

Некоторые наименования ассоциируются с различными историческими, литературными персонажами или событиями. Так, например, кафе в Лефортово называется «Анна Монс», кафе в районе Бронной улицы — «Лара». Район Патриарших прудов и прилегающих улиц все теснее связывается с героями знаменитого романа М. Булгакова (кафе «Маргарита», магазин «Бегемот»). Пространство города заселяется различными масками, персонажами, чьи имена тесно связаны с Москвой.

Это раскрепощает карнавальную стихию городской жизни. Материальное воплощение данная тенденция получила в ставших уже традиционными булгаковских карнавалах на Патриарших прудах.

Подобные процессы существенно изменяют семиотическое пространство города, т. к. отдельные его участки образуют сложный социокультурный контекст, вызывая многообразные исторические или литературные ассоциации.

Персонафикация как мотив городских номинаций

Массовое быденное сознание привычно (и не всегда объективно) соотносит те или иные явления общественной жизни с конкретными политическими лидерами. Персонафикация некоторых социально-экономических процессов — один из частых мотивов городских микродиалогов. Ср. следующие примеры.

(Записано в мае 1991 г. в парфюмерном магазине. Покупательница А. покупает крем. П. — продавщица) А. Мне две «Магии» и два «Зодиака» // П. Только три в одни руки // А. Но мне нужно четыре // П. Это вы к Попову (в то время мэр Москвы) обращайтесь!

(Записано в ноябре 1992 г. В переполненном троллейбусе мужчина М. обращается к приятелю) М. Что-то они ходят плохо! Совсем транспорт не работает! Ну дождешься Лужков! (мэр Москвы)

Тенденция к персонафикации связана с проявлением л и ч н о с т н о г о фактора. В языке она воплощается в виде определенных номинативных моделей, когда в качестве мотивирующей базы выступает имя собственное, например: *(записано в октябре 1992 г. после очередного повышения цен на хлеб. Пожилой мужчина обращается к продавщице) Дай-ка мне вот эти булочки / гайдаровские // (Егор Гайдар был в это время премьер-министром).*

Актуальные для современной жизни явления мгновенно получают имя их «автора». Например, 5-процентный налог с продажи, введенный в 1991 году, назывался *президентским, горбачевским* налогом. Обмен денежных купюр получил отражение в разговорной речи в виде словосочетаний *павловская реформа, павловские деньги*.

Языковые процессы такого рода всегда были характерны для периодов социальных изменений. Социальные сдвиги как бы провоцируют, активизируют распространение данных номинативных моделей. Ср. например: *стольлинская реформа, стольпинские галстуки, керенки* (от Керенский), *хрущобы* (от Хрущев, ср. трущобы), *андроповка* (дешевая водка, продававшаяся при Андропове).

В этом явлении обнаруживается конкретный, неабстрагированный характер мышления человека, типичный для сферы неофициального обывденного общения. Подобные номинации основаны на принципе метонимии (хотя в реальной жизни смежность сопоставляемых явлений, конечно же, достаточно условна).

Устная реклама, зазывы, объявления

Усиление личностного начала, ориентация на активный диалог ярко проявляется в возрождающихся жанрах устной рекламы, зазыва. Заметно изменился также стиль московских объявлений. Вместо безадресных извещений типа «Меняю двухкомнатную квартиру на две однокомнатные» или «Продаются ценки афганской борзой» все чаще можно встретить объявления с использованием разных речевых форм обращения, привлечения внимания, зазывов. Например: «У Вас есть желание поработать за рубежом? Если да, то мы можем предоставить этот шанс!» или «Холодно? Тогда сделайте себе подарок и купите оренбургский пуховый платок! Только на этой неделе цены снижены на 15 процентов». Вместо так хорошо знакомых сурово-запрещающих объявлений типа «Руками не трогать!» появляются шуточные: «Потрогать — 10 рублей. Посмотреть — бесплатно». В обувной мастерской над служебным входом, где привычна табличка «Посторонним вход воспрещен», висит шуточное объявление: «Не входи — убьет!»

Неофициальная игровая стихия, ломающая барьеры «своего/чужого» пространства, врывается в традиционно монологические ситуации городского общения, например устные объявления в метро: (записано на ст. м. «Белорусская», где часто дежурит знакомый многим москвичам старейший работник метрополитена, шуточно прозванный местными жителями «Кащенч») *Товарищи! Сейчас будет пущена машина //Держитесь за поручень! Полный вперед! Гвардейцы вперед! (пассажиры смеются).*

Речевая жизнь современной Москвы характеризуется возвращением многих старых забытых жанров — устной рекламы, зазывов, выкриков, остроловиц. Это связано с появлением частной, уличной торговли, вещевых рынков и т. п. Здесь можно наблюдать возрождение старых национальных форм зазывов, выкриков, рекламных остроловиц: *Беляши! Беляши горячие!; Пицца! Пицца горячая! Все ко мне на завтрак и обед! Пицца горячая/ вкусная!; Новый интересный гороскоп по именам! Можно купить/ а можно просто посмотреть! Пожлуйста сударыня! Всего за три рубля!*

В. О. Ключевский отмечал, что торговля московских купцов и в старые времена во многом носила характер игры. Игровая скоморошья

стихия особенно чувствовалась в рекламных зазывах, описанных В. А. Гиляровским, Евг. Ивановым и другими исследователями московской старины. В скоморошьях зазывах широко применялся прием рифмовки. Например, у того же Евг. Иванова находим замечательные образцы речи карточных шулеров: «Не жулики мы и не плуты, а карточные банкроты! Сами проиграем и других спутаем. Играем на петлю и ремешок и на три счастливые карты!» [Иванов 1989].

Те же приемы языковой игры наблюдаем в речи современных «наперсточников», картежников и игроков в азартное лото. Ср. текст, записанный за «наперсточником» напротив военторга:

Это Саша/ это Маша/ а вот беременная Наташа// Я за нее плачу/ за две пусто я с вас получу!

Ср. также образец речи карточного шулера:

Для убеждения ваших глаз/ показываю еще раз! Две красные проигрывают/ черные выигрывают// Три движения / ваше зрение// Веселей играем/ карту выбираем!

Еще пример шуточного зазыва:

Мы начинаем новую игру! Любимая игра Аллы Путачевой и Раисы Горбачевой! Берем жетончики/ получаем червончики! Не отходим/ а подходим! Не стесняемся/ а оформляемся. На кону семьдесят пять рублей/ на покупку новых «Жигулей»!; Финское лото/ не проигрывает никто! Ставишь шляпу/ покупаешь пальто!; Граждане налетчики/ лихие пулеметчики! Налетайте/ покупайте! Если вы думаете что это обман/ полезайте к себе в карман/ доставайте червончики/ покупайте жетончики!

Установка на игру, шутливый диалог с покупателем ярко проявляется не только в устных зазывах и выкриках уличных торговцев, но и в письменных рекламных текстах, часто рифмованных. Ср. следующие примеры:

(Записано в переходе метро у торговца новогодними свечками) Любят все — и стар и млад — когда свечи под Новый год горят. Свечу поставьте в центр стола и избежите беспотопья.

(Самодельная реклама на киоске, торгующем различными товарами по уходу за домашними животными) Не захочет киска деток после этих трех таблеток.

(Надпись на лотке торговца книгами) Скандальная книга! Скандальный писатель! Волосы дыбом встанут, читатель!

С т е р е о т и п ы , м и к р о д и а л о г и

Особое место в структуре городской коммуникации принадлежит стереотипным ситуациям общения, которым соответствует жанр городского стереотипа.

Современное российское общество переживает период л о м к и , разрушения устоявшихся с т е р е о т и п о в , в том числе поведенчес-

ких, ментальных [Китайгородская, Розанова 1993, 97—113]. Это приводит также к разрушению речевых стереотипов и возникновению новых.

Речевые стереотипы, подобно барометру, чутко реагируют на колебания социальной атмосферы общества. Такие материалы обладают социокультурной значимостью. Записи, фиксирующие «мелкий сор повседневной жизни», отражают языковое существование города.²

Записи городских стереотипов и микродиалогов — это своего рода хроника нашего времени, а, например, стереотипы в ситуации покупки — это, можно сказать, «дневник инфляции». Стремительность происходящих социально-экономических изменений отражается в языке города. Так, в разговорах, относящихся к периоду до января 1992 года (т. е. до либерализации цен), было типично употребление слова *колбаса* в расширительном значении — «любые продукты питания». Ср. такой семейный диалог: А. Ты куда? Б. Да в магазин / *колбасы какой-нибудь* купить // Или: Хватит вам *о колбасе* разговаривать! (т. е. говорить о еде, быте). К этому же времени острого товарного дефицита относится и частотный пример, когда на стереотипный вопрос о наличии товара в магазине *Что там есть?* следовал ответ *Там ничего нет*, который имел буквальный смысл («полное отсутствие товара», ср. также выражения *пустые прилавки, голые прилавки*). В настоящее время вернулось прежнее гиперболизированное значение («нет того товара, который меня интересует»).

Имеющиеся в литературе записи стереотипов и их описание отражают прежде всего стереотипные речевые формулы. Как представляется, необходимо последовательное описание стереотипа как текста, вписанного в контекст коммуникативного акта и отражающего определенную микроситуацию, т. е. важно исследовать жизнь клишированных реплик в структуре естественного диалога.³ Это позволит выявить модели микродиалогов, изучить закономерности сцепления реплик в рамках диалогического единства.

Некоторые исследователи отмечают, что жанры городских стереотипов и микродиалогов представляют собой тексты максимально стандартизованные, клишированные, не несущие на себе печать речевой индивидуальности говорящего.⁴ Следует отметить однако, что функционирование малых жанров городского общения связано с разными типами коммуникативных ситуаций. Одни ситуации почти не допускают отклонений от стереотипных моделей общения (например, «Транспорт», «Сберкасса» и др.), другие характеризуются возрастанием роли индивидуального, личностного начала.

В связи с этим заметим, что вопреки существующему мнению доля фатического общения в разных жанрах городской коммуникации (при контактах с незнакомыми людьми) достаточно велика. (Ср., например, такие ситуации, связанные с вынужденным ожиданием, как «Очередь», «Остановка городского транспорта».) При этом существует определенный набор типичных тем, не совпадающий с темами фатических бесед между близкими людьми.

Личностный параметр важно учитывать при описании р о л е в о й с т р у к т у р ы стереотипа, причем не только на уровне коммуникативных ролей (говорящий — слушающий), но и на уровне ролей социальных. Характер исполняемых социальных ролей задает степень официальности общения. Например, типичная ситуация «Как пройти?» по-разному реализуется в микродиалоге при обращении к милиционеру или к прохожему. В первом случае официальность общения будет выше (ср. распространенное речевое клише, оценивающее статус милиционера — «он при исполнении»). Иное речевое поведение, более раскованное, допускается при общении с прохожим.

Для примера сравним два типичных городских микродиалога. В первом из них прохожий (А.) обращается к милиционеру (Б.), во втором — к прохожему же (В.).

Диалог первый:

А. Товарищ лейтенант!

Б. Я слушаю вас//

А. Как пройти к музею Пушкина?

Б. Прямо по Волхонке/ с левой стороны//

А. Спасибо//

Диалог второй:

А. Не скажете/ как к райсовету пройти?

В. Вот мимо этих домов прямо пойдете/ а потом налево//

А. И там увижу? Да?

В. Да/ да/ такое красное здание//

А. Ага/ спасибо//

Социально-личностная маркированность стереотипа может проявляться в его лексическом наполнении. Именно этот компонент языковых клише чутко реагирует на меняющиеся социальные условия. Кроме того, можно выделить стереотипы, которые характеризуют говорящего как носителя литературного языка или городского просторечия, а также могут содержать информацию о профессиональной принадлежности говорящего. Ср. примеры: *взвесьте* (лит.) — *сешайте* (прост.) — *завесьте* (проф. жарг.); *выбить чек* (лит.) — *пробить чек* (проф. жарг.); *сделать* — 'устроить покупку по знакомству'

(прост. жарг.); *выходить* (лит.) — *слезать, вылезать, слазить* (прост.) и др.

Для стереотипных речевых актов важно также их разграничение по коммуникативным типам реплик-стимулов — вопрос или побуждение к действию (интеррогативные или инструктивные). Реплика часто задает характер коммуникативного взаимодействия. Оно может быть только вербальным или предполагать использование жесто-мимического канала. Например, ситуация первого типа («Сколько времени?») предполагает либо ответ, либо (что значительно реже) жестовую реакцию, заменяющую реплику диалога. Для ситуации второго типа характерна эллиптизация ответной реплики до нуля. Ср. например общение между водителем и пассажирами в маршрутном такси (П. — пассажир, В. — водитель):

П. (*открывает дверцу маршрутного такси*) До Гарибальди доедете?

В. (*молча кивает, что означает утвердительный ответ*)

П. (*садится, захлопывает дверцу*) Спасибо//

П. Вон у того дома остановите//

В. (*чуть тормозит, показывая, что он готов выполнить просьбу пассажира*)

П. Да нет/ у следующего//

В. (*останавливает машину у того дома, на который указал пассажир*)

П. Спасибо большое//

П. (*протягивая деньги водителю*) Это вам нужно отдавать?

В. (*кивком головы указывает на коробочку, в которую пассажиры опускают плату за проезд*)

П. А! Вот сюда// Понятно//

При описании стереотипов одной из важных задач является описание интонационно-синтаксической структуры. Ядерная (инвариантная) часть стереотипного микродиалога имеет свою, достаточно четкую морфолого-синтаксическую и интонационно-ритмическую организацию, которые взаимосвязаны и тесно спаяны. Пример тому — общение на фоне городского шума. Опора на конкретную ситуацию и определенный клишированный интонационный рисунок фразы, сегментная часть которой может быть смазана (либо не слышана слушающим, либо редуцирована говорящим), обеспечивают понимание стереотипа. Ср.: А. (*проходя по салону автобуса, обращается к стоящему впереди него пассажиру*) Р(азре)шите! — с восходящим мелодическим акцентом.

Типичной для реплики-стимула является ее синтаксическая и интонационная д в у ч л е н н о с т ь, отражающая коммуникативное членение фразы на «топик» и «комментарий». [Ли, Томпсон 1982]. Постоянная коммуникативная двучленность, выступающая как базисная модель, позволяет предположить, что именно в репликах-стереотипах

наиболее ярко проявляется грамматикализирующая функция актуального членения в РР.⁵

Просодически эта коммуникативная двукомпонентность может быть реализована двояко. (1) Фраза членится на две самостоятельные синтагмы: *Молоко/ есть у вас?*; *Килограмм огурчиков/ взвесьте!* (2) Фраза представляет собой одну синтагму с двумя фразовыми акцентами, выделяющими коммуникативное ядро высказывания: *Кефир мне подойте!*; *Талончик не пробьёте?*; *«Детский мир» далеко?* Именительный темы, широко распространенный в устной непринужденной речи, представляет собой крайнее проявление этой двучленности. Ср.: *Бронная/ как пройти?*; *Время/ не скажете?*

Реальная языковая жизнь города демонстрирует многочисленные отступления от стереотипов речевого поведения. Подобные факты несут определенную диагностирующую информацию о коммуникантах. Можно выделить разные виды отступлений от стереотипов. Наиболее важные из них следующие.

— Недостаточное владение навыками общения в городе (и как следствие — речевыми стереотипами), обусловленное экстралингвистическими характеристиками говорящего («приезжие» — жители сельской местности, других городов).

— Недостаточное владение нормами этикетно выдержанного речевого поведения (носитель литературного языка / носитель просторечия).

— Невладение стереотипами речевого поведения или нежелание им следовать. Нередко это приводит к включению текста другой роли. Ср. например разговор продавщицы и покупателя: А. *Девушка/ а туфель черных нет у вас?* Б. *(поправляет)* *Не туфель/ а туфель//.*

— Отход от привычной тематики разговора в стереотипных ситуациях⁶ (ср. упреждающее «блокирование» подобных ситуаций в письменных объявлениях типа «Кассир справок не дает», «Размена нет» и т. п.).

— Сознательный отход от стереотипного общения, связанный с реализацией творческого начала, установки на шутку, игру. Приведем примеры. (1) Сберкасса. Обычно процедура расчета происходит в молчании или прерывается шаблонными репликами, типа «Вы за два месяца платите?», «Готовьте мелочь» и т. п. В данной ситуации кассирша, принимающая коммунальные платежи, шуточно обращается к посетителям: *Так/ готовьте свои миллионы!* (2) В магазине продавщица в ответ на вопрос покупателя шутит. А. *Скажите/ селедка у вас крупная?* Б. *Да вот как я (т. е. средняя)//.*

— Отход от нейтрального вежливого стереотипа, за которым стоит выбор и н в е к т и в н о й стратегии речевого поведения.⁷ При этом формулы грубости также имеют клишированный характер. Чаще всего этот вид отступлений от стереотипа отмечался в сфере обслуживания при нарушении партнерами коммуникации ролевых отношений «продавец — покупатель». Известный в условиях рынка принцип «Клиент всегда прав» предполагает несимметричные ролевые отношения. Однако в реальной речевой практике можно было наблюдать в лучшем случае установление паритетных, а нередко и «перевернутых» ролевых отношений («Клиент всегда неправ»). Это отражается в целом наборе стереотипных диалогических реплик-реакций: «Не хотите — не берите!»; «Вас много, а я одна!»; «Выбирать на рынке будете!» и мн. др.

При инвективном поведении задействованы определенные речевые механизмы, связанные с различным отношением партнеров коммуникации к сфере «свое/чужое».

1. Резкое разграничение сферы «своего» и «чужого». На уровне речи это проявляется прежде всего в актуализации противопоставления местоимений 1-го и 2-го лица (я, мы — вы). Ср.: *А. Девушка/ пакет можно? П. Мы пакетов не даем/ чтоб вам подарки заворачивать! Пакеты только под виноград!*

Еще большая дистанцированность достигается тогда, когда о партнере коммуникации говорится в третьем лице. Нередко он предстает в немотивированном обобщенном виде (неоправданная генерализация адресата). Ср. характерные примеры, относящиеся ко времени товарного дефицита:

(В отделе гастронома продают чебуреки; одна из продавщиц считает деньги; в этот момент покупатель А. протягивает ей чек)

А. Девушка/ вы не подадите мне чебурек/ я только что брал//

П. Вы не видите? Я считаю! Вон туда обратитесь// Не отдел/ а проходной двор! Вот прям щас все брошу/ и побегу ему чебурек подавать!

(Кассирша оживленно разговаривает со своей знакомой, забыв об очереди; покупатель пытается напомнить о себе, постукая монеткой по тарелке для денег; кассирша К. возмущенно реагирует)

К. Вы не стучите! На работе по два часа болтают/ а тут стучат!

Стратегия отчуждения от личной сферы партнера коммуникации может маркироваться как вербальными средствами (ср. стереотипную реплику «Это ваши проблемы»), так и невербально — с помощью интонации (просодия «отчуждения») или с использованием жестомимических средств (демонстративно безучастное, подчеркнуто безразличное поведение по отношению к собеседнику). Подобное поведение полу-

чает резко негативную оценку: *Ну надо же/ еле говорит!; Пряма как неживая!; А. Пряма не шевелится! Девушка нельзя ли побыстрей? Смотрите какая очередь! Б. А ей-то что? Вы же стоите!*

Одной из форм речевой грубости является молчание в ответ на вопрос покупателя. Ср. например:

(Мужчина и женщина стоят перед прилавком; женщина обращается к продавице)

Ж. Девушка/ сколько стоит эта шапка?

П. *(молчит, не отвечает)*

Ж. *(обиженно, обращаясь к своему спутнику)* Трудно ответить// Боже мой! Как военная тайна! Я ее два раза спросила//

2. Нарушение адресантом установленной границы между «своим» и «чужим». Резко негативная реакция одного из партнеров коммуникации может быть связана с грубым вторжением собеседника в его личную сферу, неоправданным сближением «своего» и «чужого». Так, обращение на «ты» к незнакомому человеку на улице часто получает отрицательную оценку (*Почему вы мне тыкаете?; Я с вами коров не пас!; Мы с вами детей не крестили!* и т. п.).

Как инвективное нередко воспринимается речевое поведение, нарушающее принятые для данной ситуации ролевые отношения. Например, неправильный выбор «модальности» высказывания (приказ или замечание вместо просьбы), разрушающий паритетные ролевые отношения между партнерами коммуникации, способен вызвать грубую реакцию собеседника. Реплика-реакция может содержать запрет на вторжение адресанта в чужую сферу (*Не ваше дело!; Не вмешивайтесь!*), либо выражать возмущение (*Что вы лезете не в свое дело!; Какое вам дело?; Зачем вы вмешиваетесь?*), либо отсылать говорящего к другим адресатам, входящим в его личную сферу (*Детям своим замечания делайте!; Жену учите!*) и т. п. Ср. характерный диалог: (в мастерскую металлоремонта входит женщина **Ж.**, забыв закрыть за собой входную дверь; один из посетителей **М.** недовольно реагирует) **М.** Дверь-то нужно закрывать? **Ж.** *А что это вы мне замечание делаете? Попросили бы/ и все//.*

В качестве примера приведем небольшой фрагмент из разговора в магазине. Показательно, что оба партнера коммуникации допускают грубость по отношению к собеседнику, но при этом способы реализации инвективной стратегии различны. Для **А.** характерно вторжение в сферу «чужого», что на речевом уровне выражается в использовании «ты»-обращения при общении с незнакомым человеком. Инвективная стратегия **Б.**, наоборот, связана с резким разграничением сферы «свое/чужое» и получает вербальное воплощение в использовании формы

3-го лица по отношению к А. (Запись сделана весной 1991 г. Разговор идет о «роли» КПСС в развале страны. А. считает, что во всем виноваты коммунисты, а Б. придерживается противоположного мнения.)

А. (*кричит*) «Партия наш рулевой!» «Партия наш рулевой!» Ты забыл
<...>

Б. Вы не тыкайте пожалуйста// Тыкает еще!

При восстановлении нормальной ролевой структуры ситуации неизбежно восстанавливается и этикетно выдержанное речевое поведение. Такие нормальные ролевые отношения наблюдаются чаще всего на рынке, зарождение подобных отношений происходит сейчас и в торговле (правда, не без отклонений в сторону привычной для нашего обихода грубости). Приведем два небольших примера:

(А. покупает яблочную кулебяку у продавца кооперативного магазина — П.)

П. Вам сколько?

А. Одну пожалуйста//

П. (*подает кулебяку*) Пожалуйста//

А. Спасибо//

П. Кушайте на здоровье//

(На рынке женщина, торгующая цветами, зовет покупателя)

Ж. Молодой человек! Мы вас полчаса ждем здесь уже! Не хотите розы? Смотрите какие! Ро-о-зочка!

Многожанровые сферы городской коммуникации

Некоторые стереотипные ситуации должны описываться как особые коммуникативные сферы, представляющие собой жанровый континентум. К ним относятся прежде всего «Очередь» и «Рынок».

В «Очереди» наряду с обязательным жанром — стереотипами покупки, а также речевыми клише, типичными для данной ситуации («Кто последний?»; «Я отойду на минуточку» и т. п.) — могут присутствовать и более свободные жанры: разговоры, диалоги в очереди. Темы подобных разговоров достаточно типичны. Наиболее актуальны из них: о покупках («кто?», «что?», «где?», «когда?», «сколько стоит?»); обсуждение товара, имеющегося в магазине (*Картошка вся гнилая// Яблоки хорошие//* и т. п.); уточнение того, кто за кем стоит в очереди (*В красном платке не за вами стояла?; За мной мужчина стоял/ он отошел//*); беспокойство, хватит ли товара на всех (*А. Торты кажутся кончатся// Б. Да нет/ там есть еще// А. Вот на нас всё и закончится//*).⁸ Отметим однако, что последняя тема сейчас стала менее актуальной.

Приметой времени является частое включение в разговор между незнакомыми людьми тем, связанных с экономической и политической ситуацией.⁹ Но подобные разговоры, более характерные для митингов, в ситуации «Очередь» возникают не спонтанно, а путем тематического «зацепления». Интересен сам процесс включения политических тем в разговор.

Приведем пример, записанный в сентябре 1993 года. (В булочной стоит большая очередь в кассу):

А. (пожилая женщина) Ну вот что они столько народу собрали// Поставили бы двух-трех продавцов/ пусть бы они деньги брали// А потом бы через кассу провели//

Б. (возражает) Так нельзя// По закону запрещено// Я сама видела в магазине/ как директора за это оштрафовали// Нельзя по закону//

А. (мгновенно реагирует) По закону! Да разве у нас есть законы? Одно беззаконие! (Далее начинается активное обсуждение политических проблем, в котором принимает участие сразу несколько человек).

Таким образом, слово закон явилось своего рода сигналом для тематического переключения разговора.

Показателем еще один небольшой, но очень характерный с точки зрения отражения стереотипов массового обыденного сознания разговор в очереди (записан в декабре 1992 г):

М. (мужчина лет 30-ти) Вот можно сказать дожили// И за хлебом очередь// Если дальше так пойдет/ придется эту демократию придушить//

Ж. (пожилая женщина) Ее теперь ничем не уничтожишь// Раньше можно было/ а теперь у нее деньги/ войска//

М. Ну на самом деле это не демократия// В демократической стране люди свободные/ а мы разве свободные? Это не демократическое правительство// Люди просто хотели коммунистов скинуть/ вот и поторопились//

Ж. Ну а где же демократическое-то взять?

М. Настоящее правительство еще не пришло// Настоящее правительство/ это такое/ которое о простых людях думают/ свою страну любят// А эти все на Америку смотрят// Я ничего не говорю// Америка очень прекрасная страна// Но мы-то не Америка//

Ж. Да/ у нас должно быть не так// Чтобы больше души было// Чтоб любовь была//.

В последнее время коммуникативное пространство очереди сузилось. Однако можно наблюдать расширение пространства иной коммуникативной ситуации — «Рынок». Это связано с появлением частной уличной торговли, мелкооптовых вещевых рынков и т. п.

Ситуация покупки на продовольственном (бывшем «колхозном») рынке отличается от ситуации покупки в магазине стереотипным вопросом о цене товара («почем?» вместо «сколько стоит?»), формами

обращений («хозяин», «хозяйка», возможно обращение на «ты»), набором специфических стереотипных клише, отражающих переговоры о цене товара (А. *Мясо ваше почему? Б. Прошу восемь// Будете брать/ уступлю//*).

В данной коммуникативной сфере каждый новый контакт (микрообращение, микроситуация) воспринимается как продолжение предыдущего микродиалога в рамках макроконтекста. Ср. например вопрос о цене товара: *А у вас почему лук?* В этом случае «вписанность» в макроконтекст маркируется как вербально (с помощью частицы *а* и инверсивного порядка слов), так и просодически (акцентное выделение на местоимении *вас*, незавершенная мелодика «переспроса»). Возможна также только просодическая отмеченность: *Почём ваш лук?* (восходящий мелодический акцент на слове *почем*).

Рынок — это та коммуникативная сфера, где часто намеренно преодолевается барьер официальности, реализуется установка на контакт, диалог с конкретным партнером. Это стереотипная ситуация, предполагающая широкое проявление личностного начала. Она допускает иные, более раскованные модели поведения.

Приведем в качестве примера следующий диалог. «Почем тво-рог?» — спрашивает одна из покупательниц. И, не дождав-шись ответа от продавца, занятого с другим покупателем, слегка толкает локтем соседку, надеясь получить ответ от нее. «Двести пятьдесят», — отвечает та, шутливо толкая в ответ спросившую. Обе смеются.¹⁰

Именно при общении на рынке ярко проявляется установка собеседников на шутку, игру, особенно в момент «переговоров» о цене товара:

А. (*покупатель*) Почему розы?

Б. (*продавец*) Три тыщи//

А. (*молчит*)

Б. Две с половиной//

А. (*опять молчит*)

Б. Две// Вы меня уговорили//

Выше мы уже говорили о том, что игровая стихия ярко проявляется в устной неофициальной рекламе. Приведем еще несколько образцов шутливых зазывов, записанных на рынках.

Мужчина торгует цветами: Без президентского налога! Без президентского налога/ без наценки!

Женщина-распространитель лотерейных билетов: Пожалуйста! Машину/ дачу и мужа впридачу!

Торговка пирожками: Горячие пирожки с мясом! Берите пирожки/ через полчаса подорожает!

Подводя итог, можно отметить, что изучение языка города в периоды коренных социальных преобразований имеет особый научный интерес, т. к. в этой речевой сфере наглядно обнаруживают себя изменения в языковой ситуации в целом. Кроме того, записи устной речи — это хроника времени, неофициальный документ эпохи.

Приложение. Тексты

Ниже приводятся два блока текстов, отражающих социально обусловленные изменения в языке города, которые произошли в последние годы.

Рассматриваемые тексты были записаны в магазинах и сходны по коммуникативным параметрам (ситуация купли-продажи). Однако в них зафиксированы разные этапы социальных перемен.

Первый блок текстов (I) отражает предреформенную ситуацию «тотального дефицита». Запись проводилась в Петровском Пассаже на распродаже перед первоапрельским подорожанием 1991 года. Тогда на предприятиях и в организациях сотрудникам раздавали специальные пропуска в различные магазины. По этим пропускам они имели право сделать определенное количество покупок.

Второй блок текстов (II) отражает ситуацию сегодняшних дней, когда при насыщенном рынке покупатель нередко оказывается перед проблемой выбора товара. Запись проводилась в магазине «Машина времени» одной из известных фирм «Партия» и в Краснопресненском универмаге.

Социально-экономические перемены существенным образом образовали жанрово-тематическую и ситуативно-ролевую структуру данной коммуникативной сферы. Прежде всего изменениям подверглись особенности ролевого взаимодействия и речевого поведения основных участников коммуникации (продавец — покупатель).

Стереотипные ситуации периода дефицита распались прежде всего на две группы: 1) информационные диалоги о наличии и цене товара («Сколько стоит...?», «У вас есть...?»); 2) стереотипы, связанные с продажей (отпуском) товара [PPP 1978]. Другие типы речевого взаимодействия продавца и покупателя (совет, объяснение, характеристика товара и т. п.) проявлялись спорадически и нередко зависели от личных качеств продавца. Стереотипы грубости (см. выше) отражали предельное сужение пространства кооперативного общения продавца и покупателя (Ср. *Вы что/ читать не умеете? Там написано//, Выберите сами* и т. п.). В этих условиях расширялась зона взаимодействия покупателей между собой, чему спо-

собствовала ситуация очереди. Покупатели нередко вынужденно брали на себя функции продавцов, сообщая друг другу информацию о цене, наличии, ассортименте товара (ср. примеры из текстов (I): *Ничё интeресных сумок нету; А. Комбайны кончились говорят? Б. Да/да//* и мн. др.).

Для современной сферы «магазинной» коммуникации характерно расширение зоны речевого взаимодействия продавца и покупателя. Более ярко проявляется установка на кооперативность общения. При этом инициатива вступления в диалог может принадлежать продавцу. Ср. новые стереотипные реплики-стимулы *Вам помочь?, Какие у вас проблемы?*, калькирующие принятые в мире стереотипы поведения, ср. англ. *May I help you?*). Таким образом, если раньше зоны «продавец — покупатель» соотносились с зонами «свое — чужое» и представляли собой непересекающиеся пространства (примеры см. выше), то в современных условиях отмечается тенденция к сближению этих зон как проявление складывающихся новых этикетных норм торговли (ср. рекламные объявления типа «Мы возьмем на себя ваши заботы»).

Новые формы торговли, новые типы магазинов стимулировали и появление новых жанров. Например, рассказ о товаре, сопровождающийся устной инструкцией по его эксплуатации, объяснение различий между однотипными товарами (проблема выбора), а также разные виды устной рекламы, связанной с привлечением внимания (ср., например, рекламу ювелирных украшений в текстах (II)). Подобная реклама обычно сопровождается демонстрацией товара в действии; (ср. также распространенную рекламу терок).

Любопытно отметить речевые особенности такой рекламы, имеющей несколько «механистический», «роботизированный» характер. Здесь продавец выступает в роли своего рода транслятора, периодически повторяя одни и те же клишированные фрагменты текста, особое просодическое оформление которых (убыстренный темп, несколько завышенный тон, ровная, почти без модуляций мелодика и др.) создает впечатление некоторой отчужденности говорящего от самого текста, произносимого «в пространство» и не имеющего конкретного адресата. Однако при появлении реальных покупателей продавец отступает от «канонического» текста, вводя спонтанные импровизационные фрагменты или отвечая на конкретные вопросы (см. запись в Краснопресненском универмаге — тексты (II)).

Помимо рекламы самого товара подобного рода тексты всегда содержат традиционный набор рекламных аргументов: *дешево, выгодно, только сегодня распродажа со скидкой, получите бесплатно* и т. п.

Экстралингвистические причины существенно повлияли на характер собственно языковых преобразований в данной коммуникативной сфере. Прежде всего это связано с разным лексическим наполнением текстов, относящихся к разным периодам жизни общества и отражающих изменившиеся реалии.

Тексты первого блока насыщены лексическими единицами-маркерами времени дефицита, времени очередей: (о дефицитном товаре) *давать, выбросить, достать, взять*; (об очереди) *стоять, занять, отойти* и т. п.

В текстах отражаются и вербально объективируются стереотипы поведения людей в очереди и некоторый набор ментальных представлений этого времени. Эти тексты отражают также и определенное эмоциональное состояние покупателей в условиях «ажитажного спроса». Ср., например: М. (*наблюдая, как впереди в очереди завязывается конфликт*) М. Рукопашной/ попахивает// Ж. Да-да-да// Точно// А. Чё там? Ж. (*смеется*) Там по-моему драка началась// А. Да? Б. Тут? Этого токо еще не хватало// Ж. Впереди там// Вот наверно поэтому мы и стоим там// М. Кровью кончится// (*смеются*) Ж. Гражданской войной// Обещанной//.

В текстах второго блока подобная лексика отсутствует. Они содержат новые стереотипы купли-продажи, а также отражают процесс освоения покупателями новых форм расчета (оформление счета через компьютер, торговля в условиях реального хождения разных валют, дисконтные, кредитные карточки и др.). Ср.: Д. (*покупатель*) А щас курс доллара какой у вас? Г. Четыре семьсот девяносто// Е. (*кассир*) С утра был// Б. Но он не поднялся// Е. Пока/ нет? Б. На бирже нет// Е. На бирже не поднялась? Б. На бирже не поднялся// Е. Ну значит постарому// Г. (*начинает оформлять счет на компьютере; к Б.*) Так/ значит машина стиральная// С доставкой? Б. Нет/ прямо щас здесь заберем// Г. Так/ рубли/ доллары? Б. Доллары// (*и далее по тексту*).

Сама психологическая атмосфера в условиях покупки отличается большей доброжелательностью, нередко сопровождается шуткой. Ср. разговор продавца и покупателя: (А. *получает на контроле пьезозажигалку*) П. Покупайте электро... А. Да электрическую/ я не... не видела// П. Не электрическую// А. А какую? П. Вон/ газовая стоит (плита)// С электрическим зажиганием// Вообще без спичек будете// А. (*появ, шутку П., подхватывает*) А-а/ плита/ это следующий этап// (*смеется*) Не сразу// П. Покупайте сразу плиту/ и все// И зажигалок не нужно// А. Все/ я могу забирать? Спасибо// П. Давайте я вам пакетик дам// И вот календарик не забудьте// Фирменный календарик// А. Спасибо//.

Тексты насыщены новыми клише рекламного характера, отражающими стратегии убеждения.

I.

(Записано в Петровском Пассаже во время закрытой распродажи предприятиям и организациям Москвы дефицитных товаров перед первоапрельским подорожанием 1991 года. В каждый отдел магазина стоит огромная очередь. Во время многочасового стояния в очереди покупатели ведут различные разговоры. Это и обмен короткими репликами-стереотипами, замечания, касающиеся конкретной ситуации, и пространные диалоги фатического характера. Данный текст представляет собой сплошную расшифровку магнитофонной записи разговоров в магазине. Запись проводилась методом включенного микрофона. Текст расшифровывался подряд, без жанровой дифференциации. В расшифровке использованы условные обозначения, принятые для текстов РР. См.: [РРР 1978; Китайгородская, Розанова 1995]. Запись произведена 22 марта 1991 года.)

(Две женщины-родственницы А. и Б. разговаривают между собой около очереди в отдел электротоваров)

А. Так// Я слушаю... ты иди стой (в очереди)// Я ж пойду за...

[Я до «Тканей» не дошла//

[Б. Да// Да/ ты иди/ а-а... а где я стою-то? *(ищут свою очередь)*

П. *(продащица кричит)* Я ж сказала// Только кофемолки-и *(остались в продаже)*!

А. Нина!

[Вот здесь вот//

[Б. *(реагирует на слова продащицы)* Уже кофемолки остались// Но это зато быстро *(очередь пройдет, т. к. другой товар закончился, и много народу уйдет)*//

А. *(показывает Б. ее место в очереди)* Вот/ впереди этой женщины/

Б. Ага/ хорошо//

(Разговор двух приятельниц в очереди)

Н. А если ты отойдешь/ то за кем я?

М. *(стоящая за Н.)* Вы впереди//

Н. Ага// Спасибо//

О. *(обращается к соседям по очереди, чтобы сообщить им, что она перешла в другую очередь, более близкую)* Значит/ я передвинулась//

Н. *(выясняет место О. в очереди)* Вы наверное передо мной/ да?

О. Видимо перед вами//

Н. Ага//

О. Вот кто-то еще тут был//

Н. Очень хорошо//

[П. Вы будете тут?

[Н. (к О.) Хорошо// (к П.) А вы отойдете/ да?

О. Я пойду сумку куплю/ если там еще не прошла очередь//

Н. Пожалста//

К. Ницё интересных сумок нету//

Н. Нет-нет/ ничего//

К. Ни-чего интересного//

Л. Ничего интересного//

К. Абсолютно//

Л. Раньше вообще/ на это внимания не обращали//

К. Сумок интересных нет//

(Поступила информация, что кухонные комбайны закончились)

А. (жен.) Комбайнов нет/ они быстрее должны (отпускать товар)//

Б. Да должно быстрее пойти// Потому что там же/ комбайны-ы/ выбирают//

(В. побывала в отделе тканей, вернулась и рассказывает своей приятельнице Г., стоящей в очереди в отделе электротоваров, о том, какими тканями торгуют)

Г. А там есть какой-нить еще-то материал?

В. Да нет/ чё-то ничё не видно//

Г. Ну наверно нужно бы не за ситцем/ а за/ паласом занять//

В. За паласом? Не знаю/ (нрзбр.)// (пауза, потом обращается к третьей приятельнице Д., которая была в отделе «Свет») Ну ничё из светильников нет?

Д. Да вот этот ничё три... пятьдесят четыре рубля//

В. Так ну я щас попробую/ за-а этим паласом занять//

Г. Пойди займи лучше за паласом/ чем за ситцем// Куда он денется твой ситец?

Е. (вступает в разговор.) А паласы уж очень дорогие// Семьсот присят рублей//

Ж. Вообще да// Наверно шерсть/ не синтетика//

Е. Да не-ет/ это-о... чистая такая синтетика/

Ж. Чистая? Да?

Е. абсолютно// Я к... я их покупала/ вот такого т... два на три тоже палас/ я покупала/ щас скажу/ за сто семьсот рублей// То есть (тось) он и так уже/ в пять раз дороже/ еси не больше//

З. А буит еще дороже//
 Е. Ну куда ж дороже-то?
 З. Ну-у как это куда дороже! Будет!

А. В кассу стоите?
 Б. Да-а/ в кассу// (*видит, как везут на тележке товар*) Вон дубленки везут//

А. А?

Б. Дубленки везут//

А. По семь тысяч//

Б. Ну-у надо думать/ да-а//

В. Вон их полно в конце там (линии)// Ни одного человека нет//
 Это коммерческие/ на них даже и-и талон-то не нужно//

Б. А радиотовары мы уже не можем купить/ да? Вот там телефонные аппараты стояли//

В. Да еси нет э... талона/ то вельзя//

Б. (*рассматривает свой пропуск*) Нет/ здесь вот не написано//

А. Вот у меня тоже не написано//

В. (*смотрит на пропуск Б.*) Это/ у вас только электротовары/ а радиотоваров нет// Знач вам не дадут//

Б. Очень жаль//

(*Ж. потеряла свою очередь, обращается к стоящей в очереди женщине З.*)

Ж. Точно здесь стоите?

З. Да-а//

М. (*муж.*) Точно-точно//

З. Я не отходила//

Ж. Я просто... я запомнила/ шо такое пальто/ и отошла// Вот пока взяла (другой товар)/ теперь потеряла//

(*И. хочет отойти, обращается к стоящей за ней К.*)

И. Извините/ я-а токо найду своих дам/ ладно? Извините пожалста//

К. Пожалста-пжалста//

Л. (*смотрит, какие товары несут покупатели из отдела «Свет»*) Там и торшерчики были//

К. Это ничего/ да-а//

М. (*муж., обращается к Н., отходившей найти свое место в очереди в другой отдел*) Ну что/ нашли там?

Н. Нашла//

М. Взяли?

Н. Не-ет/ что вы! Там еще стоять и стоять/ просто чтоб очередь не потерять// Я просто... туда-сюда бегаем/ вдруг она потеряется//

(А. вернулась из отдела тканей, рассказывает приятельнице, что там происходит)

А. Бэлочка! Там ткани/ дают токо четыре метра// (нрзбр.)

Б. (нрзбр.)

А. А там нет такого// Есть серый и черный//

В. (поправляет А.) Кончился черный//

А. Кончился/ да?

В. Да// Серый там был//

Б. Тогда что?

Г. Ну идите тогда// (нрзбр.)

Д. (к В.) Так там дают и шерстяную/
[и хлопчатобумажную? Или/ или-или?

[В. Нет// Я так поняла/ что-то одно//

Если шерстяной четыре метра/ а-а вот э... там ситец-хлопок там/ это больше дают// Я не знаю/ десять нэрно скоко-то дают/ во-о-семь ли...

А. Где телефоны? Я что-то ходила/ смотрела-смотрела/ не могу найти//

Б. Они только тем... там у вас есть талон?

А. Я поняла// А где они?

Б. В радиотоварах//

А. В какую цену?

Б. (нрзбр.)

А. (жен.) Шо-то мы стоим/ как вкопанные//

[Мы не туда/ и не сюда/ да//

[Б. (жен.) Мы и не двигаемся/ так уплотнились по-моему//

А. Да/ да//

Б. Мы не двигаемся//

В. А мы выписывать стоим// Вот кофемолку выписала одна/ гыт очень долго//

Г. Там наверно еще комбайны//

В. Никакого гыт выбора//

А. А выбирают чего-то//

Г. Ну говорили двенадцать осталось (комбайнов)/ а ведь там наверно проверить надо//

Д. (нрзбр.)

А. Понятия не имею//

Е. Слушай совсем все растерялись (т. е. все ушли из очереди)//

М. (муж.) Вот кофемолки/ да/ очередь?

Е. Я стою// (к приятельнице Ж.) Я ж говорю/ я ж тебя по всему (магазину) уже обыскалась//

Ж. Меня? Я посмотрела кожаные/ куртки/ кожаные-е...

Е. Но там же-е тебе не дадут// А! Это ко(о)ператив! Это/

Ж. Почему не дадут? Дадут//

Е. по свободным ценам что ли?

Ж. Дадут// Почему не дадут?

Е. Это по чему дадут? (т. е. по какому талону) По сумкам что ли?

Ж. Да не по сумке// Сумки/ берите//

Е. Ну понятно// Нет/ а почему их ты говоришь можно (купить)?

[Ж. Можно//

[Н. (муж.) Единственное что можно спокойно купить/

это фотоаппарат// «Смена»// За двадцать пять рублей// И там еще чего-то какие-то увеличи-и-тели/ бино-о-кли... Бинокли у них кончились// Вот две хорошие/ цивилизованные очереди// Пять человек//

Ж. Три они стоят//

Е. (нрзбр.)

Ж. У меня просто даже и нет// (смеется) Поэтому я даже на все не куплю//

Н. А там уже кончились они// А там кончились уже/ всё//

Е. Что?

Н. Эти куртки-то/ кончились//

Е. Ну и хорошо// (к Ж.) Слушай/ ты постоишь/ я посмотрю телефоны//

Ж. Хорошо//

Н. Так а... а... а в «Тканях» кто стоит у вас?

Ж. Ленка//

Е. Уже все/ разбежались/ в разные стороны//

Н. А в «Тканях» чего?

Ж. (к Н.) Мишк встань здесь/ и не разговаривай/ прошу тебя//

[Пстой/ я прошу тебя//

[Н. Нет/ я у-у... я гулять пойду//

Е. Гулять/ да!

Н. Ну шо вы меня з... заткнули в очередь? Я...

Е. С такими очаровательными женщинами!

Н. Я б знал бы... Я знал бы вообще сюда не пришел!

Е. (к Ж.) Ты пошла в «Ткани»/ а я пойду щас телефон посмотрю/ и приду//

(В отделе «Свет», стоят покупатели у витрины, молча рассматривают товар)

Ж. Шо ж такой скучный цвет сиреневый у той лампы//

(Очередь в отдел электротоваров. Покупатели, стоящие сзади, наблюдают, как впереди завязывается конфликт)

М. Рукопашной/ попахивает//

Ж. Да-да-да// Точно//

А. (жен.) Чё там?

Ж. (смеется) Там по-моему драка началась//

А. Да?

Б. Тут? Этого токо еще не хватало//

Ж. Впереди там// Вот наверно поэтому мы и стоим там//

М. Кровью кончится// (смеются)

Ж. Гражданской войной// Обещанной//

М. Да им бы надо было вообще-то/ просто вот эти/ три отдела закрыть (т. е. те три отдела, где продаются дефицитные товары и стоят очереди)/ так пустить бы здесь (народ)// И всё! Погуляли и ушли бы//

(Три приятельницы стоят в очереди в отделе электротоваров. О. пошла узнавать, за чем стоит народ в очереди, потом возвращается)

В. Олесь! Ну что там?

О. Кофемолки!

В. А?

О. Кофемолки!

В. И всё? (разочарованно) Это за кофемолками так терзаются? Да? Ну я подойду// Я стою/ в той очереди//

О. (спрашивает про четвертую подругу) А Алена где?

Г. Слушай ну это конечно нахальство// Прямо безобразие//

В. Самое натуральное!

(Покупатели, стоя в очереди, увидели среди покупателей - немосквичей, явно приезжих, неизвестно как получивших приглашения, распрстранявшиеся на предприятиях и в организациях Москвы. Разговор переходит на эту скользкую тему)

А. (жен.) Что-то... в общем в югославский магазин пошла я/ там токо грузины и армяне// Такое впечатление/ шо я попала/ в... в другую республику// И вот вдоль всех стен/ пакеты валяются/ все они/ кто сидит/ в ши... и все вот этот кефир едят/ и молоко с хлебом// Как на вокзале каком-то/ провинциальном таком//

Б. (муж.) Но здесь чё-то их не видно// Вот здесь видно их/ ничё не интересуе//

А. Да не/ ну они просто пройти не могут//

Б. А она как прошла (указывает на женщину-приезжую)?

В. (жен., приходит из другого отдела, обращается к Б., прерывая разговор) Сумки для тебя хорошие/ кончились// И-и всё кончилось//

Б. А чё ж вы сумки-то отдали? (т. е. те сумки, которые купили, вернули обратно)

В. Не-ет/ они пачкаются//

[У нас руки все грязные//

[**Б.** Как это? Красятся? А ка... А как же их брали?

В. Не знаю//

Б. Ну/ а талоны где? И эти/ хвостики-то? (**Б.** так называет оторванные продавцом талоны на покупку определенных товаров) А может там такую/ спортивную/ кому-нибудь/ нужно? Или там уже хвост (т. е. очередь) такой/ что не подойдешь?

В. Слуш/ мне там ни-чего не понравилось!

Б. Ну и не надо// Ну и (рзбр.) // А чё ты? А где эти хвосты?

В. (показывает) Ни-и-ночкин/ твой/ мой (талон)//

Б. А нет/ а хвосты-то где? (т. е. оторванные талончики)

В. Где наши девочки// (т. е. талончики у приятельниц В.)

Б. А/ там...

Г. (жен. из очереди вклинивается в разговор) А комбайны-то здесь?

А., В. (вместе) Уже кончились!

Б. (к В.) А там материал-то есть?

В. (к Б.) Кончился

Г. (к Б.) Нигде нет//

А. (жен.) Комбайны кончились говорят?

Б. (жен.) Да// Да//

(Женщина **Ж.** ходила вперед разведать обстановку, возвращается и сообщает приятельницам новость)

Ж. Комбайны еще не кончились//

З. Нет/ ну там есть/ мож быть десяток/ может я не знаю...

Ж. (к И.) Ну посиди/ там где-нибудь//

И. Нет/ я не посижу/ я-а щас пройду/ щас я приду//

(Женщины в очереди выясняют, кто за кем стоит)

А. А как мы стоим? Вы за ними/ или я?

Б. Мы/ за вами// А/ в той очереди/ по-моему/ вы... вы за нами//

В. (родственница Г., вернулась из другой очереди) Я посмотрела/ а здесь вы и не двигаетесь/ совсем//

Г. Ну там-м/ страсти накаляются/ потому что/ кончаются комбайны//

В. Ну да/ и там я смотрю/ чуть не драка//

Г. Мы с тобой так долго/ об... обсуждали/ бра-а-ть/ не бра-ать (комбайны)/ а-а вопрос решается очень просто// (Подходит Д.)

Д. Так/ я тут стою/ да?

Г. Да-да/ я помню//

В. Берут всё// Ты говоришь// Берут всё// А ты там говоришь/ «не надо»// За этими/ за-а/ паласами там тоже/

[драка//

[Г. Ну мам/

ну это безумие// Это по... просто они под шумок (т. е. продают паласы по такой дорогой цене, надеясь, что в условиях ажиотажного спроса раскупят и этот товар)/ они будут лежать// Это/ они же уже подорожали// В пять раз/ как минимум//

В. Ужас// Конечно// Это так дорого! (пауза) Пойду я/ за тканью стоять//

Г. Ну чё? Там тоже не движется?

В. Тоже так же медленно// Ну пойду/ а то еще потеряю там//

Г. Чё там-м... Ты посмотри там какие-то ситчики есть/

[мож быть чего-то там//

[В. Ну да-а//

Ну я не знаю/ вощем потом подойдешь/ и мы тоже посмотрим// Я щас пойду//

К. (жен.) Мож быть мне всё-таки прогуляться/ туда где сумки? Это далеко?

Л. Это там (указательный жест)//

К. (обращается к стоящей за ней женщине М.) А вы куда не денетесь?

М. Нет куда// Вы хотите отойти? Идите// Я не уйду куда//

А. А где ты стоишь?

Б. Вот за этой дамой//

Н. (жен. обращается к приятельнице **Т.**) Мож пойдем в тка... в ткани подойдем/ шоб не потерять свою очередь?

Т. Не знаю/ я потом не могу найти/ если я отойду//

Н. (к **О.**) Вы будете стоять?

О. Я буду стоять железно//

П. Вот я в тканях так потерялась// Тоже заняла/ и-и потом исчезла...

Т. Вы/ стоите железно?

О. Да// Железно-прежелезно//

Н. Мы щас придем//

У. Идите-идите// Совершенно спокойно//

Ж. (вздыхает) Куда-нить в Африку уехать/ под пальмой банановой (изобразительный жест: «лежать»)/

З. (смеется)

Ж. листиком прикрыться/ и есть бананы//

З. Никаких ни кофемо-о-лок не надо/ ничего//

А. А скоко-то там/ много продавцов/ нет?

Б. Там что-то их так много стоит/ а-а работает по-моему очень мало//

II.

(Магазин «Машина времени» фирмы «Партия» — отдел бытовой техники. Сентябрь 1995 г.)

(Продащица — **П.** показывает электрический чайник)

П. Так/ вот э-э этот фильтр/ и там еще такая вот позолоченная/ вон видите такая/ спираль// То есть накипь не собирается/ он будет у вас такого же/ иметь такую же форму/ такой же новый как только что вы его приобрели// Через много лет и месяцев//

Б. (муж.) А вот еще вот такой/ чтобы довел до кипения и потом постоянную температуру поддерживал

А. Нет/ просто/ вода закипает/ и автоматически отключается/ да//

В. А есть еще такие чтоб поддерживать/

П. Ну это термос вы имеете в виду//

В. Нет/ чайники//

П. А чайники такие/ нет у нас таких нет//

В. Нет у вас//

П. Нет// (продолжает объяснять другой покупательнице) Да/ вы наливаете воды/ здесь на подставочке съемной/ в сеть включаете/ вот на кнопку нажимаете/ и автоматически он у вас отключается// И всё/ снимаете/ потом опять вам надо чтоб опять горячий/ вы опять нажали/ две с половиной минутки/ и вода закипит//

Г. Скажите/ а вот фильтр на сколько хватает?

П. Ой/ фильтр/ его можно промывать/ прочищать/ его надолго хватает//

Г. Не сменный/ да?

П. Нет/ его надо менять/ ну где-то через полгода вот так/ надо будет новый купить// Ну он продается в магазинах/ и у нас будет// Нам просто только недавно их привезли//

(А. и Б. — покупатели, муж и жена. П. — продавщица)

Б. Скажите пожалуйста это гриль?

П. В принципе это/ э-э как бы / назвать/ ростер// Вот// Для разогрева/ понимаете/ для образования корочки такой/ поджаристой// Там/ на сэндвичах/ сосиску можно поджарить/ такая будет поджаристая// То есть в принципе для образования корочки поджаристой такой//

А. Да/ вот тут написано/ тосты//

П. Вот да/ ну это время/ вот вы тут закладываете время/ вот и оно смотрите у вас потом идет/ (раздается звуковой сигнал) и вот таким вот образом отключается// Выключается// А это как бы такая мини-печь// Вот она/ здесь можно даже как вам сказать/ можно готовить даже// То есть она вам не то что сырую курицу приготовит/ а/ ну как? Ну вот допустим если да/ такие маленькие там тоненькие кусочки мяса она поджарит/ то есть в принципе как мини-печка такая небол... ну как грильница// Вообще знаете/ название я вам скажу// Это ростер/ это грильница// Вот таким образом// А по принципу/ что эта корочку такую поджаристую делает/ что эта// Просто/ эта как бы поджаривает/ разогревает/ там зависимости от времени/

А. Угу//

П. вот/ то эта так вот как говорится мини-печь// Вот так можно назвать// Хотя тоже может и разогреть и подогреть// В принципе вот этим вот отличается// Ну у нее посмотрите/ как у микроволновых печей/ то есть она как гриль микроволновая...

Б. Как микроволновая печь/ а та...

П. Но только/ а эта просто как ну разо... тостер вот такой/ ну только не для хлеба/ тостер же для хлеба/ а здесь можно сэндвичи/ сосиски/ бутерброды/ вот всё такое разогревать/ и всё будет у вас горячее/ всё поджаристое такое//

А. А эта? Тут емкость большая//

П. Здесь можно смотрите/ э-э/ ну можно примерно/ я не знаю сколько здесь сосисок... если маленькие/ то их конечно можно много/ ну а если большие/ да/ ну здесь пять-четыре// Вот три бутерброда// Ну я считаю что в принципе нормально/ это вот ну конечно не на всю семью/ но оно здесь моментально всё// То есть можно заложить еще раз что-нибудь разогреть// Какие-то кусочки мяса можно также поджарить/ курочку там/ ножку там положить/ можно поджарить//

Б. Подогреть/ да//

А. Подогреть или поджарить все-таки?

П. В зависимости от того на сколько вы время...

А. В зависимости от времени//

П. Да//

Б. (к П.) Ну и что лучше/ как вы думаете?

П. Не знаю/ я считаю что в принципе функции одинаковые/ просто эта вот посильнее/ ну мне вот эта нравится// Вот эту берут/ и-и/ действительно она как-то лучше//

А. Они вот по такой сумме как у вас тут написано/да/ или по другой? (смотрит в прайс-лист)

П. Да/ конечно// Скажите/ ростер за 77 долларов/ вот девушке которая за компьютером//

(А. — покупательница. П. — продавщица)

А. Скажите/ а вот эти все стиральные машины они заземления требуют/ да?

П. Ну/ у них в принципе/ так розеточка у них/

А. Потому что вот у нас тоже даже есть наши машины...

П. переходничок/ вот видите заземление здесь уже есть//

А. Есть//

П. Да/ то есть вы переходничок вставляете/

А. Угу//

П. сюда/ обыкновенный/

А. В специальную то есть розетку?

П. и всё/ и да/ и можете в обыкновенную розеточку включать//

А. А/ да-а// А я почему-то считала что это/ все невозможно//

П. Нет/ возможно// Включаете/ тут не в этом дело// Здесь два шланга// Один на слив идет/ другой/ на подключение к холодной воде// И всё// Здесь очень просто довольно//

А. А-а/ то есть нужно тогда два крана/ да? Получается на... Ну понятнo// Здесь не смеситель/ а-а...

П. Ну просто к холодной воде подключаете// Вот как к крану/ к холодной воде вы подключаете/ только не к самому крану/ а-а туда//

А. То есть специально что-то там нужно? То есть не к нашему обычному крану/ не подключишь там где смеситель идет/ да?

П. Нет/ ну специально не надо// Нет/ ну там прокладочка там что ли/ или как-то она там называется/ ну вобщем/ что откручивается кран сам/ и вот туда/ вобщем к холодной воде// К холодной воде там/ ну вобщем мужчина разберется// Вот/ а другой (шланг) на слив// Там есть такой крючок/ пластмассовый// Можно на ванну его одевать/ то есть слив в ванну будет// А можно к канализационной трубе//

А. А-а/ понятно//

П. На слив/ чтобы уже вода туда выходила// Да//

А. Ясно// Ладно всё/ значит выяснила// Спасибо//

(А. — покупательница, рассматривает стиральные машины. П. — продавец)

П. Могу я вам помочь?

А. Вот я хотела про стиральную машину (узнать)/ какие там шланги/ как они подсоединяются?

П. Там два гибких шланга// Один для холодной воды/ другой идет на слив// Если на подачу/ то просто// Например/если нету выхода/ тройник в трубу холодную/ вентиль/ чтоб перекрывать/ переходник/ если вентиль такого/ нестандартного вида// Тоже сверху наворачивается и всё// А сливной (шланг) он обычно просто в раковину или в ванну прямо/ можно в канализацию/

А. Понятно//

П. провести сделать// Варианты различные//

А. Спасибо//

П. Пожалуйста//

(А. — покупатель. П. — продавщица)

А. (покупатель) Девушка/ вы извините я вопрос задам// (о соковыжималке) Морковочку она пропустит? Потянет морковочку?

П. Это соковыжималка для твердых фруктов и овощей//

А. Вот эта/ да?

П. Яблоки/ морковь...

А. Вот эта/ да?

П. Нет/ не только эта/ все они// А/ для цитрусовых она другая//

(А., Б. — покупательницы, П. — продавщица, Е., Г. — кассиры)

А. Скажите/ вот меня интересует вот эта щеточка (для укладки волос)//

П. Ой вы знаете/ очень хорошая/

А. Да?

П. Это щипцы/ да//

А. Она щипцами/ или просто щеточка круглая?

П. Она многофункциональная// То есть если вы/ помыли голову/ вы можете подсушить ее/ и сделать очень хорошую укладку// Вот смотрите/ она вытаскивается/

А. А-а/ она даже...

П. вот поменьше (щеточка)/ и побольше//

А. Прекрасно//

П. Вот видите/ эта пошире// И мало того/ еще вот так вот/ таким образом//

А. А/ то есть еще и щипцы есть//

П. Завивка очень хорошая// То есть завивает волосы хорошо// Она и маленькая/ удобная/ компактная// Вот/ и очень хорошо завивает//

А. А скорость одна здесь?

П. Нет/ это как щипцы// Это не скорость// Это ж не фен// Вот так вот будете включать/ она нагревается/

А. От нагрева/ да//

П. и потом тогда только завиваете//

А. Значит она сколько стоит/ я наверно ее возьму?

П. Двадцать один доллар/

А. Угу// Сколько это в пересчете?

Е. (кассир подсказывает) Сто тысяч шестьсот//

П. Я тоже себе такую куплю когда зарплату получу//

А. А выписывать где у вас?

(Подходит покупательница Б. Продавщица узнает в ней покупательницу, которая была в магазине утром, и обращается к ней с вопросом)

П. А-а/ вы насчет стиральной машины?

Б. За машиной стиральной/ да//

П. С витрины/ так/ хорошо// Значит/ давайте будем щас выписывать// (К А.) Так давайте с вами/ потому что вам быстро...

А. Я подожду//

П. А-а/ вы пока еще посмотрите//

- А. Шас я еще посмотрю//
- П. (к Б.) Так/ ну тогда давайте с вами// Так/ а сколько она? Пятьсот тридцать восемь/ да?
- Б. Да/ да/ написано пятьсот тридцать восемь//
- П. Нет/ пойду шас проверю// (уходит)
- Б. Пожалуйста/ конечно//
- Д. (покупатель) А шас курс доллара какой у вас?
- Г. Четыре семьсот девяносто//
- Е. (кассир) С утра был//
- Б. Но он не поднялся//
- Е. Пока/ нет?
- Б. На бирже нет//
- Е. На бирже не поднялась?
- Б. На бирже не поднялся//
- Е. Ну значит по-старому//
- Г. (начинает оформлять счет на компьютере. К Б.) Так/ значит машина стиральная// С доставкой?
- Б. Нет/ прямо шас здесь заберем//
- Г. Так/ рубли/доллары?
- Б. Доллары//
- Г. Фамилия? Имя?
- Б. Креч-ман// Кэ-рэ-е// Кречман//
- Г. Креч-?
- Б. Ман// Мэ-а-нэ//
- Г. Имя?
- Б. И/ эс//
- Г. А полностью?
- Б. Ираида Сергеевна//
- Г. Вы сами забираете?
- Б. Да/ мы сами//
- Г. Пряш шас?
- Б. Да/ пряш шас// Всё/ уже с машиной// Дома ждуть//
- Г. (с улыбкой) А вы всё.../ вы... вы всё так с ходу решились?
- Б. Нет/ ну я пришла узнать/ как/ у вас есть на складе// Сказали что нет// Предложили мне с витрины//
- Г. Так/ дисконтной карты нету?
- Б. Нет/ нету/ наличными//
- Г. (поясняет) Дисконтная карта это на скидку//
- Б. А-а//

Г. (распечатывает счет на компьютере) Так/ вот с этими бу-
мажками/ в долларовой обменный пункт/ там/ по правой стороне/
потом обратно в кассу// (к Е.) Слушай/ гарантия/ если они отсюда
забирают оформляется/ да?

Е. Да//

Б. Значит иду в обменный//

Е. Да/ идете в обменный/ потом обратно в кассу// Потом офор-
мляете гарантию/ там к мальчику подходите (для получения товара)//

(Выдача товаров — «контроль». А. — покупательница. П. —
продавец)

П. Вот это вот инструкция к щетке//

А. А вот к этой (пьезозажигалке) никакой инструкции нет? Вот мы
там стали выяснять/ насколько она рассчитана по времени//

П. На... на пьезоэлемент?

А. Да// И-и/ он заменяется или нет?

П. (Читает описание) Ничего//

А. Ничего/ да?

П. Только о том что гарантия один год//

А. Понятно// Ну ладно//

П. (поясняет, как крепится пьезозажигалка на крючке) Здесь
прямо вот/ снимаете пленочку/ к стенке ее приклеиваете//

А. И крепится/ да//

П. Я не знаю как насчет срока службы/ но они очень пьезоэlemen-
ты довольно надолго// Покупайте электро...

А. Да электрическую/ я не... не видела//

П. Не электрическую//

А. А какую?

П. Вон/ газовая стоит (плита)// С электрическим зажиганием//
Вообще без спичек будете//

А. (появ шутку П., подхватывает) А-а/ плита/ это следующий
этап// (смеется) Не сразу//

П. Покупайте сразу плиту/ и всё// И зажигалок не нужно//

А. Всё/ я могу забирать? Спасибо//

П. Давайте я вам пакетик дам// И вот календарик не забудьте//
Фирменный календарик//

А. Спасибо//

(А. — покупательница. Рассматривает витрину с телефонными
аппаратами. П. — продавец)

П. Вам помочь? Здравствуйте//

А. Да/ здравствуйте// Телефон такой/ без особых наворотов/ обычный довольно/ нужен// Ну чтоб память была/ небольшая//

П. Автодозвон нужен?

А. Ну автодозвон можно/ да// Я чего-то смотрю у вас нет таких// Еще которые вот высвечивают время//

П. (показывает на телефонный аппарат) Вот высвечивает//

А. А панелька где у него?

П. А вот она//

А. А/ вот эта вот/ да// Значит что у него есть? Тридцать два...

П. Тридцать два номера память вы можете записать/ то есть наиболее употребляемых вами номеров/ автодозвон/ повтор последнего номера/ громкая связь//

А. Значит сколько он стоит?

П. Пятьдесят девять (долларов)//

А. Понятно/ спасибо//

П. Пожалуйста//

(Краснопресненский универмаг. Прилавок немецкой фирмы «Ирион», торгующей бижутерией. В этот день в комплекте с дамскими украшениями продается электробритва. Реклама коллекции дамских украшений сопровождается показом всевозможных вариантов их использования. У прилавка стоят три покупательницы. П. — продавщица)

П. Заряжается бритва в сети любого напряжения// Допустим вы ее можете зарядить в поезде/ в самолете// Там у нас зарядка только двадцать вольт/ да?// Или вот бывают старые наши розетки/ в старых домах// Или двести двадцать/ это вот домашние/ наши современные розетки/ да? Двести двадцать вольт/

А. Это надо переключить/ да?

П. Да/ переключить/ двести двадцать вольт/ вставили в нашу розеточку// То есть от сети любого/ какого напряжения будете заряжать// И вот головка здесь/ плавающая/ да? А вот сверху сеточка выполнена из сплава серебра и кобальта// Серебро ж это антисептик/ то есть она не оставляет раздражения на коже// Вот первый раз двигаете/ вот эту пластину/ не на кнопку/ а саму пластину двигаете вверх/ этой частью можно будет побриться/ да?

А. Угу//

П. а вот дальше двигаете/ вылезают боковые ножницы// Теперь/ усы/ виски/ затылок/ бороду/ прическу/ можно будет подровнять даже детям// Челочку можете подровнять/ ножницы безопасные/ да?

Подробную инструкцию мы даем// Запасную сеточку даем/ щёточку для чистки и переходничок для зарядки// Открывается/ вот вначале с одной стороны открывается/ потом с другой стороны// Всё в порядке// А щеточка для...

А. На сколько ее хватает?

П. Аккумулятора?

А. Нет-нет/ вот этих бри...лезвий?

П. Лезвий? Вот эта сеточка/ она очень прочная/ кобальт// Очень прочный металл// Ну я не знаю/ на сколько/ потом купите другую/ около десяти тысяч стоит вот эта вот одна запасная сеточка//

А. А это запасная/ да?

П. А это запасная вот одна есть/ запасную мы вам даем обязательно в коробочке// Вот аккумулятор который стоит внутри/ то есть это не батарейка/ батарейку вам бы пришлось постоянно покупать и менять// А тут аккумулятор// То есть менять не придется/ зарядка закончилась/ подзарядили// Опять закончилась/ еще раз вставили в розетку// Закончилась/ еще раз вставили/ да? И так шесть тысяч подзарядок// Вот шесть тысяч подзарядок это в среднем/ получается где-то от пяти до семи лет// То есть вот/ такое// Да и вот аккумулятор вышел из строя...

А. А/ ну то есть вот это надо будет покупать? А где же их покупать?

П. Да вот эти только// Да/ а в свободной продаже/ возьмите/ вот сеточка/ они бывают просто разные// Допустим брауновские/ они немножко другого/ то есть брауновские...

Б. А это чьи?

П. А это наши// Вот эти вообще немецкой фирмы «Ирион»/ а/ вот наши кстати от харьковской тоже вот такие же//

А. Подходят/ да?

П. Подходят// Если/ вот эта вот сеточка предназначена для мягкого бритья// То есть она молодую щетину обязательно возьмет// Но если вот допустим/ щетина у мужчин/ бывает таких очень много/ у которых щетина вообще// Ну/ как сказать/ проволоки вот так торчат// Тогда вам придется эту сеточку поменять на другую// Купить другую/ более крупную// Потому что эта сеточка/ слишком/ слишком такую/ жесткую щетину не возьмет//

А. Угу//

П. Итак получается целых две коллекции (дамских украшений) еще и бритва/ да? Вот из этой ниточки (жемчуга)/ проявив фантазию/ бусинку за бусинкой задвигаете/ ниточка здесь не рвется// Это шелк// Шелковая ниточка пропитана специальным лавсановым рас-

твором/ да? и ничего естественно с украшениями не будет// Если даже ниточка вот тугая/ в любом случае она не порвется// Только вот если в одном месте/ вот если пройдется по бусам/ в одном месте будет металлический штыречек// Его так особо не видно/ но если приглядеться/ то найдете этот замочек// То есть при желании можно будет открыть эту ниточку/ да? вот допустим старую кофточку/ решили из старой кофточки сделать новенькую// Вот пожалуйста/ каким-нибудь образом узелочек завяжете/ да? вот розочку сделаете// То есть из старой даже блузки можете сделать/ то есть проявляя фантазию каждое украшение можно будет носить по-новому/ да? Ну вот на мне стиль французских королей// Колье называется// Из классического вечернего колье это сделано/ да? и кулон и подвеска вот// Оплачиваете сегодня стоимость колье семьдесят пять тысяч рублей/ забираете четыре украшения/ метровую нить «Мадлен»/ свыше ста вариантов вы из нее можете сделать// В виде декоративного пояса/ да? к вечернему платью можно будет сделать/ потом/ вот по многочисленным тестам/ которые проводила фирма/ вот у российских женщин/ вот эта ниточка ценится более всего// То есть именно речной жемчуг/ да? И вот четвертое украшение/ вот такая форма жемчуга вот/ в виде слезы/ да? Считается самой идеальной формой жемчуга/ самая дорогая// Вот такая вот форма/ то есть ее не очень много в природе/ именно натуральный жемчуг//

А. Они быстро слезают/ вот эти штуки? (*имеет в виду покрытие украшений*)

П. Вы знаете вот если/ естественно быстро слезут/ если вы будете их тереть специальным/ сидеть и тереть острыми предметами/ ножницами// А вообще здесь использованы водоотталкивающие элементы/ то есть это рыба чешуя/ морской песок и эмаль// Украшения в точности передают цвет натурального жемчуга// Вы сегодня за четыре украшения оплачиваете семьдесят пять тысяч/ и бритву которая по отдельности стоит свыше ста сорока тысяч рублей получаете в подарок/ да? Бритвы мы все проверяем (включает бритву) / у бритвы минимальная подзарядка вот которую мы даем/ вот щеточка пожалуйста для чистки бритвы мы даем в коробочке да? Инструкцию на немецком/ английском/ запасная сеточка из сплава серебра и кобальта/ переходничок для зарядки/ обязательно подробную инструкцию на русском языке мы вам даем/ вот/ бритву мы даем новую/ поэтому для того чтобы полностью зарядился аккумулятор/ бритву придется в первый раз зарядить на шестнадцать часов/ на ночь оставить в розеточке/ потому что/ в первый раз полностью должен зарядиться аккумулятор/ а потом уже по три часа только подзаряжаете/ да? Если вы принимаете участие именно сегодня в рекламе/ если поторопитесь да? успеете войти

в первую сотню/ украшения у нас еще остались/ получите в подарок всю вторую коллекцию/ более дорогую коллекцию позолоченную// Вот кольцо// Шесть кристалликов диамант// Вот диамант/ в переводе с английского означает алмаз или бриллиант// Это в принципе одно и то же/ только огранка другая/ да? Вот здесь вот как у бриллианта/ пятьдесят семь граней// То есть аналоги кристаллов бриллианта/ да вот? Сюда цепочка/ длина цепочки семьдесят пять сантиметров/ здесь использовано венецианское плетение/ оно очень гибкое// Да/ вот видите даже на пальчике/ я могу его перекрутить/ то есть при желании вы можете ее в два сложения...

А. Она темнеет/ здорово?

П. Мочить/ вот если/ ведь в украшениях вы можете даже купаться/ то эти украшения мочить нельзя// Мочить украшения нельзя потому что вода у нас нечистая/ с хлоркой/ щелочь/ да/ нельзя будет мочить/ а вообще/ просто на одежду носится/ ничего с этими украшениями не будет// А если вот будете носить на голом теле/ опять же влага у нас с кожи/ да? вам придется эти украшения через какое-то определенное время чистить// Чистятся они также как серебро/ специальными растворами//

А. Потом они какие/ белыми становятся? Желтизна слетает наверно?

П. Вы знаете вот/ в основе/ в принципе да// Вот даже если вы носите позолоченные кольца/ позолоченные часы/ да? позолоченные кольца/ они все равно вот любые позолоченные украшения/ какой бы не был бы способ их вот/ гальванический способ/ какой бы не был прочный способ да? в любом случае украшения позолоченные/ всегда/ через какое-то время/ через год через два/ приобретают цвет того металла который в основе// А здесь сплав белых металлов// Естественно украшения через какое-то время станут белыми/ да? А вообще если почистить/ то есть э-э ничего с этими украшениями не будет// Даже можете вот сами развести в воду добавляете нашатырный спирт/ шампунь или спирт в зависимости что у вас будет под рукой// То есть украшения можно будет почистить// Вторая коллекция вы ее получаете в подарок// Сегодня уже тоже абсолютно бесплатно// Две коллекции получилось в итоге и бритья// И за всё вместе оплачиваете сегодня только семьдесят пять тысяч рублей// То есть условия очень выгодные// Восемь предметов/ восемь подарков получается// Всем можно будет сделать подарок// То есть подруге/ знакомой/ коллеге// Кому хотите можете сделать/ тем более девять тыщ это недорого// Тем более что всю коллекцию мы упакуем в такую красивую коробочку/ да? Вот смотрите/ перекрутил/ и совершенно другой вариант получился// Более

эффектно смотрится/ да? Можно будет опять же кулоном украсить// Вот из этой ниточки можете создать ожерелье/ допустим четыре сложения/ в четыре в пять можете одеть/ даже в шесть/ если захотите// Вот таким вот образом колье впереди можно будет украсить/ да? То есть всё что угодно// Подумайте/ девять тыщ рублей вы платите за каждый предмет// Это разве дорого? За девять тыщ рублей вы даже себе букет цветов не купите/ одну розочку не купите уже// И то розочка голландская/ она через три часа/ как обычно бывает/ опускает голову/ и становится вместо розочки становится тюльпаном/да? А тут все-таки подарок вы можете сделать// Вот такая одна сеточка стоит десять-пятнадцать тысяч в свободной продаже// Мы вам даем запасную// Вы подумайте//

А. Щас подумаем//

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. наблюдения Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о волне переименований, захлестнувшей российское общество в период петровских реформ. По мысли исследователей, в этой тенденции ярко проявились черты мифологичности сознания: «Это сотворение “новой” и “златой” Руси мыслилось как генеральное переименование — полная смена имен: смена названий государства, перенесение столицы и дача ей “иноземного” наименования, изменение титула главы государства, названий чинов и учреждений, перемена местами “своего” и “чужого” языков в быту и связанное с этим полное переименование мира как такового. Одновременно происходит чудовищное расширение сферы собственных имен, поскольку большинство социально активных нарицательных имен фактически функционально переходит в класс собственных» [Лотман, Успенский 1994, 309]. И далее: «Смена названия мыслится как уничтожение старой вещи и рождение на ее месте новой, более удовлетворяющей требованиям инициатора этого акта» [там же, с. 318].

² На историческую ценность подобных материалов обращала внимание Лидия Гинзбург, которая в блокадном Ленинграде записывала повседневные разговоры в стереотипных ситуациях: учреждение, столовая, домашние разговоры и нек. др. [Гинзбург 1991].

³ Опыт такого описания некоторых стереотипных ситуаций (киоски «Квас», отдел «Соки» в продовольственном магазине, железнодорожные кассы) см. в [Ширяев 1989].

⁴ Ср.: «Общение на уровне “как пройти”, “где достали” и “работает ли почта”, так же как умение правильно выбрать вариант — “туристский” или “туристический” — не относится к компетенции языковой личности. Этот уровень исследования языка — нулевой для личности и в известном смысле бессодержательный, хотя совершенно ясно, что он составляет необходимую предпосылку ее становления и функционирования.<...> Следовательно, языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) ее изучения — выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Караулов 1987, 36].

⁵ Ср. наблюдения Е. В. Красильниковой: «Специфическая структура многих конструкций с подчеркнутым актуальным членением, специфика структуры текста позволяют поставить еще один принципиально важный вопрос: о степени грамматикализации в РР актуального членения» [Красильникова 1990, 26]. И далее: «Нужно заметить, что комплекс грамматических признаков, характерных для языков с выдвинутым топиком, чрезвычайно последовательно накладывается на разговорный синтаксис» [там же, с. 27].

⁶ Отступление от стереотипной модели общения нередко вызывает замешательство собеседника, может стать причиной коммуникативной неудачи. Ср. наблюдения по этому поводу Л. П. Якубинского: «Если вы подойдете к газетчику и скажете ему: Дайте мне Красную, он вас поймет сразу, но если вы его спросите: Как пройти на Чернышев переулок? — да еще спросите это в горячее для газетной торговли время, он вас поймет не с такой легкостью, переспросит или, может быть, вместо ответа подаст вам газету, потому что среди факторов понимания не будет соответствия между речевым обменом и шаблонным для него бытовым положением. Однажды при мне в парикмахерскую зашла дама и обратилась к парикмахеру со словами: Не купите ли у меня мыла? — парикмахер переспросил ее: волосы причесать? — т. е. увидел в ней клиентку и реагировал на ее обращение, исходя из привычной тематики шаблонного диалога в парикмахерской» [Якубинский 1986].

⁷ См. об этом [Китайгородская, Розанова 1994].

⁸ Подробнее о стереотипах речевого поведения в разных ситуациях современного городского общения см. [Китайгородская, Розанова 1993].

⁹ Заметим, что включение экономической и политической терминологии характерно и для современной устной повседневной речи. Если раньше область употребления подобного рода слов замыкалась сферой официального и профессионального общения, то теперь они попадают в активный словарный запас. Ср.: Вы квартиру-то приватизировали?; Мы вчера ваучеры получили// Что с ними делать-то? Иногда в обычной речи освоение политической и экономической лексики сопровождается ее шутливым обыгрыванием. Приведем пример. Двое мужчин собираются распить бутылку вина «на троих», уговаривают третьего. Вместо стереотипного в такой ситуации вопроса «Третьим будешь?» один из собеседников произносит: «Николай, без тебя кворума нет», шутливо переосмысливая известное парламентское выражение «кворум есть» / «кворума нет». Еще пример из разговора двух приятельниц А. и Б.: А. Моя Анюта (дочь) договорилась с одной девочкой// Та с ней будет заниматься английским/ а Анька с ней французским// И мне хорошо// Денег платить не надо// Экономия! Б. Ну да/ бартер в общем у них// А. (смеется) Да/ да/ бартер/ точно//. Из разговора гостя с хозяином дома: А. Попугайчик у вас симпатичный// Анютка (дочь) говорит/ ты его Ваучер назвал? Б. Ага// Летает/ пищит/ а толку от него никакого// Как от ваучера//

¹⁰ У Осипа Мандельштама есть точное и яркое описание стихии русского рынка, базара: «Русского человека тянет на базар не только купить и продать, а чтобы вывалиться в народе, дать работу локтям, поневоле отдыхающим в городе, подставить спину под веник брани, божбы и матерщины; он любит торговые петушиные бои и крепкое слово, пущенное вдогонку. В городе говорят лениво. Здесь живая речь — говорок — средство защиты и нападения, — словно ручной хорек

шныряет под лавками; базарная речь, как хищный зверек, сверкает маленькими белыми зубками» [Мандельштам 1991, 129].

ЛИТЕРАТУРА

- Гинзбург Л.* Претворение опыта. Л., 1991.
- Иванов Евг.* Меткое московское слово. М., 1989.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи// Вопросы языкознания, 1993, № 1.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речевые одежды Москвы// Русская речь, 1994, № 2—3.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. М., 1995.
- Красильникова Е. В.* Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. М., 1990.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Миф—имя—культура// Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
- Ли Ч. Н., Томпсон С.* Подлежащее и топик: Новая типология языков// Новое в лингвистике. М., 1982. Вып. 11.
- Мандельштам О.* Сухаревка// Мандельштам О. Четвертая проза. М., 1991. РРР 1978: Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.
- Ширяев Е. Н.* Прагматический фактор и семантико-синтаксическая структура разговорного высказывания// Русистика, 1989, № 2.
- Якубинский Л. П.* О диалогической речи// Якубинский Л. П. Избранные работы. М., 1986.

ГЛАВА X

Л. П. Крысин

ЭФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Предварительные замечания

Обращаясь к теме «эфемизмы», исследователь вынужден привлекать к анализу не только эфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эфемизмах. Для полноты картины приходится упоминать такие реалии и такую лексику, которые обычно находятся вне поля внимания языковедов. Как у носителя литературного языка и просто человека, следующего определенным культурным нормам, это и у самого исследователя может вызывать внутреннее неприятие и протест, однако в качестве беспристрастного наблюдателя, фиксирующего все, что происходит в языке, он обязан изучать и такого рода «неприятные» факты.

Это замечание служит предупреждением читателя о том, с какого рода лексическим материалом ему придется столкнуться при чтении этого раздела, и, одновременно, извинением перед ним, если при знакомстве с этим материалом он ощутит некий нравственный дискомфорт.

В современной русской речи достаточно отчетливо проявляются две противоположные тенденции: к огрубению речи и к ее эфемизации. Укажу лишь некоторые штрихи, характеризующие первую тенденцию, поскольку подробный ее анализ не входит в задачу данного раздела.

На лексическом уровне огрубение выражается, в частности, в увеличении употребительности грубо-просторечных и жаргонных слов и выражений типа *сука*, *сволочь*, *падло*, *гад*, *подонок*, *подлец* и под., *отмазаться*, *вешать лапшу на уши* (Президент *отмазался* от неприятного вопроса; Довольно *вешать нам лапшу на уши!* — из речи депутатов Верховного совета России) и т. п., причем не только в устно-бытовой сфере, но и в некоторых жанрах письменной и публичной речи, в радио- и телепублицистике (ср. словоупотребление известного телерепортера А. Невзорова). Одним из проявлений свободы слова, наступившей на рубеже 80—90-х годов, стало снятие запрета на употребление обscene лексик как в художественных и полухудожественных текстах

(ср., например, прозу Юза Алешковского, Венедикта Ерофеева, Э. Лимонова и нек. др.), так и в различных жанрах обиходно-бытовой и публичной речи, в том числе и рассчитанной на массового адресата: матерные слова нередки в современных фильмах, в телевизионных передачах, газетных и журнальных статьях. Как метко выразилась З. Кестер-Тома, «непечатное» слово стало печатным» [Кестер-Тома 1993, 26].

Показательным также представляется уменьшение влияния половых различий между говорящими на использование подобной лексики: грубые выражения и слова, включая матерные (преимущественно в их экспрессивной, а не номинативной функции), употребляются и мужчинами, и женщинами. При этом социальные ограничения здесь не очень существенны: такое словоупотребление, по нашим наблюдениям, характерно не только для рабочей среды (где оно издавна является постоянным атрибутом речевой коммуникации), но и, например, для актерской, писательской, журналистской. Правда, сохраняются ограничения, связанные с типом адресата: обценная лексика употребляется более свободно в среде, однородной по полу и возрасту, чем в гетерогенной (то есть, например, женщины-ровесницы в общении друг с другом более свободно используют мат, нежели при общении в смешанных компаниях и тем более при обращении к мужчинам). Понижается и возрастной порог в употреблении мата: многие подростки и даже 10—12-летние школьники свободно используют матерные слова и выражения и в однородной, и разнородной по полу среде сверстников.

Происходят изменения в нормативном статусе ряда слов и лексических групп. Так, слова, обозначающие некоторые физиологические отправления, раньше имели чрезвычайно ограниченные рамки употребления (ср. глаголы *какать*, *писать* — в детской речи и при обращении взрослых к маленькому ребенку); теперь они могут фигурировать и в письменных текстах, рассчитанных на массового адресата (ср. заголовков заметки в газете «Московский комсомолец» (1992 г.): *Откакались...*). Если раньше все, что связано с отношениями полов, в специальной речи обозначалось обиняками, с помощью эвфемизмов (*связь*, *близкие*, *интимные отношения*, *жить с кем-либо* и — более прямой оборот — *спать с кем-либо* и т. п.), то теперь не только в обиходной речи, но и в средствах массовой информации употребляются слова *трахать*, *трахаться* (многим представителям молодого и среднего поколений говорящих по-русски эти слова представляются удачной эвфемистической заменой вельитературных глаголов коитальной семантики), *кончить*, *давать*¹ (ср. в реплике проститутки в фильме «За

последней чертой» (1991 г.): — Хочешь, я тебе прямо здесь *дам* бесплатно? или глубокомысленное начало газетной статьи (в «Московском комсомольце»): У наших девушек отсутствует культура давания).

Изменился и нормативный статус некоторых медицинских терминов: ряд терминов, связанных с половой сферой и ранее употреблявшихся в сугубо специальных текстах или в узко-профессиональной среде (типа *коитус, оргазм, клитор, пенис, эрекция* и под.), сейчас достаточно свободно используется в неспециальной речи — в газетной статье, радио- или телепередаче, в бытовой речи.

Помимо лексических особенностей ряда жанров современной русской речи, можно отметить некоторые интонационные свойства ее, свидетельствующие об огрубении привычных форм общения. Так, в определенных социально-профессиональных и возрастных группах (например, среди торговых работников, работников служб быта, гостиничного сервиса, медсестер, машинисток, в среде рабочей молодежи, учащихся профессионально-технических училищ, старшекласников общеобразовательных школ) грубой, с традиционной точки зрения, является интонация обычного информационного диалога (как в «своей» среде, так и в разговорах с посторонними). Вообще, если пользоваться не строго лингвистическими терминами, а оценочными, в наши дни чрезвычайно высок уровень агрессивности в речевом поведении людей. Начиная с бытовых разговоров соседей по дому и перепалок в общественном транспорте и кончая митингами на площадях и дебатами в парламенте, звучащая речь характеризуется такими чертами, как жесткость в оценке поведения собеседников (обуславливающая выбор соответствующих оценочных средств), крайняя негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, возбужденный, нередко враждебный тон речи и т. п.

Необыкновенно активизировался жанр речевой и н е к т и в ы, использующий многообразные средства негативной оценки поведения и личности адресата — от экспрессивных слов и оборотов, находящихся в пределах литературного словоупотребления, до грубо-просторечной и обценной лексики (см. об этом, в частности, [Жельвис 1992]).

Все эти особенности современной устной и, отчасти, книжно-письменной речи — следствие негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности; они тесно связаны с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности.

В определенной степени противоположным по характеру, целям и результатам используемых средств является процесс э ф е м и з а ц и и речи, также весьма характерный для современного ее состояния.

Рассмотрение этого процесса и его особенностей в русском языке конца XX столетия целесообразно начать с определения понятия эвфемизма.

Определение понятия «эвфемизм»

Как известно, это понятие употребляется в лингвистике достаточно давно. Укажем некоторые работы, либо специально посвященные проблеме эвфемизма, либо затрагивающие ее в связи с другими языковыми явлениями: [Пауль 1960, 122—123; Шор 1926, 70—71; Ларин 1961; Видлак 1967; Crnek 1928; Benveniste 1946; Bruneau 1952; Havers 1946; Paratesi 1964; Leinfellner 1971; Zemtsov 1985]. Здесь мы рассматриваем проблему эвфемизма, естественно, не в полном ее объеме², а лишь применительно к русскому языку современности.

В толковании понятия эвфемизма разными авторами имеются некоторые расхождения.

Так, наряду с распространенным пониманием эвфемизма как «слова или выражения, служащего в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Шмелев 1979], как «эмоционально нейтрального слова или выражения, употребляемого вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Арапова 1990], — встречается и более узкое осмысление эвфемизма только как «слова или выражения, заменяющего табуизированные слова» [Варбот 1979].

В дополнение к этим определениям можно сказать, что, в отличие от обычной лексики, эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений. С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма в языке и речи: то, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующем поколении может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены.

«Эвфемизмы недолговечны, — писал по этому поводу В. А. Ларин. — Существенным условием действительности эвфемизма является наличие “грубого”, “недопустимого” эквивалента. Как только это подразумевается неудобопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои “облагораживающие” свойства, так как переходит в разряд “прямых” наименований, и тогда требует новой подмены» [Ларин 1961, 120].

В связи с этим можно указать на историю французских *garce* и *fille*: *garce* в древности — всего лишь соответствие женского рода к *gars* ‘парень, юноша’ [*Le petit*

Robert, 768], затем — эвфемистическое обозначение шлюхи, проститутки, вскоре, однако, начавшее осознаваться как грубость и замененное в этой функции словом *fille* (в одном из его значений), которое в современном французском языке перестало быть эвфемизмом и является элементом бранной лексики.

Сходная картина и в истории славянских обозначений этого понятия: рус. *курова* (ср. также укр., белор., болг. *курова*, чеш. *kurva*, польск. *kurwa*) — первоначально 'курица', затем — эвфемистическая замена грубых слов (типа *блядь*), обозначающих распутную женщину [Фасмер, т. II, 423]; ср. франц. *socote* — первоначально 'курочка', затем — 'женщина легкого поведения'.

Этимологически эвфемизмами являются и слова *потаскуха*, *шлюха* и под., которые в современном русском языке относятся к вулгаризмам; эвфемистическими же обозначениями этого разряда женщин можно признать, по-видимому, описательные обороты *женщина легкого поведения*, *падшая женщина*, *публичная женщина*, ироническое *жрицы любви* (степень эвфемистичности этих оборотов весьма относительна), а также недавно заимствованное (из итальянского языка) и ограниченное в своем употреблении рамками полужаргонной речи слово *путана* или также сравнительно новое шутивное словосочетание *ночные бабочки*.

Характерна также история так называемых *four-letter words* в английском языке, которые исторически были эвфемизмами, а сейчас являются грубыми, прямыми обозначениями соответствующих реалий и действий или ругательствами.

Эвфемизм как способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия соотносительен с другими речевыми приемами, прежде всего — с *литотой*, понимаемой как прием выразительности, основанный на двойном отрицании (*небесспорный*, *не без умысла*, *неглупый*) или на смещении отрицания из утвердительной части высказывания в модусную (*Не думаю, что вы правы*, — ср.: *Думаю, что вы не правы*), — и с *мейозом*, понимаемым как прием выразительности, основанный на умеренном преуменьшении интенсивности свойств предмета речи, действий, процессов и т. п. (*Он вполне прилично плавает* — о хорошем пловце; *Ее трудно назвать красавицей* — об уродливой женщине; см. [Скребнев 1979]).

Процесс эвфемизации тесно переплетается с процессом *номинатива* — одним из трех фундаментальных процессов, формирующих речевую деятельность человека (два остальных — предикация и оценка). В самом деле, объекты, по этическим, культурным, психологическим или каким-либо иным причинам не называемые или называемые с трудом, нуждаются в эвфемистическом обозначении; обновление номинаций диктуется необходимостью вновь и вновь вуалировать или смягчать сущность того, название чего в культурном обществе считается неудобным, неприличным и т. д.

В отличие от обычной номинации и от речевых приемов, которые названы выше, эвфемизм обладает собственной спецификой.

Как кажется, для процесса эвфемизации существенны следующие моменты: 1) оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого может быть квалифицировано — в данной социальной среде или конкретным адресатом — как грубость, резкость, неприличие и т. п.; по всей видимости, лишь определенные объекты, реалии, сферы человеческой деятельности и человеческих отношений могут вызывать подобную оценку — другие с этой точки зрения «нейтральны»; поэтому эвфемизации подвергается не всякая речь, а речь, связанная с определенными темами и сферами деятельности (см. об этом ниже); 2) подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми слова и выражения, а маскируют, вуалируют суть явления; это особенно ясно видно на примере семантически расплывчатых медицинских терминов типа *новообразование* вместо пугающего *опухоль* или иноязычных — и потому не всем понятных — терминов типа *педикулез* вместо *вшивость* и под., а также в использовании слов с «диффузной» семантикой: *известный, определенный, надлежащий, специальный* и т. п. (см. об этом ниже); 3) зависимость употребления эвфемизма от контекста и от условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов; и, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи (ср. общение в семье, с друзьями и т. п.) эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения; или *дисфемизмы*⁴ (о понятии социального контроля в процессах речевого общения см. [Крысин 1989, 139]); 4) социальная обусловленность представления о том, что может быть эвфемизмом: то, что в одной социальной среде расценивается как эвфемизм, в другой может получать иные оценки (см. об этом ниже).

Темы и сферы эвфемизации

Оценка говорящим того или иного предмета с точки зрения приличия/неприличия, грубости/вежливости обычно бывает ориентирована на определенные темы и на сферы деятельности людей (или отношений между ними). Традиционно такими темами и сферами являются:

— некоторые физиологические процессы и состояния; ср.: *освободи нос!* — вместо *высморкайся!*; *освободить кишечник*; *недомогание* (о менструации); *Она ждет ребенка* (вместо: *Она беременна*) и др.;

— определенные части тела, связанные с «телесным низом»; объекты этого рода таковы, что и не прямое, эвфемистическое их обозначение в бытовой речи воспринимается большинством как не вполне

приличное — ср., например, просторечные и жаргонные обозначения мужского члена: *конец, палка, инструмент, аппарат, прибор, колба-са, балда, вафля, банан* и мн. др. или женского влагалища: *дырка, скважина, лоханка, лохмушка, мочалка, копилка* и мн. др. (см. [Балдаев и др. 1992, 314]); среди медиков, как известно, для этих целей используется латынь;

— отношения между полами; ср.: *находиться в близких, интимных отношениях, в интимной связи, физическая близость*; просторечное употребление глаголов *встретаться, дружить, гулять* (с кем-либо); *У нас с ним ничего не было* — имеется в виду физическая близость, и т. п.;

— болезни и смерть: *недомугать, плохо себя чувствовать* вместо *болеть, хворать*; *Она совсем плохая* — о безнадежно больной; *ушел от нас, его не стало* — вместо *умер*; *кончина* вместо *смерть*; *летальный исход* — как медицинский эвфемизм, заменяющий «слишком прямое» *смерть*. Некоторые «стыдные» болезни издавна получали иносказательное, вуалирующее, эвфемистическое обозначение: *дурная болезнь* (о каком-либо венерическом заболевании), *французский насморк* (о сифилисе) и нек. др.

Темы смерти и похорон, если эти события актуальны (либо совпадают с моментом речи, либо отделены от него небольшим промежутком времени), вербализуются почти исключительно с помощью эвфемизмов. Ср.: *скончаться* и устар. и прост. *кончиться, усопший, X-а не стало, нет больше с нами; предать земле* (но не *закопать*!); действия учреждений, занимающихся организацией похорон, в официальном языке обозначаются расплывчатым и эвфемистическим по своей природе оборотом *ритуальные услуги*. Ср. также в речи медиков: *потерять больного*, т. е. допустить, чтобы больной умер, не справиться с болезнью; *дети уходят* (в значении «умирают»).

Эти сферы эвфемизации можно назвать личными: они касаются личной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц.

Кроме того, явление эвфемизации наблюдается и в различных сферах с о ц и а л ь н о й жизни человека и общества. Важно подчеркнуть, что в современных условиях наибольшее развитие получают как раз способы и средства эвфемизации, затрагивающие социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношений с другими людьми, с обществом, с властью.

Эвфемизмы в социальных сферах деятельности человека

Рассмотрим этого рода эвфемизмы, характеризуя (1) цели эвфемизации; (2) сферы социальной жизни, в которых чаще, чем в других, используются эвфемистические языковые средства; (3) языковые способы и приемы эвфемизации; (4) социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов.

Цели эвфемизации речи

Верна ли традиционная интерпретация эвфемизма как смягчающего средства, как слова или выражения, заменяющего то, что кажется говорящему грубым или неприличным? Понимание эвфемизма только как смягчающего средства или как способа избежать грубости более или менее удовлетворительно в отношении личных сфер эвфемизации. Но как только мы начинаем касаться социальных сфер и разнообразных случаев эвфемизации той речи, которая обслуживает эти сферы, становится очевидной недостаточность представления об эвфемизме как о простой замене грубого или неприличного слова более приемлемым (и для говорящего, и для адресата).

1. Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, — стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта⁶.

В эвфемизмах этого рода иначе, в более вежливой форме — по сравнению с иными способами номинации — называют объект, действие, свойство. Ср., например, употребляющиеся в функции своеобразных терминов слова *слабослышащий* (вместо *глухой*), *незрячий* (вместо *слепой*), а также высказывания типа *Она недослышит*, *Он прихрамывает* (о сильно хромающем человеке), *Да что-то я приболел — температура под сорок*, и т. п.

Канцелярский штамп *заслуженный отдых (покой)* в сочетаниях *уйти (проводить) на заслуженный отдых (покой)* ощущается многими говорящими как более вежливое выражение, чем слово *пенсия*, в особенности если оно употребляется в присутствии лица, о котором идет речь (по-видимому, потому, что слово *пенсия* может вызывать у адресата нежелательные ассоциации с социальной ущербностью).

Ср. также случаи более индивидуальных эвфемизмов подобного рода:

Присядьте, прошу вас, *присядьте* — вот те, на балконе, гости! (председательствующий на съезде народных депутатов, апрель 1992 г.) — здесь словоформа *сядьте* расценивается говорящим, видимо, как недостаточно вежливая;

— Это платье вас... э-э... *взрослит* (говорящий избежал слова *старит*);

— Ты стал какой-то... — *Взрослый* — так сейчас говорят, чтобы не сказать: старый. — (Смех) Да-да (Записи устной речи, 90-е годы).

2. Более специфической — в социальном смысле — является другая цель эвфемизации: в у а л и р о в а н и е, к а м у ф л я ж существа дела.

Эвфемистические средства, используемые для этой цели, весьма разнообразны и характерны, как кажется, именно для нашей языковой действительности. Причина этого — в общей лживости системы и обслуживающего ее идеологического аппарата, в боязни огласки неблагоприятной или антигуманной деятельности. Недаром камуфлирующие наименования наиболее частотны при описании того, что надо скрывать: жизни лагеря или тюрьмы, работы оборонных предприятий, скрытой деятельности верхушки коммунистической партии, госаппарата, работы ЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ — ФСК, которые получили эвфемистическое наименование *компетентные органы*.

Например, лагерь или тюрьма в административно-деловом жаргоне называется *учреждение*⁶ (В это время в *учреждение* поступило много новых людей. — Телевидение, 27.08.91, интервью с работником МВД); сочетанием *отдельно стоящее помещение* обозначается штрафной изолятор в лагере (см. в повести Л. Разгона «Непридуманное»); слово *надзиратель* в последнее время вытеснено более туманным и не столь одиозным *контролер*; вместо слова *агент* или пейоративного *стукач* говорят *информатор* или *доброжелатель* (ср. в речи бывшего охранника И. В. Сталина — Рыбина: *Агент* неудобно говорить, ну, *доброжелатель* можно сказать, *доброжелатель*. — Телевидение, 12.09.91); ср.: также: В *обслуживание* (так на гэбистском жаргоне звали оперуполномоченные свою работу) дали огромную территорию (КП, 29.06.91).

Весьма показательны также в качестве «камуфлирующих» многочисленные наименования с первой частью *спец*: *спецконтингент* (о заключенных или ссыльных), *спецотдел* (а также *особый отдел* в воинских подразделениях, в гражданских — *первый отдел*, что также является эвфемистическим обозначением службы сыска и цензуры), *спецраспределение*, *спецсектор*, *спецзадание*, *спецполиклиника*, *спецхран* — как сокращенное название отдела специального хранения книг

в библиотеке, т. е. книг, не выдаваемых читателям без особого на то разрешения, и т. п. (см. об этом [Крысин 1990]).

Спецакция и просто *акция* на этом жаргоне — «расстрел, приведение в исполнение смертного приговора», а словосочетание *высшая мера* (из *высшей меры наказания*), эвфемистически обозначающее приговор к смертной казни, стало официальным юридически термином (который в просторечном и арготическом употреблении стянулся до *вышка* и *вышак*)⁷.

Сюда же примыкает вуалирующее употребление глаголов *нейтрализовать* и *обезвредить* в контекстах типа: *Надо было нейтрализовать охрану* (= 'перебить, уничтожить'), *После того, как часовой был обезврежен...* (= убит или приведен в состояние, когда он не может действовать), *физическое устранение* — вместо *убийство* (В «Вечерней Москве» появилась провокационная статья о якобы готовящемся *физическом устранении* президента. — Телевидение, 20.04.93) и нек. др.

В военном языке с давних пор употребляются обозначения, с помощью которых от противника скрывается подлинный смысл передаваемых сообщений: *хозяйство* в значении «воинская часть», *огурцы* в значении «снаряды» и т. п. Эта традиция была воспринята и при описании деятельности оборонных и всяких иных «закрытых» предприятий: *ящик* в значении «завод, институт» (*Работают в ящике; Их распределили по ящикам* — о выпускниках института) — из сочетания *почтовый ящик номер такой-то*; *объект* — в значении «военный объект» или «промышленный объект оборонного характера»: ...выбрали место, где и появился «совершенно секретный» ядерный центр. Во всех документах он теперь именовался «Объектом». И только в наше время мы знаем его «научное» название — Арзамас-16 (Рос. газ., 26.02.94; ср. также многочисленные примеры употребления слова *объект* в таком смысле в «Воспоминаниях» А. Д. Сахарова), *изделие* — о бомбе, ракете и тому подобной продукции военного назначения: Приехав на полигон для ядерных испытаний, мы узнали о неожиданно возникшей очень сложной ситуации. Испытание было намечено в наземном варианте. *Изделие* в момент взрыва должно было находиться на специальной башне, построенной в центре испытательного поля (А. Д. Сахаров. Воспоминания); *продукт*: *Продуктом* называли начинку для атомных бомб (Телевидение, 18.10.91).

Камуфлирующими являются эвфемизмы, которые в недавнем прошлом использовались для обозначения действий и свойств представителей партийного и советского аппарата (любого уровня). Жизнь внутри партийной верхушки, внутри структур власти должна была скрываться от непосвященных, и поэтому сообщения о тех или иных собы-

тиях в этих сферах изобиловали весьма расплывчатыми оборотами типа: *для служебного пользования* — о секретных документах, *рассмотрен организационный вопрос* (это означало, что какой-либо партийный или советский начальник выведен из состава руководящего органа, понижен в должности и т. п.), *были сделаны оргвыводы* (обозначение репрессивных мер, примененных к какому-нибудь функционеру или вообще работнику), *вести себя нескромно* (о партийном хапуге, коррупционере и т. п.); ср. также полушутливое — но от этого не меняющее своей эвфемистической сути — *жизнелюб* применительно к какому-нибудь чиновному пьянице или развратнику. Кое в чем такое словоупотребление сохраняется и в наши дни; ср.: Была отмечена *нескромность* главы администрации, который использовал свое служебное положение в корыстных целях [то есть брал взятки, торговал государственным имуществом и т. п.] (Радио, 15.03.93); Руководители Белоруссии не приняли необходимых мер для борьбы с коррупцией и сами проявили *личную нескромность* (Телевидение, 26.01.94).

Камуфлирующие слова и обороты весьма распространены и вне той специфической среды, которая связана с репрессивной системой, военно-промышленным комплексом или с отношениями внутри партийных и властных структур. К ним прибегают в тех случаях, когда прямое обозначение объекта, действия, свойства, по мнению говорящего, может вызвать нежелательный общественный эффект, негативную реакцию массового адресата, осуждение и т. п.

Таковы, например, словосочетания *либерализация цен, освобождение цен, упорядочение цен, свободные цены* в языке современной прессы, в речевой практике экономистов, представителей власти и др. В буквальных своих значениях эти сочетания могут прилагаться к любым ценам и любым процессам, происходящим с ценами, — понижению, повышению, сохранению на том же уровне, приведению их в порядок, как это следует из смысла слов *освобождение, либерализация, свободный, упорядочение*. Однако в действительности они обозначают *рост цен, более высокие, чем прежде, цены*, но обозначают, так сказать, не впрямую, а вуалируя малопривлекательное для большинства людей явление.

Ср.: Последствия реформы обнаруживаются в виде инициируемой сверху гиперинфляции и беспрецедентного взвизывания цен на продовольственные и промышленные товары первой необходимости, почему-то нежно названного здесь благозвучным именем «*либерализация*» (МК, 02.02.92, интервью с экономистом Л. И. Пияшевой); Под благозвучным названием *упорядочения цен* повышены цены на ряд товаров повседневного спроса (Радио, 16.10.91); Указ, который кокетливо на-

зывается «О регулировании цен на некоторые виды энергопродуктов», на самом деле значительно повышает цены на все нефтепродукты и большую часть других видов топлива (Телевидение, 20.09.92).

Власть стремится смягчить удары, наносимые населению реформами в области экономики. Так, в конце 80-х годов талоны на получение сахара, мыла и других товаров первой необходимости, ставших дефицитными (по торговой терминологии такие товары называются эвфемистично *товарами повышенного спроса*), снабжались лицемерной надписью «Приглашение». Действия правительства, направленные на повышение цен, увеличение налогов и т. п., само же правительство называет весьма аморфным по смыслу и эвфемистическим по существу словосочетанием *непопулярные меры*.

Стремление скрыть истинный смысл явления просматривается и в таких обозначениях, как *воины-интернационалисты* (о советских солдатах в Афганистане в 1979—1990 гг.), *дружеская помощь* братскому афганскому народу, *ограниченный контингент войск* на территории того же Афганистана (ср. использование более прямых номинаций *агрессия, оккупация, оккупанты* — в радиопередачах Би-Би-Си, «Голоса Америки», радиостанции «Свобода»). Тенденция к использованию «камуфлирующих» выражений наблюдается и при официальном освещении событий в Чечне после ввода туда российских войск в декабре 1994 года; ср.: Первоначальные ежедневные попытки властей «успокаивать» общество с помощью обмана сменились пристрастием к эвфемизмам. Говорят, мы там не стреляем по чеченцам — мы «даем адекватный ответ». Говорят, это не война — это «военная операция по разоружению» (Изв., 20.12.94).

В связи с распадом Советского Союза и усилением вражды между некоторыми, прежде «братскими», его народами сообщения о кровавых событиях в тех или иных районах Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Молдавии и др. также нередко подаются в «вуалирующем», смягчающем тоне, для чего используются эвфемизмы типа: *сохраняется напряженность* (В Нагорном Карабахе *сохраняется напряженность* ... имеются убитые и раненые. — Радио, 1991), *пострадать* (В боях *пострадало* свыше сорока человек, из них восемь убиты. — Телевидение, 1991), *пойти на крайние меры* (В этой обстановке нежелательно было бы *пойти на крайние меры* и ввести туда войска. — Телевидение, 1991), *непредсказуемые последствия* (Этот шаг азербайджанского правительства может иметь *непредсказуемые последствия*: обозреватели сходятся во мнении, что военных действий в Нагорном Карабахе избежать не удастся. — Радио, 1990) и т. п.

Напряженность отношений между различными народами и национальными группами рождает у людей, выступающих публично (у журналистов, комментаторов, депутатов, политических деятелей и др.), боязнь неточным словом, неловким выражением усилить эту напряженность, невольно способствовать межэтническим раздорам. Отсюда — шаг к ложной интерпретации смысла некоторых единиц как слишком прямого, грубого, а самих этих единиц — как могущих нанести моральный ущерб адресату или тем, о ком идет речь.

Так, с недавних пор вместо однословного обозначения представителей народов Кавказа, Средней Азии и некоторых других регионов в прессе, по радио и телевидению стали употреблять описательные обороты: *лица армянской национальности* (вместо *армяне*), *лицо узбекской национальности* (вместо *узбек*) и даже *лица кавказской национальности*, хотя такой национальности, как кавказец, не существует (ср. следующее официальное уведомление: Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ рекомендовала признать некорректным и неэтичным употребление в газетах терминов типа «лица кавказской национальности». — ВМ, 15.07.94). В некоторых случаях такого рода описательными оборотами стремятся скрыть более узкий смысл, более конкретный объект, прямое название которого представляется говорящему не совсем удобным, потому что раскрывает его подлинные взгляды, намерения или цели. Так, представители националистически настроенных литературных кругов под словосочетанием *русскоязычные писатели* иногда имеют в виду писателей-евреев; участники летних (1992 года) митингов у здания Останкинского телецентра вначале выдвигали требование — оно было начертано на плакатах — «Долой нерусское телевидение!», но вскоре перешли к более ясным лозунгам: «Еврейское телевидение — Израилю!», «Долой сионизм в эфире!» и т. п.

3. Третья цель, преследуемая говорящими при употреблении эвфемизмов, заключается в стремлении сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему. Разумеется, такого рода зашифрованность относительна, и очень скоро она становится мнимой, если подобные сообщения содержатся не в частной переписке, а публикуются и тем самым делаются доступными для интерпретации каждому читающему или слушающему.

С этой точки зрения весьма характерны разного рода объявления, публикуемые в печати или вывешиваемые, так сказать, в самостоятельном порядке на остановках, у станций метро, на заборах и столбах и т. д. «Меняю трехкомнатную квартиру на четырехкомнатную по *солидной договоренности*» — здесь за словами «солидная договоренность»

скрыто обещание хорошо оплатить разницу в площади обмениваемых квартир. Ср. также еще более характерное: «Меняю однокомнатную квартиру на двухкомнатную *по очень хорошей договоренности*» и даже «Меняю Луганск на Москву *за очень хорошую договоренность*», где в типе управления проглядывает модель управления того предиката, который заменен эвфемизмом: ср. *платить, плата за что-нибудь*.

В сфере, которая связана с обменом и получением жилья, немало и других эвфемизмов. Каждому, кто вплотную сталкивался с этой вызывающей тягостные ощущения сферой, хорошо известно, что, например, *перспективная семья* — это семья, в которой родители находятся в так называемом репродуктивном возрасте, то есть, проще говоря, семья, в которой могут родиться дети. А *перспективная квартира* — это нечто почти противоположное по смыслу и даже зловеще-бесчеловечное по сути: квартира, в которой живет престарелый (и, стало быть, неперспективный в только что рассмотренном смысле) человек и которая, следовательно, скоро освободится.

С вуалированием, сокрытием сути даваемого сообщения связан и еще один тип объявлений — касающийся отношений между мужчинами и женщинами. Ср. следующие примеры: Молодая женщина *окажет услуги* состоятельному мужчине; Стройная, умная, молодая женщина *ищет личного спонсора*; Хочу *наказывать непослушную даму*; Юноша 20 лет *ищет наставницу* (объявления в газете «Частная жизнь», 1992). Выделенные слова и обороты — явные эвфемизмы: они употреблены не в их словарных значениях, а тех, которые хочет выразить адресант; при этом, правда, эти эвфемизмы плохо выполняют свое камуфлирующее предназначение, так как их «тайный» смысл прочитывается достаточно легко (ясно, о какого рода услугах идет речь, с какой целью ведутся поиски личного спонсора, чему именно должна обучать юношу 20 лет его наставница и чем вызвано желание наказывать непослушную даму). Оборот *интимные услуги* употребляется как эвфемистическое обозначение профессиональной деятельности проституток или вообще продажи женщинами своего тела, ср.: Сотрудниками отдела по борьбе с притоносодержанием и вовлечением в проституцию несовершеннолетних были задержаны 16 человек, подозреваемых в оказании *интимных услуг* за вознаграждение (Сег., 21.12.93). Ср. также специфическое понимание и употребление слова *комплексы* в таком объявлении: На высокооплачиваемую работу требуются *девушки без комплексов* (имеются в виду потенциальные проститутки), а также весьма конкретное осмысление слова *привычки* (точнее — словосочетания *вредные привычки*) в объявлении о найме на работу: Предприятию требуются водители и экспедиторы. *Лиц с вредными привычками* и старше

35 лет просим не обращаться (под лицами с вредными привычками подразумеваются любители выпить).

Сферы социальной жизни, в которых используются эвфемизмы

1. Традиционно сферой, в которой активно употребляются эвфемистические средства выражения, является дипломатия. Совершенно очевидно, что те коммуникативные задачи, с которыми приходится иметь дело дипломатам и политикам, невозможно решить, используя лишь прямые номинации, обходясь без обиняков, намеков, недоговоренностей, камуфляжа, то есть без всего того, для выражения чего как бы и предназначены эвфемизмы.

Часто мелькающие сейчас на страницах печати и в эфире слова и обороты (некоторые из них уже упоминались) типа *пойти на крайние меры, непредсказуемые последствия, конфронтация* (применительно к ситуациям, когда идет война, хотя и, возможно, локальная), *определенные круги, соответствующие инстанции, миротворческие акции, принцип взаимности* (ср.: Правило «око за око», на языке дипломатии именуемое *принципом взаимности*... — Телевидение, 12.05.93) и т. п. — родились именно в дипломатическом речевом обиходе.

2. Репрессивные действия власти: *задержать* вместо *арестовать* (ср. в ийтервью с начальником Главного управления внутренних дел г. Москвы: — Скажите, кого-нибудь *арестовали* из участников этой акции? — Мы *задержали* несколько человек, им будет предъявлено обвинение в умышленном нарушении общественного порядка и злостном хулиганстве (Телевидение, 01.05.93); *высшая мера* вместо *смертная казнь*; *применить санкции* — этот оборот употребляется в весьма неопределенном смысле: он может означать привлечение к уголовной ответственности, лишение свободы, экономическую или военную блокаду районов и целых государств (ср.: Блокада — а все литовцы употребляют именно это слово, отвергая предложенные правительством СССР эвфемизмы, — не ожесточила и не озлобила жителей республики. Скорее, они говорят о «*санкциях*» с недоумением и обидой... — Демократическая Россия, 1990, № 3; *Санкции*, применяемые ООН в отношении Ирака, оказываются малоэффективными. — Телевидение, июль 1992).

Сюда же примыкают характерные для недавнего прошлого обозначения мер партийного и административного воздействия на людей: *предупредить, поставить на вид, указать* — как правило, без заполнения валентности содержания: Бюро *предупредило* Иванова (*поста-*

вило на вид, указало); поправить (ср. превратившееся в расхожую шутку: *Если я не прав, старшие товарищи меня поправят*) и др.

3. Государственные и военные тайны и секреты, к числу которых относится производство оружия, определенных видов техники, социальный и численный состав учреждений (не только военных), профиль их работы и многое другое. Ср. приводившиеся выше примеры употребления слов *объект, продукт, изделие, ящик* и др., а также следующие примеры: разработка *необычных* видов оружия (имеется в виду бактериологическое оружие), *нетрадиционные* формы ведения войны (имеются в виду формы войны, направленные на полное уничтожение живой силы противника с сохранением его военной техники).

4. Деятельность армии, разведки, милиции, уголовного розыска и некоторых других органов власти, действия которых не должны быть «на виду». Здесь употребительны слова и обороты с достаточно общим смыслом, в то время как применяются они по отношению к конкретным действиям и явлениям: *задание, операция (идти на задание, провести операцию по задержанию преступника)*, *объект* в значении «лицо, за которым ведется негласное наблюдение» (ср.: Он уточнил, где находится «объект», то есть Солженицын... В этот момент я увидел «объекта» с приятелем, выходявших из дверей магазина. — СС, 1992, № 4), *акция, специальная акция* (ср.: На встрече с резидентом КГБ Вадиа Хаддад изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП... Основной целью *специальных акций* НФОП является повышение эффективности борьбы Палестинского движения сопротивления против Израиля, сионизма и американского империализма, осуществление *акций* против американского и израильского персонала... — Из постановления Политбюро ЦК КПСС; МН, 14.02.92), *учреждение закрытого типа*, жаргонно-профессиональное *иметь, получить допуск* (без указания объекта: к секретной документации, к секретной работе), *невыездной* — о человеке, связанном с секретной работой и потому не имеющем возможности ездить за границу (в дальнейшем было распространено и на политически неблагонадежных лиц).

5. Сфера распределения и обслуживания: *товары повышенного спроса, дефицитные товары, дефицит (дефицит выбросили)*⁸, слова с первой частью *спец-* (примеры см. выше); в бытовой речи и в просторечии распространены обороты *организовать, устроить что-нибудь* в значении 'содействовать в приобретении какого-нибудь товара': *Устрой мне холодильник за полторы цены; А кухонный гарнитур организовать можешь?*

6. Отношения между различными национальными и социальными группами, статус этих групп: *некоренное население* — может быть употреблено применительно к русским, живущим в Прибалтике или в других бывших республиках СССР; *этническая чистка* — уничтожение в том или ином районе (городе, республике) лиц, не принадлежащих к господствующей в этом районе нации; впервые было употреблено применительно к ситуации в Югославии, где сербы уничтожают мусульман, хорваты — сербов на территории Хорватии, а затем стало использоваться по отношению к ситуациям в бывшем СССР (ср.: В Горном Бадахшане хорошо помнят, что, взяв под контроль Душанбе, некоторые солдаты правительственных войск занялись *этническими чистками*, при этом в первую очередь уничтожались памирцы. — НГ, 05.07.93); *гастролеры* из кавказского региона — о преступных группах в Москве и Петербурге, состоящих из «лиц кавказской национальности»; группы *повышенного риска* — о наркоманах, гомосексуалистах, проститутках, которые имеют более высокую (чем другие социальные группы) вероятность заразиться СПИДом.

Вместо слова *бродяги* в административном языке употребляется смягчающий и вуалирующий оборот *лица без определенного места жительства*, который в просторечии превратился в склоняемую аббревиатуру *бомж*. Ср. также оборот *дом ночного пребывания* вместо *ночлежка*: В Москве скоро откроется *дом ночного пребывания* или, проще говоря, *ночлежка* (Телевидение, 14.12.93).

7. Некоторые виды профессий, эвфемистическое обозначение которых имеет целью повысить престиж этих профессий или скрыть негативное впечатление от обозначаемого «прямым» наименованием рода занятий: *оператор машинного доения*, *оператор на бойне*, *оператор очистных работ* (ср. прежнее *ассенизатор*, переставшее выполнять свою эвфемистическую функцию), *контролер* вместо *надзиратель*, *исполнитель* — о человеке, приводящем в исполнение смертные приговоры (ср. *палач*) и др. Существенную роль в этой группе эвфемизмов играют иноязычные обозначения, ср.: Профессия Олега гораздо более романтическая и жизненная: он инструктор по случке собак. Олег, правда, обижается, когда его называют «вязальщиком» [от профессионального значения глагола *вязать* — «случать (животных)»], но ничего не имеет против *киносексопатолога* (МК, 08.02.92) — более подробно см. об этом в следующем разделе.

Языковые способы и средства эвфемизации

1. Слова-определители с «диффузной» семантикой: *некоторый*, *известный*, *определенный*, *соответствующий*, *надлежащий* и нек. др.

Ср.: Я имею к этому *некоторое* отношение — может говориться, несколько иронически, в ситуации, когда говорящий прямо причастен к Р (например, он автор книги, о которой идет речь, участвовал в разработке данного проекта и т. п.); Не советуясь с нами, он [президент] поддерживает правительство, которое своими действиями привело страну к *известным результатам* [= плохим, негативным] (Радио, 08.04.92, выступление депутата Верховного совета); Стало совершенно явным, что — воспользуемся введенной в оборот Михаилом Горбачевым терминологией — «*определенные деструктивные силы*» делают все возможное, чтобы... (Рос. газ., 29.08.91); Как выразился заместитель начальника оперативного управления департамента Владимир Зайцев: «*Определенный контакт* между нашим подразделением и охраной 'Чары' [банка] был, но все живы и здоровы. Просто освободили проход, но освободили так, что надолго им запомнится» (Изв., 29.03.94); Чемпион мира *не лучшим образом* распорядился своими фигурами в цейтноте [то есть плохо] (Телевидение, 28.02.92); В «Мерседесах» едут не всегда люди с лицом интеллигента, часто — со ... *своеобразными* лицами (Телевидение, 06.08.94).

2. Номинации с достаточно общим смыслом, используемые для называния вполне конкретных предметов и понятий: *акция, изделие, объект, продукт, учреждение* (примеры см. выше), *материал* в значении 'компрометирующие сведения о ком-либо' (На Вас поступил *материал*), *сигнал* в значении 'сообщение о чем-либо неблагоприятном в высшие инстанции' (В свое время мы не прислушались к *сигналам* с мест) и др. В качестве обозначений конкретных объектов и действий могут использоваться даже местоимения (то есть слова с наиболее общим смыслом): [Диалог матери и 16-летней дочери] — У тебя *что-нибудь* было с Толей? — Ну, что ты, мам, — *ничего* не было (запись устной речи); Друга Сюзанны зовут Джино. Сюзанна показывает Илоне, какое у Джино «*это*», и Илона говорит: «Надо же, кто знает, вошло бы в меня *такое!*» (Частная жизнь, 1991, № 1), а также местоименные обороты типа *одно место, это дело*, которые, в зависимости от обстоятельств и коммуникативных целей, могут прилагаться к разным объектам; ср.: — Мне надо *в одно место* сходить (= в уборную); — Чем только они думают? Уж во всяком случае не головой, а... *одним местом* (записи устной речи); Отстрелила «*одно место*» (заголовок заметки, в которой рассказано, как в схватке с хулиганами, ворвавшимися в зоомагазин, его заведующая, «устав от бульварного мата прищельцев, достала ружье и отстрелила одному из нахалов ... гениталии» (Рос. газ., 01.02.94); — Он же [муж] у меня парализованный. — От *этого*

дела? — А от чего ж еще? Конечно, от этого (= от пристрастия к спиртному; запись живой речи, Москва, август 1994).

3. Иноязычные слова и термины, употребляемые как обозначения, более пригодные для вуалирования сути явления, чем исконная лексика: *либерализация* (цен), *канцер* (вместо *рак*), *педикулез* (вместо *вши-вость*), *селадон* (вместо оскорбляющего слух слова *бабник*), *копулятивное* общение (вместо *совокупление*, — ср. в газетном объявлении: Любителям пикантных ощущений предлагаю *копулятивное* общение; по-видимому, от англ. copulation 'спаривание, случка' < лат. copulatio 'соединение, связь'), *деструктивный* 'разрушительный' (*деструктивные силы*), *конфронтация* 'противостояние' (иногда с применением орудия)⁹.

4. Аббревиатуры, особенно характерные для репрессивной сферы и сфер, связанных с сокрытием государственных и военных тайн: *ВМ* = высшая мера (наказания), *ДСП* = для служебного пользования, *СС* = совершенно секретно (гриф на документах; в профессиональном обиходе такой гриф именовался «два Семена»), *зэк* (из *заключенный каналомармеец* — аббревиатура возникла во время строительства Беломорско-Балтийского канала¹⁰), *ПКТ* = помещение камерного типа (на самом деле, попросту — камера) и др.

5. Некоторые слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства, употребляемые не в своем обычном значении, а в качестве смягчающего эвфемизма: Он *недослышит* (о глухом), Он *прихрамывает* (о хромом), *приостановить* (деятельность организации, членство в партии и т. п.) — может означать не только временное, но и полное прекращение действия, деятельности.

6. Некоторые глагольные формы с приставкой *под-*: *подъехать*, *подойти*, *подвезти* и нек. др., которые ощущаются частью говорящих (главным образом, носителями просторечия) как более вежливые, смягчающие прямое обращение к адресату и потому употребляются ими в качестве эвфемистических замен «прямых» обозначений *приехать*, *прийти*, *привезти*, *довезти* (в литературном языке, как известно, глаголы с приставками *под-*, *при-* и *до-* несинонимичны). Ср.: — Можно к вам *подъехать*, чтобы обсудить это прямо сегодня? Я часам к шести *подойду*. Вы у себя будете? До метро *подвезите*, пожалуйста (записи устной речи). Ср. также эвфемизм *подсказать* в контекстах типа: — *Не подскажите*, как пройти к Военторгу?

Социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов

Эвфемизмы, в отличие от большей части лексических средств языка, особенно чутки к изменениям в области культуры человеческих отношений и нравственных оценок тех или иных явлений общественной жизни. То, что кажется эвфемизмом на одном этапе развития общества, перестает им быть на следующем, превращаясь в средство, которое, с точки зрения большинства носителей данного языка, именуется объектом слишком прямо (см. об этом выше). Ср. характерный пример:

«В первые годы революции получает широкое применение термин «дефективный» со многими его производными. Этот научный эвфемизм должен был покрыть и закрыть целую группу очень различных слов: ненормальный, неполноценный, невменяемый, «недоделанный», слабоумный, псих, дурной, иногда даже — идиот и сумасшедший, и еще многие другие... Некоторые из этих слов уже были когда-то эвфемизмами, а потом стали звучать как очень прямые и крепкие слова...» [Боровой 1963, 450]. Заметим, что и новейшие средства и способы обозначения психической ненормальности быстро утрачивают свойство эвфемистичности и расцениваются носителями языка как прямое (и потому оскорбительное для характеризуемого лица) обозначение: *шизик*, (он) *с приветом*, (У него) *крыша поехала* и т. п.

Кроме временного фактора существенен и фактор социальный: в разной социальной среде — неодинаковое представление о том, что «прилично» и «неприлично» и, соответственно, о том, что может именоваться прямо, без обиняков, а что должно получать «вуалирующие», эвфемистические обозначения.

В этом смысле весьма примечательны различия между носителями литературного языка, с одной стороны, и, с другой, людьми, использующими в качестве основного или единственного средства местный диалект, городское просторечие, социальный жаргон и какие-либо еще некодифицированные подсистемы национального языка¹¹.

Полевыми исследователями территориальных диалектов и просторечия давно замечено, что носители этих подсистем склонны прямо называть некоторые объекты и действия, относящиеся к анатомии и физиологии человека, к отношениям полов, употреблять обценную лексику как в ее экспрессивной, так и в номинативной функции. Однако неверно было бы считать, что в этой социальной среде нет потребности в эвфемизации речи.

Напротив, и в диалектах, и в просторечии имеются весьма развитые «микросистемы» лексических средств, которые служат для эфемистического обозначения табуируемых объектов, процессов, свойств. Ср., например, глаголы *озорничать*, *озоровать*, *шалить*, *баловать*, *баловаться*, которые используются для называния некоторых негативно оцениваемых действий:

Продавцы *озорничают*: хочу — открою в два, хочу — в три, а хочу и вовсе не приду; А на заводе-то *озоруют*: молоко водой разбавляют; На дорогах да в лесах тогда кого только не было: и белые, и красные, и зеленые, и все *шалили*, нашего брата обирали (записи устной речи); — Они, старики, просты; для них это птичий грех — со снохой *баловаться* (М. Горький. Дело Артамоновых); — Мальчику с девочкой дружить — это хорошее дело! Только *баловать* не надо... И простейшими словами объясняла нам, что значит «баловать» (М. Горький. В людях); Белые казаки, мстя Андрею за уход в красные, люто *баловались* с его женой (М. Шолохов. Поднятая целина).

В зависимости от ситуативных условий речи — от типа собеседника, тональности общения, его цели, иллокутивных и перлокутивных свойств речевого акта и т. п. — и носители диалектов, и говорящие на просторечии, прибегая к эфемистическим средствам, могут проявлять так называемую гиперкоррекцию: эфемистической замене подвергаются даже те слова и обороты, которые в иной социальной среде (например, у носителей литературного языка) не оцениваются как «неприличные» или грубые. Например, по нашим наблюдениям, некоторые носители современного русского просторечия заменяют название *бабье лето* оборотом *женское лето*, избегают слов *сортир* (вследствие фонетической и смысловой ассоциации его с соответствующим ненормативным глаголом), *яйца* (употребляя в качестве названия продукта только слово *яички* и ложно оценивая его как более приличное, хотя, как известно, в качестве анатомического термина используется именно уменьшительная форма¹²) и нек. др.

Своеобразные функции выполняют эфемизмы в социальных жаргонах. По-видимому, главная из них — сокрытие, вуалирование сущности обозначаемого понятия¹³, иногда с элементами словесной игры, шутки, каламбура. Ср.: *академия*, *дача*, *курорт* — о лагере, тюрьме, *браслеты* — «наручники», *быть больным* — «находиться под арестом», *облегчить*, *обмыть*, *помыть* — «обокрасть», *буфера*, *литавры* — «женские груди», *поиметь*, *оприходовать*, *поджениться*, *поставить пистон* и мн. др. — «совершить половой акт» (воровское аргю); *бемоль* — «живот (преимущественно у женщины)», *забемолеть* — «забеременеть», *жмурик* «покойник», *камертон* «стакан, емкость для выпивки», *синко*

па — ‘хромой человек’ (жаргон лабухов); *гонец* — ‘торговец наркотиками’, *колики* — ‘наркотики, вводимые при помощи шприца’, *машина*, *самосвал* — ‘шприц’, *трава*, *травка* — ‘наркотик’, *черныга* — ‘низкосортный морфий’ и др. — в жаргоне наркоманов (см. [Грачев, Гуров 1989; Балдаев и др. 1992]).

Эвфемистичны многие слова современного молодежного жаргона: Если девушка странная или выпившая, то о ней могут сказать «*отъехавшая*» (АиФ, 1992, № 10); ср. также слова *синеглазка*, *мелодия* — о милицейской машине, *в откате*, *в пожаре* — в состоянии сильного опьянения, *синусоида* — ‘нетрезвое состояние’, *тундра*, *тайга* о глупом и недалеком человеке, *очко* — ‘анальное отверстие’, *резина* — ‘презерватив’, *залететь* — ‘заразиться венерической болезнью’, а также ‘получить нежелательную беременность’ и др. (см. [Стернин 1992; Файн и Лурье 1991]).

Эвфемизмы в тексте

В письменном тексте эвфемизм нередко выделяется с помощью кавычек (или других полиграфических средств — курсива, разрядки и т. п.). И в тексте, и в устной речи он может сопровождаться оговорками и комментариями типа: *мягко говоря*, *фигурально выражаясь*, *по более осторожному выражению* и под., а также прямым указанием на то, что употреблен эвфемизм.

В дополнение к тем примерам, которые были рассмотрены выше, приведем еще несколько иллюстраций из современной прессы, радио и телепередач, из художественной и мемуарной литературы:

Именно тогда редактор впервые меня серьезно «*поправил*». Потом стычки стали носить регулярный характер (МК, 15.10.91); Женщинам, предполагающим провести «активный» отдых, неплохо бы заранее поставить внутриматочную спираль (там же, 09.07.93); Под благозвучным названием *упорядочения* цен повышены цены на ряд товаров повседневного спроса (Радио, 16.10.91); Это самое страшное оружие — биологическое. Еще его скромно называют — *необычное* (Телевидение, 17.02.93); На одном из запорожских предприятий в этом году начнут выпускать *электровибратор* для женщин. За этим туманным названием скрывается необычное для отечественной промышленности изделие — искусственный половой член (Московские ведомости, 1992, № 10—12); Что касается его намерений заняться «творческой работой», то под этим эвфемизмом подразумевается, вероятно, частный бизнес... (Сег., 18.09.93); Местные [японские] уложения категорически запрещают публичную демон-

страцию, как бы поизящнее выразиться, волосяного покрова, укрывающего заветные части тела (там же, 25.11.93); Предполагаемый онкологический диагноз скрывается особенно тщательно. Даже латинское чересчур известное «канцер» заменяется каким-нибудь дежурным эвфемизмом (И. Грекова. Перелом); Термин «миротворческие операции» все чаще становится смягченным синонимом слова «война» (Радио «Свобода», 03.03.93); Популярно разъясняю им [работникам Главлита], что это о совсем другом, что мы умалчиваем ошибки прошлого и т. п. Невинно: «Какие ошибки?» «Да хотя бы 37-й год». И ехидно: «И коллективизацию?» «Может быть, и коллективизацию. Автор [Твардовский] пишет вообще о том, что не нужно замалчивать, потому что это и бесполезно, люди с памятью. Да и вредно». Но тут их ничем не стронешь: «Не подписываем [номер журнала в печать]». «Снимаете, значит?» — «Не подписываем». — «Что за эвфемизм, не подписываем это и значит — снимаем» (А. Кондратович. Последний год. — НМ, 1990, № 2); Давайте перестанем темнить: или открыто называйте всех теперешних выжи, жажущих крови, проверяющих, до каких пор может простирается терпение людей, или так же честно, без эвфемизмов — «определенные силы», «система», «аппарат», «антиперестроечные элементы» — ратуйте за пришествие нового пахана, который всем определит роли, чтобы уж мы чувствовали себя не фраерами, а ворами в законе (ЛГ, 31.10.90).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По происхождению такие слова являются эвфемизмами. Однако, поскольку они обозначают действия и отношения, которые И. С. Кон назвал «принципиально невербализуемыми» [Кон 1988, 108], то, возникнув как эвфемистическая замена грубых номинаций, они тем не менее оцениваются большинством носителей языка как недопустимые в культурном общении.

² Например, вне нашего анализа остается использование эвфемизма в качестве литературного тропа. Ср. обсуждение этого вопроса в книге [Гинзбург 1991, 208—210]: «Словоупотребление русских вольнодумцев 20-х годов [XIX в.] не исключает ценности; оно их прячет, маскирует просторечием, шуткой, даже сквернословием. Так возникают своего рода эвфемизмы высокого. <...> Что такое — «глупо влюблен»? [у Пушкина] Это означает на самом деле — мучительно, безнадежно. Шуточное словоупотребление основано на несовпадении, оно достигает цели окольным путем. Слово не прилегает вплотную к реалии, между ними остается пространство, в котором рождаются колеблющиеся значения».

³ Г. Пауль называл в качестве причины возникновения эвфемизмов «чувство стыда», которое заставляет говорящего избегать обозначения вещей «их

собственными именами» и пользоваться «косвенными обозначениями» (Пауль 1960, 123).

⁴ Дисфемизм — это «замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным и т. п., напр. «загреть» вместо «упасть», «рассопливиться» вместо «заплакать», «сыграть в ящик» вместо «умереть», «осточертеть» вместо «надоеть» [Арапова 1990].

⁵ Это соответствует одному из сформулированных Г. Грайсом постулатов — постулату вежливости [Грайс 1985, 223]: стремление с помощью эвфемизмов избежать коммуникативного дискомфорта является частным случаем реализации этого постулата.

⁶ По-видимому, такое абсолютное употребление слова *учреждение* — результат отсечения номера подобного рода учреждений, который, как правило, ставится при слове *учреждение* в различных административных и юридических текстах: *учреждение № К/975-д* и т. п.

⁷ В 20-х годах оборот *высшая мера* имел иносказательное обозначение *Вера Михайловна* (подобно тому, как сочетание *советская власть* в «опасных» ситуациях кодировалось невинным именем-отчеством *Софья Власьевна*). Ср. более позднее по времени иносказательное сочетание *Галина Борисовна* для обозначения ГБ (= государственной безопасности): ...вольнодумство под опекой *Галины Борисовны...* (Сег., 12.05.94).

⁸ В последнее время, в связи с изменением ситуации в российской торговле: хоть и дорого, но можно купить практически все, — подобные выражения теряют свою актуальность.

⁹ Об особой роли иноязычных слов в «советском языке» писали С. М. и А. М. Волконские в книге «В защиту русского языка» (Берлин, 1928); в частности, отметили они, иностранные слова используются для того, чтобы камуфлировать страшные понятия: *экспроприация* (грабеж), *иллюминация* (поджог), *ликвидация* (расстрел), *террор* и т. п. Вообще иноязычная лексика чаще, чем «своя», фигурирует в качестве эвфемизма, «поскольку иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак 1967, 275].

¹⁰ По другой версии, *зэк* — от сокращенной записи: вместо *заклученный* — *з/к* (произносилось «зэка»); см.: А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, ч. 3, гл. 19.

¹¹ Ср. разряды эвфемизмов, выделенные Б. А. Лариным: 1) общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка; 2) классовые и профессиональные эвфемизмы; 3) семейно-бытовые [Ларин 1961, 122].

¹² Впрочем, дело здесь несколько сложнее (чем простое смещение оценок). Для представителя малокультурной среды слово *яйца* — прежде всего элемент обценной лексики и только во вторую очередь — обозначение продукта. Уменьшительное же *яички*, не являясь обценным, не только ощущается как более приличное название этого продукта, но и входит в ряд уменьшительных образований, используемых в просторечии в функции вежливых обозначений соответствующих предметов (*колбаска, огурчики* и под.).

¹³ Ср. слова А. А. Реформатского о том, что в жаргонах «эвфемистика служит целям тайноречия (криптологии)» [Реформатский 1967, 101].

ЛИТЕРАТУРА

- Арапова Н. С.* Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992.
- Боровой Л.* Путь слова. М., 1963.
- Варбот Ж. Ж.* Табу // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
- Видлак С.* Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология 1965. М., 1967.
- Гинзбург Л.* Претворение опыта. Л., 1991.
- Грайс Г.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Грачев М. А., Гуров А. И.* Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989.
- Жельвис В. И.* Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия. Докторская диссертация. М., 1992.
- Кёстер-Тома З.* Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика, 1993, № 2.
- Кон И. С.* Введение в сексологию. М., 1988.
- Крысин Л. П.* Из истории употребления слов *особый* и *специальный* // Русистика, 1990, № 2.
- Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Ларин Б. А.* Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л., 1961.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967.
- Скребнев Ю. С.* Мейозис // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
- Стернин И. А.* (ред.) Словарь молодежного жаргона. Воронеж, 1992.
- Файн А., Лурье В.* Все в кайф! Lena Production, 1991.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.
- Шмелев Д. Н.* Эвфемизм // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.
- Шор Р. О.* Язык и общество. М., 1926.
- Benveniste E.* Euphémismes anciens et modernes // Havers Festschrift. Wien, 1946.
- Bruneau Ch.* Euphème et euphémisme // Festgabe E. Gamilscheg, 1952.
- Crnek F.* Ze studiów nad euphemizmem w językach słowiańskich // Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie. 1928.
- Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue Française, par P. Robert (Le petit Robert). Paris, 1973.
- Havers W.* Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946.
- Leinfellner E.* Der Euphemismus in der politischen Sprache. Berlin — München, 1971.
- Paratesi M. G., de.* Semantica dell' eufemismo. Torino, 1964.
- Timroth W., von.* Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo Varieties of the Russian Language (Argot, Jargon, Slang and «Mat»). München, 1986.
- Zemtsov I.* The Lexicon of the Soviet Political Language. Epping, 1985.

ГЛАВА XI

Е. В. Какорина

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ОБЛИК ОППОЗИЦИОННОЙ ПРЕССЫ

Современные исследования нового политического языка выполнены, как правило, на материале демократической прессы. «Противоположно заряженные» области политического дискурса изучены мало, несмотря на их коммуникативную эффективность, концептуальную весомость (с точки зрения создателей теорий) и языковую специфику.

В работе анализируются недемократические, «оппозиционные» издания, противопоставляющие себя официальной прессе и легитимной власти. Материалом для исследования служили газетные издания различной степени оппозиционности: «Аль-Кодс», «День» («Завтра»), «Молния», «Наше время», «Оппозиция», «Пульс Тушина», «Русский пульс», «Русский собор», «Советская Россия», «Сокол Жириновского» и многие другие за 1991—1995 гг.

При всей неоднородности социальной и культурной ориентации (как правило, это органы оппозиционных партий и движений: патриотического, коммунистического, национал-патриотического, фашистского и др.) данные издания образуют достаточно целостную и специфическую в языковом отношении группу газет. Объединяющее их звено — активное неприятие и критика современного пути развития России, описывающегося в ключевых терминах «т. н. демократия», «дикий капитализм», «хищная буржуазия», «оккупация», «перевертыши» и др. Ср.:

«Криминально-компрадорская буржуазия в составе трех отрядов: спекулятивно-финансового капитала, коррумпированной хозяйственно-бюрократической верхушки и прозападно ориентированных заправил индустрии обработки мозгов [пришла к власти — Е. К.]» (Молния, 1993, № 62, 3).

Мы привели пример типичного текста оппозиционной газеты. Он содержит следующие характерные черты:

1) избыточную экспликацию ключевых терминов, описывающих референтную ситуацию: ориентацию общества на капиталистический тип государственного устройства и западную культуру;

2) обязательное сопровождение ключевых терминов отрицательными оценочными номинациями «криминально-компрадорская», «спекуля-

тивно-финансовый» и др., наряду с тем, что оценка как отрицательная коннотация и значимый компонент значения присутствует и в самих словах-терминах «верхушка», «заправила». Такой способ представления информации создает очень высокий уровень избыточности сообщения при одновременном сведении на нет области нейтральных речевых средств;

3) фиксированный, заранее заданный характер оценок и другой концептуальной информации, не обладающей свойствами новизны. Вероятно, ее релевантность для читателя заключается в манифестации узнаваемых оценок, в самом факте ее репрезентации в газете. Такая необходимость постоянно существует в условиях оппозиционности по отношению к другим, «демократическим» газетным изданиям;

4) редукцию фактологической, конкретной информации. Ср.:

«Это единственная газета, которая занимается просвещением в принципах, а не просвещением в факте» («За что люблю газету «День»; День, 1993, № 37, 3).

Преобладание интерпретации над фактом (функции речевого воздействия над информированием) можно рассматривать как возрождение старой традиции в новой прагматической ситуации (см. [Жагорина 1992]).

Понятно, что главная цель оппозиционной прессы — предложить свою, отличную от официальной, интерпретацию уже известных событий. Но чаще всего объектом обсуждения служат не актуальные события, а само «положение дел» — константные свойства и постоянные участники конситуации, например, темы «преступность», «коррупция», «первые лица государства» и т. п. Обычно эти темы раскрываются путем квазиреференцирования — приблизительного соотнесения высказываний с действительностью. Набор этих тем ограничен.

Неновая, неактуальная оценочная информация для газеты как рода словесности является разновидностью эрзац-информации. Яркая особенность оппозиционной прессы состоит в том, что она создает специальные новые жанровые формы для представления такой эрзац-информации, а также широко использует художественно-публицистические и фольклорные жанры: анекдоты, афоризмы, лозунги, «абсурдные рассказы», пародии, памфлеты и, наконец, стихи. Ср.:

Какая жуткая пора!
Как скуден и обед, и завтрак!
Как далеко от нас вчера,
И как ужасно наше завтра!
А был наш быт вчера здоров.

Мы не перечили закону.
 Смотрели на политбюро
 Как на вождя, как на икону.
 Шли к главной цели без дорог,
 Шли к коммунизму, а не в Мекку,
 Генсек был поважней, чем бог,
 И люди верили генсеку.
 Пришла пора тревог и бед,
 Стоят у власти супостаты.
 Распалась Русь. Державы нет,
 И нет в развале виноватых.

И. Куликов «Позор!» Гражданская поэзия
 (Молния, 1993, № 62, 4).

Как правило, в текстах «гражданской поэзии» (как и в газетных заголовках, «девизах» и лозунгах) в концентрированном виде эксплицируются ключевые термины словаря конкретного издания и оппозиционной прессы в целом.

Удельный вес названных выше жанровых форм в оппозиционных изданиях очень высок. Их спецификой является особый тип интенции — сарказм, в отличие от иронии, преобладающей в демпрессе.

Назовем некоторые новые жанровые формы, созданные оппозиционной прессой. В ряде газет существуют своеобразные «обзывалки». Спецификой их коммуникативного задания можно назвать инвективы, основанные на пародировании, обыгрывании имен первых лиц государства:

Сивый ерин.
 Чубаучер.
 Черномырдная рябина.
 Пол таранил.

Искаженные имена политических лидеров (Ерина, Чубайса, Черномырдина, Полторанина) используются в семантизированном виде в качестве самодостаточного стилистического средства и функционируют как законченные высказывания. Очевидно, авторы текстов учитывают большую иллокутивную силу сниженного пародирования имени собственного в условиях массовой коммуникации: официальности ролевого общения и *м а с с о в о с т и* адресата (при нормативно строгой регламентации данной семантической области). Вероятно, здесь уместно говорить не о случайном нарушении речевого этикета, а о сознательном следовании принципам антиэтикета.

Возникновение оппозиционной прессы связано с введением в политический дискурс таких принципов его развертывания (построения), как антиэтикет, антиэстетика и контрастная полисемия.

Не представляя собой специального предмета исследования, эти явления будут отчасти рассмотрены нами ниже. Основной объект нашего исследования — оппозиционная пресса как стилистический феномен — будет анализироваться на стыках «язык — речевая деятельность», «текст — стратегия его порождения», «слово — концепт».

Коммуникативно-речевые особенности текстов

Описание текстов оппозиционной прессы в терминах теории речевых актов позволяет выявить существенные свойства этих текстов, совпадения и различия коммуникативных типов высказываний, преобладающих в том или ином издании.

Типы речевых актов

Современные исследователи обосновывают необходимость разграничивать «описание мира и речевые действия» [Янко 1994], «сообщение, речевое действие и аксиологическое высказывание» [Рябцева 1994]. Такое разграничение может служить методологией анализа реального дискурса, в котором мы всегда встречаемся с наложением, слиянием речевых актов различного типа.

Сообщения и экспрессивы

В сфере массовой коммуникации (далее МК) все типы текстов, включая «прототипически» информационные жанры новостей, обязательно содержат не только сообщения, но и аксиологические высказывания или их компоненты. Это связано с ориентированностью любой информации в МК на воздействие. Ср., например, номинации, которые использовались в текстах-сообщениях о военных действиях на территории Чеченской республики и в демократических, и в оппозиционных изданиях: *война, конфликт, легитимное насилие, восстановление законности, меры по оздоровлению обстановки, помощь чеченскому народу // чеченская авантюра, чеченский ужас, бессмысленная братоубийственная война*. Стилистический отбор номинаций связан с эксплицитным или имплицитным выражением оценок. Для демократической прессы более характерны скрытое выражение авторской интенции, косвенные способы экспликации оценки в отличие от прямых способов, преобладающих в оппозиционной прессе. Демократическая

пресса выражает оценку особыми типами маскирующихся под «объективные» сообщения номинативных подмен, подменами модальности; ограниченно пользуется метафорическими средствами языка и эмоционально-оценочными средствами, отдавая предпочтение интеллектуальной оценке. В изданиях оппозиционной прессы почти элиминирован жанр новостей-сообщений, а инвариант соответствующих им высказываний тяготеет к противоположному полюсу речевых актов-экспрессивов:

«Кристофер встретился с “дорогим Андрюшкой”. Было все весьма прелюбопытно!» (об официальной встрече министра иностранных дел А. Козырева; Завтра, 1995, № 4, 1).

Появление подобного речевого акта не оправдано ни тематически (событие из *официальной* жизни), ни семантически (*рядовое* событие). Экспрессив соответствует интенции, заданной на уровне макротекста: ироничное отношение к представителям официальной власти.

Речевые акты-экспрессивы имеют строго ограниченную сферу функционирования в текстах демпрессы и практически неограниченную в текстах оппозиционных газет.

Интерпретирующие речевые акты (ИРА)¹

Рассмотрим официальное сообщение, которое было распространено по каналам ТВ в качестве опровержения предшествовавшей информации:

«Грозный не бомбили, а лишь отвечали адекватными действиями по подавлению боевых точек незаконных вооруженных формирований» (1-Останкино, РТ, НТВ, информационные выпуски 02.01.95).

Автор сообщения пытается завуалировать очевидный смысл исходного высказывания путем его семантического преобразования: обобщения, переименования, градации и др. (ср. [Кобозева, Лауфер 1994]).

Данный тип речевых актов относится к числу частотных для текстов МК. В демократической прессе преобладают собственно и н т е п р е т и р у ю щ и е речевые акты и ИРА в «в у а л и р у ю щ е й» функции. По-другому использует ИРА оппозиционная пресса. В них находит свое выражение общая стратегия построения дискурса с позиций глобального конфликта с собеседником-оппонентом, с позиций, исключающих поиск взаимопонимания или сближения концептуальных миров.

1) ИРА к о н т р а с т н о г о типа. Широко распространены высказывания, которые не модифицируют, а глубоким образом изменяют (заменяют) пропозициональное содержание исходного высказывания:

«Заговорили о финансовой стабилизации, *значит*, опять будут грабить народ» (День, 1993, № 8, 1).

Смысловое «разведение» высказываний подчеркивает связка «значит», выражая семантическое отношение тождества/следования, она проявляет, усиливает их контраст.

2) Высказывания, выражающие «интерпретацию иллокутивного намерения собеседника, его психического или физического состояния, причины осуществления им данного акта и других аспектов “модели собеседника” [Кобозева, Лауфер 1994, 64]. Этот тип интерпретирующих высказываний не рассматривается авторами цитируемой нами работы в качестве ИРА, однако для оппозиционной прессы он наиболее характерен:

«Сионистское “Радио России” обозвало сотни тысяч советских людей, собравшихся на Манежной площади, “подонками”. Да, для них, сионистов, мы подонки» (День, 1993, № 8, 1); «Видел наглых. Но так их!.. Пресс-секретарь президента поведал миру о т. н. провокациях коммунистов и националистов в день Первого мая...» (Пр. 04.05.93, 2); «Ю. Лужков утверждает, что в рядах демонстрантов шли боевики. Врите, да знайте меру! Сопротивлялись в основном пенсионеры, их, окровавленных, и выносили с поля боя» (там же).

Собеседник-оппонент становится, как правило, самостоятельным объектом оценки. Примечательно, что часто внимание оценивающего собеседника переключается с содержательных сторон высказывания на манеру произнесения речи, способ вербализации и т. п. Интерпретация «содержания» подменяется интерпретацией «формы». Сниженные оценочные гипонимы глагола «говорить» используются как стереотипное средство дискредитации собеседника.

«... Но самое страшное состоит в том, что русской речи на радио нет по существу. Эфир заполнил неживой, деревянный, квазирусский выговор: то как шершни, жужжат о Христе чужестранные проповедники, то твякает реклама, то визгливо воют дикие голоса перед программой “Начало”, то юродствуют фальшивые юмористы, то верещат девицы из столичного бомонда, а чаще всего, манипулируя фактами, оскорбляя заслуженных людей “совками”, “люмпенами”, “красно-коричневыми”, “фашистами”, разглагольствуют бесчисленные амбросовы и боровые...» (Сов. Рос., 27.05.93, 6).

Характер речевых действий

Спектр речевых действий, осуществляемых посредством текстов оппозиционной прессы, разнообразен и специфичен. Рассмотрим следующий текст:

«Ельцин, верни украденный Советский Союз!

Ельцин, где наши трудовые сбережения?

Ельцин, дети России проклинают тебя!

Ельцин, ветераны плюют тебе вслед!

Ельцин, уйди!» (День, 1992, № 50, 1).

Назовем речевые действия, которые соответствуют высказываниям, представленным в тексте.

Категоричное требование. Первые два высказывания однотипны по характеру речевого действия, но выражают его по-разному. Облеченное в форму вопроса высказывание «Ельцин, где наши трудовые сбережения?» равнозначно конструкции с глаголом в повелительном наклонении «Ельцин, верни наши трудовые сбережения!».

Третье высказывание соответствует акту проклятия. Примечательно, что здесь особым образом конструируется мнимый, собирательный субъект действия «дети России». Очевидно, что, по мнению автора высказывания, этот прием усиливает эффективность данного речевого действия.

Четвертое высказывание представляет собой речевой заместитель в речевого действия «плюют», которое может осуществляться и как физическое действие, и как мысленное действие — выражение крайней степени презрительно-неодобрительного отношения к кому-либо.

Последнее высказывание аналогично двум первым и является своеобразным итоговым, завершающим композиционное построение текста, компонентом.

Обособленность таких высказываний-действий подчеркивается специальными графическими средствами их выделения в тексте газетного издания.

Многократное повторение названных выше действий, апелляция к массовому адресату, построение речи от лица массового адресанта («дети России», «ветераны») способствует их эффективности. Другие условия успешности речевых действий: фактор наделенности полномочиями для их совершения, реальность коммуникативного контакта с объектом действия и т. п., по-видимому, неадекватно оцениваются субъектами данных речевых действий.

В условиях пространственно-временной разделенности объекта и субъекта речевого действия (адресата и адресанта речи) газета часто используется как единственно доступная сфера коммуникативного контакта. Понимание информационного воздействия как формирования мнений и ценностей или как прямого побуждения к конкретным действиям глубоко различает демократическую и оппозиционную прессу.

Побуждения

Многочисленные речевые акты-побуждения выполняют в газете разнообразные функции, выраженные соответствующими иллокутивными глаголами и другими языковыми средствами.

Ср. газетные заголовки:

«*Вставай, страна огромная!*»

«*Офицеры требуют: обращение к Верховному Совету РФ.*»

«*Заключительная резолюция — предостережение всенародного митинга*» (День, 1993, № 8, 1).

«*Кто же, если не мы, прищемит хвост жовто-блакитной крысе?!*»

«*Остановить бандитов!*» (Наше время, 1992, № 13—14)

«*Возродим великую державу*»

«*Предотаратим угрозу демократии и конституционному строю в России*» (Сов. Рос., 1993, № 112).

«*Все на борьбу с ельцинизмом!*» (Молния, 1992, № 47).

В оппозиционной прессе широко представлены такие коммуникативно-речевые типы текстов, как лозунги, воззвания, обращения, неспецифичные для демократических изданий.

Декларативы и вердикты

Многочисленные «решения» и «постановления», заполнявшие страницы газет советской эпохи, казалось бы, навсегда ушли в прошлое. Однако оппозиционная пресса наследует и отчасти возрождает эти речевые жанры, наполняя их актуальным содержанием. Ср. текст под названием «*Анафема!*»:

«*Народный трибунал по делу экс-президента СССР Горбачева М. С. вынес свой приговор: предать Горбачева М. С. всенародному презрению и вечному проклятию. Статьи УК, по которым он признан виновным, требуют для него высшей меры*» (День, 1993, № 8, 1).

Другой пример:

«*Решение суда чести*»

... Совокупность осознанных, добровольных действий и бездействий Грачева П. С. убедительно доказывают, что он:

1) Умышленно нанес ущерб своей Родине ...

2) Полностью отрекся от данной им военной присяги ...

3) Презрительно относится к неминуемой суровой каре по советскому закону, всеобщей ненависти и презрению советского народа ...

... офицерский товарищеский суд чести Всеармейского офицерского собрания РЕШИЛ:

Обратиться в Верховный Совет РФ с ходатайством об отстранении Грачева П. С. от должности...» (День, 1993, № 8, 1).

Данные тексты построены по жанровым стандартам официально-деловых текстов. Исходный каркас наполняется ключевыми терминами: «*передать вечному проклятию*», «*суровая кара по всеобщей ненависти*». Действие приписывается фиктивному субъекту «*народный трибунал*», «*суд чести*». Ср. также такую авторизацию высказывания или текста как «*митинг*», «*народ*» или «*история*»:

«Мы — народ, хозяин этой страны, с нами наша народная армия. Мы заявляем, что готовы действовать. Мы победим!»;

«История предоставляет Вам последний шанс мирно уйти, передав власть в стране ее патриотам» (День, 1993, № 8, 1).

Несмотря на очевидную вторичность, неспецифичность для МК текстов данного коммуникативно-речевого типа, они активно используются оппозиционными изданиями. Коммуникативная эффективность (иллокутивная сила) подобных «*заявлений*», «*постановлений*» и «*анафем*», «*проклятий*» может оцениваться «*демократическим*» адресатом как нулевая и «*оппозиционным*» адресатом как очень высокая.

Речевые акты-установления практически отсутствуют в демократической прессе (исключение составляют случаи прямой цитации официальных документов).

Выводы

Коммуникативные особенности текстов МК в общем виде можно обозначить следующим образом:

1. демократическая пресса: преобладают сообщения и оценочные речевые акты, речевые действия отсутствуют;

2. оппозиционная пресса: в соотношении «*сообщения — оценочные речевые акты — речевые действия*» типологически выделены оценочные речевые акты и речевые действия.

Семантико-стилистические особенности текстов оппозиционной прессы

Именованье и переименование

Отмеченная выше коммуникативная особенность текстов: преобладание интерпретации над информированием находит выражение в соответствующих стратегиях построения текста и принципах создания номинаций. Интенция автора «*комментировать уже известные события или общую референтную ситуацию*» подменяет собой интенцию

«информировать о новых событиях». Такая интенция оформляется в художественно-публицистических жанровых формах (памфлеты, фельетоны, басни, «гражданская поэзия» и т. п.), а также в псевдоинформационных жанрах, унаследованных из газетного узуса 50-х—80-х годов (передовая статья), или вновь созданных.

Особенностью преобладающего в оппозиционной прессе оценочно-го комментирования является и то, что «своя» интерпретация обязательно противопоставляется «чужой», превалирующей в официальных демократических изданиях (о семиотической категории «свое»/«чужое» и ее роли в политическом дискурсе см.: [Рождественский 1974; Какорина 1992]). Следовательно, любой тип сообщения в таких текстах содержит элементы вторичной интерпретации и строится в большей или меньшей мере как *п е р е и м е н о в а н и е*. Ср.: «Мы сегодня не только говорим, но и слышим (!) “на разных языках”, на разных тезаурусах. И не только из-за неинтеллигентности, но и потому, что объективно, в самом языке налицо процесс “омонимизации”, “контрастивной полисемии” (не знаю, как точнее его обозначить)» [Григорьев 1991, 44]. В процессе развертывания текста происходит как бы *п е р е в о д* исходного сообщения на язык «своих» ключевых терминов.

Ключевые слова

В качестве ключевых слов или терминов могут выступать коннотированные частотные единицы текста (слово, сочетание слов), несущие концептуальную информацию. Обычно такие элементы высказывания или текста концентрируют в себе соответствующие понятийные стереотипы. Рассмотрим несколько примеров:

«Итак, *Е. Б. Н.* резко активизировал непосредственную подготовку к самому сложному съезду в своей жизни. *Главарь ВОРa (временного оккупационного режима)* активно выступает, встречается с *разношерстной политической публикой*» (День, 1993, № 9, 1).

«*Враг* в доме, пахан в суде, растлитель в школе. *Нашим* парням бреют лы и отсылают в Сербию *воевать за Америку*. *Наших* дев скупают и отправляют в *заморские бордели* <...> *Чужая разведка* правит бал. Идут *война*, мор, и зимой станут взрываться котлы и реакторы <...> В России хорошо только крысам и воронью» (День, 1992, № 43, 1).

«Прослышали *заморские* Звери про Терем-Теремок. “Как же там, в такой тесноте, но в дружбе и согласии живут?” «Давайте-ка перессорим всех жителей Теремка, а сами *завладеем их богатством*”, — задумали *Гости* <...> Зимой, как только Медведь лег в спячку, Лиса и Волк

задумали в Тереме провести реформу, то бишь *перестройку*» («Реформаторы» (басня), Молния, 1992, № 47, 4).

«Огладивши *Борьку*
остатней дубинкой,
Мы выйдем из *ямы*
зловонного рынка,
И дом наш родимый —
Союз и Россия
Жить станет богато,
достойно, красиво!»

(«Поэзия *баррикад*» А. Крылов, День, 1993)

«Ощущение такое, что живем уже в США. На улицах, в газетах, везде — американская реклама, предлагающая проповедовать, принимать этот образ жизни <...> А как я могу это взять себе за основу, если люблю свой край, свою природу, все, что меня окружает. С самого детства это все со мной и я «*наш*», а не «*их*» <...> У них — *бизнес*, а наш «*бизнес*» — *спекуляция*» («Письма *борьбы*», День, 1993, № 45, 6).

Во всех приведенных выше текстах, представляющих характерный набор жанров оппозиционного издания: псевдоновости, басня, стихотворение, письмо, их авторы пользуются специфическими ключевыми словами, входящими в тезаурус адресантов и адресатов оппозиционной прессы. Например, вместо нейтральных этикетных наименований «президент», «президент Б. Ельцин» используются узуальные оценочные номинации *Е. Б. Н.*, *Борька*, *главарь оккупантов*. Прямая номинация «правительство» практически никогда не используется (это слово из «чужого» тезауруса, оно может употребляться только как цитата). Ей соответствуют номинации *ВОР* (*временный оккупационный режим*), *коллективный Распутин*, *окуп-власти*, *предатели*, *изменники*, *оборотни* и др. Создание специальных лексикализованных аббревиатур, функционирующих одновременно и как простое, и как сложносокращенное слово (*Е. Б. Н.*, *ВОР*), отвечает целям использования семантически нагруженных номинаций, что является характерной чертой текстов оппозиционной прессы. (Аббревиация как средство создания экспрессии рассматривается также в разделе «Активные процессы современного словопроизводства» этой книги.)

В отношении других приведенных выше примеров ключевых слов *война*, *мор*, *враг*, *чужая разведка*, *заморские гости*, *яма зловонного рынка*, *Союз*, «*наши*»/«*их*», *бизнес*/*спекуляция* и т. д. следует подчеркнуть, что все они принадлежат к числу узуальных стереотипизирован-

ных языковых средств, регулярно использующихся в оппозиционных изданиях.

Особенности процесса переименования и состав ключевых терминов

Охарактеризуем некоторые семантико-стилистические явления, связанные с переименованием.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА РЕФЕРЕНЦИИ

Как правило, одновременно с переименованием происходит перевод конкретного сообщения на более абстрактный уровень референцированности. Это связано с классическими «демагогическими» приемами семантического преобразования высказывания: генерализацией сообщения и «мультипликацией» описываемых действий или событий (см. [Николаева 1988, 157—158]). Сравните:

«Нашими тайнами и секретами завладел враг.

Наши писатели умирают с голоду.

Из наших музеев воруют иконы.

Наших девушек учат быть проститутками.

Наших юношей поощряют стать спекулянтами»

(День, 1992, № 43, 2).

Эффект «мультипликации» событий создается в данном случае благодаря употреблению глагольных форм настоящего времени постоянного действия (*умирают с голоду, вороват иконы*), посредством чего однократное действие представляется как многократное и типичное. Имеет место также гиперболизация, выраженная номинативной подменой *испытывать финансовые трудности — умирать с голоду*, и другие виды семантических трансформаций пропозиционального содержания высказывания. Эффект «мультипликации» усиливают анафорические элементы высказываний (*нашими, наши* и т. д.).

Основная особенность процесса переименования состоит в «квазиреференцированности» — неточном, приблизительном соотношении высказывания с действительностью, в ориентации адресата на абстрактный референт (группу возможных референтов), на референт, отсутствующий в реальности, что было типичным явлением в газетном узусе 50-х—80-х годов.

АКТУАЛИЗАТОРЫ ЗНАЧЕНИЯ

В почтовой дискуссии «О состоянии русского языка современности» В. П. Григорьев обратил внимание на существование различных

тезаурусов у носителей языка — участников МК. «Слова одни и те же: рынок, перестройка, совесть, духовность, русская идея, порядочность, эксплуатация, нравственность и т. д. А смыслы различны до полярности» [Григорьев 1991, 44]. Что же позволяет носителям языка безошибочно ориентироваться в значениях слов в условиях «контрастивного» словоупотребления и различать множество концептуальных стандартов, стоящих за «одними и теми же» словами?

В том случае, если слово из «своего» словаря формально совпадает со словом из «чужого», омонимия обычно снимается посредством использования специальных актуализаторов. В качестве таких актуализаторов, относящих именуемый объект к миру «своего» или «чужого», и восстанавливающих нужное значение слова, обычно выступают оценочные эпитеты или модальные слова. Ту же функцию выполняет знак кавычек. Ср. *бессовестные «господа демократы», т. н. демократы, хищная / плодящаяся / бешеная буржуазия, танковая демократия, тухлые демократические ценности.*

Нередко политические противники обмениваются наименованиями, за которыми закреплена отрицательная коннотация, ср.: «*перестройка*» *красного фашизма, коммунофашизм, иудокommунисты, дембольшевизм* [о демократах]. Прием подобного именованья может оформляться в специальных синтаксических конструкциях, призванных создавать эффект синонимичности контрастных номинаций:

«Сейчас *либералы*, а если точнее говорить, то *правые*, или, попросту, *реакционеры*, сбросили с себя маски *демократов*» (И.Полозков «Наш выбор на перепутье», Сов. Рос., 02.02.1991, 2).

СОСТАВ СЛОВАРЯ

Большую часть словаря оппозиционных политических движений составляют специфические ключевые термины. Газетный узус оппозиционных изданий представляет собой сферу активного словотворчества, в которой узуальные и окказиональные новообразования создаются не в целях игры (что характерно для демократической прессы), а в целях конструирования автономного кода для именованья явлений действительности. Такие ключевые номинации совмещают в себе номинативную и экспрессивную функцию.

а) Ключевые термины, созданные на основе ключевых слов из «чужого» тезауруса.

Рассмотрим некоторые наименования, имеющие квазисинонимичные соответствия в словаре демократической прессы:

гайдарономика — рыночная экономика, экономические реформы, проводимые Е. Гайдаром, оцененные резко отрицательно: Ср.:

«Сущность *гайдаризации экономики* сводится к легализации и узакониванию многообразных форм нетрудового обогащения. Спекуляция, коррупция, бандитизм и взбесившиеся цены — вот что заметнее всего в результате преобразований» («Поперек капитализма», День, 1993, № 17, 4).

прихватазация — программа *приватизации* государственной собственности, оцененная как «разграбление» национального достояния. Ср.:

«Все преобразования сводятся к тому, чтобы вместо тоталитарного режима с казарменной экономикой получить тот же тип власти с криминальной экономикой, нацеленной на широкомасштабную номенклатурную “*прихватазацию*” собственности, обнищание подавляющей массы трудящихся, разбазаривание богатейших природных ресурсов с общим развалом страны в итоге» (там же).

чубаучер — термин образован наложением слов *Чубайс* и *ваучер*, он используется и для именованя конкретного лица (Чубайса), и для общей отрицательной характеристики процесса приватизации.

Примеры можно было бы продолжить, но уже на данном материале мы видим, что ключевые термины с разной степенью эксплицитности выражают концептуальные стереотипы носителей языка (наиболее эксплицитна номинация *прихватазация*). Для создания ключевых терминов используются разнообразные словообразовательные ресурсы языка.

Особенно частотны новообразования на основе сложения, отвечающие требованию семантической компрессии номинаций: *демокрады*, *дерьмократы*, *демпауасы*, *дембанда*, *демпроститутки*, *демунисты* (наложение слов *демократ* и *коммунист*, номинация соотносима с оцененным словом), *уудокоммунисты* и т. п. (о демократах). К нейтральному наименованию присоединяется слово или основа, несущие оценку, в результате чего вся номинация превращается в оценочную. При этом совмещается объект оценки и его характеристика. Характеристика «приклеивается» к объекту оценки.

Интересны случаи соединения слов различных стилистических регистров языка (*дерьмократы*) или примеры оформления книжной основы по разговорной словообразовательной модели (*демшиза*).

Со стилистической точки зрения представляют интерес факты неузального использования активных словообразовательных моделей:

«... крестьянство наше пережило революЦИИ, коллективизаЦИИ, индустриализаЦИИ, переживает инфляЦИЮ, реорганизаЦИЮ, то есть постоянно находится в каких-то экстремальных ЦИЕВЫХ условиях. И сквозь этот туман ЦИЕВЩИНЫ никто и видеть не хочет главную фигуру — мужика» (Завтра, 1994, № 31, 5).

Отметим многоступенчатую мотивацию слова *циевщина*: этап лексикализации омонимичного форманта *ця* дает прилагательное *циевий*, которое, в свою очередь, служит мотивирующим для существительного *циевщина*. Значение созданного на основе аффиксов окказионализма в основном равно неодобрительной оценке, приложимой к любому (?) общественному явлению. Словоупотребления подобного рода свидетельствуют о рефлексивном характере пользования языком в условиях МК.

б) Ключевые термины — собственные имена лиц.

В употреблении собственных имен лиц различаются факты двух типов:

- семантизация самого имени собственного;
- семантически неопределенное именование явлений действительности посредством имен собственных.

Именование общественных деятелей — политических противников связано с обыгрыванием их имен, что является демонстративным нарушением речевого этикета в данной сфере коммуникации: *маршал Челпиков* (Шапошников), *Рыбкин-Килькин* (Рыбкин), *Шубейкомыш* (Шумейко) и т. п.

Целям общеоценочной номинации («хороший» — «плохой») отвечает использование собственных имен в функции актуализаторов семантически неопределенного аксиологического значения:

«Разве не видно, что правительство сознательно *бурбулит и гайдарит, чубайсит и шахрает* — Россию добывает?» (День, 1992, № 43, 6). Действие названо по имени его агенса, фиксирован лишь знак общей оценки, поэтому оно нуждается в конкретизации «добывает». Сравните также:

«ОППОЗИЦИЯ — готовится объявить правительству **ШАХРАЙ**, отгаскать его за **ЧУБАЙС** и надавать по **ЧЕРНОМЫРДИН**» (Калининградская правда, 11.02.1995, 3).

Частичная семантизация имен собственных, создание на их основе слов-экспрессем, значение которых равно в основном отрицательному отношению субъекта речи к именуемому явлению — характерная стилистическая особенность языка оппозиционных изданий.

в) Ключевые термины — образные номинации.

П р я м ы м номинациям одного и того же объекта, события политической жизни, используемым в демократической прессе, часто соответствуют о б р а з н ы е номинации из словаря оппозиционной прессы. Язык образных средств здесь чрезвычайно богат и разнообразен, т. к. он предпочтителен для выражения аксиологических значений. Процесс функционирования оценочных образных номинаций не

регламентируется в соответствии с коммуникативно-речевыми (жанровыми) параметрами текстов, как это происходит в демократических изданиях. Использование образных средств в «оппозиционном» политическом узусе обусловлено действием более общих факторов: семантическая область «своего» связана с равномерным распределением прямых и образных наименований, в то время как семантическая область «чужого» — сфера сосредоточения образных наименований, несущих отрицательную оценку.

Например, прямой нейтральной номинации *осуществлять реформы* соответствует образная *напяливать заморский кафтан*, прямому обозначению *голосовать за «демократического» депутата* — *отдать душу дьяволу*. Ср. также соответствия термина «перестройка» из словаря оппозиционной прессы: *смутное время, период междуцарствия, третья мировая война*. Многие образные наименования носят узуальный характер, сравните другое языковое наполнение приведенной выше метафорической модели:

«Именно эта группа занимает наиболее жесткие позиции в чеченском кризисе, и именно она требует от Е. Б. Н. быстрее *переодеться в квазипатриотический халат*» (Завтра, 1995, № 2, 1).

Специфика образных номинаций отражает типичные признаки современных явлений, своеобразие концептуального мира и языковой вкус носителей языка данной социальной группы. Ср. именование общественных деятелей: *убийца СССР* (о Горбачеве), *алкоголиссимус, руководящий стакан* (о Ельцине). Пример развернутой метафоры:

«Я никогда не смог бы уехать за границу и жить там. Как нельзя *колхозного поросенка* выпускать в лес. Да, в *свинарнике* плохо, там матом ругаются, там грязь и вонь, рацион скудный, но в *лесу* — *волки*, в *лесу* — борьба за существование, там *поросенок* вообще не выживет. И я не могу без СССР, без всего того, что у нас делается, я не знаю другого образа жизни. А сейчас все население практически оказалось в *лесу*» (В. Солоухин «В демократию я не верю!», Завтра, 1995, № 4, 8).

Характерно построение образа в соответствии с оппозицией «свое» — «чужое» (*свинарник* — *лес*), отражающее концептуальный стереотип: противопоставление социалистического и капиталистического образа жизни на основе признака «борьба за существование». Узуальный отрицательный образ «свинарник» — «место/помещение, в котором грязно» неожиданно осмыслен положительно. Ср. также родственную метафорическую модель из современного политического дискурса: *помойная яма имени Ельцина* (о России).

В основе образов лежат специфические для картины мира носителей языка данной социальной группы семантические признаки, конно-

тации именуемых явлений действительности. Например, для других областей функционирования языка нехарактерны метафорические соответствия политическая деятельность — сексуальная сфера человека. Ср.:

«...единую и неделимую» [страну] в августе 1991 года оглушили, потом трое затащили ее в Пущу, там изнасиловали и закопали» (Русские ведомости, 1993, № 12, 1).

Типичными для оппозиционной прессы являются и образные осмысления «группа политических деятелей» — «насекомое»: *тараканы, саранча, трупные черви* (о демократах); «политический деятель» — «животное, птица»: *хищники, псы, собаки, свинья, ястребы, планктон* (о демократах). Приведенные примеры политических метафор относятся к числу частотных образов в текстах оппозиционных изданий.

«Мы в цепких лапках *врагов*, которые *когтят* нас, *выцарапывают* нам глаза, сердце, печень» (День, 1993, № 43, 3).

«*Сатанисты* колят на телеэкране *свинью*, называя ее Россией» (там же, сохранена орфография оригинала).

В целом можно сказать, что образный мир оппозиционной прессы несет в себе черты «эстетики безобразного», в котором гипертрофирована область отрицательных оценочных номинаций.

В данной работе была рассмотрена лишь часть языковых явлений, связанных с функционированием оппозиционных газетных изданий. Например, за пределами нашего внимания остались «аналитические» жанры оппозиционных изданий — тексты, в которых манифестируются концепции политических движений. Мы попытались представить пунктирный очерк оппозиционной прессы, обозначив ее характерные стилистические черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вслед за И. М. Кобозевой, Н. И. Лауфер мы называем ИРА «высказывания, выражающие понимание (интерпретацию) пропозиционального содержания предшествующей реплики собеседника» [Кобозева, Лауфер 1994]. В современном политическом дискурсе существует особый тип ИРА, осуществляемых в условиях пространственно-временной разделенности собеседников. Дистантность собеседников, по нашему мнению, не изменяет тип речевого акта, влияя на условия успешности речевого акта и конкретные способы его воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В. П. Материалы почтовой дискуссии по проблеме «состояние русского языка» // Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад

на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии. М., 1991.

Какорина Е. В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени (Трансформация семантико-стилистической сочетаемости). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1992.

Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Рождественский Ю. В. Об одном из приемов семиотического анализа текстов массовой информации // Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М., 1975.

Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

Янко Т. Е. Описание мира и речевые действия // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.

ГЛАВА XII

Е. И. Голянова

УСТНЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ДИАЛОГ: ЖАНР ИНТЕРВЬЮ

Подлинное свое бытие язык обнаруживает
лишь в диалоге.

Л. В. Щерба

Вводные замечания

Для русского языка 90-х годов XX столетия, отражающего в своем «зеркале» новую общественно-политическую и экономическую ситуацию в России, характерны процессы, ведущие к изменениям в структуре и содержании многих жанров речи, к их перераспределению на шкале значимости и употребительности.

Современная действительность создает большое разнообразие коммуникативных ситуаций. Одной из самых активных форм коммуникации в наши дни становится устная публичная речь и в первую очередь — публичный диалог (в дальнейшем в работе используется сокращение ПД).

Еще десятилетие назад публичный диалог сводился, в основном, к нескольким традиционным типам: диалог в суде, общение учителя и ученика на уроке, интервью, научные дискуссии и нек. др.¹ ПД типа «интервью» были достаточно стереотипны, вместо живого непосредственного общения в них обычно представлены были клишированные, типовые вопросы и типовые ответы. «Типовыми» были и сами интервьюируемые: передовой председатель колхоза, доярка, директор ВДНХ, заслуженный артист, заслуженный строитель, спортсмен и т. д. Один из известных публицистов, журналист с большим стажем интервьюера, так вспоминает те годы: «Переступить порог парадности... было чрезвычайно трудно. Как-то я пытался взять интервью у одной передовой доярки, старался ее разговорить, рассмешить даже, но она сыпала в микрофон готовыми блоками: “вместе со всем народом... по зову... к великим свершениям... неуклонно повышая удойность...” Меня это не устраивало, и, когда я сбил ее окончательно, она, побагровев, потребовала: “А ну покажь удостоверение! Ты самозванец нахальный, не корреспондент. Как надо говорить, я без тебя знаю. Меня уже сто раз по радио давали...”» (Журналист, 1989, № 6).

Действительно, публичный диалог имел достаточно искусственные, заранее заданные формы. Фактически это были в той или иной степени подготовленные, запрограммированные монологи. Эпоха гласности ознаменовалась тем, что на смену выражению официального, «хорового» единомыслия и соответствующим языковым стереотипам пришла возможность свободного обмена мнениями, отсюда — и языковая раскрепощенность, раскованность, свобода в выборе и содержания, и формы. Монологизированные отношения оттесняются диалогическими, и возникает широкое поле публичного диалога. Это значительная и динамичная сфера современной публичной речи, все расширяющаяся и обогащающаяся все новыми видами и разновидностями.

Наряду с «малыми формами» типа коротких уличных интервью возникают разнообразные «беседы за круглым столом», «разговоры с интересным собеседником», «диалоги в прямом эфире», просто «диалоги», отраженные средствами массовой информации².

В последние годы российское телевидение и радио представляли серии передач, которые по сути и по форме являются диалогами на разные темы: «Телевизионное знакомство», «Взгляд», «Лицом к городу», «Вечер с Владимиром Познером», «Мы», «13-й вопрос», «Тема», «Человек недели», «Без ретуши», «Момент истины», «Бомонд», «Случайная встреча», «Люди» и др.

Подобный тип публичных бесед можно отнести к многоликому жанру «интервью», так как основная цель их — получить информацию «из первых рук», привлечь внимание к определенной проблеме (или лицу).

Интервью обычно определяют как беседу журналиста с каким-либо лицом или группой лиц, представляющую общественный интерес и предназначенную для передачи в средствах массовой информации³. Уместно здесь показать, как воспринимают этот жанр сами журналисты. Известный репортер Георгий Фере пишет: «Нетрудно догадаться, что жанр интервью — тема неохватная... Ведь интервью бывают короткие и пространные, сенсационные и эксклюзивные... проблемные или портретные, панегирические или разоблачительные, официальные и чисто рекламные, косвенные (в форме рассказа-очерка) и юмористические... Любое интервью хорошо уже тем, что мы получаем информацию из первых рук» (Журналист, 1991, № 4, 41).

Обсуждая разнообразные проблемы современной действительности на страницах своего профессионального журнала, сами специалисты задаются, например, такими вопросами: «Почему отечественная журналистика стала так нещадно эксплуатировать жанр интервью?»... «Эпоха гласности отпустила на свободу язык и поведение репортера,

шаблоны заменяются импровизацией... существуют ли какие-то этические пределы, когда Вы задаете вопросы?» «Вас не смущает “брутальная” (грубая) журналистика?»

Характерно, что ответы даются очень разные, иногда — совершенно противоположные. Вот одна, достаточно распространенная точка зрения: «Мне кажется, что популярность жанра связана с тем, что люди расковались... Я говорю о звучащем интервью, так как работаю в этом жанре. В интервью неожиданность обязательно нужна. Собеседник не должен знать следующего вопроса. Интервью — это разговор, где один другого провоцирует на неожиданное. Можно сравнить интервью с пинг-понгом: шарик летает туда-сюда мгновенно, обе стороны демонстрируют быстроту ума... Есть два вида интервью: когда вы просто вынимаете из человека то, что вам нужно, и другое — «интервью-портрет», когда вы имеете целью показать самого человека, когда все, что он говорит, интересно. Но для этого тоже надо быть интересным собеседником... Об этических пределах. Я — за журналистскую раскованность, но не распоясанность»⁴.

Мы привели здесь достаточно большой фрагмент высказывания (из «интервью с интервьюером»), так как во многом эти ответы типичны для журналистов среднего, скажем так, поколения, осознающих этот жанр как свое профессиональное дело, работу, которую они стремятся сделать оптимально. Показательно, что репортер говорит и о форме, и о методе ведения разговора, который характеризует именно «сегодняшний», новый тип диалога: известна тема, но нет трафаретных, заранее написанных вопросов и ответов (по типу: «сначала завизируй, потом импровизируй»), достаточная открытость, откровенность собеседников, свобода, раскрепощенность языка (которая, кстати, проявилась и в этих ответах — характеристиках, ср.: «вынимаете из человека то, что вам нужно», «качать информацию» и т. п. Подобные выражения, правда, ради объективности, можно отнести к «профессионализмам»).

Структурно-композиционная характеристика современного публичного диалога

Какова же структура современного интервью? Каковы наиболее активные частотные типы и разновидности этого жанра устной публичной речи (УПР)? Каковы, наконец, лингвистилистические особенности текста современного публичного диалога?

Главная характерная черта нашего времени — полифония публичного диалога, которая проявляется:

- 1) в большом разнообразии тем,
- 2) в многоликости, многоголосье собеседников,
- 3) в связанном с этим большим разнообразии языковых и стилистических средств.

Структурно-композиционные черты ПД-интервью остаются достаточно стабильными: зачин — основная часть — концовка. Основной единицей коммуникативно-речевой структуры диалога считается реплика⁶, которая, сцепляясь с другой репликой, создает диалогическое единство (ДЕ), понимаемое как «обмен двумя высказываниями, из которых второе зависит от первого, порождено им и в своей языковой форме отражает эту зависимость» [Шведова 1958, 115]. Среди разных типов ДЕ выделяются, например, такие: вопрос — ответ, вопрос — контрвопрос, побуждение — вопрос, побуждение — повествование, повествование — побуждение и др. Для ПД-интервью наиболее характерно вопросно-ответное диалогическое единство. Объем реплики и самого ДЕ понимается и толкуется исследователями неоднозначно⁶, в связи с чем не является единым и толкование понятий «диалог» и «монолог». В некоторых случаях длина и автономность содержания реплики дают основание определять ее как самостоятельный монолог (см. об этом: [Виноградов 1963; Бахтин 1979; Гельгардт 1971] и др.), «монолог в диалоге», «монологизированный диалог». Существование «разных форм смешения и взаимодействия монологической и диалогической речи» [Виноградов 1963, 24] не устраняет, однако, возможности и даже необходимости как-то охарактеризовать и классифицировать типы ПД и, в частности, выделить определенные разновидности ПД-интервью.

В основу классификации могут быть положены разные признаки, от чего будет меняться общая характеристика современного интервью («И»). Так, одна из схем предполагает следующее деление: «И» — монолог, «И» — сообщение, «И» — зарисовка, «И» — мнение. Другой вариант классификации предполагает учет таких параметров: 1) характер организации «И» (опрос, анкета, пресс-конференция); 2) тип материала (информационные и личностные); 3) характер, тематика беседы (политика, происшествия и т. п.) (см. [Барманкулов, 1974; Мыслова 1979] и др.).

Наиболее рациональной классификацией является выделение двух типов интервью: «И» — проблемные, «И» — портреты. Именно об этих типах говорят и сами интервьюеры (см. выше).

Неоднозначно воспринимается и среди исследователей, и среди журналистов вопрос о пространстве интервью, о том, какие формы ПД относятся к «И». Пожалуй, самым распространенным мож-

но считать взгляд на интервью как на «свободную беседу», тема которой представляет общественный интерес и предназначается для передачи в средствах массовой коммуникации, причем этот диалог может быть заранее записан или идти в прямом эфире⁷.

Коммуникативные типы интервью

Сказанное выше является своего рода «введением в контекст» нашей темы. Рассмотрим некоторые виды современного ПД, учитывая материал постоянно представленных в наших «масс-медиа» передач типа «Лицом к городу», «Момент истины», «Бомонд», «Случайная встреча» и другие.

Главная отличительная особенность таких диалогов-интервью — общественно-политический «вес», статус их участников, и — отсюда — их «нетиповой», личностный характер. Это связано не только с тем, что адресаты (интервьюируемые) известны и интересны широкой публике как активные политические или государственные деятели, деятели науки, искусства, представляющие разные части «спектра» современной общественной жизни, но и с тем, что и адресанты (интервьюеры), как правило, яркие личности, известные журналисты, ведущие оригинальных теле- и радиопрограмм. Это, кстати, подчеркивают иногда и сами названия передач: «Вечер с Владимиром Познером», «Час Шугаева», «Приглашает Борис Ноткин», «Воскресенье с Дмитрием Дибровым», «Киносалон Ольги Галицкой» и др.

Такая важная черта коммуникативной ситуации, как относительное «равноправие», равенство социальных ролей собеседников (адресата и адресанта) создает особую тональность, особый новый тип публичного диалога⁸.

Каждая такая передача имеет свой «имидж», свой речевой облик, который во многом создается ведущим, что не противоречит и не мешает проявляться «принципу сотрудничества», который выдвинул Г. Грайс⁹.

Однако успешность, результативность этих диалогов зависит не только от личности «собеседников» (их возраста, языковой и общей культуры, манеры речи, стиля поведения — существенно не только «что» спрашивается, но и «как»), но, что особенно важно, от наличия общей апперцепционной базы собеседников. Только в этом случае может возникнуть оптимальный речевой контакт и условия для коммуникативной «удачи»¹⁰.

В публичных диалогах партнеры могут вести свои «речевые партии» по-разному, что связано и с фактором темы, и с личностью собе-

седников, с их коммуникативно-речевой стратегией и тактикой, с языковым обликом говорящих.

В диалогах, которые мы рассматриваем, возникает несколько коммуникативных и, следовательно, речевых позиций. Выделим три наиболее типичные.

1. Партнеры по диалогу выступают как равноправные собеседники (и с социальной, и с языковой точки зрения). Яркий пример — цикл телевизионных передач под названием «Диалог», участниками которого являются публицист, доктор философских наук Ф. М. Бурлацкий и политолог, доктор экономических наук Г. Х. Попов (ср. также «Встречи» кинорежиссера Эльдара Рязанова с разными интересными людьми на телевидении). Подобные диалоги-беседы интересны сами по себе и как иллюстрации к речевым «портретам» наших современников.

2. Интервьюер — один из представителей журналистов «новой волны», один из популярных «новых», известных своей психологической и языковой раскрепощенностью, свободой, индивидуальной «речевой маской» (например, Андрей Караулов, Матвей Ганапольский, Алексей Венедиктов, Дмитрий Дибров, Натэлла Балтынская, Ксения Ларина и др.). Речевое поведение их собеседников может быть различно, что зависит от индивидуальных психологических и языковых особенностей интервьюируемых. Одни поддаются на своего рода «языковые провокации», языковую и поведенческую раскованность, других поза и натиск ведущего не сбивает со своей собственной позиции, они спокойно ведут свою «сольную» партию.

3. Инициатор беседы, журналист подчеркнуто вежлив, корректен, ведет разговор без панибратства, стремится не отступать от известных правил и норм публичной речи, выдерживает коммуникативно-этикетную дистанцию. Здесь среди первых можно назвать диктора эстонского телевидения Урмаса Отта, создавшего еще в середине 80-х годов серию интервью «Телевизионное знакомство»¹¹.

К этой же группе известных журналистов следует отнести и Владимира Познера, и Бориса Ноткина, и Анатолия Агамирова и нек. др.

Форма речевого поведения партнеров в таких диалогах достаточно традиционна, естественна, вполне адекватна нормам и правилам ведения публичного диалога. Но характерно, что в коммуникативном и речевом пространстве этих диалогов появляются некоторые новые черты, отражающие современную языковую ситуацию (90-х гг. XX в.).

Покажем это на примерах фрагментов некоторых бесед (краткие сведения об участниках см. ниже в списке «Сокращений»). Материа-

лом для анализа послужили записанные (и расшифрованные) нами тексты публичных диалогов, прозвучавших на телевидении и радио. В работе приняты способы передачи звучащей речи, предложенные в книге: Русская разговорная речь, 1973.

Вот несколько отрывков из диалогов Анатолия Агамирова.

1. Из беседы с Игорем Моисеевым. Март 1994.

А. А. Когда Вас посетила мысль / создать ваш ансамбль? ... Были года/ кои не располагали к этому //

И. М. Подъем нашего балета / как и в других областях / он поднимался по ступенькам неудач // каждая неудача / это и урок //

А. А. Игорь Алексаныч / Вы не будете возражать / если я перемену форму беседы? Послушаем / что хотят спросить радиослушатели...
Слушатель: Добрый вечер / здравствуйте // Это Екатерина Владимировна Вас беспокоит // Как обстоят дела сейчас с нашим балетом?

И. М. Я думаю / что положение дел таково // Русские исполнители считаются лучшими в мире...

А. А. Я имел счастье видеть спектакли Вашей школы-студии...

2. Из беседы со Станиславом Лушиным. Март 1994. (Разговор идет вначале о предстоящем Конкурсе им. П. И. Чайковского).

А. А. К нашему вящему удовольствию / конкурс будет проходить в Москве //

С. Л. /угу/ угу // хм /хм... в общем / большое жюри // очень представительное //

А. А. Господи Боже мой / какая же тяжесть свалилась на твои плечи...//

С. Л. Проведена очень большая предварительная работа / организационная // Мы привлекли фирму «Инкотур» / которая является хорошей организацией... // впервые участники конкурса будут иметь возможность / один час выступления // будет достаточно напряженная работа для жюри // И будут экскурсии / и другая культурная программа //

А. А. Программа не стала уже?

С. Л. Никак нет / угу //

А. А. Теперь / значит / еще скажи мне... (далее Агамиров спрашивает, как и кому они собираются присуждать премии)...

С. Л. Я убежден / что не может иметь места квасной патриотизм / / Главное / создать наиболее благоприятные условия...

А. А. Скажи мне / когда кончится это безобразие с ЦМШ ... всем цемшовским миром решать эту проблему //

С. Л. Надо бить в набат и спасти школу ... это же престиж нашего государства...

А. А. У тебя / как у ведущего чиновника / есть возможности?

С. Л. Я думаю / что подрядчики найдутся...

3. Из беседы с Жаном Татляном. Март 1994.

А. А. Пожалуйста / аннотируйте немного текст песни / он у нас на армянском... (т. к. в этот момент по техническим причинам передали песню на русском языке, А. А. тут же обращается к «публике» (радиослушателям), говоря: Надеюсь / вы простите нам / что дали не на армянском... в конце передачи А. А. снова обращается к слушателям: Я прошу вас особенно внимательно вслушаться в слова песни / которой мы кончаем...)

Для более широкого представления о ведении бесед такого типа, т. е. о диалогах-интервью, в которых у собеседников относительно равные социальные роли, приведем еще пример: беседы тележурналиста Бориса Ноткина с его гостями (в передаче «Приглашает Борис Ноткин»).

1. Из беседы с Александром Шохиним. Март 1994.

Б. Н. Вы / сердце / Вы / мозг // Вы единственный человек / который может прекратить хаос // когда все тянут одеяло на себя / как лебедь / рак и щука.

А. Ш. ...Минфин (...) Минэкономика (...) имеют тоже свои ведомственные интересы (...) нужны меры по обеспечению максимальной инвестиционной жизни...

Б. Н. ...почему вы пришли сейчас в правительство / ведь вот Гайдар отказался //

А. Ш. ... в том углу / где я находился / было бы спокойнее // но в интересах государства (...) нужно активнее выходить на Государственную Думу / на Федеральное собрание...//

Б. Н. Я слышал такой анекдот / не шокотерапия / а шокотерапия...//

А. Ш. Независимо от этих ярлыков / главное / нащупать момент / который состоит в том / что (...) надо удерживаться на низком уровне инфляции...

Б. Н. Ответьте мне / пожалуйста / еще на такой вопрос... один из самых ярких моих гостей / Андрей Козырев / здесь сидел и говорил о величии России... Как это может быть / супердержава / если мы стоим с протянутой рукой и ждем 1,5 миллиарда?

А. Ш. Мы / Россия // всегда являлась донором / для наших республик в Союзе (...) и расплачиваемся за долги Союза...

Б. Н. Ну/ это уже разговор для специалистов... Время уже истекает/ и я хочу закончить нашу встречу улыбкой и рассказать анекдот//

2. Из беседы с Сергеем Филатовым. Декабрь 1993.

Б. Н. Вы в ВВС на фоне других / чеховский герой ... // Я с Вами согласен/ что «Выбор России» совершенно бездарно провел выборы... эта самодеятельность... показывает / как люди зазнались //

С. Ф. Я бы не сказал / что зазнались / просто не подумали// Вместо живого разговора / ролики...

Б. Н. Вот здесь я с вами принципиально не согласен... такая беззащитность перед произволом / бросали в воду и / пльвите / ребята //

С. Ф. Будет согласие или раздрай / но от некоторых... лучше дистанцироваться // ...Ошибки «Выбора России» / мы до сих пор не знаем концепцию правительства // Большие беды нашего государства / старые подходы не работают / а новые / не выработаны // ...Это было в унисон моему внутреннему состоянию / искали все пути политического решения // Здесь / на глазах всей России / на глазах всего мира / общественности // России страшно повезло / что у нас / Алексей II //

Б. Н. Патриарх сделал правильный выбор / больше не лезет в политику // Как Вы снимаете напряжение? Кто-то рюмочку выпьет...

С. Ф. Куда-нибудь уезжаем... в гости / к друзьям / на часочек / полтора... //

Мы привели этот материал — фрагменты из интервью известных журналистов — как иллюстрацию наиболее традиционного типа ведения публичного диалога. Как видим, беседа не выходит в целом за рамки литературного языка и норм устной публичной речи: используется традиционный вежливый зачин; для ведущего характерно подчеркивание в той или иной степени, в той или иной форме своего уважения к собеседнику и т. д. Для поддержания речевого контакта активно используются реплики-подхваты, реплики-реакции, повторение сказанного собеседником и другие средства выражения согласия (или даже — сочувствия, ср. термин «поглаживание», используемый для определения таких ситуаций в психологии межличностного общения).

Свою роль в таких диалогах-интервью играет и фактор «третьего члена» беседы, «потенциального слушающего», к которому иногда журналист обращается и непосредственно, и ради которого, фактически, и идет диалог в прямом эфире. В конце беседы ведущий обычно выражает благодарность не только своему гостю-собеседнику, но и тем, кто их слушал. Появились определенные формулы общения с видимыми и невидимыми участниками коммуникации: «Оставайтесь всегда с нами»,

«Спасибо всем, кто был с нами», «Спасибо всем, кто нас слушал» и т. п.¹²

Публичный диалог и «кодекс взаимоотношений» коммуникантов

Характеризуя такую форму речевой коммуникации как диалог, современные исследователи говорят об определенном «кодексе взаимоотношений» между партнерами и, учитывая ряд параметров, выделяют, как минимум, три типа взаимодействия: зависимость, сотрудничество, доверие. «Зависимость партнеров... может принимать две формы: доминанцию и равенство ... Сотрудничество ... может принимать достаточно разнообразные формы; мы выделяем три наиболее простые: кооперацию, нейтральность, конфликт» [Диалогическое взаимодействие 1985, 25]. Логическая модель такого речевого акта, как «диалог», на практике каждый раз отличается в определенные конкретные формы, зависящие от ряда объективных и субъективных факторов. Так, в ситуации официальности (этот параметр характеризует ПД) могут быть представлены оба типа межличностного общения: доминанция и равенство (по другой терминологии — «равноправие» и «неравноправие»)¹³.

Рассматриваемые в нашей работе типы интервью можно отнести к коммуникативно-социальной ситуации «равноправия» (или «равенства»), так как у собеседников нет отношений ни «главенства», ни «подчинения» (это — не начальник и подчиненный, не учитель и ученик и т. п.)¹⁴

Можно предположить, что степень официальности обстановки, в которой протекает беседа, должна являться одним из самых значимых и сильных факторов, влияющих на речевое поведение коммуникантов. Некоторые исследователи придают именно этому моменту очень большое значение, ср.: «В общественном месте... человек ведет себя так, как этого требует обстановка, и строит свои высказывания соответствующим образом» [Девкин 1981, 6]. От степени официальности, по мнению В. Д. Девкина, зависит и степень «контроля за речью», «использование элементов сниженности», соблюдение норм этики и литературности. Развивая эту мысль, исследователь говорит об общепринятых условиях, диктующих участникам диалога «как строить разговор в определенных ситуациях... обстановка и условия протекания разговора определяют в значительной степени уместность и сообразность языковых средств» [Девкин 1981, 7].

Эти положения универсальны и определяют речевое поведение говорящих на любом языке. Можно напомнить в этой связи слова Г. О.

Винокура о «существовании в общественном сознании той или иной эпохи или среды и д е а л а [разрядка автора. — Е. Г.] пользования языком» и о том, что «в той или иной форме, с той или иной степенью силы в обществе, достигшем достаточного уровня цивилизации, эти требования существуют всегда» [Винокур 1959, 234].

Проблема нормы и современная устная публичная речь

Современная российская языковая практика свидетельствует о постоянных нарушениях этих правил, об отступлении от литературно-этических норм в публичной речи. Причины понятны и очевидны: в наши дни идет активный процесс смены не только общественно-политических ориентиров, но и связанный с этим процесс смены (в разных слоях общества он имеет разную степень) языковых/речевых «вкусов». Фактически, создается новая норма, новый вариант нормы публичного речевого поведения.

Мысль о том, что общественные и национально-культурные особенности самым непосредственным образом влияют, накладывая свой отпечаток на общественную языковую практику, на формы языкового общения, на стилистические нормы «массовой» и «персональной» коммуникации, отечественные ученые высказывали неоднократно¹⁵. Движение и развитие языковых норм, изменения в языковой практике — закономерное и естественное явление, но важны определенные рамки, пределы допустимого, иначе само понятие «литературный язык» начинает размываться. Надо признать, что «сейчас наше общество, вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. История показывает, что это резко повышает нормальные темпы языковой динамики и, сильно изменяя формы выражения, создает нежелательный разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры», — пишет в своей новой книге В. Г. Костомаров, и замечает далее: «Пока лишь немногие одинокие голоса выражают опасения о состоянии русского литературного языка... Большинство же приветствует торжествующий либерализм; он представляется вполне оправданным на фоне ухода общества от косного авторитарного единомыслия к свободе, к воле, к разнообразию...» [Костомаров 1994, 7].

Этот процесс, заметно усиленный в наши дни, был замечен исследователями в 80-е годы; ср. мнение Т. Г. Винокур: «С практической точки зрения, т. е. с точки зрения современного стилистического употребления, само понятие «литературный» колеблется, его нормативные

границы подвергаются разрушительному влиянию окололитературных и нелитературных пластов национального языка... Современное языковое состояние в нашем обществе таково, что пересечение, скрещивание разных стилевых пластов в пределах не только связных текстов, отражающих закономерности определенного типа речи, но и в рамках отдельного высказывания, стало стилистической нормой — образцом, к которому речевой акт стремится в целях наибольшей выразительности общения» [Винокур 1980, 108].

Стремление к экспрессивности, выразительности объясняет многое, но не все. Следует различать возможное, «допустимое» и «недопустимое» в языке литературно говорящих людей, в публичной речи. Разные виды устной публичной речи в разной степени (в зависимости от разных причин) открыты для проникновения литературно-разговорных и нелитературных элементов¹⁶. Именно такой тип публичного диалога, как интервью, призван наиболее адекватно отражать основные черты кодифицированной литературной речи, что можно было видеть в приведенных выше фрагментах диалогов.

Современная общественная жизнь выдвинула новый тип, новую фигуру журналиста: «Молодые сегодня, резко откатнувшись от пафосного стиля старшего поколения, полны иронии, издевки над всем и вся... Они общаются, отринув все пиететы, будто с ними рядом сидят их сверстники» (Журналист, 1993, № 12)¹⁷. Новый тип «общения» проявляется и в самой форме ведения диалога, и в языке и стиле, в манере речевого поведения.

Покажем на примере бесед журналистов «новой волны» некоторые новации современного интервью.

Андрей Караулов — автор и ведущий серии диалогов под названием «Момент истины». У многих телезрителей, как и у профессиональных критиков, сложилось нелестное мнение о манере журналиста вести свой диалог, «загоняя собеседника в угол». Его беседы иногда напоминают своеобразные дуэли или словесные «корриды» (по одной из версий название передачи имеет испанский «источник»: *momento de la verdad* — так на языке древней испанской корриды называется заключительный удар шпагой). Возможно, Андрей Караулов действительно принимает на себя роль, входит в образ «тореро», но не будем смотреть предвзято и дадим слово самому журналисту. На вопросы своих коллег, как он готовится к очередному интервью, собирает ли предварительную информацию о будущем своем собеседнике (что является правилом для многих репортеров), Караулов отвечает: «Никогда! Ничего не читаю и никаких вопросов специально не придумываю. Просто веду беседу и вопросы возникают сами собой... их рождает само время, сама

наша жизнь... Все, кого я зову в передачу, наверняка догадываются, что разговор будет серьезный», и добавляет: «Несу за свои слова ответственность» (Журналист, 1992, № 2—3). Это свидетельствует, что ведущий вполне сознательно создает именно такой речевой и поведенческий «имидж». Покажем на нескольких фрагментах его бесед, как эта позиция проявляется на практике (выбраны отрывки из диалогов с разными по политическим взглядам, социальному положению и возрасту собеседниками):

1. Из беседы с В. И. Ресиным. Январь 1994.

А. К. Кто-то / которые сволочи / разрыли яму... // Олег Волков [писатель] ... попал в нее / с собакой вышел / и с октября месяца лежит в больнице //

В. Р. Это ни в коей мере не связано с тем / что мы руководим городом // Это / головотяпство //... Я не буду приспособливаться ни под демократов / ни под коммунистов //

2. Из беседы с Анатолием Собчаком. Март 1994.

А. К. Ну / движение демреформ / очень старое / у него така-ая борода //

А. С. Это верно / мы тогда стремились не допустить развала страны... Мы сумеем это движение реконструировать / в партию здравого смысла...

А. К. Но Травкин давно об этом говорил... //

А. С. Ну / мало ли / что говорил... Это отступление от здравого смысла // мы / в народе / называем это / «крыша поехала»...

А. К. Ну / у Вас с «крышей» все в порядке...

3. Из беседы с Егором Гайдаром. Декабрь 1993.

А. К. Ну / Егор Тимурович / на первом месте / кто?

Е. Г. Моя позиция здесь предельно проста // Парламент в России пока / к счастью / не власть //

... ощущаем вакуум власти //

А. К. А сегодня / кто в России вожжи в руках держит?

Е. Г. Сегодня уровень управляемости страны выше (...) все равно мы движемся к управляемой системе (...) И без всякого сомнения / реформы в России / не утопия // Сегодня / это реальность // Я абсолютно убежден...

Из бесед Матвея Ганапольского (автора и ведущего телепрограммы «Бомонд»).

Фрагменты беседы с Алисой Фрейндлих. Январь 1995.

М. Г. Я Вам говорю как москвич / народ ждет Вас...

А. Ф. Я люблю московских зрителей / моих московских друзей...

М. Г. (рассматривает фотографии актеров на стене, другие предметы на столике в гримбурной А. Ф.) Это лица любимых актеров /... этой подковой она бьет по башке / ... О / Боги!...

(далее разговор идет о работе над ролью) Вы читаете сценарий / чешете за ухом и говорите /нет!..

А. Ф. Вы хотите сказать / что моя требовательность... нет / нет/ я терплю... непродуктивные трудности / они огорчительны...

М. Г. Что у Вас в семье творится? Хочется / чтобы наш разговор выходил на оптимистическую прямую... Как Вы сами себя чувствуете по жизни?

А. Ф. Вы берете у меня так называемое «интервью»...

М. Г. Доброе слово и кошке приятно / Я буду говорить хорошие слова // Счастья / здоровья / толстого кошелька // все ждут Вас / Я говорю как москвич // (другие фрагменты см. в Приложении).

Лингвостилистические особенности жанра современного интервью

Лингвостилистическая «картина» интервью, одного из наиболее распространенных в наши дни видов ПД, складывается из многообразия черт, как общезначимых, типовых, так и частных, индивидуальных особенностей речи коммуникантов.

Можно назвать ряд экстралингвистических (или коммуникативно-прагматических) факторов, оказывающих самое непосредственное воздействие на функционирование и основные словесно-речевые характеристики этого типа ПД. К ним в первую очередь относятся: 1 ситуация, обстановка, в которой проводится интервью; 2 тема и цель беседы; 3 социальное положение, социальные характеристики коммуникантов; 4 вид масс-медиа (телевидение или радио, т. е. только слуховой или и зрительный ряд присутствует) и нек. др.¹⁸ Эти факторы существенно влияют на построение интервью как типа текста.

Рассматривая текст интервью как структурно-смысловое единство, как сложное языковое целое¹⁹, где в тесном взаимодействии находятся и синтаксические структуры, и лексико-словообразовательное наполнение, и индивидуально-языковые особенности, индивидуальная манера каждого говорящего, следует иметь в виду, что «и содержание, тематика, самый предмет, обсуждаемый с той или иной точки зрения, с тем или иным коммуникативным заданием, также предопределяют характер текста, т. е. его жанрово-стилистические признаки» [Одичов 1982, 158].

Структурно-композиционные и языковые особенности жанра интервью объясняются особой целью, сверхзадачей этого типа диалога: передать не просто разговор, обмен мнениями, а получить и сообщить определенную информацию (в той или иной степени общественно значимую). Поэтому важны и тема беседы, и личность самого интервьюируемого, его социальные и языковые характеристики, его способность адекватно реагировать на вопрос, проникнуть в суть обсуждаемой проблемы, вести разговор на уровне современных стилистических норм.

Общая прагматическая установка интервью — дать интересную информацию о ком- или о чем-либо — определяет и оправдывает широкий набор языковых средств, разностильных элементов, смешение и совмещение в одном тексте разных стилистических приемов, вольное обращение со словом, языковую игру и т. д.

На лексическом уровне речь участников интервью (и ведущего, и интервьюируемого) представляет пеструю и мозаичную картину. Словесный состав включает общелитературную и специальную лексику (термины и профессионализмы встречаются в речи всех коммуникантов), широко используется эмоционально-оценочная лексика, синонимические, метафорические и другие средства экспрессивизации речи, например, «фигуры повтора», уточняющие, усиливающие, подчеркивающие тот или иной факт информации.

Характерно, что, несмотря на естественные индивидуальные языковые и социальные различия, собеседники одинаково активно пользуются многими стилистическими средствами, отражая в своей речи сдвиг, изменения в системе устных литературных норм, стилистическом узусе.

Остановимся на одном распространенном явлении: использовании в официальном публичном диалоге сниженной лексики, единиц разговорно-просторечной сферы. Так, например, в диалоге известного журналиста Алексея Венедиктова и Егора Гайдара звучит следующее:

Е. Г. Профукали мы золотой запас // сделали черте сколько всего неприятного //

На вопрос А. В., как «предки» — Бажов и Гайдар — повлияли на его жизнь и поведение, Е. Г. отвечает: С дедом меня в школе достали, пришлось стать отличником...

В беседе Дмитрия Диброва и Галины Волчек встречаем: [о записях в очередях] Д. Д. Пишутся? Г. В. Писаться не пишутся / но билетов нет //

Из бесед Анатолия Агамирова:

А. А. Концерт / которого давно ждали / есть такой журналистский штамп // Я бы сказал по-другому / такой концерт выпадает / один-два раза в жизни / ... у Ростроповича обостренная интуиция / что заставляет и других играть соответствующе... / ну / я не могу больше захламляться //

А. А. [высказывает свое мнение о ситуации в Большом театре] / Против очевидных вещей дирекция прет совершенно напрасно // У меня есть на это особое мнение / но не буду на этом заикливаться //

Вот еще несколько характерных примеров.

Из бесед Бориса Ноткина:

П. Ф. Надо сделать так / чтобы гаишник не мог содрать... сумму / / В коммерческом банке / ходят всякие жучки / прилично одетые // Налоги таковы / что нормальный предприниматель не может свести концы с концами //

С. Ф. Будет согласие или / будет раздрай... есть структуры, которые не пропихнёшь... очень трудно пропихиваются // От некоторых лозунгов следует дистанцироваться // Есть человек / который формирует правительство / если он хочет кого-то уволить / устранить / то... // Было много грехов по разбазариванию средств //

Эти и многие другие примеры (см. выше) свидетельствуют об изменении отношения к нормам устной публичной речи и об изменении самой литературной нормы, ср.: «В 30—60 годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма — это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь ... норма — это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте... Новое понимание требует гибкого следования целям и условиям общения» [Панов 1989, 27].

Интервью как один из самых распространенных типов устного публичного диалога дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции устной публичной речи. Тексты современного интервью отражают значительные изменения в языковых вкусах и речевом поведении нашего современника.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С о к р а щ е н и я

(список участников устных публичных диалогов — интервью)

Агамиров Анатолий — А. А. — музыковед, музыкальный критик, постоянный ведущий ряда программ на радиостанции «Эхо Москвы» и «Радио России».

Венедиктов Алексей — А. В. — журналист, постоянный ведущий и автор программ на радио «Эхо Москвы».

Волчек Галина — Г. В. — актриса, режиссер театра «Современник».

Гаврилова Людмила — Л. Г. — общественный деятель, «дизайнер человека».

Гайдар Егор — Е. Г. — политический деятель, известный экономист.

Ганапольский Матвей — М. Г. — журналист, автор и ведущий ряда программ на радио «Эхо Москвы» и на ТВ.

Дибров Дмитрий — Д. Д. — журналист, ведущий программ на ТВ.

Караулов Андрей — А. К. — журналист, ведущий программы «Момент истины» на ТВ.

Лушин Станислав — С. Л. — музыкальный деятель, начальник управления по делам музыкального искусства.

Моисеев Игорь — И. М. — прославленный деятель российского балета.

Ноткин Борис — Б. Н. — журналист, автор и ведущий ряда программ на ТВ.

Посохин М. М. (младший) — М. П. — архитектор, руководитель мастерской «Моспроект-2».

Райкин Константин — К. Р. — актер, режиссер.

Ресин Владимир — В. Р. — член правительства Москвы.

Собчак Анатолий — А. С. — политический деятель.

Татлян Жан — Ж. Т. — композитор и певец.

Филатов Сергей — С. Ф. — политический деятель.

Федоров Святослав — С. Ф. — известный офтальмолог, политический деятель.

Филиппов Петр — П. Ф. — член Государственной Думы.

Фрейдлих Алиса — А. Ф. — актриса.

Тришина Елена — Е. Т. — журналист, автор и ведущий на радио «Эхо Москвы».

Шохин Александр — А. Ш. — политический деятель, экономист.

Фрагменты текстов ИНТЕРВЬЮ

ИЗ БЕСЕДЫ МАТВЕЯ ГАНАПОЛЬСКОГО С АЛЕКСАНДРОМ ШОХИНЫМ. РАДИО «ЭХО МОСКВЫ». ФЕВРАЛЬ 1994

М. Г. — Здравствуйте/ приветствуем Вас.../ первые вопросы касаются экономического положения.../

А. Ш. — Гайдар должен был бы стать единственным ответственным/ но он любезно уступил эту возможность Черномырдину...

М. Г. — Сейчас надо работать скальпелем...

А. Ш. — Да/ конечно/ сейчас нужно работать скальпелем/ ... все хозяйственные субъекты адаптировались к тому/ местами даже/ бардаку/ который имеет место.../ необходимо наведение дисциплины//

М. Г. — Вы знаете секрет?

А. Ш. — Это не секрет/ все эти секреты давно стали секретами полишинеля//

М. Г. — Вы вырвали у меня вопрос// как же это сделать?

А. Ш. — Сделать это можно и за счет налогов... надо сделать так/ чтобы как можно меньше гонять ресурсы в Центр.../ Одно ведомство будет лоббировать.../ будет много щелей.../ Селективная политика/ это тот способ/ которым править будут направо и налево//...

ИЗ ВЕСЕЛЫ МАТВЕЯ ГАНАПОЛЬСКОГО С КОНСТАНТИНОМ РАЙКИНЫМ.

МАРТ 1994

К. Р. — Вы очень настырный/ Матвей// Вы самодостаточная фигура в этой передаче/ и здесь может сидеть экспонат музея мадам Тюссо// Вас много// Вы яркая фигура/ Это Вы здесь царствуете// Вам никого не надо.../ А у меня свои «заморочки»/ мне трудно...

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ И СВЯТОСЛАВ ФЕДОРОВ.
«БОМОНД», РАДИО «ЭХО МОСКВЫ», МАРТ 1994

М. Г. — Есть люди особой профессии/ к которым и отношение особое// Я думаю/ Вы догадались// это/ врачи//

Что касается гостя сегодняшнего/ то его авторитет вообще особый// Он сам придумал идею/ сам ее успешно осуществил/ и продолжает осуществлять/ независимо от того как живет наше государство/ то есть/ осуществляет он эту идею успешно//

— Я рад приветствовать человека/ которого вы все хорошо знаете//

— Святослав Николаевич Федоров/ добрый вечер!

С. Ф. — Добрый вечер!

М. Г. — То/ что я должен сейчас сказать/ и с чем/ собственно/ Вас поздравить/ для меня звучит/ как научно-фантастический роман// такая небольшая страничка оттуда// — у Федорова будет 2-х миллионная операция// не по всей России/ не по всему бывшему Советскому Союзу/ а/ вот/ везде// ведомства Святослава Федорова... — 2-х мильённая операция! И это невероятно! Какие темпы!

С. Ф. — Это нормально// потому что мы свободные люди// хотим хорошо жить// поэтому надо хорошо работать//

— Вот мы создали индустрию гуманизма// которую еще не создали в других странах// но/ надеюсь/ то же самое сделают...

М. Г. — Индустрия гуманизма?! А в чем индустрия? Да/ у Вас чисто/ Я когда к Вам приходил/ водил отца/ то я вижу/ что все время/

как в Макдоналде/ да? Ходят люди и вытирают все время полы тряпками// не тряпками/ специальными такими метелками//

— Я не понимаю/ как можно заставить/ объясните мне/ человека/ чтобы он все время вытирал пол нормально// пол!

С. Ф. — Потому что этот человек хочет/ чтобы пришло больше больных// тогда он заработает больше...

М. Г. — Какое он имеет отношение к тому/ что делают операции?

С. Ф. — А он такой же собственник/ как и я// у него немножко меньше акций/ чем у меня// но он заинтересован/ чтобы доход был максимален/ и чтобы в конце года была огромная или/ по крайней мере/ большая прибыль//

М. Г. — Но/ Святослав Николаевич/ тогда напрашивается вопрос/ почему тогда светлое/ вот такое светлое пятно в темной жизни государства/ так почему оно не расплозлось/ радуя нас своими юными побегами/ в чем дело?

С. Ф. — Потому что государство/ оно как раз не хочет/ чтобы у нас/ чтобы мы трудились свободно// тогда государство не нужно// тогда государство мы можем положить в музей/ как бронзовый топор и прялку//

М. Г. — Святослав Николаевич/ это очень резкие слова// мне так кажется/ Что значит государство? Государство/ это конкретные люди/ это конкретные люди очень демократичных устремлений// Что/ происходит какое-то их перерождение// когда они не у власти/ они тех же взглядов/ что и Вы/ как только они оказываются — ... (не кончил)

С. Ф. — Как только они оказываются/ попадают в систему государственного аппарата/ они полностью/ моментально перерождаются//

М. Г. — Поясните это/ пока тезис//

С. Ф. — Если я заставлю быть Вас надсмотрщиком в тюрьме/ уверяю Вас/ Ваша ментальность через год полностью поменяется// Вы не будете таким свободным/ так сказать/ Матвеем/ который сидит передо мной/

М. Г. — А что их заставляет быть надсмотрщиком над Федоровым?

С. Ф. — Ну/ во-первых/ это очень просто и/ во-вторых/ это дает ощущение власти/ а ощущение власти/ это почти как секс//это вызывает огромное удовольствие//

М. Г. — Ваше/ мы об этом уже говорили/ многие об этом знают/ Ваш отец/ военный/ командовал кавалерийской дивизией/ отсидел семнадцать лет и — пауза — и эта любовь к лошадям/ многие говорят:/ а он любит ездить на лошадаках/ к которым у Вас/ действительно/ большой интерес/ и конюшни// Я о другом/

С. Ф. — Просто любовь/

М. Г. — Подождите/ Вы о любви/ а я/ мне кажется почему-то/ что Вы — военный человек/ — по складу ума/ по складу темперамента// Я/ я не представляю Вас врачом...

С. Ф. — Во мне/ наверное/ есть/ действительно/ такие жилки/ организатора/ и это/ наверное/ нужно для такого солидарного труда// нужны организаторы/ дирижеры// Я один из таких дирижеров// — пауза —

М. Г. — Кого Вы еще видите из таких дирижеров?/ Есть ли люди в стране/ которым бы Вы протянули руку и сказали:/ нет/ я не феноменален/ я не один в этом феномене/ вот еще Иванов/ Петров/ Сидоров//

С. Ф. — Да/ да/ огромное количество таких людей// У меня несколько их/ друзей/ директоров заводов/ крупных различных предприятий// Я иногда просто поражаюсь/ как они создавали новую технологию//

— Я всегда восхищаюсь новыми технологиями// и когда в нашей стране/ я приезжаю/ и у них хороший опыт/ и когда они приезжают/ мы берем их/ конечно/ и обучаем//

— Нам нужны классные врачи/ и вообще/ мы охотимся за классными людьми// головастыми людьми/ охотимся//

М. Г. — Хорошо сказано — охотимся!

С. Ф. — Да/ охотимся/ ищем их/ это самое главное/ что найти умных людей// да еще с энергией//

— Это огромное богатство// главное богатство государства// поэтому я всегда говорю женщинам/ рожайте! Рожайте бунтарей! Рожайте творцов! Рожайте беспокойных! Не рожайте рабов! Не пеленайте этих детей! Иначе они останутся рабами! Пусть дрыгают ногами в первый же день своей жизни!

М. Г. — Я здесь попросил/ и мне прислали некий факс/ одной статьи/ Институт сравнительных социальных исследований/ опрос общественного мнения/ тут// Если не Ельцин/ то кто?// И там вот на основе различных/ значит/ данных о каждом человеке/ говорится так:/ Явлинский как бы на первом месте// — На втором/ Гайдар// а на третьем — Святослав Федоров! — А на третьем/ Святослав Федоров! Святослав Федоров/ на третьем/ и еще такая фраза:/ Если Федоров заблаговременно включится в кампанию по выборам Президента/ в отсутствие Ельцина/ ясно и четко заявит о своих позициях/ вполне возможен вариант/ что он выйдет на первое место// — Что Вы думаете по этому поводу? Вы будете заявлять/ какие/ какие позиции Федорова?!

С. Ф. — Ну первое/ если Вы хотите/ чтобы я сказал/ — это самое главное/ это чтобы человек был связан с результатами своего труда//

Для этого он должен быть собственником тех орудий производства/ на которых он работает// они должны быть ему переданы/ причем/ бесплатно// Давно они оплачены теми/ кто на них работает// И надо их отдать/ эти орудия производства// И второе/ та прибыль/ которую он будет получать/ э-э/ для того/ чтобы он мог нормально работать//

М. Г. — То есть/ Вы мне это излагаете как бы по пунктам//

С. Ф. — Да/ да// значит/ кроме наличия орудий производства/ он должен иметь дешевое сырье// Сырья у нас много в стране// и поэтому сегодня/ когда мы пытаемся сырье продавать по мировым ценам/ то/ человек не может/ наш/ еще не имея высокой технологии/ не научившись в рыночной системе работать// он не сможет конкурировать с Западом// Поэтому сырье надо продавать/ ну/ минимум в два раза дешевле... и прекратить вывоз сырья из страны// Потому что вывозить надо изделия/ да/ товары//

Третье// Значит нужно всячески способствовать инвестициям// Сегодня нам нужно поменять не меньше 25 % заводов// модернизировать/ Это будет стоить нам I/ I/2 тысяч триллионов рублей// Это довольно большая сумма... поэтому нам нужно для инвесторов дать абсолютнейший зеленый свет... чтобы каждый инвестор/ если он создает десять/ простите меня/ тысячу рабочих мест// надо ему присуждать звание «Героя России»/ ... потому что он будет/ тысяча лю-лю/ человек будут у него работать// и будут тоже со-хозяевами/ он даст им возможность жить/ и будет развиваться в этой стране//

М. Г. — Это три «да»?

С. Ф. — Да! Четвертое/ надо/ чтобы вся/ сегодня/ инфраструктура государства принадлежит... бюрократическому аппарату/ поэтому/ если у них не хватает денег на бюджет/ сегодня же сразу повышаются цены на электричество/ или на транспорт/ или на энергетику/ на связь и т. д./ Ну/ Вы сами от этого/ наверное/ от этого страдаете/ поэтому/ надо/ чтобы половина инфраструктуры принадлежала или частным лицам/ или акционерным компаниям/ каким-то предприятиям// чтобы это был смешанный капитал/ чтобы нас не могли задушить ни налогами/ ни ценами на инфраструктуру/ которые сегодня находятся полностью в руках государства// Вот/ пожалуй/ вот эти пять основных признаков//

М. Г. — Если МНТК хирургии глаза/ да/ это Ваше ведомство/ вот Вам/ вот все слышали/ Вам могут написать:/ да/ мы согласны с Вами// да/ не согласны//

С. Ф. — Да/ конечно//

М. Г. — Только/ Вам/ может быть/ очень разные ощущения/ когда Вы раскроете письма/ где будут говорить/ предположим/ либо/ гениально/ тогда/ замечательно// либо/ абсурд// и/ тогда Вы будете очень разочарованы//

С. Ф. — Я это делаю каждый день/ Я работаю на этих принципах// поэтому сказать мне — абсурд/ — Но так люди должны прийти ко мне и посмотреть/ как работает МНТК не только в медицине/ а и в сельском хозяйстве// и в телефонной связи// и там/ в Гибралтаре/ в Китае и т. д.// — Это все реально существует/ не надо ничего доказывать//

М. Г. — ... китайские несчастные рабочие/ нет тоже/ тоже там/ на плантациях — //

С. Ф. — /— смеется— //

М. Г. — Да/ я ничего не могу сказать/ — Вы успешный человек//

С. Ф. — Я/ счастливый человек!/ Понимаете/ я вижу результаты своего труда/

ИЗ БЕСЕДЫ ЖУРНАЛИСТКИ ЕЛЕНА ТРИПИНОЙ С М. М. ПОСОХИНЫМ,
РУКОВОДИТЕЛЕМ АРХИТЕКТУРНОЙ МАСТЕРСКОЙ «МОСПРОЕКТ-2».
РАДИО «ЭХО МОСКВЫ». ЯНВАРЬ 1995

Е. Т. — Скажите/ Вы в состоянии восстановить эти памятники? — (речь идет о Сухаревской башне и других разрушенных памятниках)

М. П. — Специалистами должны учитываться мнения... Город/ как гуманное пространство... горожанин должен быть в комфортном пространстве... Появилось такое слово/ «новодел»...

Е. Т. — А что за картины висят у Вас...

М. П. — Я вдохновляюсь этими замечательными картинами... (речь идет о картинах в кабинете М. Посохина, на которых изображена древняя Москва...)

— Те замыслы/ которые у нас есть/ ...хотелось бы осуществить... Мы приступаем к новому этапу реконструкции Нового Арбата... Сегодня есть такое предложение/ создать на поверхности земли бульвар/ а все движение уходит под землю/ что позволяет... Вы будете переходить в комфортных условиях через подземное пространство// Вся эта зона пришла в неприятное состояние...

ИЗ БЕСЕДЫ ЕЛЕНА ТРИПИНОЙ С ЛЮДМИЛОЙ ГАВРИЛОВОЙ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЕЙ НОВОЙ ПРОФЕССИИ — «ЛИЗАЙНЕР ЧЕЛОВЕКА».
ЯНВАРЬ 1995

Л. Г. — Я решаю проблемы философии быта... Общие проблемы/ кухня/ дети/ муж/ работа/ не в этом смысл жизни/ это только «для»// А жизнь/ она богаче/...

Е. Т. — Скажите/ а с чем Вы любите работать?

Л. Г. — Я пользуюсь тем/ что уже есть под рукой//Принцип реальности/ постоянное творчество и со-творчество/ Минимальные средства/ максимальный эффект// Это же клуб/ общественная организация// Мы выходили уже на безналичный расчет... Слово «имидж»/ хоть оно иностранное/ но стало уже привычным/ У кого какие возможности/ у кого какие данные/ у кого какие желания/ Это же клуб...

Е. Т. — Скажите/ Вы привлекаете астрологов?

Л. Г. — Безусловно...

Е. Т. — А просто так/ обычная гадалка?

Л. Г. — Есть... Творческий процесс многоэтапный/ и все эти этапы интересны мне...

Е. Т. — Где Вы подпитываетесь/ «растительная душа»?

Л. Г. — Все/ что растет/ несет оптимизм/ ...на пленэр мы поедем летом// Эстетотерапия/ — выравнивание психического состояния в общении с природой/ а затем/ когда уже потенциалы набраны ...трудиться/ трудиться/ трудиться/ я не люблю слово «работать»/ с корнем «раб»/

Е. Т. — Скажите/ похожи люди на растения?

Л. Г. — Я не люблю об этом говорить/ Я принимаю человека/ какой он есть/ Я общаюсь с той сущностью... Все проходит через медитативное пространство... проход через анализатор... направить вектор движения зрителю...

Е. Т. — С Людмилой Гавриловой Вас познакомила Елена Тришина// Не забудьте/ пожалуйста/ что все это было/ «строго между нами».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К понятию «публичный диалог» мы относим любые диалоги, происходящие в условиях «официальности». Такие понятия как «устная публичная речь», «публичность», «официальность» и др., здесь рассматриваются с позиций, отраженных в работах «Русская разговорная речь», 1973; «Разновидности городской устной речи», 1988; «Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект», 1991.

² Некоторые исследователи относят передачи типа «круглый стол» к «монологическим жанрам» (см. [Журавлев 1988]). По нашему мнению, их можно рассматривать как один из типов «публичного диалога».

³ Дефиниция понятия «интервью» в толковых словарях современного русского языка на протяжении последних десятилетий претерпела некоторые изменения. В 40—50-е гг. этот жанр определялся как «предназначенная для печати беседа какого-л. деятеля с корреспондентом по вопросу, имеющему общественный интерес (см. МАС, БАС и др.)». В наши дни «интервью» характеризуется обычно как «предназначенная для печати, радио или телевидения беседа журналиста с каким-л. лицом» (МАС, 2 изд., Ож-90 и др.).

Становлению этого жанра публицистики в России способствовало расширение роли газет и общедоступных литературно-художественных иллюстрированных еженедельников. Например, журнал «Огонёк» (первые номера относятся к 1908 году), знакомя своих читателей с «наиболее выдающимися явлениями в области современного балета», обращается с рядом вопросов к артисту Санкт-Петербургского Императорского театра М. М. Фокину и помещает здесь же его ответы. Интервью представляло информацию о разных интересных для публики событиях, сенсационных фактах. Тогда же складывались основные черты, характеризующие этот тип текста.

⁴ «Журналист», 1993, № 1 (ответы журналистки Веры Щелкуновой, ведущей радиостанции «Маяк»).

⁵ Современное понимание этого термина учитывает определение Г. О. Винокура, называвшего репликой «цельное высказывание отдельного персонажа, не прерываемое другим персонажем» [Винокур 1959, 258].

⁶ Некоторые исследователи придерживаются, например, мнения [Мизецкая, Шевченко 1990], что «ДЕ образует любое количество реплик, объединенных тесными структурными и смысловыми связями».

⁷ Использование прямого эфира — примета нашего времени. В прошлые годы, как правило, в эфире появлялись «встречи», уже записанные и прошедшие монтаж. Передача в «прямом эфире» высвечивает все особенности, все плюсы и минусы коммуникативно-речевого поведения собеседников, так как ни одно слово здесь нельзя стереть или вырезать. «Час прямого эфира — час жизни на глазах человечества!». «Прямой эфир — всегда без ретуши!». «Нет, прямой эфир! И только!» — таково мнение самих профессионалов (Журналист, 1993, № 3). Именно этот живой языковой материал особенно интересен при изучении современной публичной речи.

⁸ О понятии «социальной роли» см. [Крысин 1976].

⁹ Тему разных видов «сотрудничества», «соучастия» в диалоге развивает Р. Р. Гельгардт [Гельгардт 1971]. Некоторые ученые выделяют принцип «соавторства» [Винокур 1993].

¹⁰ О термине и понятии «апперцепционной базы» («апперцепирующей массы» — по Якубинскому) см. [Земская 1988]. Ср. также: «Если говорящий и слушающий не обладают общими знаниями о мире, понимание не может быть полным» [Дейк ван 1989].

¹¹ Талантливый эстонский журналист «расспрашивал» Родиона Щедрина, Евгения Евстигнеева, Андрея Вознесенского, Святослава Федорова и подарил нам живые портреты многих других наших выдающихся современников.

¹² Такая установка на интимизацию общения, призванная оживить беседу, сделать ее более близкой слушателям, свойственна почти всем типам ПД-интервью и ведет к использованию целого ряда специальных приемов, многие из которых берутся из арсенала РР (см. об этом: [Земская, Ширяев 1980]). Следует сказать, что весь коммуникативно-речевой материал в нашей работе рассматривается с точки зрения адресата (интервьюера).

¹³ Подробнее см. об этом [Девкин 1981].

¹⁴ Следует сказать, что эти термины имеют разную интерпретацию. Так, Т. Г. Винокур, используя термины «диалог равных» и «диалог неравных», имеет в

виду «профессионалов-журналистов» — «непрофессионалов» — людей других профессий, ср.: ...«диалог неравных» — профессионально говорящего на ТВ интервьюера и не владеющего телевизионной речью как профессией интервьюируемого» [Винокур 1993, 114].

¹⁵ [Виноградов 1963]; [Винокур 1959]; [Костомаров 1994].

¹⁶ См. об этом: [Виноградов 1963]; [Земская, Ширяев 1980].

¹⁷ Об этом пишет известный филолог-публицист Анри Варганов, не раз выступавший с критическим исследованием современной публичной речи, отраженной «прямым эфиром»; он замечает, что эти «новые» «охотно пользуются «молодежной мовой», причем для них она не только языковая форма, но и в значительной степени жизненная философия. Недаром молодые люди, ее исповедующие, выглядят циниками... многие действительно грубы и бесцеремонны. Но для некоторых это и защитная маска» («Журналист», 1993, № 12). Такие выводы совпадают и с нашими наблюдениями.

¹⁸ Ср.: «Описание коммуникативного аспекта речи постепенно «втянуло» в оборот лингвистики прагматические зоны коммуникации, сцентрированные в говорящем, в адресате и обстановке общения» [Арутюнова 1983]; Ср. также: «Говорящий ориентируется на условия, обстоятельства, в каких он пребывает вместе со своим собеседником... Ситуация становится нелингвистическим фактором, воздействующим на формирование высказывания» [Гельгардт 1971]. Напомним, что речь идет о «литературно-говорящих», родной язык которых — русский. О социальных характеристиках коммуникантов см.: [Крысин 1976]. В некоторых современных исследованиях вводятся термины «межгрупповой диалог», «полилог» в значении «разговор многих». В нашей работе используется один (обобщающий) термин «диалог», обозначающий форму речевой организации, противопоставленную «монологу». Ср. также точку зрения [Журавлев 1988].

¹⁹ На «несимметричность гносеологического статуса вопросов и ответов» обратила внимание Н. А. Голубева-Монаткина в диссертационной работе «Проблема классификации вопросов и ответов диалогической речи». В этой работе делается ряд интересных выводов, касающихся специфики диалогической речи, отмечается значительно меньшая изученность «ответов», чем «вопросов», и нек. др. [Голубева-Монаткина 1990].

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. О состоянии русского языка // Материалы почтовой дискуссии по проблеме «Состояние русского языка». М., 1991.

Арутюнова Н. Д. Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. Киев, 1983.

Барманкулов М. К. Жанры печати, радиовещания и телевидения. Алма-Ата, 1974.

Барнет Вл. Проблема изучения жанров устной научной речи // Современная устная научная речь. Красноярск, 1985.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

- Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Гельгардт Р. Р.* Рассуждение о диалогах и монологах // Сб. докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1971 (вып. I).
- Голубева-Монаткина Н. И.* Проблема классификации вопросов и ответов диалогической речи. М., 1990.
- Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1991.
- Грайс Г.* Логика и речевое общение // НЗЛ. М., 1985. Вып. 16.
- Девкин В. Д.* Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981.
- Дейк ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Диалогическое взаимодействие и представление знаний.* Новосибирск, 1985.
- Журавлев А. Ф.* Опыт количественно-типологического исследования разновидности устной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988. «Журналист», 1993, №№ 1, 3...
- Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Земская Е. А., Ширяев Е. Н.* Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // ВЯ, 1980, № 2.
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Крысин Л. П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Мизецкая В. Я., Шевченко Н. Г.* Комплексный стилистический анализ диалогической речи. Киев, 1990.
- Мыскова О. Г.* Взаимосвязь диалога и монолога в процессе коммуникации. (Депон. Институт АН СССР), 1979.
- Одинцов В. В.* Композиционные типы речи // Функциональные типы русской речи. М., 1982.
- Панов М. В.* Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной печати. М., 1989.
- Разновидности городской устной речи.* М., 1988.
- Русская разговорная речь.* М., 1973.
- Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1958.
- Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие (Приложение). Т. I. Пг., 1915.
- Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
- Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Сб. «Русская речь» Петроград, 1923.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АиФ — Аргументы и факты
БАРС: Новый большой англо-русский словарь. Тт. 1—3. М., 1992—1994.
ВМ — Вечерняя Москва
ВЯ — Вопросы языкознания
ГК, ч. I — Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. М., 1995
ГК, ч. II — Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. М., 1996
деп. — депутат
згл — заголовок
Зн. — Знамя
Изв. — Известия
Изв.-эксп. — Известия. Экспертиза.
КО — Книжное обозрение
КП — Комсомольская правда
Кур. — Куранты
ЛГ — Литературная газета
ЛДЧ — Лексика делового человека. М., 1991
МАС — Словарь русского языка. В 4-х тт. Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1981—1983
М. Гв. — Молодая гвардия
МК — Московский комсомолец
МН — Московские новости
МТТС — Маркетинг. Толковый терминологический словарь-справочник. М., 1991
НГ — Независимая газета
НМ — Новый мир
НС-70 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984
НС-83 — Новое в русской лексике. Словарные материалы-83. М., 1987
НС-84 — Новое в русской лексике. Словарные материалы-84. М., 1989
О. — Ожегов С. И. Словарь русского языка. 15 изд. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984
Ог. — Огонек
ПМП — Пособие для международного предпринимателя. Краснодар, 1990
Пр. — Правда
РМ — Русская мысль

- Рос. вести — Российские вести
Рос. газ. — Российская газета
РР — разговорная речь
Сег. — Сегодня
СИНС — Словарь иностранных слов. 10-е изд. М., 1983
Сл. Уш. — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Тт. 1—4. М., 1934—1940
Сов. муз. — Советская музыка
Сов. Рос. — Советская Россия
СС — Совершенно секретно
Стол. — Столица
ТВ — телевидение
Фин. газ. — Финансовая газета
Фин. изв. — Финансовые известия
ЧС — Частная собственность
Ъ — Коммерсантъ-DAILY
ЭиЖ — Экономика и жизнь
Юн. — Юность

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ¹

- абсурди́стан 133
аванга́рд 38
аванга́рдист 63
ава́рия 189
ави́зо 198
автоба́н 148—149
автоно́миза́ция 107
аге́нт 185, 186, 192, 392
аго́ния 52—54
агра́рный паро́воз 47, 49
агрессия́ 395
агро́Гула́г 134
адми́нистрати́вно-кома́ндная
 система 163, 233
азербайджани́зация 130
акаде́мия 404
аку́лы бизне́са 59
аку́лы капита́лизма/социа́лизма 59
аку́лы наркома́фии 59
аку́лы ры́нка 59
аку́пункту́ра 155
акце́пт 197
акди́з 198
акцио́нер 184
акцио́нерное обще́ство 173, 184, 196
акция́ 173, 187, 191, 198,
 393, 399, 401
албани́зация 108
алиевщина́ (от фам. Алиев) 101
алкоголи́ссимус 424
аллерги́я 53—54
алта́рь 72
альтерна́тива 157
американи́зация 108
ампу́тация 52
ана́фема 416
ангажи́рованная прэ́сса 158
анге́л утеше́ния 58
анде(р)гра́унд 145
андро́повка (от фам. Андропов) 103
анпи́ловец (от фам. Анпилов) 99
антива́учерный 112
антига́йдаровский 112
антигеро́й 112
антигорбачёвец 99, 112
антигорбачёвский 99, 112
антиде́ньги 112
антидо́м 112
антие́льцинец 112
антие́льцини́ст 99
антие́льцинский 99, 112
антиидеоло́гия 112
антикомму́низм 148
антикоммуни́ст 112
антиконституци́онный 112
антику́мир 112
антипарла́мент 112
антиперестро́ечный 112
антиперестро́йщик 103
антипре́мьерский 112
антипутче́вый 93
антипутчи́ст 93
антириско́вый 112
антируцки́ст 112
антиры́нок 112
антиры́ночник 95
антиры́ночный 95, 112
антитари́фный 112
анти терро́р 112
антиуро́д 112
античубайсовский 112
антре́prenéр 151
апа́трид 156
апитера́пия 155
апо́стол 72
аппа́рат 390
аппа́ратчик 38—39, 70, 104
аре́нда 180, 195, 206, 207
аре́ндатор 195, 207
аре́ндза́ция 107
аре́ндода́тель 182, 193, 195, 207
арме́стлинг 145, 152

¹ Словоуказатель составлен по Введению и главам I, II, III, IV, V, X, XI.

Аббревиатуры, использующиеся в целях эвфемизации или в экспрессивной функции, как правило, сопровождаются расшифровкой. Аббревиатуры, использующиеся в целях прямой номинации, в словоуказателе даются без объяснения.

- артерия 52
 архитектор перестройки 47
 ассенизатор 400
 атака 190
 атрофия 53
 аудит 175
 аудитор 175, 194, 198
 аукцион 180
 афганец 34
 аферизация 108
 бабник 402
 бабье лето 404
 базар 95
 базис 172
 байт 145
 баксы 201
 балда 390
 баловать 404
 баловаться 404
 банан 390
 бандитизация 108
 банк 184, 185
 банк- 185, 192, 193
 банкёр 172
 баркашовец (от фам. Баркашов) 94, 99
 БАРС 120
 бартер 145, 155, 168, 205
 бартеризация 108
 бартерная сделка 124, 205
 барщина 68
 бастион 47, 49
 бастион коммунизма 47
 бациллы 53
 бациллы национализма 47, 55
 башня 49
 БД (Белый Дом) 94, 121
 беженство 130
 безвизовый 117
 безвирусный 117
 безвкусице 134
 безвозмездное пользование 209
 бездорожье 49, 51
 безлицензионный 117
 безнал 119, 201
 безработица 172, 227
 безрасовый 117
 безрыночный 95
 белодомовец 104
 белодомовский 94
 Белый дом 94, 104, 121
 белый нал 201
 бемоль 404
 бесконтактный 117
 беспартийный 34
 бесплатник 103—104
 беспредел 82—84, 88
 беспредельщик 83
 бестарный 117
 бесплозовый 117
 БиДе (от Белый дом) 94, 121
 бизнес 37, 150, 170, 419
 бизнес- 199
 бизнесмен 37, 171, 185
 бизнес-кард 156
 биржа 173, 180, 191, 192
 бит 145
 благословение 72
 блейзер 148—149
 близкие отношения 390
 блок 48
 блохи раздúмья 57
 БЛЯ (Болдырев, Лукин,
 Явлинский) 121
 боббитнуть (от фам. Боббит) 135
 бобслей 145
 болезнь 52—55, 64
 болезнь любви 64
 болезнь общества 52—53
 болеть 390
 большеви́зм 61
 большевик 60—61
 бомж 94, 98, 400
 бомжати́на 98
 бомжати́к 98
 бомжева́ть 98
 бомжество 130
 бомжиха 98
 бомонд 156
 борисоборчество (от имени Борис) 101
 brasлeты 404
 брежневщина 101
 брейк 146
 брифинг 156
 бровеносец 134
 бродяга 400
 бродяжничество 130
 брокер 145, 155, 173, 185, 198
 бронепоeзд 50

- бугор 49
 буддомания 134
 буксовать 49, 51
 бульдозер 47
 бурбулить (от фам. Бурбулис) 423
 буржуа 37
 буржуазия 409, 421
 буржуй 37
 бутик 146, 153
 бутылочник 105
 буфера 404
 быки 190
 бык воспоминаний 57
 быки буржуазии 59
 быть большим 404
 бюджет 172
 бюджетник 104
 бюстье 148
 в откате 405
 в пожаре 405
 в трясине 51
 в тушике 51
 в улёт 201
 вакцина 54
 валюта 186, 187
 валютка 119
 валютный коридор 190
 валютный магазин 119
 ваучер 94, 125, 145, 154, 168
 ваучеризация 108, 154, 194
 ваучерный 125, 154
 вафля 390
 вахта 39
 вашингтонщина 133
 векселедержатель 193, 216
 векселенадписатель 193
 векселизация 107
 вексель 187, 192, 216, 217
 велосипедизация 108
 вельфер 104
 вельферщик 104
 Вера Михайловна (ср. ВМ — высшая мера) 407
 вернуться на старые рельсы 50
 верховносоветский 94
 Верховный Совет 122
 вести себя нескромно 394
 вече 70
 вешать лапшу на уши 384
 взрослеть 392
 взрослый 392
 видео 146
 видеовью 156
 видеодайджест 156
 видеокассета 146
 видеоклип 146
 видеоман 146
 видеотехника 146
 визажист 149
 визитка 119
 вилдсерфинг 145
 вино конституции 59
 винчестер 145
 вираж 51
 вирус 53—55
 вирус большевизма 55
 витринизация 107
 вице-премьер 144
 вклад 211
 вкладчик 211
 владение 164, 203
 властные механизмы 125
 властные полномочия 125
 властные структуры 125
 властный 125
 власть 125
 вливание 54
 вложиться 201
 ВМ (высшая мера наказания) 402
 внучатые компании 190
 вобла воображения 57
 воевода 70
 военка 119
 возмездный (договор) 194
 воин-интернационалист 34, 395
 война 419
 волки войны/демократии 59
 ВОР (временный оккупационный режим) 418—419
 воскресник 36
 враг 419
 вредные привычки 397—398
 встречаться 390
 швировость 389, 402
 выборосс (от Выбор России) 104, 140
 выбросить 35
 выдвигенец 37—38
 выездной 34

- выздоро́вление 53, 55
 вы́кинуть 35
 вы́сотка 119
 вы́сотное здание 119
 вы́шая ме́ра 393, 398
 вы́шак 393
 вы́шка 393
 вэ́пэкашник 105
 вэ́пэко́вский (от ВПК) 125
 вяза́льщик 400
 вяза́ть 400
 га́д 384
 га́дина коммуни́зма 58
 Га́йдар
 га́йдариза́ция 108, 422
 га́йда́ризм 100
 га́йда́рить (от фам. Га́йдар) 423
 га́йда́ровец 100
 га́йда́ровщина 101
 га́йда́роно́мка 100—101, 421
 Га́лина Бори́совна (ср. ГБ —
 госуда́рственная безо́пасность) 407
 га́лопи́рующая инфля́ция 190
 га́мбургер 148—149
 га́мсахурди́ст (от фам. Га́мсахурди́а) 99
 га́старбай́тер 155—156
 га́стролёр 400
 ГБ 407
 ге́ге́мон 39
 ге́нсек 411
 герма́низация 108
 ге́роить 135
 ге́роитьсво́вать 135
 ге́шефт 150
 ги́дра 58
 ги́дра за́висти и злосло́вия 56
 ги́дра контррево́люции 58
 ги́дра рево́люции 58
 ги́дра ха́нжества 56—57
 ги́дра шовини́зма 58
 ги́ена пе́ра (старая) 57
 ги́ена подо́зрения 57
 гимна́зи́ада 133
 гимна́зия 68, 133
 ГКО 179
 ГКЧП 93
 ГКЧПу́та (от ГКЧП и фам. Пу́то) 93
 гла́ва адми́нистра́ции 144
 гла́сность 42
 гли́сты тщесла́вия 57
 глоба́лизация 108
 голу́бовки 188
 голу́бые бе́реты 60
 го́нец 405
 Го́рбач 102
 Го́рбачёв
 го́рбачёвец 99
 го́рбачевиа́на 101
 го́рбачевизм 100
 го́рбачёвский 99
 Го́рби 102
 го́рбима́ния 102
 го́рбиненави́стия 102
 го́рболю́бие 101
 Го́рбу́шка (от фам. Го́рбачёв) 102
 горо́дничий 69
 горо́довой 68
 горо́дской голо́ва 69
 го́сидеоло́г 122
 го́спода де́мократы 421
 го́спривиле́гии 122
 го́сударстве́ник 103
 го́сударство 71
 го́счино́вник 122
 ГРА́Д 120
 градо́начальник 68—69
 гра́нт 148—149
 грав-при́ 146, 150
 грузини́зация 130
 грузоотпра́витель 193
 грузополу́чателъ 193
 гру́ппа повы́шенного ри́ска 400
 губе́рнатор 68
 губе́рния 68
 гуве́рне́р 68
 гуля́ть 390
 гэ́качепи́ст (от ГКЧП) 93
 дава́ть 35, 385
 да́йджест 148
 да́рение 180, 205
 да́ритель 205
 да́ртс 148
 да́ча 404
 де́верь 48
 де́билиза́ция 108
 де́бильник 150
 де́бюрократи́зация 112—113
 дева́льва́ция 194

- девушка без комплексов 397
 девятка 119
 дегаджокизация 113
 деолларизация 112
 деидеологизация 112—113
 деиерархизация 112—113
 деколлективизация 112
 деколонизация 112—113
 декоммунизация 112
 деконструкция 112
 деконфликтизация 112
 деленинизация 109, 112—113
 дембанда 422
 дембольшевизм 421
 демилитаризация 113
 демлидер 123
 демокрад 154, 422
 демократ 60—62, 154
 демократические ценности 421
 демократия 61, 421
 демон бумагомарания 58
 демон нетерпения 58
 демонетизация 112, 194
 демонополизация 112
 демонтаж 39—40
 демонтирование 40
 демонтировать 40
 деморос(с) 104
 демпауас 422
 демпинг 175, 176, 194, 199
 демпроститутка 422
 демунист 422
 демшиза 422
 денонсация 155
 деньги 172, 186, 187
 деньги «горячие» 190
 деньги короткие 190
 департизация 107, 112—113
 деполитизация 112—113
 деприватизация 154
 депрофессионализация 112
 деревянный (рубль) 201
 дерегулирование 112
 держава 71
 державка 71
 державник 71, 103
 дерьмократ 154, 422
 десант 47
 десоветизация 112
 десоциализация 112
 десталинизация 112—113
 деструктивные силы 402
 деструктивный 402
 детоталитаризация 112—113
 дефицит 399
 дефицитный товар 399
 дефляция 194
 децивилзация 112
 джин 59
 диалог 39, 41
 диалогизация 167
 дианетика 148, 155
 диверсант 47
 диверсия 47
 дигитайзер 145
 дикий капитализм 409
 диктатура 42, 147
 дилер 145, 155, 175, 176, 185,
 186, 194, 198
 дилинг 194, 195
 диптусовка 98
 дисконтная карточка 191
 дискотека 146
 диск-жокей 146
 дисплей 145
 диссидент 37
 дистрибутор 160
 дистрибьютер 145, 155, 160
 дистрибьютор 160, 175, 185, 186,
 194, 198, 200
 для служебного пользования 394, 402
 доброжелатель 392
 долларизация 107, 109, 194
 долларизировать 109
 долларовая инъекция 53
 должник 182, 210
 дом 48-49
 дом ночного пребывания 400
 доперестроечный 111
 допучевый 93
 дореформенный 111
 достать 36
 дохлая кошка реформы 58
 дочерние компании 190
 дракон тоталитаризма 57—58
 драматизация 108
 дружеская помощь 395
 дружить 390

- ДСП (для служебного пользования) 402
 дубинка-демократизатор 154
 дуближник 105
 дума 68
 дурдом 48
 дурная болезнь 390
 дурновкусье 134
 дух отрицания 58
 духовный отец 72
 духовушка 119
 дырка 390
 евангелие 72
 единомыслие 136
 ёж противоречий 57
 Ельцин
 ельцинец 99
 ельциниана 101
 ельцинизм 100
 ельцинист 99
 ельциноголовый 101
 ельциноид 102
 ельцинолюб 101
 ельцинолюбие 101
 ельцинофобия 101
 ельцинский 99
 ехидна вражды и клеветы 56
 Е. Б. Н. (Ельцин Б. Н.) 418—419
 жавское лето 404
 женщина лёгкого поведения 388
 жизнелюб 394
 Жирик (от фам. Жириновский) 102
 жириновец 99
 жириновство 101
 жить с кем-либо 385
 жмурик 404
 журавль славы 57
 занекдочивать 135
 забегаловка 119
 забемолеть 404
 забеременеть 404
 забор 48
 задание 399
 задержать 398
 заднескамеечник 106
 заём 191, 192, 196, 210
 заёмщик 192, 196, 210
 займодавец 182, 193, 196, 210
 зайчики 187
 залететь 405
 заложник 40—41
 заморский 418
 зарепетированный 135
 зарплатация 109
 заслуженный отдых/покой 391
 застои 39, 64
 застрять 51
 затоптать 127
 захлопать 127
 зверь преследования 57
 звиадист (от имени Звиад Гамсахурдия) 99
 здание 47—48
 здание литературы 47
 здание просвещения 47
 здание Союза 48
 здание цивилизации 47
 здание экономики 55
 здесьиздат 133
 зелёная зона 118
 зелёнка 118
 зелёный 201
 земля 49
 земство 68
 злокачественная опухоль 53
 змея коварства 56
 змея воспоминаний 56
 змея зависти 56
 змея клеветы 57
 змея ревности 57
 змея тоски 57
 змея тоталитарного режима 58
 знаменосец 134
 золото волос 56
 зомби 149, 157
 зондаж 54
 зэк (из: з/к — заключенный) 407
 зэк (из: заключенный каналармеец) 402
 зюгановец 99
 идеологизация экономики 170
 идеологический бульдозер 47
 ператизм 157
 известный 389, 400—401
 изделие 393, 399, 401
 изменник 419
 икономас 72, 87
 иллюминация 407

- иметь допуск 399
имидж 125, 145, 150
имиджевый 125
империя 71
импичмент 155
импотенция 53
импресарио 151
инаугурация 155
инвестиция 155, 195
инвестор 145
индексация 218—220
индоссамент 216
инжиниринг 175, 199
инсталляция 150
инструмент 390
интернационалист 34, 395
интерфейс 145
интимная связь 390
интимные отношения 385, 390
интимные услуги 397
инфляция 94, 172, 194, 219, 227
информатизация 107
информатор 392
инъекция 53
ипотека 175, 194, 198
ипрангейт 133, 155
исповедь 72
исполнитель 400
история 417
история болезни 52—53
италолобие 134
иудокommунизм 421, 422
йети 152
кабаковщина (от фам. Кабаков) 101
кабарé 155
кабинет министров 144
кабинеты власти 48
казарменный коммунизм 163
казармы 48, 55
казармы застоя 48
казахизация 130
казино 155
какать 385
камертон 404
канти 146
канти-мюзик 146
канцер 146, 402
капитал 172, 191
капитализация 107, 215
капитализм 409
капээсник (от КПСС) 104
катаклизм 157
квазиавторитет 115
квазибожественный 116
квазиденьги 115—116
квазиисторический 116
квазикоалиция 116
квазиофис 116
квазипартия 116
квазипереворот 116
квазиреформа 115
квазирусский 414
квазирынок 95, 115
квазирыночный 95
квартира 48
КГБ 392, 407
КЕДР 120
киднэпинг 160
киднэппинг 156, 160
киднэппинг 160
кикбоксер 145
кикбоксинг 145
киллер 150, 157
киносексопатолог 400
кинотусовка 98
киргизизация 130
китаемания 134
клетка 52
климакс 53
клинтономияка 100
клиринг 145, 155, 175, 198
князь 70
князь лжи 58—59
князь тьмы 58
кока-колониизация 108
колбаса 390
колбаска 407
коляки 405
коллапс 54
коллективный Распутин 419
колымага 55
кольцо 190
комиссионер 196
комиссия 196, 204
комитент 196, 204
коммерсант 37, 185
коммунизм 61, 147
коммунист 60—61

- коммунистическая гидра 58
 коммунофашизм 421
 комок 106
 компетентные органы 392
 комплексы 397
 компьютер 145
 компьютеризация 107
 компьютеризировать 127
 компьютерное обеспечение 124
 компьютеромания 134
 компьютерщик 105
 конверсия 154
 конец 390
 конкуренция 37
 консалтинг 153, 175, 176, 194, 199
 консенсус 42, 145
 контрагент 202
 контраргумент 113
 контрвыступление 113
 контрдемонстрация 112—113
 контрконцепция 113
 контрлозунг 113
 контрмарш 113
 контрмера 113
 контрмитинг 113
 контролёр 392, 400
 контрпродуктивный 140
 контрреформа 113—114
 контрэкспертиза 114
 конфронтация 42, 398, 402
 концерн 182, 183
 кончина 390
 коячить 385
 конь страха 57
 кооперативщик 103
 кооператор 103, 168
 кооператорщик 103
 копия 390
 копулятивное общение 402
 корабль 49—51
 корабль реформ 49, 51, 55
 коридоры 48
 коридоры власти 48
 космодромщик 107
 котировка 125, 173
 котировочный 125
 краповые берёты 60
 красная шапочка 60
 красные берёты 60
- красный фашизм 421
 кредит 180, 209, 210
 кредитор 182
 кризис 227
 криминал 156
 криминализация 107
 криминогенный 154
 кротовишность (от кротовый) 134
 крупье 155
 крутизна 97
 крутить 200, 201
 крутя 97
 крутяк 97
 круто 97
 крутой 94, 97, 161
 крученость 97
 крыша 48, 64
 крыша поехала 403
 крючковизм (от фам. Крючков) 134
 крушон реформ 59
 ксерить 127
 ксерокопировать 127
 куда следует 35
 купля-продажа 180, 192, 203
 купон 187
 купюра 187
 курва 388
 куриная слепота 52
 курица славы 57
 курорт 404
 КЭДР (ср. КЕДР) 120
 ламбада 146
 ЛДПРовец 104
 левак 63
 леветь 62
 левизна 63
 левый 60, 62—63
 леггенсы 160
 леггинсы 148
 легенсы 160
 легинсы 160
 лежачий (город и т. п.) 175, 201, 223
 лекарство 52, 54
 ленинец 99
 лениниана 28, 101
 ленинщина 101
 лестница 48—49
 лестницы национальной вражды 48
 летальный исход 54, 390

- лететь 51
 лениниана 28
 лжеакадемизм 116
 лжекоалиция 116
 лжепредприниматель 116
 лжерифма 116
 лжесенсация 116
 либерализация 394, 402
 либерализация цен 193, 394, 402
 лизинг 145, 175, 194, 199, 207
 лизингодатель 207
 лизингополучатель 207
 ликвидатор 37—38
 ликвидация 407
 лимон 201
 липси 146
 литавры 404
 лицей 68
 лицензиар 196
 лицензиат 196
 лицензия 196
 лицо армянской/узбекской/
 кавказской национальности 396
 личностное начало 167
 личный спонсор 397
 лишенец 64, 69
 лобби 91, 94, 96, 139, 155
 лоббизм 96, 139
 лоббирование 96
 лоббировать 96
 лоббист 96
 лодка 50—51
 локомотив 49
 лоханка 390
 лохмущка 390
 лужковские (от фам. Лужков) 103
 лукьяно-язовианство (от фам.
 Лукьянов, Язов) 134
 льготник 104
 люмпенизация 107
 мавродиевцы 28
 мавродизация 28
 мавродики 28, 103, 188
 МАДИ 124
 макашовец (от фам. Макашов) 94
 маклер 173, 174, 185, 198
 малокровие 53—54
 маркетинг 145, 175, 194
 маркетинговые исследования 124
 мастодонт 59
 мафиози 155
 мафия 154, 155
 машина 49
 маяк 39
 маяк производства 39
 маяковско- и лилябриковед 134
 МГБ (ср. КГБ) 392
 медведь 190
 медведь ревности 56—57, 59
 межнациональный 117
 межрайонный 117
 межреспубликанский 117
 межфракционный 117
 мелодия 405
 мена 180, 204, 205
 менеджер 175, 185
 менеджмент 175
 метастаз 54
 механизмы власти 125
 меценат 69, 157
 микроб 52
 милитаризация 109
 милитаризировать 109
 миллионер 37
 милосердие 73—79
 милостыня 78
 миротворческая акция 398
 МИФ (Московский инвестиционный
 фонд) 121
 молиться 72
 монетаризм 145, 155, 158
 монитор 156
 Морозовка 119
 мочалка 390
 мученик 70
 мэр 69—70
 мягко говоря 405
 на распутье 51
 навар 200, 201
 надзиратель 392, 400
 надлежащий 389, 400
 надстройка 172
 надхватничество 134
 наезд 201
 нанв 132
 найвщик 132
 найкрутейший 97
 наем 196, 208

- наймода́тель 182, 193, 196, 208
 накру́тка 200
 нал 119, 201
 налево́ 62
 налѣчка 119
 налѣчные де́нги 119
 наима́тель 182, 193, 196, 208
 направо́ 62
 нап́ряже́нка 119
 напяли́вать замо́рский кафта́н 424
 нардѐп 122
 нардѐповский 126
 наркоб́изнес 154
 нарко́з 52
 наркомáния 154, 155
 наро́д 417
 наро́дный депутáт 122
 наро́дный трибуна́л 416
 нару́жка 119
 насеко́мость 134
 наста́вница 397
 национа́лизм 61
 национа́лист 61
 национа́льные кварта́ры 48
 наш 419
 на́ши 136, 418—420
 на́шизм 136
 на́шист 136
 на́шистский 136
 небесспóрный 388
 невозвраще́нец 64, 105
 невезу́днóй 34, 64, 399
 негегемóн 39
 неглупы́й 388
 недо́выполнить 116
 недо́высказать 116
 недока́бинѐт 116
 недо́могáние 389
 недо́могáть 390
 недо́осво́ить 116
 недо́парламент 116
 недо́перевóрт 116
 недо́погру́зка 116
 недо́посев 116
 недо́рассчита́ть 116
 недо́рынок 95—96
 недо́слышать 391
 недо́теáтр 116
 недочелове́к 116
 незря́чий 391
 нейтрáлизовать 393
 некоренно́е населе́ние 400
 не́который 400—401
 немцо́вки 188
 необы́чный 405
 неодо́ержавник 134
 неплатѐж 194
 неподпи́сат 105
 непопуля́рные ме́ры 395
 непредска́зуемые послѐдствия 395, 398
 непро́плата 194
 непро́ходно́й 34
 нескро́мность 394
 несун 106
 нетради́ционный (нетради́ционная
 форма) 399
 неучтѐнка 119
 нефтедо́ллары 193
 никола́иана (от имени Николай II) 101
 ни́ша 48
 НКВД 392
 новообра́зование 389
 номенклату́ра 64
 номенклатурщи́к 104
 ноу-ха́у 152
 но́члежка 400
 нравственна́я холѐра 52
 нувори́шский 125—126
 НЭП 124
 обезвре́дить 393
 обле́гчить 404
 облигáция 187
 обло́мки 48
 обло́мки самовла́стия 47
 обмы́ть 404
 обнали́чить 127, 201
 обóйма 46
 обокра́сть 404
 оборо́нка 91, 118—119
 оборо́нная промышле́нность 91, 118
 оборо́нщик 105
 оборо́тень 419
 обочина́ 49
 обры́в 49, 51
 обслу́живание 392
 обще́ственное зда́ние 47—48
 обще́ство-ма́ть 190
 объеќт 393, 399, 401

- овертайм 145, 152
 ОГПУ 392
 ОГСЗ 197
 ограниченный контингент войск 395
 огурцы 393
 огурчики 407
 одаряемый 205
 одно место 401
 озвучитель 134
 оздоровление 53
 озорничать 404
 озоровать 404
 оказать услуги 397
 оккупант 395
 оккупация 395, 409
 оккуп-власти 419
 ококованный (от фам. Кокто)
 околотаидаровский (от фам.
 Гайдар) 100
 окопы партократии 47
 окультуренный 135
 олени лживых снов 57
 олимпиада 133
 омовский 125
 оносороживание 134
 оператор машинного доения 400
 оператор на бойне 400
 оператор очистных работ 400
 операция 399
 оползневик 107
 определённые круги 398
 определённый 389, 400—401
 оприходовать 404
 опухоль 53—54, 389
 организационный вопрос 394
 организм 52
 организовать что-нибудь 399
 оргпуть 134
 оргтуман 134
 ОРЗ 124
 освободить нос 389
 освобождение пен 394
 ослы терпенья 64
 особый отдел 392
 остров 47, 49
 остров тоталитаризма 47
 островок социализма 49
 ответственная работа 35
 ответственный 35
 ответственный пост 35
 отечественная продукция 118
 отёчка 118
 отксерить 127
 отл. 124
 отмазаться 384
 отраслевик 105
 отрекламировать 127
 отреставрировать 127
 отрефлексировать 127
 отрефлектировать 127
 отъехавший 405
 оферта 198, 200
 оферент 198
 официальный 77
 офшор 175, 176, 195, 200
 охунтение 93
 очко 405
 паadlo 384
 падающая женщина 388
 пай 184
 пакет предложений 158
 пакет программ 158, 160
 палач 400
 палка 390
 памятник 107
 пантусовка 98
 паралич 53—54
 парламент 94, 122, 144
 парламентарий 122
 паровоз 47, 49—51
 партийный 34
 партия 33—34
 паспортизация 107
 паства 72
 пастырь 72
 патриот 60—63
 педикулёз 146, 389, 402
 пенсия 391
 первичка 34
 первый отдел 392
 переводить стрёлки 50
 переводчик 93
 переговорник 107
 передовик 39
 перепрограммировать 128
 перепрофилировать 128
 перерегулировать 128
 перестроечник 103

- перестройка 39, 47—48, 64, 419
 переструктурировать 128
 периферия 49
 персоналка 118
 персональное дело 118
 персональный автомобиль 118
 персональный компьютер 118
 перспективная квартира 397
 перспективная семья 397
 пёс лицемерия 65
 пирамида 47, 49, 190
 пирамида тоталитарной системы 47
 писать 385
 пищевая промышленность 118
 пиццэвка 118
 ПКТ (помещение камерного типа) 402
 планктон 425
 плата за что-нибудь 397
 платить 397
 платник 104
 плейер 150
 плот 51
 плоттер 145
 плохо себя чувствовать 390
 плыть 51
 плэй-офф 145
 плюрализм 39, 42, 148, 159—160
 по очень хорошей договорённости 397
 по солидной договорённости 397
 поверенный 204
 подвалы экономики 48
 подвезти 402
 поджениться 404
 подкрученный 97
 подлец 384
 поднаём 194
 подойти 402
 поденок 384
 подписант 105
 подсесть 201
 подсказать 402
 подъехать 402
 поезд 49—51
 пожертвование 205
 позорище 70
 понять 404
 пойти на крайние меры 395, 398
 поклажедатель 206
 покупатель 177, 182, 189, 193, 203
 ползти 51
 полис 198
 политбюро 411
 политический бомонд 158
 полтергейст 151
 полумеханизация 116
 полуприватизация 116
 полурынок 96
 получить допуск 399
 пользование 164, 203
 помочник 105
 помойная яма 424
 помыть 404
 поправить 399, 405
 порнобизнес 155
 порнография 155
 порнуха 155
 порнушник 155
 порятина 155
 поросёнок 424
 поручение 204
 послеавгустовский 111
 послеавчерный 111
 послеинфляционный 111
 послеприватизационный 111
 послепутчевый 93—94, 111
 послереферендумный 110—111
 послецеховый 111
 посредник 185
 поставить на вид 398—399
 поставить piston 404
 постаучерный 110—111
 постимперский 110
 посткоммунистический 110—111
 постперестроечный 110
 постперестройка 110
 постпутчевый 93
 пострадать 395
 постреферендовый 110
 постреферендумный 92, 110
 постсоветский 110—111
 постсоциалистический 110—111
 постсталинизм 110
 посттоталитаризм 110
 посттоталитарный 110—111
 потаскуха 388
 потерять больного 390
 потребление 172, 174, 180
 потребитель 193

- почтовый ящик 398
 правее 62
 праветь 62
 правизна 63
 правое дело 63
 правый 60, 62—63, 421
 предатель 419
 предать земле 390
 предложение 172, 174, 177
 предприниматель 37, 171, 185
 предупредить 398
 презентация 153, 156, 158, 199
 президент 419
 премьер 144
 премьер-министр 144
 пресс-атташе 144
 пресс-клуб 156
 пресс-конференция 144
 пресс-релиз 144
 пресс-секретарь 144
 пресс-экспресс 156
 префект 144
 прибавочный продукт 172
 приболеть 391
 прибор 390
 прибыль 170
 приватизатор 154
 приватизационный 125
 приватизация 42, 94, 107, 125,
 148, 154, 157, 194, 195, 422
 приватизированный 154
 приватизировать 42, 154
 прививка 53—54
 приглашение 395
 призыв 34
 применить санкции 398
 принтер 145
 принцип взаимности 398
 приостановить 402
 присесть 392
 приступ паранойи 55
 захватизатор 107, 154
 захватизация 154, 422
 прихрамывать 391, 402
 проамериканский 114
 пробойкотировать 127—128
 пробуксовать 127
 провалиться 201
 продавец 177, 182, 189, 203
 продукт 189, 393, 399, 401
 продюсер 151
 проельцинский 99, 114
 прозападный 114
 производство 172, 174, 180
 проинструировать 128
 проинфляционный 114
 проказа 52
 прокат 207
 прокомментировать 127—128
 прокоммунистический 114
 пролоббировать 96, 127
 промосковский 114
 промоутер 151
 пропасть 49, 51
 проправительственный 114
 пропрезидентский 114
 прореформаторский 114
 прореформистский 115
 пророссийский 114
 прорумынский 114
 проститутка 155
 проституция 155
 простомариец 11
 протравство 49
 протестировать 127
 профашистский 114
 профбонзы 123
 профинансировать 127—128
 профсоюзник 104
 профсоюзный
 псевдоавиакомпания 115
 псевдоакадемизм 116
 псевдобуржуазия 115
 псевдогерой 115
 псевдодемократический 115
 псевдодемократ 115
 псевдодемократия 115
 псевдоденьги 115
 псевдожизнь 115
 псевдозаговор 115
 псевдоинформационность 115
 псевдоисторический 115
 псевдокапитализм 115
 псевдокоалиция 116
 псевдоконституция 115
 псевдокультура 115
 псевдонародность 115
 псевдоофис 116

- псевдопарламент 115
 псевдопатриотизм 115
 псевдопутч 115
 псевдореволюция 115
 псевдорусский 115
 псевдорынок 95, 115
 псевдорыночник 95
 псевдорыночный 95—96
 псевдосоциализм 115
 псевдоцентрист 115
 психотерапия 53
 публичная женщина 388
 путана 154, 388
 путч 93
 путчизм 93
 путчист 93
 путчистски 93—94
 пушкиниана
 пэр 70
 пятиэтажка 118
 радийщик 105
 радикал 63
 разборка 94
 разбюрокративание 113
 развалины идеологии 47—48
 разгосударствление 113
 разрядка 39—40, 64
 райская птица удачи 57
 рак 52, 402
 раковая опухоль 54
 рана 52
 раскачивать лодку 50
 расконсервирование 113
 расконспирация 113
 раскрестьянивание 113
 раскулачивание 42, 113
 раскулачить 42
 распоряжение 164, 203
 раунд 39—40
 рапидовщина 101
 реанимация 53—55
 реанимация российской
 экономики 158
 реанимировать 54, 55
 ревальвация 194
 регионализация 107
 регулирование 395
 редистрибуция 163—167
 резина 405
 рейганизм 91, 101
 рейганомика 100
 рейтинг 125, 158
 рейтинг вражья 158
 рейтинг политика/шахматиста 158
 рейтинговый 125—126
 рекламодатель 193, 206
 рельсы 49—51
 ремейк 151
 рерихнутый 136
 рерихнуться (от Рерих +
 рехнуться) 136
 реституция 175
 ретро 157
 ретро-пляжер 156
 референдум 92, 110, 154
 референдумный 125
 реформа 154, 419
 реформировать 154
 рецепт 53
 римейк 145, 151
 ритуальные услуги 390
 риэлтор 175, 176, 185, 200
 рок-тусовка 98
 россиянок 133
 рублевизация 109
 руины 48
 руины системы 48
 руководящий стакан 424
 рукопашка 119
 русскость 130
 русскоязычные писатели 396
 рудкист (от фам. Рудкой) 99
 Рыбкин-Килькин (от фам.
 Рыбкин) 423
 рынок 94, 95—96, 163, 167, 171,
 177—180, 232, 419
 рыночная экономика 95
 рыночник 95, 103
 рыночно 95
 рыночные отношения 95
 рыночный 95
 рывины 49
 ракет 154, 201
 ракетёр 154
 рязанщина 133
 с колёс 201
 с привётом 403
 самяздат 133

- саммит 145, 152
самовывоз 201
самосвал 405
сани 51
санкции 398
сановник 70
сантабарбарец 11
саранча 425
сатанизация 108
сахарада 133
сверхактивный 117
сверхдержава 71
сверхкорректный 117
сверхмилитаризованный 117
сверхнадежный 117
сверхпозитивный 117
сверхпрофессиональный 117
сверхсуперфестиваль 117
сверхценный 117
свинарник 424
свинья 425
свободные цены 394
свободный 394
сволочь 384
связь 385
сделать оргвыводы 394
саладон 402
сер-реализм 136
сигнал 35, 401
сигнализировать 35
силовик 105
синеглазка 405
синкопа 404—405
синусоида 405
сионист 414
сканер 160
сканнер 160
скважина 390
скейтборд 145
ски-стрим 145
склероз 54
скоординировать 127
скотч 149
скоч 149
скейтборд 149
слабослышащий 391
сладкая парочка 11
слаксы 148, 153
слева 62
слоны раздумья 64
смертная казнь
смерть 390
смута 70
смутное время 424
СНГ 123
СНГовский 125
СНГовия 123
СНГэшник 104
снятие сливок 190
собаки 425
собаки секретного желанья 57
собственник 37
собственность 164, 165, 203
сова благоразумия 57
совдеповский 125
совершить половой акт 404
советолог 36—37
советская власть 407
совковый 106
совок 81, 88, 94, 106
совокупление 402
Совраска (Советская Россия) 121
совсем плохой 390
содоносчик 118
сойти с рельсов 51
соорганизатор 118
соответствующие инстанции 398
соответствующий 400
сопляжник 118
сопредседатель 118
соревноваться 35
сортир 404
соруководитель 118
Софья Власьевна (советская
власть) 407
сохранять напряжённость
социализация 107
соцпартия 122
сопореализм 136
Союз 419
спакетировать 127
спать с кем-либо 385
СПБ 124
СПб 124
спекуляция 419
спецакция 393
спецбольница 64
спецзадание 392

- специальная акция 399
 специальный 389
 спецконтингент 392
 спецназовский 125
 спецотдел 392
 спецажк 64
 спецпереселенец 64
 спецполиклиника 392
 спецраспределение 392
 спецсектор 392
 спецхран 392
 спираль инфляции 218, 219
 спичрайтер 155
 спонсировать 127
 спонсор 69, 145, 151, 157, 195, 397
 спонсорство 176, 180, 181, 195, 205
 справа 62
 спрогнозировать 127
 спрос 172, 174, 177
 Средиземка (Средиземное море) 119
 срежиссировать 127
 СС (совершенно секретно) 124, 402
 ссуда 180, 210
 ссудодатель 211
 ссудополучатель 211
 стагнация души 84
 стагфляция 194
 сталиниана 101
 сталинизм 101
 сталинист 99
 сталинщина 101
 сталинщина-брежневщина 101
 старец 72
 старить 392
 старый 392
 стена 48
 степ 146
 столоначальник 70
 стоять 36
 страна 71
 страхе́йт 133
 страхование 180, 196, 211
 страхователь 182, 193, 196, 212
 страховка 196, 200
 страховой полис 191
 страховой случай 191, 212
 страховщик 182, 193, 212
 строение 48
 структуры власти 125
 стукáч 392
 субаренда 194
 субботник 36
 субкомиссия 194
 субпоставщик 194
 субсчёт 194
 суверенизация 107
 суверенитет 154
 суверенщик 103
 суворики, суворовцы 187
 суд чести 416—417
 сука 384
 супербандюга 117
 супервыборы 117
 супердвигатель 117
 супердешёвый 117
 супердорога 118
 супердорогой 117
 суперискуситель 117
 суперкубок 118
 суперлига 118
 суперлояльный 117
 супермаз 117
 суперматч 118
 суперосторожный 117
 суперпанист 117
 суперполицейский 117
 суперпровокатор 117
 суперпрофессионал 117
 суперреформатор 117
 суперсборная 118
 суперскандал 117
 суперсредство 117
 супертуннель 117
 суперфантастический 117
 суперфилософ 117
 суперцена 117
 супершпион 117
 супер ЭВМ 117
 супер-«Боинг» 118
 супрефект 144
 сырьевик 107
 сюрный (от фр. Sur-) 135
 сюрреализм 136
 таблоид 152
 тайга 405
 тайм-чартер 192
 тайм-шит 192
 такое 401

- гамбовщина 133
 тамиздат 133
 гаракавы 425
 телевизионный марафон 158
 телёга 51
 телёга жизни 50
 телефакс 149
 температура 53
 тендер 175, 198
 тeneвик 186
 терминатор 132
 тетчеризм 91, 101
 тиф 52
 товар 172, 189, 203
 товарищество 184
 товарник 103
 товары повышенного спроса 395, 399
 ток-шоу 146
 толстосум 69
 ТОО 184, 196
 топ-модель 146
 торг 166, 167
 торги 180
 торговля 180
 гороповизм 134
 тоталитаризм 47
 тоталитарная система 47
 тошнилровка 119
 грава 405
 травка 405
 транснациональный 117
 транспартийный 117
 транссексуал 149
 трансферт 199
 трахать 385
 грахаться 385
 третьмиризация 109, 132
 третьмирный 132
 третьмирство 132
 третья мировая война 424
 треугольник 34
 триллер 145
 тройка 34, 63
 тромб 53
 тундра 405
 гуркменизация 130
 тусня 82, 98
 тусоваться 97—98
 тусовка 81—82, 94, 97—98
 тусовочка 98
 тусовщик 82, 98
 тусовщица 98
 тюрьма 48
 удав преступности 58
 узбекизация 130
 уйти (проводить) на заслуженный
 отдых/покой 391
 указать 398—399
 украинизация 108
 ультраыночный 95
 умереть 390
 универсиада 133
 уотергейт 133, 155
 упорядочение 394—395
 упорядочение пен 394—395, 405
 установка 35
 устроить что-нибудь 399
 уторговывание цены 166
 ухабы 49, 51
 уходить 390
 учредилровка (Учредительное
 собрание) 119
 учреждение 392, 401, 407
 учреждение закрытого типа 399
 фазенда 11
 файл 145
 файтер 145
 факс 149
 факсануть 127
 факсить 127
 факторинг 199
 фанат 82
 фашизация 108
 фашизм 421
 фермеризация 107
 фигурально выражаясь 405
 фиданн 157
 физическая близость 390
 физическое устранение 393
 финансовый лизинг 207, 208
 фирма 173, 182
 флагоносец 134
 ФНПР 123
 ФНС 123
 фобии 155
 фольклорщина 134
 фондový рынок 179
 ФПГ 183

- французский насморк 390
 франчайзинг 176
 фрахтователь 193
 фрахтовщик 193
 фристайл
 ФСК 392
 фудстэмп 104
 фудстэмпщик 104
 фундамент 64
 функционер 38—39, 70
 фурия 58
 фьючерсный (кредит) 145
 фэнэпэровский (от ФНПР) 123
 фэнэсовец (от ФНС) 123
 хайджекер 152
 хайринг 199, 207
 характеристика 35
 хасбулатовец (от фам. Хасбулатов) 100
 хасбулатовщина 101
 хворать 390
 хепенинг 156
 хилеры 155
 хирургия 52
 хит 146
 хит-парад 156
 хищники 425
 хозяйство 393
 холдинг 176, 183
 холёра 52
 хор. 124
 хоспис 149, 153
 храм 48
 храм науки 72
 храм свободы 48
 хранение 180, 206
 хранитель 206
 хунта 42, 93
 хунтарь 93
 царь 70
 ЦБ 123
 целибат 156
 цена 125, 172, 177
 цена "успокаивающая" 190
 цена эластичная 190
 ценные бумаги 187, 188
 ценовая политика 126
 ценовой 91, 126
 ценовой механизм 126
 ценовые реформы 126
 цеховик 172, 186
 цумовский 125
 цэбэшный (от ЦБ) 123
 частник 37
 чейндж 201
 чеккист 93
 чекодатель 193
 чекодержатель 193
 челобитная 70
 человеколюбие 134
 чепист (от ЧП) 93
 Чепчиков (от фам. Шапошников) 423
 черви 425
 чернобылизация 108
 чёрные береты 60
 чёрный вал 201
 черныга 405
 чёрт гиперинфляции 58
 чеченец 34
 чин 70
 ЧК 93, 392
 член партии 34
 ЧП 93
 чрезвычайка 93
 чрезвычайщик 93
 что-нибудь 401
 чубайсить (от фам. Чубайс) 423
 чубаучер (от фам. Чубайс +
 ваучер) 102, 422
 чужая разведка 419
 шалить 404
 шариковщина (от фам. Шариков) 101
 ШАРМ 120
 шахраить (от фам. Шахрай) 423
 шестёрка 119
 шизик 403
 шлюха 388
 шокотерапия 53—54
 шоп 153
 шоп-тур 144
 шоу 146, 156
 шоумен 146
 шоу-бизнес 146
 шприц 54, 405
 Шубейкомыш (от фам. Шумейко) 423
 щитовая реклама 124
 этаназия 149
 эвээмщик (от ЭВМ) 105
 экологический 85—87

- экология 85—87, 88, 154
экономика 177
эксклюзив 156
эксклюзивное интервью 144, 153
эксклюзивный 144, 153
экспо-курьер 156
экспресс-камера 156
экспроприация 407
экстракорпоральное
 оплодотворение 155
электорат 145, 152, 160
электровибратор 405
электронизация 107
эмиссия 175, 185
эпицентр 156
эстонизация 108
эсэньговский (от СНГ) 123
эсэньговые (от СНГ) 123
этаж 48—49
- этажи тоталитаризма 48
этническая чистка 400
это 401
это дело 401—402
юзер 147
юридическое лицо 234
ЯБЛоко 121
Яблоко 121
язва 52
яички 404, 407
яйца 404, 407
яма 190, 419
янаевгейт (от фам. Янаев) 93
янаец (от фам. Янаев) 93
янквизация 108
японка 119
ястребы 425
ящерица тщеславия 57
ящик 393, 399